Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Научно-образовательный Центр антиковедения ЯрГУ

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ярославль 2011

От составителей

Данное пособие является хрестоматией, предназначенной для подготовки студентов к коллоквиумам по истории древнего мира (Греция и Рим). Материал хрестоматии распределен по 10 темам, вынесенным на самостоятельное изучение. Внутри каждой темы выдержки из произведений античных авторов сгруппированы по вопросам, в конце тематических разделов приведены списки доступной научной литературы.

Темы выбраны в соответствии с планом проведения коллоквиумов и методическими указаниями по подготовке к ним для студентов I курса: Самостоятельное изучение тем по истории древнего мира. Греция и Рим: Методические указания по подготовке к коллоквиумам для студентов I курса / Сост. В.В. Дементьева; Ярославский гос. университет им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2007. 26 с.

В хрестоматии дана небольшая подборка переводов источников по указанным темам. Тексты приведены в сокращенном виде, но подобранные тематически они помогут целенаправленной подготовке к собеседованию с преподавателем. Упоминания о важнейших местах и персоналиях выделены жирным шрифтом, на них следует обратить особое внимание. С полными публикациями источников в их переводах на русский язык можно ознакомиться в Научно-образовательном Центре антиковедения ЯрГУ.

Е.С. Данилов, О.Г. Цымбал

ЧАСТЬ II

РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Тема 5

ЗАВОЕВАНИЕ РИМОМ ИТАЛИИ

1. Борьба римлян с этрусками после изгнания Тарквиниев

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга II. Пер. Н.А. Поздняковой.

6. (1) …**Тарквиний**, раздосадованный обманувшею надеждою и пылая гневом и ненавистью, понял, что его коварству путь загражден, и задумал открытую войну. Он пошел просителем по городам Этрурии, (2) особенно взывая к вейянам и тарквинийцам, чтобы не дали они ему, человеку одного с ними происхождения, одной крови, исторгнутому из такого царства, ввергнутому в нищету, погибнуть на их глазах вместе с юными еще детьми. Других из чужой земли в Рим приглашали на царство, а его, царствовавшего, воевавшего за распространение римского могущества, преступным заговором изгнали близкие люди! (3) Они, не найдя меж собою кого-нибудь одного, достойного быть царем, расхватали по частям царскую власть, имущество царское отдали на разграбленье народу, чтобы не был никто к преступлению непричастен. Отечество свое, царство свое хочет он себе возвратить и наказать неблагодарных граждан; пусть поддержат его, пусть помогут, пусть отметят и за собственные былые обиды, за побитые не раз легионы, за отнятые земли. (4) Речи его взволновали вейян – они с грозным шумом требуют смыть позор и силой вернуть потерянное, хотя бы и под водительством римлянина. А тарквинийцев столь же волнует имя, сколь и родство: лестным кажется видеть своих царствующими в Риме. (5) И вот два войска двух городов устремляются за Тарквинием, чтобы вернуть ему царскую власть и войною покарать римский народ.

Вступив в римские земли, враги встретили обоих консулов: (6) **Валерий** вел пехоту боевым строем, а **Брут** – передовую конную разведку. Точно так же шла конница и перед вражеским войском, возглавлял ее царский сын Тарквиний Аррунт, а сам царь следовал за ним с легионами. (7) Угадав издали консула сперва по ликторам, а потом уже ближе и вернее – в лицо, Аррунт, возгоревшийся гневом, воскликнул: «Вот кто изгнал нас, исторг из отечества. Вот как важно он выступает, красуясь знаками нашей власти! Боги – мстители за царей, будьте с нами!» (8) И, пришпорив коня, мчится он прямо на консула. Брут заметил, что на него скачут. Тогда считалось почетным, чтобы вожди сами начинали сражение: (9) рвется и Брут к поединку, и столь яростна была их сшибка, что ни тот ни другой, нанося удар, не подумал себя защитить, так что оба, друг друга пронзив сквозь щиты, замертво пали с коней, насаженные на копья. Тотчас вступила в битву вся конница, за ней подоспела пехота; (10) бой шел с переменным успехом, и никто не взял верх: оба правые крыла победили, левые – отступили: (11) вейяне, привыкшие к поражениям от римлян, рассеялись и бежали; тарквинийцы же, новые нам враги, не только выстояли, но даже сами потеснили римлян.

7. (1) Хотя битва закончилась так, Тарквиния и этрусков вдруг охватил ужас, столь сильный, что, оставив затею как тщетную, оба войска, тарквинийцев и вейян, ночью разошлись по домам. (2) О битве этой рассказывают и чудеса: будто в ночной тишине из Арсийского леса раздался громовой голос, который сочли за голос Сильвана; он произнес: «У этрусков одним павшим больше: (3) победа у римлян!» Как бы то ни было римляне

оттуда ушли победителями, этруски – побежденными, ибо, когда рассвело и ни одного врага не было видно вокруг, консул Публий Валерий собрал с павших доспехи и с триумфом вернулся в Рим.

9. (1) Затем консулами стали Публий Валерий повторно и Тит Лукреций [**508 г.**]. Тарквинии тем временем бежали к Ларту **Порсене, царю Клузия**. Здесь они, мешая советы с мольбами, то просили не покидать в нищете и изгнании их, природных этрусков по крови и имени, (2) то даже заклинали не позволять, чтобы гонения на царей безнаказанно вводились в обычай. Слишком сладостна, мол, свобода: (3) если не станут цари так же бороться за свои царства, как граждане за свободу, то высшее сравняется с низшим и не останется в государствах ничего выдающегося, ничего поднимающегося над прочим; приходит конец царской власти, лучшему, что есть средь богов и людей. (4) Порсена, полагая для этрусков важным, чтобы в Риме был царь, и притом этрусского рода, двинулся на Рим с вооруженным войском. (5) Никогда прежде не бывало в сенате такого ужаса – настолько могущественным был тогда Клузий, настолько грозным имя Порсены. Боялись не только врагов, но и собственных граждан, как бы римская чернь от страха не впустила в город царей, не приняла бы мир даже на условиях рабства. (6) Поэтому сенат многое сделал тогда, чтобы угодить простому народу. Прежде всего позаботились о продовольствии: одни были посланы за хлебом к вольскам, другие – в Кумы. Затем приняли постановление о продаже соли, которая шла по непосильной цене, государство взяло на себя это дело, отобравши его у частных лиц. Плебеев освободили от пошлин и налогов: пусть платят те, у кого хватает дохода, с неимущих довольно того, что они растят своих детей. (7) Эта уступчивость сенаторов перед лицом надвигающихся невзгод, осады и голода настолько сплотила граждан, что имя царей одинаково было ненавистно высшим и низшим (8) и никто никогда потом никакими хитростями не мог склонить к себе народ так, как в ту пору сенат своей распорядительностью.

10. (1) Когда подошли враги, все перебрались с полей в город, а вокруг него выставили стражу. (2) Защищенный с одной стороны валом, с другой – Тибром, город казался в безопасности. Только Свайный мост чуть было не стал дорогою для врага, если бы не один человек – **Гораций Коклес**; в нем нашло оплот в этот день счастье города Рима. (3) Стоя в карауле у моста, он увидел, как внезапным натиском был взят Яникульский холм, как оттуда враги бегом понеслись вперед, а свои толпой побежали в страхе, бросив оружие и строй. Тогда, останавливая бегущих по-одиночке, (4) становится он на их пути и, людей и богом призывая в свидетели, начинает объяснять, что бессмысленно так бежать без оглядки; ведь если они, перейдя через мост, оставят его за спиною, то сразу же на Палатине и на Капитолии будет еще больше врагов, чем на Яникуле. Потому-то он просит, приказывает им разрушить мост огнем ли железом ли, чем угодно; а сам он примет на себя натиск врагов и в одиночку будет держаться, сколько сумеет.

(5) И вот он вышел один к началу моста, хорошо заметный среди показавших врагам свои спины, его оружие было изготовлено к рукопашной, и самой этой невероятной отвагой он ошеломил неприятеля. (6) Двоих еще удержало с ним рядом чувство стыда: Спурия Ларция и Тита Герминия, известных знатностью и подвигами. (7) С ними отразил он первую бурю натиска и самый мятежный порыв схватки; а когда от моста оставалась уже малая часть, он и их отослал на зов разрушавших в безопасное место. (8) Грозный, свирепо обводя взглядом знатнейших этрусков, он то вызывает их поодиночке на бой, то громко бранит всех разом: рабы надменных царей, не пекущиеся о собственной свободе, они ли это пришли посягать на чужую? (9) Некоторое время те медлят, оглядываясь друг на друга, кто первым начнет сражение; но потом стыд взял верх, и под громкие крики в единственного противника со всех сторон полетели дротики. (10) Все их принял он на выставленный щит и, твердо стоя, с тем же упорством удерживал мост – его уже пытались, напирая, столкнуть в реку, как вдруг треск рушащегося моста и крик римлян, возбужденных успехом своих усилий, отпугнули нападение. (11) Тогда-то воскликнул Коклес: «Отец Тиберин! Тебя смиренно молю: благосклонно прими это оружие и этого

воина!» – и как был, в доспехах, бросился в Тибр. Невредимый, под градом стрел, переплыл он к своим – таков был его подвиг, стяжавший в потомках больше славы, чем веры. (12) Столь великая доблесть была вознаграждена государством: ему поставили статую на Комиции, а земли дали столько, сколько можно опахать плугом за день. (13) С общественными почестями соперничало усердие частных лиц; сколь ни скудно жилось, каждый сообразно с достатком принес ему что-нибудь от себя, урывая из необходимого.

11. (1) Порсена, отраженный в своем первом натиске, принял решение перейти от приступа к осаде: выставил стражу на Яникуле, а лагерь расположил на равнинном берегу Тибра, собрав к нему отовсюду суда и для надзора, (2) чтобы не было в Рим подвоза продовольствия, и для грабежа, чтобы воины могли переправляться при случае где угодно. (3) Скоро римские окрестности стали так небезопасны, что, не говоря о прочем, даже скот из окрестностей сгоняли в город, не решаясь пасти его за воротами. (4) Впрочем, такую волю этрускам римляне предоставили не столько из страха, сколько с умыслом, ибо консул Валерий, ожидая случая внезапно напасть на врагов, когда они будут и многочисленны и рассеяны, не заботился мстить по мелочам и готовил удар более грозный. (5) Чтобы заманить грабителей, он приказал своим выгнать на следующий день большое стадо через Эсквилинские ворота, самые удаленные от противника, в расчете на то, что враги узнают об этом заранее от неверных рабов, перебегавших к ним из-за осады и голода.

(6) Действительно, по доносу перебежчиков неприятели, в надежде на богатую добычу, переправились через реку в большем, чем обычно, числе. (7) Тогда Публий Валерий приказывает Титу Герминию с небольшим отрядом до поры засесть в засаду у второго камня по Габийской дороге, а Спурию Ларцию – с вооруженным отрядом молодежи стать у Коллинских ворот, ожидая врагов, чтобы отрезать им путь к отступлению. (8) Второй консул, Тит Лукреций, с несколькими манипулами воинов выступил к Невиевым воротам, сам Валерий вывел отборные когорты к Целиеву холму – (9) его-то первым и обнаружили враги. Услышав, что схватка началась, Герминий налетает из засады и, повернув врагов на Лукреция, бьет их с тыла; справа, слева от Коллинских ворот, от Невиевых слышны крикии: (10) так, окруженные, были перебиты грабители, не имевшие ни сил для боя, ни путей к отступлению. Так был положен конец далеким вылазкам этрусков.

12. (1) Осада тем не менее продолжалась, продовольствие скудело и дорожало, (2) и Порсена уже надеялся взять город не сходя с места, когда объявился знатный юноша **Гай Муций**, которому показалось обидным, что римский народ, ни в какой войне ни от каких врагов не знавший осады, даже в те времена, когда рабски служил царям, (3) ныне, уже свободный, осажден этрусками, столько раз уже им битыми. И вот, решившись смыть этот позор каким-нибудь отчаянным поступком невероятной дерзости, он замыслил проникнуть в неприятельский лагерь. (4) Однако из опасения, что, пойдя без ведома консулов и втайне от всех, он может быть схвачен римскою стражею как перебежчик, Муций явился в сенат. (5) «Решился я, отцы-сенаторы,– сказал он,– переплыть Тибр и, если удастся, проникнуть во вражеский лагерь; не грабить, не мстить за разбой, – нечто большее замыслил я совершить, если помогут боги». Сенаторы одобряют. И он удаляется, скрыв под одеждою меч.

(6) Придя в лагерь, попал он в густую толпу народа перед царским местом. (7) Там как раз выдавали жалованье войскам и писец, сидевший рядом с царем почти в таком же наряде, был очень занят, и воины к нему шли толпою. Боясь спросить, который из двух Порсена, чтобы не выдать себя незнаньем царя, он делает то, к чему толкнул его случай, – вместо царя убивает писца. (8) Прорубаясь оттуда окровавленным мечом сквозь смятенную толпу, в шуме и давке, он был схвачен царскими телохранителями, и его приволокли к царю. Здесь, перед возвышением, даже в столь грозной доле (9) не устрашаясь, а устрашая, он объявил: «Я римский гражданин, зовут меня Гай Муций. Я вышел на тебя, как враг на врага, и готов умереть, как готов был убить: римляне умеют и действовать, и страдать с отвагою. (10) Не один я питаю к тебе такие чувства, многие за мной чередою

ждут той же чести. Итак, если угодно, готовься к недоброму: каждый час рисковать головой, встречать вооруженного врага у порога. (11) Такую войну объявляем тебе мы, римские юноши; не бойся войска, не бойся битвы, – будешь ты с каждым один на один».
(12) Когда царь, горя гневом и страшась опасности, велел вокруг развести костры, суля ему пытку, если он не признается тут же, что скрывается за его темной угрозой, (13) сказал ему Муций: «Знай же, сколь мало ценят плоть те, кто чает великой славы!» – и неспешно положил правую руку в огонь, возжженный на жертвеннике. И он жег ее, будто ничего не чувствуя, покуда Царь, пораженный этим чудом, не вскочил вдруг со своего места и не приказал оттащить юношу от алтаря. (14) «Отойди,– сказал он,– ты безжалостнее к себе, чем ко мне! Я велел бы почтить такую доблесть, будь она во славу моей отчизны; ныне же по праву войны отпускаю тебя на волю целым и невредимым». (15) Тогда Муций, как бы воздавая за великодушие, сказал: «Поскольку в такой чести у тебя доблесть, прими от меня в дар то, чего не мог добиться угрозами: триста лучших римских юношей, поклялись мы преследовать тебя таким способом. (16) Первый жребий был мой; а за мною последует другой, кому выпадет, и каждый придет в свой черед, пока судьба не подставит тебя удару!»
13. (1) Когда был отпущен Муций, которого потом за потерю правой руки нарекли **Сцеволой**, Порсена послал в Рим послов; (2) так потрясло его и первое покушение, от которого он уберегся лишь по ошибке убийцы, и опасность, грозящая впредь столько раз, сколько будет заговорщиков, что он сам от себя предложил римлянам условия мира. (3) Предложение возвратить Тарквиниям царскую власть было тщетным, и он сделал его лишь потому, что не мог отказать Тарквиниям, а не потому, что не предвидел отказа римлян. (4) Зато он добился возвращения вейянам захваченных земель и потребовал дать заложников, если римляне хотят, чтобы уведены были войска с Яникула. На таких условиях был заключен мир, и Порсена увел войско с Яникула и покинул римскую землю. (5) Гаю Муцию в награду за доблесть выдали сенаторы поле за Тибром, которое потом стали называть Муциевыми лугами.
(6) Такая почесть подвигла даже женщин к доблестному деянию во имя общего дела: одна из девушек-заложниц, по имени **Клелия**, воспользовавшись тем, что лагерь этрусков был расположен невдалеке от Тибра, обманула стражу и, возглавив отряд девушек, переплыла с ними реку под стрелами неприятеля, всех вернув невредимыми к близким в Рим. (7) Когда о том донесли царю, он поначалу, разгневанный, послал вестников в Рим вытребовать заложницу Клелию – остальные-де мало его заботят; (8) а затем, сменив гнев на изумление, стал говорить, что этим подвигом превзошла она Коклесов и Муциев, и объявил, что, если не выдадут заложницу, он будет считать договор нарушенным, если же выдадут, он отпустит ее к своим целой и невредимой. (9) Обе стороны сдержали слово: и римляне в соответствии с договором вернули залог мира, и у этрусского царя доблесть девушки не только осталась безнаказанной, но и была вознаграждена; царь, похвалив ее, объявил, что дарит ей часть заложников и путь выберет кого хочет. (10) Когда ей вывели всех, она, как рассказывают, выбрала несовершеннолетних; это делало честь ее целомудрию, и сами заложники согласились, что всего правильней было освободить тех, чей возраст наиболее беззащитен. (11) А по восстановлении мира небывалая женская отвага прославлена была небывалой почестью – конной статуей: в конце Священной улицы воздвигли изображение девы, восседающей на коне.
14. (1) Столь мирное отступление этрусского царя от города трудно согласовать со старинным обычаем, средь других священнодействий дожившим до наших дней, – с распродажею имущества царя Порсены. (2) Обычай этот наверняка либо возник во время войны, но не забылся и в мирное время, либо зародился при обстоятельствах более спокойных, чем те, на которые указывало бы объявление о продаже вражеского имущества. (3) Из существующих объяснений правдоподобнее то, по которому Порсена, отступая с Яникула, оставил в дар Риму, истощенному после долгой осады, богатый лагерь, полный припасов, свезенных с недалеких плодородных полей Этрурии; (4) а чтобы

народ, заполучив это добро, не разграбил его как вражеское, и было объявлено о распродаже имущества Порсены. Таким образом, название это означает скорее благодарность за услугу, чем продажу с торгов царского имущества, которое даже не было во власти римского народа.
(5) Прекратив войну с римлянами, Порсена, чтобы не казалось, будто он привел сюда войско понапрасну, послал своего сына Аррунта с частью войск осадить Арицию. (6) Арицийцы поначалу пришли в замешательство от неожиданности, но затем, получив помощь от латинских племен из Кум, настолько воспряли духом, что решились на сражение. Начался бой таким ударом этрусков, что арицийцы бросились врассыпную, (7) но куманские когорты, употребив против силы искусство, несколько отошли в сторону, пропустивши врагов, пронесшихся мимо, а затем, поворотив знамена, напали на них с тыла. Так этруски, уже почти победители, были окружены и перебиты. (8) Лишь очень немногие, потеряв полководца и не найдя никакого пристанища ближе, добрались до Рима; безоружные, пришедшие как просители, они были радушно приняты и распределены по домам. (9) Залечив раны, одни отправились домой, рассказывая о гостеприимстве благодетелей, а многие из любви к приютившему их городу остались в Риме. Им было предоставлено место для поселения, которое потом назвали Этрусским кварталом.
15. (1) Затем Спурий Ларций и Тит Герминий стали консулами, за ними – Публий Лукреций и Публий Валерий Публикола [**507—506 гг.**]. В том году в последний раз пришли послы от Порсены хлопотать о возвращении Тарквиниев на царство. Им сказано было, что сенат отправит к царю своих послов, и тотчас были посланы почтеннейшие из сенаторов. (2) Не потому, что не могли ответить кратко, что царей не примут, предпочли послать к Порсене выбранных сенаторов, не давая его послам ответ в Риме; сделано было так для того, чтобы навечно покончить с разговором об этом деле и не бередить сердец после стольких взаимных благодеяний, ибо просил царь о том, что противно свободе римского народа, и римляне, если сами своей погибели не хотели, должны были отказать тому, кому ни в чем отказать не желали бы. (3) Не во власти царей, но во власти свободы находится римский народ; уже решено, что скорее врагам, нежели царям, распахнут они ворота; конец свободы в их Городе будет и концом Города – таков общий глас. (4) Посему и просят они, если хочет царь благополучия Риму, пусть позволит им остаться свободными. (5) Царь, покоренный их почтительностью, ответил: «Если это столь твердо и непреложно, то не стану я более докучать напрасными просьбами и обманывать Тарквиниев надеждой на помощь, которую не могу оказать. Для мира или для войны, пусть ищет он пристанища в другом месте, чтобы не нарушать моего с вами согласия». (6) Слово свое подкрепил он делом еще более дружественным: вернул остававшихся у него заложников и возвратил земли вейян, отнятые им по договору, заключенному при Яникульском холме. (7) Лишась всякой надежды на возвращение, Тарквиний отправился изгнанником в Тускул к зятю своему Мамилию Октавию, а у римлян с Порсеною установился прочный мир.

2. I Латинская война (499-493 гг.)

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга II. Пер. Н.А. Поздняковой.

19. (1) Консулы Сервий Сульпиций и Маний Туллий [500 г.]; ничего достопамятного не сделано. За ними Тит Эбуций и Гай Ветусий [**499 г.**]. (2) В их консульство Фидены осаждены, Крустумерия взята, Пренеста перешла от латинов к римлянам. Нельзя было дольше откладывать латинскую войну, исподволь тлевшую уже несколько лет. (3) Диктатор **Авл Постумий** и начальник конницы **Тит Эбуций** выступили с большими пешими и конными силами и у **Регилльского озера** в тускуланской земле встретили войско неприятеля; (4) услышав же, что в латинском войске были Тарквинии, не могли

сдержать гнева и тотчас начали сражение. (5) Оттого эта битва была тяжелей и жесточе других. Не только распоряжаясь, вожди заправляли делом, но и сами бились врукопашную, смешиваясь с другими воинами, и почти никто из знатных, кроме римского диктатора, ни свой, ни чужой, не вышел из боя непораненным. (6) На Постумия, что ободрял и выстраивал воинов в первом ряду, направил коня Тарквиний Гордый, уже отяжелевший с годами и силой врагу уступавший; он был поражен в бок, и свои, подбежав, увели его в безопасное место. (7) И на другом крыле начальник конницы Эбуций бросился на Октавия Мамилия, но не застал тускуланского вождя врасплох, и тот, обратившись к нему, пришпорил коня. (8) Враги налетели друг на друга с копьями наперевес, и удар был так силен, что Эбуцию пробило руку, Мамилия ранило в грудь. (9) Он отступил во второй ряд латинов, Эбуций же, чья поврежденная рука не могла удержать дротика, ушел с поля боя. (10) Латинский вождь, ничуть не устрашенный раною, хочет разжечь битву и, увидев, что воины его отступают, призывает колонну римских изгнанников во главе с сыном Луция Тарквиния. И эти, сражаясь с великой злобой за отобранное добро и родину отнятую, на время взяли верх в битве.

20. (1) И уже отступали тут римляне, когда Марк, брат Валерия Публиколы, заметил пылкого молодого Тарквиния, величавшегося в первом ряду изгнанников, (2) и, воспламенясь славою своего дома, захотел умножить честь изгнания царей честью их уничтожения; пришпорив коня, он направил оружие навстречу Тарквинию. (3) Видя устремленного на него врага, Тарквиний отступает в свои ряды, а Валерия, опрометчиво въехавшего в строй изгнанников, кто-то из них пронзает, подоспев сбоку; конь продолжает бег, умирающий римлянин соскальзывает на землю, а оружие падает на его тело. (4) Диктатор Постумий, видя, что такой муж погиб, что изгнанники стремительно напирают, а собственные его воины отступают под ударами, (5) дает приказ отборной когорте, состоявшей при нем для охраны: считать врагом всякого, покинувшего строй. Двойной страх удержал римлян от бегства; они поворачивают на врага и восстанавливают ряды. (6) Когорта диктатора первой вступает в бой; ударив со свежими силами и отвагою, рубят они обессилевших изгнанников.

(7) Тогда произошел другой поединок между предводителями. Латинский полководец, увидев когорту изгнанников почти окруженной воинами римского диктатора, поспешно ввел в первые ряды несколько вспомогательных манипулов. (8) Их передвижение заметил легат Тит Герминий, среди прочих по приметной одежде и доспехам он узнал Мамилия и с еще большим неистовством, чем прежде начальник конницы, кинулся на вражеского вождя, (9) с одного удара пронзил и убил Мамилия, сам же, снимая доспехи с вражеского тела, был поражен копьем; победивший, он был перенесен в лагерь и, как только начали его перевязывать, скончался. (10) Тогда диктатор подлетает к всадникам, умоляя их спешиться и принять на себя бой, потому что пехота уже обессилела. Те повинуются, соскакивают с коней, выбегают в первые ряды и прикрывают передовых щитами. (11) Тотчас воодушевляются полки пехотинцев, видя, что знатнейшие юноши сражаются наравне с ними, подвергаясь такой же опасности, чтобы преследовать неприятеля. Тут-то и дрогнули латины, подавшись под ударами: (12) всадникам подвели коней, а за ними последовали пехотинцы. Тогда, говорят, диктатор, уповая и на божественные и на человеческие силы, дал обет посвятить храм Кастору и объявил награду тому, кто первым, и тому, кто вторым ворвется в неприятельский лагерь. (13) Столь велико было воодушевление, что единым напором римляне погнали врага и овладели лагерем. Такова была битва у Регилльского озера. Диктатор и начальник конницы вернулись в город триумфаторами.

21. (1) Три года подряд не было потом ни прочного мира, ни войны [**498—495 гг.**]. Консулами были Квинт Клелий и Тит Ларций, затем Авл Семпроний и Марк Минуций. (2) В их консульство освящен храм Сатурна и учрежден праздник Сатурналий. (3) Потом консулами стали Авл Постумий и Тит Вергиний. У некоторых авторов я нахожу, что только в этом году было сражение у Регилльского озера и что Авл Постумий,

усомнившись в товарище, отказался от консульства, а затем был назначен диктатором. (4) Такие ошибки в отсчете времени запутывают дело: у разных авторов – разный порядок должностных лиц, так что трудно разобраться, какой за каким следовал консул и что в каком году было, – дела эти давние и писатели древние.
(5) Потом консулами стали Аппий Клавдий и Публий Сервилий [**495 г.**]. Тот год ознаменован известием о смерти Тарквиния. Скончался он в Кумах, куда после разгрома латинов удалился к тирану Аристодему. (6) При этом известии воспрянули духом патриции, воспрянули и плебеи. Но патриции в радости стали вести себя опрометчиво: до сих пор все усердно угождали плебеям, а теперь власть имущие начинают чинить им обиды. (7) В том же году поселение Сигния, выведенное еще при царе Тарквинии, было пополнено новыми поселенцами и основано заново. В Риме теперь насчитывалась 21 триба. В майские иды освятили храм Меркурия.
22. (1) С племенем вольсков во время латинской войны не было ни войны, ни мира; вольски, однако, уже приготовили отряды и послали бы их на помощь латинам, не упреди их римский диктатор; а торопились римляне, чтобы не воевать разом и с латинами и с вольсками. (2) Раздраженные всем этим, консулы двинули легионы в землю вольсков. Вольски, не ждавшие возмездия за одни только замыслы, застигнуты были врасплох; не помышляя о сопротивлении, они дают в заложники триста детей из знатнейших семейств Коры и Помеции. Так легионы были отведены без боя. (3) Но немного спустя вольски, оправившиеся от страха, вновь принялись за прежнее; опять они тайно готовят войну, вступают в военный союз с герниками (4) и повсюду рассылают послов, чтобы поднять на борьбу Лаций. Однако недавнее поражение при Регилльском озере настолько исполнило латинов гневом и ненавистью к любому подстрекателю войны, что они не остановились даже перед оскорблением послов: схватили вольсков и отправили в Рим, а там выдали их консулам и доложили, что вольски и герники готовят войну против римлян. (5) За это сообщение сенаторы были так благодарны латинам, что вернули им шесть тысяч пленных и передали новым должностным лицам дело о договоре, о котором прежде не хотели и слышать. (6) Тогда латины наконец-то вздохнули свободно, миротворцев громко прославляли, в дар Юпитеру Капитолийскому послали золотой венец. Вместе с послами и этим даром явилась большая толпа бывших пленников, уже отпущенных к своим: (7) они расходятся по домам тех, у кого прежде были в услужении, благодарят за обходительное и мягкое с ними обращение в пору их несчастья, сговариваются о взаимном гостеприимстве. Никогда прежде не были столь едины Лаций и римская власть в делах как государственных, так и частных.
33. (1) [**493 г.**]…консулами стали Спурий Кассий и Постум Коминий. (4) При этих консулах был заключен союз с латинскими народами.

3. Возобновление конфликта с этрусками. Взятие города Вей.

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга II. Пер. Н.А. Позднякова.

43. (1) Консулами стали Квинт Фабий и Гай Юлий [**482 г.**]. В том году внутренние раздоры были не меньшими, а внешняя война более грозной. Эквы взялись за оружие, а вейяне вторглись в римскую землю и разоряли ее. (2) Эти войны внушали все больше тревог, когда консулами сделались Цезон Фабий и Спурий Фурий. Эквы осаждали Ортону, латинский город; вейяне, пресытясь уже грабежами, грозили осадой самому Риму.
44. [**480 г.**] (7) Потом консулы отправились воевать с вейянами, к которым стеклись вспомогательные отряды со всей Этрурии, – не столько из расположения к вейянам, сколько в надежде, что римское государство может наконец распасться от внутренних раздоров. (8) Первейшие мужи всех этрусских племен кричали на шумных сходках, что мощь римлян будет вечной, если только сами они не истребят себя в мятежах. Это

единственная пагуба, единственная отрава для процветающих государств, существующая для того, чтобы великие державы были тоже смертны. (9) Это зло, долго сдерживавшееся и мудростью отцов, и терпением простого народа, дошло уже до предела: единое государство раскололось на два, у каждой стороны свои власти, свои законы. (10) Вначале неистовствовали лишь при наборе войска, но на войне подчинялись вождям; как бы ни шли дела в Городе, могло государство держаться воинским послушанием. Теперь же привычку к непослушанию властям римский воин принес и в лагерь. (11) В последней войне, говорят, прямо в строю в разгар сражения все войско по сговору уступило победу побежденным эквам и, оставив знамена, покинув полководца на поле боя, самовольно вернулось в лагерь. (12) Действительно, если постараться, может быть побежден Рим его же воинами. Для этого нужно только объявить и начать войну, об остальном позаботятся судьба и боги. В таких надеждах вооружились этруски, не раз уже бывшие и побежденными и победителями.

45. (1) Да и римские консулы не боялись ничего, кроме собственных воинов и собственного оружия. Память о горчайшем уроке последней войны предостерегала их от сражения, в котором пришлось бы ждать худа от обоих войск сразу. (2) Ввиду этой двойной опасности отсиживались они в лагере, ожидая, что, может быть, время и обстоятельства сами собой смягчат гнев и отрезвят души. (3) Тем сильнее спешили враги – вейяне и этруски; они подстрекали римлян к битве – сначала приближаясь к их лагерю и выманивая на бой, потом, ничего не добившись, громко понося то самих консулов, то войско: (4) нашли, мол, средство от страха – притворные раздоры, ведь не своих воинов опасаются консулы, но их трусости. А молчаливое безделье, оказывается, новый род военного мятежа; да что там, сами они – новый род и племя. Дальше в ход шли и правда и выдумки о происхождении римлян. (5) Эта шумная брань из-под самого вала, из-за ворот не действовала на консулов; но сердца множества неискушенных воинов мятутся стыдом и негодованием, отвлекаясь от внутренних неурядиц. Не желают они оставить врагов без отмщения, не желают и подчиняться сенаторам и консулам; ненависть к чужим и к своим борется в их душах. (6) Ненависть к чужим побеждает – до того нестерпимо и нагло издевались враги. Воины толпой собираются к палатке консулов, просят битвы, требуют дать знак к бою. (7) Консулы, как бы раздумывая, склоняются друг к другу, долго переговариваются. И сами они хотели сражения, но следовало сдержаться и скрыть это желание, чтобы промедлением и противодействием прибавить пыла возбужденным воинам. (8) Консулы отвечают: рано, еще не время для боя, пусть все остаются в лагере. И объявляют: от столкновений воздерживаться, а кто ослушается приказа, тех казнить как врагов. (9) С тем воины и разошлись, и, чем меньше видели они у консулов желания сражаться, тем больше пылали сами. А враги, как только стало известно, что консулы постановили не начинать сражения, расходятся еще пуще: (10) им понятно теперь, что и дальше безнаказанно будут они глумиться над римлянами, оружия воинам не доверят, дело вот-вот дойдет до мятежа, конец пришел римскому владычеству. Положившись на это, подбегают они к воротам лагеря, выкрикивают ругательства, едва удерживаются от приступа. (11) Но и римляне не в силах дольше терпеть оскорблений: по всему лагерю с разных сторон бегут воины к консулам, подступают к ним уже не с осторожностью, не через центурионов, как раньше, а все наперебой с громкими криками. Час настал, но консулы медлят. (12) И тут Фабий, когда товарищ его из страха мятежа был готов уступить нарастающему волнению, дал трубный знак к тишине и сказал: «Я знаю, Манлий, что победить они могут, но их вина, что не знаю, хотят ли. (13) Поэтому твердо решено не давать знака к выступлению, покуда не поклянутся они, что вернутся из этого боя победителями. Римского консула воины раз обманули в битве, но богов никогда не обманут». Был тут центурион Марк Флаволей, среди первых рвавшийся к битве. (14) «Победителем я из боя вернусь, Марк Фабий!» – возглашает он, призывая на себя гнев отца-Юпитера, Марса Градива и других богов, если солжет. Ту же клятву, каждый за себя, дает и все войско. После клятвы дают сигнал к наступлению, хватаются за оружие,

бросаются в бой, исполненные надежды и гнева. (15) Пусть теперь посмеют браниться этруски, пусть теперь, перед оружием, попридержит враг языки! (16) В этот день все, и плебеи и патриции, выказали редкую доблесть и самой блистательной стала слава Фабиев. Озлобившие плебеев во многих гражданских распрях, этой битвой пожелали они их с собой примирить.

46. (1) Строят ряды, не уклоняется и враг: ни вейяне, ни этрусские легионы. Почти твердой была их уверенность, что и с ними сражаться будут не лучше, чем недавно с эквами; больше того, что при таком раздражении римских воинов и в столь двусмысленных обстоятельствах их нельзя считать неспособными даже на худшее преступление. (2) Вышло же все по-иному; грозно, как ни в какой прежде войне, начали сражение римляне, так их разъярили враги насмешками, консулы промедлением. (3) Этруски едва успели развернуть строй, среди первой сумятицы не метнув даже, а наугад пустив дротики, как дело уже дошло до рукопашной; меч на меч, когда бой всего неистовей.

(4) В первых рядах лучшее зрелище, лучший пример являл согражданам **род Фабиев**. Квинта Фабия, позапрошлогоднего консула, первым бросившегося на строй вейян и забывшего осторожность в толпе врагов, этрусский воин, умелый и сильный, поразив мечом в грудь, пронзает насквозь; вырвавши клинок, Фабий падает ничком. (5) Гибель одного этого мужа сразу сделалась ощутимой в обоих войсках; и римляне уже было начали отступать, когда консул Марк Фабий, перепрыгнув через простертое тело и выставив вперед круглый щит, воскликнул: «В том ли клялись вы, воины, что вернетесь в лагерь беглецами? (6) Или вы больше боитесь трусливейшего врага, чем Юпитера и Марса, которыми вы клялись? А я, не клявшийся, либо вернусь победителем, либо тут найду смерть в бою возле тебя, Квинт Фабий!» Отозвался консулу Цезон Фабий, консул предыдущего года: «Словами ли этими, брат, ты думаешь призвать их к бою? (7) Призовут их боги, которыми они поклялись; нам же, как и подобает лучшим, как достойно имени Фабиев, должно убеждать воинов боем, а не увещеваниями!» С копьями наперевес устремляются оба Фабия вперед и увлекают за собою все войско.

47. (1) Итак, на этом крыле сражение возобновилось, а на другом столь же деятельно разжигал битву консул Гней Манлий, и удача была там такой же изменчивой. (2) Как за Квинтом Фабием на другом крыле, так и здесь, за консулом Манлием, гнавшим врагов, словно уже разбитых, неутомимо следовали воины; но, когда он, тяжело раненный, покинул строй, воины, думая, что он убит, подались назад (3) и покинули бы поле, если бы не прискакал сюда во весь опор другой консул с несколькими конными турмами, крича, что жив товарищ его, а сам он, разбив врага на другом крыле, явился сюда победителем. Этим он поддержал пошатнувшееся усердие, (4) а тут и сам Манлий объявляется перед войском, чтобы восстановить строй. И знакомые лица обоих консулов воодушевляют воинов.

Неприятельский строй между тем поредел, так как враги, понадеявшись на свое численное превосходство, послали запасные отряды брать римский лагерь. (5) Здесь их натиск не встретил больших препятствий; и пока они, больше думая о добыче, чем о сражении, тратили время впустую, римские триарии, не сумевшие отразить первого нападения, отправили консулам донесение о положении дел, а сами, собравшись у консульской палатки, на свой страх возобновили сражение. (6) Консул Манлий возвратился к лагерю и, поставив отряды у всех ворот, преградил врагам путь к отступлению. Отчаяние пробудило в этрусках не отвагу даже, а бешенство. Мечась в поисках выхода, они сделали несколько бесплодных попыток прорваться, а потом кучка молодежи бросилась на самого консула, узнав его по доспехам. (7) Первые удары приняли на себя его спутники, но им не хватило сил для защиты: консул падает, смертельно раненный, и все разбегаются по сторонам. (8) Этруски воодушевляются; перепуганные римляне в ужасе бегут по лагерю; и не миновать бы самого худшего, если бы легаты, подхватив тело консула, не открыли одни ворота,

освободив путь врагам. (9) Устремясь в эти ворота беспорядочной толпой, враги сталкиваются со вторым консулом, уже победоносным – и здесь их вновь бьют и гонят. Победа была блистательная, но омраченная гибелью двух славных мужей. (10) Поэтому на решение сената о триумфе консул ответил, что если может войско без полководца справлять триумф, то в этой войне оно его заслужило, и он охотно даст свое позволение; но сам из-за смерти брата. Квинта Фабия, погрузившей в скорбь его дом, из-за утраты второго консула, наполовину осиротившей государство, не примет лаврового венка, неприличного ему в государственных и домашних печалях.

48. (1) И вот, стараниями как патрициев, так и плебеев консулом стал Цезон Фабий в паре с Титом Вергинием [**479 г.**]… (5) В войне с вейянами опрометчивость второго консула привела к поражению и войско было бы погублено, не подоспей вовремя Цезон Фабий на помощь. С той поры не было с вейянами ни войны, ни мира – действия их были чем-то вроде разбоя: (6) завидев римские легионы, они прятались в город, а зная, что легионов нет, разоряли поля, как бы в насмешку оборачивая войну миром, а мир – войной. Так что нельзя было ни бросить все это дело, ни довести его до конца. Угрожали и другие войны: угроза исходила от вольсков и эквов, остававшихся спокойными, лишь пока свежа была горечь последнего поражения, или – на недалекое будущее – от всегда враждебных сабинян, а также от всей Этрурии. (7) Но враждебные Вейи досаждали скорей неотвязностью, нежели силою, чаще обидами, чем опасностью, поскольку все время требовали внимания и не позволяли заняться другим.

(8) Тогда род Фабиев явился в сенат. От лица всего рода консул сказал: «Известно вам, отцы-сенаторы, что война с вейянами требует сторожевого отряда скорей постоянного, чем большого. Пусть же другие войны будут вашей заботой, а вейских врагов предоставьте Фабиям. Мы порукою, что величие римского имени не потерпит ущерба. (9) Эта война будет нашей, как бы войной нашего рода, и мы намерены вести ее на собственный счет, от государства же не потребуется ни воинов, ни денег». Сенат отвечает им великой благодарностью. (10) Выйдя из курии, консул в сопровождении отряда Фабиев (они дожидались решения сената, стоя у дверей) отправился домой. Получив приказ на следующий день в оружии явиться к дому консула, они расходятся по домам.

49. (1) Молва расходится по всему Городу. Фабиев превозносят до небес: один род принял на себя бремя государства, вейская война передана в частные руки, частному оружию. (2) Будь в Городе еще два рода такой же силы – один взял бы на себя вольсков, другой – эквов, и римский народ мог бы подчинить все соседние, сам благоденствуя в безмятежном мире. На другой день Фабии берутся за оружие и сходятся, куда ведено. (3) Консул, выйдя из дому в военном плаще, видит род свой построенным для похода; став в середину, он приказывает выступать. Никогда еще ни одно войско, столь малое числом и столь громкое славой, при всеобщем восхищении не шествовало по Городу. (4) *Триста шесть воинов, все патриции, все одного рода, из коих любого самый строгий сенат во всякое время мог бы назначить вождем, шли, грозя уничтожить народ вейян силами одного семейства.* (5) Их сопровождала толпа: тут были и свои – родственники и друзья, забывшие про обыкновенные надежды и страхи, помышлявшие лишь о великом; были и другие, взволнованные заботой об общем деле, охваченные сочувствием и восхищением. (6) Им желают сил, желают удач, чтоб не хуже начинания был исход; а на дальнейшее – и консульских должностей, и триумфов, и всех наград, всех почестей. (7) Когда проходили они мимо Капитолия, Крепости и других храмов, то всем богам, которых видел и вспоминал народ, всякий раз возносил он молитвы, чтобы счастлив был поход и удачен, чтобы вскорости вернулись все невредимыми в отчизну к родителям. (8) Тщетны были эти мольбы. Несчастливой улицей вышли они через правую арку Карментальских ворот из Города и дошли до реки Кремеры. Это место показалось подходящим для постройки укрепления.

(9) Затем Луций Эмилий и Гай Сервилий стали консулами [**478 г.**]. И, пока действия ограничивались лишь разорением полей, Фабиев хватало не только для защиты своего

укрепления, но и всех земель вдоль границы римлян и этрусков; охраняя свое, тревожа врагов, бродили они по обе стороны границы. (10) Потом в набегах был небольшой перерыв – вейяне, вызвав войско из Этрурии, осадили укрепление на Кремере, и римские легионы, приведенные консулом Луцием Эмилием, сошлись лицом к лицу с этрусками. Впрочем, у вейян почти не было времени развернуть войско: (11) еще среди первой сумятицы, пока они после данного знака выстраивали ряды и размещали запасные отряды, внезапно налетевшая сбоку конная ала римлян не дала им не только начать сражение, но даже и устоять на месте. (12) Отброшенные назад, к Красным Скалам, где был у них лагерь, смиренно запросили они мира; а получив его, по прирожденному непостоянству стали о том жалеть еще до отвода римских войск с Кремеры.

50. (1) И вновь начались столкновения вейян с Фабиями – без подготовки, какой требовала бы настоящая война; и все же дело не ограничивалось разорением полей и внезапными нападениями на разорителей; несколько раз сражались и под знаменами в открытом бою. (2) И часто один только римский род одерживал победу над сильнейшим по тем временам этрусским городом. (3) Вейяне сначала огорчились и негодовали; но потом, рассудив по обстоятельствам, задумали заманить неустрашимого врага в ловушку и даже радовались тому, что от успехов дерзость Фабиев все росла. (4) Не однажды, когда выходили Фабии на добычу, навстречу им, как бы случайно, выпускали скот, селяне разбегались, оставляя свои поля, а вооруженные отряды, высланные для отпора, обращались в бегство, чаще в притворном, чем в действительном страхе.

(5) А Фабии уже настолько презирали врага, что поверили, будто он нигде и никогда не сможет их победить. Эта самонадеянность и довела их до того, что, увидев с Кремеры стадо, пасущееся далеко в поле, они к нему ринулись, хотя кое-где и можно было разглядеть вооруженных врагов. (6) И, когда Фабии, ничего не замечая, стремительно пронеслись мимо расставленных вокруг дороги засад и, рассыпавшись по полю, стали ловить разбежавшийся в переполохе скот, вдруг перед ними из засад появились враги. (7) Со всех сторон сперва поднялся пугающий крик, затем полетели дротики; сходясь отовсюду, этруски окружали Фабиев уже плотной толпой вооруженных, и, чем сильней был напор врагов, тем меньше оставалось места для кольцевой обороны (8) и делалось все заметней, как малочисленны Фабии и как много этрусков, теснивших их все умножающимися рядами. (9) Тогда, перестав отбиваться по всему кругу, обратились они в одну сторону. Действуя и оружием, и собственным телом, они, построившись клином, пробивают себе дорогу. (10) Путь их привел на высокий пологий холм. Здесь они сначала остановились; а затем, когда выгодное местоположение позволило им перевести дух и приободриться, даже отбили поднимавшихся к ним врагов. В столь удобном месте малый отряд стал было побеждать, но посланные в обход вейяне вышли на вершину холма. Превосходство опять было у врагов. (11) Фабии были все до одного перебиты, а их укрепление взято. Все сходятся на том, что погибло триста шесть человек и в живых остался только один почти взрослый отпрыск Фабиева рода, чтобы впоследствии в обстоятельствах трудных для римского народа приносить ему величайшую пользу.

51. (1) Когда стало известно об этом несчастье, консулами были уже Гай Гораций и Тит Менений [**477 г.**]. Менений тотчас был послан против этрусков, гордых своей победой. (2) Но опять битва была неудачна: враги заняли Яникульский холм, и не миновать бы осады Городу, теснимому, помимо войны, и бесхлебьем (ведь по обе стороны Тибра стояли этруски), если бы не подоспел консул Гораций, вызванный из земли вольсков. Война настолько приблизилась к самым стенам Города, что сражаться пришлось сначала у храма Надежды, где не осилил никто и еще раз – у Коллинских ворот. (3) Тут римляне получили – пусть незначительный – перевес, и это вселило в воинов прежнюю уверенность, укрепив их для будущих битв.

(4) Консулами сделались Авл Вергиний и Спурий Сервилий [**476 г.**]. Потерпевшие только что поражение, вейяне воздержались от битвы и начали разорять поля; с Яникульского холма, как из крепости, они нападали на все римские земли – ни скот, ни селяне нигде не

были в безопасности. (5) Пойманы были враги точно так же, как сами раньше поймали Фабиев. Гонясь за выгнанным там и сям для приманки скотом, они угодили в засаду. Насколько их было больше, настолько кровопролитней была резня. (6) Злость и ярость от этой неудачи послужили причиной и началом еще худшего поражения. Переплыв ночью Тибр, они подступили к лагерю консула Сервилия. Отбитые, с большими потерями, кое-как возвратились они на Яникул. (7) Консул тотчас сам переходит Тибр и становится лагерем под Яникулом. Утром следующего дня он, ободренный вчерашней удачей и жаждавший битвы, а главное, побуждаемый нехваткою продовольствия к предприятиям хоть опасным, да более скорым, опрометчиво повел строй вверх по Яникулу на вражеский лагерь, но был отбит с еще большим позором, чем накануне враги, (8) и только прибытием второго консула он и войско его были спасены. (9) Оказавшись между двух консульских армий и обращая тыл то к одной, то к другой, этруски были полностью уничтожены. Так счастливая опрометчивость положила конец вейской войне.

53. (1) [**475 г.**] …началась война с вейянами, к которым присоединились сабиняне. Консул Публий Валерий призвал вспомогательные отряды от латинов и герников и, посланный с войском к Вейям, тотчас напал на сабинский лагерь, расположенный перед стенами союзников, и навел такой страх, что, покуда враги пытались небольшими рассеянными вылазками сдержать напор римлян, он ворвался в лагерь через первые же атакованные им ворота, (2) а внутри была уже скорее резня, чем сражение. Смятение из лагеря перекидывается и в город; как если бы Вейи были взяты, – в таком страхе кидаются вейяне к оружию. Часть их идет на помощь сабинянам, другая нападает на римлян, полностью занятых вражеским лагерем. (3) Ненадолго римлян удалось привести в замешательство; но затем они, обратив в обе стороны свои знамена, выдерживают натиск, а конница, высланная консулом, рассеивает этрусков и обращает их в бегство. В течение часа два войска, два сильнейших и многолюднейших соседних народа были побеждены.

54. (1) Затем были консулы Луций Фурий и Гай Манлий [**474 г.**]. Манлию по жребию достались Вейи. Войны здесь, однако, не было; по просьбе вейян заключено было сорокалетнее перемирие; их обязали поставлять зерно и платить дань.

Книга III. Пер. Г.Ч. Гусейнова.

58. (6) В следующем году [**406 г.**], когда военными трибунами с консульской властью были Публий и Гней Корнелии Коссы, Нумерий Фабий Амбуст и Луций Валерий Потит, война с вейянами началась из-за высокомерия тамошнего сената, который в ответ на требования послов возместить убытки велел передать, чтоб они убирались вон из их города и владений, иначе они получат то, (7) что когда-то послы получили от Ларса Толумния. (8) Уязвленные сенаторы постановили, чтобы военные трибуны в тот же день внесли в народном собрании предложение о войне с вейянами. (9) Не успели те сделать это, как начала роптать молодежь: еще не отвоевались с вольсками, только что истреблены были все до единого защитники двух крепостей, удержание которых чревато той же опасностью; (10) ни года не проходит без сражений, и снова, словно тоскуя по напастям, затевают войну с соседним и весьма могущественным народом, который может еще втянуть в нее всю Этрурию. (11) Волнения вспыхнули сами собой, а народные трибуны разжигали их все сильней. (12) Самая страшная война, не уставали повторять они, это война патрициев с плебеями, нарочно обреченными тяготам воинской службы, обреченными гибнуть от вражеского оружия; их усылают подальше от Города, чтобы в мирное время, у себя дома, они не вспоминали ни о свободе, ни о поселениях, чтобы не рассуждали о разделе общественных земель или о свободных выборах. (13) Старым воинам трибуны напоминали об их походах, пересчитывая их рубцы и увечья, вопрошая, есть ли у них на теле живое место, чтоб принять новые раны, хватит ли крови, чтоб пролить ее за государство. (14) Беспрестанно выступая в таком духе на сходках, они

убедили плебеев не начинать войны, и внесение закона о ней было отсрочено, ибо стало ясно, что, рассмотренный в обстановке всеобщего озлобления, он будет отвергнут.

59. (1) Тем временем военным трибунам поручили возглавить нападение на земли вольсков, оставив в Риме одного Гая Корнелия. (2) Трое других, узнав о том, что вольски нигде не ставили лагеря и что, следовательно, им не придется принимать сражения, поделили войско на три части и принялись опустошать страну. (3) Валерий выбрал целью Антий, Корнелий – Эцетру, по пути круша дома и разоряя поля, чтобы привести в замешательство вольсков; Фабий же, не отвлекаясь на разорение полей, осадил Анксур, который был их главной целью. (4) Город Анксур, нынешние Таррацины, стоит на склоне, спускающемся к болоту, со стороны которого (5) Фабий выказал намерение начать приступ. Но посланные в обход во главе с Гаем Сервилием Агалой четыре когорты, овладевши холмом, что навис над городом, с грозным криком ринулись вниз и преодолели не охраняемые в этом месте стены. (6) Оглушенный нападением, неприятель был так увлечен защитой от Фабия в нижнем городе, что позволил римлянам приставить к стене лестницы, и вот уже город полон врагов – они безжалостно разят бегущих и сопротивляющихся, вооруженных и безоружных. (7) Побежденные продолжали сражаться, ведь тем, кто прекращал борьбу, надеяться было не на что, как вдруг прозвучал приказ щадить безоружных, и все защитники города тотчас побросали оружие: (8) было взято около двух с половиной тысяч пленных. Фабий удержал своих воинов от дальнейшего разграбления города до тех пор, (9) пока не подошли его сотоварищи, ибо он полагал, что и они участвовали во взятии Анксура, отвлекая остальных вольсков от оказания помощи этому городу. (10) Когда же они подошли, все три войска разграбили этот наполненный долголетними богатствами город. Такая щедрость полководцев поначалу содействовала примирению плебеев и патрициев. (11) *А потом к ней прибавился еще один, очень своеобразный дар от первейших людей простому люду: сенат – о чем перед тем не было и помину ни от плебеев, ни от трибунов – постановил, чтобы воины получали жалованье от казны, а ведь до того каждый нес службу за собственный счет.*

60. (1) Никогда еще, говорят, народ не принимал ничего с такой радостью. Плебеи сбежались к месту заседания сената, хватали за руки выходивших сенаторов и называли их истинными отцами, заверяя, что отныне за столь щедрое к ним отечество никто из них, сколь достанет сил, не пощадит ни крови, ни живота. (2) Ведь к возможности обеспечить благополучие семьи на то время, что сами они будут проводить в трудах и заботах для блага государства, прибавлялось еще и сознание того, что благодеяние это оказано им по доброй воле, без малейшего нажима со стороны народных трибунов, без всяких просьб, отчего плебеи все больше радовались и все сильнее благодарили. (3) Лишь народные трибуны не разделяли общей радости и согласия сословий, они говорили, что и сенаторы, и все остальные напрасно так уж рассчитывают на успех и благоденствие. Это решение, по их словам, лучше на вид, чем на деле. (4) Ведь где же взять для этого денег, как не обложив налогом народ? Значит, и щедрость их – за чужой счет. Да если даже все остальные одобрят выплату жалованья, то те, кто уже отслужил свой срок, не стерпят, чтоб другие несли воинскую службу в лучших условиях, чем когда-то они сами, теперь принужденные к тому же выплачивать жалованье другим после того, как сами платили за все. Некоторые плебеи прислушались к этим доводам. (5) А когда наконец военный налог был назначен, народные трибуны даже предложили тем, кто уклонится от его уплаты, свою поддержку. (6) Отцы очень старались для успеха своего предприятия и сами сделали первые взносы, свезя в казну – ведь серебряных денег тогда еще не чеканили – медные слитки в повозках; это придавало особую торжественность зрелищу. (7) После того как сенаторы честно уплатили все, что приходилось на их долю, то и самые видные из плебеев, друзья знати, начали вносить налог, как то было установлено. (8) Когда плебеи увидали, что патриции их превозносят, а те, кому по возрасту полагалось уже нести воинскую повинность, видят в них хороших сограждан, они отказались от помощи трибунов и наперерыв стали вносить положенные взносы. (9) *Наконец, после*

утверждения закона об объявлении войны вейянам новые военные трибуны с консульской властью повели на Вейи войско, набранное по большей части из добровольцев.
61. (1) Трибунами стали Тит Квинкций Капитолин, Квинт Квинкций Цинциннат, Гай Юлий Юл во второй раз, Авл Манлий, Луций Фурий Медуллин в третий раз и Марк Эмилий Мамерк [**405 г.**]. Первым делом они осадили Вейи. (2) Хотя, как только началась осада, этруски толпою сошлись к святилищу Волтумны и совещались, но решения о том, чтобы общими усилиями всего народа оказать военную помощь вейянам, принято не было. (3) В следующем году осада пошла вяло, потому что часть трибунов была отозвана для войны с вольсками.

Книга V. Пер. С.А. Иванова.

1. (1) В других местах был заключен мир, а римляне и Вейи продолжали воевать с таким неистовством и злобой, что побежденному нечего было рассчитывать на пощаду. Комиции у обоих народов приняли совершенно противоположные решения; (2) римляне увеличили число военных трибунов с консульской властью, их было избрано восемь человек – сколько еще никогда раньше не избиралось: Марк Эмилий Мамерк во второй раз, Луций Валерий Потит в третий, Аппий Клавдий Красс, Марк Квинктилий Вар, Луций Юлий Юл, Марк Постумий, Марк Фурий Камилл, Марк Постумий Альбин [**403 г.**]. (3) Напротив, вейяне выбрали царя, устав от вражды, которую всякий год разжигала борьба честолюбии. Это избрание глубоко оскорбило общины Этрурии, которым равно ненавистны были как царская власть, так и тот, кто ее получил. (4) Этот человек уже раньше вызвал неприязнь всего народа этрусков, когда по его вине были нарушены торжественные игры, которые священный закон запрещает прерывать: (5) высокомерно кичась своим богатством, он прямо в разгар представления отозвал актеров, большинство которых было его рабами, – и все от того, что он досадовал по поводу неудачи на выборах, где двенадцать общин проголосовали таким образом, что ему был предпочтен другой кандидат на жреческую должность. (6) А народ этот более всех других привержен религиозным обрядам, тем паче что отличается особым умением их исполнять. И вот этруски решили не оказывать вейянам помощи до тех пор, пока они будут под властью царя. (7) В Вейях слухи об этом решении умолкли из-за страха перед царем, который всякого разносчика сплетен считал не пустым болтуном, но зачинщиком мятежа. Хотя до римлян и доходили благоприятные вести из Этрурии, (8) они тем не менее начали возводить двойные укрепления: одни на случай вылазок горожан были обращены против города, а другие – к Этрурии, если вдруг оттуда подоспеет подкрепление: ведь им доносили, что об этом только и говорят во всех собраниях.
2. (1) Поскольку римские полководцы возлагали надежды скорее на осаду, нежели на приступ, началось строительство зимнего лагеря, что было в новинку римскому воину; предстояло продолжать войну, стоя на зимних квартирах.
7. (2) Когда насыпь была подведена к городу и осадные навесы вот-вот должны были соединиться со стенами, ворота внезапно открылись (ибо сооружения эти усерднее возводились днем, чем охранялись ночью), огромная толпа, вооруженная по преимуществу факелами, подпалила навесы, (3) и пламя в одно мгновение поглотило и их, и насыпь, и все плоды столь длительных трудов. От оружия и огня погибли также и многие воины, тщетно пытавшиеся исправить дело. (4) Когда эта весть достигла Рима, всех охватило отчаяние, а сенаторов еще и озабоченность. Они опасались, что теперь уж не удастся справиться со смутой ни в городе, ни в лагере, что народные трибуны станут топтать государство так, будто оно побеждено ими. (5) И вот тогда, посовещавшись предварительно между собой, в сенат неожиданно явились те, кто по цензу принадлежал к всадникам, но кому не были назначены лошади от казны. Получив дозволение говорить, они заявили, что стремятся служить государству и готовы приобрести коней за свой счет. (6) Сенат не пожалел слов, дабы выразить им благодарность. Когда об этом стало известно

на форуме и в Городе, к курии внезапно сбежались плебеи. (7) Они говорили, что и тем, кому положено служить пешими, пора записаться в войско и порадеть государству, отбросив заведенный порядок набора. Пусть их ведут под Вейи или вообще куда будет необходимо. Они ручаются, что из-под Вей вернутся не раньше, чем вражеский город будет взят. (8) Тут уже сенаторам еле удалось совладать с бившим через край ликованием. (9) Если просьба всадников была передана на рассмотрение должностных лиц, а их самих приказано благодарить, то теперь ни плебеев не стали приглашать в курию, дабы выслушать ответ, ни сенаторы не в силах были оставаться в ее стенах. (10) С возвышения каждый из них от себя обращался к собравшейся на Комиции толпе, словами и жестами выражая радость, овладевшую государством, уверял, что проявленное сегодня согласие делает Рим блаженным, неодолимым, вечным, восхвалял всадников, восхвалял народ и сам сегодняшний день, признавал, что готовностью к примирению и великодушием они превзошли сенат. (11) То у сенаторов, то у плебеев выступали на глазах слезы радости. Но вот сенаторов призвали обратно в курию, (12) где и было принято постановление, обязывавшее военных трибунов поблагодарить на сходке и конных и пеших воинов и передать им, что сенат всегда будет помнить об их любви к родине, но считает все же необходимым всем тем, кто вызвался добровольно служить вне положенного срока, заплатить причитающееся им жалованье. Определенная сумма была назначена и всадникам, (13) которые именно тогда впервые стали проходить службу со своими собственными конями. Это добровольческое войско, будучи приведено под Вейи, не только восстановило уничтоженные осадные сооружения, но даже возвело новые. Продовольствие из Города стали подвозить с еще большим тщанием, нежели раньше, дабы столь достойное войско не испытывало ни в чем недостатка.

8. (1) На следующий год [**402 г.**] военными трибунами с консульской властью стали Гай Сервилий Агала в третий раз, Квинт Сервилий, Луций Вергиний, Квинт Сульпиций, Авл Манлий во второй раз, Марк Сергий во второй раз. (2) При этих трибунах, в то время как все помыслы сосредоточились на войне с вейянами, оказавшаяся в небрежении Анксурская крепость была внезапно захвачена из-за предательства городской стражи. Дело в том, что многие из войска получили там отпуск, а в город, наоборот, было допущено много вольских купцов. (3) Воинов там погибло не много, ибо римляне усвоили манеру обозных слуг, и все, за исключением больных, разбрелись торговать по деревням и соседним городам. (4) В Вейях, к которым в то время были обращены общие помыслы, дела шли не лучше: с одной стороны, римские полководцы пылали гневом друг на друга больше, чем на врага, а с другой – война разгорелась еще сильнее из-за внезапного появления капенцев и фалисков. (5) Две эти этрусские общины, будучи расположены по соседству, считали, что после разгрома Вей настанет их очередь; (6) фалиски же имели и свои причины для враждебности: они уже раньше ввязались в фиденскую войну. Обменявшись послами и взаимно связав друг друга клятвами, они внезапно явились с войсками к Вейям. (7) Случилось так, что римский лагерь подвергся нападению с той стороны, где командовал военный трибун Марк Сергий. Римляне пришли в неописуемый ужас, думая, будто целая Этрурия пробудилась, снялась с мест и всей громадой обрушилась на них. Так же решили запертые в своем городе вейяне, и это подтолкнуло их к немедленным действиям. (8) Римский лагерь подвергся нападению с обеих сторон, воины метались, перенося боевые знамена то туда, то сюда, и в результате не удалось ни вейян удержать в их стенах, ни свои собственные отстоять от врага, наседавшего извне. (9) Оставалось лишь надеяться, что подоспеет помощь из главного лагеря и тогда одни легионы смогли бы противостоять капенцам и фалискам, а другие вылазке горожан. Но главным лагерем командовал Вергиний, ненавидевший Сергия и сам ненавистный ему. (10) Зная, что почти все бастионы пали, укрепления взяты и враг наступает с обеих сторон, он привел своих воинов в боевую готовность, но продолжал держать их в лагере, твердя, что, если появится нужда в подмоге, другой трибун пошлет за ней. (11) Упрямство одного не уступало заносчивости другого. Сергий предпочел потерпеть поражение от

врага, чем победить вместе с соотечественником, лишь бы не показалось, что он одалживается у недруга. (12) Воины несли потери в окружении, пока наконец не покинули укрепления; немногие устремились в главный лагерь, а большинство, в том числе и сам Сергий, – в Рим. Поскольку там он перекладывал всю вину на Вергиния, решено было вызвать того из лагеря, возложив в его отсутствие командование на легатов. (13) Затем дело слушалось в сенате, где товарищи по должности наперебой поносили друг друга. Среди сенаторов лишь немногие защищали интересы государства, большинство стояло за одного или за другого из противников в зависимости от личной привязанности или признательности.

10. (1) Военными трибунами с консульской властью были избраны Луций Валерий Потит в четвертый раз, Марк Фурий Камилл во второй, Марк Эмилий Мамерк в третий, Гней Корнелий Косс во второй, Цезон Фабий Амбуст и Луций Юлий Юл [**401 г.**]. При них произошло много событий как в Городе, так и на войне, (2) ибо и война шла одновременно на разных театрах – против Вей, против Капен и Фалерий и против вольсков за возвращение Анксура.

12. (4) и это в то время, когда многочисленные армии ждали жалованья, а выгодное военное положение оставляло надежду на победу во всех войнах: в самом деле, потерянный лагерь под Вейями удалось вернуть и даже укрепить бастионами и заставами (там командовали военные трибуны Марк Эмилий и Цезон Фабий). (5) Кроме того, и Марк Фурий у фалисков, и Гней Корнелий в капенской земле, обнаружив противника укрывшимся за городскими стенами, грабили и опустошали окрестности; они сжигали поместья и хлеба, но не пытались взять города ни приступом, ни осадой. (6) В земле вольсков поля тоже были разграблены, но штурм Анксура не удался, поскольку город раскинулся на горе. Убедившись в бесплодности своих усилий, римляне начали правильную осаду, окружив город валом и рвом.

13. [**400 г.**]. (9) Между тем под Вейями три войны слились в одну, и страх римлян умножился: внезапно на помощь осажденным подошли капенцы и фалиски, так что пришлось, как и в прошлый раз, с двух сторон сдерживать на своих укреплениях удар трех армий. (10) Но еще свежо было в памяти осуждение Сергия и Вергиния: из того самого большого лагеря, откуда в прошлый раз тщетно ожидали подмоги, в тыл капенцам были выведены войска, как только враги развернулись против римского вала. (11) Разгоревшаяся битва посеяла страх и среди фалисков, врагов охватила паника, и удачная вылазка из лагеря обратила их в бегство. Победители пустились преследовать бегущих и учинили небывалую дотоле резню. (12) А через короткое время на уже рассеявшихся врагов вдруг наткнулись римские воины, разорявшие капенские поля, – они-то и добили тех, кто спасся после поражения. (13) Большие потери понесли и вейяне – как только началось бегство, городские ворота заперли, и все, кто остался снаружи, были перерезаны.

14. (5) И вот, пораженные не только достоинством претендентов, но и доводами благочестия, римляне избрали военными трибунами с консульской властью одних лишь патрициев, правда самых заслуженных: Луция Валерия Потита в пятый раз, Марка Валерия Максима, Марка Фурия Камилла во второй раз, Луция Фурия Медуллина в третий, Квинта Сервилия Фидената во второй, Квинта Сульпиция Камерина во второй [**398 г.**]. (6) При этих трибунах под Вейями не произошло почти ничего достойного упоминания, все силы тратились на грабежи. (7) Командующим в войне против Фалерий был назначен Потит, против Капен – Камилл; оба собрали огромную добычу, а из того, что можно было извести огнем и мечом, не оставили в сохранности ничего.

15. (1) Между тем было объявлено о многих знамениях, из коих большинству не поверили и ими пренебрегли, ибо, во-первых, каждое из них было явлено всего одному свидетелю и, во-вторых, из-за враждебности этрусков не нашлось гаруспиков, которые знали бы, как отвести беду. (2) Только одно из них привлекло внимание: вода в озере из священной Альбанской рощи, в отсутствие дождей или по другой причине, которая развеяла бы чудо, вдруг поднялась на небывалую высоту. (3) Были отправлены послы к дельфийскому

оракулу, дабы вопросить, что пророчат боги этим знамением. (4) Но толкователь судеб объявился не столь далеко – то был некий старик вейянин. Римские часовые и этрусские караульные осыпали его насмешками, а он, распевая подобно кудеснику, возвестил, что римлянам не овладеть Вейями, покуда не уйдет вся вода из озера Альбанского. (5) Сначала на это не обратили внимания, как на нелепую выходку, но вскоре начали обсуждать повсюду, и однажды какой-то римский часовой окликнул одного из горожан, проходившего неподалеку, и спросил, кто был этот старик, что столь околичио вещал об Альбанском озере (из-за продолжительности войны осаждающие стали вступать в разговоры с осажденными). (6) Услышав от вейянина, что то был гаруспик, богобоязненный воин попросил позвать прорицателя, ссылаясь на то, что хочет, если тому будет угодно, посоветоваться об искуплении за какое-то ему одному явленное знамение. (7) И вот, когда оба без оружия и без страха отошли от своих укреплений на довольно большое расстояние, римский юноша, превосходивший силой немощного старца, схватил его на глазах у всех и при смятении этрусков потащил к своим. (8) Он был доставлен к полководцу, а потом отослан в Рим, к сенату. Когда у него принялись допытываться, что он говорил насчет Альбанского озера, старик ответил: (9) уж верно, разгневались боги на вейян в тот день, когда внушили прорицателю разгласить роковую тайну погибели отечества. (10) Итак, он не в силах отречься от того, что напророчил по божественному наитию, – ведь умолчать о том, что богам угодно открыть, пожалуй, столь же нечестиво, как разболтать сокровенное. (11) Вот что заповедано в пророческих книгах, вот что говорит этрусская ученость: если разольются воды альбанские, даруется римлянину над Вейями победа. Пусть он, обряды сотворив, спустит воду; пока же этого не произойдет, не оставят боги стен вейских. Дальше объяснялось, в чем состоит ритуал опускания вод. (12) Но сенаторы сочли старика болтуном, не заслуживающим доверия в столь важном деле, и решили дождаться послов с ответом пифийского оракула.

16. (1) Прежде чем послы вернулись из Дельф и стало известно, каковы должны быть искупления на альбанское чудо, в должность вступили новые военные трибуны с консульской властью: Луций Юлий Юл, Луций Фурий Медуллин в четвертый раз, Луций Сергий Фиденат, Авл Постумий Регилльский, Публий Корнелий Малугинский, Авл Манлий [**397 г.**]. (2) В этот год появился новый враг – жители Тарквиний. Было очевидно, что римляне завязли одновременно во многих войнах – с вольсками у Анксура, где шла осада крепости, с эквами у Лабиков, где римская колония подверглась нападению, да к тому же еще с Вейями, фалисками и Капенами; мало этого, в самом Городе обстановка была крайне неспокойной из-за стычек патрициев с плебеями. (3) В Тарквиниях решили, что пора воспользоваться всем этим для нанесения удара, и послали легковооруженные отряды для грабежа римской земли. Расчет был на то, что римляне или снесут эту обиду и оставят ее неотмщенной, дабы не обременять себя новой войной, или пустятся за ними с маленьким и слабым войском. (4) Римляне были скорее разгневаны, чем встревожены произведенным тарквинийцами разором. Поэтому дела не откладывали, но и готовились к нему без особого тщания. (5) Авл Постумий и Луций Юл не стали объявлять принудительного набора – этому вдобавок противодействовали народные трибуны, – а горячими призывами собрали отряд почти из одних добровольцев. Пройдя окольными тропами через землю Цере, они обрушились на тарквинийцев, когда те возвращались от своих грабежей, обремененные добычей, (6) многих убили, отняли весь обоз и, прихватив награбленное в их земле, возвратились в Рим. (7) Был назначен двухдневный срок, в течение коего хозяева могли опознать свое имущество, на третий день невостребованное (по большей части имущество самих врагов) было распродано, а вырученные от этого деньги разделили между воинами.

Исход остальных войн, в первую очередь с Вейями, оставался по-прежнему неясен. (8) Римляне уже изверились в человеческих усилиях и уповали лишь на судьбу и богов, когда вернулись послы из Дельф. Привезенный ими ответ оракула полностью совпадал с пророчеством пленного предсказателя: (9) «Римлянин! Остерегись воду альбанскую в

озере держать, остерегись и в море ее спускать. Да растечется она по полям, да оросит их, да исчерпается, по рекам разлившись. (10) Тогда и воюй стены вражьи, да помни: прорицание своей победы ты получил из того самого города, который столько лет осаждаешь, ныне этот оракул лишь подтвердился. (11) По свершении рати пусть победитель принесет в мой храм богатые дары и восстановит обычайные отеческие священнодейства, что ныне небрежны».

17. (1) С этого момента пленный прорицатель удостоился большого уважения, а военные трибуны Корнелий и Постумий стали вместе с ним совершать искупительные жертвы по случаю альбанского знамения, чтобы надлежащим образом умилостивить богов. (2) Только тогда обнаружилось, где именно допущено нерадение о священных обрядах и нарушен порядок торжества, на что указывали боги. Как оказалось, дело было лишь в том, что должностные лица избраны были огрешно и о Латинских торжествах и жертвоприношении на Альбанской горе возвещено было не надлежащим образом. (3) Искупить все это можно было лишь отставкой военных трибунов, проведением ауспиций, назначением интеррекса (4). По решению сената так и было сделано. Интеррексов назначили сразу трех: Луция Валерия, Квинта Сервилия и Марка Фурия Камилла. (5) Но народные трибуны ни на миг не прекращали подстрекать собрание, пока не было решено, чтобы большинство военных трибунов выбиралось из плебеев.

(6) В это время в храме Волтумны сошлись представители Этрурии. Когда капенцы и фалиски принялись требовать, чтобы все этрусские общины совместными усилиями вызволили Вейи из осады, им ответили так: (7) раньше этруски отказывали вейянам потому, что не след просить помощи у тех, у кого не спросили совета в таком важном деле. Теперь же их понуждают отказаться уже собственные интересы: (8) в этой области Этрурии осела большая часть невиданного племени; эти новые поселенцы – галлы, с которыми нет ни прочного мира, ни открытой войны. (9) Тем не менее, принимая во внимание кровные узы, славное имя и нынешние несчастья соплеменников, этруски готовы помочь им, не препятствуя добровольцам из своей молодежи отправиться на вейскую войну.

(10) В Риме разнеслась молва, будто вражеские ряды пополнились множеством добровольцев, и внутренние раздоры, как это обычно и бывает, отступили перед лицом общего страха.

18. [**396 г.**]. (7) Трибуны Тициний и Генуций отправились против фалисков и капенцев. Поскольку они вели войну, руководствуясь более порывом, нежели разумом, то и попали в засаду. (8) Генуций искупил свою опрометчивость достойной гибелью, сражаясь впереди всех и пав одним из первых, Тицинию же удалось собрать на высоком холме часть бежавших в панике воинов и восстановить боевой порядок, но он так и не решился вновь встретиться с противником на открытом месте. (9) Не столько страшны были жертвы, сколько позор, но именно он чуть не привел к тяжкому поражению. Ужас охватил не только Рим, куда эта весть докатилась сильно преувеличенной, но также и лагерь под Вейями. (10) Когда там распространился слух, будто полководцы и войско перебиты, а победоносные капенец с фалиском и всей этрусской молодежью уже рядом, воинов едва удалось удержать от бегства. (11) А в Риме паника была еще больше: там все решили, что лагерь уже взят и враги уже движутся на Город злобной ордой. Люди сбегались к стенам; матроны, которых всеобщий страх выгнал из дому, молились в храмах; (12) они заклинали богов отвратить погибель от жилищ, капищ и стен римских, умоляя перенести этот ужас на Вейи и обещая возобновить священнодействия по обряду и уважать предзнаменования.

19. (1) Но уже снова были устроены Латинские игры, уже вода из Альбанского озера была выпущена на поля – и вот рок навис над Вейями. (2) А полководцем, которому судьбой было предназначено разрушить этот город и спасти родину, стал **Марк Фурий Камилл**. Объявленный диктатором, он назначил начальником конницы Публия Корнелия Сципиона.

(3) С переменой полководца все внезапно переменилось: у людей появились новые надежды, новое мужество; казалось, что у Города – новое счастье (4). Прежде всего Камилл по законам военного времени казнил всех, кто во время паники бежал от Вей, и добился того, что противник перестал быть самой страшной грозой для воина. Затем диктатор назначил на определенный день набор, а сам между тем отправился к Вейям для укрепления воинского духа. (5) Вернувшись в Рим, он набрал новое войско, причем никто не уклонялся от повинности. Собралась также и молодежь из чужих земель – от латинов и герников, предлагая помощь в этой войне. (6) Диктатор обратился к ним в сенате с благодарственными словами и, поскольку все уже было готово к походу, объявил, что, согласно сенатскому постановлению, после взятия Вей будут устроены Великие игры и освящен обновленный храм Матери Матуты, который был в свое время основан царем Сервием Туллием.

(7) Когда диктатор с войском тронулся из города, его провожали даже не с упованием на успех, а с полной уверенностью в победе. Глубоко все обдумав и рассчитав, он первым делом завязал бой с фалисками и капенцами на непетской земле. (8) Как это обычно случается, расчету сопутствовала удача: диктатор не только разгромил врага в сражении, но выгнал из его собственного лагеря и овладел громадной добычей. Большая ее часть была отдана квестору, воинам же досталось куда меньше. (9) Оттуда Камилл повел армию к Вейям и возвел там дополнительные укрепления. Между городской стеной и валом нередко вспыхивали случайные стычки с неприятелем – диктатор запретил их, распорядившись, чтобы никто не вступал в бой самовольно. Воины были брошены на осадные работы. (10) Самая тяжелая и изнурительная из них состояла в сооружении подземного хода во вражескую крепость. (11) Чтобы и работа не прерывалась, и люди не изнемогали от длительного пребывания под землей, Камилл разбил землекопов на шесть команд. Работа велась круглосуточно, в шесть смен, днем и ночью, и закончилась не прежде, чем путь в крепость был открыт.

20. (1) Диктатор видел, что победа уже у него в руках, и тут им овладело беспокойство: после взятия этого богатейшего города к римлянам попадет столько добычи, сколько не было во всех предыдущих войнах, вместе взятых, – (2) с одной стороны, он боялся вызвать озлобление воинов, если их часть добычи окажется скудной; с другой стороны, опасался навлечь ненависть патрициев, если раздача будет слишком щедрой. И Камилл послал сенату письмо: (3) благодаря милости бессмертных богов, собственному его разумению, а также стойкости воинов Вейи вот-вот окажутся во власти народа римского. Как следует распорядиться добычей?...(10) Более безопасным сочли то предложение, которое увеличивало популярность сената. Итак, было объявлено, что все, кто жаждет добычи, могут отправиться в лагерь к диктатору.

21. (1) Огромное множество народа заполонило лагерь. Тогда, по свершении ауспиций, диктатор отдал воинам приказ к оружию, сам же выступил вперед и возгласил: (2) «Под твоим водительством, о Пифийский Аполлон, и по твоему мановению вы ступаю я для ниспровержения града Вейи, и даю обет пожертвовать тебе десятину добычи из него. (3) Молю и тебя, царица Юнона, что ныне обихоживаешь Вейи: последуй за нами, победителями, в наш город, который станет скоро и твоим. Там тебя примет храм, достойный твоего величия». (4) Такую молитву произнес диктатор. Пользуясь численным перевесом, он начал приступ со всех концов одновременно, чтобы враги не заметили опасности, грозившей со стороны подкопа. (5) Вейяне не знали, что даже их собственные прорицатели, даже чужеземные оракулы их предали, что богов уже зовут к дележу вейской добычи, а других богов выманили из собственного города обетами и теперь их ждет новое жилище во вражеских кумирнях. Не знали вейяне и того, что этот день станет для них последним. (6) Но менее всего могли они ожидать, что под стенами вырыт подземный ход и в крепость уже проникли враги. Вооружившись чем попало, горожане бросились к стенам. (7) Они недоумевали, что случилось: на римских укреплениях в

течение стольких дней не было заметно никакого движения – и вдруг римляне, словно охваченные внезапным бешенством, ринулись на приступ.
(8) К этому моменту приурочивают обычно такую легенду: вейский царь приготовился к совершению жертвенного обряда, и гаруспик объявил, что победа даруется тому, кто разрубит внутренности именно этого животного. Услышав его слова из подкопа, римские воины вывели подземный ход наружу, похитили внутренности жертвенного животного и принесли их диктатору. (9) Когда описываешь столь глубокую древность, то и правдоподобное принимаешь за правду: зачем подтверждать или опровергать то, чему место скорее на охочих до чудес театральных подмостках, чем в достоверной истории.
(10) Тем временем некоторые опытные воины с оружием в руках вышли из подземного хода и оказались в храме Юноны, прямо посреди вейской крепости. Тут одни с тыла напали на врагов, стоявших по стенам, другие сбили засовы с ворот, третьи запалили крыши домов, поскольку женщины и рабы швыряли оттуда камни и черепицу. (11) Повсюду поднялся вопль, в котором разноголосье ужаса и угроз смешалось с плачем женщин и детей. (12) В мгновение ока со всех стен были сброшены вооруженные защитники, а ворота отворены, и в то время, как одни римляне толпой стали прорываться в город, другие начали карабкаться по оставленным горожанами стенам. Город наполнился римлянами, (13) бой шел повсюду. После ужасающей резни битва начала ослабевать. Тогда диктатор приказал глашатаям объявить, чтобы не трогали безоружных, что и положило конец кровопролитию.
(14) Горожане стали складывать оружие и сдаваться, а воины с разрешения диктатора бросились грабить. Говорят, что, когда Камилл своими глазами увидел, насколько эта громадная добыча превосходит ценностью все упования, он воздел руки к небу и молился, (15) чтобы не слишком дорогой ценой пришлось платить за все это ему и римскому народу – ведь то невероятное счастье, которое досталось сегодня ему самому и всем римлянам, может вызвать зависть у богов и людей. (16) Передают, что посреди своей молитвы он оступился и упал: несколькими годами позже, когда Камилл был осужден, а Рим взят и разграблен, многие вспомнили про этот случай и сочли его предзнаменованием. (17) А тогда день прошел в избиении врагов и ограблении богатейшего города.
22. (1) Назавтра диктатор продал в рабство свободных граждан. Государству достались только эти деньги, но и этим плебеи были недовольны. Даже за ту добычу, которую плебеи принесли с собой, они не были признательны командующему, негодуя, что тот передал сенату дело, которое имел право решить самолично; по их мнению, он хотел лишь найти прикрытие для своей скупости. (2) Не были они благодарны и сенату, но лишь семье Лициниев, из коих сын сделал доклад сенату, а отец внес там свое столь понравившееся народу предложение.
(3) Когда все земные богатства были из Вей унесены, римляне приступили к вывозу даров божественных и самих богов, но проявили здесь не святотатство, а благоговение. (4) Из всего войска были отобраны юноши, которым предстояло перенести в Рим царицу Юнону. Дочиста омывшись и облачившись в светлые одежды, они почтительно вступили в храм и сначала лишь набожно простирали к статуе руки – ведь раньше даже на это, согласно этрусскому обычаю, никто не посягал, кроме жреца из определенного семейства. (5) Но затем кто-то из римлян, то ли по божественному наитию, то ли из юношеского озорства, произнес: «Хочешь ли, о Юнона, идти в Рим?» Тут все остальные стали кричать, что богиня кивнула. (6) К этой легенде добавляют еще подробность, будто слышен был и голос, провещавший изволение. Во всяком случае известно, что статуя была снята со своего места с помощью простых приспособлений, а перевозить ее было так легко и удобно, будто она сама шла следом. Богиню доставили на Авентин, где ей отныне предстояло находиться всегда; (7) именно туда звали ее обеты римского диктатора. Позднее тот же Камилл освятил там для нее храм. (8) Так пали Вейи. Самый богатый город этрусского племени даже в собственной гибели обнаружил величие: ведь римляне

осаждали его долгих десять лет и зим, в течение которых он нанес им поражений куда больше, чем от них претерпел, и даже когда в конце концов пал по воле рока, то был взят не силой, но хитростью.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Камилл. Пер. С.П. Маркиша.

1. Среди всего, что рассказывают о Фурии Камилле, наиболее примечательно и необычно, на мой взгляд, то, что этот человек, многократно командовавший войсками и одержавший важнейшие победы, пять раз избиравшийся диктатором и четырехкратный триумфатор, человек, называемый в книгах «вторым основателем Рима», ни разу не был консулом. Причина этого – состояние, в котором находилось тогда государство: враждуя с сенатом, народ отказался выбирать консулов и голосованием назначал военных трибунов, и хотя в их руках находилась высшая власть и они обладали всеми консульскими правами и полномочиями, само число трибунов делало отношение толпы к этой должности более благожелательным. В самом деле, во главе правления стояли теперь шестеро, а не двое, и это было отрадно тем, кто тяготился олигархией. На такую-то пору и приходятся расцвет славы Камилла и его самые замечательные подвиги; вот почему он не захотел идти наперекор желанию народа и не домогался консульского достоинства, хотя собрания для выборов консулов часто созывались в этот промежуток времени. Зато, занимая иные должности – многочисленные и самые разнообразные, – он всегда проявлял себя с такой стороны, что власть (даже в тех случаях, когда она принадлежала только ему) оказывалась общим достоянием, слава же доставалась одному Камиллу (даже если главенство принадлежало нескольким лицам). Первого он достигал своей скромностью полководца, стараясь избежать зависти, второго – благодаря остроте и проницательности ума, в чем, по общему признанию, не знал себе равных.
2. В то время дом Фуриев не был еще особенно знаменит, и Камилл, служа под командой диктатора Постумия Туберта, первым из Фуриев стяжал громкую славу в большой битве с эквами и вольсками. Скача на коне впереди боевой линии своих, он получил рану в бедро, но не оставил поля сражения, а, вырвав торчавший из раны дротик, вступил в схватку с самыми храбрыми воинами противника и обратил их в бегство. За это он не только удостоился почетных даров, но и получил должность цензора, имевшую в те времена огромное значение. Среди дел, которые он осуществил, исправляя обязанности цензора, упоминают одно замечательное: уговорами и угрозами он заставил неженатых мужчин взять замуж вдов, – а их, вследствие войн, было очень много, – и одно предпринятое в силу необходимости: он обложил налогом сирот, прежде не плативших никаких податей. К такой мере принуждали частые походы, требовавшие огромных издержек, главным образом – против Вей.
Этот город был красою Этрурии; изобилием оружия и числом воинов он не уступал Риму, блистал богатством, пышностью, роскошным укладом жизни и дал римлянам немало замечательных сражений, оспаривая у них славу и господство. Но к тому времени воинственный задор Вей поостыл; потерпев несколько жестоких поражений, граждане воздвигли высокие и крепкие стены, наполнили свой город оружием, метательными снарядами, хлебом и прочими припасами и спокойно терпели осаду, правда, весьма продолжительную, однако и для осаждающих не менее хлопотную и тяжкую. Дело в том, что римляне привыкли проводить в походе только лето, то есть сравнительно недолгое время, зимовать же – в своих пределах, а тут впервые, повинуясь приказу трибунов, оказались вынуждены построить укрепления, обнести лагерь стеной и проводить на вражеской земле и зиму и лето. Меж тем почти истек уже седьмой год войны, и потому военачальники, которые, по мнению солдат, были повинны в том, что вели осаду слишком вяло и нерешительно, были смещены, а взамен их избраны новые, в числе последних – и Камилл, вторично тогда занявший должность военного трибуна. Однако той порой он не принял в осаде никакого участия: по жребию ему выпало воевать с Фалериями и Капеной,

жители которых, пользуясь тем, что римлянам был недосуг, часто совершали набеги на их владения и вообще досаждали им на протяжении всей войны с этрусками. Они были разбиты Камиллом и, понеся большие потери, загнаны в стены своих городов.

3. Затем, в самый разгар войны, на Альбанском озере произошло несчастье, которое, по отсутствию общепонятной причины и по невозможности объяснить его через действие природных начал, напугало всех не менее, чем самое невероятное чудо. Лето, не отличавшееся изобилием дождей или упорством влажных ветров с юга, закончилось, была уже середина осени; по всей Италии в многочисленных источниках, реках и озерах влага либо вовсе иссякла, либо едва покрывала дно, а реки, как бывает обычно после долгого зноя, обмелели, и русла их сузились. Но Альбанское озеро, окруженное плодородными холмами и, так сказать, внутри себя заключающее и исток свой и устье, без всякой причины, разве что по велению божества, заметно вздулось, уровень его поднялся, и вода, на которой не появилось ни волн, ни даже ряби, мало-помалу подступила к подножьям, а там и к гребню высот. Сначала этому дивились одни лишь пастухи, но когда огромная тяжесть прорвала своего рода перешеек, преграждавший озеру путь вниз, и могучий поток хлынул по пашням и посевам к морю, не только сами римляне ужаснулись, но все народы, населяющие Италию, сочли это за великое знамение. Особенно много толков о случившемся было в лагере осаждавших Вейи, так что слух о несчастье на озере дошел и до осажденных.

4. Когда осада затягивается, между противниками обычно возникают оживленные связи, беседы, и вот случилось так, что какой-то римлянин свел знакомство и нередко по душам, вполне откровенно разговаривал с одним из неприятелей, сведущим в старинных оракулах; человек этот, по мнению товарищей, владел искусством прорицания и потому превосходил других мудростью. Узнав о разливе озера, он до крайности обрадовался и стал насмехаться над осадою; римлянин заметил его радость и сказал, что это чудо не единственное, что-де римлянам в последнее время были и другие знамения, еще более невероятные, и что он охотно о них расскажет, коль скоро его собеседник может хоть сколько-нибудь облегчить их собственную участь в этих общих бедствиях. Неприятель внимательно его выслушивает и вступает в беседу, надеясь выведать какие-то тайны, а римлянин, заманивая его разговором, незаметно уводит все дальше и, наконец, когда они очутились на значительном расстоянии от ворот, схватывает и отрывает от земли – он был сильнее противника, – а затем с помощью товарищей, во множестве набежавших из лагеря, окончательно одолевает его и передает военачальникам. Очутившись в такой крайности и сообразив, что чему суждено свершиться, того, не миновать, этруск открыл не подлежавшее огласке предсказание, которое возвещало, что врагам не взять Вейи до тех пор, пока они не повернут и не направят вспять разлившиеся и бегущие новыми путями воды Альбанского озера, помешав им соединиться с морем. Узнав об этом, сенат оказался в затруднении и почел за лучшее отправить в Дельфы посольство и вопросить бога. Послы Косс Лициний, Валерий Потит и Фабий Амбуст, люди прославленные и влиятельные, переплыв море и получив ответ бога, возвратились, везя различные оракулы – как повелевающие заградить альбанские воды, дабы они не достигли моря, и вернуть их, если удастся, в прежнее ложе или же, если это окажется невозможным, отвести их с помощью рвов и канав на равнину и там использовать для орошения, так равно и иные, указывающие на пренебрежение к некоторым обрядам, которые исстари принято было исполнять во время так называемых Латинских празднеств. Когда это стало известно, жрецы приступили к жертвоприношениям, а народ взялся за работу, чтобы дать воде иное направление.

5. На десятый год войны сенат лишил власти всех должностных лиц и назначил Камилла диктатором. Избрав в начальники конницы Корнелия Сципиона, он первым делом принес обет богам, если война окончится со славой, дать большие игры и посвятить храм богине, которую римляне называют Матерью Матутой. Судя по священнодействиям, совершаемым в ее честь, можно предположить, что скорее всего это Левкофея: женщины

вводят в храм служанку и бьют ее по щекам, а затем гонят вон, обнимают детей своих сестер вместо своих родных и жертвоприношение сопровождают действиями, напоминающими о воспитании Диониса и о муках, которые терпела Ино по вине наложницы.
Покончив с обетами и молитвами, Камилл вторгся в землю фалисков и в большом сражении разбил и их самих и подоспевших им на подмогу граждан Капены. Затем он обратился к осаде Вей и, видя, что приступ был бы чрезвычайно труден, стал вести подкоп, так как местность вокруг города позволяла рыть подземные ходы и быстро проникать на такую глубину, где можно было производить работы незаметно для противника. И вот, когда надежды римлян уже близились к осуществлению, сам Камилл ударил снаружи, заставив врагов подняться на стены, меж тем как часть его солдат тайно прошла подземным ходом и незаметно для неприятеля оказалась внутри крепости, под храмом Геры, который был самым большим и самым почитаемым в городе. Рассказывают, что как раз в ту пору глава этрусков приносил там жертву, и прорицатель, бросив взгляд на внутренности, громко воскликнул, что божество дарует победу тому, кто завершит это священнодействие. Его слова услышали римляне в подкопе; они тут же взломали пол, с криком, со звоном оружия появились в храме и, когда враги в ужасе разбежались, схватили внутренности и отнесли их Камиллу. Впрочем, я готов признать, что рассказ этот походит на басню.
Когда город был захвачен и римляне принялись расхищать и растаскивать его безмерные богатства, Камилл, глядя из крепости на эту картину грабежа, сначала плакал, стоя неподвижно, а затем, слыша отовсюду поздравления, простер руки к богам и так взмолился: «О, Юпитер Верховный и вы, боги, надзирающие за делами добрыми и дурными, вы сами свидетели, что не вопреки справедливости, но, вынужденные к обороне, караем мы этот город враждебных нам и беззаконных людей! Но если тем не менее и нас ждет некая расплата за нынешнюю удачу, пусть она, молю, падет, с наименьшим ущербом, на меня одного, минуя государство и войско римское!» И с этими словами он, как принято у римлян при молитве, хотел повернуться направо, но, совершая поворот, упал. Все окружающие были немало встревожены, однако Камилл, поднявшись, сказал, что все произошло по его молитве – величайшее счастье искупается маленькой неудачей.

4. Вторжение галлов.

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга V. Пер. С.А. Иванова.

33. (1) А между тем роковые для Города события приближались: явились послы от клузийцев, прося помощи против галлов. (2) Говорят, что это племя перешло Альпы, привлеченное сладостью здешних плодов, но более всего – вина, удовольствия им неизвестного. Они заняли земли, которые раньше возделывали этруски. (3) Якобы клузиец Аррунт привез вино в Галлию именно для того, чтобы приманить это племя, – он, мол, гневался на Лукумона, чьим опекуном он раньше был, за то, что тот соблазнил его жену, а поскольку сей юноша обладал большой властью, то невозможно было наказать его иначе, как прибегнув к чужеземной силе. (4) Дескать, этот Аррунт и перевел врагов через Альпы и стал виновником осады Клузия. Я, пожалуй, не стал бы отрицать, что на Клузий галлов навел Аррунт или кто другой из клузийцев. (5) Но совершенно ясно и то, что осаждавшие Клузий не были первыми, кто перешел через Альпы. Ведь галлы перевалили в Италию за двести лет до осады Клузия и взятия Рима; (6) воинства же галльские сражались сперва не с этими этрусками; но еще много прежде они нередко сталкивались с теми из них, что жили между Апеннинами и Альпами…
34. (1) Вот что мы узнали о переходе галлов в Италию: когда в Риме царствовал Тарквиний Древний, высшая власть у кельтов, занимающих треть Галлии, принадлежала

битуригам, они давали кельтскому миру царя. (2) В доблестное правление Амбигата и сам он, и государство разбогатели, а Галлия стала так изобильна и плодами, и людьми, что невозможно оказалось ею управлять. (3) Поскольку население стремительно увеличивалось, Амбигат решил избавить свое царство от избытка людей. Белловезу и Сеговезу, сыновьям своей сестры, он решил назначить для обживания те места, на какие боги укажут в гаданиях. (4) Они могли взять с собой столько людей, сколько хотели, дабы ни одно племя не было в состоянии помешать переселенцам. Тогда Сеговезу достались лесистые Герцинские горы, а Белловезу, к огромной его радости, боги указали путь в Италию. (5) Он повел за собой всех, кому не хватало места среди своего народа, выбрав таких людей из битуригов, арвернов, сенонов, эдуев, амбарров, карнутов и аулерков. Тронувшись в путь с огромными силами пехоты и конницы, он пришел в земли трикастинов. (6) Впереди вздымались Альпы. Мне ничуть не удивительно, что преодолеть их показалось ему невозможным: ведь если справедливы исторические предания, никому до тех пор не удавалось перейти через них, разве что мы поверим сказкам про Геркулеса. (7) Горы стенами высились со всех сторон. Потрясенные вышиной уходящих в небо хребтов, галлы принялись искать, как бы им перебраться через них в лежащий по ту сторону мир. Задержало их еще и суеверие: они узнали, что некие пришельцы, искавшие себе земель, подверглись нападению племени саллювиев. (8) То были массилийцы, приплывшие кораблями из Фокеи. Считая это предзнаменованием своей судьбы, галлы помогли им закрепиться в том месте, где они обосновались, как только высадились на сушу; и саллювии это стерпели. (9) Сами же они перешли Альпы по Тавринскому ущелью и долине Дурии и разбили тусков в сражении при реке Тицине. Узнав, что выбранное ими для поселения место называется Инсубрское поле, они сочли это благим предзнаменованием, поскольку инсубрами именуется одна из ветвей племени эдуев. Они основали там город Медиолан.

35. (1) Затем новая орда, ценоманы, под водительством Этитовия, идя по следам первых галлов, перешла Альпы по тому же ущелью. Но им уже помогал Белловез. Они заняли те земли, где теперь находятся города Бриксия и Верона. (2) После них осели либуи и саллювии, поселившись вдоль реки Тицина, рядом с древним племенем левых лигурийцев. Вслед за тем по Пеннинскому перевалу пришли бои и лингоны, но, поскольку все пространство между Падом и Альпами было уже занято, они переправились на плотах через Пад, выгнали не только этрусков, но и умбров с их земли, однако Апеннины переходить не стали. (3) И наконец, сеноны, переселившиеся последними, заняли все от реки Утента вплоть до Эзиса. Я уверен, что именно это племя напало потом на Клузий и Рим, неясно только, в одиночку или же при поддержке всех народов Цизальпинской Галлии. (4) Клузийцы боялись надвигавшейся войны: им было известно, сколь многочисленны галлы, сколь неслыханно велики ростом, как вооружены; они были наслышаны, сколь часто этрусские легионы бежали пред их лицом как по сю, так и по ту сторону Пада. И вот клузийцы отрядили послов в Рим. Они просили сенат о помощи, хотя с римлянами их не связывал никакой договор, ни о союзе, ни о дружбе. Единственным основанием могло служить то, что они в свое время не выступили против римского народа на защиту вейян, своих единоплеменников. (5) В помощи было отказано, но к галлам отправили посольство – трех сыновей Марка Фабия Амбуста, чтобы они именем сената и народа римского потребовали не нападать на их друзей и союзников, которые вдобавок не причинили галлам никакой обиды; (6) если потребуется, римляне-де вынуждены будут защищать клузийцев с оружием в руках; однако предпочтительнее, если возможно, вовсе отказаться от войны и познакомиться с галлами, этим новым народом, в мирной тиши, а не в грохоте битвы.

36. (1) Это посольство было бы мирным, не будь сами послы буйными и похожими скорее на галлов, чем на римлян. Когда они изложили все, что им было поручено, на совете галлов, те ответили: (2) хоть они и слышат имя римлян впервые, но верят, что это храбрые мужи, раз именно к ним бросились за помощью клузийцы, оказавшись в беде. (3) Они,

галлы, предпочитают искать союзников во время переговоров, а не боев, и не отвергают предложенного послами мира, но только при одном условии: клузийцы должны уступить нуждающимся в земле галлам часть своих пашен, поскольку все равно имеют их больше, чем могут обработать. Иначе они на мир не согласятся. (4) Пусть им немедленно, в присутствии римлян дадут ответ, и если в их требовании о земле будет отказано, то они в присутствии тех же римлян пойдут в бой, дабы послы могли дома рассказать, насколько галлы превосходят доблестью прочих смертных.

(5) Когда римляне спросили, по какому праву галлы требуют землю у ее хозяев, угрожая оружием, и что у них за дела в Этрурии, те высокомерно заявили, что право их – в оружии и что нет запретов для храбрых мужей. Обе стороны вспылили, все схватились за мечи, и завязалось сражение. (6) А над Римом уже нависал рок, ибо послы, в нарушение права народов, также взялись за оружие. И это не могло пройти незамеченным, коль скоро трое знатнейших и храбрейших римских юношей сражались впереди этрусских знамен – доблесть сих чужеземцев бросалась в глаза. (7) И в довершение всего Квинт Фабий, выехав на коне из строя, убил галльского вождя, неистово рвавшегося к этрусским знаменам. Он насквозь пробил ему бок копьем, а когда начал снимать доспехи, галлы узнали его, и по всем рядам разнеслось, что это римский посол.

(8) Клузийцы были тотчас забыты; посылая угрозы римлянам, галлы затрубили отбой. Среди них нашлись такие, кто предлагал немедленно идти на Рим, но верх одержали старейшины. Они решили сперва отрядить послов с жалобой на обиду и потребовать выдачи Фабиев за осквернение права народов. (9) Когда галльские послы передали то, что им было поручено, сенат не одобрил поступка Фабиев и счел требование варваров законным. Но поскольку речь шла о мужах столь знатных, то угодничество преградило путь долгу и решение не было принято. (10) Итак, сенат передал это дело народному собранию, чтобы снять с себя ответственность за возможные поражения в войне с галлами. А там настолько возобладало лицеприятие и подкуп, что те, кого собирались наказать, были избраны военными трибунами с консульскими полномочиями на следующий год. (11) После этого недостойного деяния галлы ожесточились и, открыто угрожая войной, вернулись к своим. (12) Военными же трибунами, кроме трех Фабиев, были избраны Квинт Сульпиций Лонг, Квинт Сервилий в четвертый раз, Публий Корнелий Малугинский [**390 г.**].

37. (1) Вот до какой степени ослепляет людей судьба, когда она не хочет, чтобы противились ее всесокрушающей силе! Уже надвигалась громада беды, уже от Океана, от самого края мира приближался с войною невиданный и неслыханный враг – (2) а государство не учредило никаких особых полномочий и не обратилось ни к кому за помощью, в то время как даже в войне с фиденянами, с вейянами и прочими окрестными народами оно принимало крайние меры, да и диктатора назначало множество раз. (3) Во главе всех приготовлений стояли те самые трибуны, из-за дерзости которых и началась война; они проводили набор ничуть не более тщательно, чем для обычной войны, еще даже умаляя ходившие о ней слухи. (4) А галлы, узнав, что осквернители общечеловеческих законов избраны на высшую должность, а посольство их подверглось оскорблениям, вскипели гневом, коего народ сей не умеет обуздывать. Немедля подняли они знамена и спешным маршем выступили в путь. (5) При виде их стремительно проходящих полчищ жители городов в страхе бросались к оружию, а поселяне разбегались. Однако они громким криком возвещали, что идут на Рим. Двигавшиеся колонны занимали огромное пространство; массы людей и лошадей растянулись и в длину, и в ширину. (6) Впереди врагов неслась молва о них, за ней спешили вестники от клузийцев, а потом и от других народов поочередно – и все же наибольший страх вызвала в Риме стремительность неприятеля: (7) вышедшее ему навстречу наспех собранное войско, как ни торопилось, встретило его всего в одиннадцати милях от города, там, где **река Аллия**, по глубокой ложбине сбегая с Крустумерийских гор, впадает в Тибр несколько ниже дороги. (8) Не только впереди, но и вокруг все уже было полно врагов.

Галлы и вообще по своей природе склонны производить бессмысленный шум, а тогда весь воздух был наполнен леденящими душу звуками: это варвары издавали дикие крики и горланили свирепые песни.

38. (1) Тут военные трибуны, не выбрав заранее места для лагеря, не соорудив загодя вал на случай отступления, выстроили боевой порядок. Не позаботились они не только о земных, но и о божественных делах, пренебрегши ауспициями и жертвоприношениями. Римский строй был растянут в обе стороны, чтобы полчища врагов не могли зайти с тыла, (2) однако все равно уступал по длине неприятельскому – между тем в середине этот растянутый строй оказался слабым и едва смыкался. Резерв решили поставить на правом крыле, где была маленькая возвышенность; именно она послужила впоследствии как источником паники и бегства, так и единственным спасением для беглецов. (3) Галльский вождь **Бренн**, при малочисленности неприятеля, весьма опасался какой-то хитрости, и вот он решил, будто этот холм занят для того, чтобы ударить резервом во фланг и тыл галлов, когда те столкнутся с легионами лицом к лицу. Тогда он развернул строй против резервов в твердой уверенности, что, если он выбьет их с холма, (4) победу на ровном поле при таком численном перевесе будет одержать легко. Вот до какой степени не только судьба, но и рассудительность была на стороне варваров!

(5) А в противоположном стане ни вожди, ни воины не напоминали римлян. Во всех душах царил лишь страх и мысль о бегстве; помрачение умов было таково, что, несмотря на препятствие в виде Тибра, подавляющее большинство бросилось в Вейи, чужой город, вместо того, чтобы бежать прямым путем в Рим, к женам и детям. (6) Лишь резервы еще недолгое время находились под защитой возвышенности, остальное же войско, как только передние сбоку, а задние с тыла услышали крики, враз обратилось в бегство от неведомого врага еще раньше, чем его увидело. Римляне бежали, не только не пытаясь померяться силами с неприятелем, не только не сразившись с ним и не получив ни одной царапины, но даже и не ответив на его клич. (7) Никто не погиб в сражении, все убитые были поражены в спину, когда началась давка, а толчея затрудняла бегство. (8) Страшная резня произошла на берегу Тибра, куда, побросав оружие, бежало целиком все левое крыло. Многих не умевших плавать или ослабевших под тяжестью доспехов и одежды поглотила пучина. (9) Тем не менее огромное большинство без затруднений добралось до Вей, откуда они не послали в Рим не только подмоги, но даже вести о поражении. (10) С правого крыла, стоявшего далеко от реки, под горой, все кинулись в Город, где укрылись в Крепости, даже не заперев городских ворот.

39. (1) Галлы онемели от этого чуда. Повергнутые в страх своей собственной молниеносной победой, они сперва застыли, не понимая, что произошло. Потом начали подозревать засаду. Затем принялись собирать доспехи убитых и по своему обычаю нагромождать их оружие в кучи. (2) И лишь тогда, не видя никаких признаков неприятеля, они тронулись в путь и незадолго до захода солнца подошли к Риму. Когда высланные вперед всадники донесли, что ворота не заперты, перед ними не выставлены заставы, а на стенах не видно караулов, это диво поразило галлов, как и первое. (3) Опасаясь ночи и не зная расположения Города, они заночевали между Римом и Аниеном и разослали лазутчиков вокруг стен и ворот, чтобы разузнать, что намерены делать враги в своем бедственном положении. (4) Поскольку большая часть войска бежала в Вейи и лишь немногие в Рим, горожане решили, что почти никому не удалось спастись. Весь Город наполнился причитаниями и по мертвым и по живым. (5) Но, когда стало известно о приближении неприятеля, личное горе каждого отступило перед лицом всеобщего ужаса. Вскоре стали слышны завывания и нестройные песни варваров, шайками рыщущих вокруг стен. (6) Время до утра тянулось в страхе, так как в любой момент ожидалось нападение на Город. Зачем они явились, как не для того, чтобы напасть? Не будь у них этого намерения, они остались бы на Аллии. (7) Потом, перед заходом солнца, когда светлого времени осталось уже немного, решили, что нападение произойдет вечером; позже стали думать, что оно для пущего страха отложено на ночь. К утру римляне

окончательно обессилели. (8) И тут после долгих часов страха разразилась и сама беда: вражеские силы стали в воротах.
И тем не менее ни той ночью, ни на следующий день люди уже не напоминали тех трусов, что бежали при Аллии. (9) Не было никакой надежды защитить Город оставшимися столь малыми силами, и потому римляне решили, что способные сражаться юноши, а также самые крепкие из сенаторов должны вместе с женами и детьми удалиться в Крепость и на Капитолий, (10) свезти туда оружие, продовольствие и оттуда, с укрепленного места, защищать богов, граждан и имя римское. (11) Фламину и жрицам-весталкам поручили унести как можно дальше от резни и пожара общественные святыни, чтобы о почитании богов было забыто не раньше, чем сгинет последний из почитателей. (12) Если грозящее Городу разрушение переживут Крепость и Капитолий, обитель богов, если уцелеет боеспособная молодежь и сенат, средоточие государственной мудрости, то можно будет легко пожертвовать толпой стариков, оставляемых в Городе на верную смерть. (13) А чтобы чернь снесла это спокойнее, старики – триумфаторы и бывшие консулы – открыто заявляли, что готовы умереть вместе с ними: лишние люди, не способные носить оружие и защищать отечество, не должны обременять собою воюющих, которые и так будут во всем терпеть нужду.
40. (1) Вот какие речи раздавались среди старцев, которые сами обрекали себя на смерть. Потом напутствия были обращены к колонне юношей, которую они провожали до Крепости и Капитолия. Они вверяли Город их молодой доблести. А ведь какая бы судьба ни была ему уготована, в прошлом он на протяжении трехсот шестидесяти лет всегда выходил победителем из всех войн. (2) Для тех, кто уходил, была ужасна мысль, что они уносят с собой последнюю надежду и заступу остающихся, они не смели даже взглянуть на людей, решивших погибнуть вместе с захваченным городом. (3) Но вот когда поднялся женский плач, когда матроны стали в беспамятстве метаться, бросаясь то к одному, то к другому, вопрошая мужей и сыновей, на какую судьбу те их обрекают, тут уж человеческое горе дошло до последнего предела. (4) Все же большая часть женщин последовала за своими близкими в Крепость. Никто не звал их, но никто им и не препятствовал: если бы непригодных к войне было меньше, это давало бы выгоду осажденным, но было бы уж слишком бесчеловечно. (5) Остальная масса людей, в большинстве своем плебеи, которым не хватило бы ни места на столь маленьком холме, ни продовольствия, высыпала из Города и плотной толпой, наподобие колонны, устремилась на Яникул. (6) Оттуда часть рассеялась по деревням, а часть бросилась в соседние города. Не было у них ни предводителя, ни согласованности в действиях, но каждый искал спасения как мог и руководствовался собственными интересами, махнув уже рукой на общие.
(7) А в это время фламин Квирина и девы-весталки, забыв о собственном имуществе, совещались, какие из священных предметов следует унести с собой, а какие оставить, ибо не было сил унести все. (8) Раздумывая, где найти самое надежное укрытие, они сочли наилучшим заложить их в бочки и закопать в часовне поблизости от жилища фламина Квирина, там, где теперь священный обычай запрещает плевать. Остальной груз они разделили между собой и понесли через Свайный мост по дороге, ведущей на Яникул. Из Города тянулась вереница людей, непригодных к военной службе. (9) В толпе других увозил на телеге жену с детьми и некий римский плебей Луций Альбин. На середине моста он заметил весталок. (10) Даже в таких обстоятельствах не было забыто различие божественного и земного: считая святотатством, чтобы государственные жрицы шли пешком и несли на руках святыни римского народа, в то время как его семья на глазах у всех едет в повозке, Альбин приказал жене и детям сойти, разместил на телеге весталок со святынями и доставил их в Цере, куда жрицы держали путь.
41. (1) Между тем в Риме были закончены все приготовления к обороне Крепости, какие могли быть предприняты в подобных обстоятельствах. После этого все старцы разошлись по домам и стали ждать прихода неприятеля, душою приготовившись к смерти. (2) Те из

них, кто некогда занимал курульные должности, желали умереть, украшенные знаками отличия своей прежней счастливой судьбы, почестей и доблести. Они воссели в своих домах на креслах из слоновой кости, облачившись в те священные одежды, в коих вели колесницы с изображениями богов или справляли триумфы. (3) Некоторые передают, будто они решили принести себя в жертву за отечество и римских квиритов и будто сам великий понтифик Марк Фабий произнес над ними посвятительное заклинание.

(4) За ночь воинственность галлов несколько приутихла. Кроме того, им не пришлось сражаться, не пришлось опасаться поражения в битве, не пришлось брать Город приступом или вообще силой – поэтому на следующий день они вступили в Рим без злобы и рвения. Через открытые Коллинские ворота они добрались до форума, обводя глазами храмы богов и Крепость, которая одна имела вид изготовившейся к отпору. (5) На тот случай, если из Крепости или Капитолия совершат вылазку против разбредшихся воинов, галлы оставили небольшую охрану, а сами кинулись за добычей по безлюдным улицам. Одни толпой вламывались в близлежащие дома, другие стремились в те, что подальше, как будто именно там и собрана в неприкосновенности вся добыча. (6) Но потом, испуганные странным безлюдьем, опасаясь, как бы враги не задумали какого подвоха против тех, кто блуждает поодиночке, галлы начали собираться группами и возвращаться на форум и в кварталы по соседству. (7) Дома плебеев там были заперты, а знатных – стояли открытыми, и тем не менее они входили в них чуть ли не с большей опаской, чем в закрытые. (8) С благоговением взирали галлы на тех мужей, что восседали на пороге своих домов: кроме украшений и одежд, более торжественных, чем бывает у смертных, эти люди походили на богов еще и той величественной строгостью, которая отражалась на их лицах. (9) Варвары дивились на них, как на статуи. Рассказывают, что в этот момент один из стариков, Марк Папирий, ударил жезлом из слоновой кости того галла, который вздумал погладить его по бороде (а тогда все носили бороды). Тот пришел в бешенство, и Папирий был убит первым. Другие старики также погибли в своих креслах. (10) После их убийства не щадили уже никого из смертных, дома же грабили, а после поджигали.

42. (1) Впрочем, в первый день пожары распространились менее, чем это обычно бывает в захваченном городе. Быть может, не все галлы так уж стремились уничтожить город. А может быть, их вожди преследовали сразу две цели: (2) с одной стороны, принудить засевших на Капитолии сдаться, используя их привязанность к родным домам и устроив для острастки два-три пожара, а с другой стороны, сохранить нетронутыми часть кварталов, чтобы впоследствии, угрожая сжечь и их, сделать противника более покладистым. (3) Римляне из Крепости видели, что город полон врагов, видели, как они рыщут по улицам, как бедствие пожирает квартал за кварталом, но не могли не только воспринимать происходящее разумом, но даже и вполне владеть своим зрением и слухом. (4) Откуда бы ни доносились крики врагов, вопли женщин и детей, рев пламени и грохот обрушивающихся зданий, на все они растрачивали в страхе свое внимание, оборачивались во все стороны, везде блуждали взором. Судьба словно поставила их зрителями при гибели отечества, (5) бессильными спасти что-либо, кроме собственных тел. Находясь в осаде, будучи оторваны от родных очагов, видя все свое имущество во власти врага, они были куда несчастнее всех, кто когда-либо переживал осаду. (6) Этот ужасный день сменила тревожная бессонная ночь; наконец наступил рассвет. Всякий миг приносил с собой новую беду. (7) И все же римляне не падали духом под гнетом и тяжестью стольких несчастий. Пусть пожары и разрушения на их глазах сравняли город с землей, пусть холм, который они занимали, был беден и мал – они все равно готовились храбро защищать этот последний клочок свободы. (8) И, поскольку каждый день нес лишь несчастья, люди как будто уже привыкли к ним; они сделались безразличны ко всему, к чему когда-то были привязаны, – отныне они не обращали внимания ни на что, кроме своего оружия, того железа, которое они сжимали в руках как единственную и последнюю надежду.

43. (1) Галлы тоже решили прибегнуть к силе. Война, которую они несколько дней вели против одних только домов захваченного города, не принесла результатов: хотя после пожаров п разрушений там не уцелело уже ничего, кроме вооруженных защитников, тех не удалось ни запугать угрозами, ни склонить к сдаче. И вот галлы отважились на крайнюю меру – штурм Крепости. (2) На рассвете все их полчища по команде выстроились на форуме; оттуда они, образовав «черепаху», с криком двинулись к подножью холма. Римляне действовали против врага без робости, но и не безрассудно: все подъемы к Крепости, на которых наблюдалось продвижение галлов, были укреплены, и там поставлены самые отборные воины. Однако неприятелю не мешали взбираться наверх, полагая, что, чем выше он вскарабкается, тем легче будет сбросить его с кручи. (3) Римляне удерживались примерно на середине склона, где крутизна как бы сама толкает воина на врага. Оттуда они вдруг обрушились на галлов, избивая их и сталкивая вниз. Разгром был столь сокрушителен, что противник ни разу более не осмелился на подобные предприятия, ни отдельным отрядом, ни всем войском. (4) Итак, потеряв надежду победить силой оружия, галлы начали готовиться к осаде, о которой до этого момента не помышляли. Но продовольствия уже не было ни в Городе, где его уничтожил пожар, ни в окрестностях, откуда его как раз в это время вывезли в Вейи. (5) Тогда было решено разделить войско, чтобы часть его грабила окрестные народы, а часть осаждала Крепость. Таким образом опустошители полей снабжали бы провизией осаждавших. (6) Видно, сама судьба пожелала испытать римскую доблесть, когда она повела вышедших из Города галлов на Ардею, где находился в изгнании **Камилл**. (7) Горюя над общественным злосчастьем гораздо больше, чем над своим собственным, он старился там в укоризнах богам и людям. Его возмущало и изумляло, куда подевались те храбрецы, что брали с ним Вейи, Фалерии, что всегда выигрывали войны благодаря мужеству, а не везению. (8) И вдруг он узнал о приближении галльского войска и о том, что перепуганные этим ардеяне собираются на совет. Раньше Камилл всегда воздерживался от участия в их собраниях, но тут он решительно отправился на сходку, ведомый божественным вдохновением.

44. (1) «Ардеяне,– начал он,– старые друзья мои и нынешние мои сограждане! Я помню, что в Ардею меня привело ваше великодушие и моя несчастная доля. Пусть никто не попрекает меня, будто сейчас я пришел сюда, забыв о своем положении. Но сами обстоятельства, общая для всех опасность требуют, чтобы в сей грозный час каждый пожертвовал на общее дело все, чем он может быть полезен. (2) Когда же мне и отблагодарить вас за ваши великие по отношению ко мне услуги, если сейчас я останусь в стороне? Какая же вам от меня будет польза, если не на войне? Этим искусством я славился на родине. В войнах был я непобедим, но во дни мира неблагодарные сограждане изгнали меня.

(3) Вам, ардеяне, представляется удобный случай отблагодарить римский народ за его многочисленные услуги. Вы о них и сами помните, а потому мое напоминание не является попреком. А вашему городу достанется великая слава за победу над общим врагом. (4) Галлы, приближающиеся сюда нестройной толпой, – это такое племя, коему природой даны высокий рост и великая пылкость, но и тому и другому недостает устойчивости. Посему они выигрывают битвы скорее устрашением, чем силой. (5) Доказательством пусть послужит хотя бы та же гибель Рима: они захватили Город потому, что тот не охранялся, с Крепости же и Капитолия им и посейчас успешно сопротивляется крохотный отряд. Но осада им прискучила, и вот они уже уходят и начинают врассыпную шататься по полям. (6) Жадно набив брюхо едой и вином, они разваливаются, лишь только их застигнет ночь. Подобно диким зверям, они спят вблизи речных потоков, не сооружая укреплений, не разбивая палаток, не выставляя караулов. Поскольку теперь удача на их стороне, они еще беспечнее обыкновенного. (7) Если вы собираетесь защищать родные стены, если не хотите мириться с тем, что все это станет галльским, то в первую стражу вооружитесь и все поголовно следуйте за мной. Не на битву – на избиение. Если я не

предам в ваши руки смоpенных сном врагов, если вы не перережете их, как скот, то пусть со мной в Ардее поступят так же, как поступили в Риме».
45. (1) Как друзья Камилла, так и его недруги были убеждены, что другого такого военачальника не существовало в то время нигде. Поэтому все они по закрытии собрания стали собираться с силами и только напряженно ожидали сигнала. Когда он прозвучал, ардеяне в полной боевой готовности сошлись у городских ворот и Камилл возглавил их. Вокруг стояла такая тишина, какая бывает в начале ночи. (2) Вскоре после выхода из города. как и было предсказано, наткнулись на галльский лагерь, не защищенный и не охраняемый ни с одной из сторон. С громким криком они напали на него. (3) Никакого сражения не было – повсюду шла резня: рубили объятых сном безоружных воинов. Впрочем, тех, что были дальше всего, ужас поднял ото сна и обратил в бегство, но поскольку они не знали, откуда и что это за напасть, то многие по растерянности бросились как раз в сторону врага. Значительная часть галлов врассыпную бежала в землю Антия, где они были окружены предпринявшими вылазку горожанами. (4) А в вейской земле произошло подобное же избиение тусков. Дело в том, что они были столь безжалостны к Городу, который почти четыреста лет был их соседом, а теперь стал жертвой невиданного и неслыханного врага, что совершали набеги на римскую землю. Будучи и без того обременены добычей, они собрались напасть даже на Вейи – последнее прибежище и надежду римского народа. (5) Римские воины сначала увидели их, бродивших по полям, а потом снова, когда они, собравшись толпой, гнали перед собой добычу. Заприметили и лагерь, разбитый неподалеку от Вей. (6) Сперва всеми овладела жалость к себе, но потом ее сменило возмущение и гнев: этрускам ли, от коих они отвратили на себя галльскую войну, глумиться над их несчастиями? (7) Еле сдержались они, чтобы не напасть немедленно, но их остановил центурион Квинт Цедиций, которого они сами выбрали себе в предводители. Решено было дождаться ночи, когда повторилось все, как в Ардее, и столь же счастливо закончилось – (8) недоставало лишь военачальника, равного Камиллу. Мало того, по указаниям пленных, уцелевших от ночной резни, римляне отправились к Салинам, против другого отряда тусков и, неожиданно напав на них следующей ночью, учинили избиение еще большее. Торжествуя двойную победу, они вернулись в Вейи.
46. (1) Между тем в Риме с обеих сторон все было тихо. Осада шла вяло, и галлы заботились только о том, чтобы никто из врагов не смог проскользнуть между их караулами. И вот неожиданно один римский юноша вызвал изумление и у сограждан, и у неприятеля. (2) Род Фабиев издавна совершал жертвоприношения на Квиринальском холме. А тогда **Гай Фабий Дорсуон**, препоясавшись по-габински, со священной утварью в руках спустился с Капитолия, дабы выполнить установленный обряд. Он прошел прямо среди вражеских часовых, не обращая внимания ни на окрик, ни на смятение. (3) Дойдя до Квиринальского холма, он совершил все положенные действа и отправился обратно тою же дорогой. И лицо, и поступь его на возвратном пути были столь же тверды: он уповал на помощь богов, чьим культом не пренебрег даже под страхом смерти. То ли галлы были потрясены его невероятной доблестью, то ли тронуты благочестием, к которому сие племя отнюдь не равнодушно, но только юноша невредимым вернулся к своим на Капитолий. (4) А тем временем в Вейях у римлян прибывало не только мужества, но и сил. Туда собирались люди, рассеявшиеся по окрестностям после злосчастной битвы и бедственного падения Города, стекались добровольцы из Лация, желавшие принять участие в разделе добычи. (5) Ясно было, что зреет час освобождения родины, что пора вырвать ее из рук врага. Но пока имелось лишь крепкое туловище, которому не хватало головы... (6) Вейи и сами по себе напоминали о Камилле; большинство воинов успешно воевало под его водительством и командованием. И вот Цедиций заявил, что он никому, ни богу, ни человеку, не позволит положить конец его власти, но что он сам, по собственной воле, памятуя о своем чине, требует назначения настоящего полководца. (7) Со всеобщего согласия было решено вызвать из Ардеи Камилла, но сперва запросить сенат,

находящийся в Риме. До такой степени властвовала надо всем смиренность, что даже на краю гибели соблюдалось чинопочитание! (8) Проникнуть через вражеские посты было делом рискованным – для этого свершения предложил свои услуги отважный юноша **Понтий Коминий**. Завернувшись в древесную кору, он вверил себя течению Тибра и был принесен в Город, (9) а там вскарабкался по ближайшей к берегу скале, такой отвесной, что врагам и в голову не приходило ее сторожить. Ему удалось подняться на Капитолий и передать просьбу войска на рассмотрение должностных лиц. (10) В ответ на нее было получено распоряжение сената, согласно которому Камилл, возвращенный из ссылки куриатными комициями, немедленно провозглашался от имени народа диктатором; воины же получали право выбрать полководца, какого пожелают. И с этим вестник, спустившись той же дорогой, поспешил обратно. (11) Отряженные в Ардею послы доставили Камилла в Вейи. Впрочем, я больше склонен верить тому, что он не раньше покинул Ардею, чем убедился в принятии соответствующего закона: ведь у него не было права ни пересечь римские границы без разрешения народа, ни принять командование над войском, пока он не был провозглашен диктатором. Итак, был принят куриатский закон и Камилл заочно назначен диктатором.

47. (1) Вот что происходило в Вейях, а в Риме тем временем Крепость и Капитолий подверглись ужасной опасности. (2) Дело в том, что галлы или заметили человеческие следы там, где прошел гонец из Вей, или сами обратили внимание, что у храма Карменты начинается пологий подъем на скалу. Под покровом ночи они сперва выслали вперед безоружного лазутчика, чтобы разведать дорогу, а потом полезли наверх уже все. Там, где было круто, они передавали оружие из рук в руки; одни подставляли плечи, другие взбирались на них, с тем чтобы потом вытащить первых; (3) если было нужно, все подтягивали друг друга и пробрались на вершину так тихо, что не только обманули бдительность стражи, но даже не разбудили собак, животных столь чутких к ночным шорохам. (4) *Но их приближение не укрылось от гусей, которых, несмотря на острейшую нехватку продовольствия, до сих пор не съели, поскольку они были посвящены Юноне.* Это обстоятельство и оказалось спасительным. От их гогота и хлопанья крыльев проснулся **Марк Манлий**, знаменитый воин, бывший консулом три года назад. Схватившись за оружие и одновременно призывая к оружию остальных, он среди всеобщего смятения кинулся вперед и ударом щита сбил вниз галла, уже стоявшего на вершине. (5) Покатившись вниз, галл в падении увлек за собой тех, кто поднимался вслед за ним, а Манлий принялся разить остальных – они же, в страхе побросав оружие, цеплялись руками за скалы. Но вот уже сбежались и другие римляне: они начали метать стрелы и камни, скидывая врагов со скал. Среди всеобщего обвала галльский отряд покатился к пропасти и рухнул вниз. (6) По окончании тревоги все попытались на остаток ночи уснуть, хотя при царившем в умах возбуждении это было нелегко – сказывалась минувшая опасность. (7) На рассвете труба созвала воинов на совет к трибунам: ведь нужно было по заслугам воздать и за подвиг и за преступление. Прежде всего благодарность за свое мужество получил Манлий, ему были сделаны подарки от военных трибунов, и по единодушному решению всех воинов (8) каждый приносил к нему в дом, находившийся в Крепости, по полуфунту полбы и по кварте вина. И то сказать, сущая безделица! Но в условиях голода она становилась величайшим доказательством любви, ведь для чествования одного-единственного человека каждый должен был урвать от собственных насущных потребностей, отказывая себе в пище. (9) Затем были приведены воины, стоявшие на часах в том месте, где незамеченным сумел взобраться враг. Когда военный трибун Квинт Сульпиций объявил, что казнит их всех по военному обычаю, в ответ раздался такой единодушный крик воинов, что он испугался; (10) поскольку все в один голос винили только одного часового, остальных решено было пощадить, а несомненного виновника преступления сбросить со скалы, что вызвало всеобщее одобрение. (11) С тех пор обе стороны усилили охрану: галлы потому, что им стало

известно о хождении посыльных между Вейями и Римом, а римляне – из-за воспоминаний о ночной тревоге.

48. (1) Но вперед всех ужасов войны и осады обе стороны мучил голод, (2) а галлов еще и мор – ведь их лагерь лежал между холмов, в местности, сожженной пожаром и наполненной испарениями. При любом дуновении ветра вместе с пылью поднимался пепел. (3) Всего этого галлы совершенно не могли переносить, поскольку их племя привычно было к климату влажному и холодному. Их мучила удушливая жара, косила болезнь, и они мерли, как скот. Уже не было сил хоронить умерших по-отдельности – их тела нагромождали в кучи и сжигали без разбора. Оттого это место вошло в историю под названием Галльское пожарище. (4) Затем с римлянами было заключено перемирие, и с разрешения полководцев начались переговоры. Галлы призывали сдаться, твердя, что это все равно неизбежно из-за голода. Передают, будто римляне, желая опровергнуть их, начали во многих местах кидать с Капитолия хлеб во вражеские караулы. (5) Однако голода нельзя было долее ни скрывать, ни переносить, (6) Сколь ни были изнурены несением службы и стражи воины на Капитолии, они превозмогали все человеческие страдания – одного только голода природа не попустила превозмочь. (7) День за днем воины вглядывались вдаль, не появится ли помощь от диктатора, и в конце концов лишились не только еды, но и надежды. Поскольку все оставалось по-прежнему, а обессилевшие воины уже чуть не падали под тяжестью собственного оружия, они потребовали или сдаться, или заплатить выкуп на любых условиях, тем более что галлы ясно давали понять, что за небольшую сумму их легко будет склонить к прекращению осады. Между тем как раз в это время диктатор подготавливал все к тому, чтобы сравняться силами с неприятелем: он лично провел набор в Ардее и приказал начальнику конницы Луцию Валерию вести войско из Вей. (8) Однако к этому моменту сенат уже собрался на заседание и поручил военным трибунам заключить мир. *Военный трибун Квинт Сульпиций и галльский вождь Бренн согласовали сумму выкупа, и народ, которому предстояло править всем миром, был оценен в тысячу фунтов золота.* (9) Эта сделка, омерзительная и сама по себе, была усугублена другой гнусностью: принесенные галлами гири оказались фальшивыми, и, когда трибун отказался мерять ими, заносчивый галл положил еще на весы меч. Тогда-то и прозвучали невыносимые для римлян слова: **горе побежденным!**

49. (1) Но ни боги, ни люди не допустили, чтобы жизнь римлян была выкуплена за деньги. Еще до того, как заплачено было чудовищное вознаграждение, когда из-за пререканий отвешивание золота прекратилось, неожиданно появился диктатор. Он приказал, чтобы золото убрали прочь, а галлов удалили. (2) Когда те стали упираться, ссылаясь на то, что действуют по договору, он заявил, что последний не имеет законной силы, поскольку был заключен уже после того, как он был избран диктатором, без его разрешения, должностным лицом низшего ранга. Камилл велел галлам выстраиваться для битвы, (3) а своим – сложить походное снаряжение в кучу и готовить оружие к бою. Освобождать отечество надо железом, а не золотом, имея перед глазами храмы богов, с мыслью о женах, детях, о родной земле, обезображенной ужасами войны, обо всем том, что священный долг велит защищать, отвоевывать, отмщать! (4) Затем диктатор выстроил войско, насколько это допускал неровный характер местности и развалины полуразрушенного города. Он предусмотрел все, чем военное искусство могло помочь ему в этих условиях. (5) Испуганные новым оборотом дела, взялись за оружие и галлы, но напали они на римлян скорее под действием гнева, чем по здравом размышлении. Счастье уже переменилось, уже и помощь ботов, и человеческий разум были на стороне римского дела. И вот при первом же столкновении галлы были опрокинуты так же быстро, как победили при Аллии. (6) Под водительством и командованием того же Камилла варвары были разбиты и в следующем сражении, которое, не в пример первому, разворачивалось по всем правилам военного искусства. Битва произошла на восьмой миле по Габийской дороге, где враги собрались после своего бегства. Там были перерезаны все галлы, а их

лагерь захвачен. Из врагов не осталось никого, кто мог бы сообщить о поражении. (7) Отвоевав отечество у неприятеля, диктатор с триумфом вернулся в Рим, сопровождаемый шутками воинов; такие шутки обычно бывают грубы, но теперь Камилла в них уподобляли Ромулу, заслуженно величали отцом отечества и вторым основателем Города. (8) Спасши родину на войне, Камилл, несомненно, спас ее вторично уже позднее, во дни мира: он воспрепятствовал переселению в Вейи, хотя после сожжения Рима за это весьма решительно выступали трибуны, да и сами плебеи сильнее, чем прежде, склонялись к этому замыслу. (9) Все сказанное сделалось причиной того, что после триумфа Камилл не стал складывать с себя диктаторских полномочий, уступая просьбам сената, умолявшего не оставлять государство в угрожающем положении.

5. I Самнитская война (343-341 гг.)

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга VII. Пер. Н.В. Брагинской.

[**343 г.**] 29. (1) С этих пор речь пойдет уже о более значительных войнах, так как сражались с врагами более сильными, в краях более отдаленных и по времени много дольше. Дело в том, что именно в этом году пришлось обнажить мечи против самнитов, племени многолюдного и воинственного; (2) за самнитской войной, ведшейся с переменным успехом, последовала война с Пирром, за Пирром – с пунийцами. Сколько вынесли! Сколько раз стояли на краю гибели, чтобы воздвигнуть наконец эту, грозящую рухнуть, державную громаду!. (3) Впрочем, причина войны самнитов и римлян, связанных дотоле союзом и дружбою, явилась извне, а не возникла меж ними самими. (4) Когда самниты, пользуясь превосходством сил, беззаконно напали на сидицинов, те вынуждены были в своей слабости искать помощи у сильнейших и заключили союз с кампанцами. (5) Так как кампанцы могли разве что зваться, но никак не быть защитой союзников, то они, расслабленные роскошью, были разбиты закаленными в битвах здесь же, на сидицинской земле. После этого на них навалилось все бремя войны: (6) ибо самниты, оставив сидицинов, разумеется, напали на самый оплот своих соседей – на кампанцев, победа над которыми была столь же легкой, а добычи и славы сулила поболе. Сильным отрядом они заняли Тифаты – холмы, господствующие над Капуей, построились четырехугольником и спустились оттуда на равнину, лежащую между Капуей и Тифатами. (7) Здесь произошло новое сражение: и кампанцы, вновь разбитые, загнанные за городские стены, не видя кругом никакой надежды, так как перебита была лучшая часть молодежи, вынуждены были просить помощи у римлян…

31. (1) Когда … сенат держал совет, то, несмотря на мнение многих, что величайший и богатейший город Италии, плодороднейшие и близкие к морю земли станут житницею Рима на случай недорода, все-таки выше стольких выгод осталась верность, и консул от имени сената дал такой ответ: (2) «Кампанцы, сенат считает, что вы заслуживаете заступничества; но не подобает, устанавливая дружбу с вами, оскорблять дружбу и союз более давние. Самниты связаны с нами договором – поэтому мы отказываем вам в военной помощи против самнитов, ибо это оскорбило бы даже не людей, а богов; (3) однако по законам божеским и человеческим мы отправим к нашим союзникам и друзьям послов с просьбой не чинить вам никакого насилья». На это глава посольства сказал, как ему было поручено дома: «Коль скоро наше достояние вы не хотите защитить правой силой от неправой силы, то свое собственное вы наверняка защищать будете. (4) А потому, отцы-сенаторы, мы передаем под власть и покровительство ваше и народа римского народ кампанский и город Капую, земли, святилища богов и все, что принадлежит богам и людям; и отныне, что бы ни случилось с нами, это случится с отдавшимися под вашу власть». (5) При этих словах все послы простерли руки к консулам и с рыданиями повалились на пол курии. (6) Сенаторы были потрясены тем, сколь превратны судьбы человеческие, если этот могущественный и богатый народ, знаменитый

рокошью и надменностью, у кого еще недавно соседи просили защиты, оказался сломлен настолько, что себя самого и все свое достояние отдает под чужую власть. (7) И тут уже делом чести явилось не предать предавшихся; рассудили так, что неправое дело совершат самниты, напав на земли и город, отдавшиеся римскому народу. (8) Решено немедля отправить к самнитам послов. Им поручено рассказать самнитам о мольбах кампанцев, об ответе сената, верного дружбе с самнитами, и о происшедшей, наконец, сдаче; (9) просить в знак союза и дружбы пощадить отдавшихся под римскую власть и не идти войною на земли, ставшие достоянием римского народа; (10) а если мягкое обращение не возымеет действия, объявить самнитам от имени римского народа и сената, чтоб не смели покушаться на город Капую и кампанские земли. (11) Но послам, произнесшим все это в собрании самнитов, был дан самый наглый ответ: самниты не только заявили, что вести эту войну будут, но вдобавок (12) магистраты их, выйдя из курии, в присутствии послов кликнули префектов когорт и громко приказали им тотчас идти разорять кампанскую землю.

32. (1) Когда с этим послы возвратились в Рим, сенаторы, отложив все прочие дела, отправили фециалов требовать возмещения, а получив отказ, заведенным порядком объявили войну и постановили в ближайший срок передать это дело народному собранию. (2) По распоряжению народа оба консула с двумя войсками вышли из Города, Валерий в Кампанию, Корнелий в Самний, и первый расположился лагерем **у горы Гавра**, а второй у Сатикулы. (3) Легионы самнитов прежде всего встали на пути Валерия, полагая, что вся тяжесть военного удара придется сюда; к тому же побуждала их и злость на кампанцев, таких скорых то оказывать помощь, то просить ее. (4) Едва самниты завидели лагерь римлян, как наперебой стали буйно требовать от вождей знака к бою, заявляя при этом, что римляне с таким же успехом окажут помощь кампанцам, с каким те – сидицинам. (5) Валерий выждал несколько дней, пробуя противника в мелких стычках, а затем выставил знак к бою…

33. (4) И вот в ответ на призыв вождя все войско с небывалым пылом устремляется из лагеря. (5) Завязался бой, в котором, как никогда, видно было, сколь равны противники притязаниями и силой, сколь уверены в себе без презрения к врагам. (6) Самнитам прибавляли отваги недавние их подвиги и двойная победа, одержанная за несколько лишь дней до того; римлянам, наоборот, четырехвековая их слава и привычка к победе, спутнице их Города со дня его основания; (7) но и тех и других смущало, что враг непривычный. Бой ясно показал, каково мужество противников, ибо схватились они так, что строй на время замер, не подаваясь ни туда ни сюда. (8) Тогда, чтобы внести смятение туда, где не взять силой, консул попытался ударить конницею и смять передовые отряды противника. (9) Видя, однако, что конные турмы стеснились там в узком месте и лишь понапрасну топчутся не в силах прорубиться в гущу врага, он возвратился к передовым бойцам легионов и сказал, соскочив с коня: (10) «Воины, там дело для нас, пехотинцев. Глядите же: как я, где ни ступлю, мечом проложу себе путь сквозь вражий строй, так и вы тоже, кто как может, рубите встречных и поперечных: где щетинятся сейчас воздетые копья, скоро всюду вы увидите простор, расчищенный сечей!» (11) Он сказал – и конница по консульскому приказу растекается направо и налево, открывая легионам дорогу в глубь неприятельских рядов. Консул первым бросился на врага, рубя всякого, кто попался на пути. (12) Раззадорясь таким зрелищем, каждый воин, разя направо и налево, учиняет достославное побоище. Неколебимо стоят самниты, хотя ударов получают больше, чем наносят. (13) Уже немало времени длилось сражение, жестокая битва кипела вокруг самнитских знамен, но никто не помышлял о бегстве – вот какая была в них решимость одной лишь смерти уступить победу. (14) Тут-то римляне, чуя, что силы от усталости убывают и день уже клонится к закату, вспыхнув яростью, ударяют на врага. (15) Тогда только стало видно, что враг отступает и мало-помалу начинается бегство; самнитов ловят, убивают, и немногие остались бы целы, если б ночь не пресекла не битву уже, но победу. (16) Римляне и сами признавались, что никогда еще не сходились со столь

упорным противником; а самниты на вопрос, что все-таки при всей стойкости бросило их в бегство, отвечали: (17) им казалось, что глаза римлян горят, вид у них безумный, а лица искажены бешенством, и это больше всего вселяло ужас. Ужас этот они обнаружили не только при исходе сраженья, но и потом, ночью уйдя восвояси. (18) На другой день римляне завладели брошенным лагерем неприятеля: сюда с изъявлениями благодарности высыпали все кампанцы от мала до велика.

34. (1) Впрочем, эту радость чуть было не омрачила крупная неудача в Самнии. Дело в том, что консул Корнелий, выступив из Сатикулы, по неосторожности завел войско в лесистые горы, через которые можно было пройти только по ущелью, где поверху со всех сторон засели враги; (2) а заметил он неприятеля, готового ударить на него сверху, лишь когда отвести войско в безопасное место стало уже невозможно. (3) Пока самниты ждали, чтобы все полки втянулись в глубину лощины, **Публий Деций**, военный трибун, приметил выдававшуюся среди гор возвышенность, которая господствовала над лагерем неприятеля; для войска со всем обозом она была почти недоступна, но занять ее налегке не составляло труда. (4) И вот он говорит оробевшему консулу: «Видишь, Авл Корнелий, ту вершину над врагами? То оплот нашей надежды и спасения, если мы займем его не мешкая, благо самниты сослепу его проглядели. (5) Дай мне только принципов и гастатов из одного легиона; и, когда я проберусь с ними туда на вершину, тогда спеши отсюда прочь без всякого страха и спасай себя и войско; ведь враги, открытые всем нашим ударам, не смогут тронуться с места, разве что на свою погибель. (6) А нас потом выручат или счастье народа римского, или наша собственная доблесть». Получив на то от консула одобрение и отряд, он потихоньку взобрался по склону горы, (7) и враг не заметил его, пока он не оказался уже вблизи нужного места. (8) Все тогда оцепенели от изумления; и консул, пользуясь тем, что Деций приковал к себе всеобщее внимание, получил время вывести войско на равнинное место, а трибун засел на самой вершине горы. (9) Пока самниты мечутся то туда, то сюда, они и там и здесь упускают удобный случай; и консула они вынуждены теперь преследовать лишь по тому же ущелью, где он только что был для их копий как на ладони, а двинуть свои отряды вверх на холм, занятый над ними Децием, им не под силу. (10) Однако особенная злость раззадоривает их на тех, кто перехватил у них счастливый случай, да к тому же отряд Деция и совсем рядом, и невелик; (11) то хотят они со всех сторон окружить холм войсками, чтоб отрезать Деция от консула, то – открыть ему проход, чтобы напасть, когда он спустится в лощину; в этой нерешительности и застает их ночь. (12) Сначала Деций собирался с возвышенного места ударить по нападающим на холм снизу. Потом его охватило изумленье, потому что в бой враги не вступали, а ежели от этого намерения они отказались, опасаясь невыгодного положения, то ведь укреплением и валом они его тоже не окружили. (13) Тогда, созвав центурионов, Деций сказал: «Какая неискушенность в военном деле и что за беспечность! И как это они одержали победу над сидицинами и кампанцами? Вы видите, отряды их движутся то туда, то сюда и то собираются вместе, то выстраиваются в ряд; однако за работы никто не берется, иначе нас бы уже окружили валом. (14) Право же, мы будем не умнее их, если задержимся здесь дольше, чем следует. Так ступайте за мною, чтобы засветло разведать, где у них стоит охрана и где есть выход отсюда». (15) Завернувшись в плащ простого воина и сопровождаемый центурионами тоже в облике рядовых, дабы враг не заметил, что вождь совершает обход, он осмотрел все ходы и выходы.

35. (1) Затем, расставив дозоры, Деций приказывает передать всем остальным дощечку с приказом: как только протрубят вторую стражу, с оружьем потихоньку собраться вокруг него…

36. (1) Перешли все и последовали за Децием, продвигавшимся по проходам между дозорами. (2) Уже миновали середину лагеря, как вдруг, переступая через раскинувшиеся во сне тела дозорных, один воин задел щит и послышался звон; когда разбуженный шумом дозорный толкнул соседа и, вскочив, они подняли других, не понимая, свои перед ними или враги, отряд ли идет на прорыв, или консул занял их лагерь, – (3) тогда Деций,

раз уж ускользнуть не удалось, приказывает воинам поднять крик, до смерти перепугав опешивших со сна самнитов; с такого перепугу самниты не могли ни схватиться за оружие, ни сопротивляться, ни преследовать. (4) Сквозь замешательство и суматоху самнитов римский отряд, перебив встречных стражей, добрался до лагеря консула. (5) Еще не рассвело, когда все были уже в явной безопасности, но Деций сказал: «Хвала мужеству вашему, римские воины! Ваш поход и возвращение будут славиться в веках; (6) но, чтобы такая великая доблесть видна была всем, ей нужен свет и солнце: недостойно вас, чтобы столь славное возвращение ваше в лагерь осталось скрыто мраком и тишиной. Здесь будем спокойно дожидаться рассвета». (7) Воины повиновались. Едва рассвело, к консулу отправили гонца и лагерь пробудился от бурной радости; когда же объявили о благополучном возвращении тех, кто ради общего спасения пошел почти на верную гибель, воины, высыпав навстречу, наперебой восхваляют их, благодарят, всех и каждого величают своими избавителями, к богам обращают хвалы и благодарения, а Деция превозносят до небес. (8) Тут состоялся лагерный триумф Деция: он прошествовал через лагерь с вооруженным отрядом, привлекая к себе все взоры, – трибун, почетом равный консулу. (9) Когда пришли к преторию, консул велел протрубить войсковую сходку и начал уже восхвалять заслуги Деция, но сам Деций прервал его, чтобы он отложил собрание. (10) Самое главное, убеждал Деций консула, не упустить из рук случай и напасть на врагов, растерянных после ночного переполоха и рассеянных кучками вокруг холма, между тем как посланные преследовать его, наверное, еще бродят в лесу по склонам. (11) Легионы по приказу берутся за оружие, выходят из лагеря и, зная уже местность через разведчиков, по несомненной дороге идут на врагов. (12) Они напали на беспечных врасплох, когда самнитские воины, и многие без оружия, разбрелись повсюду и не могли ни собраться вместе, ни вооружиться, ни отступить за вал; пораженных страхом, их сперва загоняют в лагерь, а потом, снявши стражу, захватывают и лагерь. (13) Вокруг холма слышатся крики, обращая каждого в бегство прочь со своего места. Таким образом многие отступили, в глаза не видавши врага, а те, кого страх загнал за вал, числом до тридцати тысяч, все были перебиты, и лагерь разграблен.

37. (1) После такого исхода дела консул, собрав войсковую сходку, воздал хвалу заслугам Публия Деция, причем не только тем, о которых уже начинал говорить, но и тем, что прибавились с новыми его подвигами, и, кроме прочих военных даров, он жалует его золотым венком и сотней быков, а еще одним быком особенным: белым, тучным, с золочеными рогами. (2) Воинов, бывших с Децием в отряде, консул тоже пожаловал навсегда двойным довольствием, а единовременно каждому дал по быку и по две туники. Вслед за консульскими дарами легионы при громких криках одобрения возлагают на Деция венок из травы за снятие осады, другой венок в знак той же чести возлагает на него его собственный отряд. (3) Украшенный этими знаками отличия, он принес особенного быка в жертву Марсу, а сотню быков передал в дар воинам, бывшим с ним в походе. Для них же легионеры принесли по мере хлеба и вина каждому, и все это сделалось мгновенно под дружные крики, означавшие всеобщее одобрение. (4) Третье сражение произошло **под Свессулой**, где войско самнитов, обращенное в бегство Марком Валерием, вызвавши из дому цвет юношества, решило испытать судьбу в последней схватке. (5) Встревоженные гонцы прибыли из Свессулы в Капую, а оттуда спешно поскакали всадники к консулу Валерию просить помощи. (6) Тотчас подняли знамена и, оставив весь лагерный обоз под сильной охраной, быстро двинулись в поход. Вблизи от врага они стали лагерем, заняв очень мало места, так как вместо вьючного стада и толпы погонщиков у них были только кони. (7) Самнитское войско выстроилось в боевом порядке, словно бой начнется немедленно; а когда никто не двинулся им навстречу, с угрожающим видом подступили к стану противника. (8) Увидав там воинов на валу и узнав от разосланных лазутчиков, в каком тесном кольце заключен лагерь, они решили, что врагов очень мало, (9) и весь строй зашумел, требуя засыпать рвы, разрушить вал и ворваться в лагерь; это безрассудство положило бы конец войне, если б вожди не сдержали порыв воинов, (10)

Меж тем поскольку их собственное огромное войско испытывало трудности с пропитанием и сперва из-за сидения под Свессулой, а теперь из-за отсрочки битвы дело дошло почти до полного истощения припасов, то было решено, покуда враг в осаде дрожит от страха, отправить воинов в поля за продовольствием; (11) а тем временем у римлян, сидящих на месте и принесших с собой без обоза лишь столько продовольствия, сколько могли унести на собственных плечах вместе с оружием, выйдут все запасы. (12) Увидев, что противники отправились рыскать по полям и остались только редкие дозоры, консул немногословно ободрил воинов и повел их брать лагерь приступом. (13) Взяв его с первым кличем и при первом натиске и перебив большую часть врагов еще в шатрах, а не у ворот и укреплений, он приказал снести захваченные знамена в одно место, оставил для охраны и защиты два легиона, строжайше запретив им до его возвращенья заниматься разграблением лагеря, (14) а сам сомкнутым строем двинулся вперед; когда же конница, посланная вперед, стала сгонять самнитов, разбегавшихся, словно звери при облаве, устроил страшную резню. (15) От испуга те не могли сговориться, под каким собираться знаменем и спешить им к лагерю или постараться убежать подальше; (16) и такое тут было бегство и такой ужас, что до сорока тысяч щитов принесли консулу – убитых, конечно, было не столько, – а военных знамен, вместе с захваченными в лагере, около ста семидесяти. (17) С этим возвратились во вражеский лагерь, и там вся добыча была отдана на разграбление воинам.

38. (1) Успех этого сражения понудил и фалисков, заключивших перемирие, добиваться от сената постоянного договора, и латинов с уже набранными войсками обратить войну не на римлян, а на пелигнов. (2) Молва о таких деяниях разошлась за пределы Италии, и карфагеняне тоже отправили в Рим для поздравлений своих послов, которые принесли в дар золотой венец, чтоб возложить его в храме Юпитера Капитолийского. Весу в нем было двадцать пять фунтов. (3) Оба консула отпраздновали триумф над самнитами, и следом за консулами шел Деций, покрытый наградами и небывалою славой, ибо в немудрящих войсковых остротах имя трибуна поминалось не реже имен консулов. (4) Потом выслушали послов из Кампании и Свессулы; по их просьбам к ним на зимнюю стоянку поставили охрану, чтоб воспрепятствовать набегам самнитов. (5) Капуя уже тогда была городом менее всего благоприятным для порядка в войске: она расслабила души воинов всевозможными удовольствиями и заставила их забыть отечество. И вот на этих зимних стоянках стали рождаться замыслы отобрать Капую у кампанцев тем же преступным способом, каким и они отняли ее у древних обитателей: (6) кампанцы, мол, получат по заслугам, если обратить против них то, чему они сами подали пример; и зачем-де плодороднейшей пашней Италии и городом под стать этой пашне владеют кампанцы, не способные защитить ни себя, ни свое добро, а не победоносное воинство, которое само потом и кровью изгнало отсюда самнитов? (7) «Разве справедливо,– рассуждали они,– что сдавшиеся нам наслаждаются подобным изобилием и роскошью, а мы сами, измотанные в походах, бьемся на гиблой и бесплодной почве вокруг Города или страдаем в самом Городе от растущей изо дня в день язвы ростовщичества?» (8) Об этих толках, которые велись на тайных сходках, но еще не разошлись широко, узнал новый консул, Гай Марций Рутил, которому выпала по жребию Кампания, тогда как товарищ его, Квинт Сервилий, остался в Риме [**342 г.**]. (9) И вот поскольку все, что ни делалось, было известно ему через трибунов, годы же и опыт многому его научили, ибо консулом он был в четвертый раз, а прежде бывал и диктатором, и цензором, то он почел за лучшее свести на нет запал воинов, вселив в них надежду на исполнение замысла в любое время, а для этого распустил слух, что и на будущий год отряды станут зимовать по тем же городам: (10) ведь войска были распределены на постой по городам Кампании, из Капуи заговор распространялся по всему войску. Утихомирив таким образом заговорщиков, консул на этот раз не дал вспыхнуть мятежу.

39. (1) После вывода войск в летние лагеря он решил, пока самниты ведут себя смирно, очистить войска, увольняя смутьянов. Одним он говорил, что они отслужили свой срок,

другим, что слишком стары или слабосильны. (2) Некоторых он отправлял за продовольствием сперва по одному, а потом и целыми когортами, потому-де, что зимовали вдали от дома и своего хозяйства; а иные были разосланы кто куда под предлогом всяких войсковых нужд, так что в конце концов значительная часть заговорщиков оказалась в отлучке. (3) Все это множество народу удерживали в Риме второй консул и претор, измышляя то одни, то другие причины отсрочки. (4) Поначалу воины не догадывались, что их обвели вокруг пальца, и были рады случаю погостить дома; но потом когда они заметили, что ушедшие первыми не возвращаются и что отсылают почти сплошь тех, кто зимовал в Кампании, и в первую очередь зачинщиков смуты, то сперва их охватило изумленье, а затем и явный страх, что их затеи сделались известны: (5) они уже ждут допросов, доносов, тайных казней поодиночке, не знающей удержу жестокой расправы консулов и сената. (6) Все это оставшиеся в лагере потихоньку передавали друг другу, понимая, что хитрость консула вырвала корень заговора. (7) Одна когорта, находившаяся неподалеку от Анксура, засела в лесистой теснине под Лавтулами между горою и морем, чтобы перехватить тех, кого консул, как сказано, под разными предлогами отсылал из Кампании. (8) Отряд стал уже велик и силен, и, чтобы иметь облик настоящего войска, ему недоставало только предводителя. Беспорядочной разбойничьей ордою пришли воины в альбанские земли и у подножья Альбы Лонги разбили лагерь, окруженный валом. (9) Завершив работы, остаток дня посвящают спорам, кого поставить вождем, потому что ни на одного из присутствующих нельзя было вполне положиться; (10) но кого же вызвать из Рима? Кто из патрициев или плебеев станет сознательно подвергать себя такой опасности и кому вернее поручить дело воинства, потерявшего голову от обид и несправедливости? (11) На другой день, когда опять судили и рядили все о том же, несколько грабителей, рыскавших по округе, донесли, что в тускуланском поместье возделывает свою землю **Тит Квинкций**, позабыв о Риме и почетных должностях. (12) Муж этот был по рожденью патриций; когда, охромев от раны, он принужден был оставить свое славное военное поприще, то решил жить деревенской жизнью вдали от форума и его суеты. (13) Услыхав его имя, тотчас вспомнили, кто он такой, и с надеждой на лучшее велели послать за ним. А так как мало было надежды добиться чего-нибудь добром, то решено прибегнуть к силе и угрозам. (14) И вот в ночной тиши под кров деревенского дома явились посланные, чтобы объявить Квинкцию, едва очнувшемуся от глубокого сна, что у него нет иного выбора: или военная власть и почетная должность, или, при сопротивленье, смерть, если не пойдет с ними. Квинкция притащили в лагерь; (15) там его тотчас провозглашают императором, подносят ему, остолбеневшему от невероятной неожиданности, знаки его почетной должности и, наконец, велят вести их на Рим. (16) Подняв знамена, они скорее от собственного пыла, нежели по решению вождя, грозною силой явились к восьмому камню на дороге, которая ныне зовется Аппиевой; (17) они бы без промедления двинулись и на Рим, когда бы не узнали, что на них выступило войско и диктатором против них назначен Марк Валерий Корв с начальником конницы Луцием Эмилием Мамерком.

40. (1) Едва завидев их приближенье, воины признали оружие и знамена, и тотчас память об отечестве смягчила во всех сердцах возмущение. (2) Не были еще тогда столь скоры проливать кровь сограждан и, кроме внешних, других войн не знали, а уход от своих почитали крайним безумьем; и вот уже вожди и вот уже воины обеих сторон хотят сойтись для переговоров – (3) Квинкций, пресытившийся боями даже за отечество, а не то что против него, и Корв, полный любви ко всем гражданам и особенно к воинам, и прежде всего к своему войску. (4) Он и вышел для переговоров. Его узнали, и противники с не меньшей почтительностью, чем соратники, замолчали, чтоб дать ему говорить. Он сказал: «Воины, покидая Город, я поклонился бессмертным богам, и вашим, всенародным, и своим, родовым, и с молитвою просил у них милости даровать мне славу за то, что согласья добьюсь, а не победы. (5) Для военной славы и было, и будет предостаточно случаев; а здесь надо искать мира. (6) В ваших силах исполнить мое желание, за

исполнение которого давал я обеты бессмертным богам: вам достаточно вспомнить, что ваш лагерь стоит не у самнитов, не у вольсков, но на римской земле; вспомнить, что вон те холмы, что видны отсюда, – холмы вашей родины, а это – войско ваших сограждан, я же – консул ваш, под чьим водительством и ауспициями вы дважды в минувшем году разбили легионы самнитов, дважды приступом взяли их лагерь. (7) Я – Марк Валерий Корв, воины; знатность мою вы знаете по щедротам, а не по притеснениям; не был я сторонником ни единого закона против вас, ни единого сурового постановления сената; облеченный любою властью, я строже был к себе, чем к вам. (8) И если одному происхождение, другому доблесть, третьему влиятельность, четвертому почетные должности могут дать повод возгордиться, то род мой знатен, доблесть моя доказана и консульства я достиг в таком возрасте, что в мои двадцать три года мог быть крут и с сенаторами, не то что с простым народом. (9) Но известно ли вам, чтобы, будучи консулом, я сказал или сделал что-нибудь суровее, чем в бытность мою трибуном? Таков же был я в последующие мои консульства, таков и теперь в грозной должности диктатора: таков, чтобы к этим вот моим и отечества моего воинам быть не добрей, чем к вам, – страшно вымолвить – врагам! (10) Так что прежде вы поднимете мечи против меня, чем я – против вас; это с вашей стороны протрубят сигнал, это вы первые кликнете клич и кинетесь в бой, если уж придется сражаться. (11) Вы решаетесь на то, на что не дерзнули отцы и деды ваши, одни удалясь на Священную гору, а другие потом на Авентин. (12) Вы ждете, чтоб к каждому, как древле к Кориолану, вышли из города навстречу матери ваши и жены, распустив волосы! Тогда даже вольскские легионы опустили оружие, потому что вождь их был римлянин; а вы, сами римское войско, неужто не откажетесь от преступной войны? (13) Тит Квинкций! Как бы ты тут ни оказался, волей или неволей, но если придется нам сражаться, удались в задние ряды: бежать и показать тыл согражданам будет для тебя почетнее, чем сражаться против отечества. (14) Если же будем вершить мир, то тебе и пристойно и почетно стать впереди и явиться благим посредником в этих переговорах. Требуйте справедливого и получите; впрочем, лучше и на несправедливых условиях прийти к согласию, чем вступать в нечестивое противоборство». (15) Со слезами на глазах Тит Квинкций оборотился к своим и сказал: «Что до меня, воины, то если я на что и гожусь, так больше на то, чтобы вести вас к миру, а не на войну. (16) С вами ведь сейчас говорил не вольск и не самнит, но римлянин, консул ваш, ваш император, воины! Испытав с ним счастье его ауспиций, не старайтесь направить его против себя. (17) У сената нашлись бы военачальники, чтоб ударить по вам беспощадней; однако того избрали они, кто к вам, своим воинам, больше всех доброжелателен, к кому и вы как к своему императору питаете особенное доверие. (18) Даже те, кто в силах победить, желают мира; а нам чего желать? Неужели, оставив гнев и пустые мечтанья – этих лживых советчиков, мы не вверим себя и все свое дело этому надежному покровительству?»

41. (1) Одобрительные крики всего войска были ему ответом. Тогда Тит Квинкций, выйдя перед знамена, объявил, что воины будут отныне во власти диктатора, и просил его взять на себя защиту обездоленных граждан, а взявши, позаботиться о ней с тою же добросовестностью, с какою всегда управлял делами государства. (2) О нем лично заботиться не надо: не нужно ему иного оправдания, кроме своей невиновности; но ради воинов нужно озаботиться, как сенат когда-то озаботился о простом народе, так теперь о легионерах: чтобы удаление не вменялось в измену. (3) Похвалив Квинкция и приказав остальным сохранять бодрость духа, диктатор на лошади вскачь направился к Городу и с согласия сената в Петелинской роще провел через народное собрание закон, чтобы удаление воина не вменялось в измену, а еще попросил у квиритов как милости себе, чтобы никого ни в шутку, ни всерьез не попрекали случившимся. (4) Был также принят священный закон не вычеркивать из списков имя воина иначе как с его согласия; к закону прибавили еще запрет там, где был военным трибуном, быть потом водителем строя. (5) Этого потребовали участники заговора, имея в виду Публия Салония, который почти ежегодно был попеременно то военным трибуном, то первым центурионом, как тогда

называли примипилана: (6) воины были на него озлоблены, потому что он всегда был против их затей и, чтобы не стать их участником, бежал из-под Лавтул. (7) И когда сенат, вставши за Салония, отказал в этом единственном требовании, то Салоний сам, заклиная отцов-сенаторов не ставить уваженье к нему выше согласия в государстве, добился и его утверждения. (8) Столь же наглым было требование убавить всадникам жалованье – а они в то время получали тройное, – все за то, что они были противниками заговора…

Книга VIII. Пер. Н.В. Брагинской.

1. (1) Гай Плавтий, избранный консулом вторично, и Луций Эмилий Мамерк уже вступили в должность [**341 г.**], когда из Сетии и Норбы в Рим прибыли гонцы с вестью об измене привернатов и жалобами на причиненный им ущерб. (2) Сообщали также о вольскском войске во главе с антийцами, расположившемся лагерем у Сатрика. (3) Обе войны достались по жребию Плавтию. Двинувшись первым делом на Приверн, он тотчас дал сражение. Врага разгромили, не встретив большого сопротивления. Город был взят, а затем возвращен жителям, в нем поставили сильную охрану и лишили привернатов двух третей их земельных владений. (4) Оттуда победоносное войско двинулось к Сатрику на антийцев. Битва была жаркой, противники дрались с ожесточением, но, когда еще никто не мог рассчитывать на победу, налетевшая гроза разняла сражавшихся. Поскольку до решающего противоборства дело не дошло, силы римлян остались свежими, и уже на другой день они были готовы возобновить бой. (5) Однако у вольсков, успевших подсчитать свои потери, не было подобной решимости вновь подвергать себя опасности. Ночью, бросив раненых и часть обоза, они в страхе бежали в Антий, как бы признав тем самым свое поражение. (6) Среди вражеских трупов и в лагере подобрали очень много оружия, консул объявил все это даром Матери Луе, а земли врага были опустошены вплоть до побережия. (7) Ни лагерь самнитов, ни их легионы не помешали другому консулу вторгнуться в сабелльскую землю. И, пока он огнем и мечом разоряет поля, к нему являются с просьбой о мире посланцы самнитов. (8) Отосланные консулом к сенату, они получили разрешенье говорить и тут оставили свою надменность, прося о мирном договоре для себя и права воевать против сидицинов; (9) свои просьбы они подкрепляли тем, что договор о дружбе с римским народом заключили некогда не средь бед и несчастий, как кампанцы, а в пору полнейшего своего благополучия, войной же пошли на извечных врагов своих сидицинов, никогда к тому же не бывших друзьями римского народа, (10) а значит, на тех, кто не искал дружбы римлян в мирное время, как самниты, или помощи в войне, как кампанцы, кто не является ни союзником римлян, ни отдавшимся под их власть.
2. (1) Претор Тит Эмилий совещался с сенатом о просьбах самнитов, и (2) отцы постановили возобновить с ними договор; тогда претор так ответил посланцам: не римский народ виною тому, что дружба с самнитами не оказалась нерушимой, но раз уж война, начатая по их собственной вине, им же и в тягость, то римляне не возражают против возобновления прежней дружбы. (3) Что же до сидицинов, то и тут нет возражений, чтобы народ самнитов заключал мир и вел войну по своему усмотрению. (4) Когда после торжественного заключения договора послы возвратились домой, консул тотчас вывел римское войско, взыскав предварительно с самнитов годовое жалованье и трехмесячное довольствие для воинов, что было условием перемирия, заключенного до возвращения послов.

6. II Латинская война (340-338 гг.)

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга VIII. Пер. Н.В. Брагинской.

3. (9) В то время [**340 г.**] в Лации было два вождя, оба родом из римских поселений, – Луций Эмилий Сетин и Луций Нумизий Цирцеин; именно они, не довольствуясь подстрекательством к войне в Сигнии и Велитрах (тоже римских поселениях), убедили взяться за оружие также и вольсков. Этих двоих римляне решили пригласить явиться лично. (10) Ни у кого не было сомнений, чего ради их зовут; поэтому, прежде чем отправиться в Рим, преторы объявляют на собрании, что их призывает римский сенат, и докладывают, что именно намерены они отвечать на предполагаемые вопросы. 4. (1) Каждый говорил свое, и тогда слово взял Анний: «Хотя именно я предложил обсудить, что надлежит отвечать римлянам, но главное, думаю, все же не в том, что говорить, а в том, что предпринять. (2) Когда ясны намерения, не трудно приноровить к ним и речи. Подумайте, если даже теперь, при видимости равноправного союза, мы способны терпеть рабское положение, то почему бы нам, предав сидицинов, не исполнять послушно приказания не только римлян, но в придачу еще и самнитов, а римлянам ответить, что, мол, мы готовы по первому знаку сложить оружие? (3) Но если нас все-таки гложет тоска по свободе, если существует договор, если союзничество, если равенство прав существует, если мы – соплеменники римлян – чего некогда мы стыдились и чем ныне можем гордиться, – если союзным для них является наше войско, появление которого удваивает их силы и с которым консулы не желают расставаться, ни затевая, ни завершая войны, – если все это так, то почему не во всем у нас равенство? (4) Почему не избирают одного консула из латинов? Разве не делят власть с теми, кто делится силою? (5) Ведь это само по себе не такая уж дерзость, раз мы уступаем главенство в Лации Риму, и только при нашем долготерпении подобная просьба может показаться дерзостью. (6) И если некогда вы мечтали, что настанет день и вы разделите с Римом власть и свободу, то по милости богов и доблести вашей ради как раз теперь он и настал. (7) Отказав римлянам в войске, вы испытали, сколько у них терпения; они вознегодовали, конечно, когда мы нарушили более двух веков соблюдавшийся обычай, (8) однако обиду проглотили. Войну пелигнам мы объявили сами, и те, кто раньше лишал нас права охранять даже собственные свои пределы, не стали вмешиваться и на этот раз. (9) Они узнали, что мы взяли под защиту сидицинов, что кампанцы переметнулись от них к нам, что мы готовим войско против самнитов, их союзников, и все-таки не выступили из Города. (10) Откуда у них такая сдержанность, как не от знания наших и своих сил? От надежных людей мне известно, что жаловавшимся на нас самнитам римский сенат дал такой ответ, из которого совершенно ясно: они и сами уже не требуют, чтобы Лаций оставался под властью Рима. Предъявите только свои права, потребуйте того, что вам и так молчаливо уступают. (11) А если кому-то боязно произнести это вслух, так я сам не то что перед римским народом и сенатом, но и пред самим Юпитером, обитающим на Капитолии, берусь объявить: хотят видеть в нас друзей и союзников, пусть получают от нас одного консула и часть сената!» (12) И ему, не только подавшему столь дерзкую мысль, но и обещавшему все исполнить, собрание криками одобрения доверило поступать и говорить, как ему заблагорассудится, лишь бы было это на общее благо латинов.

5. (1) По прибытии в Рим старейшины были приняты в сенате на Капитолии; здесь консул **Тит Манлий** от имени отцов-сенаторов (2) предостерег их от войны с самнитами, с которыми римлян связывал договор. Тут Анний заговорил так, словно он – победитель, силой оружия захвативший Капитолий, а не посол, охраняемый правом народов. (3) «Пора тебе, Тит Манлий, и вам, отцы-сенаторы, перестать наконец нам приказывать, ибо вам известно, что по милости богов Лаций находится ныне в расцвете своей военной мощи: самниты потерпели пораженье, сидицины и кампанцы стали нашими союзниками, даже вольски присоединились теперь к нам, а ваши поселения предпочли нашу власть вашей. (4) Но поскольку вам и в голову не приходит положить конец своему разнузданному самовластию, то, хотя мы и можем объявить Лаций свободным, полагаясь лишь на силу оружия, мы помним все же о нашем сродстве и, идя на уступку, раз уж бессмертным богам было угодно уравнять наши силы, предлагаем вам равные для обеих сторон условия

мира. (5) А именно: одного консула следует выбирать из римлян, другого из латинов, в сенате оба народа должны быть представлены равно, и да будет у нас единый народ и единое государство; (6) чтобы власть была сосредоточена в одном месте, а народы объединились общим именем, одной стороне придется здесь уступить. На благо тех и других да будет вашему отечеству оказано предпочтение, и все мы станем зваться „римляне”».

(7) Консулом у римлян был тогда Тит Манлий – человек не менее решительный. Придя в страшный гнев, он заявил прямо, что если отцы-сенаторы окончательно обезумели и готовы принять законы, предлагаемые каким-то сетинцем, то он препояшется мечом, так явится в сенат и собственной рукою убьет любого латина, которого завидит в курии. (8) После чего, оборотясь к образу Юпитера, он воскликнул: «Слушай, Юпитер, все это непотребство! Слушайте и вы, боги и законы! Взятый в полон и униженный сам, Юпитер, узришь ты в священном храме твоем иноземных консулов и сенат иноземцев! (9) О том ли, латины, римский царь Туллий заключал договор с альбанцами, вашими предками? А после о том ли Луций Тарквиний – с вами самими? (10) Неужто вовсе позабыли вы битву при Регилльском озере? Позабыли старые свои поражения и благодеяния, вам оказанные?»

6. (1) Консул кончил, и с ним вознегодовали сенаторы, но тут, как гласит предание, среди молитв, наперебой возносимых консулами к богам – блюстителям договоров, все услышали слова Анния, исполненные высокомерного презрения к воле Юпитера. (2) Достоверно же известно, что, когда взбешенный Анний стремглав бросился вон из храма, он упал на лестнице и так крепко ушибся головою о последнюю ступеньку, что потерял сознание. (3) Но, что он при этом испустил дух, сообщают не все, а потому да будет и мне позволено воздержаться от собственных суждений и об этом, как и о том, что в ответ на призывы богов в свидетели разорванного договора будто бы с громом небесным разразилась страшная гроза, – ведь это может быть и правдой, а может быть и придумано, дабы лучше изобразить гнев богов. (4) Торкват, посланный сенатом проводить послов, увидел распростертого на земле Анния и закричал так, что слова его были хорошо слышны и народу, и сенаторами: (5) «Отлично! Сами боги начали святую войну. Значит, воля небес существует! Ты существуешь, великий Юпитер! Не напрасно чтим мы в этой священной обители тебя, отца богов и людей! (6) Квириты и вы, отцы-сенаторы, что медлите браться за оружие, когда сами боги ведут нас в бой! И я так же повергну легионы латинов, как посол их повергнут сейчас перед вами». (7) Народ с одобрением слушал консула и такой распалился злостью, что от гнева толпы, а то и от нападения уходящих послов спасали уже не принятые между народами установления, а магистраты, сопровождавшие их по велению консула. (8) Сенат также изъявил согласие на войну, и оба консула,. набрав по войску, двинулись через земли марсов и пелигнов; объединив свои силы с самнитскими, они стали лагерем у Капуи, где уже собрались латины и их союзники. (9) Здесь, как рассказывают, обоим консулам было во сне одно и то же видение: муж, более величественный и благостный, чем обычный смертный, объявил, (10) что полководец одной стороны и войско другой должны быть отданы богам преисподней и Матери Земле; в каком войске полководец обрек в жертву рати противника, а с ними и себя самого, тому народу и той стороне даруется победа. (11) Консулы рассказали друг другу о своих сновидениях и решили принести жертвы как для отвращения гнева богов, так вместе с тем и для исполнения одним из консулов воли рока, если гадания по внутренностям будут согласными со сновидениями. (12) Когда ответы гаруспиков подтвердили невысказанную, но уже укрепившуюся в душах консулов уверенность, они призвали легатов и трибунов и, дабы во время боя добровольная смерть консула не устрашила войско, открыто объявили о воле богов; (13) после того они уговорились между собою, что ради народа римского и квиритов обречет себя в жертву тот из консулов, на чьем крыле римское войско начнет отступать. (14) Еще и о том шла у них речь, что в войсках прежних времен власть полководца применялась со всею строгостью и

как раз теперь пришла пора вернуть воинское послушание к обычаям старины. (15) Драться ведь предстояло с латинами, неотличимыми от римлян по языку, обычаям, роду вооружения и прежде всего по порядкам, заведенным в войске: рядовые с рядовыми, центурионы с центурионами, трибуны с трибунами как ровня и сотоварищи служили ранее вместе в одних охранных отрядах, подчас в одних манипулах. (16) Вот почему, чтобы воины не попали впросак из-за какой-нибудь ошибки, консулы строжайше запретили сходиться с врагом вне строя.

7. (1) Случилось так, что среди предводителей турм, разосланных во все стороны на разведку, был и Тит Манлий, сын консула; он заехал со своими всадниками за вражеский лагерь и оказался чуть не на бросок дротика от ближайшего сторожевого дозора. (2) В дозоре там стояли тускуланские всадники во главе с Гемином Месцием, прославленным среди своих и знатностью, и подвигами. (3) Узнав римских всадников и заприметив между ними их предводителя, сына консула (все ведь были знакомы, а знатные – особенно), он сказал (4): «Эй, римляне, не собираетесь ли вы воевать против латинов с их союзниками одною этой турмой? Что ж тогда будут делать консулы и два консульских войска?» (5) «В свой срок и они явятся, – отвечал Манлий, – а с ними и свидетель нарушенного вами договора – сам Юпитер, в ком силы и могущества и того более. (6) Если при Регилльском озере вы были по горло сыты боем, то мы уже и здесь постараемся, чтоб вам не сладко пришлось от встречи с нами на поле брани». (7) Гемин, отделившись от своих, сказал на это: «Покуда не пришел тот день, когда вы подвигнете свои войска на столь великое дело, не хочешь ли сойтись тем временем со мною, чтобы уже теперь исход поединка показал, насколько латинский всадник превосходит римского?» (8) Гнев ли подтолкнул храброго юношу, или боялся он покрыть себя позором, отказавшись от поединка, или же вела его неодолимая сила рока, только забыв об отчей власти и консульском приказе, он очертя голову кинулся в схватку, не слишком заботясь о том, победит ли он или будет побежден. (9) Когда остальные всадники, словно ожидая представления, подались в стороны, в образовавшемся пустом пространстве противники, наставя копья, пустили коней вскачь навстречу друг другу. Они столкнулись, и копье Манлия проскочило над шлемом врага, а копье Месция оцарапало шею лошади. (10) Они развернули коней, Манлий первым изготовился для нового удара и сумел вонзить копье между ушей лошади; от боли конь встал на дыбы, начал изо всех сил трясти головой и сбросил всадника. (11) Пока противник, опираясь на копье и щит, поднимался после грузного падения, Манлий вонзил ему копье в шею, и, выйдя через ребра, оно пригвоздило Месция к земле; (12) сняв вражеские доспехи, Манлий возвратился к своим и, окруженный радостным ликованием, поспешил в лагерь и потом и в консульский шатер к отцу, не ведая своей грядущей участи: хвалу ли он заслужил или кару. (13) «Отец,– сказал он,– чтобы все видели во мне истинного твоего сына, я кладу к твоим ногам эти доспехи всадника, вызвавшего меня на поединок и сраженного мною». (14) Услыхав эти слова, консул отвернулся от сына и приказал трубить общий сбор; когда воины собрались, он молвил: (15) «Раз уж ты, Тит Манлий, не почитая ни консульской власти, ни отчей, вопреки запрету, без приказа, сразился с врагом (16) и тем в меру тебе доступного подорвал в войске послушание, на котором зиждилось доныне римское государство, а меня поставил перед выбором – забыть либо о государстве, либо о себе и своих близких, (17), то пусть лучше мы будем наказаны за наш поступок, чем государство станет дорогой ценою искупать наши прегрешения. Послужим же юношеству уроком, печальным, зато поучительным, на будущее. (18) Конечно, ты дорог мне как природный мой сын, дорога и эта твоя доблесть, даже обманутая пустым призраком чести; (19) но коль скоро надо либо смертью твоей скрепить священную власть консулов на войне,. либо навсегда подорвать ее, оставив тебя безнаказанным, то ты, если подлинно нашей ты крови, не откажешься, верно, понести кару и тем восстановить воинское послушание, павшее по твоей вине. Ступай, ликтор, привяжи его к столбу». (20) Услыхав столь жестокий приказ, все замерли, словно топор занесен у каждого над собственной его головою, и молчали скорее от ужаса, чем из

самообладания. (21) Но, когда из разрубленной шеи хлынула кровь, все стоявшие дотоле, как бы потеряв дар речи, словно очнулись от чар и дали вдруг волю жалости, слезам и проклятиям. (22) Покрыв тело юноши добытыми им доспехами, его сожгли на сооруженном за валом костре и устроили похороны с такою торжественностью, какая только возможна в войске; а **«Манлиев правеж»** внушал ужас не только в те времена, но и для потомков остался мрачным примером суровости.

8. (1) И все-таки столь жестокая кара сделала войско более послушным вождю; везде тщательней стали исправлять сторожевую и дозорную службу и менять часовых, а в решающей битве, когда сошлись лицом к лицу с неприятелем, суровость Манлия эта тоже оказалась на пользу. (2) Казалось, то была битва в гражданской войне, настолько полным было сходство латинов и римлян во всем, за исключением разве одного мужества. *(3) В прежние времена щиты у римлян были круглые, но с той поры, как воины стали получать жалованье, они заменили их на большие продолговатые, а из фаланг, напоминавших македонские, впоследствии получился боевой порядок, составленный из манипулов; (4) со временем были введены и более дробные подразделения. (5) Первый ряд – это гастаты, пятнадцать манипулов, стоящих почти вплотную друг к другу. В манипуле двадцать легковооруженных воинов, остальные с большими щитами, а легковооруженные – это те, у кого только копье и тяжелые пики. (6) Во время боя в передовом отряде находился цвет юношества, достигшего призывного возраста. За ними следовало столько же манипулов из воинов постарше и покрепче, которых именуют принципами; все они, вооруженные продолговатыми щитами, отличались своими доспехами. (7) Такой отряд из тридцати манипулов называли антепиланами, потому что еще пятнадцать рядов стояли уже за знаменами, причем каждый из них состоял из трех отделений и первое отделение каждого ряда называлось «пил»; (8) ряд состоял из трех вексилл, в одной вексилле было 186 человек; в первой вексилле шли триарии, опытные воины, испытанного мужества, во второй – рорарии, помоложе и не столь отличившиеся, в третьей – акцензы, отряд, на который не слишком можно было положиться, отчего ему и было отведено в строю последнее место. (9) Когда войско выстраивалось в таком порядке, первыми в бой вступали гастаты. Если они оказывались не в состоянии опрокинуть врага, то постепенно отходили назад, занимая промежутки в рядах принципов. (10) Тогда в бой шли принципы, а гастаты следовали за ними. Триарии под своими знаменами стояли на правом колене, выставив вперед левую ногу и уперев плечо в щит, а копья, угрожающе торчащие вверх, втыкали в землю; строй их щетинился, словно частокол. (11) Если и принципы не добивались в битве успеха, они шаг за шагом отступали к триариям (потому и говорят, когда приходится туго: «дело дошло до триариев»). (12) Триарии, приняв принципов и гастатов в промежутки между своими рядами, поднимались, быстро смыкали строй, (13) как бы закрывая ходы и выходы, и нападали на врага единой сплошной стеною, не имея уже за спиной никакой поддержки. Это оказывалось для врагов самым страшным, ведь думая, что преследуют побежденных, они вдруг видят, как впереди внезапно вырастает новый строй, еще более многочисленный. (14) Обычно набирали четыре легиона по пять тысяч пехотинцев и для каждого легиона по триста всадников.* Другое такое же войско добавлялось после набора латинов, но на этот раз латины были противниками римлян и расположили свой строй точно в том же порядке; (15) и все знали, что не только вексилле предстоит сойтись с вексиллой, гастатам с гастатами, принципам с принципами, но если ряды не расстроятся, то и каждый центурион сойдется с центурионом. (16) Оба центуриона первого пила на той и на другой стороне находились среди триариев; римлянин не отличался телесной силой, но в целом человек был дельный и воин опытный; (17) латин же был могучего телосложения и первый боец в войске, причем оба близко знали друг друга, так как всегда возглавляли равнозначные подразделения. (18) Римскому центуриону, который не мог положиться на свои силы, еще в Риме консулы разрешили по своему усмотрению выбрать себе субцентуриона, чтобы тот защитил его от предназначенного ему противника; и юный

этот субцентурион, сойдясь в бою с латином, одержал над ним победу. (19) Сражение произошло неподалеку от подножия горы Везувий, у дороги, ведущей к Везеру.

9. (1) Римские консулы, прежде чем двинуть войска в бой, совершили жертвоприношение. Как говорят, гаруспик показал Децию поврежденный верхний отросток печени на благоприятной стороне, но в остальном жертва была богами принята; жертва Манлия дала прекрасные предзнаменования. «Что ж, – сказал Деций, – раз товарищу моему предсказан благополучный исход дела, значит, все в порядке». (2) Построенные так, как описано выше, войска двинулись в бой. Манлий вел правое крыло, Деций – левое. (3) Поначалу силы и ярость противников были равны, потом на левом крыле римские гастаты, не выдержав натиска латинов, отступили к принципам. (4) В этот тревожный миг консул Деций громко позвал Марка Валерия: «Нужна помощь богов, Марк Валерий,– сказал он,– и ты, жрец римского народа, подскажи слова, чтобы этими словами мне обречь себя в жертву во спасение легионов». (5) Понтифик приказал ему облачиться в претексту, покрыть голову, под тогой рукой коснуться подбородка и, став ногами на копье, говорить так: (6) «Янус, Юпитер, Марс-отец, Квирин, Беллона, Лары, божества пришлые и боги здешние, боги, в чьих руках мы и враги наши, и боги преисподней, (7) вас заклинаю, призываю, прошу и умоляю: даруйте римскому народу квиритов одоление и победу, а врагов римского народа квиритов поразите ужасом, страхом и смертью. (8) Как слова эти я произнес, так во имя государства римского народа квиритов, во имя воинства, легионов, соратников римского народа квиритов я обрекаю в жертву богам преисподней и Земле вражеские рати, помощников их и себя вместе с ними». (9) Так произносит он это заклинание и приказывает ликторам идти к Титу Манлию и поскорей сообщить товарищу, что он обрек себя в жертву во имя воинства. Сам же препоясался на габинский лад, вооружился, вскочил на коня и бросился в гущу врага. (10). Он был замечен и в одном и в другом войске, ибо облик его сделался как бы величественней, чем у обыкновенного смертного, словно для вящего искупления гнева богов само небо послало того, кто отвратит от своих погибель и обратит ее на врагов. (11) И тогда внушенный им страх охватил всех, и в трепете рассыпались передовые ряды латинов, а потом ужас перекинулся и на все их войско. (12) И нельзя было не заметить, что, куда бы ни направил Деций своего коня, везде враги столбенели от ужаса, словно пораженные смертоносной кометой; когда же пал он под градом стрел, уже нескрываемо перетрусившие когорты латинов пустились наутек, и широкий прорыв открылся перед римлянами. (13) Выйдя из благочестивого оцепенения, они с воодушевлением, как будто им только что подали знак к битве, снова бросились в бой; (14) даже рорарии выбегали вперед между антепиланами, поддерживая гастатов и принципов, а Триарии, опершись на правое колено, ждали только кивка консула, чтобы ринуться вперед.

10. (1) В ходе сражения латины кое-где стали одолевать римлян численностью, и сперва консул Манлий, узнавший уже о конце товарища и, как велит долг и благочестие, почтивший столь славную гибель слезами и подобающими восхвалениями, (2) колебался, не пора ли уже подниматься триариям, но потом почел за лучшее сохранить эти силы свежими для решительного удара и приказал акцензам из задних рядов выйти вперед. (3) Едва они вышли, латины тотчас вызвали своих триариев, полагая, что противник уже это сделал, и спустя какое-то время, утомленные жестокой схваткой, переломав или притупив копья, они все-таки начали теснить римлян, мня, что исход сражения близок и что они дошли до последнего ряда. (4) Тут-то консул и воззвал к триариям: «Теперь поднимайтесь со свежими силами против обессиленных, помните отечество и родителей, жен и детей, помните консула, сложившего голову ради вашей победы!» (5) Когда триарии, полные сил, сверкая оружием, приняли антепиланов в промежутки между рядами и поднялись с земли, неожиданно возникло как бы новое войско (6), и с громкими криками римляне разметали передовые отряды латинов. Когда перебили уже отборных латинских воинов, коля их в лица копьями, то сквозь остальные манипулы прошли почти без потерь, словно сквозь строй безоружных, и прорвали их клинья, учинив такое побоище, что едва ли

уцелела и четверть неприятельских сил. (7) Вдобавок ко всему латинам угрожали самниты, в боевом порядке стоявшие поодаль у горы. Впрочем, ни граждане, ни союзники не имели в этом сраженье таких заслуг, как консулы, ведь первый на одного себя обратил угрозы и опасности, исходившие от небесных и подземных богов, (8) а второй проявил во время битвы такую храбрость и предусмотрительность, что как римляне, так и латины, передавшие потомкам память об этой битве, согласны между собою: у какой бы из сторон ни оказался вождем Тит Манлий, той несомненно досталась бы и победа. (9) Спасаясь бегством, латины укрылись в Минтурнах. Сразу же после сражения был захвачен их лагерь, и много народу – в основном кампанцев – взяли там живыми. (10) Тело Деция нашли не сразу, так как ночная тьма помешала поискам; назавтра его обнаружили в огромной куче вражеских трупов, и оно было сплошь утыкано стрелами. Тит Манлий устроил Децию похороны, достойные такой кончины. (11) Тут нужно, наверное, добавить, что консул, диктатор или претор, обрекая в жертву богам вражеские рати, мог обрекать на смерть не себя непременно, но любого гражданина, занесенного в список римского легиона; (12) если человек, которого обрекли богам, погибает, считается, что все хорошо, если не погибает, то в землю зарывают изображение его высотою семь пядей или больше и закалывают искупительную жертву; ступить на место, где зарыли изображение, римским магистратам заповедано. (13) Если полководец захочет обречь смерти самого себя, как это сделал Деций, но не погибнет, то он не может, не совершая кощунства, приносить богам в жертву ни животного, ни чего-либо другого ни от своего имени, ни от имени государства. Обрекший себя в жертву имеет право посвятить свое оружие Вулкану или еще какому-нибудь богу; (14) благочестие требует, чтобы копье, стоя на котором консул произносил заклинание, не попало в руки врага; если оно попадет, то во искупление надо заклать Марсу свинью, овцу и быка.

11. (1) Хотя, предпочитая новое и чужеземное древнему и отчему, мы предали забвению все божеские и человеческие обычаи, я счел небесполезным сообщить это, дословно держась предания. (2) У некоторых писателей я читаю, что самниты дождались исхода сражения и лишь тогда пришли на помощь римлянам, когда битва уже была кончена. (3) То же и у латинов: они были уже разбиты, когда лавинийцы, тянувшие в нерешительности время, двинулись наконец на подмогу. (4) Но едва передовые знамена и часть их отряда миновали городские ворота, как, получив весть о поражении латинов, они повернули знамена и пошли назад в город, а их претор по имени Милиоций, говорят, произнес: «За этот недальний поход нам придется заплатить римлянам хорошую цену!» (5) Уцелевшие в битве латины разбежались во все стороны, а потом, собравшись вместе, нашли себе убежище в городе Весция. Когда держали там совет, их полководец Нумизий утверждал, (6) что в действительности Марс был ко всем одинаков, оба войска понесли равный урон и, хотя слава победы досталась римлянам, в остальном они разделяют участь побежденных: (7) оба консульских шатра погружены в скорбь – один из-за жестокой казни сына, другой из-за гибели обреченного в жертву консула; все войско разгромлено, гастаты и принципы перебиты, причем избиение шло и перед знаменами и позади них, и лишь триарии под конец поправили дело; (8) и пусть силы латинов понесли такие же потери, однако Лаций и земли вольсков, где можно набрать пополнение, ближе, чем Рим, (9) так что, будь на то согласье собравшихся, он быстро наберет молодежь латинского и вольскского племени, вернется с готовым к бою войском в Капую и своим внезапным появлением ошеломит римлян, которые теперь меньше всего ожидают нападения. (10) По Лацию и среди вольсков разослали обманные письма, а так как не участвовавших в сражении легче легкого было заставить поверить во что угодно, отовсюду прибыли беспорядочные, в спешке набранные войска. (11) Эти-то полчища встретил у Трифана – между Синуессой и Минтурнами – консул Торкват. Не выбирая места для лагеря, противники свалили в кучу свою поклажу и вступили в бой. Тут война и была решена (12), ибо силы латинов оказались так подорваны, что, когда консул повел воинов-победителей разорять их земли, они все сдались ему, а следом за ними сдались и

кампанцы. (13) У Лация и Капуи в наказание отобрали часть земель. Земли латинов вместе с землями привернатов и Фалерна, принадлежавшие прежде кампанцам, вплоть до реки Вольтурна распределили между римскими плебеями. (14) Каждому выделили по два югера в Лации, причем с добавкой трех четвертей югера из владений привернатов, а в Фалернской области по три югера, то есть на четверть югера больше ради удаленности места. (15) Наказание латинов не коснулось лаврентийцев и кампанских всадников, так как они не были причастны к измене. Постановили возобновить договор с лаврентийцами, и с той поры он возобновляется ежегодно после десятого дня Латинских торжеств. (16) Кампанским всадникам было даровано римское гражданство, и в ознаменование этого на стене римского храма Кастора укрепили медную доску. Кампанский народ получил также распоряжение ежегодно выплачивать каждому из всадников – а было их тысяча шестьсот – по четыреста пятьдесят денариев.

12. (1) Так закончилась эта война, и, когда по заслугам каждого розданы были награды и наказания, Тит Манлий возвратился в Рим. Есть свидетельства, что при вступлении в Город навстречу ему вышли только пожилые люди, а молодежь и тогда, и после – в течение всей его жизни – сторонилась его и проклинала…(4) Год [**340 г.**] перед консульством Эмилия Мамерцина и Квинта Публилия Филона был ознаменован победой над многими весьма могущественными народами, к тому же славной смертью одного из консулов и правежом другого, столь же беспощадным, сколь и достопамятным. (5) У этих же новых консулов и поприща подобного не было, и сами они, управляя государством, думали больше о выгоде своей и своих сторонников, нежели об отечестве. На **Фенектанской равнине** они разбили восставших латинов, недовольных потерей земельных владений, и захватили их лагерь…

13. [**338 г.**] (2) В Лации все складывалось так, что его жители не могли ни войну вести, ни на мир согласиться: для войны у них не было сил, а мир они отвергли потому, что жаль было отнятых земель. (3) Им казалось, что нужно принять промежуточное решение: отсиживаться за укреплениями, избегая столкновений и не давая римлянам повода к войне, а услыхав об осаде какого-нибудь города, всем сообща идти на помощь осажденным… (8) И консулы не успокоились, пока не привели к покорности весь Лаций, один за другим захватывая города или приступом, или принимая их добровольную безоговорочную сдачу. (9) Затем, разместив по занятым городам заставы, возвратились в Рим отпраздновать единодушно присужденный им триумф. В дополнение к триумфу консулам была оказана и такая честь: на форуме им поставили конные статуи, что в те времена случалось не часто. (10) Прежде чем созвать народное собрание для выборов консулов следующего года, Камилл доложил сенату о народах Лация и сказал так: (11) «Отцы-сенаторы, все, чего следовало добиться в Лации войной и оружием, все это по милости богов и благодаря доблести воинов уже исполнено. (12) Вражье войско разгромлено при Педе и Астуре, все латинские города и Антий во владениях вольсков, захваченные силой или сдавшиеся, находятся под охраной ваших отрядов. (13) Осталось обсудить, каким способом навсегда заставить латинов блюсти мир и спокойствие, коль скоро снова и снова они тревожат нас своими мятежами. (14) Бессмертные боги облекли вас такою властью, что от вашего решения зависит, быть ли впредь Лацию или не быть; а потому мир с латинами вы можете обеспечить себе либо жестокой расправой, либо милостивым прощением. (15) Хотите быть жестоки к сдавшимся и побежденным? Тогда можно разорить весь Лаций, превратив в голую пустыню те края, откуда к нам являлось превосходное союзное войско, на которое и вы часто опирались во многих, причем крупных, войнах. (16) Или вы хотите, по примеру предков, дать побежденным гражданство и тем умножить мощь римского государства? Тогда перед вами сколько угодно способов с вящею славою дать возрасти нашему государству. Само собой разумеется, что власть, которой покоряются с радостью, более прочна. (17) Но, какое бы решение вы ни вынесли, с ним нужно поспешить. Столько народов, колеблясь между страхом и надеждою, ждут вашего приговора, что и вам следует поскорее снять с себя эту

заботу, а их, замерших в ожидании, наказать или облагодетельствовать. (18) Наше дело дать вам возможность разрешить все по своему усмотрению, а ваше – выбрать наилучшее для вас и всего государства».
14. (1) Самые видные сенаторы были довольны докладом консула о положении дел, заявив, однако, что вина вине рознь и что замысел консула осуществим, только если доложить сенату о каждом племени особо, дабы всем было воздано по их заслугам. (2) Тогда обо всех было доложено по отдельности и приняты подобающие решения. Ланувийцам даровали право гражданства и возвратили их святыни с тем условием, что храм и роща Юноны Спасительницы останутся общими как для ланувийских граждан, так и для римского народа. (3) Жителей Арриции, Номента и Педа приняли в число граждан на тех же условиях, что ланувийцев. (4) За тускуланцами оставили прежние права гражданства, покарав лишь нескольких зачинщиков мятежа и тем самым сняв с них обвинение в измене. (5) С велитрийцами, давнишними римскими гражданами, за многократные их мятежи расправились без пощады: стены города были повалены, старейшины получили приказ удалиться из Велитр и селиться за Тибром; (6) это означало, что пойманный на левом берегу Тибра уплатит до тысячи фунтов меди выкупа, а захвативший пленника может до уплаты не освобождать его из оков. (7) В имения изгнанных старейшин отправили поселенцев из Рима, и после включения их в число граждан Велитр город вновь обрел былое многолюдство. (8) Новое поселение было выведено и в Антий, где антийцам по их желанию и самим разрешили войти в число римских поселенцев; большие военные корабли были оттуда уведены, доступ к морю жителям Антия закрыт, но права граждан предоставлены. (9) У тибуртинцев и пренестинцев отторгли земельные владения, ибо на них возлагали не только общую с другими латинами вину за недавнее восстание, но еще и за то, что, тяготясь властью Рима, они уже и прежде воевали на стороне галлов – племени дикарей. (10) Прочие латинские народы были лишены права заключать между собою браки, вести друг с другом торговлю и созывать общие собрания. Кампанцам же предоставили гражданство (без права голосования) – из уважения к их всадникам, не пожелавшим восставать вместе с латинами, а также фунданцам и формианцам, ибо путь через их земли всегда был надежным и мирным. (11) Жителям Кум и Свессулы решили дать те же права и на тех же условиях, что жителям Капуи. (12) Корабли антийцев частью отвели на римские верфи, частью сожгли, а носами кораблей решили украсить возведенный на форуме помост и нарекли это освященное место Ростpами.

7. II Самнитская война (327-304 гг.)

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга VIII. Пер. Н.В. Брагинской.

22. [**328 г.**] (5) Палеполь находился неподалеку от того места, где ныне расположен Неаполь; в том и другом городе жило одно и то же племя родом из Кум, (6) а куманцы вели свое происхождение из Евбейской Халкиды. Благодаря судам, на которых они прибыли со своей родины, они приобрели большую власть над морским побережьем, где поселились; сперва они высадились на островах Энарии и Питекуссах, а потом решились перебраться и на материк. (7) Палеполитанцы, полагаясь не только на свои силы, но и на ненадежность союза самнитов с римлянами, а быть может, доверяясь и слухам о моровом поветрии, открывшемся в Городе, много раз нападали на римлян, живущих на кампанских и фалернских землях. (8) И потому в консульство Луция Корнелия Лентула и вторичное консульство Квинта Публилия Филона туда отправили фециалов требовать возмещения, а когда они доложили о заносчивом ответе греков – людей, смелых больше на словах, чем на деле, то с согласия отцов народ приказал начать войну с палеполитанцами. (9) При распределении обязанностей между консулами Публилию выпало вести войну с греками, а Корнелий с другим войском стоял наготове, чтоб отразить самнитов, если те пойдут

войною. (10) И, поскольку ходили слухи, что самниты двинутся с места, как только восстанут кампанцы, Корнелий почел за лучшее расположиться постоянным лагерем в Кампании.
23. (1) Оба консула сообщают сенату, что на мир с самнитами почти нет надежды: Публилий – что две тысячи ноланских и четыреста самнитских воинов впущены в Палеполь, больше по настоянию ноланцев, чем по воле греков; (2) Корнелий – что власти объявили набор, весь Самний поднялся, а соседей – и привернатов, и фунданцев, и формианцев – открыто подстрекают к мятежу. (3) Решили тогда до начала войны отправить послов к самнитам; ответ от них был получен дерзкий. (4) Самниты даже стали обвинять римлян в притеснениях, не забывая при этом усердно отводить обвинения от самих себя: (5) грекам-де они ни советом, ни помощью не содействовали и фунданцев с формианцами к мятежу не подстрекали, ибо, пожелай они вести войну, им вполне хватит собственных сил. (6) В то же время самниты не могут скрыть своего неудовольствия тем, что Фрегеллы, отторгнутые самнитами у вольсков и разрушенные, римский народ восстановил и вывел во владения самнитов свое поселение, которое его жители так и зовут Фрегеллами! (7) Чтобы избавить себя от таких оскорблений и обид, они не пожалеют сил, раз уж обидчикам нет до этого дела. (8) Когда римский посол призвал их обсудить все это перед общими союзниками и друзьями, ответ был таков: «К чему плетение словес? Наш спор, римляне, решают не речи послов и не какой-то посредник из смертных, а поле Кампанское, где нам предстоит померяться силами, наше оружие да общий всем ратный Марс. (9) Так что давайте станем лагерь против лагеря между Капуей и Свессулой и решим, самнитам или римлянам господствовать в Италии». (10) Римские послы ответили, что пойдут не туда, куда позвал противник, а куда поведут собственные их военачальники…
25. [**326 г.**] (2) Затем новые консулы по воле народа отправили к самнитам послов объявить им войну, а сами занялись всевозможными приготовлениями, много более тщательными, чем для войны с греками. Получили консулы и новое подкрепление, на которое в те времена не рассчитывали. (3) Ведь луканцы и апулийцы, которые до той поры не имели с Римом ничего общего, отдали себя под его покровительство, обещая вооружение и людей для ведения войны, и по договору были приняты в число дружественных народов. Тем временем и в Самнии дела шли успешно. (4) Римляне овладели тремя городами – Аллифами, Каллифами и Руфрием, а остальные земли на большом пространстве были разорены консулами, как только они туда вторглись. (5) Такая удача сопутствовала этой войне, а другая война – осада греческих городов – уже подходила к концу…
29. (1) В тот же год [**325 г.**], когда сама по себе война с самнитами и неожиданная измена луканцев, которых к тому же подстрекали тарквинийцы, уже давали отцам довольно поводов к беспокойству, к их заботам прибавился еще и союз вестинского племени с самнитами. (2) Если в ту пору об этом больше толковали там и сям между собою, а не выносили на обсуждение народа, то на другой год консулам Луцию Фурию Камиллу, исполнявшему должность вторично, и Юлию Бруту Сцеве такое дело представилось самым важным и безотлагательным, и они сделали доклад о нем сенату. (3) И хотя оно не было ново, отцы оказались настолько им озадачены, что одинаково боялись как взяться за него, так и оставить без внимания: с одной стороны, соседние народы могут увидеть в безнаказанности вестинов попустительство и повод возгордиться, с другой – отмстить вестинам огнем и мечом – значит внушить этим же народам опасения за самих себя и озлобление против римлян; (4) а между тем в целом это племя, то есть марсы, пелигны и марруцины, вместе взятые, по своей военной силе бесспорно равнялось самнитам; и вот всех их придется считать врагами, если задеть вестинов. (5) Победило, однако, мнение, которое в настоящем положении могло показаться скорее смелым, нежели обдуманным, но исход дела учит, что судьба помогает храбрецам. (6) По воле сената народ приказал начать войну против вестинов. Жребий вести ее выпал Бруту, а Камиллу достался

Самний. (7) Войска выступили в поход в обоих направлениях, и необходимость охранять собственные владения помешала врагам объединить свои силы. (8) Случилось, однако, так, что одного из консулов, Луция Фурия, на которого было возложено более тяжкое бремя, судьба освободила от ведения войны: он слег от тяжкого недуга, (9) а когда получил приказ для управления государством назначить диктатора, назначил **Луция Папирия Курсора**, который всех тогда далеко превосходил военною славой, а тот взял начальником конницы **Квинта Фабия Максима Руллиана**. (10) Эти двое знамениты своими подвигами при исполнении должности, но раздоры, едва не дошедшие до смертельной угрозы сопернику, сделали их еще более известными…

30. (1) Поход на Самний начался при неясных птицегаданиях, но ошибка в них не сказалась на исходе войны – он был благополучен, – она проявилась только в неистовой вражде военачальников. (2) Дело в том, что, когда диктатор Папирий отправлялся по совету пуллария в Рим для повторных гаданий, он объявил начальнику конницы указ оставаться на месте и не вступать в схватку с врагом в его отсутствие. (3) Но после отъезда диктатора Квинт Фабий узнал через лазутчиков, что у врагов царит такая беспечность, будто ни единого римлянина нет в Самнии; (4) и дерзкий юноша, то ли уязвленный тем, что все оказалось в руках диктатора, то ли соблазненный возможностью удачно нанести удар, приготовил войско, выстроил боевые порядки и, двинувшись на Имбриний (так зовется это место), завязал бой с самнитами. (5) Сражение было столь успешным, что сам диктатор, окажись он тут, не смог бы дать лучшего: вождь не обманул ожиданий воинства, а воинство – надежд вождя. (6) Хотя после нескольких попыток всадники так и не сумели прорвать вражеский строй, но по совету военного трибуна Луция Коминия они отпустили поводья и, послав коней вскачь, пришпорили их так, что уже ничто не могло остановить их бега: на широком пространстве за ними полегли, как скошенные, и пики, и воины. (7) Пехота, ринувшаяся вслед за конницей, ударила по уже расстроенным рядам врагов. Как рассказывают, в этот день было убито двадцать тысяч вражеских воинов…

36. (1) Поставив Луция Папирия Красса во главе Города и запретив начальнику конницы, Квинту Фабию, делать что-либо по его должности, диктатор возвратился в лагерь; (2) появление его не слишком обрадовало сограждан и ничуть не устрашило врагов. Действительно, уже на другой день, то ли не зная о прибытии диктатора, то ли не придавая значения его присутствию или отсутствию, неприятель, подойдя к лагерю, выстроился в боевом порядке. (3) А между тем от одного этого мужа, Луция Папирия, зависело столько, что, если б воины сочувствовали замыслам вождя, в этот самый день можно было наверняка покончить с войною против самнитов: (4) так умело построил он ряды, так удачно выбрал место и расставил подкрепление, настолько приумножил силы войска всякими военными хитростями; однако воины были нерадивы и, чтобы умалить заслуги своего предводителя, нарочно не спешили одерживать победу. Среди самнитов оказалось больше убитых, среди римлян – больше раненых. (5) Понял опытный вождь, что стоит на его пути к победе: надо смирить себя и к суровости подмешать ласку. (6) И вот, собрав легатов, он сам обошел раненых воинов и, заглядывая в шатры, каждого в отдельности спрашивал о здоровье и поименно поручал воинов заботам легатов, трибунов и префектов. (7) Это уже само по себе расположило народ к военачальнику, а он повел себя так умело, что, исцеляя тела воинов, тем скорее привлек к себе их души, да и для выздоровления не было средства действенней, чем благодарность, с которой они принимали его заботу. (8) Восстановив силы войска, диктатор вступил в бой с неприятелем, причем и он сам, и воины твердо верили в победу, и такой был разгром, такое повальное бегство самнитов, что день тот стал для них последним днем сражений с диктатором. (9) Потом войско победителей двинулось туда, куда влекла надежда на добычу, и прошло по всем владеньям неприятеля, не встретив вооруженного отпора ни в открытом бою, ни из засады. (10) Диктатор вдобавок раззадорил воинов, объявив всю добычу их собственностью, так что личная корысть гнала их на врага не меньше, чем

ненависть к самнитам и верность государству. (11) Измученные этими бедствиями, самниты попросили у диктатора мира; заключив с ним договор о предоставлении каждому римскому воину одежды и годового жалованья, самниты на приказ идти к сенату ответили, что пойдут следом за диктатором, вверив свое дело только его чести и доблести. Так войско покинуло Самний.

37. (1) Диктатор с триумфом вступил в Город, а когда пожелал сложить с себя диктатуру, то по приказу отцов прежде объявил консулами Гая Сульпиция Лонга, вторично, и Квинта Эмилия Церретина. (2) Заключение мира с самнитами не состоялось из-за споров о его условиях, и самниты ушли из Города, заключив на год перемирие. Но даже собственные клятвы не были для них святы, настолько воспрянул в них боевой дух при известии о том, что Папирий оставил должность…

38. (1) На другой год [**322 г.**] в консульство Квинта Фабия и Луция Фульвия из-за опасений, что война в Самнии окажется кровопролитной, – поговаривали, будто самниты набрали у соседей наемников, – диктатор Авл Корнелий Арвин и начальник конницы Марк Фабий Амбуст произвели со всею строгостью набор и двинули на самнитов превосходное войско. (2) Лагерь на вражеской земле разбили без всяких предосторожностей, словно враг далеко, но тут внезапно объявились самнитские рати, столь дерзкие, что поставили свой частокол прямо под носом у римских сторожевых дозоров. (3) Уже спускалась ночь, и это помешало им напасть на римские укрепления, но самниты не скрывали намерений назавтра с рассветом пойти на приступ. (4) Диктатор понял, что сражение произойдет скорее, чем ожидалось, и, чтобы невыгодное место не оказалось слишком большим испытанием для мужества его воинов, ради обмана неприятеля оставил в лагере множество огней и потихоньку вывел легионы; однако лагерь находился так близко от самнитов, что обман не удался. (5) Конница неприятеля тотчас двинулась следом и не отставала от войска, хотя до рассвета остерегалась вступать в бой, а пехота до восхода солнца даже не успела выйти из лагеря. (6) Самнитская конница лишь к утру решилась напасть на неприятеля и мешала движению, задирая самых крайних и в труднопроходимых местах тесня ряды римлян. Тем временем пехота догнала конницу, и самниты стали наседать уже всеми своими силами. (7) Тогда, поняв, что без крупных потерь вперед не продвинуться, диктатор приказал разбить лагерь там, где сам он остановился. Но в окружении вражеской конницы делать это, то есть возводить изгородь и начинать работы, было невозможно. (8) И потому диктатор, видя, что нельзя ни продолжить путь, ни сделать остановку, убрал из войска обоз и выстроил воинов в боевом порядке; выстроились против них и враги, не уступающие ни духом, ни силой. (9) Особенно они расхрабрились, возомнив, будто римляне отступили перед своим неприятелем, а не из-за невыгодного положения, и поверили, будто это они, наводя ужас, преследуют перепуганных беглецов. (10) Оттого-то давно не слышавшие римского боевого клича самниты какое-то время сражались с ними на равных. И впрямь, в тот день от третьего часа до восьмого противоборствующие стороны были, как говорят, столь равносильны, что клич, раздавшийся при первом столкновении, ни разу не возобновлялся, знамена не двинулись с места ни вперед, ни назад и ни одна сторона не отступила. (11) Вросши в землю и напирая щитом, каждый на своем месте дрался без передышки и не оглядываясь по сторонам; равномерному гулу и неизменному напряжению битвы конец могло положить либо крайнее истощение, либо ночь. (12) Уже на исходе силы воинов, крепость оружия, смекалка вождей, и вдруг самнитские конники, узнав от одной своей отъехавшей в сторону турмы, что римский обоз стоит далеко от вооруженных воинов без охраны и вне укреплений, взалкав добычи, бросаются туда. (13) Когда встревоженный гонец донес о том диктатору, тот сказал: «Дай им только нагрузиться добычей». Потом прибывали все новые и новые гонцы с криками, что повсюду грабят и тащат имущество воинов. (14) Тогда, призвав начальника конницы, диктатор сказал: «Ты видишь, Марк Фабий, что вражеская конница оставила поле боя. Теперь наш обоз стал их обузой. (15) Ударь на них, пока, подобно всем ордам, занятым грабежом, они рассыпаны повсюду в

беспорядке, и мало кто попадется тебе верхом на коне, немногих встретишь при оружии; пока они навьючивают добычу на себя и лошадей, сразу их безоружными и обагри кровью их добычу. О легионах и пехотной битве позабочусь я, а слава победы над конницей пусть будет твоею».
39. (1) Отлично построенная конница напала на рассеявшихся и обремененных грузом врагов и все кругом покрыла их трупами. (2) Не способных ни драться, ни спасаться, их убивали среди поспешно брошенных тюков, которые путались под ногами испуганных, разбегающихся лошадей. (3) И тогда, почти полностью истребив вражескую конницу, Марк Фабий лишь разворачивает свои алы и с тыла нападает на строй пехотинцев. (4) Боевой клич, неожиданно донесшийся оттуда, вселяет ужас в самнитов, а диктатор, заметив, что вражеские передовые бойцы оглядываются назад, что знамена в беспорядке и строй колеблется, то с призывом, то с ободреньем обращается к своим воинам и, окликая по имени трибунов и центурионов, зовет их вместе с ним вновь броситься в бой. (5) Опять раздался боевой клич и знамена двинулись вперед. По мере продвижения стали.замечать, что среди врагов нарастает смятение. Идущим впереди видно уже свою конницу, и Корнелий, оборотясь к манипулам, (6) размахивает руками и кричит во все горло, что видит знамена и щиты своих всадников. (7) Когда это услыхали, да еще и увидели, то настолько позабыли вдруг и о тяготах, выпавших на их долю за целый день, и о своих ранах, что кинулись на врага, словно свежие бойцы, только что вышедшие из лагеря и получившие знак сражаться. (8) Самниты не могли доле противостоять ни ужасу, который наводила конница, ни натиску пехоты; одних перебили на месте, другие рассеялись в бегстве: (9) пехотинцы перебили сопротивлявшихся в окруженье, а конница устроила избиение беглецов, в числе коих пал и сам их полководец. (10) Это сражение нанесло самнитам такой удар, что на всех своих собраниях они начали шуметь – мол, ничего удивительного, что не добились успеха в этой нечестивой, начатой вопреки договору войне, в которой боги, и поделом, были к ним даже враждебней, чем люди; дорогою ценой придется искупать эту войну; (11) вопрос только в том, принести ли в жертву кровь нескольких виновных или всех безвинных, а иные уже осмеливались назвать зачинщиков. (12) Особенно часто слышалось в единодушных выкриках толпы имя Брутула Папия. Это был знатный и могущественный человек и несомненный нарушитель последнего перемирия. (13) Преторы, вынужденные доложить об этом, добились решения выдать римлянам Брутула Палия, отправить вместе с ним в Рим всю награбленную у римлян добычу и пленных и, следуя справедливости и благочестию, отдать также и то, за что, согласно договору, те требовали возмещения через фециалов. (14) По этому решению в Рим отправили фециалов и бездыханное тело Брутула: добровольною смертью он сам избавил себя от казни и позора, а (15) вместе с телом постановили выдать и его имущество. Однако, кроме пленных и того добра, что римляне признали своим, ничего больше не приняли; выдачу всего остального признали недействительной. Диктатор по постановлению сената справил триумф.

Книга IX. Пер. Н.В. Брагинской.

1. (1) Следующий год [**321 г.**], когда консулами были Тит Ветурий Кальвин и Спурий Постумий, ознаменовался **Кавдинским миром**, памятным из-за тяжкого поражения римлян. (2) В тот год военачальником у самнитов был сын Геренния Гай Понтий; родитель его славился среди самнитов своею мудростью, а сам он – воинской доблестью и военным искусством…
2. (1) Чего ни посулили эти его пророчества, все исполнилось. Понтий двинулся с войском в поход и, соблюдая строжайшую тайну, разбил лагерь **у Кавдия**. (2) Отсюда он посылает в Калатию, где, по слухам, уже стояли лагерем римские консулы, десять воинов, переодетых пастухами, приказав им пасти скот подальше друг от друга, но поближе к римским заставам, (3) а повстречавшись с грабящими округу римскими воинами, пусть

твердят одно: дескать, самнитские легионы в Апулии, осаждают там всем воинством Луцерию и со дня на день возьмут ее приступом. (4) Об этом заранее нарочно распустили слухи, успевшие уже дойти до римлян, а когда то же самое стали повторять все, кого захватывали в плен, им нельзя было не поверить. (5) Было ясно, что римляне окажут помощь жителям Луцерии, своим добрым и верным союзникам, стремясь вместе с тем предотвратить в столь опасных условиях отпадение всей Апулии. Раздумывали они только о том, какой выбрать путь, (6) ибо к Луцерии вели две дороги. Одна, широкая и открытая, шла по берегу Верхнего моря – путь этот был более безопасным, но и более далеким; другая дорога, покороче, вела через Кавдинское ущелье. (7) Вот каково само это место: два глубоких ущелья, тесных и заросших лесом, окружены непрерывными горными кряжами; между ущельями – довольно широкая поляна, болотистая и заросшая травой, через эту поляну и пролегает путь. (8) Но, чтобы дойти до нее, нужно пробраться через первую теснину, а потом возвращаться назад тою же дорогой, которой сюда проникли, или, продолжая путь, пройти по второму ущелью, еще более глубокому, еще менее проходимому. (9) Когда, избрав второй путь, римляне по скалистому распадку спустились в эту долину, то сразу же двинулись гурьбою ко второму ущелью, но наткнулись там на завал из деревьев и нагроможденных друг на друга огромных камней. Стало ясно, что это вражеская хитрость, и тут же поверху над ущельем замелькали неприятельские отряды. (10) Римляне спешат назад к дороге, которой пришли, но и она оказывается прегражденной завалами и вооруженными людьми. Тогда без всякого приказа все остановились в полной растерянности, словно скованные каким-то странным оцепенением; (11) и, поглядывая друг на друга в надежде найти в соседе больше самообладания и сообразительности, они долго молчат, не шелохнувшись. (12) Потом, видя, что ставятся консульские шатры, что некоторые достают орудия для земляных работ, (13) римляне, хоть и понимая всю смехотворность возведения укреплений в столь отчаянном и безнадежном положении, чтобы не усугубить его еще и по собственной вине, каждый сам по себе, без всяких понуканий и приказаний, принимаются за дело и, разбив у воды лагерь, окружают его валом. (14) И враги осыпали их тем временем бранью и насмешками, и сами римляне с горькой откровенностью высмеивали свой труд и тщетные усилия. (15) Удрученные консулы не созывали совета: совещаться было не о чем, как и подмоги ждать было неоткуда; но легаты и трибуны сами подошли к ним, а воины, оборотясь к консульскому шатру, взывали к вождям о помощи, какую едва ли могли им подать и бессмертные боги.

3. (1) Когда настала ночь, они все еще совещались, а больше спорили, потому что каждый твердил то, что отвечало его нраву. «Давайте пойдем, – говорил один, – через завалы на дорогах, через горные преграды, через леса, где только можно пройти с оружием, – (2) лишь бы подойти поближе к супостатам, ведь уже чуть ли не тридцать лет они терпят от нас поражения. Чтобы драться с вероломным самнитом, всякое место будет для римлян и ровно, и удобно». (3) «Куда и как мы пойдем?– возражал другой.– Что мы, горы станем сдвигать с места? Как ты кинешься на врага, если над тобой высятся эти кряжи? С оружием или без, храбрые и трусы, все мы равно взяты в плен и побеждены. Нам не дано даже достойно погибнуть от меча противника: враг выиграет войну, не трогаясь с места». (4) В таких разговорах, забыв о еде и сне, римляне провели ночь. Однако и самниты не знали, что им предпринять при такой своей удаче, и все сообща решили написать Гереннию Понтию, отцу своего полководца, дабы испросить у него совета. (5) Этот Геренний Понтий в свои преклонные годы уже отошел не только от военных, но и от гражданских дел, однако воля и проницательность в дряхлом его теле оставались прежними. (6) Когда он узнал, что римское войско заперто между лесистыми склонами Кавдинского ущелья, то на вопрос о его мнении передал посланцу сына: как можно скорей отпустить всех римлян, не причиняя им никакого вреда. (7) А когда это было отвергнуто и тот же гонец, возвратясь, вторично просил совета, Геренний предложил перебить их всех до единого. (8) Ответы были столь противоречивы, словно их дал

таинственный оракул, и, хотя сын сам первый склонялся к мысли, что в ветхом родительском теле одряхлел уже и разум, он уступил все же общему желанию и вызвал отца на совет. (9) Старик не заставил себя упрашивать, и его, говорят, привезли на телеге в лагерь. Приглашенный на совет, он повторил примерно все то же, что говорил раньше, ни в чем не отступил от своего мнения, но объяснил, на чем оно основано. (10) Давая первый совет, в его глазах наилучший, он стремился, чтобы столь великое благодеяние обеспечило вечный мир и дружбу с могущественнейшим народом; смысл второго совета был в том, чтобы избавить от войны многие поколенья, ибо после потери двух войск римское государство не скоро вновь соберется с силами; третьего же решения, сказал он, вообще нет. (11) Когда же сын и другие предводители стали добиваться от него, что если они изберут средний путь, то есть отпустят римлян невредимыми и в то же время по праву войны свяжут их как побежденных определенными условиями, старик сказал: (12) «Это как раз такое решение, что друзей не создаст, а врагов не уничтожит. Вы только сохраняете жизнь людям, озлобленным унижением, а нрав римлян таков, что, потерпев поражение, они уже не ведают покоя. (13) Нынешнее безвыходное положенье вечно будет огнем жечь их души, и не будет им успокоения, покуда не отомстят вам стократ». Ни тот, ни другой совет принят не был, и Геренния увезли из лагеря домой.

4. (1) Тем временем многие из окруженных попали в плен при тщетных попытках пробиться, а в лагере уже во всем ощущалась нехватка, (2) и римлянам волей-неволей пришлось отправить послов просить сперва мира на равных условиях, а не добившись мира, вызывать на бой. (3) На это Понтий отвечал, что война уже завершена, а раз римляне, даже потерпев воражение и попав в плен, не способны смириться со своею участью, то он прогонит их под ярмом – раздетых и безоружных; в остальном же условия мира будут равными для побежденных и победителей: (4) если римляне уйдут из владений самнитов и уведут обратно своих поселенцев, то оба народа будут впредь подчиняться лишь собственным законам и жить как равноправные союзники; (5) вот на таких условиях он-де готов заключить договор с консулами, а если в них что-то им не по нраву, то послов пусть больше не присылают. (6) Когда послы объявили о данном им ответе, раздался такой дружный вопль и такое всех охватило уныние, что, казалось, римляне предпочли бы этому услышать известие о предстоящей здесь им всем погибели…

5. (1) Консулы отправились к Понтию для переговоров, а когда победитель завел речь о договоре, отвечали, что без веления народа договор заключить невозможно, так же как без фециалов и без прочих торжественных священнодействий. (2) Так что, вопреки общепринятому мнению и даже письменному свидетельству Клавдия, Кавдинский мир был скреплен не договором, а только клятвенным поручительством. (3) Зачем, в самом деле, понадобились бы поручители договора или заложники, если бы дело завершили молением к Юпитеру поразить своим гневом народ, отступивший от условий, подобно тому как фециалы поражают жертвенного кабана. (4) Клятвенное обещание дали консулы, легаты, трибуны и квесторы, причем известны имена всех клявшихся, тогда как при заключении мира по договору были бы указаны только имена двух фециалов. (5) И еще потребовалось шестьсот всадников в заложники, которые должны были поплатиться головой за нарушение обещаний; и это тоже было сделано только потому, что пришлось отложить заключение самого договора. (6) Наконец, назначили срок, когда передадут заложников, а разоруженное войско отпустят. С приходом консулов горькое отчаяние вновь охватило воинов: едва удерживались они, чтобы не поднять руку на тех, кто безрассудно завел их в такое гиблое место, а теперь малодушно уводит из западни, навлекши на них этим позор еще больше прежнего… (11) В этих сетованиях застал их роковой час бесчестия, когда суждено было изведать такое, что превзошло самые мрачные их ожидания. (12) Для начала римлянам приказали безоружными и раздетыми выйти за вал, и в первую очередь были выданы и взяты под стражу заложники; (13) потом ликторам приказали покинуть консулов и с консулов сорвали их облачение. У тех самых воинов, которые только что готовы были с проклятьями отдать консулов на растерзание, зрелище

это вызвало такую жалость, (14) что, позабыв о собственном положении, все, словно ужасом охваченные, отворачивались, дабы не видеть, как поругано столь высокое достоинство.

6. (1) Консулов, чуть не нагих, первыми прогнали под ярмом, затем тому же бесчестию подвергся каждый военачальник в порядке старшинства (2) и, наконец, один за другим все легионы. Вокруг, осыпая римлян бранью и насмешками, стояли вооруженные враги и даже замахивались то и дело мечами, а если кто не выражал своим видом должной униженности, то оскорбленные победители наносили им удары и убивали. (3) Так и провели их под ярмом, причем на глазах врагов, что было, пожалуй, самым мучительным. Хотя, выбравшись из ущелья, римляне, словно выходцы из преисподней, казалось, впервые увидели белый свет, но и самый свет для взиравших на свое столь опозоренное войско был чернее мрака смерти….

12. (5) В это время на сторону самнитов перешли сатриканцы, и вот, внезапно появившись под римским поселением **Фрегеллами**, самниты – а с ними, по достоверным сведениям, были и сатриканцы – среди ночи захватили город, однако до рассвета противники из осторожности ничего не предпринимали. (6) Наутро началась битва, шедшая сперва без явного преимущества сторон. Все же фрегелланцы сумели устоять, ибо дрались за свои алтари и очаги, а с крыш им помогали толпы мирных жителей. (7) Но потом взяло верх коварство. Слышно было, как глашатай объявил, что сложившим оружие дадут уйти невредимыми. Эта надежда ослабила битвенный пыл фрегелланцев, и повсюду стали бросать оружие. (8) Часть более стойких воинов с оружием прорвалась через задние ворота, и отвага оказалась лучшей защитою, чем страх, который заставил прочих опрометчиво поверить самнитам: всех их, тщетно взывавших к богам и к верности данному слову, самниты обложили огнем и сожгли. (9) Консулы разделили меж собою военные области: Папирий поспешил в Апулию к Луцерии, где томились римские всадники, взятые под Кавдием в заложники, а Публилий стал в Самнии против Кавдинских легионов. (10) Это привело самнитов в замешательство: к Луцерии они идти не решались, опасаясь врагов с тыла, но и на месте не могли оставаться, боясь лишиться тем временем Луцерии. (11) Они сочли за лучшее во всем довериться судьбе и дать бой Публилию. С тем они и построили войска для битвы.

13. (1) Готовясь к сражению, консул Публилий решил сперва обратиться с речью к воинам и отдал приказ созывать сходку. В мгновение ока все сбежались к консульскому шатру, но за громкими требованьями битвы нельзя было даже расслышать ободряющих слов полководца: (2) ведь каждого звала в бой память о пережитом унижении. И вот римляне идут в бой, торопя знаменосцев, а чтоб не было задержки, когда, сойдясь с врагом, должны будут бросить дротики и уже после браться за мечи, они, будто по условному знаку, разом пускают дротики и, обнажив мечи, бегом кидаются на неприятеля. (3) И не было здесь надобности в военном искусстве с его умением располагать ряды и резервы, все здесь сделала ярость воинов, бросившихся вперед, как одержимые. (4) Враг был не только рассеян, даже в собственном лагере самниты не посмели закрепиться и врассыпную бежали в Апулию. Впрочем, к Луцерии они прибыли, снова собравшись под свои знамена. (5) Ярость, с которой римляне прорвались сквозь гущу врага, бросила их затем на лагерь, там учинились резня и кровопролитие еще страшнее, чем в сражении, и в неистовстве воины уничтожили большую часть добычи. (6) Другое войско, с консулом Папирием, продвинулось по побережью до Арп, нигде не встречая враждебности, чему причиной в большей мере были обиды от самнитов и ненависть к ним, чем какое-то благодеяние римского народа. (7) Равнинные прибрежные области в те времена постоянно разорялись самнитами, жителями горных селений, которые, как и подобает диким горцам, презирали более кроткий нрав земледельцев, схожий, как водится, с природой их края. (8) Оставайся эта область верна самнитам, римское войско либо не добралось бы до Арп, либо, отрезанное от подвоза продовольствия, погибло бы по дороге, где нет никаких источников пропитания. (9) Но и так, когда они добрались до Луцерии, голод стал

одинаковым мучением для осажденных и осаждавших. Римляне все получали из Арп, но этого было так мало, что продовольствие для стражи, дозоров и воинов, занятых земляными работами, всадники доставляли из Арп в лагерь в кожаных мешочках, (10) а порой, наткнувшись на неприятеля, они должны были сбрасывать продовольствие с коней и принимать бой. До прихода второго консула с победоносным войском осажденным доставили с самнитских гор пропитание, а внутрь города впустили подкрепление. (11) Приход Публилия еще больше стеснил противника, ведь он оставил осаду на сотоварища, а сам разъезжал по полям, тем самым начисто лишив врага возможности добывать продовольствие. (12) Тогда самниты, не надеясь, что осажденные смогут и дальше терпеть голод, принуждены были стянуть отовсюду свои силы и выйти против Папирия.

14. (1) В то самое время, когда обе стороны готовились к битве, в дело вмешались тарентинские послы, предлагая и самнитам и римлянам прекратить войну; а кто, мол, воспротивится и не захочет сложить оружие, против того они выступят на стороне противника. (2) Выслушав послов, Папирий, вняв для вида их речам, отвечал, что посоветуется с товарищем, но, послав за ним, он использовал все время для приготовлений к сражению, а переговорив о деле, для обоих несомненном, выставил знак к бою. (3) К консулам, занятым обрядами и распоряжениями, положенными перед битвой, приблизились ожидавшие ответа послы тарентинцев. (4) Папирий сказал им: «Тарентинцы, пулларий объявляет, что птицегадания благоприятны, гадания по внутренностям также на редкость счастливы. В бой, как видите, мы идем по воле богов». (5) Вслед за тем он отдал приказ выносить знамена и двинул войска вперед, браня вздорное племя: из-за мятяжей и раздоров они бессильны управиться со своими делами дома и еще притязают отмерять другим справедливую меру войны и мира!

(6) Самниты тем временем оставили всякие военные приготовления, то ли и впрямь желая мира, то ли видя выгоду в притворстве, которое склонит на их сторону тарентинцев. Когда же они увидели римлян, неожиданно построившихся для битвы, (7) то принялись кричать, мол, из повиновения тарентинцам они не выходят, в сражение не вступают и оружие за вал не выносят; и хотя их обманули, они готовы на все, лишь бы не дать повода думать, будто они пренебрегают посредничеством тарентинцев. (8) Консулы провозглашают это знамением и возносят молитвы о том, чтобы враги и дальше пребывали в таком расположении духа, при каком они не станут защищать и вала. (9) А сами, поделив меж собою воинские силы, подошли к вражеским укреплениям и бросились на них разом со всех сторон. Одни засыпали ров, другие выдергивали частокол и сбрасывали его в ров, и не одно природное мужество двигало ими: ожесточенных унижением, их гнала вперед ярость; (10) они ворвались в лагерь с криками, что здесь вам не ущелье, не Кавдий, не теснины непролазные, где ошибка дала победу надменному коварству, – нет, здесь римская доблесть, а ее ни вал, ни рвы не остановят! (11) И всякий, как мог, убивал без разбора тех, кто дрался, и тех, кто бежал, безоружных и вооруженных, рабов и свободных, взрослых и малолеток, людей и скот; (12) и не осталось бы в лагере ничего живого, не подай консулы знак отходить, не выгони они приказами и угрозами алчущих крови воинов вон из вражьего лагеря. (13) Пришлось консулам тут же обратиться к войску, раздосадованному тем, что прервалось упоение гневом, с увериниями, что в ненависти к врагу консулы и сами не уступают своим ратникам и впредь не уступят, что они, напротив, (14) готовы быть их вождями в войне и в неутомимой мести, но ярость их сдерживает мысль о шестистах всадниках, сидящих заложниками в Луцерии: (15) как бы враги, не надеясь уже на пощаду, не казнили тех, стремясь в слепом своем отчаянии погубить их прежде, чем погибнут сами. (16) Воины это одобрили и обрадовались, что их неистовство укрощено, и признали наилучшим все стерпеть, лишь бы не рисковать жизнью стольких знатных юношей Рима.

15. (1) Распустив сходку, держали совет: всем ли вместе осаждать **Луцерию**, или же одному войску с одним из вождей потревожить окрестных апулийцев – народ, чьи намерения были неясны. (2) Консул Публилий отправился с войском, чтобы обойти

Апулию, и за один поход много народов покорил он силою или принял в союзники и союз с ними скрепил договором. (3) И у Папирия, оставшегося для осады Луцерии, вскоре все вышло так, как он и рассчитывал. Ведь когда все пути для подвоза продовольствия из Самния оказались перекрыты, голод вынудил самнитский отряд, охранявший Луцерию, отправить к римскому консулу послов с предложением получить назад всадников, бывших причиной войны, и снять осаду. (4) Папирий ответил им примерно так: надо бы спросить у Понтия, сына Геренния, по милости которого римляне прошли под ярмом, что, по его мнению, должны претерпеть побежденные; (5) а впрочем, коль скоро они предпочли, чтобы враги, а не они сами установили справедливую меру наказания, то пусть объявят в Луцерии, чтобы оружие, обоз, скот, всех мирных жителей оставили в стенах города, (6) а воинов он намерен в одних туниках прогнать под ярмом, лишь в отместку за оскорбление, но не для того, чтобы причинить новое. (7) Все условия были приняты, и семь тысяч воинов прогнали под ярмом; в Луцерии взяли огромную добычу, причем получили назад и все знамена, и все оружие, отнятое под Кавдием, и вернули домой – а это было самой большой радостью – всадников, которые как заложники мира были отданы самнитами под стражу в Луцерию.

(8) Едва ли была у римского народа другая победа, более прославленная внезапной во всем переменою, особенно если и впрямь, как говорится в иных летописях, и сам Понтий, сын Геренния, самнитский полководец, был во искупление позора консулов вместе со всеми тоже отправлен под ярмо. (9) Впрочем, сдался ли неприятельский вождь в плен и прошел ли он под ярмом, точно не известно, и это меня не удивляет. Куда удивительней сомнения в том, был ли под Кавдием, а потом у Луцерии диктатор Луций Корнелий с начальником конницы Луцием Папирием Курсором (10) и как единственный мститель за позор римлян справил ли он затем триумф, в то время, быть может, самый славный после триумфа Фурия Камилла или же честь этого подвига принадлежит консулам и главным образом Папирию. (11) К этой путанице прибавилась другая: то ли это Папирий Курсор на ближайших выборах в третий раз стал консулом (вместе со вторично избранным на эту должность Квинтом Авлием Церретином), сохранив за собою должность как награду за военные успехи в Луцерии, то ли то был Луций Папирий Мугиллан, и произошла путаница в прозвищах.

16. (1) Все, однако, согласны, что после войну завершили уже консулы. Одной удачной битвой Авлий решил войну с ферентинцами и, приказав дать заложников, принял сдачу самого города, переполненного бежавшими с поля боя войсками. (2) И другому консулу в войне против сатриканцев – римских граждан, перекинувшихся к самнитам после поражения под Кавдием и впустивших в свой город самнитский отряд, – сопутствовала такая же удача. (3) А дело было так. Когда римское войско уже подступало к стенам Сатрика и жители отправили послов умолять о мире, консул дал им суровый ответ: если не перебьют самнитских воинов или не выдадут их, то пусть к нему больше не являются. Для поселенцев эти слова были страшней угрозы нападения, (4) и потому послы тотчас приступили к консулу с вопросом, как, по его разумению, могут они, слабые и малочисленные, совладать с таким сильным и хорошо вооруженным воинством. Консул велел им просить совета у тех, по чьему наущению впустили самнитов в город, и послы удалились, с трудом добившись позволения (5) посовещаться в сенате и возвратиться с ответом. С тем они и уходят восвояси.

(6) В сатриканском сенате в ту пору были две партии: в одной верховодили виновники измены римскому народу, другая состояла из верных Риму граждан, однако и те и другие наперебой стремились угодить консулу, чтобы только обеспечить себе прежний мир. (7) Поскольку отряд самнитов, совершенно не готовый к осаде, должен был на следующую ночь покинуть город, в одной из партий считали, что достаточно известить консула, в каком часу ночи, через какие ворота и по какой дороге враг намерен выйти из города; (8) а в другой – противники перехода на сторону самнитов в ту же ночь и ворота консулу открыли, и тайком от врага впустили в город вооруженных римлян. (9) Так, благодаря

двойному предательству отряд самнитов внезапно столкнулся с римлянами, засевшими в придорожном лесу в засаде, а со стороны заполненного неприятелем города раздался боевой клич, и за какой-нибудь час самниты были перебиты, Сатрик взят и все оказалось во власти консула. (10) Консул провел дознание и, выяснив, чьих рук делом была измена, виновных высек розгами и обезглавил, а затем поставил в городе сильную охрану и лишил сатриканцев оружия.

(11) После этого **Папирий Курсор** отправился в Рим праздновать триумф. Так говорят те, кто приписывает этому вождю взятие Луцерии и отправку самнитов под ярмо. (12) Он бесспорно был мужем достойным как воин всяческой похвалы: его отличали не только воля и мужество, но и телесная сила; (13) на редкость быстроногий (откуда и его прозвище), он благодаря силе ног, а может быть, и благодаря упражнению, говорят, побеждал в беге всех своих сверстников; еще он, по рассказам, чрезвычайно много ел и пил; (14) и для пешего и для конного военнная служба под его началом была тяжелейшей, ибо сам он не знал усталости. (15) Так, однажды всадники набрались смелости просить в награду за успехи освободить их от некоторых обязанностей, (16) и он отвечал им на это: «Чтоб вы не сказали, будто я не дал вам никаких послаблений, так и быть, не растирайте себе зады, спешившись с коней». И была в этом муже громадная властная сила, которой равно покорялись союзники и сограждане. (17) Случилось как-то пренестинскому претору по робости замешкаться с выводом своих воинов из резервов в первые ряды. Папирий, расхаживавший перед своим шатром, велел его позвать и приказал ликтору готовить топор. (18) При этих словах пренестинец замер ни жив ни мертв, а Папирий сказал: «Ну-ка, ликтор, сруби этот пень, а то он мешает ходить» – и отпустил пренестинца, обомлевшего от ужаса перед страшной казнью, наложив на него один только штраф. (19) Бесспорно, что даже в те времена, на редкость богатые доблестными мужами, не было ни одного человека, на которого римское государство могло бы положиться так, как на Папирия Курсора…

20. (1) Следующими консулами стали Марк Фолий Флакцина и Луций Плавтий Венокс. (2) В этом году [**318—317 гг.**] в Рим добиваться возобновления договоров прибыли послы многих самнитских племен. Простертые на земле, они вызвали сострадание сената и были отосланы им к народу, у которого, однако, их мольбы отнюдь не возымели такого успеха. (3) Поэтому после отказа в договоре они несколько дней кряду осаждали просьбами отдельных граждан и добились наконец перемирия на два года…

21. (1) В конце года [**316 г.**] консулы Гай Юний Бубульк и Квинт Эмилий Барбула передали легионы не новым консулам – Спурию Навтию и Марку Попилию, а диктатору Лупию Эмилию. (2) Диктатор вместе с начальником конницы Луцием Фульвием начал осаду Сатикулы, тем самым давая самнитам повод возобновить войну. (3) Опасность, таким образом, стала грозить римлянам с двух сторон: самниты для снятия осады со своих союзников собрали большое войско и расположились неподалеку от лагеря римлян, а сатикуланцы неожиданно распахнули ворота и с громкими криками бросились толпою на римские дозоры. (4) Потом, рассчитывая больше на помощь со стороны, чем на собственные силы, и те и другие с самого начала сражения по правилам стали теснить римлян, но диктатор, хотя драться пришлось на две стороны, сумел все-таки удержать оба строя, развернув войска для круговой обороны и заняв такое место, где его было трудно окружить. (5) Более яростный удар он, однако, нанес сделавшим вылазку и, не встретив сильного сопротивления, загнал их обратно в город и тогда уже развернул против самнитов все свое войско. (6) Самниты сопротивлялись упорнее, однако и над ними одержали победу, пусть нескорую, но от этого не менее верную и полную. Ночью самниты бежали в свой лагерь и, затушив огни, потихоньку ушли всем войском, оставив надежду спасти Сатикулу, но, чтобы отплатить врагу той же монетой, сами осадили союзную римлянам Плистику.

22. (1) Когда этот год [**315 г.**] завершился, ведение войны перешло к диктатору Квинту Фабию; новые консулы остались, как и предыдущие, в самом Риме, а Фабий, чтобы

принять от Эмилия войско, прибыл с подкреплением под Сатикулу. (2) Тем временем и самниты перестали осаждать Плистику, а вместо этого вызвали из дому новые войска и, полагаясь на свою многочисленность, вновь стали лагерем на прежнем месте; для отвлечения римлян от осады они пытались втягивать их в разного рода стычки. (3) Однако диктатор еще больше сосредоточил усилия на осаде вражеских стен, видя цель войны во взятии города и почти не принимая предосторожностей против самнитов: он только расставил дозоры, чтобы лагерь не подвергся неожиданному нападению. (4) Это прибавило самнитам дерзости, и они стали то и дело подъезжать к валу, не давая римлянам покоя. Однажды, когда враг был почти у ворот лагеря, начальник конницы Квинт Авлий Церретан без ведома диктатора в бешеном рывке со всею своею конницей выскочил из лагеря и отбросил неприятеля прочь. (5) И в этой схватке, так мало похожей на упорное противоборство, судьба явила свое могущество: обе стороны понесли тяжкие потери, и оба вождя нашли здесь свою гибель. (6) Поначалу самнитский военачальник в досаде на то, что разбит и обращен в бегство в том самом месте, где только что так дерзко гарцевал, сумел уговорами и ободрением снова повести своих в бой; (7) римскому начальнику конницы легко было заметить его среди воинов, которых он звал в бой, и, наставив копье, Квинт Авлий так пришпорил своего коня, что хватило одного удара, чтобы тело врага, бездыханное, пало наземь. Вопреки обыкновению толпа воинов не столько была обескуражена гибелью своего предводителя, сколько ожесточена ею: (8) все, кто был рядом, пустили свои копья в Авлия, ворвавшегося сгоряча в самую гущу врага. (9) Но честь отмстить за гибель самнитского предводителя судьба даровала прежде всего его брату: это он вне себя от горя и ярости стащил с коня победоносного начальника конницы и умертвил его. И даже тело убитого едва не попало в руки самнитов, так как пал он в самой гуще вражеской конницы. (10) Однако римляне тотчас спешились, вынудив самнитов сделать то же самое, и неожиданно выстроившиеся боевые порядки начали вокруг тел вождей рукопашную, в которой римляне, конечно, одержали верх, и, отбив тело Авлия, победители внесли его в лагерь, испытывая разом и горесть, и гордость. (11) А самниты, потеряв военачальника и испробовав свои силы в конном бою, оставили Сатикулу, признавая тем самым, что попытки защитить ее тщетны, и снова принялись за осаду Плистики, так что через несколько дней Сатикула после сдачи оказалась в руках римлян, а Плистика – после приступа – в руках самнитов.

23. (1) Затем военные действия были перенесены на новое место, и легионы из Самния и Апулии отправили под Сору. (2) После избиения римских поселенцев Сора перешла на сторону самнитов. Когда римское войско, идя большими переходами, чтобы отмстить за истребление сограждан и отбить поселение, первым прибыло к Соре, а разведчики, разосланные по дорогам, (3) один за другим стали приносить известия об идущих следом и уже приближающихся самнитах, (4) римляне двинулись навстречу неприятелю, и у Лавтул было дано сражение, не имевшее ясного исхода. Конец ему положило не поражение и не бегство одной из сторон: ночь разняла противников, так и не знавших, кому досталась победа. (5) У некоторых писателей нахожу сведения о том, что битва была неудачной для римлян и начальник конницы Квинт Авлий пал именно в этой битве. (6) Назначенный на место Авлия начальник конницы Гай Фабий прибыл со свежими войсками из Рима и через гонцов справился у диктатора, где ему следует остановиться, когда и с какой стороны нападать на врага. Подробно осведомленный обо всех замыслах диктатора, он спрятался в хорошо укрытом месте. (7) После битвы диктатор несколько дней продержал свои войска за валом в положении скорей осажденных, чем осаждающих, (8) и вдруг выставил знак к битве… (15) И вот, как безумные, кинулись они на врага и при первом же натиске смешали знамена противника, а начальник конницы, издали завидев горящий лагерь (что и было условным знаком), в самое время ударил по врагам с тыла. Так самниты оказались окружены и стали кто как мог спасаться бегством; (16) великое множество их, сгрудившихся от страха и мешавших в такой толчее друг другу, было перебито на месте. (17) Лагерь захватили и разграбили, и нагруженное добычей войско

диктатор снова привел в свой лагерь. И не так радовались воины победе, как тому, что, вопреки их ожиданиям, кроме небольшого спаленного огнем участка, все остальное их добро было в целости и сохранности.

24. (1) Оттуда войско возвратилось к Соре, и новые консулы – Марк Ретелий и Гай Сульпиций, приняв от Фабия войско, распустили большую часть ветеранов и пополнили воинство когортами новобранцев. (2) Город меж тем был расположен в неприступном месте, и римляне никак не могли выбрать верный способ его захватить: длительная ли осада даст им победу или стремительный приступ? (3) И тут перебежчик из Соры, выйдя тайком из города и добравшись до римской стражи, велит не теряя времени вести его к вождям и консулам, а представ перед ними, обещает отдать им город. (4) Когда затем в ответ на расспросы он объяснил, что намерен делать, предложение сочли дельным и, по его настоянию, передвинули разбитый под самыми стенками лагерь на шесть миль от города, (5) чтобы тем усыпить бдительность и дневных дозоров, охранявших город, и ночной его стражи. На следующую ночь перебежчик приказал когортам притаиться в перелесках под городом, а сам, взяв десяток отборных ратников, повел их за собою в крепость по крутым и почти непроходимым тропам. Туда он загодя принес большой запас метательных снарядов, (6) а кроме того, там были камни, и случайно разбросанные повсюду, как обычно бывает на скалах, и нарочно снесенные в это место жителями для лучшей его защиты. (7) Здесь он и расставил римлян и, показав им узкую и крутую тропу, ведущую в крепость из города, молвил: «На такой крутизне да с оружием натиск любой толпы можно сдерживать даже втроем, (8) вас же десятеро и, что еще важнее, вы – римляне, да еще самые храбрые из римлян! За вас будет и само это место, и тьма ночная, потому что в темноте с перепугу всё преувеличивают, а уж страху на всех я нагоню. Вы же сидите в крепости и держите ухо востро». (9) И он помчался вниз, крича во всю мочь: «К оружию, граждане! Крепость взята врагами! Заклинаю вас: защищайтесь!» (10) Так он вопил, врываясь в дома старейшин, в лицо всем встречным и всем, кто в страхе повыскакивал на улицу. Переполох начал он один, но вот уже толпы разносят его по городу. (11) Встревоженные магистраты, узнав от лазутчиков, посланных к крепости, что она занята вооруженными людьми с метательными орудиями, причем число противников было многократно преувеличено, теряют надежду отбить крепость. (12) Повсюду начинается бегство, и полусонные, почти сплошь безоружные люди разбивают ворота. В одни такие ворота врывается привлеченный шумом римский отряд и мчится по улицам, убивая перепуганных горожан. (13) Сора была уже захвачена, когда на рассвете прибыли консулы и приняли сдачу тех, кого в ночной резне и переполохе пощадила судьба. (14) Из них 225 человек, бывших, по общему мнению, виновниками ужасного избиения поселенцев и отпадения от Рима, в оковах уводят в Рим, остальных отпускают целыми и невредимыми, но в Соре остается отряд охраны. (15) Всех, кого отправили в Рим, высекли на форуме розгами и обезглавили, к вящей радости простого народа. для которого особенно важна была безопасность плебеев, посылаемых в какие-нибудь поселения.

25. (1) Покинув Сору, консулы двинулись войною на земли и города авзонов, (2) где с приходом самнитов после битвы при Лавтулах было очень неспокойно и вся Кампания кишела заговорами. (3) В них была замешана даже сама Капуя, более того, следы заговора вели в Рим, причем к некоторым влиятельным людям. Но, как и в Соре, сдача городов предателями привела племя авзонов к покорности. (4) Авзона, Минтурны и Весция – вот три города, из которых к консулам явились двенадцать знатных юношей, составившие предательский заговор против своих городов. (5) О своих согражданах они сообщили, что те уже давно поджидали прихода самнитов и, едва пришла весть о Лавтульском сраженье, они сразу сочли римлян побежденными и послали свою молодежь в подкрепленье самнитам; (6) а потом, после бегства самнитов, оказались в состоянии не то мира, не то войны: ворот перед римлянами решили не закрывать, чтобы не дать повода к войне, но вместе с тем постановили запереть их при приближении римского войска к городу; в таком двойственном состоянии, уверяли пришедшие, города легко захватить врасплох. (7)

По наущению перебежчиков лагерь придвинули поближе и ко всем трем городам отправили по отряду. Часть воинов должна была, вооружась, незаметно устроить засады возле городских укреплений, а часть, облачась в тоги и спрятав под одеждой мечи, перед рассветом, через открытые ворота войти в город. (8) Эти последние сразу же стали избивать стражу и немедленно подали знак вооруженным бойцам спешить к ним из своих засад. Так завладели воротами, и все три города были захвачены одновременно и одним способом. В отсутствие вождей резня при взятии города не знала удержу, (9) и, несмотря на не вполне доказанное обвинение в измене, племя авзонов было истреблено, словно вело с Римом войну не на жизнь, а на смерть.

26. (1) В том же году Луцерия предала врагам римский охранный отряд и перешла во владение самнитов. Но предатели были скоро наказаны. (2) Бывшее поблизости римское войско с одного приступа захватило этот расположенный на равнине город, жителей его и самнитов беспощадно перебили, (3) причем озлобление дошло до того, что уже в Риме при обсуждении в сенате вывода в Луцерию поселенцев многие предлагали не оставить там камня на камне. (4) Дело было не только в понятной ненависти к двукратным изменникам, удаленность места также заставляла страшиться отправки граждан так далеко от дома в окружение столь враждебных народов. (5) Но предложение отправить поселенцев все-таки победило, и две с половиной тысячи человек послали в Луцерию.

В этом же году при повсеместной измене Риму даже среди капуанской знати стали возникать тайные заговоры. (6) О них доложили сенату, и тут уже не было места беспечности: постановили провести дознание, а для его проведения – избрать диктатора. (7) Диктатором стал Гай Мений, назначивший начальником конницы Марка Фолия. Велик был страх, внушаемый диктатурой. От этого ли страха или от сознания вины, но главари заговора Калавий, Овий и Новий еще до того, как имена их стали известны диктатору, несомненно добровольно наложили на себя руки и так ушли от суда. (8) После завершения дознания в Кампании его перенесли в Рим под тем предлогом, что приказ сената предполагал ведение дознания не только о капуанских заговорщиках, но обо всех вообще злоумышленниках, где бы ни собирались они, чтобы плести свои заговоры против государства, (9) а сходки при искании должностей используются, мол, против государства. Дознание все разрасталось: росло число лиц, привлекаемых к ответу, и тяжесть обвинений, причем диктатор был убежден в своем праве вести дознание без всяких ограничений. (10) И вот к ответу стали требовать знатных мужей, а на их просьбы к трибунам не доводить дело до суда никто не откликнулся. (11) И тогда знатные, не только те, на кого пало обвинение, но и вообще все, в один голос стали повторять, что обвинения касаются «новых людей», а вовсе не знатных, для которых дорога к должностям и так открыта, если только чьи-нибудь козни не чинят им препон; (12) и более того, твердили они, по такому делу самому диктатору и его начальнику конницы впору быть под судом, а не вести по нему расследование, и, что это так, им обоим предстоит узнать, как только сложат с себя должность. (13) И вот тогда Мений, больше заботясь о своем добром имени, чем о власти, выступил вперед и обратил к собранию такие речи: (14) «Вы все знаете, квириты, мою прежнюю жизнь, и сама почетная должность, возложенная на меня, порука моей невиновности. Кого в самом деле следует избрать диктатором для проведения дознания? Того ли, кто блещет воинской славой, ведь этого не раз требовала государственная необходимость? Или здесь нужен был человек, чурающийся прежде всего всяких сговоров? (15) Но коль скоро иные из знатных людей (а почему, о том судите сами, ибо не мне, магистрату, говорить о вещах неудостоверенных) (16) сперва тщились задавить само дознание, а потом, обнаружив свое бессилие, чтобы как-нибудь избежать суда, прибегли (патриции!) к услугам своих супостатов и обратились за помощью к народным трибунам; (17) коль скоро потом им, отвергнутым и трибунами, все казалось надежней попытки доказать свою невиновность настолько, что посмели напасть на нас, и частным лицам достало наглости требовать к ответу диктатора, то, (18) дабы боги и смертные знали и видели, как одни берутся за невозможное, а другие

спокойно идут навстречу обвинениям, я отдаю себя на суд своим недругам, я слагаю с себя диктатуру! (19) А вас, консулы, прошу, если сенат вам поручит дознание, проведите его прежде всего о нас с Марком Фолием, чтобы ясно стало: не величие должности, а наша невиновность служит нам защитой от всех обвинений». (20) После этого он сложил с себя диктатуру, а за ним сложил с себя должность и Фолий. Они стали первыми подсудимыми консулов, так как сенат поручил дознание именно консулам, и, несмотря на враждебные показания знати, блестяще оправдались. (21) Предстал перед судом и Публилий Филон, многократно исполнявший высшие должности после того, как свершил много славных подвигов и дома и в походах, и все равно ненавистный знати. И он тоже был оправдан. (22) Но, как и всегда это бывает, дознание лишь до тех пор вели ревностно и усердно, пока обвиняемые были с громкими именами и расследование было в новинку; потом принялись за людей менее значительных, и наконец, следствие было прекращено благодаря происка м и сговору тех самых людей, против которых оно было направлено.

27. (1) Слухи обо всем этом, а еще более расчет на отпадение Кампании от Рима (что и было целью заговора) заставили самнитов из Апулии возвратиться к Кавдию, (2) чтобы изблизи, если при какой-нибудь смуте представится случай, отнять у римлян Капую. (3) Консулы с сильным войском прибыли туда же. Поначалу противники медлили, стоя по краям заросшего лесом распадка и понимая, что начавший наступление оказывается в невыгодном положенье; (4) потом, сделав небольшой крюк по открытой местности, самниты спускаются всем войском в долину на кампанские поля и сперва разбивают лагерь в виду неприятеля, (5) и потом обе стороны пробуют свои силы в мелких стычках – главным образом в конном, а не пешем бою; и римляне были довольны исходом этих стычек, а затягивание войны их не тревожило. (6) Вождям самнитов, напротив, стало очевидно, что им ежедневно наносится пусть небольшой, но все же урон и затягивание войны лишает бойцов бодрости. (7) Поэтому они выстраивают боевые порядки, разместив свою конницу на правом и левом крыле. Всадникам было предписано внимательно следить за лагерем, чтобы на него ненароком не напали, но не за битвой: пехота, мол, сохранит строй. (8) Консул Сульпиций стал на правом, Петелий – на левом крыле. На правом крыле, где и самнитские ряды не были сомкнутыми – то ли для обхода врага, то ли чтоб самим не быть окруженными, – воинов расставили посвободней. (9) На левом – силы прибавилось не только от плотности рядов, но и от неожиданного решения консула Петелия сразу же выпустить в первый ряд вспомогательные когорты, которые держали свежими на случай затянувшегося сражения: собрав вместе все свои силы, он при первом же ударе потеснил неприятеля. (10) На помощь расстроенным рядам пехоты в бой поспешила самнитская конница. Когда она мчалась между войсками противников, против нее вскачь понеслась римская конница и смешала знамена и ряды пеших и конных, пока наконец на этом крыле враг не был смят окончательно. (11) Чтоб ободрять воинов, здесь был не только Петелий, но и Сульпиций: заслышав крик на левом крыле, он прискакал сюда, оставив своих воинов, еще не успевших толком схватиться с врагом. (12) Видя здесь бесспорную победу, двинулся назад, взяв на свое крыло тысячу двести человек, и обнаружил, что там дело приняло совсем иной оборот: римляне отступали, а враг победно теснил их расстроенные ряды. (13) Но с прибытием консула все вдруг переменилось. Действительно, вид вождя поднял дух воинов, а помощь от прибывших с ним храбрецов измерялась не только числом: с ними пришла весть о победе на другом крыле, которую воины вскоре и сами увидели. Все это выправило ход сражения. (14) Потом уже вдоль всего строя римляне стали одерживать верх, убивать и брать в плен переставших сопротивляться самнитов, если тем не удалось бежать в Малевент, который ныне зовется Беневент. Убито или взято в плен было около тридцати тысяч самнитов. Так говорит предание.

28. (1) После победы столь блистательной консулы без промедления двинули свои легионы на осаду Бовиана. (2) Там консулы провели зиму [**313 г.**], пока диктатор Гай Петелий с начальником конницы Марком Фолием не принял у них войско. А назначили

диктатора новые консулы – Луций Папирий Курсор, ставший консулом в пятый раз, и Гай Юний Бубульк, бывший им вторично. (3) Прослышав о захвате самнитами фрегеллской крепости, диктатор оставил Бовиан и устремился к Фрегеллам. Вернув их себе без боя, ибо под покровом ночи самниты бежали прочь, римляне оставили в городе сильную охрану и возвратились оттуда в Кампанию, главным образом чтобы отбить Нолу. (4) К приходу диктатора за стенами Нолы укрылись все самниты и ноланцы из окрестных деревень. Осмотрев расположение города, (5) диктатор приказал сжечь все примыкавшие к стенам строения – а место это было густонаселенное, – и вскоре Нола была взята то ли диктатором Петелием, то ли консулом Гаем Юнием, ибо называют и того и другого. (6) Приписывая честь взятия Нолы консулу, добавляют, что он же захватил Атину и Калатию, а Петелий, мол, был назначен диктатором для вбития гвоздя при моровом поветрии. (7) В тот же год в Свессу и на Понтии вывели поселения. Свесса прежде была владением аврунков, а на Понтиях, острове недалеко от побережья вольсков, жили вольски. (8) Сенат постановил вывести поселения также и в Суказинскую Интерамну, но избрать триумвиров и отправить четыре тысячи поселенцев пришлось уже следующим консулам…

[**311 г.**] 31. (1) Консулы распределили меж собою военные области: Юнию по жребию досталось воевать против самнитов, Эмилию – начать войну в Этрурии. (2) В самнитской Клувии стоял отряд римских воинов; не имея возможности захватить их силой, самниты голодом вынудили отряд сдаться и после безобразно жестокого бичевания умертвили, невзирая на сдачу. (3) Возмущенный этой жестокостью, Юний счел взятие Клувии делом первостепенной важности и за один день осады одолел городские укрепления и перебил всех взрослых мужчин. (4) Оттуда он с победою повел войско к Бовиану; это была столица самнитских пентров, богатейший город, в котором хватало и оружия, и защитников. (5) Римляне овладели городом, движимые надеждой на добычу, ибо особенной ненависти к жителям у них не было. Так что с противником обошлись не так уж жестоко, зато добра увезли оттуда едва ли не больше, чем случалось добыть во всем Самнии; вся она была великодушно отдана воинам. (6) Когда уже не осталось ни воинства, ни лагеря, ни городских укреплений, способных сопротивляться мощи римского оружия, всех самнитских предводителей заботили лишь поиски места для засады, чтобы при удобном случае внезапно поймать и окружить римских воинов, если им как-нибудь позволят разбрестись за добычею. (7) Перебежчики из сельских жителей и некоторые пленники, попавшиеся кто случайно, а кто и нарочно, сообщали консулу согласные меж собою да к тому же и верные сведения об огромном стаде скота, согнанном в непроходимую чащу лесистого ущелья; это побудило консула для захвата добычи направить туда налегке свои легионы. (8) Огромное самнитское войско тайно устроило на их пути засаду, и, увидев, что римляне углубились в ущелье, враги вдруг выскочили из чащи и напали на них врасплох с шумом и криком. (9) Поначалу, пока римляне вооружались и сносили поклажу в середину, они были в смятении от внезапности нападения, но потом когда, освободясь от ноши, каждый поспешил под знамена, то в знакомых рядах и по старому воинскому навыку уже без всяких приказов сам собою выстроился боевой порядок. (10) Консул примчался туда, где драться было особенно опасно, спешился и стал призывать Юпитера, Марса и других богов в свидетели, что в это место он зашел, ища не славы для себя, а добычи для воинов, (11) и что его не в чем упрекнуть, кроме как в чрезмерном желании отнять у врага богатство и отдать его своим воинам; если не доблесть воинов, восклицал он, то ничто не спасет теперь его от позора. (12) Нужно только изо всех сил всем вместе, дружно ударить на врага, ведь в бою его уже разбили, из лагеря изгнали, города его захватили; этот враг на хитрости и засады возлагает последнюю свою надежду и прибегает к помощи ущелья, а не оружия. (13) Но разве есть такая местность, чтоб ее не одолела римская доблесть? Он напоминал о фрегеллской и сорской крепостях и всех тех местах, где римляне добились успеха, несмотря на невыгоду своего положения. (14) Воодушевленные этими речами, воины, не обращая внимания на препятствия, бросились на стоящий перед ними вражеский строй. Пока карабкались вверх

по склону, им пришлось туго, (15) но, как только передовые отряды заняли наверху площадку и воины почуяли, что стоят на ровном месте, тут уже пришла пора испугаться укрывавшимся прежде в засаде, и они бежали врассыпную, теряя оружие, в те самые укрытия, где только что прятались. (16) Но в местах, подысканных нарочно на погибель неприятелю, они оказались сами пойманы в собственную ловушку. Так что очень немногие сумели спастись бегством, около двадцати тысяч их перебили, и победившие римляне разбрелись в разные стороны на поиски добычи – того самого стада, что было оставлено на их пути…

[**310 г.**] 38. (1) Во время событий в Этрурии другой консул, Гай Марций Рутул, приступом отнял у самнитов Аллифы, и в его руки перешло много других крепостей и селений – разрушенных как враждебные или же в целости и сохранности. (2) В то же время Публий Корнелий, которому сенат поручил прибрежные области, привел римский флот в Кампанию, и корабельщики, высадясь у Помпей, отправились разорять Нуцерийские владения. Быстро опустошив окрестные земли, откуда возвращение на корабли было безопасным, они, как это часто бывает в таких случаях, соблазнились добычей и, зайдя от побережья вглубь, возмутили против себя тамошнее население. (3) Покуда они рыскали по полям поврозь, никто не встал на их пути, хотя тут их можно было перебить всех до одного; но когда они беспечной ватагой возвращались обратно, то неподалеку от кораблей крестьяне настигли их, отняли добычу, а часть даже поубивали; перепуганная толпа уцелевших в этой резне была оттеснена к кораблям. (4) Сколько опасений вызвал в Риме переход Квинта Фабия через Циминийский лес, столько радости принесли врагам в Самний слухи об отовсюду отрезанном и осажденном римском войске; самниты вспоминали Кавдинское ущелье как образец поражения римлян; (5) ведь безрассудство, подобное прежнему, опять завело в непроходимые чащи это племя, никак не способное остановиться в своих притязаниях, причем снова не оружье врагов, а коварная местность подстроила им ловушку. (6) И к радости уже примешивалась своего рода досада на судьбу, отнявшую у самнитов славу победы над римлянами, чтобы вручить ее этрускам. (7) Вот почему самниты поспешно набирают и вооружают войско, чтобы разбить консула Гая Марция, а если Марций станет уклоняться от сражения, они намеревались через марсов и Сабинов двинуться оттуда прямо в Этрурию. (8) Консул вышел им навстречу. Обе стороны дрались жестоко, и исход сражения не был ясен, но, несмотря на примерно равные потери, поражение молва приписала все же римлянам, так как они потеряли нескольких всадников и военных трибунов, а также одного легата и – что особенно важно – был ранен сам консул. (9) Слухи, как водится, все еще преувеличили, и чрезвычайно встревоженные отцы постановили назначить диктатора. Всем было совершенно ясно, что назначат Папирия Курсора, считавшегося в то время непревзойденным в ратном деле. (10) Однако нельзя было рассчитывать ни на то, что вестник невредимым проберется сквозь вражеское окружение до Самния, ни на то, что консул Марций жив. А у другого консула, Фабия, была с Папирием личная вражда; (11) чтобы эта неприязнь не помешала общему благу, сенат решил отправить к Фабию посланцев из числа бывших консулов, (12) и, действуя не только от имени государства, но и собственным влиянием, они должны были склонить его ради отечества забыть все счеты. (13) Когда отправленные к Фабию посланцы передали ему постановления сената и сопроводили это соответствующими поручению увещеваниями, консул, не поднимая глаз и не говоря ни слова, удалился, оставив посланцев в неизвестности насчет своих намерений. (14) Потом, в ночной тишине, как велит обычай, он объявил Луция Папирия диктатором. Хотя посланные благодарили его за блистательную победу над собою, он хранил упорное молчание и отпустил их, не сказав в ответ ни слова о своем поступке, так что видно было, сколь тяжкую муку превозмогал его великий дух. (15) Папирий объявил начальником конницы Гая Юния Бубулька; но, когда закон о своей власти он предложил на утверждение курий, дурное знамение вынудило не доверяться этому дню, потому что при голосовании первой оказалась Фавцийская курия, а с этой курией были связаны уже два несчастия – падение

Города и Кавдинский мир, ибо в тот и другой год при подаче голосов именно она была первой. (16) Лициний Макр считает, что ее следовало опасаться еще из-за одного несчастия – поражения у Кремеры…

40. (1) Сразу после этого вели войну [**308 г.**] столь же опасную и столь же славную и успешную – против самнитов, которые среди прочих военных приготовлений позаботились и о том, чтобы их строй сверкал новым великолепным оружием. (2) Было у них два войска: у одного щиты с золотой насечкой, у другого – с серебряной; а щиты были такие: верхняя часть, защищающая грудь и плечи, пошире, и верх ровный, книзу же, чтоб не мешать двигаться, щит суживался в виде клина. (3) Грудь у самнитов прикрывал панцирь, левую голень – поножи; шлемы с гребнями должны были сделать рост воинов более внушительным. У «золотых» воинов туники были разноцветные, а у «серебряных» – из белоснежного льна. У этих последних были серебряные ножны и серебряные перевязи, а у первых то и другое – золотое, и попоны на конях расшиты золотом. Одним отвели правое крыло, другим – левое. (4) Это блестящее вооружение было уже знакомо римлянам, да и вожди внушили им, что воину своим видом надлежит устрашать противника и полагаться не на золотые и серебряные украшения, а на железо самих мечей и собственное мужество; (5) а это все, мол, больше походит на добычу, а не на оружие: оно сверкает перед битвой, но безобразно среди крови и увечий; (6) доблесть – вот украшенье бойца, все прочее приходит с победой, и богатый противник – всего лишь награда победителю, будь сам победитель хоть нищим. (7) Подбодрив воинов такими речами, Курсор ведет их в бой. Сам он стал на правом крыле, а на левом поставил вождем начальника конницы. (8) Враги с самого начала схватки дрались упорно, но диктатор с начальником конницы не менее рьяно состязались в том, чтоб на своем крыле возвестить начало победе. (9) Случилось так, что Юний первым потеснил врагов: своим левым крылом – их правый, то есть воинов, обреченных по самнитскому обычаю подземным богам и отличавшихся поэтому белоснежным одеянием и сверкающим серебром оружием. Бросаясь на них, Юний все повторял, что обрекает их Орку, и, смешав их ряды, заметно потеснил весь строй. (10) Едва увидел это диктатор, как воскликнул: «Неужто с левого крыла придет к нам победа? Неужто на правом воины диктатора станут плестись в хвосте чужого натиска вместо того, чтобы своими руками вырвать у врага победу?!» (11) Он вдохнул силы в воинов, и вот уже всадники не уступают доблестью пехоте, а рвение легатов – усердию вождей. (12) Справа Марк Валерий, слева Публий Деций – оба консуляры – выезжают на коннице, стоящей на правом и левом крыле, призывают с ними вместе стяжать свою долю славы и мчатся на противоположное вражеское крыло. (13) При этой новой опасности, в придачу к прежней, когда конница с двух сторон окружила войско и римские легионы, к ужасу врагов, снова издали боевой клич и ринулись вперед, самниты обратились в бегство. (14) Поле стало уже покрываться грудами тел и великолепным оружием, а перепуганные самниты поначалу укрылись в своем лагере, но потом не удержали и его, и до наступления ночи он был взят, разграблен и спален огнем.

(15) Согласно постановлению сената, диктатор справил триумф, и главным его украшением явилось захваченное оружие. (16) Оно оказалось столь великолепным, что щиты с золотой насечкой раздали для украшения форума владельцам меняльных лавок. Отсюда, говорят, берет начало обычай эдилов украшать форум, когда по нему провозят крытые повозки с изображениями богов. (17) Такое применение к вящей славе своих богов нашли римляне для великолепного вражеского вооружения; а кампанцы, при их спеси и ненависти к самнитам, обрядили в эти доспехи гладиаторов, дававших представления на пиршествах, и прозвали их «самнитами»…

41. (1) За славное покорение Этрурии Фабий и на следующий год получил консульство, а Деций стал его товарищем; Валерий в четвертый раз был избран претором. (2) Консулы разделили меж собою военные области: Этрурия досталась Децию, самниты – Фабию. (3) Фабий направился к Алфатерской Нуцерии, с презрением отклонил просьбы жителей о

мире, которым они в свое время пренебрегли, и осадою вынудил их к сдаче. (4) Самнитам было дано сражение, и без особых усилий враг был разбит…

42. (1) Победив в войне, возложенной по жребию на другого, Фабий возвратился в свой Самний. (2) И как народ в предыдущем году за столь успешное ведение дел продлил его консульство, так теперь и сенат оставил за ним на следующий [**306 г.**] год высшую военную власть при консулах Аппии Клавдии и Луции Волумнии, невзирая на сильное противодействие Аппия… (6) Проконсул Квинт Фабий под городом Аллифами дал сражение войску самнитов. Исход битвы был несомненен: враг бежал и был загнан в лагерь. И не удержать бы самнитам и лагеря, если бы день не клонился уже к закату. Однако еще до наступления темноты самнитский лагерь окружили и, чтоб никто не мог улизнуть, на ночь поставили стражей. (7) На другой день, едва рассвело, началась сдача. Было поставлено условие, чтобы сдавшиеся самниты вышли из лагеря в одних туниках, и всех их прогнали под ярмом…

43. (1) А в Самнии, так как Фабий оттуда ушел, тоже начались новые волнения. Были захвачены Калация и Сора вместе со стоявшими там для охраны римскими воинами, и, взятые в плен, они подверглись гнусным истязаниям. (2) Так что Публия Корнелия с войском послали туда... (8) А в Самнии другой консул, несмотря на превосходство в силе, оказался в затруднении из-за неудачного места. Противник перерезал все дороги и захватил проходы в лесных чащах, чтобы сделать невозможным подвоз продовольствия; и вместе с тем консулу не удавалось вызвать врага на бой, хотя каждый день он выстраивал воинов в боевом порядке. (9) Было совершенно ясно, что самниты не выдержат сражения, а римляне – затягивания войны. (10) Приближение Марция, поспешившего после покорения герников на помощь товарищу, лишало самнитов возможности и дальше откладывать битву. (11) Они ведь хорошо знали, что не могут противостоять даже одному римскому войску, и понимали, что допусти они соединение двух войск, и придется оставить всякую надежду на победу. Поэтому они сами нападают на Марция, приближающегося с войском, построенным в походном порядке. (12) Римляне быстро сложили поклажу в середину и, насколько это возможно в такой спешке, построились в боевом порядке. Сперва крик, донесшийся до стана, затем показавшееся вдали облако пыли всколыхнули лагерь второго консула; (13) немедленно отдав приказ браться за оружие, консул тотчас вывел из лагеря построенное для боя войско и сбоку напал на неприятеля, занятого другою битвой. (14) Он кричал воинам, что нет ничего позорней, как, не добившись чести победы в собственной войне, дать другому войску завладеть уже второй победой. (15) Разорвав строй там, где ударил на него, консул прорубился сквозь тесные ряды врагов, устремился в оставленный без защитников неприятельский лагерь, захватил его и поджег. (16) Когда это пламя увидели воины Марция, а потом, оглянувшись, и их противники, повсеместно началось бегство самнитов. Но отовсюду грозила им гибель, и негде было искать спасения и убежища. (17) Уже тридцать тысяч вражеских воинов было убито, консулы уже дали знак отходить и, соединив вместе свои силы, поздравляли друг друга с победой, как вдруг невдалеке показались новые, набранные на подмогу неприятельские когорты, и сызнова начали рубиться. (18) Победители двинулись на них, не дожидаясь консульского приказа и знака начинать сражение, с криками, что они хорошенько проучат самнитских новобранцев. (19) Консулы были снисходительны к горячности пехотинцев, ибо отлично понимали, что неприятельские новобранцы среди разбитых наголову опытных бойцов не в силах будут даже оказать сопротивление. (20) И они не ошиблись: все самнитские полки, и старые и новые, бросились бежать к ближним горам. Туда же поднялось за ними и римское войско, и негде было укрыться побежденным: их сбрасывали даже с занятых ими холмов; и вот уже все в один голос молят о мире. (21) Тогда от них потребовали продовольствия на три месяца, годовое жалованье войску и по тунике на воина, а потом отправили к сенату ходатаев о мире…

44. (5) В этом же году [**305 г.**] самниты совершали набеги на Сателлатское Поле в кампанских владениях, (6) и потому оба консула были посланы в Самний, но в разные стороны: Постумий на **Тиферн**, а Минуций на Бовиан. Первым сражение дал Постумий под Тифернoм. (7) Одни сообщают, что самниты были несомненно разбиты и двадцать тысяч взято в плен. (8) Другие, что противники оставили поле битвы, когда Марс никому не дал перевеса, и Постумий, прикинувшись устрашенным, потихоньку увел свои легионы в горы. Враг последовал за ним и в двух милях от римских укреплений тоже разбил лагерь. (9) Консул, делая вид, что искал место для своего стана, безопасное и снабженное всем необходимым – а таким оно и было, – возвел кругом лагеря укрепление, снабдил его запасами всего, что нужно, (10) и, оставив сильную охрану, в третью стражу налегке повел легионы кратчайшим путем (11) к сотоварищу, который тоже стоял лагерем перед неприятельским войском. Там по подсказке Постумия Минуций начинает бой с противником, и, когда уже большую часть дня с переменным успехом шла битва, на утомленное вражеское войско внезапно нападает Постумий с его свежими легионами. (12) Так что враги, у которых от ран и усталости и бежать-то не было сил, все были перебиты. Захватив двадцать одно знамя, римляне поспешили оттуда к лагерю Постумия. (13) Там два победоносных войска напали на врага, уже смущенного вестью о поражении, разбили его и обратили в бегство; захватили двадцать шесть знамен, самнитского военачальника Статия Геллия вкупе еще со многими и оба вражеских лагеря. (14) На другой день начали осаду города Бовиана, и вскоре он тоже оказался в руках римлян, а консулы за свои подвиги с великой славою отпраздновали триумф. (15) Некоторые утверждают, что тяжело раненного консула Минуция отнесли в лагерь, где он скончался, а Марк Фульвий, ставший вместо него консулом, был послан к войску Минуция и захватил Бовиан. (16) В этом году у самнитов отбили Сору, Арпин и Цезеннию; на Капитолии воздвигли и освятили огромное изваяние Геркулеса.

45. (1) При консулах Публии Сульпиции Саверрионе и Публии Семпронионе Софе [**304 г.**] самниты отправили в Рим для переговоров о мире своих послов, чтобы добиваться то ли конца войне, то ли ее отсрочки. (2) На их униженные просьбы был дан ответ: если бы самниты не просили так часто мира, готовясь тем временем к войне, можно было бы вести подобные переговоры; но, коль скоро до сих пор слова оставались без последствий, приходится верить только делам. (3) Скоро консул Публий Семпроний будет с войском в Самнии, и его не обманешь, к войне или к миру склонны самниты; выяснив все, он обо всем доложит сенату, и, когда он двинется из Самния обратно, послы пусть идут за ним следом. (4) В тот год на пути через Самний римские легионы встретили лишь мирных жителей, охотно снабжавших их продовольствием, так что старинный договор с самнитами все-таки возобновили.

8. III Самнитская война (298-290 гг.)

Тит Ливий. История Рима от основания Города. Книга X. Пер. Н.В. Брагинской.

[**298 г.**] 11. (10) В этом году по неизвестной причине началось междуцарствие; интеррексами были Аппий Клавдий и следом за ним Публий Сульпиций. Последний провел консульские выборы и объявил консулами **Луция Корнелия Сципиона** и **Гнея Фульвия**. (11) В начале года к новым консулам явились посланники луканцев с жалобою на самнитов: не сумев уговорами склонить луканцев к военному союзу, самниты вторглись в их земли, чтобы одной войною принудить их к другой. (12) Луканцы же куда как сыты своими прежними ошибками и преисполнены ныне решимости все вынести и все стерпеть, лишь бы не нанести снова ущерба римскому народу. (13) Послы молили отцов-сенаторов принять луканцев под свое покровительство и защитить их от насилия и разбоя, чинимого самнитами; что же до них самих, то хотя их верность римлянам уже доказана самой войною с самнитами, они тем не менее готовы дать заложников.

12. (1) Сенат совещался недолго; все сошлись на том, что с луканцами следует заключить договор, а от самнитов потребовать возмещения. (2) Луканцам был дан благоприятный ответ, с ними торжественно заключили договор и послали фециалов передать самнитам приказ убираться с союзнических земель и выводить войско из луканских владений. Навстречу фециалам самниты выслали своих гонцов, и те сообщили, что фециалам не уйти невредимыми, появись они хоть в одном из советов Самния. (3) Когда о таком узнали в Риме, отцы высказались за войну с самнитами, а народ приказал начать ее. Консулы поделили меж собою военные области: Сципиону досталась Этрурия, Фульвию – самниты, и оба они отправились в разные стороны каждый на свою войну… (9) Консул Гней Фульвий под Бовианом дал в Самнии славное сражение, увенчавшееся несомненной победою. Потом он пошел приступом на сам Бовиан и захватил его, а немного спустя захватил и Ауфидену…

13. (2) Консул Фульвий справил триумф над самнитами. Перед консульскими выборами прошел слух, что этруски и самниты набирают огромные войска, (3) что во всех советах открыто бранят этрусских старейшин за то, что не сумели на любых условиях вовлечь галлов в войну, и самнитских начальников попрекают тем, что против римлян пошли с войском, набранным для войны с луканцами. (4) Так что враги поднимались на войну вместе со своими союзниками и борьба с ними предстояла далеко не равная…

14. (1) Пока новые консулы – **Квинт Фабий Максим** и **Публий Деций Мус** (отправлявшие должность первый в четвертый раз, а последний – в третий) [**297 г.**] обсуждали, (2) кто возьмет на себя самнитского противника, а кто – этрусского, какие силы понадобятся для ведения той и другой войны и кому из вождей какая из войн больше подходит, (3) из Сутрия, Непеты и Фалерий прибыли посланцы с донесением, что народы Этрурии совещаются, как бы добиться мира; и тогда военный удар всей тяжестью обрушился на Самний. (4) Чтобы облегчить подвоз продовольствия и держать врага в неведении о направлении удара, консул Фабий, выйдя из Города, повел войско в Самний через Соран, а Деций – через владения сидицинов. (5) Достигнув вражеских границ, оба консула отпустили свои отряды грабить поля; лазутчики меж тем разбрелись еще дальше, чем грабители, (6) так что врагам, собравшим свои силы у Тиферна в замкнутой со всех сторон долине, чтобы напасть сверху на римлян, едва они туда вступят, эта их ловушка не удалась. (7) Укрыв обоз в безопасном месте и оставив при нем небольшой отряд, Фабий предупредил воинов, что надо ждать нападения, выстроил их в каре и подвел к упомянутым засадам неприятеля. (8) Тогда самниты потеряли надежду смутить римлян внезапностью нападения, а видя, что дело оборачивается открытым противоборством, и сами предпочли схватиться с врагом, как положено – в боевом строю. Так что, надеясь не столько на себя, сколько на случай, они спускаются на ровнее место. (9) Но даже в открытом бою они представляли для римлян известную опасность, потому что сюда были стянуты все поголовно бойцы из всех самнитских племен, а, может быть, еще и потому, что в решительной схватке мужество их удесятерилось. (10) Видя, что враги стоят стеной, Фабий приказал военным трибунам – сыну своему Максиму и Марку Валерию, с которыми он выступил в первые ряды, отправиться к конникам и сказать, (11) что пришла пора коннице спасать общее дело, и пусть они сегодня приложат все силы, чтоб сохранить за собою славу непобедимого сословия; (12) в пешей битве враг стоит неколебимо, и вся надежда теперь на удар конницы. С обоими юношами он был одинаково приветлив, называл их по именам и осыпал похвалами и обещаниями. (13) И все-таки оставались опасения, что даже этой испытанной силы будет недостаточно, поэтому Фабий решил, если сила не поможет, прибегнуть к хитрости. (14) Он приказывает легату Сципиону вывести из боя гастатов первого легиона и кружным путем, как можно незаметней, идти с ними к ближним горам; затем незаметно взобраться на горы и внезапно показаться в тылу у врага. (15) Всадники под предводительством трибунов неожиданно выехали перед знамена, но среди врагов они произвели переполох не многим больший, чем среди своих. (16) Стремительному натиску конных турм противостоял неколебимый строй самнитов, и

нигде не удавалось ни потеснить его, ни прорвать; когда эта попытка осталась безуспешной, всадники, отступив за знамена, покинули поле боя. (17) Тут враги приободрились и не выстоять передовому отряду в столь длительном противоборстве, не заступи по приказу консула второй ряд место первого. (18) Свежие силы сдержали перешедших уже в наступление самнитов, и в это самое время знамена показались на горе и раздался боевой клич. Страх, не сообразный с опасностью, охватил самнитов, (19) а тут еще Фабий закричал, что это идет к ним его товарищ, Деций, да и сами воины зашумели в радостном возбужденье: вон, мол, второй консул, вон – его легионы! (20) И эта ошибка, столь счастливая для римлян, внушает самнитам ужас и желание спасаться бегством: ничего ведь они так не боялись, как удара по ним, измотанным в сражении, свежего, нетронутого второго войска. (21) Врагов было перебито меньше, чем обычно при такой победе, потому что в бегстве они рассыпались во все стороны; убито было три тысячи четыреста человек, взято в плен около восьмисот тридцати, военных знамен захвачено двадцать три.

15. (1) Апулийцы, конечно, не преминули бы примкнуть перед сражением к самнитам, но консул Публий Деций [**296г.**] стал против них лагерем у Малевента, заставил их вступить в бой и разбил наголову. (2) Здесь тоже было больше беглецов, чем убитых, а убито было две тысячи апулийцев. Пренебрегши подобным противником, Деций повел легионы в Самний. (3) А там оба консульских войска, рыская повсюду, за пять месяцев опустошили все и вся. (4) Сорок пять раз разбивал Деций свой лагерь в Самнии, а другой консул – восемьдесят шесть раз. (5) И не только валы и рвы оставили они за собою, но и иные, куда более приметные свидетельства опустошения и разорения окрестных земель. (6) Фабий даже захватил город Циметру, причем в плен было взято две тысячи девятьсот воинов и в сражении убито около девятисот тридцати…

16. (1) После выборов прежним консулам было приказано вести войну в Самнии с продлением их военных полномочий на шесть месяцев. (2) Так что и в новом году при консулах **Луции Волумнии** и **Аппии Клавдии** Публий Деций, оставленный товарищем в Самнии как консул, не переставал опустошать поля и как проконсул, пока наконец не изгнал так и не давшее боя самнитское войско вон из его собственных пределов. (3) Изгнанные самниты устремились тогда в Этрурию и потребовали созыва на совет этрусских старейшин в надежде, что, подкрепив просьбы страшным зрелищем огромной толпы вооруженных воинов, они скорее добьются успеха, чем неоднократными тщетными посольствами. (4) Когда те собрались, самниты поведали, как долгие годы борются они с римлянами за свою свободу: все было испробовано, чтобы своими силами вынести столь тяжкое бремя войны; (5) прибегали даже к помощи соседей, но не в самых крайних случаях; просили и мира у римского народа не в силах вести войну, но возобновляли ее, ибо мир оказывался для подневольных горше, чем война для свободных. (6) Надежда осталась у них только на этрусков: им известно, что это самый сильный, многочисленный и богатый народ Италии; а соседи этрусков – галлы, от копья вскормленные, – по природе своей всем враждебны, римскому же народу особенно, ибо помнят с законной гордостью о пленении его и об откупе золотом. (7) Если жив в этрусках былой дух Порсены и предков, тогда никаких нет препятствий тому, чтобы заставить римлян уйти со всех земель по сю сторону Тибра и бороться за жизнь, а не за непереносимое владычество их над Италией. А к услугам их самнитское войско, умелое и готовое тотчас следовать за ними хоть на приступ самого Рима.

17. (1) Пока они столь усердно выхваляли себя в Этрурии, римское вторжение испепеляло их отечество. Узнав от лазутчиков, что самнитское войско ушло, Публий Деций созвал совет и сказал: (2) «Зачем нам бродить войною от села к селу? Почему бы нам не приняться за города и крепости? Нет ведь уже войска, чтоб защищать Самний, оно покинуло свои пределы и само обрекло себя на изгнание». (3) Получив всеобщее одобрение, он повел войско на приступ сильного города Мурганции; и здесь преданность вождю и надежда на добычу побогаче, чем от разорения сел, так воспламенила воинов,

что за один день они силой оружия захватили город. (4) Две тысячи сто самнитов, оказавших сопротивление, были там окружены и взяты в плен, захватили и горы другой добычи. Опасаясь, что огромный обоз будет служить помехою, Деций приказывает созвать воинов и говорит: (5) «Хватит ли с вас этой победы и этой добычи? Или хотите вы мерить ваши чаяния вашей доблестью? Все города самнитские, все богатства, скрытые в них, принадлежат вам, коль скоро столькими победами вы изгнали наконец вражьи рати из их собственной страны. (6) Так продайте все, что добыли, и пусть торговцы, привлеченные наживой, идут следом за войском. У меня вы не останетесь без нового товара: пойдемте отсюда к городу Ромулее, трудов там будет не больше, а добыча побогаче». (7) Быстро распродав захваченное добро, воины сами торопили полководца идти к Ромулее. Там тоже обошлось без осадных сооружений и приспособлений: едва приблизили знамена к городу, как уже никто не мог отогнать римлян от стен; тотчас, кто где сумел, приставили они лестницы и ворвались в укрепления. (8) Город был взят и разграблен; около двух тысяч трехсот человек убито и шесть тысяч взято в плен, (9) а воины завладели огромной добычей, которую снова пришлось продать. Затем без всякой передышки и тем не менее с чрезвычайной поспешностью они двинулись на Ферентин. (10) Здесь, однако, и трудов, и опасностей было больше: стены города усиленно охранялись, а укрепления и природа местности делали город неприступным; но воины, привыкшие к добыче, одолели все. (11) По некоторым летописям, слава захвата этих городов приходится в основном на долю Максима; Мурганцию, говорят, занял Деций, а Ферентин и Ромулею – Фабий. (12) А иные приписывают этот подвиг новым консулам или даже только одному – Луцию Волумнию, которому, по их словам, выпало воевать с самнитами.

18. (1) Пока все это происходило в Самнии (кто бы там ни начальствовал), в Этрурии множество племен поднялось на великую войну против римлян, зачинщиком которой был самнит по имени **Геллий Эгнаций**. (2) Почти все этруски согласились на войну; зараза распространилась и на соседние народы Умбрии, а галлов привлекли на помощь платою. Все эти несметные полчища стекались к самнитскому лагерю. (3) Когда о такой внезапной опасности донесли в Рим, консул Волумний со вторым и третим легионами и пятнадцатью тысячами союзников был уже на пути в Самний, так что постановлено было Аппию Клавдию, не тратя времени, отправляться в Этрурию. (4) За ним шли два римских легиона – первый и четвертый – и двадцать тысяч союзников; лагерь разбили вблизи от неприятеля. (5) Этот скорый приход консула был полезен едва ли не больше, чем какие-то особо искусные или удачные военные действия в этой области под его началом, – ибо страх перед римлянами удержал некоторые из народов Этрурии, уже готовых взяться за оружие. (6) Однако сражения он одно за другим давал в неудобных местах и в неподходящее время, а это врага обнадеживало, и изо дня в день он становился все упорней, так что войско уже теряло доверие к вождю, а вождь к войску…

19. (14) Ни те ни другие не успели должным образом построиться; вождь самнитов Геллий Эгнаций с несколькими когортами отлучился за продовольствием, так что воины его бросились в бой скорей сами, чем по приказу и примеру; (15) но и в римских войсках не было единоначалия, да и времени для построения не хватило. Волумний уже начал бой, когда Аппий еще не подошел к неприятелю, поэтому войска сошлись, не выровняв рядов, (16) и словно некий жребий поменял местами привычных недругов: этруски стали против Волумния, а самниты, чуть поколебавшись без вождя, вышли навстречу Аппию. (17) Говорят, что в самый разгар сражения Аппий воздел руки к небу так, чтоб видно было в первых рядах, и взмолился: «Беллона если ты даруешь ныне нам победу, я обетую тебе храм». (18) После этой молитвы, словно вдохновенный богинею, он сравнялся доблестью с товарищем, а войско его – со своим вождем. И вот уже и вожди исполняют долг полководцев и воины стараются изо всех сил, чтобы другое крыло не перехватило победу. (19) Так они опрокидывают врага и обращают в бегство, ибо трудно было ему противостоять силе, много превосходящей ту, с какою он привык иметь дело. (20) Тесня

отступающих, преследуя бегущих, римляне отогнали врагов к их лагерю. Там с появлением Геллия и сабелльских когорт битва ненадолго возобновилась. Но вскоре и эти противники были рассеяны, и победители подступили к лагерю. (21) Сам Волумний повел войска к воротам, Аппий, вновь и вновь взывая к победной Беллоне, воспламенял воинов, и вот римляне через вал и рвы ворвались в лагерь. (22) Он был захвачен и разграблен; взятая там огромная добыча досталась воинам. Убито было семь тысяч девятьсот неприятельских бойцов, а две тысячи сто двадцать взято в плен.

20. (1) Пока оба консула и все силы римлян были брошены главным образом на войну с этрусками, в Самнии для опустошения римских окраинных земель поднялись новые воинства и, пройдя через весцийские земли в кампанские и фалернские поля, награбили несметную добычу. (2) Волумний шел уже большими переходами назад в Самний, потому что истекал срок военных полномочий Фабия и Деция, но известие о самнитском войске и о разграблении Кампании заставило его ради защиты союзников свернуть с пути. (3) Придя в Кален, он и сам увидел свежие следы разбоя, и каленцы поведали ему, что у врага уже столько добычи, что он еле держит походный строй, (4) а вожди их открыто говорят, что надо тотчас возвратиться в Самний и, оставив там добычу, вновь идти в поход, чтобы не вступать в бой, имея столь обремененное войско. (5) Сколь ни правдоподобно это казалось, Волумний решил разведать все получше и разослал всадников выловить грабителей, бродивших по деревням. (6) От них он дознался, что неприятель стал станом у реки Вольтурна, а оттуда в третью стражу ночи двинется к Самнию. (7) Тщательно это проверив, Волумний отправился в путь и остановился на таком расстоянии от неприятеля, чтобы самому остаться незамеченным, а врага захватить врасплох при выходе из лагеря. (8) Перед самым рассветом консул приблизился к лагерю и послал людей, знающих оскский язык, разведать, что там делается. Смешавшись с вражескими воинами, что в ночной суматохе было нетрудно, они узнали, что знамена с небольшой вооруженной охраною уже покинули лагерь, обоз и его охрана на выходе и что войско лишено подвижности, каждый занят своей поклажей и нигде нет ни согласия, ни достаточно ясных распоряжений. (9) Решили, что это и есть лучшее время для нападения, да и заря уже занималась. И вот, Волумний, приказав трубить к бою, наступает на вражеские войска. (10) Самниты обременены добычей, и мало кто при оружии; одни прибавили шагу, гоня перед собою скот, другие остановились, не зная, что безопасней: идти вперед или вернуться в лагерь; а покуда они колеблются, римляне нападают, и вот уже они перебрались через вал и учиняют в лагере беспорядочную резню. (11) Не только вражеское нападение привело в замешательство самнитские отряды, но вдобавок еще и бунт пленных: (12) кто не связан, тот развязывает других, а иные, расхватав оружие, притороченное к походной клади, врываются в ряды воинов и производят переполох страшней самой битвы. (13) А потом свершают подвиг еще достопамятнее: когда вождь Стай Минаций приблизился к рядам для ободрения, они нападают на него, рассеивают всадников из его свиты и, обступив его самого со всех сторон, плененного верхом на коне, тащат к римскому консулу. (14) При таком замешательстве передовые отряды самнитов возвратились назад, и битва, уже решенная, возобновилась, однако длительное сопротивление было невозможно. (15) До шести тысяч человек было убито, две с половиной взято в плен, в их числе четыре военных трибуна, захвачено тридцать боевых знамен и – что всего отраднее победителям – вызволено семь тысяч четыреста пленников и отбиты назад горы отнятого у союзников имущества. Все владельцы указом были созваны, чтобы опознать и получить назад свою собственность; добро, которому в должный срок не нашлось хозяина, раздали воинам, а воинов заставили распродать эту добычу, чтобы не было у них мысли ни о чем, кроме оружия.

21. (1) В Риме такое разорение Кампании вызвало большую тревогу; (2) и как раз тогда из Этрурии пришли вести, что после ухода оттуда Волумниева войска этруски взялись за оружие и начали призывать к восстанию и самнитского вождя Геллия Эгнация, и умбров, а галлов огромною мздой склонять к себе на свою сторону. (3) Сенат, устрашенный этими

известиями, приказал закрыть суды и набрать войско из людей всякого звания: (4) к присяге привели не только свободных и молодых, но даже из пожилых составили когорты, даже из вольноотпущенников – центурии; принялись совещаться о том, как защитить Город, а во главе всего дела поставили претора Публия Семпрония. (5) Только донесение консула Луция Волумния с вестью, что разорители Кампании перебиты и рассеяны, умерило заботы сената. (6) Так что в честь консула за успешный исход войны и ради отмены закрытия судов, длившегося восемнадцать дней, было устроено благодарственное молебствие, и было это молебствие исполнено радости…

22. [**295 г.**] (9) Консулами стали **Квинт Фабий** и **Публий Деций**, а претором – Аппий Клавдий, все трое – заочно; а военные полномочия Луция Волумния, согласно постановлению сената и решению народа, были продлены еще на год.

27. (1) Перевалив Апеннины, в окрестностях **Сентина** консулы встретили противника. Там на расстоянии от него примерно в четыре мили разбили лагерь. (2) Враги тем временем, посовещавшись между собой, решили не смешиваться всем в одном лагере и не выходить на бой всем одновременно; (3) самниты соединились с галлами, этруски с умбрами. Назначили и день битвы: самниты и галлы должны были завязать сражение, а этруски и умбры в разгар боя напасть на римский лагерь. (4) Этим намерениям помешали, однако, три перебежчика из Клузия, пробравшиеся тайком под покровом ночи к консулу Фабию; узнав от них вражеский замысел, их одарили и отослали назад выведывать и доносить о всяком новом вражеском решении. (5) Фульвию и Постумию консулы отправляют письменный приказ двигаться с войсками из Фалискской и Ватиканской округи к Клузию, беспощадно разоряя при этом вражеские земли. (6) Слух об этих разорениях заставил этрусков поспешить из Сентинской округи на защиту своих владений. Тогда-то консулы и двинули войска, чтобы дать сражение в отсутствие этрусков. (7) Два дня, нападая, дразнили неприятеля, но за два эти дня не совершилось ничего достойного упоминания, лишь несколько человек с обеих сторон было убито: не столько победа тут решалась, сколько воины раззадоривались для настоящей битвы. На третий день все силы противников вышли на поле боя. (8) Когда оба войска стали, готовые к битве, прянула с горы лань, спасаясь от волка, и промчалась по полю меж тем и другим строем; потом звери бросились бежать в разные стороны – лань к галлам, а волк – к римлянам. Волку открыли проход сквозь ряды, лань же была заколота галлами. (9) Тогда один из римских передовых бойцов объявил: «Бегство и гибель отвратились туда, где вы видите поверженной священную тварь Дианы; здесь же Марсов волк-победитель, целый и невредимый, напоминает нам о Марсовом племени и об основателе нашего Города». (10) Правое крыло заняли галлы, левое – самниты. На правом крыле против самнитов Квинт Фабий поставил первый и третий легионы, на левом против галлов – Деций выстроил пятый и шестой. (11) Второй и четвертый легионы во главе с проконсулом Луцием Волумнием воевали в Самнии. Поначалу силы в бою были точь-в-точь равными, так что, окажись тут в строю ли или в лагере этруски и умбры, там, куда бы они ударили, римлянам не миновать поражения.

28. (1) Надо сказать, что хотя ратный Марс оставался ко всем равно суровым, а Судьба не показывала, кому она даст перевес, все же на правом и на левом крыле битва шла по-разному. (2) Под началом Фабия римляне скорей отражали нападение, а не сами нападали и затягивали битву сколь можно дольше, ибо вождь их знал твердо: (3) и самниты и галлы храбры в первой схватке, и надо только выдержать этот их натиск; если же битва затянется, ярость самнитов мало-помалу ослабеет, (4) а силы галлов, совершенно не способных терпеть жару и усталость, тают на глазах: в начале битвы они сильнее мужей, в конце слабее женщин. (5) Так что он старался как мог сохранить силы воинов свежими, дожидаясь срока, когда враг обычно начинал поддаваться. (6) Но Деций, в его возрасте и при его отваге, склонный к более решительным действиям, сразу же бросил в битву все бывшие в его распоряжении силы. А когда пешая битва показалась ему слишком вялой, он бросаег в бой конницу (7) и, присоединясь к самым отчаянным отрядам юнцов, призывает

цвет молодежи вместе с ним ударить на врага: двойная, мол, слава их ждет, если победа придет и с левого крыла, и благодаря коннице. (8) Дважды отразили они натиск галльской конницы, но когда во второй раз слишком оторвались от своих и сражались уже в самой гуще врагов, их устрашило небывалое еще нападение: (9) вооруженные враги, стоя на колесницах и телегах, двинулись на них под оглушительный топот копыт и грохот колес и напугали римских коней, непривычных к такому шуму. (10) Будто обезумев, рассеялась победоносная римская конница: опрометью мчась прочь, падали наземь и кони и люди. (11) Замешательство перекинулось оттуда и на сами легионы, и много передовых бойцов погибло под копытами коней и колесами телег, промчавшихся вдоль строя, а следом и галльская пехота, видя испуг противника, не давала ни вздохнуть, ни опомниться. (12) Деций стал кричать своим, куда, мол, бежите, что сулит вам бегство? Он преграждал дорогу отступавшим и скликал рассеявшихся. Наконец, видя, что растерянных ничем не сдержать, (13) Публий Деций, воззвав по имени к своему отцу, воскликнул так: «Зачем мне отлагать долее исполненье семейного рока? Нам на роду написано приносить себя в жертву ради избавления от общей опасности. Вот и я предам на заклание в жертву Земле и богам преисподней самого себя вместе с вражьими ратями!» (14) С этими словами он приказывает понтифику Марку Ливию (которому, выходя на бой, велел неотлучно быть при себе) произносить слова, чтобы он, повторяя их, обрек себя и вражеские легионы за войско римского народа квиритов. (15) И обрекши себя теми же заклинаниями и в том же облачении, как и родитель его, Публий Деций, приказал обречь себя на Везере в латинской войне, (16) он прибавил к положенным проклятиям, что будет гнать впереди себя ужас и бегство, кровь и погибель, гнев небесных богов и подземных и (17) обратит зловещие проклятия на знамена, оружие и доспехи врагов, а место его гибели будет местом истребления галлов и самнитов. (18) С этими проклятиями и себе и врагам он пустил коня туда, где приметил, что галлы стоят всего плотнее, и, бросившись сам на выставленные копья, встретил свою смерть.

29. (1) С этого мгновения битва перестала походить на дело рук человеческих. Потерявши вождя, что обычно ведет к смятению, римляне прекратили бегство и вознамерились начать бой сызнова. (2) Галлы же, особенно сгрудившиеся толпой возле тела консула, словно обезумев, метали свои копья и стрелы в пустоту, а иные цепенели, забыв и о битве, и о бегстве. (3) На римской же стороне понтифик Ливий, которому Деций передал своих ликторов и приказал остаться за претора, стал громко кричать, что победа – за римлянами, (4) а галлы и самниты смертью консула обречены теперь Матери Земле и богам преисподней, что Деций влечет и зовет за собою обреченное вместе с ним войско, и все у врагов исполнено безумия и ужаса. (5) Пока римляне восстанавливали боевой строй, к ним подоспели Луций Корнелий Сципион и Гай Марций, посланные товарищу на подмогу по приказу Квинта Фабия с подкреплениями из задних рядов войска. Здесь им стала известна судьба Публия Деция, побуждающая дерзать на все ради общего дела. (6) И вот, хотя галлы, выставив перед собою щиты, стояли сомкнутым строем и ясно было, что рукопашная будет нелегкой, тем не менее по приказу легатов воины подобрали копья, усеявшие землю между тем и другим войском и метнули их во вражескую «черепаху»; (7) много копий вонзилось в щиты, а некоторые даже в самые тела врагов, и клин их развалился, причем повалилось много не раненых даже, а только оглушенных. Так переменчиво было на левом крыле счастье римлян. (8) На правом же крыле Фабий, как было сказано, весь день тянул время; а потом, когда уже стало ясно, что и крики врагов, и натиск их, и удары их дротиков потеряли прежнюю силу, (9) он приказал начальникам конницы вести отряды в обход самнитского крыла, чтобы по знаку ударить на них сбоку всею силою; легионерам же своим Фабий приказал шаг за шагом продвигаться вперед и теснить врага. (10) Увидев, что неприятель не сопротивляется и явно измотан, он стянул все силы, какие сберегал до времени, и устремил легионы вперед, а коннице дал знак броситься на врага. (11) И самниты не выдержали натиска: мимо галльского войска, бросив в опасности союзников, они врассыпную побежали к лагерю. (12) Галлы же

выстроились «черепахой» и продолжали стоять плечо к плечу. Тут Фабий, узнав о смерти товарища, приказывает отряду кампанцев – около пятисот всадников – покинуть строй и, зайдя галлам в тыл, напасть на их войско, (13) а за ними идти принципам третьего легиона и, где увидят замешательство во вражеских рядах под натиском конницы, туда ударить и рубить дрогнувших противников. (14) Сам же Фабий, дав обет посвятить храм и вражеские доспехи Юпитеру Победителю, направился к самнитскому лагерю, куда стекались толпы охваченных страхом самнитов. (15) У самого вала те, кого оттеснила толпа соплеменников, – ведь такие полчища не могли разом протиснуться в ворота – попытались отбиваться; (16) здесь пал самнитский полководец Геллий Эгнаций. Наконец самнитов загнали за вал, и после короткой борьбы лагерь был взят, а галлов обошли с тыла. (17) Двадцать пять тысяч неприятелей было перебито в этот день, восемь тысяч попало в плен. Но победа не была бескровной: (18) из войска Деция полегло семь тысяч, а из Фабиева – тысяча семьсот. Фабий разослал людей на поиски тела товарища и, сложив в кучу вражеские доспехи и оружие, сжег их в жертву Юпитеру Победителю. (19) Отыскать тело консула в тот день не удалось, так как оно было погребено под грудой поверженных галлов; но на другой день его нашли, принесли в лагерь и оплакали всем воинством. И тут, отложив все другие заботы, Фабий устроил похороны товарища со всеми почестями и хвалебными речами, какие тот заслужил по праву.

30. (1) В те же дни и в Этрурии пропретор Гней Фульвий исполнил данное ему поручение и не только учинил страшное разорение на землях неприятеля, но даже нанес ему сокрушительное поражение в битве, (2) в которой перузийцы и клузийцы потеряли более трех тысяч убитыми и лишились двадцати военных знамен. (3) А самнитское войско, спасавшееся бегством через пелигнийские земли, окружили пелигны и из пяти тысяч беглецов около тысячи было перебито. (4) Даже если неукоснительно держаться истины, велика слава битвы, бывшей в тот день при Сентине. (5) Но у некоторых сочинителей преувеличения выходят за грань правдоподобного: они пишут, что во вражеском войске было шестьсот тысяч пехотинцев, сорок шесть тысяч всадников и две тысячи повозок, включая, конечно, силы умбров и тусков, которые, мол, тоже участвовали в битве. (6) А чтобы преувеличить и римские силы, они прибавили к вождям-консулам проконсула Луция Волумния и войско его – к консульским легионам. (7) В большинстве же летописей победа эта приписана двум консулам; а Волумний тем временем вел войну в Самнии, загнал самнитское войско на Тифернскую гору и там, не испугавшись невыгодного своего положения, сумел разбить врага и обратить его в бегство. (8) Квинт Фабий, оставив Дециево войско охранять Этрурию, привел свои легионы в Город и справил триумф над галлами, этрусками и самнитами. (9) Воины шли следом и в грубоватых нескладных своих песенках восхваляли победу Квинта Фабия и не меньше того – славную смерть Публия Деция, и, поминая об отце в похвалах сыну, равняли гибель его, консула и человека, с подвигом родителя. (10) Воинам раздали из добычи по восемьдесят два асса, дорожные плащи и туники, что по тем временам было щедрой наградою за военную службу.

31. (1) Но и после всех этих успехов все еще ни с самнитами, ни в Этрурии не было мира. Дело в том, что перузийцы после отвода консульского войска снова затеяли войну, (2) а самниты отправились на разбой частью в весцийскую и формианскую землю, частью в Эзернинскую округу и области по реке Вольтурну; (3) против них послали претора Аппия Клавдия с Дециевым войском. Во вновь восставшей Этрурии Фабий истребил четыре с половиной тысячи перузийцев и около тысячи семисот сорока захватил в плен; (4) за каждого пленного взяли выкуп – по триста десять ассов, а вся прочая добыча досталась воинам. (5) Легионы самнитов, одни из которых преследовал претор Аппий Клавдий, а другие – проконсул Луций Волумний, собрались на Стеллатском поле и все вместе расположились там возле Кайатии. Аппий и Волумний тоже соединили свои лагеря. (6) Противники бились с крайним ожесточением; одних возбуждал гнев против тех, кто вновь и вновь поднимал мятеж, а другие сражались уже за последнюю свою надежду. (7) Там

пали шестнадцать тысяч триста самнитов и две тысячи семьсот попало в плен, а римское войско потеряло две тысячи семьсот воинов…

(10) Теперь впереди у нас снова самнитские войны. Уже в четырех книгах, охватывающих сорок шесть лет, начиная с консульства Марка Валерия и Авла Корнелия, которым первым пришлось вторгнуться в Самний, мы непрерывно ведем речь об этих войнах. (11) Пусть даже я умолчу о бедствиях и страданиях обоих народов, за долгие годы так и не сломивших эти непреклонные сердца; (12) **но ведь только за минувший год самниты вместе с присоединившимися к их легионам иноплеменниками были наголову разбиты четырьмя римскими войсками и вождями: при Сентине, на землях пелигнов, у горы Тиферна и на Стеллатских полях**; (13) они потеряли самого прославленного военачальника своего народа; им пришлось увидеть, как их союзники в войне – этруски, умбры, галлы – терпят ту же участь, что и они сами; (14) и уже не могли они держаться ни собственными силами, ни сторонней помощью; и все-таки они не отказались от войны. Вот как претила им свобода, которой не удалось защитить со славою, вот насколько даже поражение было для них желанней, чем упущенная победа. (15) Кому ж тогда наскучит так долго писать и читать о войнах, если сами войны не могли истощить воюющих?

32. (1) После Квинта Фабия и Публия Деция консулами были **Луций Постумий Мегелл** и **Марк Атилий Регул** [**294 г.**]. (2) И тому и другому было предписано вести войну в Самнии, ибо молва донесла, что враг набрал три войска, одно для возвращения в Этрурию, другое – для возобновления набегов на Кампанию, а третье – для охраны границ. (3) Недуг задержал Постумия в Риме, Атилий же немедленно отправился в путь, чтобы по решению сената подавить неприятеля в Самнии, пока он еще не вышел из своей земли. (4) И словно так было задумано, римляне столкнулись с противником в таком месте, где ни сами они не могли разорять самнитские земли, ни самниты – пройти в замиренные области союзников римского народа. (5) Когда противники разбили друг против друга свои лагеря, самниты решились на такое, на что едва ли осмелились бы даже римляне, одержавшие столько побед, – напасть на римский лагерь. Вот до какою безрассудства доводит крайнее отчаяние! И хотя это дерзкое предприятие не достигло цели, оно оказалось все же небезуспешным. (6) Почти весь день стоял густой туман, лишивший всех способности видеть, и видно не было не только происходящего за валом, но даже встречного на близком расстоянии. (7) Положась на туман, как на укрытье для засады, самниты, при первых же утренних лучах, едва к тому же пробившихся сквозь туманную мглу, подходят к римским часовым, несшим у ворот свою службу не слишком прилежно. (8) Нападение было внезапным, и для сопротивления не хватило ни мужества, ни сил. С тыла, через Декуманские ворота самниты ворвались в лагерь. (9) Так был захвачен квесторий и в нем убит квестор Луций Опилий Панса. Тогда во всех концах лагеря раздался призыв к оружию.

33. (1) Разбуженный шумом консул приказывает двум оказавшимся рядом когортам союзников – из Лукании и Свессы – охранять преторий, сам же ведет манипулы легионов к главному проходу. (2) Воины строятся, едва успев кое-как вооружиться, а врага различают не столько по виду, сколько по крику, и оценить его численность невозможно. (3) Поначалу, не понимая, какой оборот принимает дело, римляне отступили и впустили неприятеля в глубь лагеря. Но потом, когда консул воскликнул, не намерены ли они оказаться за валом и потом брать приступом собственный лагерь, (4) воины, издав боевой клич и собрав все силы, сперва остановились, а потом стали наступать и теснить врага. Нагнав страху на противника, они уже не ослабляли натиска, пока не вытеснили его за ворота и за вал. (5) Гнать и преследовать дальше они не решились, опасаясь в таких потемках попасть в засаду, и отступили снова за вал, довольные уже тем, что очистили лагерь, перебив при этом почти три сотни вражеских воинов. (6) Римляне потеряли убитыми семьсот тридцать человек из числа часовых, первыми подвергшихся нападению, и тех, кого застигли врасплох рядом с шатром квестора. (7) Эта небезуспешная дерзость

подняла дух самнитов, и они не позволяли римлянам не только переносить свой лагерь дальше, но даже запасаться продовольствием на их землях; так что за продовольствием приходилось отправляться назад в мирные окрестности Соры. (8) Когда молва о случившемся, сильно преувеличенная, достигла Рима, консул Луций Постумий, едва оправясь от недуга, покинул Город. (9) Выслав приказ воинам собраться в Соре, сам он прежде, чем выступить, освятил храм Победы, заложенный в бытность его курульным эдилом на средства, взысканные по суду. (10) После таких приготовлений он направился к войску и привел его из Соры в Самний к лагерю товарища. Не надеясь выдержать натиск двух войск, самниты отступили, и тогда консулы двинулись оттуда в разные стороны, разоряя земли и города противника.

34. (1) Постумий попытался с ходу захватить Милионию, но не преуспел в этом и взял потом город лишь большим усилием, придвинув осадные навесы к городским укреплениям. (2) Но и после взятия города во всех его концах еще долго – от четвертого до восьмого часа – продолжался бой с переменным успехом. Наконец римляне овладели городом; (3) самнитов было перебито три тысячи двести и захвачено четыре тысячи семьсот пленников помимо прочей добычи. (4) Вслед за тем двинули легионы на Феритру. Но ее жители ночью ушли потихоньку из города через ворота с другой стороны со всем добром, какое могли унести и увезти с собою. (5) А консул, приблизившись к городу, подступил к стенам не раньше, чем приготовили все для приступа, словно он ожидал встретить там столь же упорное сопротивление, что и в Милионии. (6) И даже заметивши в городе пустынное безмолвие, а на башнях и стенах ни людей, ни оружия, он удержал воинов, рвавшихся на покинутые стены, опасаясь по неосторожности попасть в какую-то хитрую ловушку. (7) Двум турмам союзников из латинов он поручает объехать городские укрепления и все разведать. Всадники видят распахнутые ворота, неподалеку от них – другие, а на дороге из этих ворот – следы ночного бегства врагов. (8) Потом они осторожно подъезжают к воротам, видя, что по прямым улицам можно безопасно пройти из конца в конец города, и докладывают консулу об уходе жителей: это видно с несомненностью по безлюдью, свежим следам бегства и грудам всякого добра, оставленного повсюду в ночной суматохе. (9) Выслушав эти известия, консул повел войско вокруг города к тому месту, куда подъезжали всадники. Остановив войско неподалеку от ворот, он приказывает пяти всадникам въехать в город и, продвинувшись немного вглубь, троим остановиться на одном месте, а двум другим, если все окажется спокойно, сообщить ему, что обнаружено. (10) Возвратясь, они рассказали, что дошли до места, откуда открывается вид во все стороны, но везде и всюду обнаружили тишину и безлюдие. (11) Тогда консул без промедления ввел легковооруженные когорты в город, а остальным приказал тем временем возводить лагерные укрепления. (12) Воины, вступившие в город, взламывают двери и находят нескольких престарелых или немощных жителей, а также имущество, которое трудно было унести. (13) Это все разграбили, а от пленных узнали, что несколько близлежащих городов сговорились о добровольном бегстве; жители этого города ушли в первую стражу ночи, и в других городах, наверное, римлян встретит такое же безлюдье. (14) Сказанное пленными подтвердилось, и консул завладел покинутыми крепостями.

35. (1) Для другого консула – Марка Атилия – война была далеко не столь легкой. Он вел легионы к Луцерии, прослышав, что она осаждаема самнитами, и у луцерийских границ неприятель преградил ему путь. Ожесточение уравняло силы противников; (2) бились с переменным успехом, и явной победы не одержал никто; но для римлян последствия оказались более тяжелыми – они ведь не были привычны к поражениям, а уходя с поля боя, они ясней, чем в пылу сражения, увидели, насколько больше их собственные потери и убитыми и ранеными. (3) От этого всех в лагере охватил такой ужас, что, случись нечто подобное во время сражения, римлянам не миновать сокрушительного поражения. Ночь они провели в тревоге, ожидая вот-вот вторжения самнитов в их лагерь или на заре – рукопашной с победоносным врагом. (4) Неприятель понес меньшие потери, но духом пал

не меньше. Когда рассвело, не было у самнитов иного желания, как уйти без боя. Но дорога была только одна, и вела она как раз мимо вражеского лагеря. Когда самниты двинулись по ней, это выглядело так, будто они прямиком пошли на лагерь приступом. (5) Консул приказывает воинам браться за оружие и следом за ним выходить за вал; легатам, трибунам и начальникам союзников он указывает, кому что нужно делать. (6) Все они заверяют, что сами-то они выполнят все, что требуется, вот только воины пали духом, проведя целую ночь без сна, среди стонов раненых и умирающих. (7) Пойди враг на приступ до рассвета, воины от такого ужаса могли бы даже знамена свои покинуть. Сейчас стыд удерживает их от бегства, но в остальном они все равно что побежденные. (8) Выслушав все это, консул решил сам пойти к воинам и поговорить с ними. Везде, где он появлялся, он торопил воинов, медлящих браться за оружие, говоря: (9) к чему отступать и показывать тыл? Если не выступить на бой, враг сам вступит в лагерь, кто не хочет защищать вал, тому придется защищать свои шатры. Если драться с оружием в руках, то еще неизвестно, чья будет победа; (10) но кто сидит безоружный сложа руки и поджидает врага, того ждет либо смерть, либо рабство. (11) А бойцы на эти упреки отвечали, что вконец измотаны, обессилены и обескровлены вчерашним сражением, между тем как врагов со вчерашнего стало, кажется, еще больше. (12) Войско самнитов тем временем приближалось. Рассмотрев их с близкого расстояния получше, объявляют, что самниты несут с собою колья, не иначе как желая осадить лагерь. (13) Тут же консул закричал, что позорно и преступно терпеть такое оскорбление и бесчестие от самого ничтожного врага. (14) «Так что же,– кричал он,– неужели мы так и сядем в осаду в этом лагере, предпочтем постыдную смерть от голода доблестной, раз надо, гибели от меча? Да помогут нам боги! Что кому достойней, тот то и делай, (15) а консул Марк Атилий, даже если никто за ним не двинется, в одиночку пойдет на врага, чтоб погибнуть меж самнитских знамен, лишь бы не видеть, как римский лагерь враги окружают частоколом!» (16) Легаты и трибуны, все турмы конницы и центурионы первого ряда одобрили речь консула криками. (17) Тогда пристыженные воины мало-помалу вооружаются, мало-помалу выходят из лагеря длинной нестройной вереницею. Угрюмо, словно побежденные, идут они на врага, столь же растерянного и малодушного. (18) Вот почему едва самниты завидели римские знамена, тотчас от первого до последнего ряда пронеслось: чего боялись, то и случилось! римляне выходят из лагеря, чтобы преградить им путь! (19) нет дороги даже для бегства: либо надо погибнуть на месте, либо опрокинуть врагов и уйти по их телам.

36. (1) И самниты, сложив в середину снаряжение, заняли с оружием каждый свое место в строю. (2) Расстояние между двумя войсками было уже очень невелико, и стояли они, ожидая, когда неприятель первым издаст клич и кинется в бой. (3) Ни у тех, ни у других не хватало духу начать сражение, и они разошлись бы в разные стороны, целыми и невредимыми, когда б не опасенье, что, стоит сделать шаг назад, и противник перейдет в наступление. Без приказа, неохотно и нерешительно, с криком неуверенным и слабым завязали воины битву, но никто не трогался с места. (4) Тогда, чтоб расшевелить воинов, римский консул бросил в бой вне строя несколько конных турм. Многих всадников сбили с коней, других рассеяли, и самниты кинулись вперед добивать упавших, а римляне защищать своих. (5) Но и это не слишком оживило сражение. Самниты, однако, бросились вперед с гораздо большим рвением и большим числом, так что кони рассеявшихся всадников в испуге потоптали своих же, пришедших на помощь. (6) И тогда началось бегство, и отсюда оно распространилось на все римское войско. И уже самниты наносили удары в спины бегущим, когда консул, выехав к воротам лагеря, поставил там заслон конницы и приказал считать неприятелем всякого, (7) кто приблизится к валу, будь то римлянин или самнит, – а сам с тою же угрозой преградил путь своим пехотинцам, в беспорядке устремившимся в лагерь. (8) «Куда спешишь, вояка?– говорил он.– Здесь тебя тоже ждут вооруженные мужи, и пока жив твой консул, ты не вступишь в лагерь иначе как победителем! Выбирай же, с кем лучше тебе драться – с неприятелем или с соотечественником!» (9) При этих словах консула всадники, выставив копья, обступили

пехотинцев, приказывая им идти назад в бой. Здесь выручила не только доблесть консула, но еще и счастливый случай, потому что самниты не наступали и была возможность вернуть на места знамена и развернуть войско от лагеря навстречу врагу. (10) Воины стали подбадривать друг друга вновь вступать в бой, центурионы отобрали знамена у знаменосцев и понесли их вперед, тем показывая своим, что враг малочислен, что ряды его расстроены и что приближается он в беспорядке. (11) Тем временем консул, воздев руки к небу, громким голосом во всеуслышанье дал обет посвятить храм Юпитеру Становителю, если войско римское прекратит бегство и, возобновив сражение, победит и порубит самнитские легионы. (12) Вожди, воины, конные, пешие, отовсюду что было сил старались возобновить сражение. Казалось даже, что боги склонились на римскую сторону – так легко дело приняло иной оборот, неприятель был отброшен от лагеря, а потом и оттеснен туда, где началась схватка. (13) Там на пути была куча поклажи, прежде сложенной в середину, и самнитам пришлось остановиться, а потом, чтобы не дать растащить свое имущество, окружить его кольцом вооруженных воинов. (14) Тут-то спереди ударила по ним пехота, в тыл к ним зашла конница, и они, окруженные, были перебиты или захвачены в плен. Пленников было семь тысяч восемьсот – всех нагими отправили под ярмо, а убитых, как сообщают, оказалось около четырех тысяч восьмисот. Но римлянам все же не в радость была победа. (15) Консул произвел подсчет потерь за оба дня, и объявили, что пало до семи тысяч восьмисот человек. (16) Во время этих событий в Апулии самнитское войско попыталось занять Интерамну, римское поселение на Латинской дороге, но не смогло им овладеть. (17) Разоривши поля, самниты шли с добром, награбленным в этих местах, гоня как добычу людей, скот и пленных поселенцев, как вдруг наткнулись на консула-победителя, возвращавшегося из-под Луцерии. Тут не только лишились они своей добычи, но и собственное их войско, растянутое длинной нестройной вереницей и обремененное поклажей, было изрублено. (18) Консул объявил, что владельцам имущества надо собраться в Интерамне, опознать свое добро и получить его обратно, а сам, оставив там войско, отправился в Рим для проведения выборов. (19) Здесь заговорил он и о триумфе, но ему в этой чести отказали, ссылаясь на потери стольких тысяч воинов и на то, что он отправил пленных под ярмо, хотя условия сдачи оговорены не были…

38. (1) Следующий год [**293 г.**] примечателен консульством **Луция Папирия Курсора**, прославленного как отчей, так и собственной доблестью, примечателен великой войной и такой победой, какой до того дня, кроме отца его, консула Луция Папирия, никто не одерживал над самнитами. (2) Случилось так, что самниты и на этот раз приготовились к войне столь же тщательно, разукрасили свое великолепное снаряжение и оружие столь же пышно и вдобавок прибегли к помощи богов, приведя воинов к присяге по некоему древнему обряду, словно это посвящение в таинство. Набор же по всему Самнию был произведен по неслыханному закону: (3) кто из юношей не явится по указу военачальников или кто самовольно удалится, тот головой обрекается Юпитеру. (4) После этого всему войску было приказано прибыть в Аквилонию. Здесь собралось до сорока тысяч воинов – все силы, какие были у Самния. (5) Там, примерно в середине лагеря, плетеными и кожаными осадными щитами оградили площадку почти по двести шагов во все стороны, а сверху покрыли полотнищами. (6) Прочитавши записи на древнем полотняном свитке, здесь совершил жертвоприношение некий жрец – Овий Пакций, человек преклонных лет, заявлявший, что такое священнодействие он позаимствовал из старинного самнитского богослужения, которое некогда отправляли их предки, замыслив тайно отбить Капую у этрусков. (7) После жертвоприношения полководец отдавал гонцу приказ вызывать самых знатных по рождению и деяниям; (8) их вводили по одному. Помимо прочих обрядовых приготовлений, способных внушить благочестивый трепет, в том закрытом со всех сторон помещении возвышались посредине алтари, повсюду лежали закланные жертвы, а вокруг стояли центурионы с обнаженными мечами. (9) Человека подводили к жертвеннику скорей как жертву, а не причастника обряда и заставляли дать

священную клятву не разглашать виденное и слышанное в этом месте. (10) Потом его принуждали поклясться зловещим заклятием, обрекающим смерти его самого, его семью и род, если он не выйдет в бой за военачальниками, если убежит из строя сам или если, увидев беглеца, не убьет его на месте. (11) Поначалу некоторые отказались дать такую клятву; их обезглавили у алтарей, и тела их среди трупов жертвенных животных предостерегали остальных от отказа. (12) Связав первых среди самнитов таким заклятием, полководец назвал поименно десять из них и приказал одному за другим выбирать себе соратника, пока их не наберется шестнадцать тысяч. Этот легион, составленный из заклятой общим заклятьем знати, получил – по крыше того святилища – название «полотняного», ему дано было великолепное вооружение и шлемы с гребнями, чтобы воины его выделялись среди прочих. (13) Другое войско – немногим более двадцати тысяч – ни внешним обликом, ни ратной славой, ни снаряжением не уступало полотняному легиону. Вот сколько народу – все в расцвете сил – стало лагерем у Аквилонии.

39. (1) Консулы выступили из города. Первым был **Спурий Карвилий**: ему решено было передать легионы ветеранов, оставленные в окрестностях Интерамны Марком Атилием, консулом минувшего года. (2) С этими легионами Карвилий отправился в Самний, и, пока противники за ужасными священнодействиями обсуждали тайные свои намерения, они приступом отбили у самнитов крепость Амитерн. (3) Там было перебито около двух тысяч восьмисот человек, четыре тысячи двести семьдесят взято в плен. (4) А Папирий со вновь набранным войском – таково было постановление – захватил город Дуронию; пленных он взял меньше, чем его сотоварищ, а перебил врагов гораздо больше. И там и тут захватили большую добычу. (5) Потом консулы обошли Самний, более всего разорив Атинский округ, и Карвилий явился к Коминию, а Папирий к Аквилонии, где собрались главные силы самнитов. (6) Там до некоторых пор хотя и не воздерживались от стычек, но и не дрались, как следует: врагов дразнили, пока они стояли на месте, но, стоило им оказать сопротивление, уклонялись от боя, словом, тратили время скорей на угрозы, чем на нападение. (7) Обо всем, на что решались и от чего отказывались, даже о самой малости, доносили оттуда в другой римский лагерь, отстоявший от Папириева на двадцать миль, так что, несмотря на свое отсутствие, Карвилий участвовал во всех замыслах и больше следил за тем, когда решающий миг наступит под Аквилонией, а вовсе не у Коминия, который он сам осаждал. (8) Луций Папирий, по всему уже готовый дать сражение, посылает к товарищу весть, что задумал назавтра, если позволят птицегадания, схватиться с врагом; (9) пусть же и он, Карвилий, всеми силами подступит к Коминию, чтобы не было у самнитов передышки для помощи Аквилонии. (10) У гонца был один день, чтобы добраться до места; ночью он возвратился с известием, что его сотоварищ одобрил этот замысел. (11) Отослав гонца, Папирий тотчас собрал войсковую сходку; он пространно говорил о войне вообще и о нынешнем снаряжении противника, в котором много показной роскоши, но мало бранной силы: (12) не гребнями ведь поражают врага, и даже разукрашенный и раззолоченный щит пронзят римские копья, и, где мечом решается дело, там строй, блистающий белизною туник, скоро окрасится кровью. (13) Золотое и серебряное самнитское войско уже разбил когда-то наголову его отец, и оружие то послужило больше к чести отбившего его врага-победителя, чем к спасенью тех, кто его носил. (14) Как знать, быть может, таков удел носящих это имя в его семье – быть вождями, когда надо воспрепятствовать самым отчаянным усилиям самнитов и добывать трофеи, которыми великолепно украсятся даже общественные места. (15) Бессмертные боги несомненно помогают римлянам после того, как самниты столько раз просили договора и столько раз его нарушали; (16) если можно как-то догадываться о божественной воле, то не было еще войска для богов ненавистнее этого, ведь в нечестивом своем жертвоприношении оно запятнало себя кровью человеческих жертв вместе со скотскими и обрекло себя двойному гневу небес: им угрожают теперь и боги – свидетели договоров, торжественно заключенных с римлянами, и те проклятия, что

изрекали они, присягая договор тот нарушить. Клялись они против воли, присягу свою ненавидят и разом страшатся богов, врагов и сограждан.
40. (1) Все это стало известно со слов перебежчиков, и, когда Папирий обо всем рассказал, уже и без того возмущенные воины преисполнились надежды на успех, раз тому есть и земные и небесные причины, и тотчас дружным криком стали требовать битвы. Отсрочка даже до завтра была им в тягость, они недовольны были, что придется ждать целый день и целую ночь. (2) В третью ночную стражу, уже получив от товарища послание, Папирий молча поднялся с ложа и послал пуллария совершить птицегадание. (3) В лагере народ всякого звания был охвачен жаждою битвы, высшие и низшие равно рвались в бой, и вождю видно было нетерпение его воинов, а воинам – нетерпение вождя. (4) Общее это нетерпение передалось даже тем, кто вершил птицегадания, ибо пулларий, хотя куры у него не клевали, дерзнул солгать о ходе гаданий и сообщил консулу, будто они клюют в три припрыжки. (5) Обрадованный консул объявляет, что птицегадания на редкость удачны, что боги сами поведут дело, и велит трубить к битве. (6) Когда он уже выходил на поле боя, перебежчик вдруг сообщает, что двадцать самнитских когорт, почти по четыреста человек каждая, двинулись к Коминию. Чтобы известить товарища, Папирий немедленно шлет гонца, а сам велит скорей выносить вперед знамена; вспомогательным отрядам он указывает, где им стоять, и каждому назначает начальника: (7) на правом крыле во главе пехоты он поставил Луция Волумния, на левом – Луция Сципиона, а во главе конницы других легатов – Гая Цедиция и Тита Требония; (8) Спурию Навтию он велит снять с мулов вьючные седла, с тремя вспомогательными когортами быстро зайти за приметный холм и в разгар боя появиться оттуда, подняв как можно больше пыли. (9) Пока полководец отдавал эти распоряжения, между пуллариями начался спор о птицегаданиях на этот день, а спор услышали римские всадники и, решив, что этого нельзя так оставить, донесли о сомнительных гаданиях племяннику консула Спурию Папирию. (10) Этому юноше довелось родиться, прежде чем появились учения, ни в грош не ставящие богов, а потому он все расследовал, чтобы не осталось никакой неясности, и доложил обо всем консулу. (11) Консул сказал ему: «Доблести твоей и усердию слава и хвала! Что ж до того, кто был при гадании, то если он солгал хоть малость, на него самого и падет божье наказание; мне, однако, было сказано, что куры клевали в три припрыжки, а такое гадание для римского народа и войска исключительно благоприятно». (12) И тут же он отдал центурионам приказ поставить пуллариев в самый первый ряд. Самниты тоже вынесли знамена, следом шло выстроенное для боя войско в пышных доспехах, чтобы поразить врагов великолепным зрелищем. (13) Еще не раздался боевой клич и противники не сошлись врукопашную, когда случайно выпущенное копье пронзило пуллария и он упал перед знаменами. Консулу сообщили об этом, и он изрек: «Сами боги участвуют в битве: кто виновен, тот и поплатился жизнью». (14) При этих самых словах перед консулом громко каркнул ворон. Обрадованный таким знамением, консул объявил, что никогда еще вмешательство богов в людские дела не было столь очевидно, приказал трубить к бою и издать боевой клич.
41. (1) Битва завязалась жестокая, хотя по духу далеко не равными были противники. Римлян толкали в битву гнев и надежда, жажда борьбы и вражеской крови, а большую часть самнитов – сила необходимости и страх перед богами, и, принужденные против воли, они скорее сопротивлялись, а не нападали. (2) Приученные уже год за годом терпеть поражения от римлян, они не выдержали бы и первого римского натиска и клича, не гнездись в их душах иной, еще более сильный, страх и не удерживай он их от бегства. (3) Еще бы, ведь перед глазами у них стояли все те памятные приготовления к тайному священнодействию, и жрецы с мечами, и груды закланных вперемешку людей и животных, и алтари, забрызганные дозволенной и недозволенной кровью, и зловещие проклятия, и мрачные заклинания, грозящие погибелью роду их и семейству. Вот какие оковы препятствовали их бегству, и они стояли на месте, страшась сограждан больше, чем врагов. (4) А римляне наступали на том и другом крыле и посредине и рубили самнитов,

оцепеневших в страхе пред богами и пред людьми; они сопротивлялись вяло, как бывает, когда лишь страх удерживает от бегства. (5) Резня шла уже почти у знамен, когда сбоку появилось облако пыли, словно там двигалось огромное войско. Это со вспомогательными когортами шел Спурий Навтий (а по словам некоторых – Октавий Меций). (6) Поднять столько пыли при их малочисленности им удалось, потому что погонщики, сидя на мулах, волокли по земле густые ветки. Сперва сквозь пелену стало видно оружие и знамена, а по еще более высокому и густому столбу пыли за ними казалось, что замыкает отряд конница. (7) И не только самниты поддались на обман, но даже римляне, а консул еще подкрепил это заблуждение, закричав в первых рядах да так, чтобы слова его долетели до неприятеля, что Коминий взят и это с победою подходит его товарищ; пусть, мол, поднатужатся и одержат победу, пока другое войско не перехватило ее славу. (8) Говорил он это с коня и приказывал трибунам и центурионам открыть дорогу коннице; сам же он заранее наказал Требонию и Цедицию, как заметят, что он потрясает поднятым вверх копьем, во весь опор скакать с конницей на врага. (9) По его знаку все и произошло, как было задумано: между рядами открываются проходы, вылетает вперед конница и врывается, выставив копья, в гущу вражеских рядов: где ни ударит, там и рвет их строй. (10) Следом Волумний и Сципион теснят врага и повергают потрясенных. Тут надламывается сила державшихся страхом пред богами и людьми, и бросаются врассыпную «полотняные» когорты бегут присягавшие вместе с неприсягавшими и, кроме врага, никого уже не страшатся. (11) Оставшиеся в живых пехотинцы были загнаны в лагерь или в Аквилонию, а знать и конница бежали в Бовиан. Конница преследует конницу, пехота – пехоту, и правое крыло спешит к самнитскому лагерю, а левое – к городу. (12) Волумний захватил лагерь немного быстрее; Сципиона же под городом ожидало более упорное сопротивление – не от мужества побежденных, а оттого, что стены лучше, чем вал, сдерживают вооруженного неприятеля; с этих стен самниты камнями отгоняли нападавших. (13) Опасаясь, что осада укрепленного города может затянуться, если дело не довести до конца, пока враг еще не опомнился от первого страха, Сципион вопрошает воинов, допустят ли они, чтобы другому крылу достался захваченный лагерь, а их – победителей – отогнали прочь от городских ворот? (14) Когда все восстали против этого, он сам, первый, подняв над головою щит, устремляется к воротам; остальные, выстроившись «черепахой», следуют за ним, врываются в город и, сбросив вниз самнитов, защищавших ворота, занимают стены. Проникнуть внутрь города при их малочисленности они не решались.

42. (1) Поначалу консул не знал об этом и намеревался отводить свое войско назад, так как солнце уже быстро клонилось к закату, а наступавшая ночь даже для победителей все делала опасным и подозрительным. (2) Но, проехав вперед, он видит справа захваченный лагерь, а слева в городе слышит разноголосый шум, в котором крики дерущихся мешаются с воплями ужаса. Это и была борьба возле ворот. (3) Подъехав ближе и разглядев на стенах своих воинов, он понял, что начало уже положено, коль скоро отчаянная дерзость кучки людей открыла путь большому делу, он приказал созвать оттянутые было к лагерю войска и ворваться в город. (4) Оказавшись в городе уже в сумерках, римляне расположились на ночлег у самых стен. (5) Ночью враг оставил крепость. В тот день у Аквилонии было перебито двадцать тысяч триста сорок самнитов, пленных захвачено три тысячи восемьсот семьдесят, военных знамен – девяносто семь. (6) Еще, между прочим, сообщают, что едва ли когда-нибудь на поле боя видели вождя в столь веселом расположении духа. То ли нрав его был таков, то ли уверенность в успехе дела. (7) Благодаря той же твердости духа он смог не отказаться от боя из-за сомнительных птицегаданий, а в разгар боя, когда обычно обетуют храмы бессмертным богам, дал такой обет: если разобьют легионы врагов, то прежде чем самому пить крепкое вино, возливать Юпитеру Победителю малую чашу медового вина. Этот обет понравился богам, и они обратили птицегадания ко благу.

43. (1) Такая же удача сопровождала и другого консула у Коминия. На рассвете он подошел к стенам со всеми своими силами, окружил город кольцом, а у ворот, чтобы нигде не случилась вылазка, поставил надежное подкрепление. (2) Он уже подавал знак идти на приступ, когда от товарища явился гонец с тревожной вестью о приближении двадцати когорт; это заставило его отложить приступ и отозвать часть войск, уже построенных и готовых к нападению. (3) Консул приказал легату Децию Бруту Сцеве с первым легионом, десятью вспомогательными когортами и конницей выйти против вражеского подкрепления, (4) в любом месте преградить дорогу и задержать врага, а если потребуется, то вступить и в рукопашную, лишь бы эти войска не могли дойти до Коминия. (5) Сам же консул, отдав приказ со всех сторон придвигать лестницы к стенам города, построил бойцов «черепахой» и подступил к воротам. Разом и ворота были взломаны, и войска со всех сторон взобрались на стены. Если и хватало самнитам мужества отражать приступы врага до того, как увидели на стенах вооруженных неприятелей, (6) то когда бой велся уже не на расстоянии, стрелами да дротиками, а лицом к лицу, врукопашную, когда римляне, с трудом взобравшись на стены снизу, где особенно велика была угроза поражения, на равной высоте бились с неравным противником, – (7) тогда самниты оставили башни и стены и, столпившись на площади, предприняли слабую попытку повернуть военную удачу в свою сторону; (8) а потом, побросав оружие, около одиннадцати тысяч четырехсот человек сдались на милость консула; убитых же было около четырех тысяч восьмисот восьмидесяти. (9) Так было дело у Коминия, так и у Аквилонии; а между этими двумя городами, где предполагалась третья битва, с неприятелем так и не встретились. Когда до Коминия оставалось семь миль, самниты отозвали шедший туда отряд, и потому он не участвовал ни в той, ни в другой битве. (10) На заходе солнца, когда уже показались перед ним и лагерь и Аквилония, крик, донесшийся с обеих сторон, заставил самнитов остановиться; (11) потом со стороны лагеря, подожженного римлянами, вдруг широко разлилось пламя – и этот несомненный признак поражения удержал их от продвижения вперед. (12) Тут они и заночевали на голой земле, как попало и не снимая доспехов, и всю ночь провели в тревоге, и ожидая утра и страшась его. (13) На рассвете, когда они еще не решили, каким путем им идти, их заметили римские всадники, которые, преследуя самнитов, покинувших ночью крепость, увидели множество воинов, не обезопасивших себя ни валом, ни часовыми, и тотчас обратили их всех в бегство. (14) Со стен Аквилонии тоже их заметили, и когорты пехотинцев тоже начали их преследование. Пехота, однако, не смогла догнать беглецов, тогда как конница уничтожила до двухсот восьмидесяти человек, шедших в хвосте. В испуге враг побросал много оружия и восемнадцать войсковых знамен; (15) но уцелевшие благополучно, насколько это возможно при таком смятении, добрались до Бовиана.

44. (1) Удача другого войска приумножила ликование обоих римских войск; и тот и другой консулы по взаимному одобрению отдали занятые крепости воинам на разграбление, (2) и, когда в домах уже ничего не осталось, их предали огню. Так в один день сгорели Аквилония и Коминий, и консулы со своими легионами, поздравляя друг друга, объединили свои лагеря. (3) Пред лицом двух войск и Карвилий воздал каждому из своих по заслугам хвалой и дарами, и Папирий, при котором было столько схваток и в пешем бою, и при захвате лагеря, и при взятии города, пожаловал запястьями и золотыми венками Спурия Навтия, Спурия Папирия, своего племянника, и четырех центурионов из манипулов первого ряда: (4) Навтия – за его появление с мулами, напугавшее противника, словно приход огромного войска, юного Папирия – за ревностное исполнение ратного долга им и конницей и за то, что самнитам крепко досталось ночью во время тайного их бегства из Аквилонии; (5) центурионам же и воинам – за то, что они первыми захватили ворота и стены Аквилонии; а всем всадникам – за их подвиги, совершенные во многих местах, были пожалованы серебряные рожки и запястья. (6) Затем держали совет, пришло ли уже время уводить из Самния оба или хотя бы одно войско; (7) но было признано за лучшее, напротив, чем больше подорваны силы самнитов, тем упорней и беспощадней

продолжать войну и преследовать оставшихся, чтобы следующим консулам можно было передать окончательно покоренный Самний. (8) Поскольку не было уже неприятельского войска, способного дать римлянам сражение, оставался только один вид войны – осада городов, чтобы разорением их дать воинству возможность обогатиться всяким добром и истребить врага, сражающегося за свои алтари и очаги. (9) И вот, отправив сенату и народу римскому донесение о своих успехах, Папирий и Карвилий ведут легионы, один – на осаду Сепина, другой – на осаду Велии.

45. (1) С великой радостью было выслушано консульское послание и в курии и в собрании, и всеобщую радость каждый усердно отпраздновал в четырехдневных молебствиях. (2) Для римского народа эта победа была не только великою, но и очень своевременной, ибо как раз тогда пришло известие о новом восстании этрусков. (3) И такая мысль приходила на ум: что если б в Самнии случилась какая неудача, как было бы тогда выдержать натиск этрусков, воодушевленных сговором самнитов и воспользовавшихся походом обоих консулов со всем римским войском в Самний, чтобы вновь восстать, пока римские силы отвлечены? (4) Посольства от союзников, которые претор Марк Атилий ввел в сенат, жаловались на соседей-этрусков, сжигавших и разорявших их поля за отказ отложиться от римского народа (5), и умоляли отцов-сенаторов о защите от насилия и обид, чинимых врагом. Послам отвечали, что сенат позаботится, чтобы союзникам не пришлось жалеть о своей верности, и этрусков в скором времени ждет участь самнитов. (6) И все-таки этрусская война оттянулась бы надолго, если б не известие о том, что уже и фалиски, многие годы дружественные Риму, вместе с этрусками тоже взялись за оружие. (7) Народ этот жил поблизости, так что отцы сенаторы встревожились и постановили отправить фециалов с требованием возмещения; его не последовало, и тогда с одобрения сената и по воле народа фалискам объявили войну, (8) а консулам было приказано решить жребием, кому из них вести войско из Самния в Этрурию. (9) Карвилий уже отнял у самнитов Велию, Палумбин и Геркуланум, причем Велию всего за несколько дней, а Палумбин – сразу же, как подошел к стенам. (10) При Геркулануме было даже дано сражение, шедшее с переменным успехом и с потерями большими, чем у противника; тогда, разбивши лагерь, консул запер врага за городскими укреплениями, и после осады крепость была взята. (11) В трех этих городах было взято в плен или убито около десяти тысяч человек, причем пленных было чуть больше, чем убитых. Карвилию и выпал жребий воевать в Этрурии, как того и хотелось его воинам, которым уже невмочь было терпеть холода в Самнии. (12) У Сепина Папирий встретил сопротивление более сильного противника. Пришлось не раз биться и в строю, и в походе, и под стенами города, отражая вражеские вылазки. Это была даже не осада, а война на равных, ибо самниты не столько прятались за укреплениями, сколько сами с оружием в руках защищали стены города. (13) И все-таки консул принудил неприятеля сесть в осаду, а затем силой и хитростью взял город. (14) В захваченном городе разозленные римляне учинили необычайно жестокую резню: перебито было семь тысяч четыреста человек, а в плен взяли чуть меньше трех тысяч. Добыча, особенно богатая, оттого что самниты сосредоточили свое имущество в немногих городах, была отдана воинам.

46. (1) Все уже было покрыто снегом, и дольше оставаться без крова было невозможно, поэтому консул вывел войско из Самния. (2) По прибытии в Рим ему единодушно предоставили триумф. Он отпраздновал его, еще оставаясь в должности, с обычной в ту пору пышностью. (3) Пешие шли, а конные ехали сквозь толпу в пожалованных им уборах, видно было множество венков за спасение граждан, за захват лагеря или городских стен. (4) Народ глядел на доспехи самнитов и сравнивал их с красотой и пышностью тех доспехов, которые добыл отец консула, – их все знали, так как ими часто украшались общественные места. Вели также некоторых знатных пленников, прославленных своими подвигами и подвигами отцов. (5) Провезли медные монеты старой чеканки – два миллиона пятьсот тридцать три тысячи фунтов, – говорили, что эта медь была выручена от продажи пленных; серебра, захваченного в городах, было весом

тысяча восемьсот тридцать фунтов. Всю медь и все серебро положили в казну, а воинам из этой добычи ничего не досталось. (6) Еще больше возмутило простой народ, что при этом даже на жалованье воинам взимался налог, тогда как, откажись консул от славы внести в казну деньги, вырученные за пленных, он мог бы и одарить воинов из добычи, и за военную службу выдать им жалованье. (7) Еще Папирий освятил храм Квирину. Ни у кого из древних писателей я не читал, чтобы он давал о том обет в разгар битвы, да и, право же, он не мог бы, возвести его за столь короткое время. Это был храм, о котором обет дал его отец в бытность свою диктатором, сын же, будучи консулом, освятил его и украсил вражескими доспехами, (8) которых было столько, что не только убрали ими храм и форум, но даже уделили часть их союзникам и соседним поселениям для украшения храмов и общественных мест. (9) После триумфа консул повел свое войско зимовать в весцийские земли, так как эта область была под ударом самнитов…

Тит Ливий. Периохи. Книга 11 (292-287 гг.). Пер. М.Л. Гаспарова.

Консул Фабий Гургит неудачно ведет войну с самнитами, и сенат уже готов отозвать его от войска, но отец консула Фабий Максим мольбами удержал сенат от такого бесчестия сыну, особенно когда обещал сам пойти легатом под начало сына, и пошел. С помощью его трудов и советов консул-сын разгромил самнитов и справил триумф; Гай Понтий, полководец самнитов, проведен в триумфе и обезглавлен…Самниты просят мира, и с ними в четвертый раз заключен договор. Консул Курий Дентат, разгромив самнитов и победив взбунтовавшихся сабинов, заставил их сдаться и справил триумф дважды за один консульский срок.

9. Борьба римлян с городами «Великой Греции» (280-270 гг.)

Тит Ливий. Периохи. Пер. М.Л. Гаспарова.

Книга 13 (280-278 гг.)

Консул Валерий Левин терпит неудачу в битве с Пирром – главным образом оттого, что воинов устрашил вид неизвестных дотоле слонов. После этой битвы Пирр, глядя на тела павших римлян, видит, что все они лежат лицом к неприятелю. Разоряя все, он доходит до самого Рима. Гай Фабриций послан к нему сенатом для переговоров о выдаче пленных, и царь тщетно склоняет его покинуть отечество и перейти к нему. Пленники отпущены без выкупа. Киней послан Пирром в сенат с просьбою впустить царя в город для заключения мира. Сенат в полном своем составе готов был согласиться, но Аппий Клавдий, из-за слепоты давно уже не бывавший в государственных советах, явился в курию и своим выступлением добился, чтобы Пирру было отказано… Вторая битва с Пирром, исход ее нерешителен… Консулу Гаю Фабрицию перебежчик от Пирра обещает извести царя ядом; его с обличением выдают царю.

Книга 14 (278-272 гг.)

Пирр переходит в Сицилию… Курий Дентат, когда производил воинский набор, и кто-то, будучи вызван, не откликнулся, впервые устроил распродажу имущества его. Пирра, воротившегося из Сицилии, он разбил и выгнал из Италии… Книга содержит также успешные действия против луканцев, бруттийцев и самнитов, а кроме того, гибель царя Пирра.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Пирр. Пер. С.А. Ошерова.

13. Римляне напали на тарентинцев. У тех не было сил вести войну, но бесчестная дерзость вожаков народа не давала им сложить оружие, и тогда они задумали призвать и сделать военачальником в войне против римлян Пирра, отличного полководца и в то время самого праздного из царей. Правда, старейшие и наиболее благоразумные граждане были против такого замысла, однако тех из них, кто выступал открыто, сторонники войны криками и прямым насилием прогнали из Собрания, прочие же, видя это, удалились сами. И вот один рассудительный человек, по имени Метон, в день, когда должны были принять решение, надел увядающий венок, взял в руки факел, как делают обычно пьяные, и явился в Народное собрание, сопровождаемый флейтисткой. Как бывает везде, где власть народа не знает должных пределов, толпа, увидев это шествие, встретила его рукоплесканиями и смехом, и никто не остановил Метона, напротив, его просили вместе с флейтисткой выйти на середину и спеть. Он сделал вид, будто так и собирается поступить, но когда воцарилось молчание, сказал: «Тарентинцы! Как хорошо вы делаете, что дозволяете желающим бражничать и шутить, пока можно. Но если вы в здравом уме, то поспешите и сами воспользоваться этой вольностью: ведь когда в город явится Пирр, дела пойдут иначе и другая жизнь начнется для нас». Эти слова многим тарентинцам показались убедительными, и Собрание подняло крик, что Метон правильно говорит. Однако те, кто боялся, как бы после заключения мира их не выдали римлянам, обругали народ за то, что он так добродушно позволяет пьяному бесстыднику высмеивать его, а Метона сообща прогнали. Итак, мнение сторонников войны возобладало, и в Эпир отправили послов, чтобы отвезти Пирру дары от имени не только тарентинцев, но всех вообще италиотов, и сказать, что им нужен разумный и прославленный полководец и что в их распоряжении есть большие силы луканцев, мессапов, самнитов и тарентинцев: всадников около двадцати тысяч, а пехотинцев триста пятьдесят тысяч. Эти речи воспламенили не только Пирра, но и эпиротам внушили нетерпеливое желание выступить в поход…

15. Сперва он послал к тарентинцам Кинея во главе трех тысяч солдат, затем погрузил на прибывшие из Тарента грузовые суда двадцать слонов, три тысячи всадников, двадцать тысяч пехотинцев, две тысячи лучников и пятьсот пращников. Как только все было готово, Пирр отчалил; но когда он вышел на середину Ионийского моря, его суда понес необычный для этого времени года бурный северный ветер. Благодаря храбрости и расторопности гребцов и кормчих, не щадивших труда и рисковавших самою жизнью, кораблю Пирра удалось приблизиться к берегу. Остальные корабли были рассеяны бурей, причем часть их снесена мимо берегов Италии в Ливийское и Сицилийское море, а прочие не смогли миновать Япигский мыс и, застигнутые ночной тьмой, были прибиты сильными волнами к непроходимым мелям. Погибли все корабли, кроме царского, который, благодаря своей величине и прочности, выдерживал натиск моря, пока волна била ему в борт; но затем ветер подул с суши, и появилась опасность, что, идя навстречу огромным валам, корабль будет разбит, а носиться в бушующем море по воле ветра, то и дело менявшего направление, казалось самым страшным из всех грозящих бедствий. Поэтому Пирр выбросился в море, а приближенные и телохранители немедленно кинулись его спасать. Однако в темноте, в шуме прибоя, среди откатывающихся назад валов трудно было оказать ему помощь, и только на рассвете, когда ветер спал, Пирр выбрался на берег, изможденный телом, но бодрый духом, отважный и готовый преодолеть любые превратности. Тут сбежались мессапы, на землю которых его вынесло море, по мере сил оказали ему помощь и подвели к земле немногие уцелевшие корабли, на которых было несколько десятков всадников; меньше двух тысяч пехотинцев и два слона.

16. С этими силами Пирр направился в Тарент. Киней, узнав о прибытии царя, вышел с солдатами ему навстречу. Вступив в город, Пирр ничего не предпринимал против желания тарентинцев, пока не подошли спасшиеся корабли и не собралась большая часть его войска. К этому времени Пирр увидел, что чернь в Таренте по доброй воле не склонна

ни защищаться, ни защищать кого бы то ни было, а хочет лишь отправить в бой его, чтобы самой остаться дома и не покидать бань и пирушек. Потому он закрыл все гимнасии и портики, где тарентинцы, прогуливаясь, вершили военные дела на словах, положил конец неуместным пирам, попойкам и шествиям и многих призвал в войско. Производя этот набор, Пирр был так неумолимо суров, что многие из тарентинцев, которые не привыкли повиноваться и жили в свое удовольствие, а всякую иную жизнь считали рабством, покинули город. Когда пришло известие, что римский консул Левин с большими силами опустошил Луканию и наступает на Тарент, Пирр счет недостойным в бездействии смотреть, как приближается враг, и выступил с войском, не дождавшись прихода союзных отрядов. Предварительно он послал к римлянам вестника, предложив им без войны получить от италиотов законное удовлетворение, а его, Пирра, сделать при этом судьей и посредником. Когда же Левин ответил, что римлянам его посредничество не нужно, а война с ним не страшна, Пирр выступил в поход и расположился лагерем на равнине между Пандосией и Гераклеей. Узнав, что римляне остановились неподалеку, за рекой Сирисом, Пирр верхом отправился к реке на разведку; осмотрев охрану, расположение и все устройство римского лагеря, увидев царивший повсюду порядок, он с удивлением сказал своему приближенному Мегаклу, стоявшему рядом: «Порядок в войсках у этих варваров совсем не варварский. А каковы они в деле – посмотрим». И, уже опасаясь за дальнейшее, он решил дождаться союзников, а на тот случай, если римляне попытаются перейти реку раньше, поставил стражу, чтобы помешать переправе. Но римляне, чтобы не дать Пирру выполнить задуманное, поспешили начать переправу, причем пехота переходила реку там, где был брод, а конница – в разных местах, так что греки, боясь окружения, отступили. Узнав об этом, Пирр встревожился и приказал своим военачальникам построить пехоту и держать ее в боевой готовности, а сам во главе трех тысяч всадников поскакал вперед, надеясь застигнуть римлян до того, как они, переправившись, встанут в боевой порядок. Приблизившись, он увидел над рекой множество щитов и конницу, двигавшуюся строем, и первым бросился вперед, пришпорив коня. Во время битвы красота его оружия и блеск роскошного убора делали его заметным отовсюду, и он делом доказывал, что его слава вполне соответствует доблести, ибо, сражаясь с оружием в руках и храбро отражая натиск врагов, он не терял хладнокровия и командовал войском так, словно следил за битвой издали, поспевая на помощь всем, кого, казалось, одолевал противник. Один македонянин, по имени Леоннат, заметил, что какой-то италиец неотступно скачет вслед за Пирром, направляя своего коня туда же, куда он, и следя за каждым его движением. «Видишь, царь, – сказал Леоннат, – того варвара на вороном коне с белыми бабками? Кажется, он замышляет грозное и страшное дело. Он полон злобы и дерзости, он не спускает с тебя глаз и повсюду преследует тебя, ни на кого больше не обращая внимания. Остерегайся его!» А Пирр ответил: «От судьбы, Леоннат, не уйдешь. А безнаказанно сойтись со мной врукопашную ни ему, ни иному кому из италийцев не удастся!» Пока они так разговаривали, италиец, занеся копье и дав шпоры коню, напал на Пирра. Он поразил копьем царского скакуна, и одновременно Леоннат, метнув копье, поразил его коня. Кони упали, Пирра унесли окружавшие его приближенные, а италийца, продолжавшего сопротивляться, убили. Он был френтан родом, командовал конным отрядом и звали его Оплак.

17. Этот случай научил Пирра осторожности; видя, что его конница отступает, он послал за пехотой и выстроил ее в фалангу, сам же отдал свой плащ и оружие одному из приближенных, Мегаклу, надел его вооружение и повел войско на римлян. Те выдержали натиск, и завязался бой, исход которого долгое время не мог определиться: говорят, что семь раз противники поочередно то обращались в бегство, то пускались в погоню за бегущими. А обмен оружием, который в другое время послужил бы на пользу царю, чуть было не погубил его дело и не отнял у него победу, ибо за Мегаклом гналось много врагов, и первый, кому удалось сразить его, римлянин по имени Дексий, сорвал с него шлем и плащ, подскакал к Левину и показал ему добычу, крича, что убил Пирра. Когда

шлем и плащ стали передавать по рядам и показывать всем, римляне подняли радостный крик, а греки пали духом и ободрились лишь после того, как Пирр узнав о случившемся, проехал по полю боя, открыв лицо, простирая к сражающимся правую руку и громко окликая их, чтобы его могли узнать по голосу. В конце битвы римлян сильно потеснили слоны, так как римские кони не выносили вида этих чудовищ и мчались вместе со всадниками вспять, не успев приблизиться к врагам, а Пирр, напав во главе фессалийской конницы на пришедших в замешательство противников, обратил их в бегство и многих перебил. Дионисий сообщает, что в битве пало без малого пятнадцать тысяч римлян, Иероним утверждает, что только семь, Пирр же потерял, согласно Дионисию, тринадцать тысяч человек, согласно Иерониму – меньше четырех тысяч, но зато самых сильных и храбрых, и вдобавок из полководцев и приближенных он лишился тех, кому больше всего доверял и всегда поручал самые важные дела. Зато он взял лагерь, покинутый римлянами, привлек на свою сторону многие союзные с Римом города, опустошил обширную область и продвинулся вперед настолько, что от Рима его отделяло лишь триста стадиев [55,5 км]. После битвы к нему пришло множество луканов и самнитов, и хотя Пирр упрекнул их за промедление, было ясно, что он радуется и гордится, одержав победу над огромными силами римлян только со своими воинами и с тарентинцами.

18. Римляне не лишили Левина власти, хотя, как говорят, Гай Фабриций, считавший, что поражение потерпел полководец, а не войско, заявил: «Не эпироты победили римлян, а Пирр – Левина». Пополнив свои легионы и набрав новые, римляне продолжали говорить о войне так, что Пирр был поражен их бесстрашием и надменностью. Полагая, что разгромить римлян окончательно и взять их город дело нелегкое, а при его военных силах и вовсе невозможное, он решил отправить в Рим посольство и разведать, не расположены ли там пойти на соглашение: ведь он лишь приумножил бы свою славу, прекратив войну и заключив союз после победы. Киней, отправленный послом, встретился с самыми знатными римлянами, а их женам и сыновьям поднес от имени царя подарки. Этих подарков никто не принял, но все отвечали, что если их государство заключит с царем союз, то и они с радостью предложат ему свою дружбу. Когда же Кинея привели в сенат и он в пространной и дружелюбной речи сказал, что царь без выкупа отпускает всех взятых в бою пленных и обещает римлянам помощь в завоевании Италии, ничего не требуя взамен, кроме дружеского союза с ним и неприкосновенности Тарента, никто не высказал ни радости, ни готовности принять это предложение, хотя многие открыто склонялись к заключению мира, считая себя побежденными в решительном сражении и ожидая новых неудач после того, как италийцы присоединятся к Пирру и силы его возрастут. Тем временем о царском посольстве узнал Аппий Клавдий. Прославленный муж, он по старости и слепоте уже оставил государственную деятельность, но когда распространились слухи, что сенат собирается принять решение о перемирии, не выдержал и приказал рабам нести его на носилках через форум в курию. У дверей его окружили сыновья и зятья и ввели в зал; сенат встретил его почтительным молчанием. (19). А он, тотчас же взяв слово, сказал: «До сих пор, римляне, я никак не мог примириться с потерею зрения, но теперь, слыша ваши совещания и решения, которые обращают в ничто славу римлян, я жалею, что только слеп, а не глух. Где же те слова, которые вы всем и повсюду твердите и повторяете, слова о том, что если бы пришел в Италию великий Александр и встретился бы с нами, когда мы были юны, или с нашими отцами, которые были тогда в расцвете сил, то не прославляли бы теперь его непобедимость, но своим бегством или гибелью он возвысил бы славу римлян? Вы доказали, что все это было болтовней, пустым бахвальством! Вы боитесь молоссов и хаонов, которые всегда были добычей македонян, вы трепещете перед Пирром, который всегда, как слуга, следовал за каким-нибудь из телохранителей Александра, а теперь бродит по Италии не с тем, чтобы помочь здешним грекам, а чтобы убежать от своих тамошних врагов. И он обещает доставить нам первенство среди италийцев с тем войском, что не могло удержать для него самого и малую часть Македонии! Не думайте,

что, вступив с ним в дружбу, вы от него избавитесь, нет, вы только откроете дорогу тем, кто будет презирать нас в уверенности, что любому нетрудно нас покорить, раз уж Пирр ушел, не поплатившись за свою дерзость, и даже унес награду, сделав римлян посмешищем для тарентинцев и самнитов». Эта речь Аппия внушила сенаторам решимость продолжать войну, и они отослали Кинея, передав с ним такой ответ: пусть Пирр уходит из Италии и тогда, если хочет, ведет переговоры о дружбе, а пока он остается с войсками в Италии, римляне будут воевать с ним, доколе хватит сил, даже если он обратит в бегство еще тысячу Левинов. Говорят, что Киней во время своего посольства старался присмотреться к жизни римлян, понять, в чем достоинства их государственного устройства, побеседовать со знатнейшими из них и что, рассказав обо всем Пирру, он прибавил, что сенат показался ему собранием царей, а если говорить о народе, то он, Киней, боится, как бы не пришлось сражаться с неким подобием Лернейской гидры: ведь у консула насчитывается уже вдвое больше войск, чем было раньше, а в Риме остается еще во много раз больше людей, способных носить оружие.

20. После этого к Пирру отправилось из Рима посольство вести переговоры о пленных, и среди послов был Гай Фабриций, человек крайне бедный, но доблестный и воинственный, чье слово, как утверждал Киней, было для римлян решающим. Пирр наедине дружелюбно убеждал его принять в подарок золото, уверяя, что дает ему деньги не в награду за позорную измену, а просто в знак дружбы и гостеприимства. Фабриций отказался, и Пирр в тот день ничего больше не предпринял, но, желая поразить римлянина, никогда не видавшего слона, приказал на следующий день во время переговоров поставить самое большое из этих животных позади послов, скрыв его занавесом. Так и было сделано: по знаку царя занавес отдернули, слон неожиданно протянул хобот над головой Фабриция и оглушительно затрубил. Но тот спокойно улыбнулся и сказал Пирру: «Право, сегодня вид этого чудовища смутил меня не больше, чем вчера – золото». Во время пира они беседовали о разных предметах, но больше всего – о Греции и ее философах, и Киней, случайно упомянув об Эпикуре, рассказал, что говорят его ученики о богах, государстве, о цели жизни: ее они видят в удовольствиях, избегают государственной деятельности, ибо она лишь нарушает и отнимает счастье, а божеству, чуждому гнева и милосердия, не заботящемуся о наших делах, они приписывают жизнь праздную и полную наслаждений. Киней еще не кончил рассказывать, как Фабриций вскричал: «О Геракл, если бы и Пирр, и самниты придерживались этого учения, пока воюют с нами!» Пирр был поражен его бескорыстием и благородством и еще больше укрепился в желании стать союзником Рима, а не воевать с ним. Фабрицию же он предложил, если тот добьется заключения мира, уехать вместе с ним и быть первым среди его приближенных и полководцев. Но, как рассказывают, тот спокойно ответил: «Ведь это невыгодно для тебя, царь: те, кто теперь дивится тебе и чтит тебя, захотят иметь царем меня, едва узнают мой нрав». Таков был Фабриций. Пирр, однако, не разгневался на его слова, как сделал бы любой деспот, но рассказал друзьям о величии его духа и ему одному доверил пленных, с условием, что их отошлют обратно после того, как они повидаются с близкими и справят дома Сатурналии, если до этого времени сенат не примет решения о мире. И в самом деле, пленные были отосланы назад к Пирру, причем сенат постановил карать смертной казнью тех, кто не возвратится.

21. Спустя некоторое время, когда командование перешло к Фабрицию, к нему в лагерь явился человек и принес письмо, написанное царским врачом: тот предложил извести Пирра ядом и тем самым без всякой опасности для римлян избавить их от войны, если они пообещают вознаградить его. Но Фабриций, возмущенный его вероломством, убедил своего товарища по должности отправить Пирру письмо, заключавшее совет остерегаться козней врача. Вот что было в нем написано: «Консулы Гай Фабриций и Квинт Эмилий приветствуют царя Пирра. Кажется нам, что ты не умеешь отличать врагов от друзей. Прочти посланное нами письмо и узнай, что с людьми честными и справедливыми ты ведешь войну, а бесчестным и негодным доверяешь. Мы же предупреждаем тебя не из

расположения к тебе, но чтобы твоя гибель не навлекла на нас клевету, чтобы не пошли толки, будто мы победили в войне хитростью, не сумев победить доблестью». Получив письмо и узнав о злом умысле, Пирр покарал врача и, желая отблагодарить Фабриция и римлян, отпустил без выкупа всех пленных, Кинея же снова послал добиваться мира. Римляне считали не подобающим для себя принимать пленных от врага ни в знак его приязни, ни в награду за то, что они воздержались от преступления, а потому без выкупа вернули пленных самнитам и тарентинцам, отказавшись, однако, начать переговоры о мире и союзе прежде, чем Пирр не прекратит войну и не отплывет с войском обратно в Эпир на тех же судах, на которых прибыл. Тогда Пирр, которого обстоятельства заставляли искать нового сражения, выступил и встретился с римлянами близ города Аскула, но неприятель оттеснил его в места, непроходимые для конницы, к лесистым берегам быстрой реки, откуда слоны не могли напасть на вражеский строй. Много воинов было ранено и убито в этом сражении, пока ночь не прервала его. На следующий день, задумав перенести битву на равнину и бросить в бой слонов, Пирр заранее укрепил наиболее уязвимые позиции караульными отрядами и, расставив между слонами множество метателей дротиков и стрелков из лука, стремительно двинул на врага плотно сомкнутый строй. Римляне не могли уклониться в сторону и ударить с фланга, как в предыдущем сражении, и встретили противника на равнине лицом к лицу, стремясь скорее отбросить тяжелую пехоту, пока не подошли слоны. Римские воины упорно бились мечами против сарисс и, не шадя себя, не обращая внимания на раны, думали только о том, как бы поразить и уничтожить побольше врагов. Говорят, что много времени прошло, прежде чем они начали отступать, и именно там, где их теснил сам Пирр. Но и ему принес успех главным образом мощный натиск слонов, ибо против них воинская доблесть была бессильна и римляне считали, что перед этой силой, словно перед прибывающей водой или разрушительным землетрясением, следует отступить, а не упорствовать и гибнуть понапрасну самой страшной смертью там, где нельзя помочь делу. Римляне бежали в свой лагерь, который был неподалеку. Иероним говорит, что погибло шесть тысяч римлян, а воинов Пирра, как сказано в царских записках, было убито три тысячи пятьсот человек. Дионисий же отрицает, что под Аскулом было два сражения, и пишет, что римляне не признавали себя побежденными; по его словам, все произошло в течение одного дня, битва продолжалась до захода солнца, и враги разошлись лишь после того, как Пирр был ранен дротиком в руку, а самниты разграбили его обоз, причем и из войска Пирра, и у римлян погибло более чем по пятнадцати тысяч человек. Сигнал к отступлению подали обе стороны, и говорят, что Пирр заметил какому-то человеку, радовавшемуся победе: «Если мы одержим еще одну победу над римлянами, то окончательно погибнем». Погибла большая часть войска, которое он привез с собой, и почти все его приближенные и полководцы, других воинов, которых можно было бы вызвать в Италию, у него уже не было, а кроме того он видел, что пыл его местных союзников остыл, в то время как вражеский лагерь быстро пополняется людьми, словно они притекают из какого-то бьющего в Риме неиссякаемого источника, и что после всех поражений римляне не пали духом, но гнев лишь приумножил их упорство.

22. В этот трудный момент у Пирра появились новые надежды. Ему даже пришлось выбирать, потому что одновременно к нему обратились сицилийцы, предложившие занять Акрагант, Сиракузы и Леонтины и просившие изгнать карфагенян и освободить остров от тираннов, и вестники из Греции, сообщившие, что Птолемей Керавн пал в битве с галатами и теперь самое время явиться в Македонию, лишившуюся царя. Пирр сетовал на судьбу, которая в один и тот же час представила ему две возможности совершить великие дела, ибо понимал, что от одной из них необходимо отказаться, и долго колебался. Но затем, решив, что в Сицилии его ждут более славные подвиги и что оттуда недалеко до Африки, он предпочел двинуться на остров и, как обычно, тотчас же послал вперед Кинея для предварительных переговоров с сицилийскими городами. В Таренте он поставил караульный отряд, а тарентинцам, с негодованием требовавшим, чтобы он либо вел войну

с римлянами, ради которой явился, либо покинул страну и оставил им город таким, каким его принял, отвечал высокомерно, советуя спокойно ждать, пока придет их черед…
24. Остальной путь Пирр прошел беспрепятственно и с двадцатью тысячами пехотинцев и тремя тысячами всадников прибыл в Тарент. Пополнив там войско самыми храбрыми из тарентинцев, он тотчас выступил против римлян, стоявших лагерем в Самнии. (25). Дела у самнитов в это время шли совсем плохо: разбитые римлянами во многих сражениях, они пали духом, да и отплытие Пирра в Сицилию у них вызвало недовольство, так что присоединились к нему лишь немногие. Разделив свое войско, Пирр половину послал в Луканию, желая задержать там одного из консулов, чтобы тот не пришел на помощь товарищу по должности, а другую часть сам повел на Мания Курия, стоявшего лагерем в безопасном месте возле города Беневента и ожидавшего подкреплений из Лукании (впрочем, он бездействовал еще и потому, что его удерживали предсказания жрецов и птицегадателей). Пирр спешил напасть на римлян прежде, чем подойдет второй консул, и поэтому, собрав самых сильных людей и самых свирепых слонов, ночью двинулся на лагерь врага. Но дорога была длинная, шла через густой лес, воины заблудились в темноте, и таким образом время было потеряно. Наступило утро, на рассвете враги ясно увидели Пирра, двигавшегося по гребню холмов. В лагере римлян поднялись шум и суматоха, и так как обстоятельства требовали решительных действий, а жертвы предвещали Манию удачу, консул вышел из лагеря, напал на передние ряды наступавших и обратил их в бегство, чем привел в смятение и остальных. Было перебито множество солдат Пирра, захвачено несколько слонов, брошенных во время отступления, и эта победа позволила Манию перенести бой на равнину. На глазах врага собрав свои легионы, он в одних местах обратил противника в бегство, но в других под натиском слонов отступил к самому лагерю и вызвал оттуда караульных, которых много стояло на валу в полном вооружении. Со свежими силами выйдя из-за укреплений, они забросали слонов копьями и повернули их вспять, а бегство слонов вызвало беспорядок и замешательство среди наступавших под их прикрытием воинов, и это не только принесло римлянам победу, но и решило спор о том, кому будет принадлежать верховное владычество над Италией. Доказав в этих битвах свою доблесть, они обрели уверенность в своей мощи и, прослыв непобедимыми, вскоре захватили всю Италию, а через некоторое время и Сицилию.
26. Так рухнули все надежды Пирра и Италии и в Сицилии; шесть лет потратил он на эти войны и хотя был побежден, но и в поражениях сохранил свое мужество непоколебленным и по-прежнему считался повсюду самым опытным, сильным и отважным из современных ему царей. Однако добытое подвигами он терял ради надежд на будущее и, алчущий далекого и нового, не мог удержать достигнутого, если для этого нужно было проявить упорство. Поэтому Антигон и сравнил Пирра с игроком в кости, который умеет сделать ловкий бросок, но не знает, как воспользоваться своей удачей.

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга I. Пер. М.Ф. Дашковой и А.И. Немировского.

18. Затем следует тарентинская война, единая по названию, но многократная по победам, ибо она повлекла к общей гибели кампанцев, апулийцев, луканцев и зачинщиков войны тарентинцев, т.е. всю Италию, и вместе с ними Пирра, знаменитейшего царя Греции. В результате одновременно была объединена Италия и предопределены заморские триумфы. (2) Тарент, создание лакедемонян, некогда столица Калабрии, Апулии и всей Лукании, славился величиною, стенами и гаванью, а также удивительным местоположением. Будучи расположен у входа в Адриатическое море, он рассылал корабли во все страны: Истрию, Иллирик, Эпир, Ахайю, Африку, Сицилию. Над гаванью возвышался видимый со стороны моря театр, который оказался причиной бед для несчастного города. (4) Там происходило торжественное представление, когда был замечен приближавшийся к берегу римский флот. Полагая, что это враги, тарентинцы

выбежали и стали насмехаться над ними, не разобравшись, что это за римляне и откуда они появились. Мало того, когда без промедления прибыли с жалобой римские послы, их неприлично оскорбили, допустив бесчестье, о котором стыдно сказать; и вот — война. (6) Приготовления к ней наводят ужас, ведь столько народов сразу поднимается на защиту тарентинцев, и яростнее всех — Пирр. Вознамерившись отомстить за полугреческое (его основатели — спартанцы) государство, он прибыл по морю и суше со всеми силами Эпира, Фессалии, Македонии с воинами, конями, оружием и неведомыми в то время слонами, так что ко всему прочему добавился страх перед дикими животными. (7) **Первая битва произошла в Кампании, у Гераклея, близ реки Лирис при консуле Левине.** Она была жестокой; Обсидий, начальник ферентанейской турмы, напав на царя, привел его в замешательство и вынудил отступить, бросив знаки отличия. (8) Сражение было бы выиграно, если бы не выбежали вперед слоны, превратив войну в жестокое зрелище. Кони, приведенные в ужас и величиною, и видом животных, и неведомым запахом, и звуками, приняли слонов за еще больших чудовищ, чем те были, и обратились в гибельное бегство. (9) **Затем в Апулии у Аускула при консулах Курии и Фабриции произошло более удачное сражение.** Страх перед слонами стал меньше; Гай Нумиций, гастат четвертого легиона, отрубив у одного слона хобот, доказал, что эти звери смертны. (10) И полетели в них дротики, а факелы, брошенные на башни, обрушили на вражеское войско пылающие обломки. Конец побоищу положила ночь. Последним бежал царь. Раненный в плечо, он был унесен телохранителями на собственном щите. (11) **Заключительная битва была в Лукании на так называемых Арузинских полях, при тех же командующих.** На этот раз — полная победа. Она оказалась результатом случая, а не доблести. (12) Слоны снова были выведаны в первый ряд, но сильный удар копьем в голову повернул назад одного, еще молодого. Когда он, жалобно трубя, бросился назад навстречу бегущим слонам, его узнала мать. Она вырвалась вперед как бы затем, чтобы отомстить за него, и громадой своего тела смешала все вокруг, словно это были враги. (13) Так одни и те же животные первую победу принесли Пирру, вторую свели вничью, а третью подарили нам. (14) Но война с царем Пирром велась не только оружием и в открытом бою, но и против его козней в тылу. Ибо сразу же после своей первой победы этот изворотливый человек, познав римскую доблесть, тотчас же разуверился в оружии и принялся за происки. (15) Он сжег павших, снисходительно обошелся с пленными, а затем, возвратив их без выкупа, отправил в Рим послов и стал всеми силами добиваться договора о дружбе. (16) Тогда-то в сражениях и в тылу, во внешних делах и во внутренних ярко проявилась римская доблесть. Тарентинская победа более, чем какая-либо иная, показала стойкость римского народа, мудрость сената, величие духа полководцев. (17) Ведь какими подобрали тех воинов, которых затоптали слоны в первом сражении? Все ранены в грудь (некоторые погибли общей смертью с врагами), у всех в руках мечи, а на лицах и после смерти сохранилось выражение угрозы и гнева. (18) Пирр был до такой степени поражен этим, что сказал: "О, как легко было бы захватить власть над миром, если бы у меня были римские воины или бы я был римским царем!" А каково рвение в восполнении потерь! (19) Пирр сказал: "Вот когда я убедился, что впрямь происхожу от Геракла: головы врагов вырастают словно из их собственной крови, как срезанные головы Лернейской гидры". (20) И что это был за сенат, если послы Пирра, изгнанные по предложению Аппия Цека из города вместе со своими дарами, на вопрос царя, что они выведали в тылу врагов, признались, что город показался им храмом, а сенат собранием царей! (21) А какими были сами полководцы! Курий выгнал из лагеря лекаря, просившего деньги за царскую голову, а Фабриций отказался от части государства, предложенной ему царем. (22) Во время мира тот же Курий предпочел самнитскому золоту свои глиняные сосуды, а Фабриций с цензорской строгостью осудил консуляра Руфина за обладание 10 фунтами серебра как за расточительство. (23) Кого удивит, что при таких нравах и такой доблести воинов римский народ оказался победителем и в одной только тарентинской войне за четыре года покорил большую часть Италия, храбрейшие народы, богатейшие

города, плодороднейшие области? (24) Невероятным показалось бы сравнение начала войны с ее концом. После победы в первом сражении Пирр, запугавший всю Кампанию и опустошивший берег Лириса и Фрегеллы, взирая с высоты пренестинской крепости на Рим почти как на добычу, на расстоянии почти в 20 миль застлал глаза трепещущих граждан дымом и пеплом. (25) Впоследствии же он был дважды выбит из лагеря, дважды ранен и бежал в свою Грецию морем и сушей. Настали мир и покой, а трофеи от стольких богатейших племен оказались таковы, что Рим не мог вместить плодов своей победы. (26) И недаром! Не было в Риме триумфа, более прекрасного и великолепного. (27) До сего времени не видели ничего, кроме овец вольсков, стад сабинян, повозок галлов, сломанного оружия самнитов. А теперь, если взглянуть на пленных, — молосс и фессалиец, македонец и брутиец, апул и луканец, а если окинуть взором триумфальное шествие — золото, пурпур, знамена, картины, тарентинская роскошь. (28) Но римский народ ни на что не смотрел с таким удовольствием, как на тех, кого так боялся, — на чудовищ с их башнями: чувствуя себя пленниками, они, опустив головы, следовали за победителями-конями.

10. Завершение подчинения этрусских городов (270-265 гг.)

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга I. Пер. М.Ф. Дашковой и А.И. Немировского.

21. Последними из италиков попали в зависимость вольсинийцы, самые богатые из этрусков. Они стали просить защиты от своих бывших рабов, которые обратили против господ полученную ими свободу и овладели государственной властью. Но и вольсинийцы понесли наказание при полководце Фабии Гуртите.

Дополнительная литература:

1. Казаров С.С. История царя Пирра Эпирского. СПб., 2009. С. 257-374.
2. Маяк И.Л. Взаимоотношения Рима и италийцев в III-II вв. до н.э. М., 1971. С. 4-75.
3. Токмаков В.Н. Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн. М., 2007. 264 с.

Тема 6

ЗАВОЕВАНИЕ РИМОМ ГЕГЕМОНИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

1. Первая Пуническая война.

Полибий. Всеобщая история. Книга I. Пер. Ф.Г. Мищенко.

6. …Благодаря мужеству и военному счастию римляне покорили своей власти всех жителей Лациума, потом воевали с тирренами, далее с кельтами, вслед за сим с самнитами, которые живут у восточных и северных границ земли латинов. Некоторое время спустя тарентинцы в страхе перед римлянами, послам которых нанесли обиду, призвали на помощь Пирра; случилось это за год до нашествия галатов на Элладу, которые разбиты были под Дельфами и переправились морем в Азию. В это-то время римляне, покорив уже тирренов и самнитов, одолев во многих сражениях италийских кельтов, впервые обратили свои силы на остальные части Италии. В битвах с самнитами и кельтами они изощрились в военном деле и теперь собирались воевать за земли, большую часть коих почитали уже не чужим достоянием, но как бы своею собственностью и своими владениями. Войну эту они вели доблестно и, наконец, выгнали из Италии Пирра с его войсками, потом предприняли новые войны и сокрушили союзников Пирра. Покорив неожиданно все эти народы, подчинив своей власти всех жителей Италии, кроме кельтов, они затем приступили к осаде Регия, занятого в то время римлянами.

7. Необычайная, сходная участь постигла оба города, лежащие у пролива, Мессену и Регий, именно: незадолго до описываемого нами времени кампанцы, некогда служившие наемниками у Агафокла и давно уже с завистью взиравшие на красоту и общее благосостояние города, воспользовались первым удобным случаем, чтобы предательски завладеть городом. Будучи допущены в город как друзья, они завладели им, часть жителей изгнали, других перебили, а женщин и детей несчастных мессенян, какие кому попались в руки при самом совершении злодеяния, кампанцы присвоили себе, засим остальное имущество и землю поделили между собою и обратили в свою собственность. Так как прекрасная страна и город взяты были быстро и легко, то кампанцы скоро нашли себе подражателей. Дело в том, что регияне пришли в ужас от вторжения Пирра, когда он проник в Италию, в то же время страшились и морского владычества карфагенян, а потому просили у римлян гарнизона и вспомогательного войска. По прибытии на место в числе четырех тысяч человек с Децием Кампанцем во главе римляне некоторое время оставались верными стражами города. Наконец они возревновали к мамертинам, помощью которых воспользовались: соблазняемые благосостоянием города и богатством отдельных регийских граждан, римляне нарушили договор и точно так же, как кампанцы, выгнали одних граждан, умертвили других и завладели городом. Римляне были сильно возмущены случившимся, но не могли воспрепятствовать этому, так как вовлечены были в упомянутые выше войны. Покончив с войнами, они немедленно заперли тех римлян в Регии и осадили его, о чем сказано выше. Одержав верх в сражении, римляне большую часть врагов истребили при самом взятии города, потому что те в предвидении будущего защищались отчаянно; в плен взято было более трехсот человек. Пленные отправлены были в Рим, где по приказанию консулов выведены на площадь, высечены и по обычаю римлян все обезглавлены секирой. Наказанием виновных римляне желали, насколько возможно, восстановить доверие к себе у союзников. Самая земля и город были тотчас возвращены региянам.

8. Между тем мамертины, — так назвали себя кампанцы по взятии Мессены, — пока союзниками их были занявшие Регий римляне, не только владели спокойно городом и землею, но еще сильно тревожили в пограничных странах карфагенян и сиракузян, к

тому же значительную часть Сицилии обложили данью. Но когда римляне заперли и осадили тех, что были в Регии, а мамертины лишились их поддержки, сиракузяне немедленно загнали их обратно в город Мессену при таких приблизительно обстоятельствах: незадолго до этого между войском сиракузян и горожанами возникли раздоры и, находясь в окрестностях Мерганы, воины выбрали из своей среды вождей Артемидора и воцарившегося впоследствии в Сиракузах **Гиерона**, тогда еще очень юного, но от природы богато одаренного для царской власти и управления делами. Он-то и принял главнокомандование. При помощи нескольких друзей Гиерон вступил в город и, одолев противников, обнаружил в управлении государством столько мягкости и великодушия, что сиракузяне единогласно признали Гиерона своим начальником, хотя вовсе не одобряли войсковых выборов. Однако уже по первым предприятиям Гиерона люди проницательные могли видеть, что он одушевлен более высокими стремлениями, а не [9] жаждою власти начальника. Он видел, что сиракузяне каждый раз, когда отправляют из города войска с начальниками, поднимают междоусобные распри и постоянно производят перевороты. Он узнал также, что над всеми гражданами сильно выдается Лептин своим значением и доверием и что он пользуется в народе высоким уважением. Поэтому Гиерон вступил в родство с Лептином, дабы оставлять его в городе как бы в запасе всякий раз, когда самому нужно будет выступать с войском в поход. Женившись на его дочери, Гиерон замечал потом в старых наемниках недовольство и склонность к возмущению, поэтому выступил с войском из города как бы в поход на варваров, завладевших Мессеною. Он расположился лагерем у Кенторипа в виду неприятельской стоянки и выстроил войска подле реки Киамосора, сам отошел на некоторое расстояние с конными и пешими воинами из граждан, как будто собираясь сразиться с неприятелем в другом месте, а наемников поставил впереди, благодаря чему они истреблены были все: когда неприятель гнался за ними и избивал их, сам Гиерон с гражданами возвратился в Сиракузы. Ловко осуществив свой замысел и избавившись от всех воинов, беспокойных и склонных к возмущению, он сам набрал наемников в достаточном количестве и тогда уже спокойно управлял делами. Потом, замечая смелость и наглость, с какими вели себя варвары после победы, Гиерон снабдил вооружением гражданские войска, прилежно упражнял их в военном деле и выступил в поход. На Милейской равнине подле реки, именуемой Лонганом, он сразился с неприятелем, принудил его к беспорядочному отступлению, а вождей забрал в плен. Дерзость варваров была смирена, а Гиерон по возвращении в Сиракузы провозглашен царем всеми союзниками.

10. Мамертины, как я сказал выше, прежде уже потеряли помощь Регия; теперь по причинам, только что объясненным, и собственные силы их были сокрушены вконец. Поэтому одни из них искали убежища у карфагенян, передались им сами, передали и кремль; другая часть мамертинов отправила посольство к римлянам с предложением принять их город и с просьбою помочь им, как родственным с ними по крови. Римляне долго колебались, что предпринять, ибо вспомоществование мамертинам было бы явною непоследовательностью. Так, еще недавно римляне казнили жесточайшею казнью собственных граждан за то, что они нарушили уговор с региянами, и тут же помогать мамертинам, почти в том же виноватым не перед мессенцами только, но и перед городом региян, было бы непростительною несправедливостью. Все это римляне понимали; но они видели, что карфагеняне покорили своей власти не только Ливию, но и большую часть Иберии, что господство их простирается и на все острова Сардинского и Тирренского морей, и сильно боялись, как бы не приобрести в карфагенянах в случае покорения ими Сицилии опасных и страшных соседей, которые окружат их кольцом и будут угрожать всем частям Италии. Было совершенно ясно, что, если римляне откажут в помощи мамертинам, карфагеняне быстро овладеют Сицилией; ибо, имея в своих руках Мессену, которая передалась им сама, карфагеняне должны занять вскоре и Сиракузы, так как вся почти Сицилия была уже в их власти. Прозревая это и находя для себя невозможным

выдавать Мессену и тем самым дозволить карфагенянам как бы сооружение моста для переправы в Италию, римляне долгое время обсуждали положение дела.

11. По изложенным выше причинам сенат не принимал никакого решения, ибо насколько непоследовательно, настолько же и выгодно было оказать поддержку мамертинам. Однако народ, истощенный предшествовавшими войнами и жаждавший поправить свои дела каким бы то ни было способом, решил по внушению консулов оказать помощь мамертинам; в дополнение к тому, что было только что сказано о пользе войны для государства, они исчисляли частные выгоды войны для отдельных граждан. Когда предложение принято было народом, римляне выбрали одного из консулов, **Аппия Клавдия**, в военачальники и повелели ему идти в Мессену на помощь. Мамертины частью угрозами, частью хитростью вытеснили уже карфагенского военачальника из кремля, призвали Аппия и передали ему город. Карфагеняне распяли своего вождя, обвинив его в выдаче кремля по безрассудству и трусости; сами же поставили флот у Пелориады, сухопутное войско подле так называемых Син и ревностно повели осаду Мессены. В это время Гиерон заключил союз с карфагенянами, находя настоящий момент удобным для того, чтобы совершенно очистить Сицилию от варваров, занимавших Мессену. Вслед за сим он вышел из Сиракуз и двинулся к этому городу, расположился лагерем с противоположной стороны подле горы, называемой Халкидскою, и запер выход жителям города в этом направлении. Римский военачальник ночью с большой отвагой переправился через пролив и явился перед Мессеной. Но, видя, что неприятель жестоко теснит город со всех сторон, и понимая предосудительность и вместе с тем опасность осады, пока неприятель господствует на суше и на море, Аппий прежде всего обратился через послов к обеим сторонам, дабы избавить мамертинов от войны. Только после, когда ни одна сторона не вняла ему, Аппий вынужден был отважиться на битву и решил начать нападение с сиракузян. Он вывел войско из лагеря и построил его в боевой порядок; царь сиракузян быстро вышел ему навстречу. После продолжительного жаркого боя Аппий одолел неприятеля и прогнал всех бегущих до самого вала. Сняв доспехи с убитых, он возвратился в Мессену, а Гиерон в страхе за самую власть с наступлением ночи поспешно удалился в Сиракузы.

12. Узнав на следующий день об отступлении сиракузян, Аппий почувствовал себя смелее и решил напасть на карфагенян немедленно. Солдатам своим он отдал приказ готовиться поскорее и на рассвете выступил в поход. В сражении с неприятелем он многих истребил, а остальных принудил спасаться поспешным бегством в ближайшие города. После этих побед и по снятии осады Аппий ходил теперь беспрепятственно по разным направлениям, опустошал поля сиракузян и союзников их, причем никто не выступал против него в открытое поле; наконец он расположился у самых Сиракуз и начал осаду города. Таков был первый выход римлян из Италии с войском, совершившийся в это время по изложенным выше причинам…

16. Когда из Сицилии пришли вести в Рим о победах Аппия и его легионов, римляне выбрали в консулы Мания Отацилия и Мания Валерия, стали снаряжать все войска с двумя вождями во главе в Сицилию. У римлян всего войска, не считая союзников, четыре римских легиона, которые набираются ежегодно; в каждом из них четыре тысячи пехоты и триста конных воинов. Когда войска эти явились в Сицилию, большинство городов отложилось от карфагенян и сиракузян и перешло на сторону римлян. Гиерон замечал тревогу и ужас сицилийцев, видел многочисленность и силу римских легионов и из всего этого заключал, что расчеты римлян на победу более основательны, чем карфагенян. Соображая это и склоняясь к такой мысли, он отправил посольство к римским вождям с предложением мира и союза. Римляне согласились на это больше всего из-за продовольствия: они опасались, что при господстве карфагенян на море им отрезан будет подвоз съестных припасов откуда бы то ни было, тем более что и переправившиеся прежде легионы терпели сильную нужду. Вот почему они охотно приняли союз с Гиероном в ожидании от того больших для себя выгод. По условиям

договора царь должен был возвратить римлянам пленных их без выкупа и сверх того заплатить сто талантов серебра. С этого времени римляне пользовались услугами сиракузян, как друзей и союзников, а царь Гиерон поставил себя под покровительство римлян, коим по мере надобности он и доставлял все нужное, сам после этого спокойно царствовал над сиракузянами, мечтая только о венках да о славе у эллинов. И в самом деле, кажется, никогда не было столь знаменитого владыки и никто дольше его не наслаждался плодами своей мудрости как в частной жизни, так и в делах государственных.

17. Когда условия договора стали известны в Риме, народ одобрил и утвердил заключенный с Гиероном мир, и римляне постановили посылать впредь не все свои войска, но лишь два легиона, как потому, что с присоединением царя бремя войны, казалось им, уменьшилось, так еще больше потому, что войска их, думали римляне, ни в чем не будут теперь нуждаться. Напротив, карфагеняне, видя, что Гиерон стал врагом их, что римляне все сильнее вмешиваются в дела Сицилии, почитали необходимым усилить свои военные средства, дабы иметь возможность бороться с врагом и удержать за собою сицилийские владения. Поэтому они набрали большое число наемников в противолежащей стране из лигистинов, кельтов и особенно иберов, и всех их отправили в Сицилию. Они видели, что для этих приготовлений наилучше приспособлен самою природою город акрагантян, что он значительнее всех городов этой области, а потому собрали туда войска и запасы и решили сделать его опорным пунктом военных действий.

Что касается римлян, то консулы, заключившие договор с Гиероном, возвратились домой, а назначенные после них Луций Постумий и Квинт Мамилий прибыли в Сицилию со своими легионами. Они постигали замыслы карфагенян, узнали и о военных приготовлениях в Акраганте, а потому нашли нужным вести дело решительнее. Консулы приостановили военные действия в прочих частях Сицилии и обратили все силы против одного Акраганта, разбили лагери на расстоянии восьми стадий от города и заперли карфагенян внутри стен. Так как наступила пора жатвы, а осада обещала затянуться надолго, то солдаты устремились собирать хлеб с большею поспешностью, чем следовало. Лишь только карфагеняне увидели, как неприятели рассеялись по полям, они сделали вылазку и напали на убиравших хлеб, быстро обратили их в бегство, и затем одни бросились грабить лагерь, другие ударили на сторожевые посты. Как случалось не раз и прежде, превосходство в дисциплине спасло римлян, ибо смертью наказывается у них каждый, кто покинет свое место или совсем убежит с поста. Поэтому и теперь римляне оказали мужественное сопротивление неприятелю, во много раз превосходившему их численностью, и, хотя много потеряли своих, еще больше истребили врагов. Наконец они окружили кольцом тех карфагенян, которые почти уже прорвали валы, часть их истребили, а остальных, тесня и избивая, загнали в город.

18. После этого карфагеняне делали вылазки не так смело, а римляне выходили за продовольствием с большею осторожностью. Так как карфагеняне не выходили против римлян и довольствовались мелкими стычками, то римские военачальники разделили свое войско на две части: одна оставалась на месте перед городом у святилища Асклепия, другая расположилась лагерем с той стороны города, которая спускается к Гераклее. Пространство между двумя лагерями по обеим сторонам города они оградили канавами. Одну канаву, внутреннюю, римляне провели против города для того, чтобы обеспечить себя на случаи вылазки неприятелей; другая, наружная, шла кольцом и назначалась к ограждению от нападений извне, а также к тому, чтобы препятствовать подвозу припасов и вступлению кого-либо в город, как бывает обыкновенно с городами осажденными. На промежуточном пространстве между канавами и лагерями поставлены были сторожевые отряды, а удобные пункты на некотором расстоянии один от другого были укреплены. Жизненные припасы и вообще все нужное собирали и доставляли в Гербес все союзники римлян, а из этого города, недалеко отстоявшего от лагеря, римляне сами непрерывно подвозили и переносили к себе припасы, так что имели все нужное в изобилии. Месяцев

пять дела оставались в неизменном положении, решительного перевеса не имела ни одна сторона, и между противниками происходили только легкие схватки. Так как в городе заперто было много людей, не меньше пятидесяти тысяч, то карфагеняне стали терпеть голод. Тогда Ганнибал, начальник запертых в городе войск, и прежде уже удрученный таким положением дел, отправлял в Карфаген посла за послом с вестями о нужде и с просьбою о помощи. Карфагеняне поместили на корабли воинов и слонов, сколько могли собрать еще, и отправили их в Сицилию к другому военачальнику, Ганнону. Ганнон стянул в Гераклею войско, собрал там средства вооружения и прежде всего хитростью овладел городом гербесян, благодаря чему лишил неприятельские стоянки съестных припасов и всего нужного. Вследствие этого римляне оказались столько же осаждающими, сколько и осажденными, ибо нужда в хлебе и в прочих предметах необходимости угнетала их так, что, они не раз помышляли о снятии осады и, наконец, сделали бы это, если бы Гиерон не действовал с большою ревностью и старанием и не доставил войскам нужнейших припасов хоть в умеренном количестве. [19.] Упомянутый выше Ганнон видел, что римляне живут в зараженном болезнями воздухе, что болезнь и нужда ослабили их, напротив, свои войска считал достаточно сильными для битвы. Тогда он взял с собою около пятидесяти слонов и все войско и поспешно выступил из Гераклеи, при этом отдал приказ нумидийской коннице идти вперед и, приблизившись к неприятельскому валу, дразнить и вызывать на бой неприятельскую конницу, затем оборачивать тыл и отступать до тех пор, пока не соединятся с ним. Нумидийцы исполнили приказание и бросились на один из неприятельских лагерей; римская конница тотчас устремилась на нумидян и стала жестоко теснить их. Согласно данному приказанию, ливийцы отступили, пока не достигли войска Ганнона, тут они оборотились лицом к неприятелю и ударили на него со всех сторон, многих убили, остальных преследовали до самого вала. После этого войска Ганнона разбили лагери на виду у римлян, заняв так называемый холм Тор, стадиях в десяти от неприятеля. В продолжение двух месяцев стороны оставались в одном и том же положении, не предпринимая ничего важного, если не считать таковыми ежедневных легких стычек. Так как Ганнибал посредством сигнальных огней и вестников из города не переставал уведомлять Ганнона, что голод становится невыносимым для массы населения и что многие из нужды перебегают к неприятелю, то военачальник карфагенян решил попытать счастья в битве, чего по объясненным выше причинам не меньше Ганнона желали и римляне. Противники вывели войска на разделявшее лагери пространство и ударили друг на друга. Сражение длилось долго, пока, наконец, римляне не обратили в бегство карфагенских наемников, сражавшихся в первых рядах. Когда бежавшие устремились на слонов и на задние ряды, все войско финикиян пришло в смятение. Бегство сделалось всеобщим, большинство карфагенян было истреблено, и лишь немногие спаслись в Гераклее; римляне захватили большую часть слонов и весь обоз. С наступлением ночи, когда римляне от радости по случаю победы и вследствие усталости были менее бдительны на своих постах, Ганнибал, отчаявшийся было в успехе, решил, что теперь наступил удобный момент спасти остаток войска, и в полночь вышел из города с наемными войсками. Наполнив канавы плетенками, набитыми мякиной, он тайком от неприятеля увел свое войско. Римляне узнали о случившемся на рассвете, сделали легкое нападение на задние ряды Ганнибала, а затем все устремились к городским воротам. Не встретив здесь никакого сопротивления, они ворвались в город, разграбили его, захватили большое число пленных и множество всякой добычи.

20. Когда весть об акрагантском деле дошла до римского сената, римляне сильно обрадовались и воспрянули духом. Они не довольствовались уже первоначальными планами, ни спасением мамертинов, ни полученною в этой войне добычею и надеялись даже совершенно очистить остров от карфагенян и тем усилить свое могущество; к этому-то обращались все надежды их и помыслы. Касательно сухопутного войска они видели, что все идет как должно, ибо находили, что Луций Валерий и Тит Отацилий, выбранные

после тех консулов, которые завоевали Акрагант, ведут сицилийские дела успешно. Но так как на море неоспоримое господство принадлежало карфагенянам, то вообще в этой борьбе не было перевеса ни на той, ни на другой стороне. Вслед за покорением Акраганта многие материковые города перешли на сторону римлян в страхе перед их сухопутными силами, зато большее еще число городов приморских отложилось от них из страха перед карфагенским флотом. По этой причине перевес в войне, как становилось для них яснее с каждым днем, клонился то на одну, то на другую сторону; кроме того, римляне видели, что Италия подвергается частым опустошениям от карфагенского флота, тогда как Ливия остается совершенно невредимою. Вот почему они решили померяться силами с карфагенянами и на море. Поэтому-то я и остановился подольше на этой войне, дабы выяснить в самом начале, каким образом, когда и по каким причинам римляне впервые вступили на море. Они видели, что война затягивается и истощает их, а потому в первый раз теперь принялись за сооружение судов в числе ста пятипалубных и двадцати трехпалубных. Но так как для сооружения пятипалубных судов не было опытных строителей, ибо в то время никто в Италии таких судов не употреблял, то предприятие это поставило римлян в большое затруднение. Но здесь-то и можно видеть со всею ясностью величие духа римлян и отвагу в начинаниях. Действительно, не имея средств к морской войне не то что значительных, но каких бы то ни было, никогда раньше не помышляя о морских завоеваниях и впервые задумав это теперь, они принялись за дело с такою уверенностью, что решились тотчас, еще до испытания себя, помериться в морской битве с теми самыми карфагенянами, которые со времен предков их неоспоримо владычествовали на море. Подтверждением только что сказанного мною о необычайной отваге римлян может служить следующее: когда они в первый раз задумали переправить свои войска в Мессену, у них не было не только парусных кораблей, но длинных судов вообще и даже ни одной лодки; пятидесятивесельные суда и трехпалубные они взяли у тарантян и локров, а также у элейцев и жителей Неаполя и на них смело переправили войска. В это время на римлян в проливе напали карфагеняне; один палубный неприятельский корабль в порыве усердия бросился вперед, очутился на берегу и попал в руки римлян: по образцу его римляне и соорудили весь свой флот, так что, очевидно, не будь такого случая, они при своей неопытности не могли бы выполнить задуманное предприятие.

21. Пока одни заняты были возложенным на них сооружением судов, другие собирали команду и на суше обучали ее гребле следующим образом: они посадили людей на берегу на скамьи в том самом порядке, в каком они должны были занимать места для сидения на судах, посередине поставили келевста и приучали их откидываться всем разом назад, притягивая руки к себе, а потом с протянутыми руками наклоняться вперед, начинать и кончать эти движения по команде келевста. Когда люди были подготовлены, римляне спустили на море едва конченные корабли, а после кратковременных серьезных упражнений суда направились по приказанию консула вдоль Италии. Дело в том, что вождь римского флота **Гней Корнелий** отдал приказ корабельным начальникам плыть по снаряжении кораблей к проливу, а сам с семнадцатью судами за несколько дней раньше пошел в Мессену, чтобы принять необходимые меры к приему флота. Когда представился случай овладеть городом липарян с помощью измены, Гней Корнелий слишком легковерно понадеялся на это и, отплыв с помянутыми выше кораблями, пристал к самому городу. Получив известие об этом в Панорме, военачальник карфагенян **Ганнибал** отправил сенатора Боодеса с двадцатью кораблями. Подошедши сюда ночью, Боодес запер в гавани флот Гнея. На рассвете команда решилась бежать на сушу, а оробевший Гней не знал, что делать, и сдался неприятелю. Имея в своих руках неприятельские корабли и начальника их, карфагеняне тотчас возвратились к Ганнибалу. Несколько дней спустя, когда несчастие Гнея было еще свежо и памятно, Ганнибал едва не стал жертвою подобной же ошибки. Он слышал, что римский флот, идущий вдоль Италии, уже близко; желая точнее узнать численность и вообще расположение сил неприятеля, Ганнибал

пустился в море с пятьюдесятью кораблями. Он обогнул уже оконечность Италии, как столкнулся с неприятельским флотом, который шел в стройном порядке: большую часть своих кораблей он потерял, а с остальными успел бежать, хотя не имел уже никакой надежды на спасение.

22. По прибытии к Сицилии римляне узнали о поражении Гнея, тотчас послали за Гайем Билием, начальником сухопутных войск, и поджидали его. Вместе с тем они стали готовиться к морскому бою, когда получили весть, что флот неприятельский недалеко. Так как корабли римлян вследствие дурного устройства были неловки в движениях, то на случай битвы придумано было кем-то следующее приспособление, в позднейшее время называвшееся **вороном**: на передней части корабля утверждался круглый столб в четыре сажени длиною и в три ладони в поперечнике, с блоком наверху. К столбу прилажена была лестница, подбитая с помощью гвоздей поперечными досками в четыре фута ширины и в шесть сажен длины. В дощатом основании лестницы было продолговатое отверстие, коим лестница и накладывалась на столб в двух саженях от начала ее; по обоим продольным краям лестницы сделаны были перила вышиною до колен. На конце столба прикреплено было нечто наподобие железного заостренного песта с кольцом наверху, так что все вместе походило на орудие хлебопека; через кольцо проходил канат, с помощью которого во время схватки судов ворон поднимался на блоке и опускался на палубу неприятельского корабля спереди или с боков, когда во избежание бокового нападения нужно было повернуть корабль в сторону. Как только вороны пробивали палубные доски и таким образом зацепляли корабли, римляне со всех сторон кидались на неприятельское судно, если сцепившиеся корабли стояли бок о бок; если же корабли сцеплялись носами, тогда воины переправлялись по самому ворону непрерывным рядом по двое. При этом шедшие во главе воины держали щиты перед собою и отражали удары, направляемые с фронта, а следующие за ними опирались краями щитов о перила и тем ограждали себя с боков. Сделав такого рода приспособления, римляне выжидали благоприятного момента для морской битвы.

23. Как скоро Гаий Билий узнал о неудаче, постигшей вождя морских сил, он передал сухопутное войско трибунам, а сам отправился к флоту, здесь получил известие об опустошении неприятелями Милейской области, и отплыл со всеми кораблями. При виде этого карфагеняне, преисполненные презрения к неопытности римлян, с радостью и поспешностью спустили на море сто тридцать кораблей, которые все носами вперед пошли навстречу неприятелю; карфагеняне не находили даже нужным соблюдать боевой порядок и шли как бы на верную добычу. Флотом их командовал Ганнибал. Он ночью тайком вывел свое войско из Акраганта и шел на пятипалубнике, некогда принадлежавшем царю Пирру. По мере приближения карфагеняне замечали на передних частях всех кораблей поднятые вороны; сначала они недоумевали и удивлялись никогда невиданным орудиям. Наконец, движимые пренебрежением к врагу, первые корабли смело открыли сражение. Во время схватки суда каждый раз сцеплялись с помощью описанных орудий, причем люди немедленно переправлялись по самому ворону, и бой происходил на палубах. Часть карфагенян была истреблена, другие в ужасе сдавались неприятелю сами, ибо морская битва обратилась в подобие сухопутной. Таким образом, карфагеняне потеряли те тридцать кораблей вместе с командою, которые начали сражение; вместе с ними захвачено и судно начальника. Сам Ганнибал неожиданно для себя и с великою опасностью убежал в челноке. Остальное войско карфагенян продолжало путь, как бы собираясь напасть на врага, но по мере приближения оно узнавало об участи, постигшей передние корабли, а потому уклонялось от боя и спасалось от ударов орудий. Рассчитывая на быстроту своих кораблей, карфагеняне надеялись оградить себя от ударов, если будут заходить сбоку и с кормы неприятельских кораблей. Но орудия поворачивались во все стороны и направлялись на них отовсюду, так что приближающиеся корабли непременно сцеплялись с римскими, пока, наконец,

карфагеняне, устрашенные необычайным способом битвы, не бежали, потеряв пятьдесят кораблей.

24. Когда, вопреки ожиданию, надежды римлян на море исполнились, военная ревность их удвоилась. Теперь они пристали к Сицилии, освободили от осады эгестян, уже доведенных было до крайности, и по отступлении от Эгесты взяли приступом город Макеллу.

Между тем военачальник сухопутных сил карфагенян Гамилькар, находясь у Панорма, узнал, что в римском лагере после морского сражения возникли распри между союзниками и римлянами из-за того, кому из них принадлежала в битве честь победы. По получении известия, что союзники располагаются отдельным лагерем между Паропом и гимерскими Фермами, Гамилькар внезапно со всем войском напал на них в то время, как они разбивали лагерь, и истребил около четырех тысяч человек. После этой удачи Ганнибал с уцелевшими кораблями отплыл в Карфаген. Немного спустя он, увеличив число своих судов и взяв с собою несколько славных начальников кораблей, переправился отсюда к Сардинии. Вскоре после этого Ганнибал заперт был римлянами в какой-то сардинской гавани, потерял большое число кораблей, а вслед засим спасшиеся карфагеняне схватили его и распяли тут же. Действительно римляне, как только вступили на море, стали помышлять и о завоевании Сардинии.

Находившиеся в Сицилии римские легионы не совершили в следующем году ничего достославного; затем они получили новых начальников — Авла Атилия и Гайя Сульпиция и пошли на Панорм, так как там зимовали карфагенские войска. Приблизившись к городу, консулы выстроили все войско в боевой порядок. Но неприятель не выходил; тогда римляне снялись отсюда, обратились против города Гиппаны и взяли его приступом с набега. Взяли они и Миттистрат, долго выдерживавший осаду благодаря укрепленности своего положения. Городом камаринян, который отложился незадолго перед тем, римляне также овладели с помощью осадных орудий и срыли его стены; взяли они тоже Энну и большинство других меньших городов карфагенян; после этого приступили к осаде города липарян.

25. В следующем году римский консул Гай Атилий, стоя на якоре у Тиндарида и увидев мимо проходящий карфагенский флот в беспорядке, приказал собственным командам следовать за передними кораблями, а сам с десятью судами пошел вперед. Карфагеняне заметили, что часть неприятелей уже в открытом море, тогда как другая только садится на корабли, что передние далеко отошли вперед, а потому повернули назад, ударили на неприятеля и окружили его кольцом, причем потопили все корабли и едва не захватили консульский корабль вместе с командою; но он сверх ожидания избежал гибели благодаря искусным гребцам и быстрому ходу. Тем временем подходил и мало-помалу собирался остальной римский флот. Выстроившись в боевую линию, римляне напали на врага, десять кораблей вместе с командою взяли в плен, восемь затопили. Прочие суда карфагенян отступили к так называемым Липарским островам.

Вследствие этого сражения, в котором римляне и карфагеняне приписывали себе равный успех, каждая сторона еще больше была озабочена устроением своего флота и утверждением за собою господства на море. Сухопутные войска не совершили за это время ничего замечательного, довольствуясь легкими случайными стычками. Итак, по окончании приготовлений, о которых я сказал, к следующему лету римляне вышли в море с тремястами тридцатью длинными палубными судами и высадились в Мессене. Снявшись оттуда, они продолжали путь, имея с правой стороны Сицилию, обогнули Пахин и пристали у Экнома, потому что в этих же местах находилось и их сухопутное войско. С другой стороны карфагеняне вышли в море с тремястами пятьюдесятью палубными кораблями, пристали к Лилибею, а оттуда перешли на стоянку к Гераклее Миное.

26. Римляне намеревались плыть в Ливию и туда перенести войну, дабы угрожать карфагенянам не в Сицилии, но в их собственной земле и в самом существовании их.

Обратные этому планы питали карфагеняне. Они понимали, что Ливия легкодоступна и что все население ее покорится без труда, раз завоеватель вторгнется в страну; допускать до этого они не желали, а потому жаждали попытать счастья в морской битве. Так как одна сторона старалась воспрепятствовать тому, чего добивалась другая, то обоюдное упорство должно было неизбежно привести к войне.

Римляне делали соответствующие приготовления двоякого рода: на случай морских битв и для высадки на неприятельский берег. Поэтому они выбрали храбрейших солдат из пехоты и разделили все войско, которое намеревались взять в поход, на четыре части. Каждая часть носила два названия: первая называлась первым легионом и первым флотом; точно так же и остальные по порядку. Четвертая часть имела еще и третье название; солдаты ее назывались триариями, как называют обыкновенно в сухопутном войске. Всего войска в римском флоте было около ста сорока тысяч, причем на каждом корабле помещалось по триста гребцов и по сто двадцати солдат. С другой стороны, и карфагеняне снаряжали свое войско с величайшим старанием, но вооружение их всецело рассчитано было только на морскую войну. Число войска их, судя по кораблям, превышало сто пятьдесят тысяч человек. Не только свидетель-очевидец, но и каждый слушатель, соображающий на основании числа воинов и кораблей, был бы изумлен величием борьбы, богатством и мощью обоих государств. Римляне знали, что им предстоит плавание в открытом море, что неприятель превосходит их быстротою кораблей, поэтому всячески старались обеспечить себя и сделать несокрушимым самое расположение своих сил. С этою целью они поставили впереди близко друг к другу два шестипалубника, на которых находились консулы Марк Атилий и Луций Манлий; за каждым из них следовали корабли по одному в ряд, так что за одним кораблем стоял первый флот, а за другим второй; с каждым следующим кораблем оба флота расходились все больше. Корабли стояли один за другим так, что носы их обращены были наружу. Выстроив первый и второй флот правильным клином, римляне присоединили к нему третий легион, расположенный в одну линию, благодаря чему весь боевой строй их имел вид треугольника. За линией третьего флота они поместили ластовые суда и от них протянули канаты к кораблям третьего флота. За ластовыми судами поставлен был четвертый флот, так называемые триарии; он вытянут был в одну линию так, что с обеих сторон выступал за передние корабли. Когда все флоты выстроены были указанным выше способом, общий вид строя представлял подобие клина, одна часть которого, у вершины, была полая, другая, у основания, сплошная; целое же приспособлено к сопротивлению и нападению, и в то же время разорвать строй было нелегко.

27. В это самое время военачальники карфагенян обращались к войскам с краткими увещаниями и, напомнив, что в случае победы в морском сражении они будут вести войну за Сицилию, напротив, после поражения они подвергнут опасности собственную родину и присных своих, затем отдали приказ садиться на корабли. Все с ревностью исполняли приказание, потому что в речах военачальников они прозревали будущее, бодро и угрожающе вышли в море. Римские консулы видели, как построился неприятель, соответственно тому выстроили три части собственного войска в одну линию, причем вытянули далеко в море правое крыло с целью охватить неприятеля кольцом; все корабли свои они обратили против карфагенян носами. Четвертый флот образовал левое крыло всего строя, в виде крюка поворачивая к суше. Правым крылом карфагенян командовал потерпевший неудачу при Акраганте Ганнон; в его распоряжении были боевые корабли и пятипалубники, по своей быстроте наиболее пригодные для того, чтобы обойти неприятеля с фланга; левое крыло поручено было Гамилькару, который сражался на море у Тиндарида, а теперь, оставляя самый жаркий бой на центр, придумал следующую военную хитрость: когда римляне увидели, что карфагеняне выстроились в длинную тонкую линию, то устремились на центр; это и было началом сражения. Находившиеся в центре карфагеняне согласно команде быстро обратились в бегство, дабы расстроить неприятельскую линию. Чем быстрее карфагеняне отступали, тем ревностнее

преследовали их с тыла римляне. Первый и второй флот напирали на бегущих; третий и четвертый отделились от них, потому что последний тянул ластовые суда, а третий находился при них для охраны. Когда первый и второй флот отошли, казалось, на значительное расстояние, Гамилькар подал сигнал со своего корабля, карфагеняне все разом повернули назад и ударили в преследующих. Завязался жестокий бой, в котором значительный перевес на стороне карфагенян зависел от того, что при быстроте своих кораблей они заходили за неприятельскую линию, легко подплывали и быстро отступали. С другой стороны, и римляне питали не меньшую надежду на победу, потому что в схватках дрались с ожесточением, зацепляли с помощью воронов всякий приближавшийся корабль; к тому же в битве участвовали оба консула, и солдаты сражались на виду у начальников. Таков был ход битвы на этом месте.

28. В то же время правое крыло карфагенян с Ганноном во главе, при первой схватке находившееся на некотором расстоянии, пронеслось по морю и ударило на корабли триариев, чем поставило их в большое затруднение. Те из карфагенян, которые стояли было вдоль берега, переменили прежнее свое положение, вытянулись в линию и, обратив корабли носами вперед, напали на флот, тянувший ластовые суда; но римляне сбросили канаты, сразились с неприятелем и держались твердо. Таким образом, все дело разбилось на три части, завязалось три морских сражения на значительном расстоянии одно от другого. Так как боровшиеся части обоих войск были почти равны согласно первоначальному распределению сил, то перевеса не было ни на одной стороне. Как бы то ни было, битва решалась отдельными схватками: так и бывает обыкновенно в тех случаях, когда противники совершенно равносильны, ибо первые... и расходились, пока, наконец, корабли Гамилькара не были оттеснены и не обратились в бегство. Тогда Луций взял на буксир захваченные корабли, между тем как Марк, завидев бой у флота триариев и у ластовых судов, поспешил к ним на помощь с нетронутыми еще кораблями второго флота. Когда он подошел к Ганнону и вступил с ним в бой, триарии быстро воспрянули духом и, хотя положение их становилось уже трудным, снова ринулись в битву. Карфагеняне, теснимые одними с фронта, другими с тыла, сильно терпели и, будучи окружены неожиданно подоспевшими на помощь кораблями, не выдержали и стали отступать в открытое море. В то же самое время Луций, уже уходя из сражения и заметив, что левое крыло карфагенян заперло третий флот у берега вместе с Марком, поставившим ластовые суда и триариев в безопасное положение, поспешил на помощь теснимым кораблям. Эти последние как бы находились уже в осаде, и они, наверное, давно бы уже погибли, если бы карфагеняне из страха перед воронами не довольствовались тем, что заперли корабли у берега и не выпускали их; нападать они не решались, потому что боялись быть захваченными, и держались вдали. Вдруг появились консулы и, окружив карфагенян, захватили пятьдесят неприятельских кораблей с командою; спаслись только немногие, проскользнувшие вдоль берега. Так шли дела в отдельных схватках; что касается всей битвы, то и здесь перевес был на стороне римлян. Из их кораблей погибло двадцать четыре, из карфагенских больше тридцати. Из римских кораблей ни один не попал в руки неприятелей вместе с командою, тогда как карфагенских шестьдесят четыре.

29. После этого римляне вновь заготовили съестные припасы, исправили захваченные корабли, дали воинам угощение, какое они заслужили победою, и пустились в открытое море к Ливии. Передовые корабли пристали к так называемому Гермесову мысу, который закрывает весь карфагенский залив и тянется в открытое море по направлению к Сицилии. Здесь они дождались следовавших за ними кораблей, собрали весь флот и направились вдоль страны, пока не достигли города, именуемого Аспидом. Там римляне высадились, вытащили корабли на берег, окружили их канавой и валом и приступили к осаде города, ибо жители его не желали сдаваться добровольно. Между тем те из карфагенян, которые избежали гибели в морском сражении, возвратились домой. Они были убеждены, что неприятель, ободренный победою, немедленно обратится против самого Карфагена, а потому лежащие перед городом местности охранялись сухопутными

и морскими силами. Но когда они узнали, что римляне уже невредимо высадились на берег и осаждают Аспид, то отказались от мысли предотвратить нападение римлян и собирали воедино свои силы, дабы защитить город и его окрестности. Однако римляне овладели Аспидом, оставили в городе и его окрестностях гарнизон, а кроме того, отправили в Рим посольство с известием о случившемся и с приказанием относительно дальнейшего образа действий: что делать и как поступать в будущем. Затем поспешно, со всем войском римляне снялись со стоянки и начали опустошать страну. Противодействия они не встретили никакого, разрушили множество роскошных жилищ, захватили много скота и увели на корабли больше двадцати тысяч пленных. Тем временем явились из Рима гонцы с требованием, чтобы один из консулов с достаточными силами оставался на месте, а другой возвращался бы в Рим с флотом. Марк остался на месте с сорока кораблями, пятнадцатью тысячами пехоты и с пятьюстами всадниками, а Луций с командою и множеством пленников прибыл в Рим, благополучно миновав Сицилию.

30. Когда карфагеняне увидели, что римляне готовятся к весьма продолжительной войне, выбрали прежде всего двух военачальников, **Гасдрубала**, Ганнонова сына, и Бостара, потом послали к Гамилькару в Гераклею требование явиться поскорее домой. Гамилькар взял с собою пятьсот человек конницы и пять тысяч пехоты и прибыл в Карфаген. Там он был назначен третьим военачальником и держал совет с Гасдрубалом о настоящем положении дел. Военачальники решили оказать помощь населению страны и не допускать безнаказанно разорять ее. Между тем Марк по прошествии нескольких дней стал совершать набеги на поселения, причем те из них, которые не имели укреплений, грабил с набега, а укрепленные осаждал. Подошедши к значительному городу Адису, он обложил его войском и с поспешностью занялся приспособлениями к осаде. Карфагеняне, желая помочь городу и решив отнять у неприятеля поле сражения, выступили с войском, заняли холм, господствовавший, правда, над неприятелем, но столь же неудобный и для их собственных войск, и расположились там лагерем. И в самом деле, возлагая надежды больше всего на конницу и воинов, карфагеняне покинули равнину и заперлись на местности крутой и трудной для нисхождения, тем самым давали понять неприятелю, какого плана нападения ему держаться. Так и случилось. Ибо вожди римлян благодаря своей опытности сообразили, что самая сильная и грозная часть неприятельского войска становится бесполезною при таких свойствах местности, поэтому не стали дожидаться, пока карфагеняне спустятся в равнину, и выстроились в боевом порядке. Выждав удобное для себя время, они с рассветом подошли к холму с двух сторон. Конница и слоны оказались совершенно бесполезными для карфагенян; зато наемники с жаром и стойкостью бросились в дело и заставили первый легион отступить и бежать. Но как скоро они прошли вперед, их окружили римляне, подоспевшие с другой стороны холма и обратили в бегство; вслед засим все карфагеняне кинулись из лагеря. Лишь только слоны вместе с конницей вступили на равнину, отступление карфагенян стало неизбежным. Римляне недолго преследовали пехоту, разграбили стоянку, а затем ходили по всей стране и беспрепятственно разоряли города. Овладев городом, который назывался Тунетом и был удобно расположен для выполнения задуманных планов и для нападения на Карфаген и его окрестности, римляне разбили здесь свой лагерь.

31. Карфагеняне, незадолго перед тем разбитые на море, а теперь на суше не по недостатку мужества в войске но по нерассудительности вождей его, переживали весьма тягостные чувства. В довершение бедствия в одно время с римлянами нападали на них нумидяне, причиняя стране не только не меньший вред, нежели римляне, но скорее больший. Напуганные этим туземцы искали убежища в городе, а скопление народа и ожидание грозящей осады вызвали в нем жестокий голод и повергли людей в уныние. Между тем Марк видел, что карфагеняне сокрушены на суше и на море, и ждал, что вскоре взят будет и город. Однако его сильно смущала мысль, что консул, который явится из Рима ему на смену, предвосхитит у него честь окончания войны, а потому Марк обратился к карфагенянам с мирными предложениями. Карфагеняне с радостью

выслушали эту весть и отправили к нему знатнейших граждан для переговоров; но карфагеняне были так далеки от принятия суровых предложений Марка, что не в силах были даже выслушивать их, а Марк со своей стороны, как бы одержав уже полную победу, полагал, что карфагеняне обязаны принять от него как дар и милость все, что бы он ни предложил им. Карфагеняне видели, что самое завоевание их не могло бы повлечь за собою более унизительных последствий, чем предъявляемые Марком требования, а потому не только отвергли условия и возвратились домой, но и негодовали на беспощадность Марка. Сенат карфагенян, выслушав предложения римского консула, хотя не питал почти никакой надежды на спасение, обнаружил столько мужества и величия духа, что предпочитал претерпеть все, испытать все средства и ждать решения судьбы, лишь бы не совершить чего-либо постыдного и недостойного прежнего поведения.

32. Около этого времени прибыл в Карфаген один из раньше посланных в Элладу вербовщиков с огромным числом наемников. В среде их был некий лакедемонец **Ксантипп**, человек лакейского воспитания, превосходно испытанный в военном деле. Выслушав рассказы о понесенном поражении, о том, как и при каких обстоятельствах это произошло, рассчитав остающиеся военные силы карфагенян, количество конницы и слонов, Ксантипп тотчас сообразил все обстоятельства и объяснил друзьям, что карфагеняне понесли поражение не от римлян, но от себя самих благодаря неопытности своих вождей. Речи Ксантиппа, как и следовало ожидать при тогдашних обстоятельствах, быстро распространились в народе, дошли до военачальников, а потому правители государства решили призвать иноземца к себе и испытать его искусство. Тот явился на собеседование, представил начальникам свои доводы и объяснил, почему до сих пор они терпели поражения, а также сказал, что, раз они последуют его совету и будут выбирать для походов, для стоянок и сражений ровные местности, то не только завоюют себе безопасное положение, но и одолеют противника. Начальники согласились с мнением Ксантиппа и тут же передали ему войска. Уже одна весть о таких речах Ксантиппа вызвала возбуждение в народе и говор, преисполненный надежд; но когда он вывел войско из города и выстроил его в порядке, когда начал передвигать с места на место отдельные части и командовать по правилам военного искусства, карфагеняне поняли огромную разницу между опытностью его и неумелостью прежних вождей, в громких криках выражали свою радость и жаждали поскорее сразиться с неприятелем: с Ксантиппом во главе, они были убеждены, им нечего бояться. При виде того, как необычайно народ воспрянул духом, вожди обратились к нему с подобающим случаю воззванием, а несколько дней спустя выступили в поход. Войско их состояло из двенадцати тысяч пехоты, четырех тысяч конницы; число слонов доходило почти до ста.

33. Когда римляне увидели, что карфагеняне совершают переходы по местностям открытым и разбивают свои лагери на равнине, то, хотя и были смущены этой неожиданной переменой, однако горели желанием встретиться с неприятелем. Приблизившись к карфагенянам, римляне в первый же день разбили свой лагерь стадиях в десяти от неприятеля. На следующий день вожди карфагенян советовались о том, как поступить и что сделать при таком положении. Войско рвалось в битву, воины собирались кучками, произносили имя Ксантиппа и требовали, чтобы он вел их возможно скорее в бой. Ввиду возбуждения и рвения массы и потому еще, что, как видел и сам Ксантипп, не следует пропускать благоприятного момента, войску отдан был приказ вооружаться, а Ксантиппу предоставлено действовать по своему разумению. Облеченный полномочиями Ксантипп вывел слонов из стоянки и поставил их в одну линию в челе всего войска, фалангу карфагенян выстроил в тылу их на умеренном расстоянии. Одну часть наемников он поместил на правом крыле; другая часть, самая легкая, вместе с конницей заняла место впереди обоих флангов. Римляне видели, как строится неприятель в боевой порядок, и решительно пошли ему навстречу. Страшась нападения слонов, которого они ожидали, римляне выставили вперед легковооруженных, в тылу их поместили один за другим многочисленные манипулы, а конницу разместили на обоих флангах. Таким образом, всю

боевую линию они сделали короче сравнительно с прежней, зато глубже, чем на случай битвы оградили себя от слонов, но против неприятельской конницы, во много раз превосходившей их собственную, не приняли никаких мер. Так обе стороны поставили свои войска в надлежащий порядок, в отдельных частях и в целом, и затем оставались в этом строю в ожидании удобного момента для нападения на противника.

34. Лишь только Ксантипп отдал приказание вести слонов вперед и разорвать неприятельские ряды, а коннице велел окружить неприятеля с обоих флангов и напасть на него; тогда же и римляне по существующему у них обычаю забряцали оружием и с дружным криком ударили на неприятеля. Карфагенская конница была гораздо многочисленнее римской, а потому римская скоро на обоих флангах обратилась в бегство. Что касается пехоты, то левый фланг ее частью из желания уклониться от нападения слонов, частью из презрения к наемникам, ударил в правый фланг карфагенян, принудил их к отступлению и гнался за ними по пятам до самого лагеря. Напротив, передние ряды, которые стояли против слонов, при столкновении с ними были оттиснуты напором зверей, опрокинуты и гибли в борьбе толпами; благодаря многочисленности задних рядов, общий строй всего войска оставался некоторое время нерушимым. Но потом, когда последние ряды были окружены со всех сторон конницею и вынуждены оборотиться и вступить в битву с нею, когда те из римлян, которые пробились меж слонов вперед и, находясь уже позади зверей, натолкнулись на непочатую стройную фалангу карфагенян и были истребляемы, тогда положение римлян стало безнадежным: большинство их было раздавлено непомерно мощными животными, остальные гибли на поле битвы под ударами копий многочисленной конницы, и лишь немногие бежали. Так как отступление совершалось по равнине, то часть римлян была раздавлена слонами и конницей; около пятисот человек, бежавших вместе с консулом Марком, скоро попали в руки неприятелей и вместе с начальником взяты в плен. Со стороны карфагенян пало около восьмисот наемников, поставленных против левого неприятельского фланга. Из римлян спаслось около двух тысяч человек, тех самых, которые избежали опасности в то время, как неприятель преследовал остальных римлян. Все прочее войско погибло, за исключением консула Марка и бежавших вместе с ним солдат. Уцелевшие манипулы римлян пробились сверх всякого ожидания в Аспид. Карфагеняне сняли доспехи с убитых и, ведя за собою консула с прочими пленниками, возвратились ликующие в город.

35. Поразмыслив над этими событиями, люди могут извлечь из них полезные уроки для своего поведения. Ибо участь Марка совершенно ясно показывает каждому, что не следует доверяться судьбе, особенно в счастии: тот самый Марк, который незадолго перед тем не оказал побежденному ни пощады, ни снисхождения, теперь сам приведен был к неприятелю и вынужден молить его о собственном спасении. Давно уже Еврипид прекрасно выразился, что «один мудрый совет стоит множества рук»; изречение это оправдалось теперь на деле. Один человек и один совет его сокрушили полчища, которые казались испытанными и неодолимыми, превознесли государство, которое со всей очевидностью повергнуто было во прах, и подняли упавший дух воинов. Я рассказал эти события для того, чтобы преподать урок читателям моей истории. Из двух путей к исправлению, существующих для всех людей, собственные превратности судьбы или чужие, первый путь, собственные несчастия, действительнее, зато второй, несчастия чужие, безвреднее. Никогда не следует выбирать добровольно первый путь, так как преподанный им урок покупается тяжкими лишениями и опасностями; напротив, мы всегда должны искать другого способа, ибо он дает нам возможность научиться без вреда для нас. Кто поймет это, тот должен сознаться, что лучшею школою для правильной жизни служит нам опыт, извлекаемый из правдивой истории событий. Ибо только она без ущерба для нас делает людей безошибочными судьями того, что лучше во всякое время и при всяком положении.

36. Карфагеняне, удачи коих соответствовали их желаниям, дали полнейшее выражение своему ликованию, как в благодарственных жертвах божеству, так и в

любезном обращении друг с другом. Между тем Ксантипп, столько содействовавший восстановлению сил карфагенян, вскоре после этого отплыл домой по здравом и верном размышлении. И в самом деле, славные, необыкновенные подвиги порождают сильную неприязнь и злостные клеветы, и если туземцы благодаря многочисленным узам родства и дружбы в силах побороть эти чувства, то люди чужие скоро изнемогают в борьбе с ними и гибнут. Впрочем, об отъезде Ксантиппа существует и другой рассказ, для сообщения которого мы постараемся выбрать более подходящее место.

По получении неожиданных известий о событиях в Ливии римляне тотчас позаботились о пополнении своего флота и об освобождении граждан, оставшихся в Ливии в живых. С другой стороны, карфагеняне после этого разбили лагери у Аспида и занялись осадою города, желая захватить в свои руки бежавших сюда из сражения римлян. Но при мужестве и отваге римлян они никак не могли овладеть городом и, наконец, сняли осаду. Когда карфагеняне прослышали, что римляне снаряжают флот и собираются идти вторично на Ливию, то начали починять старые суда и сооружать новые. Быстро вооружили они двести кораблей и вышли в море, чтобы наблюдать за наступлением неприятеля. Римляне в начале лета спустили на море триста пятьдесят судов и под командою консулов Марка Эмилия и Сервия Фульвия отправили их на войну. Снявшись с якоря, они направились по пути в Ливию мимо Сицилии. У Гермесового мыса они встретились с карфагенским флотом и с легкостью при первом же натиске обратили его в бегство, причем захватили сто четырнадцать кораблей с командою; затем взяли с собою остававшихся в Ливии молодых воинов из Аспида и направились к Сицилии.

37. Римляне счастливо переплыли уже море и подошли к берегу камаринян, как вдруг захвачены были такой бурей и подверглись таким злоключениям, которые превосходят всякое описание. Так, из трехсот шестидесяти четырех судов уцелело только восемьдесят; остальные или поглощены были волнами, или отброшены прибоем волн и, разбившись о скалы и мысы, покрыли берег трупами и обломками. История не знает более тяжкого несчастия, разом обрушившегося на море; причина его лежит не столько в судьбе, сколько в самих начальниках. Дело в том, что кормчие долго и настойчиво убеждали не идти вдоль наружного берега Сицилии, обращенного к Ливийскому морю, так как море там глубоко и высадка на берег трудна: они говорили также, что одно из двух зловещих созвездий еще не скрылось, а другое приближается; плавание их совершалось в промежутке между восходом Ариона и Пса. Всем этим консулы пренебрегли и пустились в открытое море, желая устрашить одержанною победою некоторые из лежащих по пути городов Сицилии и таким образом овладеть ими. Лишь только тогда, когда из-за слабых надежд они попали в большую беду, консулы поняли свое безрассудство. Вообще римляне во всех случаях действуют силою, и раз какая-либо цель поставлена, они считают для себя обязательным достигнуть ее, и раз принято какое-либо решение, для них не существует ничего невозможного. Часто благодаря такой стремительности они осуществляют свои замыслы, но подчас терпят и тяжелые неудачи, особенно на море. Действительно, на суше, где они имеют дело с людьми и с человеческими средствами борьбы, римляне большею частью успевают, потому что равные силы они одолевают натиском; здесь лишь изредка терпят они неудачи. Напротив, большие бедствия постигают их всякий раз, когда они вступают в борьбу с морем и небом и действуют с тем же упорством. Так случилось тогда и много раз случалось раньше, так будет и впредь, пока они не отрекутся от этой ложной отваги и упрямства; теперь они воображают, что им можно идти — по морю ли то, или по суше — во всякое время.

38. Между тем карфагеняне узнали о гибели римского флота и решили, что они достаточно сильны на суше и на море как вследствие одержанной перед тем победы, так и потому, что римлян постигло такое бедствие; тем ревностнее занялись они устроением морских и сухопутных сил. Немедленно карфагеняне снарядили в Сицилию Гасдрубала, и кроме тех войск, какие раньше были под его командою, дали ему прибывших из Гераклеи воинов, а при них сто сорок слонов. По отправке Гасдрубала карфагеняне оснащали еще

двести кораблей и заготовляли все прочее к морской войне. Между тем Гасдрубал благополучно переправился к Лилибею и занимался упражнением слонов и войска с целью помериться с врагом в открытом сражении. О случившемся римляне узнали подробно от солдат, избегнувших кораблекрушения, и были сильно огорчены; но, не желая уступать ни за что, они вторично постановили соорудить заново двести двадцать судов. Когда все это в продолжение трех месяцев было кончено, чему нелегко верится, выбранные вновь консулы, Авл Атилий и Гней Корнелий, снарядили флот и вышли в море. Переплыв пролив, они в Мессене взяли с собою спасшиеся от крушения суда, пристали к сицилийскому Панорму с тремястами кораблями и приступили к его осаде; в карфагенской части Сицилии это был самый значительный город. В двух местах они, между прочим, возвели осадные сооружения, затем подвезли машины. Находившаяся у моря башня скоро разрушилась; тогда солдаты силою проложили себе путь в Панорм, и так называемый новый город взят был приступом. Та же участь грозила и той части города, которая называется старым городом, почему жители скоро сдали ее неприятелю. Овладев Панормом, римляне отплыли назад в Рим, покинув в городе гарнизон.

39. В следующее за сим лето выбранные в консулы Гней Сервилий и Гай Семпроний вышли в море со всем флотом, прибыли в Сицилию, а оттуда направились в Ливию. Проходя вдоль берега, они делали очень частые высадки, в которых, однако, не совершили ничего замечательного; наконец пришли к острову лотофагов, именуемому Менингом и лежащему в небольшом расстоянии от Малого Сиртиса. По незнанию римляне попали там на мелкое место, а когда с наступлением отлива корабли сели на мель, положение их стало весьма затруднительно. Впрочем, по прошествии некоторого времени неожиданно наступил прилив, и, только выбросив весь груз, римляне едва облегчили свои корабли настолько, чтобы сдвинуть их с мели. После этого они пошли назад, что походило на бегство. Подошедши к Сицилии, римляне обогнули Лилибей и стали на якоре у Панорма. Отсюда они неосторожно пустились в Рим через открытое море и снова застигнуты были бурей, так что потеряли больше ста пятидесяти судов.

После этого испытания римляне, как ни велико было честолюбие их, вынуждены были самою громадностью понесенных потерь отказаться от мысли снаряжать новый флот и, возлагая последние надежды на сухопутные силы, отрядили в Сицилию легионы с консулами Луцием Цецилием и Гайем Фурием и вооружили командою шестьдесят кораблей только для доставки войску продовольствия.

Упомянутые неудачи римлян снова поправили положение карфагенян, ибо с удалением врага они беспрепятственно распоряжались на море, а на сухопутные войска возлагали большие надежды не без основания. Когда среди римлян распространилась молва о том, как слоны в ливийской битве разорвали боевую линию и растоптали множество воинов, они были так напуганы, что в продолжение двух лет, следовавших за этими событиями, они у Лилибея ли то, или в окрестностях Селинунта строились в боевой порядок на расстоянии пяти-шести стадии от неприятеля и в страхе перед нападением слонов ни разу не отважились ни начать битву, ни спуститься в равнину. За это время они взяли с помощью осады только Ферму и Липару, держась всегда местностей гористых и труднопроходимых. Поэтому римляне, замечая упадок духа и уныние в сухопутных войсках, переменили решение и отважились снова вступить на море. Затем они выбрали консулов Гайя Атилия и Луция Манлия, соорудили пятьдесят судов и усердно занялись набором солдат и изготовлением флота.

40. Главнокомандующий карфагенян Гасдрубал видел, что до сих пор римляне робели в боевых схватках; потом, он знал, что один из консулов с половиною войска возвратился в Италию, а другой, Цецилий, с остальным войском находится в Панорме для охраны созревшей жатвы у союзников. По этим причинам он быстро выступил со всем войском из Лилибея и разбил лагери на границах Панормской области. Цецилий замечал самоуверенность Гасдрубала и с целью вызвать его на решительные действия не выводил и своего войска из города. Воображая, что Цецилий не отваживается выйти против него,

Гасдрубал становился все смелее и со всем войском стремительно двинулся через теснины в самую Панормскую область. Хотя он истреблял жатву до самого города, но Цецилий оставался верен принятому раз решению, и, наконец, довел Гасдрубала до того, что тот переправился через реку, протекающую перед городом. Когда карфагеняне перевели слонов и войско, Цецилий отрядил легковооруженных и тревожил неприятеля до тех пор, пока Гасдрубал не вынужден был выстроить в боевом порядке все свое войско. Таким образом, план Цецилия удался. Тогда он поставил часть легковооруженных перед стеною и канавою и отдал приказание нещадно пускать стрелы в слонов, если они будут наступать на них, если же будут подаваться назад, то бежать в канаву и оттуда метать стрелы в приближающихся животных. Находящимся на площади кузнецам он велел сносить метательное оружие и класть его снаружи стены у основания. Сам Цецилий с легионными солдатами стоял у ворот против левого неприятельского крыла, посылая легковооруженным все новые и новые подкрепления. Когда битва разгорелась, вожатые слонов, соревнуя Гасдрубалу и желая стяжать себе честь победы, устремились все на передовой отряд, легко обратили его в бегство и преследовали до канавы. Нападающие слоны получали раны от стрелков, поставленных на стене; вместе с тем в них метали с ожесточением и в массе дротики и копья те свежие еще воины, которые в боевом порядке стояли впереди канавы. Тогда поражаемые со всех сторон дротиками и раненые, звери вскоре пришли в исступление и, повернув назад, кинулись на своих, причем отдельных воинов топтали и давили, а ряды их приводили в беспорядок и разрывали. При виде этого Цецилий выступил поспешно с своим войском, нетронутым еще и стройным, ударил с фланга на расстроенные ряды неприятелей и вынудил их к поспешному отступлению, при этом многих карфагенян перебил, остальных обратил в стремительное бегство. Десять слонов вместе с индийцами были взяты в плен; остальные скинули с себя индийцев и, окруженные конницею, были все захвачены после сражения. Этой удачей Цецилий, по общему мнению, восстановил бодрость духа в сухопутных войсках римлян, которые теперь снова отваживались овладеть полем сражения.

41. Когда в Рим прибыла весть об этой победе, римляне ликовали не столько потому, что с потерею слонов силы неприятеля были ослаблены, сколько потому, что победа над слонами ободрила собственных их граждан. Поэтому они снова смело обратились к первоначальному своему плану — отправить на войну консулов с флотом и морским войском и напрячь все силы к тому, дабы положить конец войне во что бы то ни стало. Заготовив все нужное к походу, консулы вышли по направлению к Сицилии с двумястами кораблями. Это был четырнадцатый год войны. Консулы пристали к Лилибею и, лишь только соединились с тамошними сухопутными легионами, приступили к осаде города, ибо, имея Лилибей в своей власти, они легко могли перенести войну в Ливию. Почти так же, как римляне, думали об этом и начальники карфагенян; почти так же и они представляли себе ход дел. Поэтому, отложив все прочее в сторону, карфагеняне заняты были только тем, чтобы оказать этому городу помощь, отваживаясь из-за него на борьбу и всяческие усилия, потому что иначе у них не оставалось никакой опоры в военных действиях, и вся Сицилия, за исключением Дрепан, попадала в руки римлян. Однако, чтобы сделать рассказ понятным и для читателей не знающих Лилибея, мы постараемся в немногих словах представить выгоды его положения.

42. Вся Сицилия по своему положению есть для Италии и оконечностей ее почти то же, что Пелопоннес для Эллады и ее мысов, с тою только разницею, что Пелопоннес — полуостров, а Сицилия — остров, ибо промежуточное пространство переходимо там по суше, здесь по морю. Сицилия имеет вид треугольника, причем вершинами отдельных углов служат мысы. Тот из мысов, который обращен на юг к Сицилийскому морю, называется Пахином; тянущийся к северу ограничивает западную часть пролива, отделен от Италии расстоянием стадий в двенадцать и называется Пелориадою. Третий мыс обращен к самой Ливии, расположен удобно против мысов, находящихся перед Карфагеном на расстоянии стадий тысячи; тянется он в направлении к зимнему западу,

отделяет Ливийское море от Сардинского и называется Лилибеем. Тут же лежит одноименный с мысом город, тот самый, который теперь осаждали римляне. Он был укреплен сильными стенами, окружен глубоким рвом и лагунами; через лагуны идет путь к гаваням, требующий, однако, большой опытности и навыка. У этого города с обеих сторон его римляне расположились лагерем, а в промежутке двумя стоянками провели ров с валом и стеною; затем начали придвигать осадные сооружения к той башне, которая находится у самого моря и обращена к ливийским водам. К прежним сооружениям они присоединяли постоянно новые, подвигаясь все дальше, пока не разрушили шести башен, следовавших за тою, о которой сказано выше; в то же время все остальные башни они начали брать с помощью тарана. Так как осаждающие действовали настойчиво и беспощадно и каждый день башни или грозили падением, или падали, а сооружения все дальше и дальше подвигались внутрь города, то среди осажденных распространилась сильная тревога и уныние, хотя в городе было помимо массы граждан около десяти тысяч наемников. Мало того: военачальник их Гимилькон делал все, что было в его власти; он причинял врагу немало затруднений тем, что сооружал новые стены изнутри города или делал подкопы под сооружения неприятелей. Кроме того, он каждый день отправлялся в разные стороны, пытаясь узнать, нельзя ли поджечь неприятельские сооружения, ради чего выдерживал частые не в меру отважные стычки с неприятелем, дневные и ночные, в которых иной раз бывало убитых больше, нежели обыкновенно бывает их в правильных сражениях.

43. Тем временем некоторые из важнейших вождей наемников составили заговор для передачи города римлянам. В том убеждении, что подчиненные последуют за ними, они ночью тайком прошли из города в римский лагерь и с консулом вступили в переговоры об этом. Однако ахеец Алéксон, который раньше спас акрагантян, когда сиракузские наемники замышляли измену, теперь первый узнал о заговоре и заявил о том карфагенскому главнокомандующему. При этом известии главнокомандующий тотчас собрал оставшихся в городе вождей, убеждал и просил их, обещая при этом большие подарки и милости, если только они останутся верны ему и не примут участия в замыслах покинувших город товарищей. Так как предложение было принято охотно, то он немедленно отправил с ними к кельтам Ганнибала, сына того Ганнибала, который кончил жизнь в Сардинии, участвовал вместе с ним в походе и был им хорошо известен; к прочим наемникам послан был Алéксон, пользовавшийся их расположением и доверием. Посланные созвали отряды, обратились к ним с увещанием и, поручившись за подарки, обещанные каждому из них военачальником карфагенян, без труда уговорили их пребывать в верности договору. Поэтому, когда вожди, бежавшие чрез укрепления, возвратились, подошли к городским стенам с целью склонить солдат к измене и передать им обещание римлян, наемники не только не последовали за ними, но не хотели и слушать их: метали в них камни и стрелы и так прогнали от стены. Таким-то образом карфагеняне при указанных выше обстоятельствах едва не потеряли всего по случаю измены наемников. От окончательной гибели уберег их теперь Алексон, тот самый, который своею преданностью спас не только город и поля акрагантян, но самые учреждения их и свободу.

44. Между тем в Карфагене не знали об этом ничего. Принимая в соображение обычные нужды осаждаемых, карфагеняне посадили команду на пятьдесят кораблей и, обратившись к воинам с подобающим увещанием, повелели начальнику их Ганнибалу, сыну Гамилькара, триерарху и первому другу Атарбала, поспешно выступать в поход, при этом велели не медлить и при первом удобном случае смело подать помощь осажденным. Ганнибал вышел в море с десятью тысячами войска, бросил якорь у так называемых Эгусс, что между Лилибеем и Карфагеном, и там выжидал момента для дальнейшего движения. Воспользовавшись попутным сильным ветром, он распустил все паруса и за ветром понесся прямо к самому входу в гавань. Команду свою он вооружил и готовую к бою поставил на палубах. Римляне частью вследствие внезапности появления неприятеля,

частью из опасения, как бы ветер не загнал их вместе с неприятелем в гавань противника, решились задержать движение вспомогательного войска и, изумленные отвагою врага, остались на месте у морского берега. Между тем толпа людей, находившихся в городе, собралась на стенах в страхе за успех предприятия; теперь они были преисполнены радости по случаю неожиданного прибытия помощи и рукоплесканиями и криками ободряли подходящее войско. Смело и быстро пошел вперед Ганнибал, бросил якорь в гавани и беспрепятственно высаживал свою команду. Все горожане радовались не столько тому, что получили подкрепление, хотя через это надежды и силы их значительно возросли, сколько тому, что римляне не осмелились воспрепятствовать движению карфагенян.

45. При виде возбуждения и ревности в горожанах по случаю прибытия вспомогательного войска, а равно и в новоприбывших воинах, которые не испытали невзгод осаждаемых, начальник горожан Гимилькон желал воспользоваться не охладевшим еще пылом тех и других, чтобы бросить огонь в неприятельские сооружения и напасть на них, а потому созвал всех в собрание. Он обратился к ним с пространным приличным случаю увещанием и воспламенил в них рвение к битве обещанием щедрых наград, какие получит каждый за храбрость, напоминанием о милостях и подарках, какие всем им будут следовать от карфагенян. Все в один голос изъявили согласие и громко требовали, чтобы их немедленно вели в битву. Гимилькон похвалил собравшихся за ревность и распустил, отдав приказ пока отдыхать и ждать дальнейших распоряжений начальников. Вскоре после этого он созвал начальников, разделил между ними удобные для нападения пункты, объявил время и сигнал к нападению и приказал быть со своими подчиненными на назначенных местах ранним утром. Распоряжения были точно выполнены. Тогда Гимилькон на рассвете вывел свое войско из города и во многих местах напал на сооружения. Римляне предвидели нападение и потому были готовы и не бездействовали; они поспешно являлись на помощь всюду, где было нужно, и сражались мужественно. Вскоре все силы противников были в деле, и около стены завязался жестокий бой, ибо из города вышло не менее двадцати тысяч человек, еще больше находилось за городом. Сражение было тем ожесточеннее, что боевой строй не соблюдался, солдаты дрались в беспорядке, кто с кем попало; в такой массе войск отдельные воины или отряды дрались между собою с жаром, обыкновенно отличающим единоборство. Шум и смятение были особенно слышны у самых сооружений. С обеих сторон те воины, которые сначала получили назначение одни оттеснить защитников сооружений, другие не выдавать этих последних, проявляли величайшее усердие к тому, чтобы выбить противника с занимаемого им места, а другие, чтобы ни за что не уступать его; потому сражающиеся погибали на тех самых местах, на которые поставлены были вначале. Между сражающихся кидались люди с факелами, паклей и огнем. Они нападали на машины разом со всех сторон и с такой отвагой, что римляне очутились в опаснейшем положении и не в силах были отражать нападение врага. Однако карфагенский военачальник видел, что многие его воины уже пали в битве, что он все-таки не может взять сооружений, ради чего и было начато дело; поэтому приказал играть отступление. Зато римляне, едва не потерявшие всего, овладели, наконец, своими укреплениями и все их удержали за собою нерушимо.

46. После этой битвы Ганнибал в ночную еще пору тайком от неприятеля отплыл во главе своих кораблей в Дрепаны к карфагенскому военачальнику Атарбалу. Удобства местоположения и высокие достоинства дрепанской гавани побуждали карфагенян неослабно заботиться об охране местности. От Лилибея отстоит она стадий на сто двадцать.

Оставшиеся дома карфагеняне желали узнать о положении дел в Лилибее, но не имели к тому возможности, ибо часть их была заперта, а за другими существовал бдительный надзор. Тогда некий знатный гражданин Ганнибал, по прозванию Родосец, предложил, что он проникнет в Лилибей и потом как очевидец доставит обо всем точные

сведения. С радостью выслушали это предложение карфагеняне, но не верили в его осуществление, так как римский флот стоял на страже у входа в гавань. Между тем Ганнибал снарядил свой собственный корабль и вышел в море. Достигши какого-то острова из тех, что лежат перед Лилибеем, он в четвертом часу на следующий день, гонимый попутным ветром, вошел в гавань на виду у всех римлян, пораженных его отвагой. На другой день он немедля пустился в обратный путь. Между тем римский консул с целью надежнее охранить вход в гавань снарядил ночью десять быстрейших кораблей, сам стал у гавани и наблюдал за происходящим; тут же было и все войско. По обеим сторонам от входа в гавань корабли подошли возможно ближе к лагунам и с поднятыми веслами выжидали момента, когда карфагенский корабль будет выходить, чтобы напасть на него и захватить. Родосец вышел в море на глазах у всех и до того изумил неприятелей дерзостью и быстротою, что не только вышел невредимым со своим кораблем и командою и миновал неприятельские суда, остававшиеся как бы в оцепенении, но, отойдя на небольшое расстояние вперед, остановился и вызывающе поднял весло. При быстроте его гребли, никто не дерзнул выйти против него в море, и Ганнибал с единственным кораблем ушел, к стыду всего неприятельского флота. Так как он повторял то же самое многократно и впоследствии, то оказал карфагенянам большую услугу, их он извещал обо всех нуждах осаждаемых, ободрял, а римлян повергал своею смелостью в смущение.

47. Помимо смелости ему помогало больше всего то, что он по опыту в точности знал, как проникнуть в гавань между мелями. Проплыв открытое море и показавшись перед гаванью, он делал такой поворот, как бы выходил из Италии, и направлялся к приморской башне так, что эта последняя прикрывала собою все прочие башни, обращенные к Ливии; только этим способом и можно было попасть при попутном ветре в устье гавани. Отвага Родосца внушала смелость многим другим людям, сведущим в местности к подобному образу действий, что ставило римлян в затруднительное положение. Они попытались было запереть устье гавани плотиною. Но на очень многих пунктах попытки их при значительной глубине моря не вели ни к чему: все, что ни бросали они в море, не держалось в нем на месте, но при самом опускании в воду относилось в сторону и разбивалось на части волною и быстрым течением. Наконец, в одном мелком месте удалось с большим трудом возвести плотину; на ней-то сел на мель четырехпалубник, выходивший в море по ночам, и попал в руки римлян: он сколочен был замечательно искусно. Захватив судно и вооружив его отборной командой, римляне наблюдали за всеми входящими в гавань, особенно за Родосцем. Случилось как раз так, что в ночную пору он проник в гавань, а затем снова на виду у всех вышел в открытое море. При виде четырехпалубника, который покинул стоянку в одно время с его собственным судном, Ганнибал узнал корабль и смутился. Сначала он пытался было ускорить ход и бежать, но, так как искусные гребцы уже настигали его, Ганнибал вынужден был повернуть судно назад и вступить в борьбу с неприятелем. Однако корабельные воины, превосходившие карфагенян численностью и состоявшие из отборных граждан, взяли верх, и Ганнибал попал в плен. Овладев и этим прекрасно сколоченным кораблем, римляне приспособили его к битве и теперь положили конец смелым попыткам проникать в Лилибей.

48. Между тем как осажденные настойчиво восстановляли то, что разорял неприятель, и отказались уже от мысли повредить или разрушить сооружения римлян, поднялась буря, с такой силою и стремительностью обратившаяся на передние части машин, что сорвала навесы и опрокинула стоявшие перед навесами и прикрывавшие их башни. Некоторые из эллинских наемников находили этот момент благоприятным для разрушения неприятельских укреплений и сообщили свой план военачальнику. Гимилькон принял совет, быстро изготовил все нужное для приведения замысла в исполнение, затем молодые люди соединились и в трех местах бросили огонь в осадные машины. Сама давность этих построек, казалось, подготовила легкое воспламенение их, к

тому же ветер дул прямо против башен и машин; поэтому огонь распространялся быстро и неудержимо, и все меры римлян задержать пламя и защитить постройки оказывались бесполезными и недействительными. Пожар наводил такой ужас на защитников, что они не могли ни видеть, ни понимать того, что творилось. Многие из них, покрываемые налетавшею золою, искрами и густым дымом, падали и погибали прежде, чем подойти к огню и защитить горевшее. Одно и то же обстоятельство делало затруднительным положение противника и благоприятствовало поджигателям. Ибо все, что могло затемнять свет и причинять ушибы, относилось ветром в сторону неприятеля; напротив, все, что бросали и метали карфагеняне в защитников укреплений или в самые укрепления с целью разрушить их, падало по назначению: метающие видели перед собою местность, а сила полета увеличивалась от дуновения ветра. Наконец разрушение охватило все до такой степени, что самые основания башен и наконечники таранов сделались негодными от огня. После этого римляне покинули надежду осадить город с помощью сооружений и кругом обвели его канавою и валом, впереди своей стоянки возвели стену и предоставили все времени. Наоборот, жители Лилибея восстановили разрушенную часть стены и теперь спокойно выдерживали осаду.

49. Когда весть об этом пришла в Рим, а вслед затем стали приходить многие свидетели с извещением о гибели большей части команды при защите сооружений и вообще при осаде, римляне поспешно набрали моряков и в числе почти десяти тысяч человек отправили их в Сицилию. Когда римляне переправились через пролив, а затем сухим путем прошли в лагерь, консул их Публий Клавдий собрал трибунов и объявил, что теперь пора идти всем флотом в Дрепаны, ибо, говорил он, вождь карфагенян Атарбал, состоящий в городе начальником, не приготовлен к нападению, ничего не знает о прибытии римской команды и пребывает в том убеждении, что римляне вследствие понесенных при осаде потерь не в силах выйти в море со своим флотом. Так как все одобрили его план, то Публий тотчас посадил на корабли прежнюю и новую команду; в воины выбрал способнейших солдат из всего войска; они шли охотно, потому что поход был недалекий и сулил верную добычу. Снарядив корабли, консул около полуночи выступил в море, не будучи замечен неприятелем. Сначала он шел тихо, оставляя берег по правую руку. На рассвете передовые корабли начали показываться у Дрепан; завидев их неожиданно, Атарбал сначала смутился. Однако он скоро оправился, понял наступательные замыслы неприятеля и решил испробовать все меры, выдержать всякое испытание, лишь бы не даться в осаду, которая подготовлялась столь явно. С этою целью Атарбал поспешно собрал команду на берег и через глашатая вызвал из города наемников. Когда все были в сборе, он краткою речью постарался внушить им надежду на победу, если они отважатся на морскую битву, и, напротив, предсказывал им лишения, сопряженные с осадою, если они не пойдут тотчас навстречу опасности. Собравшиеся жаждали боя и громко требовали вести их в дело немедленно. Атарбал похвалил воинов за усердие и отдал приказ садиться поскорее на корабли, не терять из виду его корабля и следовать за ним. Поспешно распорядившись, Атарбал отчалил первый и отправился в открытое море прямо под скалы не с той стороны гавани, по которой входил неприятель, но с противоположной.

50. Когда римский консул Публий увидел, что неприятель сверх всякого ожидания не уступает и не смущается его появлением, его собственные корабли находятся частью уже в гавани, частью у входа в нее, а третьи приближаются ко входу; он приказал всем кораблям повернуть назад и выйти из гавани. Находившиеся в гавани корабли столкнулись при повороте с теми, что были у входа в нее, а это вызвало невообразимое смятение среди людей; кроме того, сшибающиеся корабли ломали весла. Невзирая на это, корабельные начальники ставили у самого берега в боевую линию каждый выходивший в море корабль и быстро поворачивали их носами против неприятеля. Что касается самого Публия, который вначале следовал позади и замыкал собою весь флот, то теперь он на ходу повернул свой корабль в открытое море и занял левое крыло целого флота. В это

самое время Атарбал с пятью боевыми кораблями миновал левое крыло неприятеля, свой собственный корабль поставил носом против неприятельского со стороны открытого моря; вместе с тем отправлял через гребцов приказ каждому подходящему кораблю становиться подле него и поступать точно так же, как он. Когда все корабли выстроились в одну линию, он дал условленный сигнал и сначала наступал на врага в боевом порядке, тогда как римляне все еще держались берега в ожидании выходивших из гавани кораблей. Большие неудобства были для римлян от того, что им предстояло сражаться вблизи берега.

51. Когда противники приблизились друг к другу, с обеих сторон на начальнических кораблях даны были сигналы, и последовала схватка. Сначала бой был равный, потому что с обеих сторон сражались лучшие солдаты сухопутного войска. Однако все более и более перевес склонялся на сторону карфагенян, потому что положение их во всем этом деле было гораздо выгоднее неприятельского. Благодаря лучшему устройству кораблей и ловкости гребцов они далеко превосходили неприятеля в быстроте движений; много помогала им и постановка флота их в открытом море. Действительно, были ли корабли их теснимы неприятелем, они быстро и благополучно отступали в открытое место; поворачивали ли они потом свои корабли назад против выступивших вперед неприятельских, они или быстро огибали их, или нападали на них сбоку; в то время, как римские корабли при своей тяжести и неумелости команды поворачивались с трудом, карфагенские наносили им непрерывные удары и многие потопили. Если опасность угрожала какому-либо из собственных кораблей, карфагеняне своевременно являлись на помощь без вреда и опасности для себя, ибо заходили от кормы по открытому морю. В совершенно ином положении были римляне, именно: теснимые корабли не имели возможности отступить, так как римляне сражались у самого берега, а всякий раз, когда судно подвергалось жестокому натиску со стороны стоящего напротив неприятеля, оно или попадало на мель и садилось кормою, или оттеснялось к берегу и разбивалось. При тяжести своих кораблей римляне не могли врываться в середину неприятельских кораблей или нападать с тыла на те корабли, которые уже сражались с другими, — полезнейший прием в морском сражении. Наконец, римские корабли не могли помогать своим, нуждающимся в помощи с кормы, ибо заперты были у берега, и желающие подать помощь не имели даже небольшого свободного пространства для движений. Вообще положение римлян в этой битве было весьма невыгодно. При виде того, как одни корабли садятся на мель, другие выбрасываются на берег, консул решил бежать и с левого фланга пробирался у берега с тридцатью кораблями, которые случайно были подле него. Прочими судами в числе девяноста трех завладели карфагеняне, равно как и всею командою их, за исключением лишь тех людей, которые вместе с кораблями выброшены были на берег и спаслись бегством.

52. Такой исход битвы стяжал Атарбалу славу у карфагенян, ибо успех ее они приписывали его личной проницательности и отваге. Напротив, Публий потерял всякое уважение у римлян и подвергся тяжким укорам за легкомысленное и безрассудное поведение, причинившее Риму столь большие потери. Вот почему даже спустя некоторое время он был предан суду, наказан тяжелой пеней, и ему угрожала еще большая опасность. Однако и после этих неудач римляне до того были преисполнены жаждою всемирного владычества, что изыскивали все средства, какие были в их власти, дабы продолжать борьбу без перерыва. Поэтому, как только наступили выборы, они выбрали новых консулов и одного из них, Луция Юния, немедленно отправили в поход с тем, чтобы он доставил осаждающим Лилибей войскам хлеб вместе с другими жизненными припасами и прочими предметами необходимости; сверх этого снарядили шестьдесят кораблей для прикрытия продовольственных судов. По прибытии в Мессену Юний присоединил к своим те корабли, которые вышли ему навстречу из римской стоянки и из остальной Сицилии, и поспешно переправился к Сиракузам, имея при себе сто двадцать судов и около восьмидесяти ластовых кораблей с продовольствием. Здесь он отпустил

квесторов с половиною ластовых кораблей и с несколькими длинными кораблями для возможно скорейшей доставки войску жизненных припасов. Сам он остался в Сиракузах, поджидая запоздавшие из Мессены корабли и принимая еще хлеб от материковых союзников.

53. Около того же времени Атарбал отослал в Карфаген взятых в морском сражении пленных и захваченные корабли. Товарищу своему по командованию войском, Карталону, он дал тридцать кораблей в дополнение к тем семидесяти, с которыми тот явился, и приказал ему напасть внезапно на неприятельские корабли, стоящие на якоре у Лилибеея, захватить из них столько, сколько можно будет, а остальные предать пламени. Во исполнение приказания Карталон к утру напал на врага, часть судов его сжег, другие увлек за собою, что вызвало сильное смятение в стоянке римлян. Римляне с криком поспешили на помощь к кораблям; наблюдавший за Лилибеем Гимилькон слышал это, а с рассветом увидел, что творится, и отрядил из города против неприятеля наемников. Опасность угрожала римлянам со всех сторон, и они пришли в большое смущение. Между тем начальник карфагенского флота увлек на буксире несколько неприятельских судов, другие разрушил, затем прошел некоторое расстояние от Лилибея по направлению к Гераклее с целью заграждать путь подходящим к стоянке римским судам. Когда соглядатаи известили, что близко подошло уже множество римских судов разного вида, он вышел в море, горя желанием сразиться, потому что после недавней победы презрительно относился к римлянам. В то же время лодки, обыкновенно опережающие флот, дали знать квесторам, ранее отправленным из Сиракуз, о наступлении врага. Квесторы находили свои силы недостаточными для морской битвы, а потому причалили к одному из подчиненных римлянам городков; гавани город не имел, но представлял удобную якорную стоянку, будучи закрыт береговыми утесами. Здесь квесторы сделали высадку, поставили добытые из города катапульты и камнеметательницы и ожидали наступления врага. Подошедши к этому месту, карфагеняне сначала решили было повести осаду, полагая, что неприятель в страхе отступит в городок, а они беспрепятственно завладеют его судами. Но надежды карфагенян не оправдались, ибо римляне защищались храбро; к тому же самая местность представляла для карфагенян многие всевозможные неудобства. Поэтому они довольствовались тем, что взяли на буксир несколько судов со съестными припасами и отошли к какой-то реке; там бросили якорь и наблюдали за выходом в море неприятелей. [54.] Между тем остававшийся в Сиракузах консул привел свой план в исполнение, затем, обогнув Пахин, направился к Лилибею, ничего не зная о том, что случилось с отплывшими раньше судами. С другой стороны, начальник карфагенского флота, уведомленный о приближении нового врага своими соглядатаями, поспешно вышел в море, желая сразиться с римлянами возможно дальше от остального флота. Юний издалека еще завидел карфагенский флот и многочисленность судов его; но не решался вступать в бой, хотя не мог уже и бежать от неприятеля, который был близко; поэтому он уклонился к берегу и бросил якорь у крутой, во всех отношениях опасной местности. Юний предпочитал претерпеть все, лишь бы своего флота с командою не дать в руки врагам. Начальник карфагенского флота заметил это движение неприятеля, но почитал неудобным выходить на бой с ним и приближаться к столь опасным пунктам; поэтому он занял некий мыс, стал там на якоре между обоими флотами римлян и внимательно наблюдал за ними. Когда поднялась буря, а море угрожало еще большими опасностями впереди, карфагенские кормчие, благодаря знанию местности и опытности в своем деле, предусматривали и предсказывали грядущее, советуя Карталону обогнуть мыс Пахин и тем спастись от бури. Карталон благоразумно последовал их совету, и карфагеняне, правда, с большим трудом и опасностями, обошли мыс и заняли надежную стоянку. Зато флоты римлян, стоявшие у берегов, лишенных гаваней, пострадали настолько, что от них остались ни к чему негодные обломки. Разрушение обоих флотов было полное, превосходящее всякое вероятие.

55. После этого карфагеняне снова воспрянули духом, и надежды их опять оживились. Напротив, римляне, и раньше испытавшие неудачу, а теперь потерпевшие полное крушение, очистили море, хотя суша все еще была в их власти; карфагеняне господствовали на море, но не теряли надежды и на обладание сушею. Под тяжестью рассказанных выше бедствий горевали все римляне, как те, что оставались в Риме, так равно и те, что были в легионах у Лилибея; и все-таки не думали о снятии осады: одни с неослабным рвением подвозили по суше съестные припасы, другие напрягали все свои силы к осаде города. Консул Юний после кораблекрушения отправился в лагерь. Горюя о понесенных потерях, он жаждал новых славных подвигов, чтобы в бою загладить прежние неудачи. Поэтому лишь только представился ему удобный случай, Юний хитростью захватил Эрикс, овладел святилищем Афродиты и городом. Эрикс — тянущаяся вдоль моря гора Сицилии, на той стороне ее, которая обращена к Италии, между Дрепанами и Панормом, ближе к границе Дрепан; по величине Эрикс далеко превосходит все горы Сицилии, кроме Этны. На плоской вершине этой горы находится святилище Эрикской Афродиты, по общему мнению значительнейшее из всех святилищ Сицилии по богатству и роскоши. Город расположен под горной вершиной; к нему ведет очень длинный и крутой путь. Гребень горы консул занял стражей, равно как и проход к ней от Дрепан; зорко оберегал он оба пункта, особенно подъем на гору, в том убеждении, что этим именно способом обеспечивает за собою обладание и городом, и целою горою.

56. Между тем карфагеняне избрали себе в военачальники Гамилькара, по прозванию Барка, и ему доверили командование флотом. Гамилькар взял с собою флот и отправился опустошать Италию. Был восемнадцатый год войны. По опустошении Локриды и Бруттийских полей Барка отплыл со всем флотом к Панормской области и занял местность, лежащую между Эриксом и Панормом и называющуюся «на Герктах»; по безопасности и удобствам для стоянки и долговременного пребывания войска она представляет наилучший пункт в Сицилии. Действительно, гора эта со всех сторон обрывиста и над окружающею местностью поднимается на значительную высоту. Верхнее кольцо ее имеет в окружности не меньше ста стадий, а обнимаемое им пространство изобилует пастбищами и удобно для обработки, доступно действию морского воздуха и совершенно свободно от ядовитых животных. Как со стороны моря, так и с той, которая обращена внутрь материка, гора имеет крутые неприступные обрывы; промежутки между ними могут быть легко и скоро укреплены. Кроме того, на плоской вершине возвышается бугор, который служит вместе с кремлем и прекрасным наблюдательным пунктом над расстилающейся внизу страной. У подножья горы есть гавань, удобная для перехода от Дрепан и Лилибея к Италии и всегда имеющая воду в изобилии. К горе этой существует всего три прохода, очень трудных; два из них идут из материка, а один от моря. На этом-то последнем пути расположился лагерем Гамилькар, что было большою смелостью, ибо он не имел на своей стороне ни одного города, ни на какую помощь не рассчитывал и врезывался в середину врагов. Тем не менее он причинял римлянам большие затруднения и подвергал их серьезным опасностям. Отправляясь отсюда своими кораблями, он прежде всего занялся опустошением италийского побережья до области кумеян. Потом, когда римляне на суше перед городом Панормом расположились против него лагерем на расстоянии стадий пяти, [57] Гамилькар в течение почти трех лет давал им битвы на суше частые и многообразные; подробное описание их было бы невозможно. Дело в том, что в борьбе замечательных кулачных бойцов, блистающих храбростью и искусством, когда они в решительном бою за победу неустанно наносят удар за ударом, ни участники, ни зрители не могут разглядеть или предусмотреть отдельных ударов и ушибов, хотя и могут получить довольно верное представление о ловкости, силе и мужестве борющихся по общему напряжению сил их и по обоюдному упорству в состязании: точно то же было и с военачальниками, о коих идет теперь речь. И в самом деле, историку нельзя было бы исчислить все поводы и подробности тех взаимных засад, наступлений и нападений, какие происходили между

воюющими ежедневно, да и читателю описание это показалось бы утомительным и совершенно бесполезным. Легче можно оценить названных выше военачальников из общего рассказа о борьбе и об окончательном исходе ее. Ибо теперь испытаны были все военные хитрости, какие только знает история, все уловки, какие требовались обстоятельствами времени и места, все то, в чем проявляются необычайные отвага и сила. Однако по многим причинам решительная битва была невозможна: силы противников были равны, укрепления их были одинаково сильны и недоступны, а разделяющее стоянки расстояние было весьма незначительно. Вот главным образом почему происходили ежедневно небольшие схватки и почему не могло быть какого-либо решительного дела. Всегда выходило так, что участвовавшие в бою гибли в самой схватке, а все те, кому удавалось отступить, быстро укрывались от опасности за своими окопами, откуда снова выходили на битву.

58. Вдруг судьба, подобно ловкому устроителю состязания, вывела воюющих из описанного выше положения, заменила прежнюю борьбу более опасною, а борющихся заперла на меньшем еще пространстве, именно: так как римляне занимали вершину Эрикса и его подножье, о чем сказано у нас выше, то Гамилькар овладел городом эриклян, лежащим между вершиною и разбитым у подошвы горы лагерем. Теперь те римляне, которые занимали вершину горы, мужественно выдерживали борьбу и лишения осаждаемых. С другой стороны, карфагеняне обнаруживали невероятную стойкость, ибо неприятель теснил их со всех сторон, жизненные припасы получались с трудом, потому что сообщение с морем они имели в одном только месте и в одном направлении. И здесь обе стороны пустили в ход одна против другой всю изворотливость и силу, какие потребны в деле осады, претерпели всевозможные лишения, испытали все виды нападения и обороны, пока, наконец «не пожертвовали победного венка богам» не потому, как уверяет Фабий, что не в силах были терпеть дольше, но потому что сделались нечувствительными к страданиям и неодолимыми. И в самом деле, прежде чем одним удалось одолеть врага, хотя и на этом месте противники боролись в течение двух лет, конец войне положен был иным способом.

Таково было положение дел на Эриксе и в сухопутных войсках, а самые государства противников уподоблялись породистым дышащим боем петухам. Не раз такие птицы, потеряв от изнеможения способность владеть крыльями, находят себе опору в собственной отваге и продолжают наносить друг другу удары, пока, наконец, сами собой не кидаются друг на друга, быстро сцепливаются, и тогда один из них падает замертво. Подобно этому, римляне и карфагеняне, утомленные трудами непрерывной борьбы, истощены были вконец, а налоги и расходы, удручавшие их долгое время, подорвали их силы.

59. Так и римляне сохраняли душевную твердость, хотя уже в течение почти пяти лет совершенно отказались от моря частью вследствие понесенных неудач, частью потому, что считали для себя возможным кончить войну только сухопутными силами. Теперь они увидели, что расчеты их не оправдались главным образом благодаря отваге военачальника карфагенян и решились в третий раз попытать счастья в морской войне. Руководились они убеждением, что этим только способом война может окончиться выгодно для них, если предприятие поведено будет как следует, что, наконец, и удалось им. Покинуть море в первый раз вынудили их обрушившиеся случайно бедствия, второй раз поражение в битве при Дрепанах. Теперь они делали третью попытку и, победив карфагенские войска на Эриксе, лишив их подвоза жизненных припасов со стороны моря, завершили борьбу. То, что римлян наибольше побуждало к войне, был воинственный дух их. Средств для осуществления плана в государственной казне не было; но они были добыты благодаря рвению и любви к отечеству правителей государства. По мере своих средств каждый гражданин сам по себе или вдвоем и втроем с другими обязывался доставить оснащенное пятипалубное судно, причем издержки на это только в случае счастливого исхода предприятия должны были быть возмещены казною. Таким-то

способом быстро было заготовлено двести пятипалубных судов; сооружены они были по образцу корабля Родосца; затем римляне выбрали в консулы Гайя Лутация и в начале лета отправили флот в море. Неожиданно появился он у берегов Сицилии, овладел гаванью Дрепан и якорными стоянками у Лилибея, так как весь флот карфагенян возвратился домой. Возведя укрепления вокруг города Дрепан и сделав все прочие приспособления, римский консул повел осаду всеми возможными средствами. Вместе с тем он предвидел прибытие карфагенского флота и памятовал первоначальное решение, что война может быть кончена только морским сражением; поэтому, не желая терять время в бездействии, он каждый день испытывал свою команду, делал с нею соответствующие упражнения и вообще прилагал все усилия к обучению ее, так что в самое короткое время сделал своих моряков совершенно годными для предстоящего дела.

60. Получив неожиданное известие, что римский флот находится в море и снова господствует на нем, карфагеняне тотчас снарядили свои корабли. Нагрузив их хлебом и всеми нужными припасами, они немедленно отправили флот свой в море, будучи озабочены тем, чтобы войско на Эриксе ни в чем не терпело недостатка. Начальником морских сил они назначили Ганнона. Выйдя в море и пристав к острову, именуемому Гиерою, Ганнон старался тайком от неприятелей проникнуть к Эриксу с целью выгрузить там припасы и облегчить корабли, забрать с собою годных наемников в корабельные воины, в том числе Барку, и потом вступить в битву с неприятелем. Между тем Лутаций узнал о прибытии Ганнона с войском и угадал его замыслы, отобрал из сухопутного войска наилучших солдат и подошел к острову Эгусе, лежащему перед Лилибеем. Здесь он обратился к войску с подобающим воззванием, а кормчим объявил, что на следующий день будет морское сражение. Утром, когда рассвело уже, Лутаций видел, что неприятелю благоприятствует сильный ветер, что для его кораблей плавание будет затруднено противным ветром, притом на сильно волнующемся море; поэтому сначала колебался, как поступить. Но в то же время он соображал, что, если решится на бой невзирая на бурю, то будет иметь дело с Ганноном, только с его войсками и с флотом, нагруженным хлебом. Если, напротив, он будет выжидать погоды и медлительностью своею допустит, чтобы неприятель переправился и соединился с сухопутным войском, то будет сражаться против кораблей быстрых, не имеющих на себе груза, против отборнейшей части сухопутных войск и, что самое главное, против отважного Гамилькара: более грозной опасности тогда не было ничего. Итак, Лутаций решил не пропускать удобного случая. Завидев неприятельские корабли с распущенными парусами, он поспешно вышел из гавани. Ловкая команда с легкостью преодолевала силу волны, и поэтому он быстро выстроил свои корабли в одну линию и носами вперед поставил против неприятеля. [61.] Когда карфагеняне увидели, что дальнейший путь им отрезан римлянами, они убрали паруса и, находясь на своих кораблях, ободряли друг друга и начали битву. Так как военные средства врагов были противоположны тем, с какими они сражались на море у Дрепан, то соответственно тому и исход обоих сражений должен был получиться обратный. Действительно, римляне изменили устройство своих кораблей и удалили с них весь груз, ненужный для морской битвы; хорошо обученные гребцы прекрасно исполняли свое дело; наконец, корабельными воинами у них были отборнейшие люди из сухопутного войска, не привыкшие отступать. Что касается карфагенян, то положение их было совершенно иное. Корабли их, нагруженные припасами, были неловки в боевых движениях; гребцы их были совсем не обучены и посажены на корабли лишь в минуту опасности; воины их были новобранцы и совершенно не испытанные в трудностях и опасностях войны. Дело в том, что к морским силам римлян они относились весьма пренебрежительно и никак не рассчитывали, что римляне попытаются снова утвердиться на море. Вот почему с самого начала битвы карфагеняне оказались слабее римлян на многих пунктах боевой линии, были побеждены, причем пятьдесят кораблей их потоплено, а семьдесят вместе с командою взято в плен. Остальной флот с распущенными парусами под попутным ветром

отступил к острову Гиере; на их счастье ветер неожиданно переменился и вовремя помог им.

62. Итак, римский консул возвратился под Лилибей к своему войску и принял необходимые меры относительно захваченных кораблей и людей, что было нелегко, ибо пленных взято было немного меньше десяти тысяч человек. С другой стороны, карфагеняне, хотя сверх всякого ожидания потерпели поражение, обнаруживали прежнюю готовность к борьбе, прежний воинственный дух и рвение, но затруднялись в способах вести ее. Ибо море было теперь во власти неприятеля, и они не могли уже доставлять продовольствие своему войску в Сицилии, а отказавшись от надежд на то войско и как бы даже выдав его неприятелю, карфагеняне не знали, откуда добыть для войны и солдат, и вождей. Поэтому они немедленно отправили гонцов к Барке и давали ему неограниченные полномочия. Барка исполнил долг военачальника честно и разумно, именно: до тех пор пока положение дел допускало какую-нибудь надежду на успех, он не останавливался ни перед какими усилиями и опасностями и, как подобает военачальнику, испытал все средства, обещавшие победу. Но когда положение ухудшилось и у него не оставалось более никакой надежды на спасение вверенных ему воинов, Барка сознательно и благоразумно покорился обстоятельствам и отправил к римлянам послов для переговоров об окончании войны и заключении мира. От вождя требуется, чтобы он умел одинаково верно определять моменты как для победы, так и для отступления. Лутаций с радостью принял предложение Барки, ибо ему известно было, что сами римляне истощены войною и тяготятся бременем ее; поэтому войне положен был конец на таких приблизительно условиях: «На нижеследующих условиях, если они угодны будут и народу римскому, должна быть дружба между карфагенянами и римлянами: карфагеняне обязаны очистить всю Сицилию, не воевать с Гиероном, не ходить войною ни на сиракузян, ни на союзников их; карфагеняне обязаны выдать римлянам всех пленных без выкупа; карфагеняне обязаны уплатить римлянам в продолжение двадцати лет две тысячи двести эвбейских талантов серебра».

63. Когда условия эти были доставлены в Рим, народ не принял их и отправил десять граждан в Сицилию для расследования дела. По прибытии на место уполномоченные оставили неизменным существо договора, лишь некоторые обязательства карфагенян усилили, именно: срок уплаты они сократили наполовину, прибавили еще тысячу талантов и обязали карфагенян очистить все острова, лежащие между Италией и Сицилией.

Такой конец имела война из-за Сицилии между римлянами и карфагенянами, и таковы были условия мира. Длилась она непрерывно двадцать четыре года и была продолжительнее, упорнее и важнее всех войн, какие известны нам в истории. Не говоря о прочих битвах и средствах вооружения, о чем рассказано нами выше, в одном из сражений противники выставили более пятисот, а в другом немного меньше семисот пятипалубных судов. В этой войне римляне потеряли до семисот пентер, считая и погибшие в кораблекрушениях, а карфагеняне до пятисот.

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга I. Пер. М.Ф. Дашковой и А.И. Немировского.

II. 1. Подчинив и усмирив Италию, римский народ, имевший от роду 500 лет, вырос и возмужал. И если есть на свете сила и молодость, то он, поистине сильный и молодой, стал соперником всему миру. (2) Народ, который в течение пяти веков сражался у себя дома — так трудно было стать главою Италии, — в течение последующих двухсот лет с победами прошел по Африке, Европе, Италии и, наконец, по всему миру.
II. 2. Победив Италию, римский народ дошел до пролива и остановился, подобно огню, который, опустошив пожаром встречные леса, постепенно затихает, натолкнувшись на реку. (2) Вскоре он увидел вблизи богатейшую добычу, каким-то образом отторгнутую, словно оторванную от Италии. Он воспылал страстным стремлением к ней, а поскольку ее

нельзя было привязать ни насыпью, ни мостами, решил, что ее следует взять силой и присоединить к материку с помощью войны. (3) А тут как раз представился случай, будто сам рок указывал путь: Месеана, союзное сицилийское государство, стало жаловаться на обиды со стороны карфагенян. Сицилии домогались как римлянин, так и карфагенянин. Равные в своих стремлениях и силах, они одновременно помышляли о власти над миром. (4) И вот под видом помощи союзникам, а на деле из-за того, что вводила в соблазн добыча, хотя и пугала новизна предприятия, этот грубый, этот пастушеский и поистине сухопутный народ показал (а уверенность в своих силах у него была), что отважным воинам неважно, как и где сражаться: на конях или на кораблях, на суше или на море. (5) При консуле **Аппии Клавдии** римский народ впервые вступил в пролив, пользовавшийся дурной славой из-за мифических чудовищ и яростный из-за бурного течения. Но он был настолько бесстрашен, что принял в дар само неистовство низвергающихся волн. [6] Он разбил **Гиерона**-сиракузца с такой быстротой, что тот сам утверждал, будто увидел себя побежденным раньше, чем заметил врага. (7) При консулах **Дуиллии** и **Корнелии** римский народ отважился вступить в морское сражение. Залогом победы была тогда сама быстрота сооружения флота. Ибо через 60 дней после того, как был срублен лес, флот из 160 кораблей стоял на якоре, так что казалось, будто не искусство людей, а дар богов превратил деревья в корабли. (8) Восхищения достоин ход сражения, когда быстрые, как бы летавшие по волнам корабли врагов окружались нашими тяжеловесными и неуклюжими судами. (9) Карфагенянам не помогла морская опытность — умение ломать весла и искусно избегать ростры. Ибо железные крючья и мощные сооружения, до схватки многократно осмеянные врагом, заставляли его сражаться как на суше. Римский народ, потопив и обратив в бегство вражеский флот, одержал **победу у Липары** и отпраздновал свой первый морской триумф. (10) Радость была такова, что полководец Дуиллий не удовлетворился однодневным торжеством, но оправлял его всю жизнь, приказав, чтобы после обеда перед ним всякий раз несли факелы и играли флейты. (11) По сравнению с такой победой захват врагами консула Корнелия Азины показался незначительным ущербом. Его пригласили якобы на переговоры и убили — образец лунийского вероломства! (12) При диктаторе **Калатине** римский народ изгнал почти все гарнизоны пунийцев из Агритента, Дрепан, Панорма, Эрика и Лилибея. (13) Однажды мы все же дрогнули у Камеринского леса, но благодаря выдающейся доблести военного трибуна Кальпурния Фламмы уцелели. С отборным отрядом в 300 человек он захватил холм, занятый врагами, и удерживал противника до тех пор, пока все войско не выбралось из окружения. [14] Благодаря великолепному исходу сражения Кальпурний сравнялся славой с Фермопилами и Леонидом и даже оказался блистательнее, ибо то, что уцелело от столь великого похода, не позволяет ничего написать кровью. (15) При консуле **Луции Корнелии Сципионе**, когда Сицилия уже была пригородной провинцией, римский народ перебрался, распространяя войну вширь, на Сардинию и прилегающую к ней Корсику. (16) В первой он устрашил местных жителей разрушением Ольвии, во второй — города Алерии и столь успешно очистил от карфагенян сушу и море, что для победы уже не оставалось ничего, кроме самой Африки. (17) Под командованием **Марка Атилия Регула** война переплыла в Африку. Нашлись такие, кто потерял храбрость от одного упоминания о Пунийском море и его ужасах; особенно увеличил боязнь трибун Наутий. Обнажив секиру, Регул под страхом смерти добился от него повиновения и достойного выхода в море. (18) Наконец, поспешили на всех парусах, и при виде врагов пунийцев охватил такой ужас, что Карфаген едва не был взят при открытых воротах. (19) Прологом войны была Клипея: она первая выдается у пунийского берега как крепость и обзорный пункт. И Клипея, и триста оборонительных сооружений были опустошены. (20) Сражались не только с людьми, но и с чудовищами. Змея удивительной величины, рожденная словно для отмщения за Африку, беспокоила лагерь, расположенный у Баграда. (21) Победитель Регул добился того, что само его имя повсеместно внушало страх. Он перебил или заточил в оковы большую часть молодежи и самих полководцев, отправил в Рим флот,

нагруженный огромной добычей и уже готовый к триумфу. После этого он начал осаду самого источника войны — Карфагена и подступил к его воротам. (22) Тут воинское счастье повернулось в сторону римлян, но лишь настолько, чтобы умножились знаки римской доблести, величие которой почти всегда выявляется в бедствиях. (23) Враги обратились за внешней помощью. Лакедемон послал к ним полководца **Ксантиппа**, и муж, опытнейший в военном искусстве, побеждает нас. Позорное поражение, не ведомое ранее римлянам: живым попал в руки врагов храбрейший полководец. Но он стойко выдержал такое бедствие и не был сломлен ни пунийский тюрьмой, ни тем, что карфагеняне использовали его для переговоров с Римом. (24) Естественно, что его мнение было противоположно тому, что поручал враг: он был против заключения мира и обмена пленниками. (25) И величие Регула не было обесславлено ни добровольным возвращением к врагам, ни жесточайшим наказанием тюрьмой и крестом. Замечательнее всего было то, что он оказался победителем победителей; и хотя ему не поддался Карфаген, он достиг триумфа над самим воинским счастьем. (26) А римский народ намного яростнее и ревностнее стремился к мести за Регула, чем к победе.

(27) Итак, когда при консуле **Метелле** пунийцы еще более воспрянули духом и в Сицилии возобновилась война, римский народ наголову разбил врагов **у Панорма**, и они больше не помышляли нападать на этот остров. (28) Свидетельство огромной победы — около сотни слонов — столь великая добыча, как если бы он захватил это стадо не на войне, а на охоте. (29) При консуле Аппии Клавдии римский народ был побежден не врагами, а самими богами, знамениями которых он пренебрег; римский флот был сразу же потоплен там, где консул приказал выбросить жертвенных цыплят, поведение которых запрещало вступать в сражение. (30) При консуле **Марке Фабии Бутеоне** в Африканском море **у Эгимура** был разбит вражеский флот, плывущий в сторону Италии. (31) Увы! Какие огромные трофеи погибли во время бури! Ведь наши суда, гонимые неблагоприятными ветрами, потерпели кораблекрушение и наполнили, богатой добычей Африку, Сирт и берега лежащих между ними островов. (32) Великое бедствие! Но и оно возвеличило достоинство. народа-принцепса: хотя победу перехватила буря, а трофеи были похищены кораблекрушением и добычу, захваченную нами у пунийцев, прибивало ко всем мысам и островам, римский народ и без нее справил триумф. (33) При консуле **Лутации Катуле у Эгатских островов**, был положен конец войне: произошло самое крупное морское сражение. (34) Флот врага был перегружен войсковыми обозами, войском, осадными башнями и оружием, словно на нем уместился весь Карфаген; это и принесло ему гибель. (35) Римский флот, удобный, легкий, надежный и в некотором роде походный, вступил как будто в конное сражение: веслами действовали словно поводьями, и на любые удары подвижные ростры отзывались, словно живые. (36) В самое короткое время разбитые вражеские суда покрыли своими обломками все море между Сицилией и Сардинией. (37) Победа была такова, что не возникло необходимости в разрушении вражеских стен. Казалось излишним сокрушать крепость и стены, когда Карфаген уже был побежден на море.

2. Вторая Пуническая война.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Фабий Максим. Пер. С.П. Маркиша.

2. Когда Ганнибал вторгся в Италию, одержал первую победу при реке Требий и двинулся через Этрурию, опустошая страну и приводя Рим в ужас и смятение, и одновременно распространились слухи о многих знамениях, консула Гая Фламиния, от природы горячего и честолюбивого, гордившегося блестящим успехом, которого он перед тем совершенно неожиданно достиг, вступивши, несмотря на приказ сената и сопротивление

товарища по должности, в бой с галлами и нанеся им поражение, – Гая Фламиния все это нимало не образумило.
3. Однако переубедить Фламиния Фабий не смог. Заявив, что он не подпустит неприятеля к воротам Рима и не намерен, подобно древнему Камиллу, вести сражение за город в его стенах, Фламиний приказал военным трибунам выводить войска, а сам вскочил на коня, как вдруг конь без всякой видимой причины испугался, задрожал и сбросил консула, который, падая, ударился головой, но от прежнего решения не отступился: следуя своему плану, он двинулся навстречу Ганнибалу и выстроил римлян в боевом порядке у Тразименского озера в Этрурии. Когда воины уже сошлись в рукопашную, в самый разгар битвы, случилось землетрясение, которое разрушило города, изменило течение рек и избороздило трещинами подножья скал. Но, несмотря на силу этого явления, решительно никто из сражающихся его не заметил. Фламиний, проявивший и доблесть и силу, пал, а вокруг него – лучшая часть войска. Остальные обратились в бегство, началась свирепая резня, пятнадцать тысяч было перебито и столько же взято в плен. Из уважения к храбрости Фламиния Ганнибал хотел разыскать и с почетом похоронить тело, но его не нашли среди мертвых, и вообще неизвестно, как оно исчезло.
О поражении при Требии ни консул, писавший донесение в Рим, ни гонец, посланный с этим донесением, прямо не сообщили – оба лгали, будто одержана победа, хотя и сомнительная, ненадежная. На этот раз едва только претор Помпоний узнал о случившемся, он немедленно созвал народ на собрание и без всяких обиняков и околичностей сказал: «Римляне, мы проиграли важное и большое сражение, войско погибло, консул Фламиний убит. Подумайте о своем спасении и безопасности». Слова претора, словно хлестнувший по морю шквал, всколыхнули весь город, сперва никто не в силах был собраться с мыслями, но под конец все сошлись на том, что обстоятельства требуют неограниченного единовластия (римляне называют его «диктатурой») и человека, который твердо и бесстрашно возьмет в руки эту власть, а таков, по всеобщему мнению, был один только Фабий Максим: лишь его здравомыслие и нравственная безупречность соответствовали величию должности диктатора; с другой стороны, он был в том возрасте, когда телесные силы еще отвечают вынашиваемым в душе планам и с благоразумием соединена отвага.
4. После того, как решение было принято и Фабий, назначенный диктатором, в свою очередь назначил начальником конницы Марка Минуция, он прежде всего попросил у сената дозволения ездить верхом во время военных действий. Каким-то древним законом это возбранялось: то ли римляне главную свою силу полагали в пехоте и потому считали, что полководец должен оставаться в пешем строю и не покидать его, то ли, поскольку во всем прочем диктаторская власть столь огромна и равна царской, они желали, чтобы хоть в этом проявлялась зависимость диктатора от народа. Во всяком случае Фабий был, намерен сразу же показать народу величие и достоинство своей власти, дабы обеспечить себе беспрекословное повиновение сограждан, и вышел в сопровождении двадцати четырех ликторов. Ему навстречу направился оставшийся в живых консул, но Фабий через служителя приказал ему распустить своих ликторов, сложить с себя знаки консульского достоинства и явиться к диктатору частным образом.
Потом он воздал должное богам, как нельзя лучше приступая к исполнению своих обязанностей: он внушал народу, что причина неудачи – не трусость воинов, а нерадивое, пренебрежительное отношение полководца к божеству, призывал не страшиться противника, но умилостивить и почтить богов и при этом не суеверие вселял в души, но храбрость и доблесть укреплял благочестием, добрыми надеждами на богов изгоняя и ослабляя страх перед врагами. Тогда же обратились и ко многим из тайных пророческих книг, называемых Сивиллиными, и оказалось, как говорят, что некоторые содержащиеся в них прорицания совпали с событиями и делами тех дней. Прочитанное в этих книгах не моглобыть поведано никому, но диктатор, выйдя к толпе, дал богам обет принести им в жертву весь приплод коз, свиней, овец и коров, который вскормят к концу весны горы,

равнины, луга и пастбища Италии, и устроить мусические и драматические состязания, употребив на это триста тридцать три тысячи сестерциев и триста тридцать три с третью денария (это составляет в целом восемьдесят три тысячи пятьсот восемьдесят три драхмы и два обола). Почему сумма была определена с такой точностью, сказать трудно; разве что захотели прославить могущество троицы – числа совершенного по своей природе: первое среди нечетных, оно заключает в себе начало множественности, а также первоотличия и первоосновы всякого числа вообще, смешивая их и стройно сочетая друг с другом.

5. Итак, устремив помышления народа к богам, Фабий внушил ему веру в будущее, сам же всецело полагался на себя одного в твердой надежде, что бог дарует успех лишь доблести и благоразумию. Он двинулся против Ганнибала, но не для того, чтобы дать ему решающее сражение, а чтобы исподволь истощить его и сломить, противопоставив силе время, скудости – изобилие, малочисленности – многолюдность. Поэтому он неизменно разбивал лагерь на высотах, вне досягаемости для вражеской конницы, не двигался, пока оставался на месте неприятель, а когда тот пускался в путь, шел в обход через горы, то и дело показываясь на расстоянии достаточно далеком, чтобы не вступать в бой вопреки своему намерению, но достаточно близком, чтобы самим своим промедлением держать противника в постоянном страхе перед битвой. Однако бесконечные оттяжки и отсрочки вызывали всеобщее презрение: Фабия не только поносили в собственном лагере, но даже враги считали его трусом и никуда не годным полководцем.

Лишь один человек судил по-иному, и это был Ганнибал. Только он один разгадал искусный замысел Фабия и его план ведения войны и, понимая, что любыми средствами – хитростью или силой – нужно заставить его принять бой (ибо в противном случае карфагеняне погибли, поскольку то, в чем они сильнее, – их оружие, – остается без употребления, то же, в чем они уступают неприятелю, – люди и казна, – тает и растрачивается впустую), перепробовал все военные уловки и приемы, точно опытный борец, пытающийся нащупать слабое место противника; он нападал на Фабия, тревожил его, вынуждал часто менять позицию, стараясь, чтобы тот в конце концов забыл об осторожности.

Фабий, уверенный в преимуществах своего образа действий, твердо стоял на своем, но ему не давал покоя начальник конницы Минуций, который совершенно некстати рвался в сражение, держал себя самоуверенно и нагло и в погоне за благосклонностью воинов наполнял их души сумасбродной горячностью и пустыми надеждами. Его приверженцы с презрением и издевкой звали Фабия «Ганнибаловым дядькой», Минуция же провозглашали великим человеком и достойным Рима полководцем. Последний, еще сильнее возомнив о себе и возгордившись, стал насмехаться над лагерными стоянками на высотах, говоря, что диктатор непрестанно печется о том, чтобы его подчиненным было получше видно, как жгут и опустошают Италию, и осведомлялся у друзей Фабия, не потому ли командующий старается поднять войско в небеса, что простился с надеждой удержать за собой землю. Или, может, он хочет ускользнуть от врагов, укрывшись за тучами и облаками? Когда друзья рассказали об этом Фабию и советовали пойти навстречу опасности, чтобы пресечь дурную молву, он отвечал: «Я оказался бы еще большим трусом, чем меня считают теперь, если бы, испугавшись насмешек и хулы, изменил своему решению. В страхе за отечество нет ничего позорного, а смущаться людским мнением, клеветою и бранью – недостойно мужа, облеченного такою властью, если он не намерен сделаться рабом тех, кем ему надлежит править и повелевать, невзирая на их заблуждения».

6. Вскоре после этого Ганнибал допустил грубую ошибку. Чтобы подальше оторваться от Фабия и выйти на равнину, где было много корма для коней, он приказал проводникам сразу после обеда вести войско к Казину. Не разобрав как следует из-за его чужеземного выговора слово «Казин», проводники направились к границам Кампании, к городу Казилину, разделенному посредине рекою, которую римляне называют Волтурн. Эта местность со всех сторон окружена горами: к морю сбегает долина, в которой после

разлива речек остаются болота с высокими песчаными дюнами по краям, тянущиеся до самого морского берега, заливаемого бурными волнами и лишенного гаваней. Пока Ганнибал спускался в долину, Фабий, прекрасно знавший все дороги в тех краях, обошел его, поставил в теснине заслон из четырех тысяч тяжеловооруженных пехотинцев, остальное войско выгодно разместил на высотах, а сам с наиболее подвижными и легковооруженными воинами ударил в тыл карфагенянам и привел в смятение весь их строй; противник потерял убитыми около восьмисот человек.

Тут Ганнибал, поняв свою ошибку и видя опасность, которой подвергается, распял проводников и стал думать, как бы ему отступить, но должен был отказаться от мысли силою потеснить противника, державшего в своих руках перевал. Войско считало свое положение безвыходным, поскольку кольцо окружения замкнулось, и уже совершенно пало духом, когда полководец нашел способ обмануть врага. Вот что он придумал. Он велел отобрать из добычи примерно тысячи две коров и привязать каждой к рогам факел, пучок прутьев или вязанку хвороста, а затем ночью по условленному знаку запалить факелы и гнать животных к перевалу и к теснинам, охранявшимся вражеской стражей. Меж тем как шли необходимые приготовления, начало смеркаться, и Ганнибал со всеми, кто не был занят исполнением его приказа, медленно тронулся с места. Пока пламя было не слишком жаркое и горело только дерево, коровы, повинуясь погонщикам, спокойно шли к подножию гор, а пастухи и волопасы дивились, глядя сверху на огоньки, сиявшие на остриях рогов, – им казалось, будто внизу стройно движется целое войско, освещая себе путь множеством светильников. Когда же рога, обгорев до самых корней, передали ощущение жжения живому мясу, коровы замотали от боли головами, зажигая друг на друге шерсть, и уже без всякого порядка, вне себя от страха и муки, ринулись вперед; лбы и кончики хвостов у них ярко сверкали, и почти повсюду, где они проносились, занимался лес и кустарник. Грозное это было зрелище для римлян, карауливших перевал: огни казались светильниками в руках бегущих людей, и нестерпимый страх овладел караульными при мысли, что враги несутся на них со всех сторон, что они окружены. Итак, не выдержав, они бросили проход и отступили к большому лагерю. В тот же миг подоспела легкая пехота Ганнибала и заняла перевал, тогда как остальная часть войска подошла уже в полной безопасности, тяжело обремененная огромной добычей.

7. Фабию еще ночью удалось разгадать обман (несколько коров отбились от стада и по одиночке попали в руки римлян), однако, боясь засад и темноты, он приказал своим сохранять боевую готовность, но со стоянки не снялся. Когда рассвело, он пустился в погоню и напал на тылы карфагенян; завязался рукопашный бой, позиция была неудобная, и это вызвало немалое замешательство, продолжавшееся до тех пор, пока посланные Ганнибалом испанцы, ловкие и проворные, опытные в лазании по горам, не ударили по первым рядам тяжелой пехоты римлян и, многих перебивши, обратили Фабия вспять. Вот когда брань зазвучала громче прежнего, а презрение к Фабию достигло предела. Ведь уступая Ганнибалу первенство в силе оружия, он рассчитывал одолеть его дальновидностью и силою ума, но и тут, оказывается, терпит поражение, попавшись в расставленные врагом сети! Чтобы еще пуще разжечь гнев римлян против Фабия, Ганнибал, подойдя к его поместью, приказал спалить и разграбить все кругом, и лишь владений диктатора запретил касаться – мало того, приставил стражу, чтобы там ничего не повредили и ничего оттуда не похитили.

Весть об этом, достигнув Рима, умножила обвинения, трибуны без устали обличали Фабия перед народом, и более всех усердствовал в злобных нападках Метилий – не столько из личной ненависти к диктатору, сколько надеясь, что клевета на него послужит к чести и славе начальника конницы Минуция, с которым Метилий был в родстве. Сенат был тоже разгневан – его возмутило соглашение о пленных, которое Фабий заключил с Ганнибалом: они уговорились обменивать человека на человека, если же у одной из сторон пленников окажется больше – платить за каждого двести пятьдесят драхм, и, когда обмен закончился, выяснилось, что у Ганнибала остается еще двести сорок римлян. Сенат

решил выкупа за них не посылать и поставил Фабию на вид, что, стараясь вернуть тех, кто попал в руки врага из-за собственного малодушия, он поступил недостойно и нецелесообразно. Получив такое порицание, Фабий встретил гнев сограждан спокойно, но, оставшись без средств и, в то же время, не считая возможным обмануть Ганнибала и бросить на произвол судьбы своих, отправил в Рим сына, чтобы тот продал его поместья, а вырученные деньги немедленно привез к нему в лагерь. Юноша продал земли и поспешно вернулся; тогда диктатор, отослав Ганнибалу выкуп, забрал пленных. Позже многие хотели возместить ему этот убыток, но он всем простил долг и ничего с них не взял.

8. Вскоре жрецы вызвали Фабия в Рим для участия в каком-то жертвоприношении, и он передал командование Минуцию, не только на правах главнокомандующего запретив ему вступать с неприятелем в сражение или в какие бы то ни было стычки, но и сопроводив свой приказ многочисленными увещаниями и просьбами. Минуций, однако, не придав всему этому ни малейшего значения, сразу же принялся тревожить карфагенян и однажды, выждав случай, когда Ганнибал большую часть своих людей отпустил для сбора продовольствия и корма, напал на оставшихся и загнал их в лагерь, нанеся врагу тяжелый урон и всем внушив страх перед осадой; когда же войска Ганнибала стали возвращаться, в полном порядке отступил, и сам безмерно кичась успехом, и воинам внушив дерзкую уверенность в своих силах.

Слух о победе, значительно приукрашенный, быстро достиг Рима, и Фабий сказал, что больше, чем неудачи Минуция, боится его удачи, а народ, ликуя, сбежался на форум, и трибун Метилий, взойдя на возвышение, произнес речь, в которой восхвалял Минуция, Фабия же обвинял в малодушии, в трусости и даже в предательстве, и не только Фабия, но вообще самых знатных и влиятельных граждан: они-де с самого начала затеяли эту войну для того, чтобы лишить народ всех прав и подчинить государство неограниченной власти одного человека, который своей медлительностью даст Ганнибалу возможность сначала закрепиться в Италии, а затем и покорить ее, получив свежее подкрепление из Африки.

9. Затем выступил Фабий. Он даже не подумал оправдываться и отвечать трибуну, но сказал, что... [*Текст в оригинале испорчен*] как можно скорее завершить жертвоприношения и другие обряды, чтобы вернуться к войску и наказать Минуция, который, ослушавшись его приказа, вступил в бой. Видя, что Минуцию грозит опасность, народ поднял невообразимый шум: ведь диктатору дозволено заключать граждан в оковы и даже казнить без суда, а все были уверены, что, долго сдерживая себя, Фабий, наконец, ожесточился и что тем суровее и беспощаднее будет теперь его гнев. В страхе никто не решался произнести ни слова, но Метилий, которому обеспечивало неприкосновенность достоинство трибуна (только это звание и сохраняло силу после выбора диктатора, когда все прочие должностные лица складывали свои полномочия), настойчиво убеждал и просил народ не выдавать Минуция, не допустить, чтобы он разделил ту участь, на которую Манлий Торкват обрек своего сына – юношу, совершившего великий подвиг и награжденного венком, но, не взирая на все это, обезглавленного; в заключение он призвал лишить Фабия верховной власти и вручить ее тому, кто и может и хочет спасти Рим.

Граждане не остались глухи к его словам: правда, при всем своем недовольстве Фабием, они не осмелились принудить его отказаться от диктатуры, но постановили, чтобы Минуций по положению был равен командующему и чтобы военными действиями руководили оба на равных правах – беспримерное для Рима решение, однако вскоре, после разгрома при Каннах, повторившееся. Случилось так, что диктатор Марк Юний находился с войсками в лагере, а поскольку в битве пало много сенаторов и состав сената требовалось пополнить, для дел внутригосударственных был избран другой диктатор – Фабий Бутеон. Однако, едва появившись перед народом и назначив новых сенаторов, он в тот же день отпустил ликторов, исчез из глаз своей свиты и, смешавшись с толпой, занялся на форуме своими повседневными делами, как любое частное лицо.

10. Отведя Минуцию то же поле деятельности, что и диктатору, враги рассчитывали вконец унизить Фабия. Плохо же знали они этого человека! В заблуждении толпы он не усматривал личного своего несчастья, но, подобно мудрому Диогену, который в ответ на чье-то замечание: «Они над тобой насмехаются», сказал: «Ты ошибаешься, я не слышу насмешек», – справедливо рассудив, что насмехаться можно лишь над теми, кого это задевает и тревожит, – подобно Диогену, повторяю, бесстрастно и легко переносил случившееся, подтверждая мнение тех философов, которые считают, что человека порядочного и честного нельзя ни оскорбить, ни опорочить. Безрассудство народа огорчало его лишь постольку, поскольку оно шло во вред государству, – ведь неистовое честолюбие Минуция получило теперь средства проявить себя в боях, – и боясь, что бывший начальник конницы, совершенно потеряв голову от тщеславия и высокомерия, сразу же натворит каких-нибудь бед, Фабий тайно от всех покинул Рим.

Вернувшись в лагерь, он застал Минуция раздувшимся от несносной, поистине безудержной гордости, и тот потребовал, чтобы они командовали по очереди. На это Фабий не согласился и разделил с ним войско, предпочитая один командовать частью его, нежели всем целиком, но попеременно. Первый и четвертый легионы он оставил себе, а второй и третий передал Минуцию; поровну были разделены и вспомогательные отряды союзников. Минуций радовался и чванился, что-де ради него обезображена краса высшей и самой могущественной власти, но Фабий, взывая к его здравому смыслу, советовал не забывать, что его соперник – все же не Фабий, а Ганнибал; если же он ищет победы и над товарищем по должности, пусть остерегается, как бы не сложилось мнение, что взысканный почетом победитель меньше заботится о спасении и безопасности сограждан, чем униженный ими побежденный.

11. Но Минуций не увидел в этих словах ничего, кроме язвительной старческой насмешки. Забрав доставшуюся ему часть войска, он стал лагерем отдельно от Фабия. Ни одно из этих событий не ускользнуло от взгляда Ганнибала – он зорко за всем следил, выжидая своего часа. Между стоянками римлян и карфагенян возвышался холм, которым нетрудно было овладеть и который мог стать отличным местом для лагеря, выгодным во всех отношениях. Равнина вокруг его подошвы, лишенная растительности, издали казалась совсем гладкой, но на ней были небольшие рвы и другие углубления. Пользуясь ими, ничего не стоило тайно захватить холм, однако Ганнибал предпочел оставить его в качестве приманки и повода к битве. Когда же карфагенянин узнал, что Минуций отделился от Фабия, то ночью рассадил часть своих людей по рвам и ямам, а на рассвете открыто отправил небольшой отряд занять холм, рассчитывая вызвать Минуция на бой. Так оно и случилось. Сначала римлянин выслал легкую пехоту, потом всадников и, наконец, заметив, что Ганнибал идет на подмогу своим, двинулся вниз со всем войском в боевом порядке. Завязалось ожесточенное сражение с теми, что метали копья с вершины холма; оно шло с переменным успехом до тех пор, пока Ганнибал, убедившись, что обман удался прекрасно и что тылы римлян, ничем не защищенные, обращены к его солдатам в засаде, не подал им сигнал. Тут они разом вскочили и с громким криком ринулись на врага со всех сторон. Последние ряды были изрублены, неописуемый ужас и смятение поднялись среди римлян, у самого Минуция дерзости тоже поубавилось, и он робко переводил взгляд с одного начальника на другого, но даже из них ни один не отважился остаться на месте – все обратились в беспорядочное бегство, которое однако не сулило спасения: нумидийцы, уже торжествуя победу, носились вокруг, убивая рассеявшихся по равнине.

12. Итак, римляне терпели жесточайшее бедствие, но опасность, грозившую им, видел Фабий, который, надо полагать, заранее зная, что должно произойти, держал войско в боевой готовности и сведения о том, как развертываются события, получал не через гонцов, но сам вел наблюдение, выйдя за лагерный частокол. Когда он заметил, что римлян окружают и что ряды их смешались, когда крики упорно обороняющихся сменились испуганными воплями беглецов, Фабий в досаде хлопнул себя по бедру и с

тяжелым вздохом сказал своим спутникам: «Клянусь Геркулесом, Минуций губит себя куда скорее, чем я предполагал, но куда медленнее, нежели он сам к этому рвался!» Он приказал, ни минуты не медля, выносить значки, а воинам – следовать за ними и крикнул: «Теперь все, кто помнит Марка Минуция, вперед! Он замечательный человек и горячо любит отечество. Если же, спеша изгнать неприятеля, он и допустил ошибку, обвинять его будем потом!» Появившись на равнине, он первым делом разогнал и обратил в бегство рыскавших по ней нумидийцев, а потом напал на тех, что зашли римлянам в тыл; все, оказавшие сопротивление, были убиты, остальные же, боясь очутиться в кольце и испытать ту же участь, которую они сами готовили римлянам, дрогнули и побежали. Когда Ганнибал увидел, что в битве наступил перелом и что Фабий с неожиданной для его лет силой прокладывает себе меж сражающимися путь к Минуцию, вверх по склону холма, он прервал бой и велел трубить отступление; карфагеняне отошли в свой лагерь, и римляне охотно последовали их примеру. Говорят, что по пути Ганнибал шутливо заметил друзьям: «Ну вот, вам, пожалуйста! Ведь я не раз предсказывал, что эта туча, обложившая вершины, в один прекрасный день разразится грозою с ливнем и градом!»

13. Фабий приказал снять доспехи с убитых врагов и отступил, не обмолвившись ни одним высокомерным или гневным словом о своем товарище по должности. Минуций же, собрав своих, сказал: «Друзья и соратники! ни разу не ошибиться, совершая подвиги, – выше человеческой природы; но человеку благородному свойственно, раз оступившись, извлечь из этого уроки на будущее. Должен признаться, что у меня не много оснований хулить судьбу и гораздо больше – ее восхвалять. За какую-то малую часть дня мне открылось то, что я так долго не понимал: я узнал, что не способен начальствовать над другими, мало того – сам не могу обойтись без начальника, и что нечего рваться к победе над тем, кому лучше покориться. У вас нет другого начальника, кроме диктатора, я же останусь вашим главою лишь в изъявлениях благодарности ему, первым исполняя все его приказания!» Затем он велел поднять орлов и повел войско к лагерю Фабия; войдя в ворота, он, сопровождаемый всеобщим изумлением и недоуменными взглядами, направился к палатке командующего. Когда вышел Фабий, Минуций приказал сложить перед ним значки и громко приветствовал его, назвав «отцом», меж тем как воины почтили воинов Фабия обращением «патроны» (этим именем вольноотпущенники зовут тех, кто отпустил их на волю). Наконец, настала тишина, и Минуций заговорил: «Две победы, диктатор, одержал ты сегодня: храбростью одолел Ганнибала, мудростью и добросердечием – товарища по должности; первою ты нас спас, второю – научил уму-разуму, нас, потерпевших позорное поражение от Ганнибала, прекрасное и спасительное – от тебя. Я назвал тебя добрым отцом потому, что не знаю имени почетнее, но моя признательность тебе выше и горячее, нежели родному отцу, благодаря коему увидел свет один только я, меж тем как ты спас и меня и всех их!» С этими словами он обнял и поцеловал Фабия, а вслед за начальниками и воины стали обнимать и целовать друг друга, так что весь лагерь был полон радости и самых сладких слез.

14. Вскоре Фабий сложил с себя власть, и снова были избраны консулы. Первые из них, непосредственно сменившие Фабия, вели войну теми же средствами, что и он, – избегали решительного сражения с Ганнибалом, оказывали помощь союзникам, препятствовали их отложению; но когда консулом сделался Теренций Варрон, человек из малоизвестного рода, но стяжавший известность своей самонадеянностью и искательством перед народом, с самого начала было ясно, что его неопытность и дерзкое безрассудство поставят под угрозу судьбу всего государства. В Собрании он всякий раз кричал, что войне до тех пор не будет конца, пока командование поручают Фабиям, а что-де сам он разобьет противника в тот же день, как его увидит. Ведя подобные речи, он набирал такое огромное войско, какого у римлян никогда еще не бывало: в строй готовились стать восемьдесят восемь тысяч человек, и это не внушало Фабию и всем здравомыслящим римлянам ничего, кроме страха. Они были убеждены, что государству не оправиться от потери, если оно разом лишится стольких бойцов. Вот почему Фабий, обращаясь к

товарищу Теренция по должности, Эмилию Павлу, искушенному в делах войны, но расположением народа не пользовавшемуся и запуганному обвинительным приговором, который был ему вынесен по какому-то делу, призывал его обуздать безумие товарища и внушал, что бороться за отечество ему предстоит не столько с Ганнибалом, сколько с Теренцием; оба, говорил он, спешат со сражением, один – не зная силы противника, другой – зная собственную слабость. «Право же, Павел, – закончил Фабий, – я заслуживаю большего доверия, чем Теренций, во всем, что касается Ганнибала, и я, не колеблясь, утверждаю, что если в этом году никто не потревожит его битвой, он либо погибнет, оставаясь в Италии, либо бежит без оглядки. Ведь даже теперь, когда он, казалось бы, победитель и владыка, никто из наших врагов к нему не примкнул, а из тех сил, какие он привел с собою, едва ли цела и третья часть». На это, как сообщают, Павел отвечал так: «Когда я думаю только о себе, Фабий, то для меня вражеские копья лучше нового суда сограждан. Но коль скоро таковы нужды государства, я предпочту, руководя войском, услышать похвалу от тебя, нежели от всех прочих, навязывающих мне противоположные решения». Сделав такой выбор, Павел уехал.

15. Но Теренций настоял на том, чтобы консулы командовали попеременно – каждый по одному дню, и, расположившись лагерем рядом с Ганнибалом, у реки Ауфида, подле деревушки, называемой Канны, на рассвете поднял сигнал битвы (это пурпурный хитон, который растягивают над палаткой полководца). Поначалу даже карфагеняне пришли в смятение, изумленные отвагой командующего и размерами войска: ведь они уступали противнику числом более чем вдвое. Ганнибал приказал своим вооружаться, а сам в сопровождении нескольких всадников поднялся на невысокий пригорок и стал наблюдать за противником, который уже строился в боевые ряды. Один из его спутников, по имени Гискон, человек равного с ним положения, сказал, что число врагов кажется просто поразительным. «Но есть вещь еще более поразительная, Гискон, и ты ее проглядел», – возразил Ганнибал, прищурившись. «Что же это?» – спросил Гискон. «А то, что среди такого множества людей нет ни одного, которого бы звали Гисконом!» Шутка была совершенно неожиданной, все рассмеялись и, спускаясь с холма, пересказывали ее каждому встречному, так что смех все ширился, и даже сам Ганнибал не мог сдержать улыбки. Увидев это, карфагеняне приободрились, считая, что лишь глубочайшее презрение к неприятелю позволяет их полководцу так спокойно смеяться и шутить перед лицом опасности.

16. Во время битвы Ганнибал применил несколько военных хитростей. Во-первых, он так расположил своих солдат, что ветер дул им в спину. А ветер этот был подобен знойному вихрю – вздымая на открытой, песчаной равнине густую пыль, он проносил ее над рядами карфагенян и бросал в лицо римлянам, которые волей-неволей отворачивались, нарушая строй. Во-вторых, на обоих крыльях он поставил сильнейших, самых искусных и отважных воинов, а самыми ненадежными заполнил середину, выстроенную в виде выступавшего далеко вперед клина. Отборные получили приказ: когда римляне взломают центр, который, естественно, подастся назад, принимая очертания впадины, и ворвутся внутрь карфагенского строя, совершить поворот и стремительно ударить им в оба фланга, чтобы полностью окружить неприятеля. Это, по-видимому, и было главной причиной чудовищной резни. Когда центр карфагенян стал отходить и римляне, бросившись в погоню, оказались в глубине неприятельских рядов, строй Ганнибала изменил свою форму и сделался похож на полумесяц, и тут лучшие отряды, выполняя приказ начальников, быстро повернули – один направо, другие налево, – напали на обнаженные фланги противника и, соединившись, истребили всех, кто не успел выскользнуть из их кольца.

Говорят, что и с конницей римлян приключилась неожиданная беда. Конь под Павлом был, вероятно, ранен и сбросил хозяина; ближайшие к консулу всадники, один за другим спешившись, кинулись ему на помощь, и, увидев это, остальные решили, что была подана общая команда, соскочили с коней и начали рукопашный бой. «На мой вкус, это еще

лучше, чем если бы они сами сдались в плен», – заметил тогда Ганнибал. Такие подробности приводят авторы обстоятельных исторических сочинений.
Один из консулов, Варрон, с немногими сопровождающими ускакал в город Венусию, а Павел, втянутый в гущу и водоворот бегства, весь израненный копьями и дротиками, подавленный тяжелейшею скорбью, сел на какой-то камень и ждал смерти от руки врага. Кровь так обильно залила ему голову и лицо, что даже друзья и слуги проходили мимо, не узнавая его. Только один человек заметил и узнал консула – молодой патриций Корнелий Лентул. Он спрыгнул с коня, подвел его к Павлу и принялся умолять, чтобы тот спас себя ради сограждан, которые-де теперь, как никогда, нуждаются в хорошем полководце. Но Павел не склонился на его просьбы; не обращая внимания на слезы юноши, он заставил его снова сесть на коня, подал ему руку и промолвил, поднимаясь с места: «Расскажи, Лентул, Фабию Максиму и сам будь свидетелем, что Павел Эмилий следовал его советам до конца и ни в чем не нарушил уговора, но был побежден сначала Варроном, а затем Ганнибалом». С этим поручением Павел отпустил Лентула, а сам бросился в самую сечу и нашел свою смерть. Сообщают, что в сражении погибло пятьдесят тысяч римлян, в плен попало четыре тысячи, да еще не меньше десяти тысяч было захвачено в обоих лагерях после окончания битвы.
17. После такого блистательного успеха друзья горячо убеждали Ганнибала не упускать своего счастья и по пятам беглецов ворваться в Рим. «Через четыре дня ты будешь обедать на Капитолии», – говорили они. Трудно сказать, что за соображения удержали его от этого – вернее всего, не разум, а какой-то гений или бог внушил ему эту робость и медлительность. Недаром, как сообщают, карфагенянин Барка в сердцах заявил своему главнокомандующему: «Ты умеешь побеждать, но пользоваться победой не умеешь!»
И все же победа резко изменила положение Ганнибала: если до битвы он не владел в Италии ни единым городом, торговым портом или хотя бы даже гаванью, едва-едва мог прокормить своих людей с помощью грабежа и, выступая в поход, не оставлял за спиною никакого надежного убежища, но скитался с войском, точно с огромною разбойничьей шайкой, то теперь сделался господином почти всей Италии. Большая часть самых значительных племен добровольно покорилась ему. Капуя, первый город в Италии после Рима, распахнула перед ним свои ворота. Немалое несчастье, по слову Эврипида, должно испытать, чтобы убедиться в верности друзей, но то же следует сказать и о благоразумии полководцев. И в самом деле, трусость и равнодушие Фабия, о которых без умолку толковали до битвы, сразу же после нее обернулись не просто человеческой мудростью, но некоей божественной, поистине чудесной проницательностью, так задолго предвидевшей события, поверить в кои было нелегко даже теперь, испытавши их на себе. Поэтому сразу все последние свои надежды Рим возложил на него, к рассудительности этого мужа прибег точно к храму и священному алтарю, и его здравомыслие было первой и главнейшей причиной того, что город остался цел и население не рассеялось, как во время кельтского нашествия. Тот самый человек, который прежде, когда, по общему суждению, никакой опасности не было, выказывал крайнюю осторожность и полнейшее неверие в успех, ныне, когда все погрузились в безграничную скорбь и неодолимое смятение, один проходил по городу твердою поступью, со спокойным лицом, с ласковым приветствием на устах, обрывал женские причитания, заставлял расходиться тех, что, сбившись в кучки, горевали и плакали на людях; он уговаривал сенаторов собраться, он ободрял должностных лиц и, будучи сам воплощением власти и силы, привлек к себе взоры всех властей.
18. Он приставил к воротам караульных, чтобы чернь не разбежалась и не покинула город, назначил место и время для траура, приказав, чтобы каждый, кто пожелает, оплакивал своих мертвых у себя дома в продолжение тридцати дней; после этого всякий траур надлежит прекратить, чтобы от слез и скорби не осталось и следа. Поскольку на эти дни пришелся праздник в честь Цереры, сочтено было за лучшее вовсе не приносить жертв и не устраивать шествия, нежели малочисленностью и унынием собравшихся воочию

показать ужасные размеры бедствия: ведь и божество радуется лишь тем почестям, которые воздают счастливые люди. Зато все меры, которые по совету прорицателей следовало принять, чтобы умилостивить богов и отвратить дурные знамения, были использованы. Пиктора, родственника Фабия, отправили в Дельфы вопросить оракула; обнаружив двух весталок, потерявших чистоту, одну из них заживо зарыли в землю, как того требует обычай (другая сама наложила на себя руки). Но что всего больше заслуживает восхищения, так это благородное милосердие римлян, проявившее себя, когда возвратился консул Варрон, бежавший с поля сражения; он возвращался жалкий и униженный, как и подобало после такой неудачи и такого позора, но сенат и весь народ вышли к воротам, чтобы его встретить и приветствовать. Власти и знатнейшие сенаторы (в числе их и Фабий), дождавшись тишины, похвалили консула за то, что, несмотря на великое несчастье, он не поддался отчаянию, но в уверенности, что и законы и сограждане могут еще быть спасены, вернулся, чтобы принять бразды правления.

19. Когда стало известно, что Ганнибал после битвы двинулся прочь от Рима, римляне воспрянули духом и снова стали снаряжать в поход войска и выбирать полководцев. Среди полководцев самыми знаменитыми были Фабий Максим и Клавдий Марцелл, которые стяжали почти одинаковую славу, хотя и держались взглядов чуть ли не противоположных. Марцелл, как об этом говорится в его жизнеописании, отличался неукротимою предприимчивостью и гордостью, был могучий боец, по самой природе своей один из тех, кого Гомер называет «бранелюбивыми» и «доблестными»; дерзкому и неустрашимому Ганнибалу он противопоставил собственную дерзость, и с первых же стычек повел дела отважно, без оглядки. Между тем, Фабий, верный своим прежним расчетам, надеялся, что Ганнибал, без всяких битв и столкновений, сам нанесет себе непоправимый урон и окончательно истощит в войне свои силы – подобно борцу, который от чрезмерного напряжения очень быстро изнемогает. Поэтому, как сообщает Посидоний, римляне прозвали его «щитом», а Марцелла «мечом»; по словам того же Посидония, твердость и осторожность Фабия, соединившись с рвением Марцелла, оказались спасительными для Рима. И верно, Марцелл был для Ганнибала словно бурный поток, и встречи с ним не раз приводили карфагенянина в трепет, сеяли смятение в его войске, меж тем как Фабий изнурял и подтачивал его незаметно, будто река, которая непрерывно бьет в берег, бесшумно и понемногу его подмывая, и в конце концов, Ганнибал, утомленный боями с Марцеллом и страшившийся Фабия, который от боев воздерживался, оказался в весьма затруднительном положении. Ведь почти все время его противниками оказывались эти двое, которых сограждане выбирали то преторами, то проконсулами, то консулами: каждый из них был консулом пять раз. Но если Марцелла в пятое его консульство Ганнибал все же заманил в засаду и убил, то с Фабием все его многочисленные попытки, как ни изощрял он свою хитрость, кончались ничем, если не считать одного случая, когда он едва не провел римского полководца. От имени первых и влиятельнейших граждан Метапонта он написал и отправил Фабию письмо, в котором говорилось, что они сдадут ему город, если он подступит к стенам Метапонта, и что участники заговора только и ждут, пока он подойдет поближе. Это послание оказало свое действие, и Фабий с частью войска уже готов был ночью двинуться в путь, но гадания по птицам предвещали беду, и он отказался от принятого решения, а в самом недолгом времени узнал, что письмо отправлено Ганнибалом, который приготовил ему у Метапонта засаду. Впрочем, этот счастливый исход можно приписать и благосклонности богов.

20. На отпадения городов и мятежи союзников Фабий предпочитал отвечать кроткими уговорами, старался мягко удержать и пристыдить бунтарей, а не учинять розыски по каждому подозрению и вообще не относиться к заподозренным сурово и непримиримо. Рассказывают, что когда один воин из племени марсов, человек знатного происхождения и первый среди союзников храбрец, подбивал кого-то из товарищей вместе изменить римлянам, Фабий не рассердился, а, напротив, признал, что того незаслуженно обошли, и только заметил, что теперь мол этот воин справедливо винит начальников,

распределяющих награды скорее по своему вкусу, нежели по заслугам бойцов, но впоследствии будет сам виноват, ежели, терпя в чем-то нужду, не обратится за помощью к самому Фабию. Затем он дал марсу боевого коня, отличил его и другими почетными дарами, так что впредь этот воин славился безупречнейшею верностью и усердием. Фабий считал нелепым, что, в то время как всадники и охотники смиряют в животных норов и злобу больше заботою, лаской и кормом, чем плеткой или ошейником, те, кто облечен властью над людьми, редко стараются их исправить посредством благожелательной снисходительности, но обходятся с подчиненными круче, нежели земледельцы с дикими смоковницами, грушами и маслинами, когда превращают эти деревья в садовые, облагораживая их породу.

Как-то раз центурионы донесли Фабию, что другой воин, родом луканец, часто отлучается из лагеря, покидая свой пост. Фабий осведомился, что вообще знают они об этом человеке. Все заверили, что второго такого воина найти нелегко, и привели несколько примеров его замечательной храбрости; тогда Фабий стал искать причину этих отлучек и выяснил, что луканец влюблен в какую-то девчонку и, уходя из лагеря, чтобы с нею встретиться, проделывает всякий раз долгий и опасный путь. И вот, не сказав ему ни слова, Фабий послал за этой бабенкой, спрятал ее у себя в палатке, а потом вызвал виновного и обратился к нему с такой речью: «Мне известно, что ты, вопреки римским обычаям и законам, часто ночуешь вне лагеря. Впрочем, и прежнее твое поведение мне небезызвестно, а потому во внимание к подвигам прощаю провинности, но на будущее приставлю к тебе новую стражу». Воин недоумевал, что все это значит, а Фабий, выведя женщину, передал ее влюбленному и промолвил: «Она будет порукой тому, что ты останешься с нами в лагере, а ты сможешь теперь на деле доказать, не уходил ли ты с какими-либо иными намерениями и не была ли любовь пустою отговоркой». Вот что об этом рассказывают.

21. Тарент, захваченный изменою, Фабий отбил у врага следующим образом. В римском войске служил молодой тарентинец, у которого в городе оставалась преданная и нежно привязанная к нему сестра. Ее полюбил бруттиец, командовавший отрядом, который Ганнибал поставил в Таренте. Это внушило тарентинцу надежду на успех, и он, с ведома и согласия Фабия, проник в город, по слухам же – бежал к сестре. Прошло несколько дней – бруттиец не показывался: женщина думала, что брат ничего не знает об их связи. Наконец юноша ей говорит: «У нас там были толки, будто ты живешь с каким-то важным начальником. Кто это такой? Если правда, что он человек порядочный и блистающий доблестью, не все ли равно, откуда он родом! Война ведь все смешивает! К тому же подчиниться принуждению – не позор, более того, великая удача, если в эту пору, когда о справедливости нет уже и речи, приходится подчиняться насилию не слишком грубому». После этого разговора женщина послала за бруттийцем и познакомила с ним брата, а тот, покровительствуя его страсти, так что сестра, казалось, стала к возлюбленному добрее и ласковее, чем прежде, быстро вошел к варвару в доверие и, в конце концов, без особого труда склонил влюбленного, да вдобавок еще наемника, к измене, посулив ему от имени Фабия богатые дары. Так излагает эти события большинство писателей. Некоторые называют виновницей измены бруттийца не тарентинку, а бруттийку, наложницу Фабия; узнав, что начальник бруттийского отряда – ее земляк и знакомый и сообщив об этом Фабию, она отправилась к городской стене, завязала с ним беседу и убедила перейти на сторону римлян.

22. Тем временем, чтобы отвлечь внимание Ганнибала, Фабий отправил войску, стоявшему в Регии, приказ совершить набег на Бруттий и взять приступом Кавлонию; в Регии находилось восемь тысяч солдат – главным образом перебежчики и ни на что не годный сброд, перевезенный Марцеллом из Сицилии, – а потому гибель этих людей не могла причинить государству почти никакого горя или ущерба. Подставив их под удар Ганнибала, Фабий бросил приманку, которая, по его расчетам, должна была увести карфагенян от Тарента. Так оно и вышло: Ганнибал с войском немедленно устремился в

Бруттий. Фабий осадил Тарент, и на шестую ночь к нему прибыл юноша, вступивший через сестру в сговор с бруттийцем; перед тем как уйти из города, он запомнил и старательно рассмотрел место, где бруттиец собирался, неся караул, впустить римлян. Тем не менее Фабий не положился на это всецело: сам он подошел к стене и стал спокойно ждать, а остальное войско, со страшным шумом и криком, бросилось на приступ одновременно и с суши и с моря, так что большинство тарентинцев побежали на подмогу тем, кто оборонял укрепления; в это время бруттиец подал Фабию знак, и римляне, взобравшись по лестницам, захватили город. И тут, по-видимому, Фабий не устоял перед соблазном честолюбия: он приказал казнить знатнейших бруттийцев, дабы не обнаружилось, что Тарент оказался в его руках вследствие предательства. Однако он не только обманулся в своих надеждах скрыть правду, но и навлек на себя обвинения в вероломстве и жесткости.

Погибли и многие тарентинцы; тридцать тысяч горожан были проданы в рабство, город разграблен войском; в казну поступило три тысячи талантов. Говорят, что в самый разгар грабежа писец спросил Фабия, что делать с богами (он имел в виду картины и статуи). «Оставим тарентинцам их разгневанных богов», – ответил Фабий. Все же он увез огромное изображение Геракла и воздвигнул его на Капитолии, а рядом – свою конную статую из бронзы, поступив в этих обстоятельствах гораздо неразумнее Марцелла или, говоря вернее, вообще показав, что своей мягкостью и человеколюбием этот муж заслуживает восхищения, как о том говорится в его жизнеописании.

23. Рассказывают, что Ганнибал поспешно возвращался и был уже всего в сорока стадиях от Тарента; узнав, что город взят, он заявил напрямик: «Стало быть, и у римлян есть свой Ганнибал: мы потеряли Тарент так же, как раньше захватили». Тогда он впервые доверительно признался друзьям, что уже давно понял, как трудно овладеть Италией с теми силами и средствами, которыми они располагают. «Теперь же, – заключил Ганнибал, – я убедился, что это невозможно».

Свой второй триумф Фабий справил пышнее, чем первый: ведь в этой схватке с Ганнибалом он явил себя отличным борцом и легко разрушал его замыслы, словно вырываясь из обхватов, уже не отличавшихся, однако, прежнею силой. В самом деле, часть карфагенского войска опустилась и обессилела под влиянием роскоши и богатства, другая же была изнурена и точно отупела, не зная отдыха в сражениях.

Был некий Марк Ливий, он командовал отрядом в Таренте; когда Ганнибал склонил город к отпадению, он не смог вытеснить Ливия из крепости, и тот продержался до тех пор, пока римляне снова не овладели городом. Почести, оказываемые Фабию, не давали ему покоя, и однажды, сгорая от зависти и неутоленного тщеславия, он заявил сенату, что захватом Тарента Рим обязан не Фабию, а ему. «Ты прав! – засмеялся Фабий. – Если бы ты не потерял город, я бы не смог его взять».

24. Римляне всячески старались выразить Фабию свое расположение и, между прочим, избрали консулом его сына, тоже Фабия по имени. Однажды, когда он, уже вступив в должность, занимался каким-то делом, связанным с войною, отец, то ли по старости и бессилию, то ли намереваясь испытать сына, хотел подъехать к нему верхом на коне, раздвинув окружавшую консула толпу. Издали заметив его, молодой человек не смолчал, но через ликтора велел отцу спешиться и подойти, если у него есть дело к властям. Все были огорчены и раздосадованы этим приказом и, не произнося ни слова, обернулись к Фабию, слава которого, по общему мнению, была незаслуженно оскорблена. Но сам он поспешно соскочил на землю, подбежал к сыну, обнял его и поцеловал. «Ты верно рассудил, сын мой, – воскликнул Фабий, – и поступил верно, понимая, над кем ты властвуешь и каково величие этой власти! Именно так и мы, и предки наши возвысили Рим: благо отечества неизменно было нам дороже родителей и детей». Действительно, как сообщают, прадед Фабия, который пользовался у римлян необыкновенным почетом и влиянием, пять раз избирался консулом и справлял блистательные триумфы, счастливо завершив самые опасные для государства войны, пошел в консульство своего сына вместе

с ним на войну в звании легата, и во время триумфа сын ехал на запряженной четверкою колеснице, а отец вместе с прочими сопровождал его верхом, радуясь тому, что он, владыка над сыном, величайший среди сограждан и по существу и даже по прозвищу, подчинил себя закону и власти должностного лица. Впрочем, он заслуживал восхищения не одним только этим поступком.

Фабию выпало на долю пережить смерть сына; он встретил горе с чрезвычайною сдержанностью, как и надлежало разумному человеку и хорошему отцу, и сам сказал на форуме похвальное слово – какое обычно на похоронах знаменитого человека произносят близкие умершего, а потом записал и издал эту речь.

25. Когда же Корнелий Сципион, посланный в Испанию, изгнал оттуда карфагенян, одержав верх во многих битвах, и подчинил римлянам многое множество народов и больших городов, приобрел для них огромное богатство, снискав себе тем такую любовь и такую славу, какими до него не пользовался ни один человек, а затем, став консулом и чувствуя, что народ ожидает и требует от него великих деяний, счел борьбу с Ганнибалом в Италии вконец изжившей себя затеей, и, замыслив немедленно перенести театр войны в Африку, наводнить ее оружием и войсками и предать опустошению самый Карфаген, прилагал все усилия к тому, чтобы увлечь народ своим планом, – вот тут Фабий, запугивая город, который, по его убеждению, шел вслед за молодым и безрассудным человеком навстречу величайшей, смертельной опасности, и словом и делом старался отвратить сограждан от решения, к коему они склонялись. Сенат ему удалось убедить, но народ считал, что Фабий противится начинаниям Сципиона, завидуя его удачам и страшась, как бы тот не совершил великого и блистательного подвига – не кончил войну вовсе или хотя бы не изгнал ее из пределов Италии: ведь в таком случае каждому станет ясно, что сам Фабий, который за столько лет не мог добиться решительной победы, действовал вяло и лениво.

Похоже на то, что вначале Фабия побуждали к сопротивлению крайняя осторожность и осмотрительность, боязнь опасности, которая казалась ему очень грозной, но затем, все больше напрягая силы и заходя все дальше, он руководился уже честолюбием. Стремясь помешать возвышению Сципиона, он даже уговаривал Красса, товарища Сципиона по должности, не уступать ему поста главнокомандующего, но самому переправиться за море и пойти на Карфаген. Мало того, его стараниями Сципион не получил денег на военные расходы и, вынужденный добывать их, как умеет, обратился за помощью к этрусским городам, питавшим к нему особое расположение. Красса же удержала в Риме прежде всего собственная натура – мягкая, спокойная и менее всего воинственная, а затем обязанности верховного жреца.

26. Тогда Фабий обрушился на Сципиона с другой стороны: он удерживал и отговаривал молодых людей, желавших отправиться в поход, кричал в сенате и Народном собрании, что Сципион не просто бежит от Ганнибала, но увозит из Италии всю оставшуюся у Рима силу, в своекорыстных целях соблазняя молодежь пустыми надеждами и побуждая бросить на произвол судьбы родителей, жен и отечество, у ворот которого стоит победоносный, неодолимый враг. Своими речами он запугал римлян до такой степени, что они постановили отдать под начало Сципиону лишь войско, находившееся в Сицилии да еще позволили ему взять с собою триста доказавших свою преданность воинов из числа служивших в Испании.

До тех пор казалось, что все действия Фабия вытекают из особенностей его натуры. Но когда Сципион высадился в Африке и сразу же в Рим полетели вести о его удивительных подвигах, о величии и блеске его побед, а вслед за молвою, подтверждая ее, прибыла огромная добыча и пленный нумидийский царь, когда в один день были сожжены до тла два лагеря и пожар погубил немало вражеских солдат, немало коней и оружия, когда из Карфагена выехали послы к Ганнибалу просить его, чтобы он оставил свои неисполнившиеся и неисполнимые надежды и подал помощь отечеству, а в Риме имя Сципиона было у всех на устах, – даже тогда Фабий не удержался и предложил сменить

командующего, хотя не мог привести никаких оснований и только сослался на общепринятое мнение, что, мол, небезопасно в делах большой важности полагаться на удачу одного человека, ибо трудно себе представить, чтобы счастье постоянно улыбалось одному и тому же. Но на этот раз народ выслушал его с возмущением: говорили, что он просто ворчун и завистник или же от старости растерял все свое мужество, изверился во всех надеждах и потому дрожит перед Ганнибалом больше, чем следует. И верно: Ганнибал со своим войском уже отплыл из Италии, а Фабий все еще старался омрачить радость сограждан и поколебать их уверенность в себе, твердя, что как раз теперь государство стремительно летит навстречу опасности и положение его в высшей степени ненадежно. Ведь в Африке, говорил он, под стенами Карфагена, Ганнибал будет сражаться еще ожесточеннее и Сципиону предстоит встреча с воинами, на руках у которых еще не высохла кровь многочисленных полководцев – диктаторов и консулов. В конце концов он добился своего: город снова пришел в смятение и, хотя война была перенесена в Африку, поверил, что беда подступила к Риму ближе прежнего.
27. Но скоро Сципион разбил в сражении и самого Ганнибала, низверг и растоптал гордыню покорившегося Карфагена, принеся согражданам радость, превзошедшую все ожидания…Фабий Максим не дожил, однако, до конца войны и уже не услышал о поражении Ганнибала, не увидел великого и неколебимого благополучия своего отечества: около того времени, когда Ганнибал покинул Италию, он заболел и умер…

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга I. Пер. М.Ф. Дашковой и А.И. Немировского.

II. 6. После Первой Пунической войны едва ли четырехлетие покоя — и вот вторая война, бесспорно, не столь продолжительная (она насчитывает не более 18 лет), но характером бедствий вызывающая такой ужас, что если сравнить потери обоих народов, то победителя можно было бы уподобить побежденному. (2) Карфаген не мог примириться с потерей моря, похищением островов, выплатой податей, которые он привык получать с других. По этой причине мальчик **Ганнибал** перед алтарем дал отцу клятву о мести. (3) И не терял времени. Поводом к войне был избран **Сагунт**, древнее и богатое государство Испании, великий, но печальный памятник верности римлянам. [4] Его, чья свобода была обеспечена общим договором и с Римом, и с Карфагеном, Ганнибал, ища повода для новых смут, погубил своими руками и одновременно руками сагунтинцев, чтобы, нарушив договор, открыть себе путь в Италию. (5) Договоры для римлян — высшая святыня. Поэтому, узнав об осаде союзного государства и помня о договоре также и с пунийцами, римляне не сразу прибегли к оружию, решив сначала подать жалобу в установленном порядке. (6) Между тем сагунтинцы уже девять месяцев были изнурены голодом, осадными орудиями, оружием; наконец, придя в исступление, они сложили на площади огромный костер и, поднявшись на его вершину, огнем и мечом истребили себя, своих близких и все свое добро. (7) Виновником столь великого бедствия был объявлен Ганнибал. Когда пунийцы попытались оправдаться, глава римского посольства Фабий сказал: "Что за промедление? В складках тоги я несу войну и мир. Что вы выбираете?" При криках "Войну!" он сказал: "Итак, получайте войну". И посреди зала совета не без содрогания распустил складки тоги, словно на самом деле нес в ней войну. (8) Исход войны был подобен началу. Если последние проклятия сагунтинцев во время всеобщего братоубийства и пожара оказались тризной по самим себе, то очистительной жертвой их манам послужило опустошение Италии, пленение Африки, гибель царей и полководцев, которые вели эту войну. (9) Как только в Испании пришла в движение тяжкая и горестная сила Пунической войны и сагунтинский огонь разжег молнию, давно предопределенную Риму, разразилась гроза, как бы ниспосланная небом, и, проломив толщу Альп, со сказочной высоты снеговых гор обрушилась на Италию. (10) Вихрь первого натиска со страшным грохотам пронесся между Падом и **Тицином**. Тогда было рассеяно войско, которым командовал Сципион. Сам полководец был ранен и мог попасть в руки врагов, но

его, прикрыв собой, вырвал у самой смерти сын, еще носивший претексту. (11) Это тот Сципион, который вырастет на погибель Африки и получит почетное имя в результате ее несчастий.

(12) За Тицином последовала **Требия**. Здесь при консуле Семпронии неистовствует вторая буря Пунической войны. Именно тогда находчивые враги, обогрев себя огнем и маслом, воспользовались холодным и снежным днем. Трудно поверить, но люди, выросшие под южным солнцем, победили нас с помощью нашей собственной зимы!

(13) **Тразименские озеро** — третья молния Ганнибала при нашем полководце Фламинии. Здесь по-новому проявилось пунийское коварство: конница, скрытая озерным туманом и болотным кустарником, внезапно ударила в тыл сражавшимся. (14) У нас нет оснований сетовать на богов. Поражение предсказали безрассудному полководцу рои пчел, усевшиеся на значки, легионные орлы, не желавшие выступать вперед, и последовавшее за началом сражения мощное землетрясение, если только содрогание земли не было вызвано топотом людей и коней и яростным скрежетом оружия.

(15) Четвертая и едва ли не последняя рана империи — **Канны**, дотоле никому не известная деревушка Апулии. Величайшим поражением римлян и смертью 60 тысяч рождена ее слава. Там на погибель несчастному войску действовали заодно вражеский вождь, земля, небо, день, одним словом, вся природа. (16) Ганнибал не удовлетворился тем, что отправил подложных перебежчиков, которые внезапно ударили в спину сражающимся. Предусмотрительный полководец использовал и особенности открытой местности: учтя, с какой стороны жарче палит солнце и много пыли, а с какой, словно по уговору, всегда дует с востока Эвр, он так выстроил войско, что природа оказалась против римлян, и сражался при благоприятном небе в союзе с ветром, пылью и солнцем. (17) Так две огромные армии были порублены до полного пресыщения самих врагов, пока Ганнибал не приказал своему воинству: "Побереги меч!" Из римских полководцев один бежал, другой был убит. Можно спорить, кто из них проявил большее величие духа — устыдившийся Павел или неотчаявшийся Варрон. (18) Свидетельствами поражения стали окрасившийся кровью Ауфид, мост из трупов через ручей Вергелл, сооруженный по приказу Ганнибала, два модия перстней, посланных в Карфаген, — всадническое сословие подсчитывалось мерами! (19) Теперь никто не сомневался, что это был бы последний день Рима и Ганнибал мог бы через пять дней пировать на Капитолии, если бы умел пользоваться победой так же, как побеждать. (Так сказал, по преданию, пуниец Магарбал, сын Бомилькара.) (20) Но именно тогда судьба города, которому было суждено господство, или собственное заблуждение, или отвернувшиеся от Карфагена боги увлекли Ганнибала, как говорится, в противоположную сторону. (21) Он мог бы воспользоваться победой, но предпочел наслаждаться отдыхом и, оставив Рим, отправился в Кампанию и Тарент; там пыл войска и его собственный настолько ослабли, что поистине можно сказать: Капуя оказалась Каннами для Ганнибала. (22) Трудно поверить, но полководца, не побежденного Альпами, не укрощенного оружием, покорили кампанское солнце и Байи с их теплыми источниками. (23) Между тем римляне перевели дух и словно выбрались из царства мертвых. [24] Не было оружия — его взяли из храмов. Не было молодежи — для военной присяги освободили рабов. (25) Обеднела казна — сенат добровольно внес в нее свои богатства. Себе не оставили ничего, кроме золота в буллах и кольцах. Примеру сената последовали всадники, им подражали трибы. А когда в консульство Левина и Марцелла вносились в казну богатства частных людей, для записи едва хватало таблиц и рук писцов. (26) В довершение всего во время выборов магистратов проявили мудрость центурии: младшие попросили у старших совета относительно кандидатур консулов. Ведь против такого изворотливого врага, не раз бывшего победителем, следовало сражаться не только доблестью, но и стратегией. (27) Первой надеждой на возвращение и, я сказал бы, на возрождение империи был **Фабий**. Он открыл невиданный путь к победе над Ганнибалом — не сражаться. Отсюда новое для него и для государства прозвище **Кунктатор**; в народе его называют щит империи. (28)

Отступлением через весь Самний, Фалернское и Гауранское ущелья он совершенно обессилил противника, и Ганнибал был сломлен не римской доблестью, а затяжным характером войны. (29) Затем под командованием **Клавдия Марцелла** римский народ дерзнул завязать сражение. Он вступил в рукопашный бой, разбил врага в полюбившейся ему Кампании и предотвратил осаду города Нолы. (30) При полководце Семпронии Гракхе началось преследование пунийцев по всей Лукании. Римский народ яростно наседал на отступавших, хотя тогда — о стыд! — он сражался с помощью рабского войска: так далеко загнали его беды. Но, получив свободу, они превратили себя из рабов в римлян. (31) О поразительная уверенность при стольких несчастьях! О не имеющий равных дух римского народа! Настолько стеснены и расстроены были дела, что нужно было опасаться за свою Италию, однако римский народ отважился оглянуться и в другую сторону. (32) Когда Ганнибал, словно подступив с ножом к горлу, носился по Кампании и Апулии и превращал центральную Италию в Африку, римский народ в одно и то же время и сдерживал врага, и посылал войска в Сицилию, Сардинию, Испанию, разбросав их по всему миру. (33) Сицилия была поручена Марцеллу. Она недолго сопротивлялась: весь остров одолели в одном городе. Огромная и до того времени не побежденная столица Сиракузы, хотя и оборонялась гением Архимеда, в конце концов сдалась. (34) Не помогли ей ни тройная стена, ни три крепости, ни мраморная гавань и прославленный источник Аретузы. Но римляне пощадили красоту побежденного города. (35) Сардинию захватил Гракх. Ей не помогли ни дикость племен, ни огромность Безумных — так они называются — гор. Сурово обошлись с городами и со столицей Каралисом, и строптивое, презирающее смерть племя в конце концов усмирила потеря родной земли. [36] **Гней** и **Публий Сципионы**, посланные в Испанию, освободили почти всю ее от пунийцев, уничтожив в больших сражениях силы противника, но затем снова потеряли ее и сами погибли от пунийского коварства. Одного Сципиона сразил меч, когда он размечал место для лагеря, другого забросали факелами, как только он появился на башне. (37) Для отмщения за отца и дядю был послан с войском **Сципион**, которому рок предопределил великое имя **Африканского**. (38) Воинственную, знаменитую мужами и оружием Испанию, этот питомник вражеского войска, эту наставницу мальчика Ганнибала, он — трудно поверить! — отвоевал всю, от Пиренейских гор до Геркулесовых столпов и Океана, и при этом быстро и удачно. (39) Насколько быстро, показывают четыре года войны; насколько легко, видно на примере одного города. Ибо он был взят в тот же самый день, в какой осажден. Легкая победа над испанским Карфагеном оказалась предзнаменованием африканской победы. (40) Не подлежит сомнению и роль исключительной нравственной чистоты полководца при покорении Испании: он возвратил варварам юношей и девушек особой красоты, не пожелав даже их увидеть, чтобы не показалось, будто он хотя бы взглядом опорочил чистоту девственности. (41) Таким был римский народ в далеких краях. Потому он и не смог оттеснить впившегося в плоть и кровь Италии Ганнибала. Враг испытывал недостаток во всем, и находчивый полководец стал пользоваться против римлян также силами италиков. Однако мы уже изгнали его из многих городов и областей; (42) уже вернули нам Тарент, уже и Капуя, обиталище и вторая родина Ганнибала, была за нами; ее потеря принесла вождю пунийцев тем большее горе, что она перешла на сторону Рима со всеми силами! (43) О народ, достойный власти над миром, достойный благогавения и удивления богов и людей! Доведенный до крайнего страха, он не отступился от начатого и, тревожась за свой город, не выпустил, однако, из рук Капуи: оставив часть войска под командованием консула Аппия, а часть отправив в город с Флакком, он сражался одновременно в разных местах. (44) Так надо ли удивляться, что сами боги во второй раз оказали противодействие Ганнибалу, когда он покинул лагерь у третьей мили. Да, боги, не стыдно сказать. (45) Ибо дожди с такой силой изливались в ответ на каждое его движение, с таким неистовством бушевали ветры, что казалось, будто их чудесным образом послало не небо, а стены самого города и Капитолий. (46) Он бежал и после отступления скрылся на самом дальнем мысе Италии,

оставив город, бывший предметом его вожделений. (47) Событие, незначительное для римского народа: в те самые дни, когда велась осада поля, на котором Ганнибал расположил свои лагеря, в Риме оно продавалось на публичных торгах и нашло покупателя. (48) Ганнибал, со своей стороны, желая соперничать с этой самоуверенностью, пустил с молотка меняльные лавки в городе, но перекупщика не нашлось. Всем известно: предчувствия предваряют судьбу. (49) Враг ничего не смог добиться в силу нашей доблести и благоволения ботов. И брат Ганнибала **Газдрубал** двинулся из Испании с новым войском, с новыми силами, с новой лавиной войны. (50) Результат был бы, без сомнения, достигнут, если бы Газдрубал соединился с братом. Но когда он уже спустился с Альп и размерял место для лагеря **у Метавра**, его укротили **Клавдий Нерон** и **Ливий Салинатор**. (51) Нерон отогнал часть войск Ганнибала в самый угол Италии, Ливий — в противоположную сторону, в то самое ущелье, с которого начинается Италия. (52) Между ними пролегла обширная территория — Италия во всю длину, но трудно представить, как Ганнибал не догадался, что происходит, когда консулы искусно и стремительно соединили свои войска и совместными усилиями одолели ничего не подозревавшего врага. (53) Ганнибал узнал о случившемся, лишь увидав в своем лагере подброшенную голову брата. Тогда он произнес: "Узнаю несчастье Карфагена". Это было первое признание знаменитого полководца не без предчувствия грозящей судьбы. (54) Ганнибал, даже по его собственному признанию, уже не был непобедимым. Римский народ, обретший уверенность в победе благодаря множеству успехов, решил покончить со злейшим врагом в его собственной стране. (55) Под командованием Сципиона он направил всю мощь своего удара на саму Африку и, используя пример Ганнибала, начал мстить за поражения, полученные в Италии. (56) Благие боги! Какие полчища Газдрубала он рассеял, какую конницу нумидийского царя **Сифака** разбил! Какие колоссальные лагеря того и другого уничтожил за одну ночь, забросав их факелами! И это было уже не у третьего милевого столба: Сципион сотрясал осадой сами ворота Карфагена. (57) И все это было совершено, чтобы оторвать от Италии вцепившегося в нее Ганнибала. (58) Не было для римской империи важнее дня, чем тот, когда два величайших полководца прошлого и будущего, один — победитель Италии, другой — Испании, вынеся знамена, выстроили войска лицом к лицу. Ведя переговоры об условиях мира, они долго стояли, взаимно восхищаясь друг другом. (59) Когда же ничего не вышло с миром, прозвучали трубы. (60) Из признания обоих известно, что нельзя было лучше построить войско и невозможно было более жестоко сражаться. Это сказано Сципионом о ганнибаловом войске, Ганнибалом — о сципионовом. (61) Однако Ганнибал отступил, и наградой за победу была Африка, а вслед за Африкой весь мир.

3. Подчинение Риму Македонии.

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга I. Пер. М.Ф. Дашковой и А.И. Немировского.

Первая Македонская война.

II. 7. После Карфагена никто не стыдился быть побежденным. За Африкой последовали Македония, Греция, Сирия и все прочие народы, славно подхваченные течением и потоком судьбы. (2) Первыми были македонцы, народ, некогда домогавшийся создания империи. И хотя царство в то время возглавлялось **Филиппом**, казалось, что римляне сражаются с самим Александром. (3) Война была Македонской больше по имени народа, чем по характеру. (4) Причиной ее послужил договор Филиппа, согласно которому царь взял себе в союзники Ганнибала, незадолго до того господствовавшего в Италии. Эта причина стала более веской после того, как Афины взмолились о помощи против несправедливости царя, когда Филипп, превысив законные права победителя, осквернил

храмы, алтари и даже могилы. (5) Сенат решил прийти на помощь просителям. Ибо цари пламен, вожди, народы, племена просили защиты у нашего города. (6) Итак, впервые при консуле Левине римский народ, войдя в Ионическое море, обошел все побережье Греции флотом, словно празднуя триумф. (7) Он выставил напоказ трофеи Сицилии, Сардинии, Испании и Африки. И лавр, выросший на корме флагманского корабля, обещал явную победу. (8) Добровольно явился на помощь царь пергамцав Аттал, пришли родосцы, народ мореплавателей. Они ударили кораблями с моря, в то время как консул действовал с суши конницей и пехотой. (9) Царь был дважды побежден, дважды обращен в бегство, дважды потерял лагерь. Но для македонян не было ничего ужаснее самого вида ран. Будучи нанесены не дротиками, не стрелами и не другим оружием грекулов, но огромными копьями и не меньшего размера мечами, они были ужаснее самой смерти. (10) Более того, под водительством **Фламинина** мы достигли дотоле непроходимых гор хаонов, стремительной реки Аоя и теснин самой Македонии. (11) Вступить туда означало победу. Ибо царь оказался побежденным у холмов под названием **Кинокефалы** в единственном, даже ненастоящем бою (12) и впоследствии ни разу не решился начать сражение. Консул даже даровал ему мир и уступил царство, а вскоре, чтобы не оставалось ничего враждебного, усмирил Фивы, Эвбею и Лакедемон, совершавший нападения при тиране Набисе. (13) Что касается Греции, он восстановил ее прежний статус, чтобы она жила по своим законам и пользовалась старинной свободой. (14) Какова же была радость, каково ликование, когда об этом возвестил глашатай в немейском театре во время пятилетних игр. Какие раздались рукоплескания! Сколько цветов посыпалось на консула! (15) И снова и снова приказывали глашатаю повторить слова, которыми провозглашалась свобода Ахайи. И наслаждались консульским решением, как мелодичнейшим пением флейт или звучанием струн.

Вторая Македонская война.

II. 12. В то время как сирийская война вовлекала в гибель одну страну за другой, снова поднялась Македония. (2) Храбрый народ возбуждали воспоминания о былой славе. Наследником Филиппа стал его сын **Персей**, который, высоко ценя достоинство македонцев, не считал, что страна побеждена раз и навсегда. (3) При нем македонцы восстали яростнее, чем при отце. Они вовлекли в свои дела фракийцев, и таким образом рвение македонцев было уравновешено силами фракийцев, а неустрашимость фракийцев македонской дисциплиной. (4) Кроме того Персей, исследовав с вершины Гема положение своих земель, разместил лагерь над пропастью. Этим он так защитил Македонию, что, казалось, не оставил врагам никакого прохода, разве лишь небо. (5) Однако при консуле Марции Филиппе римский народ, вступив в эту провинцию и тщательно разведав подступы через Аскуридское болото и Перребские холмы, подошел к местам, непреодолимым, как казалось, даже для птиц, и внезапно обрушился на царя, не ожидавшего ничего дурного. (6) Смятение было настолько велико, что он приказал бросить в море все деньги, чтобы они не достались Риму, и сжечь флот, чтобы его не уничтожили враги. (7) Хотя при консуле **Павле** гарнизоны стали крупнее и были размещены более густо, Македонию захватили иным путем — благодаря высокому искусству и рвению полководца. Угрожая в одном месте, он вторгся в другом. (8) Сам его приход так устрашил царя, что он не отважился вступить в бой и поручил ведение войны полководцам. (9) Будучи побежден заочно, он бежал в море, на остров Самофракию, доверившись этой знаменитой святыне, будто храмы и алтари могли защитить того, кого не спасли ни горы, ни оружие. (10) Никто из царей не сохранял дольше, чем он, сознания утраченного счастья. Когда он из храма, в котором нашел убежище, обратился с мольбой к Павлу, то добавил к своему имени слово "царь". И никто не отнесся с большим уважением к утратившему величие противнику, чем Павел. (11) Врага, представшего перед его взором, он принял в своей резиденции, пригласил к столу и предостерег детей,

чтобы питали почтение к судьбе, могущество которой столь велико. (12) Македонский триумф принадлежит к числу прекраснейших триумфов, которых когда-либо добивался и лицезрел римский народ. Зрелище заполнило три дня. (13) В первый день везли статуи и картины, на следующий — оружие и деньги, в третий — пленников и самого царя, все еще словно оглушенного внезапным несчастьем, остолбеневшего. (14) Однако римский народ изведал радость победы задолго до донесения победителя. Ибо в тот самый день, когда в Македонии был побежден Персей, об этом стало известно в Риме, (15) потому что двое юношей на белоснежных конях смывали у Ютурнского озера пыль и кровь. Они и сообщили. Толпа поняла, что это Кастор и Поллукс (поскольку юноши были близнецами), что они принимали участие в войне, так как были покрыты кровью, и что они пришли из Македонии, так как едва дышали.

Третья Македонская война.

II. 14. По воле рока, словно между пунийцами и македонцами был уговор потерпеть поражение в третьей войне, и те и другие в одно и то же время взялись за оружие. (2) Но первым сбросил ярмо македонец, испытавший презрение к себе и потому более ожесточенный. (3) Причина войны почти постыдна, так как царскую власть захватил **Андриск**, человек низкого происхождения, — неясно, свободный или раб, но явно подкупленный. Заодно он взял на себя и ведение войны. Поскольку в народе его называли Филиппом по сходству с Филиппом, сыном Персея, вдобавок к царскому имени он преисполнился царского вида и даже царского духа. (4) Римский народ пренебрег всем этим, довольствуясь посылкой претора Ювенция. Тот опрометчиво атаковал врага, сильного не только македонскими, но и огромными вспомогательными войсками Фракии, и римский народ, не побежденный истинными царями, не устоял перед этим мнимым, инсценированным царем. (5) Консул **Метелл** полностью отомстил за претора, погибшего вместе с легионом: и Македонию наказал рабством, и зачинщика войны, бежавшего во Фракию и выданного ее царьком, отвел в Рим в оковах. Судьба была снисходительна к Андриску в его несчастьях: римский народ справил из-за него триумф, словно он был настоящим царем.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Эмилий Павел. Пер. С.П. Маркиша.

7. Что же касается государственных дел, то они обстояли следующим образом. Римляне вели войну с македонским царем Персеем и обвиняли полководцев в том, что своею неопытностью и малодушием они навлекают на отечество позор и насмешки и скорее сами терпят ущерб, нежели наносят его врагу. Ведь еще совсем недавно римляне вытеснили из Азии Антиоха, который носил прозвище «Великого», отбросили его за Тавр и заперли в Сирии, так что он был счастлив купить мир за пятнадцать тысяч талантов, а незадолго до того сокрушили в Фессалии Филиппа и избавили греков от власти македонян; наконец, они победили самого Ганнибала с которым ни один царь не смел равняться отвагою и могуществом, – и вдруг какой-то Персей сражается с ними, будто равный с равными, а сам между тем вот уже сколько времени держится лишь с остатками войска, уцелевшими после разгрома его отца! Они считали это позором для себя, не зная, что Филипп, потерпев поражение, значительно увеличил и укрепил македонские силы. Чтобы вкратце рассказать о том, как это случилось, я вернусь немного назад.
8. У Антигона, самого могущественного из Александровых военачальников и преемников, доставившего и себе самому и своему роду царский титул, был сын Деметрий; у Деметрия, в свою очередь, был сын Антигон по прозвищу Гонат, а у того – Деметрий, который процарствовал недолгое время и умер, оставив еще совсем юного сына Филиппа. Опасаясь беспорядков, первые вельможи Македонии призвали Антигона, двоюродного брата умершего, женили его на матери Филиппа и сначала назначили опекуном государя и

полководцем, а затем, убедившись в кротости и умеренности его нрава, видя пользу, которую его труды приносят государству, провозгласили царем. Этого Антигона прозвали Досоном, за то что он щедро давал обещания, но скупо их выполнял. Ему наследовал Филипп, который еще мальчиком почитался одним из величайших государей своего времени: надеялись, что он вернет Македонии ее прежнюю славу и, единственный, сможет противостать римской мощи, грозившей уже целому миру. Но, разбитый Титом Фламинином в большом сражении при Скотуссе, он был настолько сломлен и растерян, что сдался безоговорочно на милость римлян и радовался, когда ему удалось отделаться не слишком большой данью. Однако с течением времени он все более тяготился своим положением: считая, что править по милости римлян достойно скорее пленника, жадно цепляющегося за любое удовольствие, нежели храброго и разумного мужа, он вновь устремил все помыслы к войне и начал готовиться к ней, хитро скрывая свои истинные намерения. С этой целью, оставляя города при больших дорогах и на берегу моря обессиленными и почти пустыми, – чтобы не вызывать у римлян ни малейших опасений, – он накапливал в середине страны большие силы – собирал в крепостях, городах и на сторожевых постах оружие, деньги и крепких молодых людей; так постепенно он приближался к войне; но как бы скрывал ее в глубине Македонии. Оружия было запасено на тридцать тысяч человек, восемь миллионов медимнов хлеба надежно хранилось за стенами, а денег скопилось так много, что хватило бы на жалование десяти тысячам наемников в течение десяти лет. Но Филиппу так и не довелось увидеть всю эту громаду в движении и самому ввести ее в действие: он умер от скорби и уныния, когда узнал, что безвинно погубил одного из своих сыновей, Деметрия, по оговору другого сына – человека негодного и порочного.

Этот оставшийся в живых сын по имени Персей унаследовал вместе с царством ненависть к римлянам, но осуществить отцовские планы он был неспособен – по ничтожеству и испорченности своей натуры, среди различных изъянов и пороков которой первое место занимало сребролюбие. Говорят даже, что он не был кровным сыном Филиппа, но что супруга царя тайно взяла его новорожденным у его настоящей матери, некоей штопальщицы из Аргоса по имени Гнафения, и выдала за своего. Главным образом поэтому, надо думать, и погубил Деметрия Персей: пока в семье был законный наследник, легче могло открыться, что сам он – незаконнорожденный.

9. И все же, вопреки собственной низости и малодушию, самим размахом приготовлений он был вовлечен в войну и долгое время держался, успешно отражая натиск римлян – значительных сухопутных и морских сил с полководцами в ранге консула во главе, – а иной раз и беря над ними верх. Он разбил в конном сражении Публия Лициния, который первым вторгся в Македонию: две с половиной тысячи отборных воинов были убиты и шестьсот попали в плен. Затем он неожиданно напал на стоянку вражеских кораблей близ Орея и двадцать судов со всею поклажей захватил и увел, остальные же, груженные хлебом, пустил ко дну; кроме того, в его руках оказались четыре пентеры. Второе сражение он дал бывшему консулу Гостилию, который пытался ворваться в Элимию, и повернул римлян вспять, а когда Гостилий задумал тайно проникнуть в Македонию через Фессалию, заставил его отказаться от этой мысли, угрожая новым сражением. Одновременно с этой войной, словно желая выказать презрение противнику, который оставляет ему так много досуга, он предпринял поход против дарданов, перебил десять тысяч варваров и взял богатую добычу. Исподволь он старался двинуть на римлян и галлов, которые обитали вдоль Истра (их зовут бастарнами), – воинственное племя, славившееся своей конницей; подстрекал вступить в войну и иллирийцев, ведя переговоры через их царя Гентия. Были даже слухи, будто Персей подкупил варваров и они готовятся через нижнюю Галлию, берегом Адриатики, вторгнуться в пределы самой Италии.

10. Когда все эти вести дошли до Рима, было решено забыть о любезностях и посулах всех, притязавших на должность командующего, и поставить во главе войска человека

благоразумного и искушенного в руководстве широкими начинаниями. Таким человеком был Павел Эмилий – уже пожилой (годы его близились к шестидесяти), но крепкий телом, имевший надежную поддержку в молодых зятьях и сыновьях, в многочисленных друзьях и влиятельных родичах, которые, все как один, убеждали его откликнуться на зов народа и принять консульство. Сначала Эмилий напустил на себя строгость и отклонял настояния толпы, делая вид, будто теперь власть ему не нужна, но граждане день за днем являлись к дверям его дома, громкими криками приглашая его на форум, и, в конце концов, он уступил. Едва он появился на Поле среди соискателей, у всех возникло такое чувство, словно не за консульством он пришел, но, напротив, сам принес гражданам залог победы и успеха в войне. Вот с какими надеждами и с каким воодушевлением его встретили и выбрали консулом во второй раз. Новым консулам не дали даже кинуть жребий, как бывает обыкновенно при распределении провинций, но сразу поручили Эмилию руководство Македонской войной.

Рассказывают, что после этого весь народ торжественно проводил его домой, и тут он застал свою маленькую дочь Терцию в слезах. Отец приласкал ее и спросил, чем она так огорчена. «Как же, отец, – отвечала девочка, обнимая и целуя его, – да ведь наш Персей умер!» (она имела в виду комнатную собачку, носившую кличку «Персей»). «В добрый час, дочка! – воскликнул Эмилий. – Да будут слова твои благим предзнаменованием!» Эту историю сообщает оратор Цицерон в книге «О гадании».

11. В ту пору существовал обычай, по которому вновь избранные консулы держали на форуме речь перед народом, выражая ему признательность за внимание и доверие, но Эмилий, созвав граждан на собрание, сказал им, что первого консульства с домогался потому, что сам искал власти, второго, однако, – лишь потому, что они ищут полководца. Поэтому он не обязан им ни малейшей признательностью, и если они сочтут, что кто-либо другой поведет войну лучше, чем он, Эмилий, он охотно уступит этому человеку свое место; но коль скоро они подлинно доверяют ему, пусть не вмешиваются в дела командования, не распускают вздорных слухов и без всяких прекословий готовят для войны все необходимое. В противном же случае, если они намерены начальствовать над своим начальником, они окажутся во время похода в еще более жалком и смешном положении, нежели теперь. Этой речью он внушил гражданам и глубочайшее почтение к себе и твердую уверенность в будущем: все радовались, что, пренебрегши заигрываниями льстецов, выбрали полководца прямодушного и независимого. Столь послушным слугою добродетели и чести выказывал себя римский народ ради того, чтобы подняться над остальными народами и повелевать ими.

12. Что Эмилий Павел, отправившись к театру военных действий, счастливо и легко переплыл море и быстро, без всяких происшествий прибыл в свой лагерь, – я готов приписать благосклонности божества. Но, раздумывая над тем, как удачно завершилась эта война – благодаря, во-первых, его неукротимой отваге, во-вторых, дальновидным решениям, в-третьих, горячей поддержке друзей и, наконец, присутствию духа, ясности и твердости суждения в минуты крайней опасности, – раздумывая над этим, я не могу отнести славные, замечательные подвиги Эмилия на счет его счастливой судьбы (что было бы верно в применении к другим полководцам); разве что кто-нибудь скажет, что счастливой судьбой Эмилия обернулось сребролюбие Персея, которое разрушило надежды македонян и свело на нет все их блистательные и грозные приготовления, поскольку у царя не хватило духа расстаться со своими деньгами. Вот как это случилось. По просьбе Персея к нему на подмогу явились бастарны – десять тысяч всадников и при каждом по одному пехотинцу – все до одного наемники, люди, не умеющие ни пахать землю, ни плавать по морю, ни пасти скот, опытные в одном лишь деле и одном искусстве – сражаться и побеждать врага. Когда они разбили лагерь в Медике и соединились с войсками царя – рослые, на диво ловкие и проворные, заносчивые, так и сыплющие угрозами по адресу неприятеля – они вселили в македонян бодрость и веру, что римляне не выстоят и дрогнут при одном только виде этих солдат и их перестроений на поле боя,

ни с чем не схожих, внушающих ужас. Не успел Персей воодушевить и ободрить этими надеждами своих людей, как бастарны потребовали по тысяче золотых на каждого начальника, и мысль об этой груде денег помутила взор скупца, лишила его рассудка – он отказался от помощи, и отпустил наемников, точно не воевать собрался с римлянами, а вести их дела и готовился дать точнейший отчет в своих военных расходах как раз тем, против кого эта война начата. А ведь учителями его были все те же римляне, у которых, не считая всего прочего, было сто тысяч воинов, собранных воедино и всегда готовых к сражению. Но Персей, начиная борьбу против такой мощной силы, приступая к войне, которая требовала столько побочных затрат, судорожно пересчитывал и опечатывал свое золото, боясь коснуться его, точно чужого. И это делал не какой-нибудь лидиец или финикиец родом, а человек, по праву родства притязавший на доблести Александра и Филиппа, которые неуклонно держались того убеждения, что власть и победа приобретаются за деньги, но не наоборот, – и покорили целый мир! Даже пословица ходила, что греческие города берет не Филипп, а золото Филиппа. Александр, заметив во время индийского похода, что македоняне непомерно обременены персидскими сокровищами, которые они тащили с собою, сначала сжег свои повозки, а потом и остальных убедил поступить точно так же и идти навстречу боям налегке, словно освободившись от оков. Персей же, напротив, засыпав золотом себя самого, своих детей и царство, не пожелал спастись, пожертвовав малой толикой своих денег, но предпочел, вместе с неисчислимыми сокровищами, богатым пленником покинуть отечество, чтобы самолично показать римлянам, как много он для них скопил.

13. Он не ограничился тем, что обманул галлов и отправил их восвояси: подстрекнув иллирийца Гентия за триста талантов принять участие в войне, он приказал отсчитать и запечатать деньги в присутствии его посланцев, когда же Гентий, уверившись в том, что получил свою плату, решился на гнусное и страшное дело – задержал и заключил в тюрьму прибывших к нему римских послов, – Персей, рассудив, что теперь незачем тратить на Гентия деньги, поскольку он сам дал римлянам неопровержимые доказательства своей вражды и своим бессовестным поступком уже втянул себя в войну, лишил несчастного его трехсот талантов, а немного спустя равнодушно глядел на то, как претор Луций Аниций с войском изгнал Гентия вместе с женой и детьми из его царства, как сгоняют птицу с насиженного гнезда.

На такого-то противника и двинулся теперь Эмилий. Презирая самого Персея, он не мог не подивиться его мощи и тщательности приготовлений: у царя было четыре тысячи всадников и без малого сорок тысяч воинов в пешем строю. Он засел на берегу моря, у подножья Олимпа, в местности совершенно неприступной, а к тому же еще и укрепленной им отовсюду валами и частоколами, и чувствовал себя в полной безопасности, рассчитывая, что время и расходы истощат силы Эмилия. Последний был человеком живого ума и стал тщательнейшим образом взвешивать все способы и возможности приступить к делу. Замечая, однако, что войско, привыкшее в прошлом к распущенности, недовольно промедлением и что солдаты беспрестанно докучают начальникам нелепыми советами, он строго поставил им это на вид и приказал впредь не вмешиваться не в свои дела и не заботиться ни о чем другом, кроме собственного тела и оружия, дабы выказать свою готовность рубиться истинно по-римски, когда полководец найдет это своевременным. Ночным дозорам он велел нести службу без копий, полагая, что караульные будут зорче наблюдать и успешнее бороться со сном, если не смогут отразить нападения неприятеля.

14. Более всего римлян тяготила жажда: вода была лишь в немногих местах, скверная на вкус, да и та не текла, а скорее еле сочилась на самом берегу моря. Разглядывая вздымавшуюся над их лагерем громаду Олимпа, густо заросшего лесом, и по зелени листвы определив, что в недрах горы бьют источники, а ручьи сбегают вниз, так и не выходя на поверхность, Эмилий приказал пробить у подножья побольше отдушин и колодцев. Эти колодцы немедленно наполнились чистой водой – сдавленная со всех

сторон, она стремительно хлынула в образовавшиеся пустоты. Впрочем, некоторые держатся взгляда, что не существует скрытых водоемов в тех местах, откуда струятся воды, и что появление воды должно рассматривать не как обнаружение или прорыв, но скорее как рождение влаги – превращение материи в жидкость: в жидкость превращаются стиснутые в недрах земли влажные испарения, которые, сгущаясь, приобретают текучесть. Подобно тому, как женские груди не наполняются, словно сосуды, уже готовым молоком, но, усваивая попавшую в них пищу, вырабатывают его и затем отцеживают, точно так же прохладные и обильные источниками места не таят в себе воды или особых вместилищ, которые бы своими запасами питали столько быстрых и глубоких рек, но обращают в воду пар и воздух, сжимая их и сгущая. Когда роют яму, земля под нажимом лопаты, словно женская грудь под губами сосущего младенца, выделяет больше влаги, смачивая и умягчая испарения, а те места, где почва лежит в праздном оцепенении, неспособны родить воду – там не достает движений, создающих жидкость.

Рассуждающие подобным образом дают людям, склонным к сомнению, основание для вывода, будто у живых существ нет крови, и она образуется лишь при ранениях, когда уплотняются некие ветры или, возможно, плавится и растворяется плоть. Эту точку зрения опровергает еще и то обстоятельство, что в подземных ходах и в рудниках попадаются настоящие реки, которые не собираются капля за каплей, как следовало бы ожидать, если бы они возникали в самый миг сотрясения земли, но льются потоком. Случается также, что из гор или скал, расколотых ударом, вырывается могучая струя воды, которая затем иссякает. Впрочем довольно об этом.

15. Несколько дней Эмилий пребывал в полном бездействии; говорят, что это единственный случай, когда два огромных войска, находясь в такой близости друг к другу, стояли так мирно и спокойно. Когда же, перепробовав и испытав все средства, Эмилий, наконец, узнал, что остается один неохраняемый проход в Македонию – через Перребию, близ Пифия и Петры, он созвал совет, скорее с надеждой думая о том, что проход не занят противником, нежели страшась явных невыгод этой позиции, из-за которых противник ее и не занял. Сципион, по прозвищу Назика, зять Сципиона Африканского, впоследствии пользовавшийся громадным влиянием в сенате, первым из присутствовавших вызвался принять на себя командование отрядом, который должен будет зайти неприятелю в тыл. Вторым поднялся и с жаром предложил свои услуги Фабий Максим, старший из сыновей Эмилия, в ту пору еще совсем юный. Эмилий весьма охотно дал им людей, но не в том количестве, которое называет Полибий, а в том, какое указывает сам Назика в письме к одному царю, – три тысячи италийцев-союзников и все свое левое крыло, состоявшее из пяти тысяч воинов.

Прибавив к этому сто двадцать всадников и двести человек из смешанного фракийско-критского отряда Гарпала, Назика двинулся по дороге к морю и разбил лагерь близ Гераклия, словно собираясь войти в плавание и высадиться в тылу у македонян. Но когда воины поужинали и наступила темнота, он открыл начальникам свой истинный замысел и ночью повел отряд в противоположном направлении, остановив его на отдых лишь немного не доходя Пифия…

16. Там Назика оставался до утра. Тем временем к Персею, который ни о чем не подозревал, видя, что в лагере Эмилия все спокойно, явился критянин-перебежчик, бросивший Назику в пути, и сообщил царю, что римляне его обходят. Персей был испуган, однако с места не снялся и лишь отправил десять тысяч наемников и две тысячи македонян под командованием Милона с приказом как можно скорее занять перевал. Полибий говорит, что римляне застигли этот отряд во время сна, Назика же утверждает, что на вершинах завязался ожесточенный и кровавый бой, что на него ринулся какой-то фракийский наемник и он уложил своего противника, пробив ему грудь копьем, и, наконец, что враг был сломлен, Милон позорно бежал – безоружный, в одном хитоне, – а римляне, преследуя неприятеля и не подвергаясь сами ни малейшей опасности, спустились на равнину.

После этой неудачи Персей, объятый ужасом, разом лишившись всякой надежды, поспешно двинулся назад. И все же он видел себя перед необходимостью сделать выбор: либо остановиться у Пидны и попытать счастья в бою, либо расчленить свои силы и ждать неприятеля у стен нескольких городов одновременно, имея, однако, в виду, что коль скоро война вторгнется в пределы страны, изгнать ее оттуда без большого кровопролития будет невозможно. Но численное превосходство по-прежнему было на его стороне, и он мог предполагать, что воины будут храбро сражаться, защищая своих детей и жен, особенно на глазах у царя, в первых рядах разделяющего с ними опасность. Такими доводами ободряли Персея друзья. И вот, разбив лагерь, он стал готовиться к сражению, осматривал местность, назначал задания начальникам, чтобы сразу же, едва только римляне покажутся, двинуться им навстречу. Рядом была и равнина, что благоприятствовало передвижениям фаланги, которые требуют совершенно гладкого места, и тянущиеся непрерывной чередою холмы, за которыми легковооруженные пехотинцы могли укрыться или совершить неожиданный для врага поворот. Протекавшие посредине речки Эсон и Левк, хотя и не очень глубокие в ту пору года (лето приближалось к концу), все же, по-видимому, должны были оказаться препятствием на пути римлян.

17. Соединившись с Назикой, Эмилий выстроил воинов в боевой порядок и двинулся на македонян. Увидев их построение и численность, он остановился в растерянности и задумался. Молодые военачальники, которым не терпелось померяться силами с неприятелем, подъезжали к нему и просили не медлить, а больше всех – Назика, которому успех на Олимпе придал самонадеянности. Но Эмилий ответил, улыбаясь: «Да, будь я еще в твоих летах... Но многочисленные победы объясняют мне ошибки побежденных и не велят с ходу нападать на изготовившуюся к бою фалангу». После этого он приказал передним рядам, находившимся у неприятеля перед глазами, стать по манипулам, образовав своего рода боевую линию, а тем, кто двигался в конце колонны, – повернуться кругом и приступить к сооружению рва и частокола для лагеря. К ним, отходя, непрерывно присоединялись все новые группы воинов, и таким образом Эмилию удалось, избегнув какого бы то ни было замешательства, ввести всех своих людей в лагерь, неприметным образом распустив боевую линию.

Пришла ночь, воины после ужина располагались на отдых и готовились ко сну, как вдруг луна, полная и стоявшая высоко в небе, потемнела, померкла, изменила свой цвет и, наконец, исчезла вовсе. И в то время, как римляне, призывая луну снова засиять, по своему обыкновению стучали в медные щиты и сосуды и протягивали к небу пылавшие головни и факелы, македоняне держались совсем по-иному: лагерь их был объят страхом и тревогой, потихоньку пополз слух, будто это знамение предвещает гибель царя.

Эмилий обладал некоторыми сведениями о законах затмений, в силу которых луна через определенные промежутки времени попадает в тень земли и остается невидимой до тех пор, пока не минует темного пространства и пока солнце снова ее не осветит, но, благоговейно чтя богов, часто принося им жертвы и зная толк в прорицаниях, он, едва лишь заметил первые лучи освобождающейся от мрака луны, заколол в ее честь одиннадцать телят. На рассвете он принес в жертву Гераклу двадцать быков, одного за другим, но благоприятные предзнаменования явились лишь с двадцать первым животным, обещав римлянам победу в том случае, если они будут защищаться. И вот, посулив богу сто быков и священные игры, Эмилий приказал военным трибунам строить войско к бою, а сам, сидя в палатке, обращенной в сторону равнины и неприятельского лагеря, стал ждать, пока солнце повернет и склонится к закату, чтобы его лучи во время сражения не били римлянам прямо в лицо.

18. Бой начался уже под вечер по почину врагов и, как сообщают иные, благодаря хитрой выдумке Эмилия: римляне выпустили на македонян невзнузданного коня, те погнались за ним, и началась первая стычка. Но другие говорят, что фракийцы под командованием Александра совершили нападение на римский обоз с сеном, а на них в свою очередь яростно бросились семьсот лигурийцев. С обеих сторон стали подходить значительные

подкрепления, и сражение закипело. Эмилий, точно кормчий, уже по этим первым бурным колебаниям обоих станов предвидя, какие размеры примет предстоящая битва, вышел из палатки и, обходя легионы, стал ободрять солдат, а Назика на коне поспешил туда, где летели копья и стрелы, и увидел, что в деле участвует почти вся македонская армия. Впереди шли фракийцы, вид которых, по словам самого Назики, внушил ему настоящий ужас: огромного роста, с ярко блиставшими щитами, в сияющих поножах, одетые в черные хитоны, они потрясали тяжелыми железными мечами, вздымавшимися прямо вверх над правым плечом. Рядом с фракийцами находились наемники, они были вооружены неодинаково и смешаны с пеонийцами. За ними помещалась третья линия, состоявшая из самих македонян, – отборные воины, в расцвете лет и мужества, сверкавшие позолоченными доспехами и новыми пурпурными одеждами. В то время как они занимали свое место в строю, из-за укреплений показались ряды воинов с медными щитами, и равнина наполнилась ярким блеском железа и сиянием меди, а горы загудели от крика и громогласных взаимных увещаний. Так отважно и быстро устремились они вперед, что первые убитые пали не больше чем в двух стадиях от римского лагеря.

19. Битва уже завязалась, когда появился Эмилий и увидел, что македоняне в первых линиях успели вонзить острия своих сарисс в щиты римлян и, таким образом, сделались недосягаемы для их мечей. Когда же и все прочие македоняне по условленному сигналу разом отвели щиты от плеча и, взяв копья наперевес, стойко встретили натиск римлян, ему стала понятна вся сила этого сомкнутого, грозно ощетинившегося строя; никогда в жизни не видел он ничего более страшного и потому ощутил испуг и замешательство, и нередко впоследствии вспоминал об этом зрелище и о впечатлении, которое оно оставило. Но тогда, скрыв свои чувства, он с веселым и беззаботным видом без шлема и панциря объезжал поле сражения. Что же касается македонского царя, то он, как сообщает Полибий, в первый же час битвы оробел и ускакал в город – якобы для того, чтобы совершить жертвоприношение Гераклу, но этот бог не принимает жалких жертв от жалких трусов и глух к неправедным молитвам. И в самом деле, несправедливо, чтобы не стреляющий попадал в цель, одержал победу пустившийся в бегство, или вообще – бездельник преуспевал, а негодяй благоденствовал! Молитвам же Эмилия бог внял: ведь он молился об успехе в войне и о победе, держа в руке копье, и призывал бога на помощь, сам доблестно сражаясь.

Впрочем, некий Посидоний, сообщающий о себе, что был участником событий того времени, и написавший обширную историю Персея, утверждает, будто царь удалился не из трусости и не ссылался ни на какое жертвоприношение, но что накануне лошадь копытом повредила ему голень. В разгар боя Персей, невзирая на свое недомогание и не слушая советов друзей, приказал подать вьючную лошадь и, сев на нее верхом, присоединился к сражающимся. Панциря на нем не было, и так как с обеих сторон тучами летели копья, дротики и стрелы, одно копье, сплошь железное, угодило в царя, правда, не острием, а скользнувши вдоль левого бока, но с такой силой, что разорвало на нем хитон и оставило на теле легкий кровоподтек; этот след от удара сохранился надолго. Вот что рассказывает Посидоний в оправдание Персея.

20. Римляне никакими усилиями не могли взломать сомкнутый строй македонян, и тогда Салий, предводитель пелигнов, схватил значок своей когорты и бросил его в гущу врагов. Пелигны дружно устремились к тому месту, где он упал (покинуть знамя у италийцев считается делом преступным и нечестивым), и тут обе стороны выказали крайнее ожесточение и, обе же, понесли жестокий урон. Одни пытались мечами отбиться от сарисс, или пригнуть их к земле щитами, или оттолкнуть в сторону, схватив голыми руками, а другие, еще крепче стиснув свои копья, насквозь пронзали нападающих, – ни щиты, ни панцири не могли защитить от удара сариссы, – и бросали высоко вверх, выше головы, тела пелигнов и марруцинов, которые, потеряв рассудок и озверев от ярости, рвались навстречу вражеским ударам и верной смерти. Таким образом первые ряды бойцов были истреблены, а стоявшие за ними подались назад; хотя настоящего бегства не

было, все же римляне отошли до горы Олокр, и тогда Эмилий, по словам Посидония, разорвал на себе тунику, ибо, видя, что те отступили и что фаланга, окруженная отовсюду густой щетиной сарисс, неприступна, точно лагерь, пали духом и прочие римляне. Но поскольку местность была неровной, а боевая линия очень длинной, строй не мог оставаться равномерно сомкнутым, и в македонской фаланге появились многочисленные разрывы и бреши, что как правило случается с большим войском при сложных перемещениях сражающихся, когда одни части оттесняются назад, а другие выдвигаются вперед; заметив это, Эмилий поспешно подъехал ближе и, разъединив когорты, приказал своим внедриться в пустые промежутки неприятельского строя и вести бой не против всей фаланги в целом, а во многих местах, против отдельных ее частей. Эмилий дал эти наставления начальникам, а те – солдатам, и как только римляне проникли за ограду вражеских копий, ударяя в незащищенные крылья или заходя в тыл, сила фаланги, заключавшаяся в единстве действий, разом иссякла и строй распался, а в стычках один на один или небольшими группами македоняне, безуспешно пытаясь короткими кинжалами пробить крепкие щиты римлян, закрывавшие даже ноги, и своими легкими щитами обороняться от их тяжелых мечей, насквозь рассекавших все доспехи, – в этих стычках македоняне были обращены в бегство.

21. Бой был жестокий. Среди прочих в нем участвовал и Марк, сын Катона и зять Эмилия, который выказал чудеса храбрости, но потерял свой меч. Юноша, воспитанный со всем возможным тщанием, сознающий свой долг перед великим отцом и желающий дать ему великие доказательства собственной доблести, он решил, что недостоин жизни тот, кто сохранит ее, оставив в добычу врагу свое оружие; пробегая по рядам и видя друга или близкого человека, он каждому рассказывал о своей беде и просил помощи. Набралось немало храбрых охотников, под предводительством Марка они пробились в первые ряды сражающихся и бросились на противника. После яростной схватки, в которой многие пали и многие были ранены, они оттеснили македонян и, очистив место от врага, принялись искать меч. Насилу найдя его под грудами оружия и трупов, они, вне себя от радости запев пеан, с еще большим воодушевлением ударили на остатки продолжавшего сопротивляться неприятеля. В конце концов три тысячи отборных воинов, не покинувших своего места в строю, были истреблены все до одного, прочие же обратились в бегство, и началась страшная резня: и равнина, и предгорье были усеяны трупами, а воды Левка даже на следующий день, когда римляне переходили реку, были красны от крови. Сообщают, что македонян было убито больше двадцати пяти тысяч. Римлян, по словам Посидония, пало сто человек, по словам же Назики, – восемьдесят.

22. Эту величайшего значения битву римляне выиграли с удивительной быстротой: началась она в девятом часу, и не было десяти, как судьба ее уже решилась, остаток дня победители преследовали беглецов, неотступно гоня их на протяжении ста двадцати стадиев, и потому вернулись лишь поздно вечером. Рабы с факелами выходили им навстречу и под радостные крики отводили в палатки, ярко освещенные и украшенные венками из плюща и лавра. Но сам полководец был в безутешном горе: из двух сыновей, служивших под его командой, бесследно исчез младший, которого он любил больше всех и который – Эмилий это видел – от природы превосходил братьев величием духа. Отец подозревал, что пылкий и честолюбивый юноша, едва успевший войти в возраст, погиб, замешавшись по неопытности в самую гущу неприятеля. Его опасения и тревога стали известны всему войску; солдаты прервали свой ужин, схватили факелы, и кинулись одни к палатке Эмилия, другие – за укрепления, чтобы искать тело среди павших в первые минуты боя. Весь лагерь охватило уныние, равнина загудела от крика: «Сципион! Сципион!» – ведь римляне горячо любили этого мальчика, который более, нежели любой из его родичей, редким сочетанием духовных качеств с самого начала обещал вырасти в замечательного полководца и государственного мужа. Поздно вечером, когда уже не оставалось почти никаких надежд, он неожиданно возвратился из погони вместе с двумя или тремя товарищами, весь в свежей крови врагов – словно породистый щенок, которого

упоение победой заводит иной раз слишком далеко. Это тот самый Сципион, что впоследствии разрушал Карфаген и Нумантию и намного превосходил всех без изъятия тогдашних римлян доблестью и могуществом. Так Судьба, отложив до другого раза злое воздаяние за этот успех, позволила Эмилию в полной мере насладиться победой.

23. Персей бежал из Пидны в Пеллу, его сопровождала конница, которая не понесла почти никакого урона в сражении. Но когда всадников настигли пехотинцы и стали осыпать их бранью, обвиняя в трусости и измене, стаскивать с коней и избивать, царь испугался, свернул с дороги и, желая остаться незамеченным, снял багряницу и положил ее перед собой на седло, а диадему взял в руки. В конце концов, он даже сошел с коня и повел его в поводу – чтобы легче было беседовать с друзьями. Но один из друзей прикинулся, будто у него развязалась сандалия, другой – что ему надо напоить коня, третий – что сам хочет пить, и так, мало-помалу, все они отстали и разбежались, страшась не римлян, а крутого нрава Персея: ожесточенный несчастием, он только искал, на кого бы свалить свою вину за поражение. Когда же, прибыв ночью в Пеллу, он встретился с казначеями Эвктом и Эвлеем и те своими укорами, сожалениями, а также несвоевременно откровенными советами до того разозлили царя, что он выхватил короткий меч и заколол обоих, подле Персея не осталось никого, кроме критянина Эвандра, этолийца Архедама и беотийца Неона. Из воинов за ним следовали теперь только критяне: не то, чтобы они питали особое расположение к царю, нет, они просто упорно липли к его сокровищам, точно пчелы к сотам. Дело в том, что он вез с собою большие богатства, из которых критяне с молчаливого его согласия расхитили чаши, кратеры и иную драгоценную утварь, – всего на пятьдесят талантов. Однако добравшись до Амфиполя, а затем и до Галепса и немного поуспокоившись, он снова поддался врожденному и старейшему своему недугу – скупости, стал плакаться друзьям, что-де по небрежению позволил нескольким золотым сосудам, принадлежавшим еще Александру Великому, попасть в руки критян, и со слезами заклинал новых владельцев вернуть полученное и взять взамен деньги. Те, кто знал его достаточно хорошо, сразу поняли, что он намерен сыграть с критянами шутку на критский же манер, но кое-кто поверил и остался ни с чем: он не только не заплатил им денег, но, сам выманив у друзей тридцать талантов (которым вскорости суждено было достаться врагу), отплыл на Самофракию и припал к алтарю кабиров с мольбою о защите и убежище.

24. Говорят, что македоняне всегда славились любовью к своим царям, но тут они сами сдались Эмилию и в течение двух дней отдали во власть римлян всю страну – так дом, когда подломились опоры, рушится до самого основания. Это, видимо, подкрепляет точку зрения тех, кто приписывает подвиги Эмилия счастливой судьбе…

26. Гней Октавий, командовавший у Эмилия флотом, подошел к Самофракии и хотя из почтения к богам не нарушил неприкосновенности Персеева убежища, но принял все меры, чтобы тот не мог ускользнуть. Тем не менее Персей сумел тайно уговорить некоего критянина по имени Ороанд, владельца крохотного суденышка, взять его на борт вместе со всеми сокровищами. А тот, как истый критянин, сокровища ночью погрузил, царю же вместе с детьми и самыми доверенными слугами велел прийти на следующую ночь в гавань близ храма Деметры, но сам еще под вечер снялся с якоря. Тяжко было Персею, когда ему, а вслед за ним жене и детям, не знавшим прежде, что такое горе и скитания, пришлось протискиваться сквозь узкое окошко в стене, но куда более тяжкий стон испустил он на берегу, когда кто-то ему сказал, что видел Ороанда уже далеко в море. Начало светать, и, окончательно расставшись со всеми надеждами, он с женою поспешил обратно к стене; римляне, правда, заметили их, но схватить не успели. Детей он сам поручил заботам некоего Иона, который когда-то был возлюбленным царя, но теперь оказался изменником, что главным образом и вынудило Персея отдаться в руки врагов – ведь даже дикий зверь покорно склоняется перед тем, кто отобрал у него детенышей. Более всего Персей доверял Назике, и с ним хотел вести переговоры, но Назика был далеко, и, проклявши свою судьбу, царь уступил необходимости и сдался Октавию…

4. Завоевание Греции.

Полибий. Всеобщая история. Книга 39. Пер. Ф.Г. Мищенко.

8. Временная стратегия Диэя. ...По смерти ахейского стратега Критолая исполнение союзных дел и руководительство выпало на долю Диэя, согласно требованию закона, чтобы в случае смерти находящегося в должности стратега власть его переходила к предшественнику до ближайшего очередного союзного веча. Посему он отправил военный отряд в Мегары, а сам по прибытии в Аргос обратился ко всем городам с письменным приказом освободить тысяч двенадцать рабов, находящихся в цветущем возрасте, из числа тех, что родились и выросли дома, и, снабдив вооружением, отправить их к Коринфу. Самый набор он распределил между городами как попало и неравномерно: так, впрочем, он действовал во всем. Где не было полного количества домочадцев, требуемое от города число воинов следовало восполнять из дворовых вообще. Далее, он видел, что союзная казна сильно истощена войной с македонянами, посему принуждал достаточных ахейцев, не только мужчин, но и женщин, выступать с предложением денег. Вместе с сим Диэй приказал всем способным к военной службе возрастам поголовно вооружаться и собираться в Коринфе. Эти распоряжения вызывали по городам брожение умов, смуту, уныние; умерших считали счастливцами, а шедших в поход все жалели и оплакивали, как бы в предвидении ожидающей их участи. Тяжело было переносить строптивость и нерадение рабов, только что освобожденных, да и остальные в ожидании свободы поднимали голову. Кроме того, мужчины вынуждены были против своего желания отдавать все, чем, по слухам, они владели, а женщины сами отнимали у себя украшения свои и своих детей, как бы сознательно уготовляя себе гибель.

9. Смута в городах ахейского союза. Слепая покорность ахейцев вождю. Все эти бедствия обрушились в одно время, и ужас, с каким принимались получаемые непрестанно известия, делал людей неспособными понимать и по достоинству оценивать общее положение дел, которое, как они должны были предвидеть, неизбежно вело к гибели всех их, с женами и детьми. Поэтому, как бы толкаемые и насильственно уносимые горным потоком народы слепо и безрассудно следовали за вождем. Элейцы и мессеняне оставались на месте в ожидании нападения со стороны флота, хотя едва ли бы помогли им какие бы то ни было предосторожности, если бы эта туча появилась, как первоначально ожидали. Патряне и соединенный с ними народ незадолго перед сим потерпели поражение в Фокиде <...> а то, что там происходило, было гораздо более достойно жалости, нежели события в Пелопоннесе, именно: одни в отчаянии налагали на себя руки; другие бежали из городов, куда попало, без всякой цели впереди, лишь бы не видеть возмущающих душу событий в своих городах; третьи шли выдавать друг друга римлянам как врагов; четвертые клеветали и изобличали ближних своих, хотя в данное время никто и не требовал от клеветников подобной услуги; иные выходили навстречу римлянам с молитвенными ветвями, сознаваясь в вероломстве и расспрашивая, что ожидает их, прежде чем кто-либо заговаривал с ними об этом. Когда начали действовать чары, повсюду было множество людей, которые кидались в колодцы или с высоты стремнин, так что враг, как гласит поговорка, и тот был бы тронут при виде тогдашних несчастий Эллады. И в самом деле, эллины и раньше по временам терпели неудачи и теряли все, но это бывало или в борьбе за власть, или по вине вероломных самодержцев. Напротив, во время, нами описываемое, навлекли на эллинов вопиющее несчастье безрассудство вождей их и их собственная слепота. Что касается фиванцев, то они поголовно покинули город, и он остался без жителей. В числе их был и Пифей, который с женой и детьми укрылся в Пелопоннесе и там скитался по полям.

Безрассудство и робость Диэя. ...Странным показалось Диэю предложение неприятеля, чем подтверждается поговорка: «У глупцов и мысли глупые». Посему-то люди такого рода не могут не находить странными простейшие явления.

...И он раздумывал, как бы уйти обратно домой, своим образом действий уподобляясь неразумному пловцу, который, решаясь кинуться в открытое море, не соображает, насколько это опасно, а потом, когда уже погрузился в воду раздумывает, как ему попасть на берег (*Сокращение ватиканское*).

10. Диэй выбран в стратеги. Условия Цецилия отвергнуты. ...Лишь только Диэй, выбранный народом в стратеги, прибыл в Коринф, как туда же возвратился от Цецилия Андронид с товарищами. Уже и раньше Диэй распространял слух, будто эти ахейцы держат сторону врагов; теперь он отдал послов на жертву толпе, и они подверглись всевозможным обидам, были схвачены, связаны и отведены к властям. Прибыл сюда также фессалиец Филон с несколькими выгодными для ахейцев предложениями. Когда Филон был выслушан, кое-кто из поселян подал голос за принятие предложений, в том числе и некий Стратий, человек уже старый; он неотступно просил и молил Диэя согласиться на условия Цецилия. Однако стратег и его сотоварищи и слушать не хотели Филона, ибо общего блага они не признавали и в своих речах преследовали только собственные выгоды и личную безопасность; потому-то они и приняли такое решение, хотя оно было совершенно ошибочно: в ясном сознании своей вины они никак не могли рассчитывать на пощаду со стороны римлян. В то же время им и на мысль не приходило мужественно выдержать борьбу за государство народное, — это-то и составляло долг граждан, которые пожелали бы со славой направлять дела Эллады. Однако каким образом и откуда могло бы явиться подобное настроение у названных нами людей? **Состав совета у ахейцев.** Совет держали здесь Диэй и Дамократ, незадолго перед тем благодаря смутам получившие право возвратиться из ссылки, с ними вместе Алкамен[48], Теодект и Архикрат. Что это были за люди, какого образа мыслей держался каждый из них, и какую жизнь они вели, обо всем этом у нас говорено подробно.

11. Пытки и казни ахейских граждан. Таков был состав совета, с ним согласовался и исход совещаний. Так, власти немедленно заключили в тюрьму не только Андронида, Лагия и их единомышленников, но также товарища стратега Сосикрата, обвинив последнего в том, что он председательствовал в собрании, которое решило отправить посольство к Цецилию, содействовал такому решению, да и вообще считали его виновником всех бед. На следующий день они назначили судей и приговорили Сосикрата к смертной казни, потом связали его и не переставали мучить пытками до тех пор, пока он не испустил дух, и все-таки не дал ни одного из показаний, каких от него домогались. Лагий, Андронид и Архип были отпущены на свободу, потому, во-первых, что народ возмущен был казнью Сосикрата, и потому еще, что Диэй получил талант от Андронида и сорок мин от Архипа. Ибо даже теперь, будучи на краю гибели, Диэй был не в силах удержаться от позорного и преступного торга. Незадолго перед сим с коринфянином Филином он поступил точно так же, как и с Сосикратом, именно: обвиняя его в сношениях с Меналкидом и в сочувствии римлянам, он приказал бить кнутом и пытать Филина и сыновей его, одних на глазах других, и кончил истязания тогда только, когда Филин и юноши не дышали больше. Когда тупость и бессмыслие овладели всеми эллинами до такой степени, в какой трудно встретить эти состояния даже среди варваров, напрашивается сам собой вопрос: как не погибли все эллины до единого? На мой взгляд, события имели такой вид, как будто изворотливая и ловкая судьба боролась против тупости и умоисступления вождей; всячески и отовсюду теснимая безумием правителей, она старалась во что бы то ни стало спасти ахейцев и ухватилась подобно искусному борцу за последнее остававшееся ей средство. Состояло оно в том, чтобы быстро сломить силы эллинов и дать неприятелю легкую победу над ними: так судьба и сделала. Благодаря этому гнев и ярость римлян не распалялись больше, не приходили римские войска из Ливии, равным образом и правители эллинов с теми свойствами, какие мы

описали, не имели возможности, воспользовавшись победой, проявить на согражданах всю свою гнусность. На основании предыдущего можно догадываться о том, что эти люди способны были бы причинить собственным согражданам, если бы перевесом над противником они получили какую-нибудь к тому возможность. У всех на устах была в то время поговорка: мы не были бы спасены, если бы не были быстро сокрушены (*О добродетелях и пороках*).

13. Обращение римских солдат с произведениями искусства. ...Полибий со скорбью рассказывает обстоятельства, какими сопровождалось взятие Коринфа, упоминая также о грубости, с какой солдаты обращались с произведениями искусства и с посвященными богам предметами. Так, он утверждает, что собственными глазами видел, как солдаты играли в кости на картинах, брошенных наземь. Из картин он называет изображение Диониса работы Аристида, к которому, как рассказывают, применялась поговорка: «Ничего к Дионису», а также страдание Геракла в плаще Деианиры (*Страбон*).

14. Изображение Филопемена пощажены римлянами. ...Во внимание к любви, какой пользовался Филопемен у народа, римляне не разрушали его изображений, находившихся в нескольких городах. Так, думается мне, всякая действительная услуга оставляет в том, кому оказана, неизгладимое чувство признательности.

...Много было изображений Филопемена, и велики были почести, возданные ему государствами. Пользуясь несчастиями Эллады, сопровождавшими падение Коринфа, какой-то римлянин вздумал уничтожить все эти знаки почета и преследовать память его, как бы живого еще, уличая Филопемена во вражде к римлянам и в недоброжелательстве. Но когда Полибий выступил решительно против клеветника и его изобличений, ни Муммий, ни уполномоченные[67] не дозволили истреблять знаки чествования знаменитого эллина...

15. Продажа имущества Диэя и его соучастников квестором. ...Когда десять уполномоченных привели в порядок дела Ахаи, они отдали приказ квестору, который должен был заняться продажею имущества Диэя, исключать из его имущества и отдавать Полибию в дар все, что бы он ни пожелал взять для себя, а прочее продать с торгов; однако Полибий был так далек от мысли присвоить себе что бы то ни было из этого имущества, что просил даже друзей своих не покупать ничего из вещей, продаваемых квестором; а сей последний, переходя из города в город, предлагал покупать имущество всех соумышленников Диэя, уже осужденных, если не было у них детей или родителей. Не все вняли совету Полибия; зато поступившие так, как он советовал, удостоились высшей похвалы от сограждан (*О добродетелях и пороках*).

16. Устроение Ахаи десятью уполномоченными. Десять уполномоченных покончили с устроением Эллады в течение шести месяцев и с наступлением весны возвратились морем в Италию, оставив всем эллинам прекрасный памятник римской политики.

При отъезде уполномоченные поручили Полибию обходить города и разрешать возникающие сомнения, пока эллины не свыкнутся с новым устройством и законами. В короткое время он достиг того, что жители полюбили дарованное устройство, а законы не порождали больше никаких трудностей как в частных отношениях, так и в государственных. Вот почему, если Полибия ахейцы любили и чтили уже раньше, то в позднейшее время за услуги, только что упомянутые, они всеми способами выказывали ему благоволение, и в отдельных городах воздавали высшие почести, как при жизни, так и после смерти. По общему убеждению, почести эти были заслужены, ибо, не выполни такой задачи Полибий и не напиши он законов, относящихся к отправлению общественного правосудия, повсюду царили бы смута и беспорядок. Посему эту заслугу Полибия должно ценить выше всех прочих (*О добродетелях и пороках*).

17. Похвалы автора Муммию. ...По отбытии совета десяти из Ахаи римский военачальник восстановил святилище на Истме, изукрасил храмы олимпийский и дельфийский, вслед за сим совершил путешествие по городам, причем в каждом городе

встречали его с подобающим почетом и приветливостью. Уважение государств и отдельных граждан он заслужил вполне, ибо показал себя человеком воздержным и бескорыстным; управление его отличалось мягкостью, хотя среди эллинов он имел огромную власть, и случаи соблазна представлялись ему часто. Если он кое в чем и нарушил долг, как рассказывают, то вина за это падает не на него самого, а на сопутствовавших ему друзей. Об этом яснее всего свидетельствует дело халкидских конных воинов, которых он приказал перебить (*О добродетелях и пороках*).

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга I. Пер. М.Ф. Дашковой и А.И. Немировского.

Ахейская война.

II. 16. Тот век был, можно сказать, отмечен разрушением городов. За падением Карфагена последовала гибель столицы Ахайи, красы Греции **Коринфа**, расположенного, словно напоказ, между двух морей, Ионийского и Эгейского. Коринф был уничтожен — недостойное деяние! — до того, как причислен к нашим несомненным врагам. (2) Виновник войны **Критолай**, получив свободу от римлян, использовал ее против них самих и оскорбил римских послов, (3) возможно, что и насилием, но достоверно, что словами. **Метеллу**, в то время наводившему порядок в Македонии, было поручено отмщение. И вот — Ахейская война. Консул Метелл сразу же рассеял отряд Критолая по бескрайним полям Элиды и по всему Алфею. (4) Война была закончена в результате одного сражения. Коринфу угрожала осада, но — роковые обстоятельства! — сражался Метелл, а победу перехватил **Муммий**. (5) Он рассеял по всему Истмийскому перешейку войско второго полководца **Диэя** и окрасил кровью обе гавани. Тогда-то покинутый жителями город был сначала разграблен, а затем разрушен по знаку трубы. (6) Сколько статуй, сколько одеяний, сколько картин было похищено, сожжено и выброшено! Какие богатства взяли с собой римляне! А сколько сожгли, можно судить по следующему: то, что теперь славится по всему миру как коринфская бронза, это, насколько нам известно, все, что осталось после пожара. (7) Цену бронзы подняло само насилие над богатейшим городом, ибо в результате пожара от смешения многочисленных статуй и изображений сплавились потоки меди, золота и серебра.

Аврелий Виктор. О знаменитых людях. Пер. В.С. Соколова.

LX. Люций Муммий Ахейский.

Люций Муммий, прозванный Ахейским, был послан против коринфян, но присвоил себе победу, одержанную чужими усилиями. (2) Действительно, когда Метелл Македонский разбил врагов у Гераклеи и лишил их вождя Критолая, Муммий поспешил в лагерь Метелла с ликторами и немногими всадниками и одержал победу над коринфянами под Левкопетрой; вождь их Диэй бежал к себе в дом, поджег его, убил свою жену и бросил ее в огонь, а сам отравился. (3) Муммий награбил в Коринфе [много] картин и статуй; хотя он ими заполнил всю Италию, в свой дом он ни одной не принес.

5. Третья Пуническая война.

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга I. Пер. М.Ф. Дашковой и А.И. Немировского.

II. 15. Третья Пуническая война и по времени незначительна — она была — закончена за четыре года, и по сравнению с первыми стоила меньшего труда, ибо сражались не столько

с воинами, сколько с самим городом. Но по исходу она, безусловно, оказалась величайшей, так как было, наконец, покончено с Карфагеном. (2) Однако же если разделить эту войну на периоды, то окажется, что в первый она началась, во второй достигла переломного момента, в третий была завершена. (3) Причина Третьей Пунической войны в том, что вопреки условию договора карфагеняне подготовили флот и войско против нумидийцев. (4) Их царь **Масинисса** настойчиво устраивал провокации на границах с Карфагеном, но к нему, как к честному союзнику, благоволили римляне. Всякий раз, когда решали вопрос о войне и даже когда совещались о чем-либо другом, Катон с непримиримой ненавистью провозглашал: "Карфаген должен быть разрушен". (5) В противовес ему Сципион Назика утверждал, что город должен быть сохранен, потому что с устранением страха перед городом-соперником — счастье стало бы чрезмерным; сенат выбрал среднее: город нужно лишь сдвинуть с места. (6) Казалось, ничто не может быть великолепнее Карфагена, которого не надо бояться. (7) Итак, в консульство Манилия и Цензорина римский народ, напавши на Карфаген, на виду всего города сжег флот, добровольно сданный ему в надежде на мир. (8) Затем созвали первых лиц города и приказали им покинуть Карфаген, если они хотят остаться в живых. Эта жестокость вызвала такой гнев, что карфагеняне предпочли самое худшее. Раздался всенародный клич: "К оружию!" (9) Они приняли решение сопротивляться, и не потому, что уже не оставалось никакой надежды, но потому, что предпочли, чтобы родина была низвергнута руками врагов, а не их собственными. (10) Каково было воодушевление сопротивляющихся, можно представить по тому, что для нужд нового флота они разрушили кровли домов. В оружейных мастерских вместо меди и железа расплавлялось золото и серебро, для тетив метательных машин знатные женщины собрали свои волосы. Наконец, под командованием консула Манцина началась осада. (11) Заперты гавани, остались без защитников первая, вторая и уже третья стена, но Бирса — таково было название крепости — сопротивлялась, словно второй город. (12) И хотя город был почти разрушен, не обошлось без рокового для Африки имени Сципионов. Государство возложило полномочия по окончанию войны на другого **Сципиона**. Его, рожденного Павлом Македонским, усыновил во славу своего рода сын великого Сципиона Африканского. Подумать только: но воле судьбы город, которому угрожал дед, был окончательно разрушен внуком! (13) Но подобно тому, как наиболее смертоносными оказываются укусы умирающих зверей, с полуразрушенным Карфагеном было больше хлопот, чем с невредимым. (14) Согнав врагов в одну крепость, римляне перегородили гавань и с моря. Осажденные вырыли себе другую гавань, с другой стороны города, но не для того чтобы бежать: (15) уже никто не верил, что можно спастись; оттуда, словно внезапно родившись, вырвался флот. Как пламя из пепла потушенного пожара, днем и ночью пробивалась последняя сила, последняя надежда, последний отряд отчаявшихся людей. (16) Наконец, сочтя дело безнадежным, сразу сдалось 36 тысяч воинов под командованием — чему менее всего можно поверить — Газдрубала! (17) Насколько храбрее оказалась женщина, супруга полководца! Схватив детей, она с кровли бросилась в пламя, подражая царице, основательнице Карфагена. О величии разрушенного города можно судить, не говоря уже о прочем, по продолжительности пожара. За семнадцать дней едва смог угаснуть огонь, который враги добровольно направили на свои дома и храмы: если не смог устоять против римлян город, должен был сгореть их триумф.

Дополнительная литература:

1. Бобровникова Т.А. Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. М., 2001. 493 с.
2. Бобровникова Т.А. Сципион Африканский: Картины жизни Рима эпохи Пунических войн. М., 2009. 382 с.

3. Горьков С.Ю. Рим и Карфаген: великая морская война. М., 2003. 350 с.
4. Кащеев В.И. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220-146 гг. до н.э. М., 1993. 372 с.
5. Лиддел Харт Б. Сципион Африканский. Победитель Ганнибала. М., 2003. 286 с.
6. Родионов Е. Пунические войны. СПб., 2005. 626 с.
7. Сикорский Я. Канны, 216 г. до н.э. М., 2002. 176 с.
8. Тимахович Ю.Н. Сципионы: Знаменитые полководцы Рима. М., 2005. 272 с.

Тема 7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В РИМЕ В 70-50-е гг. I в. до н.э.

1. Борьба за уничтожение сулланской конституции[1]. Программа Лепида.

Аппиан. Гражданские войны. Книга I. Пер. С.А. Жебелева.

105. Лишь только Сулла удалился от дел, а римляне избавились от убийств и произвола, постепенно снова стали возгораться новые волнения. Назначенные консулы, Квинт Катул, из партии Суллы, и Эмилий Лепид, из противной ему партии, питали один к другому злейшую вражду, и между ними тотчас же началась размолвка. Ясно было, какие из всего этого произойдут беды.

Сулла, проживая в своем поместье, видел сон. Ему приснилось, что его уже зовет к себе его гений. Тотчас же, рассказав своим друзьям виденный им сон, он поспешно стал составлять завещание, окончил его в тот же день, приложил печать и к вечеру заболел лихорадкой, а ночью умер, будучи 60 лет. Это был, по-видимому, как показало и его имя, счастливейший человек во всем до конца своей жизни, если считать счастьем для человека исполнение его желаний. В Риме смерть Суллы вызвала тотчас же междоусобную распрю. Одни требовали, чтобы тело Суллы было провезено торжественно по всей Италии, выставлено в Риме на форуме и погребено за государственный счет. Но Лепид и его сторонники воспротивились этому. Одержали верх, однако, Катул и сулланцы…

107. Таков был конец Суллы. Сразу же, возвращаясь от погребального костра, консулы стали пререкаться и ссориться между собою; горожане же были одни на стороне одного консула, другие - другого. Лепид, желая привлечь и италийцев на свою сторону, говорил, что он отдаст им землю, отнятую у них Суллою. Сенат был в страхе и обязал под присягою обоих консулов не решать дела войною. Лепид, получивший по жребию Трансальпийскую Галлию, не прибыл на выборы, намереваясь на следующий год, невзирая на данную им клятву, без стеснения начать войну против приверженцев Суллы; Лепид думал, что клятва с него взята только на год его консульства. Так как он не скрывал своих планов, то сенат решил отозвать его из Галлии. Лепид, хорошо зная, почему его отзывают, явился со всем своим войском, собираясь войти с ним в город. Когда это

[1] Следует повторить лекционный материал о диктатуре Луция Корнелия Суллы.

сделать Лепиду не дозволили, он через глашатая приказал взяться за оружие. То же самое, в противовес ему, сделал Катул. Недалеко от Марсова поля между ними произошла битва, Лепид потерпел поражение и, не будучи в силах дальше сопротивляться, отплыл в Сардинию, где и умер от чахотки. Его войско разошлось отдельными отрядами; наиболее сильную его часть Перпенна отвел в Испанию к Серторию.

2. Восстание Квинта Сертория в Испании.

Аппиан. Гражданские войны. Книга I. Пер. С.А. Жебелева.

108. Из событий, связанных с эпохою Суллы, остается лишь война против Сертория. Она продолжалась восемь лет и была нелегкою для римлян, так как ее пришлось вести не только против иберов, но также против римлян и Сертория. Уже раньше он был избран для управления Испанией, был союзником Карбона против Суллы, захватил Суессу во время перемирия, бежал и вернулся в назначенную ему провинцию. С войском из Италии, усиленным кельтиберами, Серторий прогнал из Испании бывших до него там начальников, которые, желая угодить Сулле, не передавали Серторию своих полномочий, и храбро сражался против Метелла, посланного Суллою. Славясь своею смелостью, Серторий собрал вокруг себя совет из 300 находившихся при нем его сторонников и говорил, что это римский совет, названный им в издевательство сенатом.
После смерти Суллы, а затем и Лепида Серторий с другим войском из италийцев, которое привел к нему полководец Лепида, Перпенна, намеревался, по-видимому, идти походом на Италию. Это и случилось бы, если бы сенат, испуганный этим, не послал другое войско в Испанию, помимо там бывшего, и другого полководца, а именно Помпея, человека еще молодого, но прославившегося своими действиями при Сулле в Африке и в самой Италии.
109. Помпей смело перешел Альпы не по той трудной дороге, по которой шел в свое время Ганнибал. Он проложил другую дорогу около истоков Родана и Эридана, которые вытекают из Альпийских гор в недалеком расстоянии друг от друга. Одна протекает через область трансальпийских галлов и изливается в Тирренское море, другая изливается по ею сторону Альп в Ионийское море и меняет свое название на Пад. Когда Помпей явился в Испанию, Серторий перебил весь его легион, вышедший за фуражом, со вьючными животными и обозной прислугой, разграбил и разрушил на глазах у самого Помпея город Лаврон. Во время штурма города одна женщина, когда какой-то солдат хотел изнасиловать ее, пальцами выколола себе глаза. Серторий, узнав об этом, приказал истребить всю когорту, которая, хотя бы в лице одного солдата, позволила себе такой дикий поступок.
110. Наступившая зима положила конец военным действиям. Но с началом весны враждующие стороны выступили друг против друга: Метелл и Помпей с Пиренейских гор, где они зимовали, Серторий и Перпенна - из Лузитании. Стычка произошла около города Сукрона. При ясном небе слышался страшный гром, мелькали невиданные молнии, но враги, как опытные в военном деле, отнеслись к этому без всякого страха, и резня с обеих сторон была жестокая до тех пор, пока Метелл не обратил в бегство Перпенну и не подверг разграблению его лагерь, а Серторий одержал победу над Помпеем, причем последний был опасно ранен в бедро копьем. Это положило конец сражению. У Сертория была белая ручная, гулявшая на свободе лань. Когда она исчезла, Серторий, считая это для себя неблагоприятным предзнаменованием, был в дурном расположении духа и ничего не предпринимал, так что из-за этой лани враги даже стали подсмеиваться над ним. Когда же она показалась и помчалась через густой лес, Серторий выбежал и тотчас же, как бы под ее предводительством, напал на неприятеля. Немного спустя он выдержал большой бой, от полудня до восхода звезд, около Сагунта. Сражаясь сам на коне, он одолел Помпея, убил из его войска до 6 000 человек, потеряв сам 3 000. Метелл и в этой

битве истребил около 5 000 из армии Перпенны. На следующий день после этой битвы Серторий, прихватив большое количество туземцев, вечером неожиданно напал на лагерь Метелла, смело намереваясь отрезать его рвом. Но когда на него повел наступление Помпей, Серторий отказался от своего смелого плана. Таковы были военные действия в течение лета. Зима снова разъединила врагов.

111. В следующем году, в 170-ю олимпиаду, к римлянам по завещанию присоединились две области: Вифиния, которую им оставил Никомед, и Кирена, принадлежавшая царю Птолемею, потомку Лага, носившему прозвище Апион. Военные действия были в полном разгаре. Воина с Серторием в Испании, война с Митридатом на востоке, война с пиратами повсеместно на море, война на Крите против критян, война с гладиаторами в Италии, возникшая внезапно и оказавшаяся для римлян очень тяжелой. Вынужденные разделить на столько частей свои военные силы, римляне все-таки послали в Испанию два новых легиона. С ними и со всем старым войском Метелл и Помпей снова спустились с Пиренейских гор к Иберу. Серторий и Перпенна вышли к ним навстречу из Лузитании. В это время многие из войска Сертория стали перебегать к Метеллу.

112. Разгневанный этим Серторий жестоко и по-варварски поносил перебежчиков и этим навлек на себя ненависть. Всего же более обвиняло Сертория войско в том, что он вместо римлян повсеместно стал привлекать на службу в качестве копьеносцев кельт-иберов, поручал им должности телохранителей, отстранив римлян. Упреки в неверности были для войска невыносимы, коль скоро ему приходилось служить под начальством римских врагов. Задевало солдат всего более и то, что они из-за Сертория, как оказывалось, нарушили верность своей родине, а между тем сам же Серторий обвинял их в неверности. Они считали оскорбительным для себя и то, что оставшиеся при Серторий подвергались осуждению из-за попадавшихся среди них перебежчиков. Между тем и кельт-иберы, придравшись к этому, надругались над римлянами как над лицами, потерявшими доверие. При всем этом римляне все-таки не уходили окончательно, нуждаясь в Сертории: не было в то время человека более воинственного, более удачливого, чем он. Поэтому-то и кельт-иберы называли Сертория за быстроту его действий вторым Ганнибалом, которого они считали из всех бывших у них полководцев самым смелым и самым хитрым. Таково было настроение в войске Сертория. Тем временем войско Метелла делало набеги на многие города, находившиеся во власти Сертория, и мужское население их приводило в подчиненные Метеллу места. Когда Помпей осаждал Палланцию и подвел к деревянным стенам ее колодки, прибывший Серторий освободил город от осады, но Помпей успел все-таки поджечь стены, после чего возвратился к Метеллу. Серторий восстановил упавшие стены и, напав около местечка Калачур на римский лагерь, убил 3 000 человек. Вот это происходило в Испании в этом году.

113. В следующем году римские полководцы, набравшись еще больше смелости и презрения к врагам, стали нападать на города, находившиеся во власти Сертория, многие из них привлекли на свою сторону и стали подступать к другим городам, ободренные успехом своих предприятий. Однако до большой битвы дело нигде не дошло, но снова..., до тех пор, пока в следующем году они снова не стали продолжать военные действия со все более и более возраставшим презрением к врагу. Серторий же, по божьему попущению, ни с того ни с сего перестал заниматься делами, обставил себя роскошью, проводил время в обществе женщин, в пирах и попойках. Поэтому он терпел неоднократные поражения. Разного рода подозрения сделали Сертория чрезвычайно раздражительным и жестоким в применении карательных мер. Серторий стал подозревать всех, так что и Перпенна, пришедший к нему по своей воле с большим войском после междоусобной распри Эмилия, стал опасаться за себя и вместе с 10 другими лицами составил заговор против Сертория. После того как некоторые из заговорщиков были изобличены и одни из них понесли наказания, другие успели скрыться, Перпенна, неожиданно оставшийся неизобличенным, еще более стал торопиться с исполнением своего замысла. Так как Серторий нигде не отпускал от себя телохранителей, то Перпенна

пригласил его на угощение, напоил допьяна его и окружавшую его стражу и всех их перебил во время пира.
114. Войско тотчас же с большим шумом и гневом восстало против Перпенны ненависть к Серторию немедленно перешла в преданность к нему. У всех утихает гнев к мертвым, коль скоро причинявший огорчение сошел с пути, и все начинают жалеть его и вспоминать о его доблестях. Ко всему этому войско Перпенны стало обдумывать и свое настоящее положение. Конечно, оно относилось к Перпенне с презрением, как к обыкновенному человеку, одна только храбрость Сертория, думало войско, могла бы спасти его. Поэтому-то было настроено враждебно к Перпенне также и туземное ополчение, в особенности лузитанцы, услугами которых всего более пользовался Серторий. Когда было вскрыто завещание Сертория, где Перпенна назначен был его наследником, всеобщий гнев и ненависть к Перпенне усилились еще больше за то, что он совершил такую гнусность не только в отношении своего начальника и полководца, но и в отношении своего друга и благодетеля. Дело дошло бы до кулачной расправы, если бы Перпенна не обошел солдат, одних склонив на свою сторону подарками, других обещаниями, третьим пригрозив, а кое с кем и расправившись, чтобы дать острастку другим. При этом Перпенна объезжал туземные племена, созывая собрания, освобождал узников, закованных Серторием в кандалы, возвращал иберам данных ими заложников. Прельщенные всем этим, они стали повиноваться Перпенне как полководцу - это звание он носил после смерти Сертория. Тем не менее враждебное настроение к Перпенне все-таки проявлялось. Дело в том, что он тотчас же, осмелев, начал проявлять большую жестокость в применении карательных мер; так, он приказал убить трех знатных лиц, бежавших к нему из Рима, а также своего племянника.
115. Между тем Метелл направился в другие места Испании. Он полагал, что справиться с Перпенной будет нетрудно и одному Помпею. В течение нескольких дней у Помпея с Перпенной происходили небольшие пробные стычки, причем они не приводили в действие все свои войска, но на десятый день дело разразилось большим сражением: одним ударом решили они все покончить: Помпей потому, что он относился с презрением к полководческому таланту Перпенны, последний потому, что он не очень-то полагался на свое войско. Поэтому-то Перпенна и вступил в бой почти со всем своим войском. Скоро Помпей одержал верх над Перпенной, не бывшим выдающимся полководцем, не располагавшим преданным войском. При начавшемся общем бегстве Перпенна укрылся в густо растущий кустарник, боясь своих солдат больше, чем вражеских. Несколько всадников захватили Перпенну и повлекли его к Помпею. Они поносили его как убийцу Сертория, а Перпенна вопил, что он много расскажет Помпею о междоусобной распре в Риме. Не знаю, правду ли он тут говорил или с той целью, чтобы его привели к Помпею живым. Помпей, однако, послал своих людей вперед и приказал им убить Перпенну, прежде чем он к нему явится. Он боялся, как бы Перпенна вдруг не открыл ему чего-нибудь неожиданного, что могло бы дать толчок к другим бедствиям в Риме. Оказалось, что в данном случае Помпей поступил очень благоразумно, и это послужило упрочению его доброй славы. Таким образом, со смертью Сертория окончилась война в Испании. По-видимому, она не окончилась бы так скоро и так легко, если бы Серторий оставался в живых.

Плутарх. Сранительные жизнеописания. Серторий. Пер. А.П. Каждана.

6. Когда Марий умер, а Цинна вскоре после того был убит, когда Марий Младший присвоил консульскую власть вопреки воле Сертория и в нарушение законов, а разные Карбоны, Норбаны и Сципионы плохо вели войну против наступавшего Суллы, дела приняли дурной оборот частично из-за трусости и распущенности командиров, частично же из-за прямого предательства. Серторию было уже бессмысленно оставаться и наблюдать, как положение становится все хуже из-за бездарности высших командиров.

Поэтому, когда, в конце концов, Сулла, став лагерем возле лагеря Сципиона и разыгрывая из себя друга, ищущего мира, подкупом перетянул на свою сторону войска противника – Серторий заранее предупреждал Сципиона, чем все это кончится, но тот не прислушался к его словам, – Серторий, окончательно потеряв надежду удержаться в городе, отправился в Испанию. Его целью было превратить эту страну, коль скоро удастся овладеть ею, в убежище для друзей, разбитых в Италии. В горах его встретила непогода, а варвары требовали уплаты дани и пошлины за проход через их владения. Спутники Сертория негодовали и возмущались, что римлянину, облеченному консульским достоинством, приходится платить дань жалким варварам, но сам он не придавал значения тому, что им казалось позорным, и говорил, что он покупает время, а время особенно дорого человеку, стремящемуся к великой цели. Успокоив варваров выплатой денег, он быстро подчинил себе Испанию. Серторий встретил здесь племена многолюдные и воинственные, но относившиеся ко всему связанному с Римом враждебно – из-за постоянных вымогательств и высокомерия наместников, которых сюда присылали; знать он привлек на свою сторону обходительностью, а народ – снижением податей; особое расположение он завоевал, отменив постой: он принуждал воинов устраивать зимние квартиры в пригородах и сам первый показал пример. Впрочем, он строил свои расчеты не на одном только расположении варваров: он вооружил способных носить оружие римских поселенцев, а также приказал изготовить всевозможные военные машины и построить триеры. Города он держал под пристальным наблюдением. Он был мягок в решении гражданских дел, враги же испытывали ужас, видя его военные приготовления.

7. Когда Серторию стало известно, что Сулла овладел Римом, а сторонники Мария и Карбона разбиты, он стал ожидать, что в Испанию будет послан полководец с войсками для решительной войны против серторианцев. Поэтому он сразу же приказал Ливию Салинатору с шестью тысячами тяжеловооруженных воинов занять проходы в Пиренейских горах. И действительно, Гай Анний, который некоторое время спустя был послан Суллой в Испанию, убедился, что Ливий недосягаем, и не зная, что предпринять, медлил у подножия гор. Лишь после того, как некто Кальпурний, по прозвищу Ланарий, коварно убил Ливия и воины покинули высоты Пиренеев, Анний перевалил через горы и двинулся вперед с большим войском, сокрушая сопротивление противника. Серторий, который был не в состоянии принять бой, бежал с тремя тысячами воинов в Новый Карфаген; там они сели на корабли, пересекли море и высадились в Африке, в стране мавританцев. Варвары напали на них в тот момент, когда воины, не выставив охранения, таскали воду; и вот Серторий, потеряв многих, вновь поплыл в Испанию. Оттуда он тоже был отброшен, но тут к нему присоединились пираты-киликийцы, и он высадился на острове Пифиуса и занял его, сломив сопротивление оставленного Аннием караульного отряда. Немного спустя, однако, явился Анний с большим числом кораблей и пятью тысячами тяжеловооруженных воинов; Серторий предпринял попытку дать решительное сражение, несмотря на то, что его суда были легкими, пригодными для быстрого плавания, но не для битвы. Но тут подул сильный западный ветер, на море поднялась буря, и б**о**льшая часть неустойчивых судов Сертория была отнесена в сторону, к скалистому берегу; сам Серторий, уйдя с немногими кораблями, десять дней провел в труднейших условиях, гонимый встречным прибоем и суровыми волнами; буря не давала ему выйти в открытое море, а враги – пристать к берегу.

8. Ветер спал, и Сертория отнесло к каким-то разбросанным по морю безводным островам, где он провел ночь; оттуда, пройдя Гадесский пролив, он двинулся, имея по правому борту омываемые Океаном берега Испании. Тут он и высадился, чуть выше устья Бетиса – реки, которая изливается в Атлантический океан и дает имя окрестным областям Испании. Там ему повстречались какие-то моряки, которые недавно приплыли с Атлантических островов; этих островов два; они разделены совсем узким проливом и отстоят на десять тысяч стадиев от Африки; имя их – Острова блаженных. Там изредка выпадают слабые дожди, постоянно дуют мягкие и влажные ветры; на этих островах не

только можно сеять и сажать на доброй и тучной земле – нет, народ там, не обременяя себя ни трудами, ни хлопотами, в изобилии собирает сладкие плоды, которые растут сами по себе. Воздух на островах животворен благодаря мягкости климата и отсутствию резкой разницы меж временами года, ибо северные и восточные вихри, рожденные в наших пределах, из-за дальности расстояния слабеют, рассеиваются на бескрайних просторах и теряют мощь, а дующие с моря южные и западные ветры изредка приносят слабый дождь, чаще же их влажное и прохладное дыхание только смягчает зной и питает землю. Недаром даже среди варваров укрепилось твердое убеждение, что там – Елисейские поля и обиталище блаженных, воспетое Гомером.

9. Когда Серторий услышал этот рассказ, у него родилось страстное желание поселиться на Островах блаженных и жить там безмятежно, не ведая ни тираннии, ни бесконечных войн. Зато киликийцы, узнав о его стремлении, отплыли в Африку, намереваясь вернуть Аскалиду, сыну Ифты, мавританский престол, – ведь киликийцы жаждали богатства и добычи, а не покоя и мира. Тем не менее Серторий не отчаивался, напротив, он решил оказать помощь тем, кто сражался против Аскалида; он рассчитывал, что его соратники, ободренные новыми успехами, увидят в них залог дальнейших подвигов и потому не рассеются, охваченные унынием. Радостно принятый мавританцами, он тут же принялся за дело, разбил Аскалида и осадил его. Сулла послал на помощь Аскалиду Пакциана с войском, но Серторий убил его в сражении, а побежденных воинов привлек на свою сторону; затем он взял Тингис, где Аскалид с братьями искали убежища. Ливийцы рассказывали, что в этом городе был похоронен Антей. Серторий приказал раскопать его гробницу, не веря рассказам варваров о росте Антея. Но, обнаружив тело длиной в шестьдесят локтей, он, как передают, был поражен и, заклав жертвенное животное, велел засыпать могилу; и этим Серторий способствовал еще большему почитанию и славе Антея. По преданиям тингитов, после смерти Антея его вдова Тингис сошлась с Гераклом и родила от него сына по имени Софак, который стал царем этой страны и дал основанному им городу имя своей матери. Сыном Софака был Диодор, которому подчинились многие ливийские племена – ведь у него было греческое войско из поселенных там Гераклом ольвийцев и микенцев. Мы рассказали здесь об этом ради Юбы, который более всех царей любил историю: ибо передают, что предки Юбы были потомками Софака и Диодора. Серторий, оказавшись господином положения, не был несправедлив к тем, кто призвал его и доверял ему, – он отдал им и деньги, и города, и власть и взял себе лишь то, что они дали ему добровольно.

10. В то время как Серторий раздумывал, куда ему теперь устремиться, лузитанцы отправили к нему послов, приглашая его стать их вождем; опасаясь римлян, они искали себе предводителя, который был бы человеком достойным и опытным; узнав о характере Сертория от его спутников, лузитанцы желали доверить свои дела ему и только ему. Современники рассказывают, что Серторию не свойственна была ни жажда наслаждений, ни чувство страха и сама природа наделила его даром и тягости переносить не дрогнув, и не зазнаваться от удачи. Не было среди полководцев того времени более отважного, чем он, в открытом бою и вместе с тем более изобретательного во всем, что касалось военных хитростей и умения занять выгодную позицию или осуществить переправу, что требовало быстроты, притворства, а если надо, то и лжи. Он был щедр, раздавая награды за подвиги, но оставался умеренным, карая проступки. Возможно, однако, что подлинную его натуру выдает проявленная им в конце жизни жестокость и мстительность по отношению к заложникам: он не был добрым по природе, но, руководствуясь необходимостью и расчетом, надевал личину доброты. По-моему, добродетель истинная и основанная на разуме ни в коем случае не может превратиться в свою противоположность, но вполне вероятно, что честные характеры и натуры становятся хуже под влиянием больших и незаслуженных невзгод; их свойства меняются вместе с изменением их судьбы. Думаю, что именно это и произошло с Серторием, когда счастье уже стало покидать его: дурной оборот дела сделал его жестоким к тем, кто выступал против него.

11. Итак, в ту пору Серторий покинул Африку, приглашенный лузитанцами. Он сразу же навел у них порядок, действуя как главнокомандующий с неограниченными полномочиями, и подчинил ближайшие области Испании. Б**о** льшая часть покоренных перешла на его сторону добровольно, привлекаемая прежде всего мягкостью и отвагой Сертория; однако в некоторых случаях он прибегал к хитроумным проделкам, чтобы прельстить и обмануть варваров. В важнейшей из его выдумок главная роль принадлежала лани. Дело происходило таким образом. На Спана, простолюдина из местных жителей, случайно выбежала самка оленя, вместе с новорожденным детенышем уходившая от охотников; мать он не смог схватить, но олененка, поразившего его необычайной мастью (он был совершенно белый), Спан стал преследовать и поймал. Случилось так, что Серторий как раз находился в этих краях; а так как он с удовольствием принимал в дар любые плоды охоты или земледелия и щедро вознаграждал тех, кто хотел ему услужить, то Спан привел олененка и вручил ему. Серторий принял дар. На первых порах он не видел в подарке ничего необычайного. Однако прошло некоторое время, лань стала ручной и так привыкла к людям, что откликалась на зов и повсюду ходила за Серторием, не обращая внимания на толпу и шум военного лагеря. Затем Серторий объявил лань божественным даром Дианы, утверждая, будто не раз это животное раскрывало ему неведомое: он хорошо знал, сколь суеверны варвары по своей природе. Немногим позже Серторий придумал еще вот что. Если он получал тайное извещение, что враги напали на какую-либо часть его страны или побуждали отложиться какой-либо город, он притворялся, что это открыла ему во сне лань, наказывая держать войска в боевой готовности. И точно так же, если Серторий получал известие о победе кого-нибудь из своих полководцев, он никому не сообщал о приходе гонца, а выводил лань, украшенную венками в знак добрых вестей, и приказывал радоваться и приносить жертвы богам, уверяя, что скоро все узнают о каком-то счастливом событии.

12. Благодаря этому варвары стали охотнее подчиняться Серторию; они благосклоннее относились ко всем его замыслам, считая, что повинуются не воле какого-то чужака, но божеству. К тому же самый ход событий укреплял их в этом убеждении, ибо могущество Сертория необычайно возрастало. В его распоряжении было две тысячи шестьсот человек, которых он называл римлянами, да еще семьсот ливийцев, переправившихся вместе с ним в Лузитанию, а самих лузитанцев – четыре тысячи легкой пехоты и семьсот всадников; и с этими силами он воевал против четырех римских полководцев, которые имели в своем подчинении сто двадцать тысяч пехотинцев, шесть тысяч всадников, две тысячи лучников и пращников; к тому же у них было бесчисленное множество городов, тогда как Серторий первоначально располагал всего двадцатью. И вот, начав с незначительными, ничтожными силами, он не только подчинил себе большие племена и взял много городов, но одного из посланных против него полководцев – Котту – разгромил в морском сражении в проливе у Менарии, наместника Бетики Фуфидия обратил в бегство в битве на Бетисе, где в сражении пало две тысячи римлян, а Домиций Кальвин, наместник другой Испании, был разбит квестором Сертория; Торий, посланный Метеллом во главе войска, пал в битве, а самому Метеллу, одному из величайших и знаменитейших римлян того времени, Серторий нанес немало поражений и поставил его в положение столь безвыходное, что ему на помощь должен был прийти Луций Манлий из Нарбонской Галлии; в то же самое время из Рима был поспешно отправлен Помпей Магн с войсками. Да, Метелл был бессилен что-либо сделать, ибо ему приходилось вести войну с человеком отважным, избегавшим открытого сражения и к тому же чрезвычайно быстро передвигавшимся благодаря подвижности легковооруженного испанского войска. Тактика, к которой привык сам Метелл, была рассчитана на столкновения регулярных тяжеловооруженных отрядов. Он командовал плотной и малоподвижной фалангой, которая была прекрасно обучена отражать и опрокидывать врага в рукопашной схватке, но оказалась непригодной для горных переходов и для столкновений с быстрыми, как

ветер, воинами, когда без конца приходилось преследовать и убегать, когда надо было – подобно людям Сертория – терпеть голод, жить, не зажигая огня и не разбивая палаток.
13. К тому же Метелл – человек уже в летах, вынесший многочисленные и тяжкие битвы, – был склонен к неге и роскоши, а тот, с кем ему пришлось воевать, Серторий, отличался зрелостью духа и вместе с тем удивительной силой, подвижностью и простотой образа жизни. Он не пьянствовал даже в свободные от трудов дни – наоборот, он привык к тяжелой работе, дальним переходам, постоянному бодрствованию и довольствовался скудной и неприхотливой пищей. На досуге Серторий бродил или охотился, а потому знал местности как легко доступные, так и непроходимые, и вот, отступая, он всегда находил, где проскользнуть, а преследуя – как окружить противника. Поэтому Метелл, не вступая в битву, испытывал все невзгоды, выпадающие на долю побежденных, тогда как Серторий, убегая от противника, оказывался на положении преследователя. Серторий лишал римлян воды и препятствовал подвозу продовольствия; когда они продвигались вперед, он ускользал с их дороги, но стоило им стать лагерем, как он начинал их тревожить; если они осаждали какой-нибудь город, появлялся Серторий и в свою очередь держал их в осаде, создавая нехватку в самом необходимом. В конце концов римские воины потеряли надежду на успех и, когда Серторий вызвал Метелла на единоборство, стали требовать и кричать, чтобы они сразились – полководец с полководцем и римлянин с римлянином; они издевались над Метеллом, когда тот ответил отказом. Но Метелл высмеял их требования, и был прав, ибо полководец, как говорил Феофраст, должен умирать смертью полководца, а не рядового. Когда Метелл узнал, что лангобригийцев, которые оказывали Серторию немалую помощь, жаждой легко принудить к сдаче (у них в городе был один колодец, тогда как источники, находившиеся в предместьях и у городских стен, легко могли оказаться в руках осаждающих), Метелл подошел к городу, рассчитывая взять его после двухдневной осады, когда у варваров не останется воды. В соответствии со своим планом он приказал воинам нести с собой пропитание только на пять дней. Но Серторий мгновенно пришел на выручку. Он приказал наполнить водой две тысячи мехов, назначив за каждый мех значительную сумму денег. Так как многие испанцы, а также и мавританцы готовы были принять участие в деле, Серторий отобрал людей сильных и быстроногих и послал их через горы; он приказал передать меха горожанам, а затем вывести из крепости негодную чернь, чтобы защитникам хватило воды. Узнав об этом, Метелл пришел в дурное расположение духа, потому что припасы у его воинов подходили к концу, и послал за продовольствием Аквина с шеститысячным отрядом. Но Серторий, от которого это не укрылось, устроил засаду на пути Аквина; три тысячи воинов, выскочив из темного ущелья, напали на Аквина с тыла, в то время как сам Серторий ударил ему в лоб; римляне были обращены в бегство, часть из них пала, другие оказались в плену. Аквин вернулся, потеряв коня и оружие, Метелл должен был с позором отступить, провожаемый беспрерывными насмешками испанцев.
14. Все эти подвиги Сертория восхищали варваров, а особенно они полюбили его за то, что он ввел у них римское вооружение, военный строй, сигналы и команды и, покончив с их дикой, звериной удалью, создал из большой разбойничьей банды настоящее войско. Он привлек сердца испанцев еще и тем, что щедро расточал серебро и золото для украшений их шлемов и щитов, и тем, что ввел моду на цветистые плащи и туники, снабжая варваров всем необходимым и способствуя исполнению их желаний. Но всего более он покорил их своим отношением к детям. Он собрал в большом городе Оске знатных мальчиков из разных племен и приставил к ним учителей, чтобы познакомить с наукой греков и римлян. По существу он сделал их заложниками, но по видимости – воспитывал их, чтобы, возмужав, они могли взять на себя управление и власть. А отцы необычайно радовались, когда видели, как их дети в окаймленных пурпуром тогах проходят в строгом порядке в школу, как Серторий оплачивает их учителей, как он устраивает частые испытания, как он раздает награды достойным и наделяет лучших золотыми шейными украшениями, которые у римлян называются «буллы». По испанскому обычаю, если какой-нибудь вождь

погибал, его приближенные должны были умереть вместе с ним – клятва поступить таким образом называлась у тамошних варваров «посвящением». Так вот, у других полководцев число оруженосцев и сподвижников было невелико, тогда как за Серторием следовали многие десятки тысяч посвятивших себя людей. Рассказывают, что однажды около какого-то города он потерпел поражение и враги теснили его; испанцы, не заботясь о себе, думали лишь о том, как спасти Сертория, и, подняв его на руки, передавали один другому, пока не втащили на стену; только когда их вождь оказался в безопасности, все они обратились в бегство.

15. Его любили не только испанцы, но и воины из Италии. Так, Перперна Вентон, принадлежавший к той же группировке, что и Серторий, явился в Испанию с богатой казной и большим войском; когда он решил на свой страх и риск воевать против Метелла, воины стали выражать недовольство, и в лагере стали непрерывно вспоминать о Сертории – к огорчению Перперны, чванившегося своим благородством и богатством. Позднее, когда пришла весть о том, что Помпей переходит через Пиренеи, воины, схватив оружие и боевые значки, с шумом явились к Перперне и стали требовать, чтобы он вел их к Серторию. В противном случае они угрожали оставить Перперну и без него перейти к мужу, способному спасти и себя и других. Перперна уступил им, повел их к Серторию и соединил с ним свои силы, насчитывавшие пятьдесят три когорты.

16. Поскольку все племена, обитавшие по эту сторону реки Ибер, объединились и приняли сторону Сертория, он располагал большими силами: к нему отовсюду постоянно стекались люди. Но его печалило свойственное варварам отсутствие порядка и безрассудство, и так как они кричали, что надо напасть на врага, и сетовали на напрасную трату времени, Серторий пытался успокоить их разумными доводами. Но видя, что они раздосадованы и готовы силой принудить его к несвоевременным действиям, он уступил им и стал смотреть сквозь пальцы на подготовку схватки с противником, надеясь, что испанцы не будут полностью уничтожены, но получат хороший урок и в дальнейшем станут более послушными. Когда же все случилось так, как он и предполагал, Серторий пришел на помощь разбитым, прикрыл их отступление и обеспечил безопасный отход в лагерь. Желая рассеять дурное настроение, он через несколько дней созвал всенародную сходку и приказал вывести двух лошадей: одну совершенно обессилевшую и старую, другую же статную, могучую и, главное, с удивительно густым и красивым хвостом. Дряхлого коня вел человек огромного роста и силы, а могучего – маленький и жалкий человечек. Как только был подан знак, силач обеими руками схватил свою лошадь за хвост и вовсю принялся тянуть, стараясь выдернуть, а немощный человек стал между тем по одному выдергивать волосы из хвоста могучего коня. Великие труды первого оказались безрезультатными, и он бросил свое дело, вызвав лишь хохот зрителей, а немощный его соперник скоро и без особого напряжения выщипал хвост своей лошади. После этого поднялся Серторий и сказал: «Видите, други-соратники, настойчивость полезнее силы, и многое, чего нельзя совершить одним махом, удается сделать, если действовать постепенно. Постоянный нажим непреодолим: с его помощью время ломает и уничтожает любую силу, оно оборачивается благосклонным союзником человека, который умеет разумно выбрать свой час, и отчаянным врагом всех, кто некстати торопит события». Всякий раз придумывая такие убедительные примеры, Серторий учил варваров выжидать благоприятных обстоятельств.

17. Не менее других военных подвигов удивительными были его успешные действия против так называемых харакитан. Это – племя, обитающее за рекою Тагом; не в городах и не в селах они живут, но у них есть огромный и высокий холм, на северном склоне которого расположены подземелья в скале и пещеры. Вся лежащая у подножия местность изобилует пористой глиной, а это почва рыхлая и нестойкая, она не выдерживает человеческого шага и, даже если едва прикоснуться к ней, рассыпается, словно известь или зола. И вот эти варвары всякий раз, как возникала угроза войны, прятались в пещеры и уносили туда свое имущество; здесь они чувствовали себя в безопасности, потому что

силой их нельзя было подчинить. Как-то раз Серторий, уходя от Метелла, разбил лагерь неподалеку от холма харакитан, которые обошлись с ним надменно как с потерпевшим поражение. Тогда Серторий, едва только занялся день, прискакал к этому месту, чтобы осмотреть его: то ли он был разгневан, то ли не желал, чтобы его сочли беглецом. Но пещеры были недоступны. Серторий бесцельно разъезжал перед холмом и посылал варварам пустые угрозы, как вдруг заметил, что ветер относит наверх к харакитанам тучи пыли, поднятой с рыхлой земли. Ведь пещеры, как я уже сказал, были обращены на север, а из здешних ветров самый упорный и сильный – северный, тот, который называют кекием; его образуют, сливаясь, потоки воздуха, идущие от влажных долин и от покрытых снегом гор. Лето стояло в разгаре, и таявшие на севере снега усиливали ветер, который был особенно приятен, освежая в дневную пору и варваров и их скот. Все это Серторий и сам сообразил, и слышал от местных жителей. Он приказал воинам набрать этой рыхлой, похожей на золу, земли и, перетаскав, насыпать кучей как раз напротив холма. А варвары, предполагая, что Серторий возводит насыпь для штурма пещер, забрасывали его насмешками. И вот воины трудились в тот день до ночи, а затем вернулись в лагерь. С началом дня подул нежный ветерок, который поднимал в воздух легчайшие частицы снесенной отовсюду земли, развеивая их, словно мякину; потом, по мере того как поднималось солнце, разыгрывался неудержимый кекий; когда же холмы стало заносить пылью, пришли воины и перевернули земляную насыпь – всю до основания; одни дробили комья грязи, а другие гоняли взад и вперед лошадей, чтобы земля стала еще более рыхлой и ветер легче мог уносить ее. А ветер подхватывал всю эту грязь, размельченную и приведенную в движение, и нес ее вверх, к жилищам варваров, двери которых были раскрыты для кекия. И так как в пещеры варваров не было доступа воздуха с другой стороны, кроме той, откуда теперь ветер нес клубы пыли, они, вдыхая тяжелый и насыщенный грязью воздух, скоро начали слепнуть и задыхаться. Вот почему они с трудом выдержали два дня и на третий сдались, что увеличило не столько силы Сертория, сколько славу, ибо его искусство принудило к подчинению тех, против кого было бессильно оружие.

18. До той поры, покуда противником Сертория был Метелл, казалось, что успехи испанцев объясняются в первую очередь старостью и природной медлительностью римского военачальника, неспособного соперничать с отважным полководцем, за которым шли отряды, состоявшие скорее из разбойников, нежели из воинов. Когда же Серторию пришлось встретиться с перешедшим через Пиренеи Помпеем и оба они проявили полководческое искусство, только Серторий превзошел противника и умением применять военные хитрости, и предусмотрительностью, – тут, действительно, молва о нем дошла до Рима, и его стали считать способнейшим из современных полководцев. Ибо не малой была слава Помпея, напротив, она находилась тогда в зените; особенные почести принесли Помпею его подвиги в борьбе за дело Суллы, который в награду назвал его Магном (это значит Великий) и удостоил Помпея, еще не бревшего бороды, триумфа. Из-за этого даже жители многих подчинявшихся Серторию городов, с уважением взирая на Помпея, готовы были перейти на его сторону; впрочем, вскоре эта мысль была оставлена, чему причиной послужила совершенно неожиданная неудача у Лаврона. В то время как Серторий осаждал этот город, Помпей со всем войском явился на помощь осажденным. Расчет Сертория состоял в том, чтобы занять господствовавший над городом холм – Помпей же стремился ему воспрепятствовать. Но Серторий опередил его, и тогда Помпей остановил свои войска и решил, что обстоятельства ему благоприятствуют, ибо противник оказался зажатым между отрядами Помпея и городом. Он отправил также гонца к жителям Лаврона – пусть-де они уповают на успех и с городских стен наблюдают, как он станет осаждать Сертория. А тот, услышав все это, рассмеялся и сказал, что «ученика Суллы» (так, издеваясь, он прозвал Помпея) он сам обучит тому, что полководец должен чаще смотреть назад, чем вперед. И с этими словами он указал тем, кто был осажден вместе с ним, на шесть тысяч тяжеловооруженных воинов, оставленных им в старом

лагере, который он покинул, чтобы занять холм; этим людям было приказано ударить в тыл Помпею, как только он двинется на Сертория. Позднее и Помпей сообразил все это, и так как, с одной стороны, он не решался начать штурм, опасаясь окружения, а с другой – ему было стыдно покинуть жителей Лаврона в беде, то он был вынужден оставаться на месте и, не вмешиваясь, наблюдать падение города, ибо варвары, отчаявшись, сдались Серторию. А Серторий сохранил им жизнь и всех отпустил, но самый город предал огню. Он поступил так, руководясь не гневом или жестокостью (пожалуй, именно он менее всех полководцев склонен был давать волю страстям), но стремясь вызвать стыд и уныние среди почитателей Помпея, а у варваров – разговоры о том, что, мол, Помпей был поблизости и разве что только не грелся у пламени, пожиравшего союзный город, но на помощь не пришел.

19. Конечно, и на долю Сертория выпадало немало поражений, и если сам он и его отряды оставались непобежденными, то по вине других полководцев войскам Сертория приходилось искать спасения в бегстве. И то, как он оправлялся после поражений, вызывало большее удивление, нежели победы его противников. Так было в сражении с Помпеем при Сукроне и в другой раз в битве при Сегунтии против Помпея и Метелла. Говорят, что Помпей торопился начать бой при Сукроне, чтобы Метелл не мог разделить с ним победу. Да и Серторий хотел сразиться с Помпеем до подхода воинов Метелла; к тому же он развернул свои войска под вечер, рассчитывая, что его противники – чужеземцы, не знающие местности, и потому наступившая темнота послужит им помехой и если надо будет бежать, и если придется преследовать. Началась рукопашная схватка, и перед Серторием, находившимся на правом фланге, оказался не сам Помпей, а Афраний, командовавший левым крылом римских войск. Однако когда Серторию донесли, что его войска, сражавшиеся против Помпея, отходят под натиском римлян и терпят поражение, он, оставив правый фланг на других командиров, поспешил на помощь разгромленным. Собрав тех, кто уже показал врагу спину, и тех, кто еще оставался в строю, он вдохнул в них мужество и снова ударил на Помпея, преследовавшего испанцев; тут римляне так стремительно обратились в бегство, что самому Помпею угрожала смерть и, раненный, он спасся лишь чудом, благодаря тому, что ливийцы из армии Сертория, захватив коня Помпея, украшенного золотом и покрытого драгоценными бляхами, настолько увлеклись разделом добычи и спорами, что прекратили преследование. Когда Серторий удалился на другой фланг, чтобы помочь своим, Афраний опрокинул стоявшие против него отряды и погнал их к лагерю. Было уже темно, когда он ворвался туда на плечах врага; воины принялись грабить. Афраний не знал о бегстве Помпея, да и не был в состоянии удержать своих от грабежа. Тут как раз возвратился Серторий, добившийся на левом фланге победы; он напал на воинов Афрания, которые в своих бесчинствах растеряли боевой дух, и многих из них перебил. Поутру он снова вооружил войска и вывел их для битвы, но затем, узнав о приближении Метелла, распустил боевой строй и отошел, сказав: «Когда бы не эта старуха, я отстегал бы того мальчишку и отправил его в Рим».

20. Большое огорчение причинило Серторию исчезновение его лани: тем самым он лишился чудесного средства воздействовать на варваров, как раз тогда весьма нуждавшихся в ободрении. Однако вскоре какие-то люди, бесцельно бродившие ночью, натолкнулись на лань и, узнав ее по масти, схватили. Когда об этом сообщили Серторию, он обещал щедро наградить тех, кто привел лань, если только они умолчат о своей находке, и сам скрыл животное. Выждав несколько дней, он явился с просветленным лицом к судейскому возвышению и сообщил вождям варваров, что видел во сне божество, предвещавшее великое счастье; затем, поднявшись на помост, Серторий начал беседовать с теми, у кого были к нему дела. В этот момент находившиеся поблизости сторожа отпустили лань, а она, увидев Сертория, помчалась, охваченная радостью, к возвышению и, став возле хозяина, положила ему на колени голову и принялась лизать правую руку (еще раньше она была приучена так делать). Когда же Серторий приласкал ее (радость его выглядела вполне правдоподобно) и даже пролил несколько слез, присутствующие сперва

замерли пораженные, а затем с шумом и криком проводили Сертория домой, считая его удивительным человеком и другом богов. Это событие внушило варварам радость и добрые надежды.

21. Серторий довел римлян, запертых в Сегунтийской долине, до крайне стесненного положения, но когда они снялись с лагеря, чтобы с помощью грабежа добыть себе продовольствие, он был вынужден принять бой. Обе стороны сражались превосходно. Меммий, один из способнейших помощников Помпея, уже пал в гуще битвы, а Серторий теснил врага и пробивался к самому Метеллу, сметая на пути тех, кто еще держался. Метелл, несмотря на свои годы, оказал упорное сопротивление и великолепно вел бой, покуда не был ранен копьем. Римляне, которые видели это или слышали об этом от других, не смели помыслить о том, чтобы покинуть своего полководца; их охватил гнев, и поэтому, оградив Метелла щитами и вынеся его с поля брани, они решительно отбивали натиск испанцев. Когда победа, таким образом, стала склоняться на сторону неприятеля, Серторий пошел на хитрость и решил отвести своих людей в безопасное место и спокойно выждать, пока к нему подойдет подкрепление. Он отступил к надежно защищенному городу, расположенному в горах, и стал приводить в порядок стены и укреплять ворота, хотя вовсе не думал, что ему придется выдержать здесь осаду. Но противника он полностью ввел в заблуждение. Римляне осадили его, рассчитывая без труда взять этот город, а на убегавших варваров не обращали внимания и пренебрегали тем, что войска вновь собирались на помощь Серторию. Войска действительно прибывали, так как Серторий разослал командиров по городам. Он приказал сообщить ему, когда число воинов станет достаточно большим. Как только прибыл гонец, Серторий без особых усилий пробился через кольцо врагов и соединился со своими. Он снова стал нападать на римлян, ведя за собой большое войско; засады, окружения, быстрая переброска отрядов Сертория в любом направлении лишали врага возможности получать припасы по суше, а подвозу с моря Серторий препятствовал с помощью пиратов: их корабли блокировали побережье. В результате римские полководцы были вынуждены разделить свои силы: один из них отошел в Галлию, а Помпей провел зиму в области вакцеев, страдая от нехватки припасов. Он писал сенату, что отведет из Испании войска, если ему не будут присланы деньги, ибо свое состояние он уже исчерпал во время прежней войны за Италию. В Риме упорно поговаривали, что Серторий раньше Помпея явится в Италию. Вот до чего довело первых и влиятельнейших полководцев того времени искусство Сертория!

22. Да и Метелл ясно показал, как он напуган Серторием и насколько высоко его ценит. Действительно, он объявил через глашатаев, что римлянину, который покончит с Серторием, он выдаст сто талантов серебра и земли двадцать тысяч югеров, а если это совершит изгнанник, ему будет даровано право вернуться в Рим. Намереваясь купить голову Сертория при помощи предательства, Метелл тем самым обнаружил, что не надеется победить в открытой борьбе. Более того, разбив Сертория в каком-то сражении, он настолько возгордился и так восторгался своим успехом, что позволил назвать себя императором, а города, куда он прибывал, устраивали в его честь жертвоприношения и воздвигали жертвенники. Рассказывают еще, что Метелл не противился, когда ему сплетали венки и приглашали на пышные пиры, где он пил в облачении триумфатора и где с помощью особых машин сверху спускались изображения Победы, протягивающие ему венки и золотые трофеи, а хоры мальчиков и женщин пели в его честь победные гимны. Тем самым, конечно, он выставлял себя в смешном виде, поскольку так возгордился и радовался, одержав победу над отступавшим Серторием, которого сам обзывал беглецом, избежавшим руки Суллы, и последышем рассеянных сторонников Карбона. Напротив, возвышенный нрав Сертория обнаружился прежде всего в том, что он объявил сенатом собрание бежавших из Рима и присоединившихся к нему сенаторов. Из них он назначал квесторов и преторов и во всем действовал в соответствии с отеческими обычаями. Затем, опираясь на вооруженные силы, денежные средства и города испанцев,

Серторий даже не делал вида, что допускает их к высшей власти, но назначал над ними командиров и начальников из римлян, ибо он боролся за свободу римлян и не хотел в ущерб римлянам вознести испанцев. Ведь он любил свое отечество и страстно желал возвратиться на родину. Даже терпя неудачи, Серторий вел себя мужественно и перед лицом врагов не унижался, когда же одерживал победы, то сообщал и Метеллу и Помпею, что готов сложить оружие и жить частным человеком, если только получит право вернуться. Ибо, говорил он, ему лучше жить ничтожнейшим гражданином Рима, чем, покинув родину, быть провозглашенным владыкой всего остального мира. Есть сведения, что желание Сертория возвратиться на родину объяснялось прежде всего его любовью к матери; она воспитала его, когда он остался сиротой, и он был ей искренне предан. Как раз в тот момент, когда его друзья в Испании предложили ему верховное командование, он узнал о кончине матери и от горя едва не лишился жизни. Семь дней лежал он, не отдавая приказов и не допуская к себе друзей, и огромного труда стоило его товарищам-полководцам и знатным лицам, окружившим палатку, принудить Сертория выйти к воинам и принять участие в делах, которые как раз развертывались благоприятно. В силу этого многие считали его человеком по природе мягким и расположенным к мирной жизни, который лишь в силу необходимости, против собственного желания, принял на себя военное командование; не находя безопасного пристанища, вынужденный взяться за оружие, он обрел в войне необходимое средство, для того, чтобы сохранить жизнь.

23. Натура Сертория проявилась и в переговорах с Митридатом. Когда Митридат после поражения, нанесенного ему Суллой, вновь поднялся против Рима и, вторично начав военные действия, пытался завладеть Азией, громкая слава Сертория разнеслась повсюду; приплывавшие с Запада наводнили молвой о нем, словно иноземными товарами, весь Понт. И вот Митридат решил отправить к нему послов, настоятельно побуждаемый к тому хвастливыми льстецами, которые уподобляли Сертория Ганнибалу, а Митридата – Пирру. Эти льстецы говорили, что стоит только вступить в союз способнейшему полководцу с величайшим среди царей – и римляне не выдержат, вынужденные вести войну против двух столь одаренных людей и двух таких армий. Итак, Митридат отправляет в Испанию послов с адресованными Серторию письмами и с предложениями, которые они должны были передать ему на словах. Царь обещал предоставить деньги и корабли для ведения войны, а сам просил, чтобы Серторий уступил ему всю Азию, которую, по договору, заключенному с Суллой, Митридат отдал римлянам. Когда Серторий созвал совет, который он называл сенатом, все члены совета рекомендовали принять и одобрить предложения царя, полагая, будто они уступают Митридату ничего не означающее имя и права на то, что им самим не принадлежит, а взамен получают самое для них необходимое. Однако Серторий с ними не согласился и сказал, что не возражает против передачи Митридату Вифинии и Каппадокии, поскольку обитающие там племена привыкли к царской власти и никак не связаны с римлянами. «Но ведь Митридат, – продолжал он, – захватил и удерживал под своей властью также и провинцию, которая досталась римлянам наизаконнейшим путем, а потом, когда Фимбрия выгнал его оттуда, он сам, заключив договор с Суллой, отказался от нее. Я не могу смотреть равнодушно, как эта провинция вновь переходит под власть Митридата. Нужно, чтобы твои победы увеличивали мощь твоей страны, но не следует искать успеха за счет владений отечества, ибо благородный муж жаждет только той победы, которая одержана честно, а ценой позора он не согласится даже спасти себе жизнь».

24. Ответ Сертория изумил Митридата; сохранилось предание, что он обратился к друзьям со следующими словами: «Какие же требования предъявит к нам Серторий, воссев на Палатинском холме, если теперь, загнанный к самому Атлантическому морю, он устанавливает границы нашего царства и грозит войной, если мы попытаемся занять Азию?» Все же были заключены соглашения и принесены клятвы в том, что Каппадокия и Вифиния будут принадлежать Митридату, что Серторий пришлет ему полководца и воинов и что, в свою очередь, Серторий получит от Митридата три тысячи талантов и

сорок кораблей. Полководцем в Азию Серторий отправил Марка Мария, одного из укрывшихся у него сенаторов. Тот помог Митридату взять некоторые города Азии, и, когда Марий въезжал туда, окруженный прислужниками, несшими связки розог и секиры, Митридат уступал ему первенство и следовал за ним, добровольно принимая облик подчиненного. А Марий одним городам даровал вольности, другие освободил именем Сертория от уплаты налогов, так что Азия, которая перед этим вновь испытала притеснения сборщиков податей, равно как и алчность и высокомерие размещенных в ней воинов, жила теперь новыми надеждами и жаждала предполагаемой перемены власти.

25. А в Испании события развивались следующим образом. Едва только окружавшие Сертория сенаторы и другие знатные лица, избавившись от страха, почувствовали себя достойными противниками римлян, как в их среде родилась зависть к Серторию и бессмысленная ревность к его могуществу. Эти настроения разжигал Перперна, который, гордясь своим благородным происхождением, лелеял в душе пустое стремление к верховной власти; тайно он вел со своими приверженцами бесчестные разговоры. «Какой злой гений, – говорил он, – овладел нами и влечет от дурного к худшему? Мы ведь сочли недостойным остаться на родине и выполнять приказы Суллы, господина всей земли и моря, а явились сюда, где ждет нас верная погибель, ибо, рассчитывая жить свободными, мы добровольно стали свитой беглеца Сертория. Мы составили здесь сенат, и это название вызывает насмешки всех, кто его слышит, а вместе с тем на нас обрушиваются брань, приказы и повинности, словно на каких-то испанцев и лузитанцев». Многие, внимательно слушая подобные речи, не решались, однако, из страха перед могуществом Сертория открыто от него отложиться, но тайно причиняли вред его делу и ожесточали варваров, налагая на них (якобы по приказу Сертория) суровые кары и высокие подати. От этого начались восстания и смуты в городах. А те, кого Серторий посылал, чтобы исправить положение дел и успокоить восставших, еще больше разжигали вражду и обостряли зарождавшееся неповиновение, так что Серторий, забыв прежнюю терпимость и мягкость, дал волю своему гневу и испанских мальчиков, воспитывавшихся в Оске, частью казнил, а частью продал в рабство.

26. Перперна, который уже собрал вокруг себя большое число заговорщиков, готовивших покушение на Сертория, привлек к заговору также и Манлия, одного из высших командиров. Этот Манлий был влюблен в какого-то красивого мальчишку и в знак своего расположения раскрыл ему замыслы заговорщиков, потребовав, чтобы тот пренебрег поклонниками и принадлежал только ему одному, поскольку в самое ближайшее время он, Манлий, станет великим человеком. А мальчишка передал весь разговор другому своему поклоннику, Авфидию, который нравился ему больше. Авфидий, выслушав его, был поражен: сам причастный к тайному сговору против Сертория, он, однако, не знал, что Манлий тоже вовлечен в него. Когда же мальчик назвал имена Перперны, Грецина и некоторых других, кто, как было известно и Авфидию, находился в числе заговорщиков, Авфидий перепугался; он, правда, посмеялся над этими россказнями и убеждал мальчика отнестись к Манлию как к пустому хвастуну, но сам направился к Перперне и, раскрыв ему всю опасность положения, настаивал на необходимости действовать. Заговорщики согласились с Авфидием и ввели к Серторию своего человека под видом гонца, принесшего послания, в которых сообщалось о победе одного из полководцев и о гибели множества врагов. Обрадованный этой новостью, Серторий совершил благодарственное жертвоприношение; тут Перперна объявил, что устраивает пир для Сертория и для других присутствующих (все это были участники заговора), и после долгих настояний убедил Сертория прийти. Трапезы, на которых присутствовал Серторий, всегда отличались умеренностью и порядком; он не допускал ни бесстыдных зрелищ, ни распущенной болтовни и приучал сотрапезников довольствоваться благопристойными шутками и скромными развлечениями. Но на этот раз когда выпивка уже была в разгаре, гости, искавшие предлога для столкновения, распустили языки и, прикидываясь сильно пьяными, говорили непристойности, рассчитывая вывести Сертория из себя. Серторий,

однако, – то ли потому, что был недоволен нарушением порядка, то ли разгадав по дерзости речей и по необычному пренебрежению к себе замысел заговорщиков, – лишь повернулся на ложе и лег навзничь, стараясь не замечать и не слышать ничего. Тогда Перперна поднял чашу неразбавленного вина и, пригубив, со звоном уронил ее. Это был условный знак, и тут же Антоний, возлежавший рядом с Серторием, ударил его мечом. Серторий повернулся в его сторону и хотел было встать, но Антоний бросился ему на грудь и схватил за руки; лишенный возможности сопротивляться, Серторий умер под ударами множества заговорщиков.

27. Сразу же после этого большинство испанцев отпало от Перперны и, отправив послов к Помпею и Метеллу, изъявило покорность, Перперна же, возглавив оставшихся, попытался хоть что-нибудь предпринять. Он использовал созданные Серторием военные силы только для того, чтобы обнаружить собственное ничтожество и показать, что по своей природе он не годен ни повелевать, ни подчиняться. Он напал на Помпея, но тут же был разгромлен и оказался в плену. И этот последний удар судьбы Перперна не перенес так, как подобает полководцу. У него в руках была переписка Сертория, и он обещал Помпею показать собственноручные письма бывших консулов и других наиболее влиятельных в Риме лиц, которые призывали Сертория в Италию, утверждая, что там многие готовы подняться против существующих порядков и совершить переворот. Но Помпей повел себя не как неразумный юноша, а как человек зрелого и сильного ума и тем самым избавил Рим от великих опасностей и потрясений. Поступил он так: собрав послания и письма Сертория, он все предал огню, и сам не читая их, и другим не разрешив, а Перперну немедленно казнил, опасаясь, как бы тот не назвал имена, что могло послужить причиной восстаний и смут. Одни из участников заговора Перперны были доставлены к Помпею и казнены, другие бежали в Африку и погибли от копий мавританцев. Никто из них не спасся, кроме Авфидия – того самого, который был соперником Манлия в любви: то ли ему удалось скрыться, то ли на него не обратили внимания, но он дожил до преклонных лет в какой-то варварской деревне в нищете и полном забвении.

3. Консульство Помпея и Красса 70 г. до н.э.

Аппиан. Гражданские войны. Книга I. Пер. С.А. Жебелева.

121. Красс, покончивший гладиаторскую войну в шесть месяцев, немедленно же стал после этого соперником Помпея по славе. Он не распустил своего войска, потому что этого не сделал и Помпей. Свою кандидатуру на консульство выставили они оба: Красс ввиду того, что он, согласно закону Суллы, был претором, Помпей же не был ни претором, ни квестором и имел в это время 34 года. Зато он обещал народным трибунам снова вернуть многие прежние прерогативы их власти. Когда Помпей и Красс были избраны консулами, они не распустили своих армий, но держали их поблизости от Рима; каждый выставлял такой предлог: Помпей говорил, что он ожидает возвращения Метелла, чтобы справить испанский триумф, Красс же указывал на то, что предварительно должен распустить свое войско Помпей. Народ, видя, что начинается новая распря, боясь двух армий, расположенных около Рима, просил консулов в заседании, происходившем на форуме, покончить дело миром. Сначала Помпей и Красс отказались. После того как некоторые предсказатели стали предвещать наступление многих ужасов в том случае, если консулы не примирятся, народ снова с плачем и унижением просил их примириться, ссылаясь на бедствия, бывшие при Сулле и Марии. Тогда Красс первый сошел со своего кресла, направился к Помпею и протянул ему руку в знак примирения. Помпей встал в свою очередь и подбежал к Крассу. Когда они подали друг другу руки, посыпались на них всякого рода благопожелания, и народ оставил собрание лишь после того, как оба консула

объявили, что они распускают свои армии. Так-то спокойно разрешилась размолвка между консулами, которая, по-видимому, могла повести к большой междоусобной распре.

4. Заговор Катилины.

Марк Туллий Цицерон. Первая речь против Луция Сергия Катилины. Пер. В.О. Горенштейна.

(I, 1) Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды? Неужели тебя не встревожили ни ночные караулы на Палатине, ни стража, обходящая город, ни страх, охвативший народ, ни присутствие всех честных людей, ни выбор этого столь надежно защищенного места для заседания сената, ни лица и взоры всех присутствующих? Неужели ты не понимаешь, что твои намерения открыты? Не видишь, что твой заговор уже известен всем присутствующим и раскрыт? Кто из нас, по твоему мнению, не знает, чт**о** делал ты последней, чт**о** предыдущей ночью, где ты был, кого сзывал, какое решение принял? (2) О, времена! О, нравы! Сенат все это понимает, консул видит, а этот человек все еще жив. Да разве только жив? Нет, даже приходит в сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает своим взглядом тех из нас, кто должен быть убит, а мы, храбрые мужи, воображаем, что выполняем свой долг перед государством, уклоняясь от его бешенства и увертываясь от его оружия. Казнить тебя, Катилина, уже давно следовало бы, по приказанию консула, против тебя самого обратить губительный удар, который ты против всех нас уже давно подготовляешь. (3) Ведь высокочтимый муж, верховный понтифик Публий Сципион, будучи частным лицом, убил Тиберия Гракха, пытавшегося произвести лишь незначительные изменения в государственном строе, а Катилину, страстно стремящегося резней и поджогами весь мир превратить в пустыню, мы, консулы, будем терпеть? О событиях далекого прошлого я, пожалуй, говорить не буду — например, о том, что Гай Сервилий Агала своей рукой убил Спурия Мелия, стремившегося произвести государственный переворот. Была, была некогда в нашем государстве доблесть, когда храбрые мужи были готовы подвергнуть гражданина, несущего погибель, более жестокой казни, чем та, какая предназначена для злейшего врага. Мы располагаем против тебя, Катилина, решительным и веским постановлением сената. Не изменяют государству ни мудрость, ни авторитет этого сословия; мы — говорю открыто — мы, консулы, изменяем ему.

(II, 4) Сенат, своим постановлением, некогда обязал консула Луция Опимия принять меры, дабы государство не понесло ущерба. Не прошло и ночи — и был убит, вследствие одного лишь подозрения в подготовке мятежа, Гай Гракх, сын, внук и потомок знаменитых людей; был предан смерти, вместе со своими сыновьями, консуляр Марк Фульвий. На основании такого же постановления сената, защита государства была вверена консулам Гаю Марию и Луцию Валерию. Заставила ли себя ждать хотя бы один день смерть народного трибуна Луция Сатурнина и претора Гая Сервилия, вернее, кара, назначенная для них государством? А мы, вот уже двадцатый день, спокойно смотрим, как притупляется острие полномочий сената. Правда, и мы располагаем таким постановлением сената, но оно таится в записях и подобно мечу, вложенному в ножны; на основании этого постановления сената, тебя, Катилина, следовало немедленно предать смерти, а между тем ты все еще живешь и живешь не для того, чтобы отречься от своей преступной отваги; нет, — чтобы укрепиться в ней. Хочу я, отцы-сенаторы, быть милосердным; не хочу, при таких великих испытаниях для государства, показаться безвольным; но я сам уже осуждаю себя за бездеятельность и трусость. (5) В самой Италии, на путях в Этрурию, устроен лагерь на погибель римскому народу; с каждым

днем растет число врагов, а самого начальника этого лагеря, императора и предводителя врагов, мы видим в своих стенах, более того — в сенате; изо дня в день готовит он изнутри гибель государству. Если я тотчас же велю тебя схватить, Катилина, если я велю тебя казнить, то мне, несомненно, придется бояться, что все честные люди признают мой поступок запоздалым, а не опасаться, что кто-нибудь назовет его слишком жестоким.

Но, что уже давно должно было быть сделано, я, имея на это веские основания, все еще не могу заставить себя привести в исполнение. Ты будешь казнен только тогда, когда уже не найдется ни одного столь бесчестного, столь низко падшего, столь подобного тебе человека, который не признал бы, что это совершенно законно. (6) Но пока есть хотя бы один человек, который осмелится тебя защищать, ты будешь жить, но так, как живешь ныне, — окруженный моей многочисленной и надежной стражей, дабы у тебя не было ни малейшей возможности даже пальцем шевельнуть во вред государству. Более того, множество глаз и ушей будет — незаметно для тебя, как это было также и до сего времени, — за тобой наблюдать и следить.

(III) И в самом деле, чего еще ждешь ты, Катилина, когда ни ночь не может скрыть в своем мраке сборище нечестивцев, ни частный дом — удержать в своих стенах голос**а** участников твоего заговора, если все становится явным, все прорывается наружу? Поверь мне, уже пора тебе изменить свой образ мыслей; забудь о резне и поджогах. Ты окружен со всех сторон; света яснее нам все твои замыслы, которые ты можешь теперь обсудить вместе со мной. (7) Разве ты не помнишь, как за одиннадцать дней до ноябрьских календ я говорил в сенате, что в определенный день, а именно за пять дней до ноябрьских календ, возьмется за оружие Гай Манлий, твой приверженец и орудие твоей преступной отваги? Разве я ошибся, Катилина, не говорю уже — в том, что произойдет такое ужасное и невероятное событие, но также, — и это должно вызывать гораздо большее изумление, — в определении его срока? И я же сказал в сенате, что ты назначил резню оптиматов на день за четыре дня до ноябрьских календ — тогда, когда многие из первых наших граждан бежали из Рима не столько ради того, чтобы избегнуть опасности, сколько для того, чтобы не дать исполниться твоим замыслам. Можешь ли ты отрицать, что в тот самый день ты, окруженный со всех сторон моими отрядами, благодаря моей бдительности не смог ни шагу сделать против государства, но, по твоим словам, ввиду отъезда всех остальных ты был бы вполне удовлетворен, если бы тебе удалось убить одного меня, коль скоро я остался в Риме? (8) А потом? Когда ты был уверен, что тебе в самые ноябрьские календы удастся ночью, одним натиском, захватить Пренесту, не понял ли ты тогда, что колония эта, именно по моему приказанию, была обеспечена войсками, охраной, ночными дозорами? Ты ничего не можешь ни сделать, ни затеять, ни задумать без того, чтобы я об этом не услыхал, более того — этого не увидел и ясно не ощутил.

(IV) Припомни же, наконец, вместе со мной события достопамятной позапрошлой ночи и ты сразу поймешь, что я с гораздо большим усердием неусыпно охраняю благополучие государства, чем ты готовишь ему гибель. Я утверждаю, что ты в эту ночь пришел на улицу Серповщиков — буду говорить напрямик — в дом Марка Леки; там же собралось множество соучастников этого безрассудного преступления. Смеешь ли ты отпираться? Что ж ты молчишь ? Докажу, если вздумаешь отрицать. Ведь я вижу, что здесь, в сенате, присутствует кое-кто из тех, которые были вместе с тобой. (9) О, бессмертные боги! В какой стране мы находимся? Что за государство у нас? В каком городе мы живем? Здесь, здесь, среди нас, отцы-сенаторы, в этом священнейшем и достойнейшем собрании, равного которому в мире нет, находятся люди, помышляющие о нашей всеобщей гибели, об уничтожении этого вот города, более того, об уничтожении всего мира! И я, консул, вижу их здесь, даже предлагаю им высказать свое мнение о положении государства и все еще не решаюсь уязвить словами людей, которых следовало бы истребить мечом.

Итак, ты был у Леки в эту ночь, Катилина! Ты разделил на части Италию, ты указал, кому куда следовало выехать; ты выбрал тех, кого следовало оставить в Риме, и тех, кого

следовало взять с собой; ты распределил между своими сообщниками кварталы Рима, предназначенные для поджога, подтвердил, что ты сам в ближайшее время выедешь из города, но сказал: что ты все же еще не надолго задержишься, так как я еще жив. Нашлись двое римских всадников, выразивших желание избавить тебя от этой заботы и обещавших тебе в ту же ночь, перед рассветом, убить меня в моей постели. (10) Обо всем этом я узнал, как только было распущено ваше собрание. Дом свой я надежно защитил, усилив стражу; не допустил к себе тех, кого ты ранним утром прислал ко мне с приветствиями; впрочем, ведь пришли как раз те люди, чей приход — и притом именно в это время — я уже заранее предсказал многим виднейшим мужам.

(V) Теперь, Катилина, продолжай идти тем путем, каким ты пошел; покинь, наконец, Рим; ворота открыты настежь, уезжай. Слишком уж долго ждет тебя, императора, твой славный Манлиев лагерь. Возьми с собой и всех своих сторонников; хотя бы не от всех, но от возможно большего числа их очисти Рим. Ты избавишь меня от сильного страха, как только мы будем отделены друг от друга городской стеной. Находиться среди нас ты уже больше не можешь; я этого не потерплю, не позволю, не допущу. (11) Великую благодарность следует воздать бессмертным богам и, в частности, этому вот Юпитеру Статору, древнейшему стражу нашего города, за то, что мы уже столько раз были избавлены от столь отвратительной язвы, столь ужасной и столь пагубной для государства. Отныне благополучию государства не должна уже угрожать опасность от одного человека. Пока ты, Катилина, строил козни мне, избранному консулу, я защищался от тебя не с помощью официально предоставленной мне охраны, а принимая свои меры предосторожности. Но когда ты, во время последних комиций по выбору консулов, хотел меня, консула, и своих соискателей убить на поле, я пресек твою нечестивую попытку, найдя защиту в лице многочисленных друзей, не объявляя, однако, чрезвычайного положения официально. Словом, сколько раз ни пытался ты нанести мне удар, я отражал его сам, хотя и понимал, что моя гибель была бы большим несчастьем для государства. (12) Но теперь ты уже открыто хочешь нанести удар государству в целом; уже и храмы бессмертных богов, городские дома, всех граждан, всю Италию обрекаешь ты на уничтожение и гибель. Поэтому, коль скоро я все еще не решаюсь совершить то, что является моей первой обязанностью и на что дает мне право предоставленный мне империй и заветы наших предков, я прибегну к каре более мягкой, но более полезной для всеобщего спасения. Если я прикажу тебя казнить, то остальные люди из шайки заговорщиков в государстве уцелеют; но если ты, к чему я уже давно тебя склоняю, уедешь, то из Рима будут удалены обильные и зловредные подонки государства в лице твоих приверженцев. (13) Что же, Катилина? Неужели же ты колеблешься сделать, по моему приказанию, то, что ты был готов сделать добровольно? Консул велит врагу удалиться из Рима. Ты спрашиваешь меня — неужели в изгнание? Я тебе не велю, но, раз ты меня спрашиваешь, советую так поступить.

(VI) И в самом деле, Катилина, что еще может радовать тебя в этом городе, где, кроме твоих заговорщиков, пропащих людей, не найдется никого, кто бы тебя не боялся, кто бы не чувствовал к тебе ненависти? Есть ли позорное клеймо, которым твоя семейная жизнь не была бы отмечена? Каким только бесстыдством не ославил ты себя в своей частной жизни? Каким только непристойным зрелищем не осквернил ты своих глаз, каким деянием — своих рук, какой гнусностью — всего своего тела? Найдется ли юнец, перед которым бы ты, чтобы заманить его в сети и совратить, не нес кинжала на пути к преступлению или же факела на пути к разврату? (14) Разве недавно, когда ты, смертью своей первой жены, приготовил свой опустевший дом для нового брака, ты не добавил к этому злодеянию еще другого, невообразимого? Не стану о нем говорить, — пусть лучше о нем молчат — дабы не казалось, что в нашем государстве такое чудовищное преступление могло произойти или же остаться безнаказанным. Не буду говорить о твоем полном разорении, всю тяжесть которого ты почувствуешь в ближайшие иды. Перехожу к тому, что относится не к твоей позорной и порочной частной жизни, не к твоим семейным

бедствиям и бесчестию, а к высшим интересам государства, к нашему существованию и всеобщему благополучию.

(15) Неужели тебе, Катилина, может быть мил этот вот свет солнца или воздух под этим небом, когда каждому из присутствующих, как ты знаешь, известно, что ты, в консульство Лепида и Тулла, в канун январских календ стоял на комиции с оружием в руках; что ты, с целью убийства консулов и первых граждан, собрал большую шайку и что твое безумное злодеяние было предотвращено не твоими собственными соображениями и не страхом, а Фортуной римского народа? Я и об этом не стану распространяться; ибо это ни для кого не тайна, а ты и впоследствии совершил немало преступлений. Сколько раз покушался ты на мою жизнь, пока я был избранным консулом, сколько раз — во время моего консульства! От скольких твоих нападений, рассчитанных так, что, казалось, не было возможности их избежать, я спасся, как говорится, лишь чуть-чуть отклонившись в сторону! Ничего тебе не удается, ничего ты не достигаешь, но все-таки не отказываешься от своих попыток и стремлений. (16) Сколько раз уже вырывали кинжал у тебя из рук! Сколько раз он случайно выскальзывал у тебя из рук и падал на землю! Не знаю, во время каких таинств, каким обетом ты посвятил его богам, раз ты считаешь необходимым вонзить его именно в грудь консула.

(VII) А теперь какова твоя жизнь? Ведь я теперь буду говорить с тобой так, словно мной движет не ненависть, что было бы моим долгом, а сострадание, на которое ты не имеешь никакого права. Ты только что явился в сенат. Кто среди этого многочисленного собрания, среди стольких твоих друзей и близких приветствовал тебя? Ведь этого — с незапамятных времен — не случалось ни с кем; и ты еще ждешь оскорбительных слов, когда само это молчание — уничтожающий приговор! А то, что после твоего прихода твоя скамья опустела, что все консуляры, которых ты в прошлом не раз обрекал на убийство, пересели, оставив незанятыми скамьи той стороны, где сел ты? Как ты можешь это терпеть?

(17) Если бы мои рабы боялись меня так, как тебя боятся все твои сограждане, то я, клянусь Геркулесом, предпочел бы покинуть свой дом. А ты не считаешь нужным покинуть Рим? И если бы я видел, что я — пусть даже незаслуженно — навлек на себя такое тяжкое подозрение и неприязнь сограждан, то я отказался бы от общения с ними, только бы не чувствовать ненависти в их взглядах. Ты же, зная за собой свои злодеяния и признавая всеобщую ненависть справедливой и давно уже заслуженной, еще колеблешься, бежать ли тебе от взоров и от общества тех людей, чьи умы и чувства страдают от твоего присутствия? Если бы твои родители боялись и ненавидели тебя и если бы тебе никак не удавалось смягчить их, ты, мне думается, скрылся бы куда-нибудь с их глаз. Но теперь отчизна, наша общая мать, тебя ненавидит, боится и уверена, что ты уже давно не помышляешь ни о чем другом, кроме отцеубийства. И ты не склонишься перед ее решением, не подчинишься ее приговору, не испугаешься ее могущества? (18). Она так обращается к тебе, Катилина, и своим молчанием словно говорит: "Не было в течение ряда лет ни одного преступления, которого не совершил ты; не было гнусности, учиненной без твоего участия; ты один безнаказанно и беспрепятственно убивал многих граждан, притеснял и разорял наших союзников; ты оказался в силах не только пренебрегать законами и правосудием, но также уничтожать их и попирать. Прежние твои преступления, хотя они и были невыносимы, я все же терпела, как могла; но теперь то, что я вся охвачена страхом из-за тебя одного, что при малейшем лязге оружия я испытываю страх перед Катилиной, что каждый замысел, направленный против меня, кажется мне порожденным твоей преступностью, — все это нестерпимо. Поэтому удались и избавь меня от этого страха; если он справедлив, — чтобы мне не погибнуть; если он ложен, — чтобы мне, наконец, перестать бояться". (VIII, 19) Если бы отчизна говорила с тобой так, неужели ты не должен был бы повиноваться ей, даже если бы она не могла применить силу?

А то, что ты сам предложил взять тебя под стражу, что ты, дабы избегнуть подозрения, заявил о своем желании жить в доме у Мания Лепида? Не принятый им, ты даже ко мне осмелился явиться и меня попросил держать тебя в моем доме. Получив и от меня ответ, что я никак не могу чувствовать себя в безопасности, находясь с тобой под одним кровом, потому что подвергаюсь большой опасности, уже находясь с тобой в одних и тех же городских стенах, ты пришел к претору Квинту Метеллу; отвергнутый им, ты переселился к своему сотоварищу, отличнейшему человеку, Марку Метеллу, которого ты, очевидно, считал крайне исполнительным в деле охраны, в высшей степени проницательным в его подозрениях и непоколебимым при наказании. Итак, долго ли до тюрьмы и оков тому, кто уже сам признал себя заслуживающим заключения под стражу? (20) И при таких обстоятельствах, Катилина, ты, если у тебя нет сил спокойно покончить с жизнью, еще не знаешь, ст**о**ит ли тебе уехать в какую-либо страну и жизнь свою, которую ты спасешь от множества мучений, вполне тобой заслуженных, влачить в изгнании и одиночестве?

"Доложи, — говоришь ты, — об этом сенату". Ведь ты этого требуешь и выражаешь готовность, если это сословие осудит тебя на изгнание, ему повиноваться. Нет, я докладывать не буду — это против моих правил — и все-таки заставлю тебя понять, чт**о** думают о тебе присутствующие. Уезжай из Рима, Катилина; избавь государство от страха; в изгнание — если ты именно этого слова ждешь от меня — отправляйся. Что же теперь? Ты еще чего-то ждешь? Разве ты не замечаешь молчания присутствующих? Они терпят, молчат. К чему ждать тебе их приговора, если их воля ясно выражена их молчанием? (21) Ведь если бы я сказал это же самое присутствующему здесь достойнейшему молодому человеку, Публию Сестию, или же храбрейшему мужу, Марку Марцеллу, то сенат в этом же храме, с полным правом, на меня, консула, поднял бы руку. Но когда дело идет о тебе, Катилина, то сенаторы, оставаясь безучастными, одобряют; слушая, выносят решение; храня молчание, громко говорят, и так поступают не только эти вот люди, чей авторитет ты, по-видимому, высоко ценишь, но чью жизнь не ставишь ни во что, но также и вон те римские всадники, глубоко почитаемые и честнейшие мужи, и другие храбрейшие граждане, стоящие вокруг этого храма; ведь ты мог видеть, сколь они многочисленны, почувствовать их рвение, а недавно и услышать их возгласы. Мне уже давно едва удается удержать их от вооруженной расправы с тобой, но я с легкостью подвигну их на то, чтобы они — в случае, если ты будешь оставлять Рим, который ты уже давно стремишься уничтожить, — проводили тебя до самых ворот.

(IX, 22) Впрочем, к чему я это говорю? Разве возможно, чтобы тебя что-либо сломило? Чтобы ты когда-либо исправился, помыслил о бегстве, подумал об изгнании? О, если бы бессмертные боги внушили тебе это намерение! Впрочем, я понимаю, какая страшная буря ненависти — в случае, если ты, устрашенный моими словами, решишь удалиться в изгнание — угрожает мне если не в настоящее время, когда память о твоих злодействах еще свежа, то, во всяком случае, в будущем. Но пусть будет так, только бы это несчастье обрушилось на меня одного и не грозило опасностью государству! Однако требовать от тебя, чтобы тебя привели в ужас твои собственные пороки, чтобы ты побоялся законной кары, чтобы ты подумал об опасном положении государства, не приходится. Не таков ты, Катилина, чтобы совесть удержала тебя от подлости, страх — от опасных действий или же здравый смысл — от безумия. (23) Итак, — говорю это уже не в первый раз — уезжай, причем, если ты, как ты заявляешь, хочешь разжечь ненависть ко мне, своему недругу, то уезжай прямо в изгнание. Тяжко будет мне терпеть людскую молву, если ты так поступишь; тяжко будет мне выдерживать лавину этой ненависти, если ты уедешь в изгнание по повелению консула. Но если ты, напротив, предпочитаешь меня возвеличить и прославить, то покинь Рим вместе с наглой шайкой преступников, отправляйся к Манлию и призови пропащих граждан к мятежу, порви с честными людьми, объяви войну отчизне, предайся нечестивому разбою, дабы казалось, что ты выехал из Рима не изгнанный мною к чужим, но приглашенный к своим.

(24) А впрочем, зачем мне тебе это предлагать, когда ты — как я знаю — уже послал вперед людей, чтобы они с оружием в руках встретили тебя вблизи Аврелиева Форума; когда ты — как я знаю — назначил определенный день для встречи с Манлием; более того, когда ты даже того серебряного орла, который, я уверен, губительным и роковым окажется именно для тебя самого и для всех твоих сторонников и для которого у тебя в доме была устроена нечестивая божница, когда ты этого самого орла, как я знаю, уже послал вперед? Как ты сможешь и долее обходиться без него, когда ты не раз возносил к нему моления, отправляясь на резню, и после прикосновения к его алтарю твоя нечестивая рука так часто переходила к убийству граждан?

(X, 25) И вот, ты, наконец, отправишься туда, куда твоя необузданная и бешеная страсть уже давно тебя увлекает. Ведь это не только не удручает тебя, но даже доставляет тебе какое-то невыразимое наслаждение. Для этого безрассудства тебя природа породила, твоя воля воспитала, судьба сохранила. Никогда не желал ты, не говорю уже — мира, нет, даже войны, если только эта война не была преступной. Ты набрал себе отряд из бесчестного сброда пропащих людей, потерявших не только все свое достояние, но также и всякую надежду. (26) Какую радость будешь ты испытывать, находясь среди них, какому ликованию предаваться! Какое наслаждение опьянит тебя, когда ты среди своих столь многочисленных сторонников не услышишь и не увидишь ни одного честного человека! Ведь именно для такого образа жизни ты и придумал свои знаменитые лишения — лежать на голой земле не только, чтобы насладиться беззаконной страстью, но и чтобы совершить злодеяние; бодрствовать, злоумышляя не только против спящих мужей, но и против мирных богатых людей. У тебя есть возможность блеснуть своей хваленой способностью переносить голод, холод, всяческие лишения, которыми ты вскоре будешь сломлен. (27) Отняв у тебя возможность быть избранным в консулы, я, во всяком случае, достиг одного: как изгнанник ты можешь покушаться на государственный строй, но как консул ниспровергнуть его не можешь, — твои злодейские действия будут названы разбоем, а не войной.

(XI) Теперь, отцы-сенаторы, дабы я мог решительно отвести от себя почти справедливую, надо сказать, жалобу отчизны, прошу вас внимательно выслушать меня с тем, чтобы мои слова глубоко запали вам в душу и в сознание. В самом деле, если отчизна, которая мне гораздо дороже жизни, если вся Италия, все государство мне скажут: "Марк Туллий, что ты делаешь? Неужели тому, кого ты разоблачил как врага, в ком ты видишь будущего предводителя мятежа, кого, как ты знаешь, как императора ожидают во вражеском лагере — зачинщику злодейства, главарю заговора, вербовщику рабов и граждан губителю ты позволишь удалиться, так что он будет казаться не выпущенным тобой из Рима, а впущенным тобой в Рим? Неужели ты не повелишь заключить его в тюрьму, повлечь на смерть, предать мучительной казни? (28) Что, скажи, останавливает тебя? Уж не заветы ли предков? Но ведь в нашем государстве далеко не редко даже частные лица карали смертью граждан, несших ему погибель. Или существующие законы о казни, касающиеся римских граждан? Но ведь в нашем городе люди, изменившие государству, никогда не сохраняли своих гражданских прав. Или ты боишься ненависти потомков? Поистине прекрасно воздашь ты благодарность римскому народу, который тебя, человека, известного только личными заслугами и не порученного ему предками, так рано вознес по ступеням всех почетных должностей к высшей власти, если ты, боясь ненависти и страшась какой-то опасности, пренебрежешь благополучием своих сограждан. (29) Но если в какой-то мере и следует опасаться ненависти, то разве ненависть за проявленную суровость и мужество страшнее, чем ненависть за слабость и трусость? Когда война начнет опустошать Италию, когда будут рушиться города, пылать дома, что же, тогда, по-твоему, не сожжет тебя пламя ненависти?" (XII) Отвечу коротко на эти священные слова государства и на мысли людей, разделяющих эти взгляды. Да, отцы-сенаторы, если бы я считал наилучшим решением покарать Катилину смертью, я этому гладиатору и часа не дал бы прожить. И в самом деле, если выдающиеся мужи и самые

известные граждане не только не запятнали себя, но даже прославились, пролив кровь Сатурнина, Гракхов и Флакка, а также многих предшественников их, то мне, конечно, нечего было бояться, что казнь этого братоубийцы, истребляющего граждан, навлечет на меня ненависть грядущих поколений. Как бы ни была сильна эта угроза, я все же всегда буду убежден в том, что ненависть, порожденную доблестью, следует считать не ненавистью, а славой.

(30) Впрочем, кое-кто в этом сословии либо не видит того, что угрожает нам, либо закрывает глаза на то, что видит. Люди эти снисходительностью своей обнадеживали Катилину, а своим недоверчивым отношением благоприятствовали росту заговора при его зарождении. Опираясь на их авторитет, многие не только бесчестные, но просто неискушенные люди — в случае, если бы я Катилину покарал, — назвали бы мой поступок жестоким и свойственным разве только царю. Но теперь я полагаю, что если Катилина доберется до лагеря Манлия, в который он стремится, то никто не будет столь глуп, чтобы не увидеть ясно, что заговор действительно существует, и никто — столь бесчестен, чтобы это отрицать. Я понимаю, что, казнив одного только Катилину, можно на некоторое время ослабить эту моровую болезнь в государстве, но навсегда уничтожить ее нельзя. Если же он сам удалится в изгнание, уведет с собой своих приверженцев и захватит с собой также и прочие подонки, им отовсюду собранные, то будут окончательно уничтожены не только эта, уже застарелая болезнь государства, но также и корень и зародыш всяческих зол. (XIII, 31) И в самом деле, отцы-сенаторы, ведь мы уже давно живем среди опасностей и козней, связанных с этим заговором, но почему-то все злодейства, давнишнее бешенство и преступная отвага созрели и вырвались наружу именно во время моего консульства. Если из такого множества разбойников будет устранен один только Катилина, то нам, пожалуй, на какое-то короткое время может показаться, что мы избавлены от тревоги и страха; но опасность останется и будет скрыта глубоко в жилах и теле государства. Часто люди, страдающие тяжелой болезнью и мечущиеся в бреду, если выпьют ледяной воды, вначале чувствуют облегчение, но затем им становится гораздо хуже; так и эта болезнь, которой страдает государство, ослабевшая после наказания Катилины, усилится еще более, если остальные преступники уцелеют.

(32) Поэтому пусть удалятся бесчестные; пусть они отделятся от честных, соберутся в одно место; наконец, пусть их, как я уже не раз говорил, от нас отделит городская стена. Пусть они перестанут покушаться на жизнь консула у него в доме, стоять вокруг трибунала городского претора, осаждать с мечами в руках курию, готовить зажигательные стрелы и факелы для поджога Рима; пусть, наконец, на лице у каждого будет написано, что он думает о положении государства. Заверяю вас, отцы-сенаторы, мы, консулы, проявим такую бдительность, вы — такой авторитет, римские всадники — такое мужество, все честные люди — такую сплоченность, что после отъезда Катилины все замыслы его вы увидите раскрытыми, разоблаченными, подавленными и понесшими должную кару.

(33) При этих предзнаменованиях, Катилина, на благо государству, на беду и на несчастье себе, на погибель тем, кого с тобой соединили всяческие братоубийственные преступления, отправляйся на нечестивую и преступную войну. А ты, Юпитер, чью статую Ромул воздвиг при тех же авспициях, при каких основал этот вот город, ты, которого мы справедливо называем оплотом нашего города и державы, отразишь удар Катилины и его сообщников от своих и от других храмов, от домов и стен Рима, от жизни и достояния всех граждан; а недругов всех честных людей, врагов отчизны, опустошителей Италии, объединившихся в злодейском союзе и нечестивом сообществе, ты обречешь — живых и мертвых — на вечные муки.

Марк Туллий Цицерон. Вторая речь против Луция Сергия Катилины. Пер. В.О. Горенштейна.

(I, 1) На этот раз, квириты, Луция Катилину, безумствующего в своей преступности, злодейством дышащего, гибель отчизны нечестиво замышляющего, мечом и пламенем вам и этому городу угрожающего, мы, наконец, из Рима изгнали или, если угодно, выпустили, или, пожалуй, при его добровольном отъезде проводили напутственным словом. Он ушел, удалился, бежал, вырвался. Этот выродок, это чудовище уже не будет внутри городских стен готовить гибель этим самым стенам. И этого главаря междоусобной войны мы, бесспорно, победили. Уже не будет угрожать нашей груди этот кинжал; ни на поле, ни на форуме, ни в курии, ни, наконец, в своем собственном доме не будем мы трепетать в страхе. С позиции сбит[2] он тем, что удален из Рима. Теперь нам уже никто не помешает по всем правилам вести войну с врагом. Без всякого сомнения, мы уже погубили его и одержали над ним блестящую победу, заставив его от тайных козней перейти к открытому разбою. (2) А тем, что он не обнажил своего окровавленного меча, как хотел, тем, что он удалился, а мы остались живы, тем, что мы вырвали оружие у него из рук, что граждане остались невредимыми, а город целым, — скажите, насколько должен он быть всем этим убит и удручен. Лежит он теперь поверженный, квириты, и чувствует себя пораженным и отброшенным и, конечно, то и дело оборачиваясь, бросает взгляды на этот город, вырванный, к его прискорбию, у него из пасти; а Рим, как я полагаю, радуется тому, что изверг и выбросил вон эту пагубу.

(II, 3) Но если кто-нибудь, придерживаясь такого образа мыслей, какого вам всем следовало бы держаться, станет укорять меня именно за тот мой поступок, который побуждает меня теперь выступать с речью ликующей и торжествующей, — за то, что такого смертельного врага я отпустил вместо того, чтобы схватить его, — то это вина не моя, квириты, а обстоятельств. Предать Луция Катилину смерти и подвергнуть его жесточайшей казни следовало уже давно, этого от меня требовали и заветы наших предков, и суровость моего империя, и положение государства. Но сколько — как вы думаете — было людей, не склонных верить в справедливость моих обвинений? Сколько было таких, которые даже защищали Катилину? [Сколько было таких, которые, по своей недальновидности, его не считали врагом; сколько было таких, которые, по своей бесчестности, ему сочувствовали?] Если бы я полагал, что я, уничтожив его, избавлю вас от всякой опасности, то я уже давно уничтожил бы Луция Катилину, рискуя, не говорю уже — навлечь на себя ненависть, но даже поплатиться жизнью. (4) Но я понимал, что если я, пока даже не все вы убеждены в его невиновности, покараю его смертью, как он этого заслужил, то вызову против себя ненависть и уже не смогу преследовать его сообщников; поэтому я и довел дело до нынешнего положения, дабы вы могли открыто бороться с ним, воочию видя в нем врага. Сколь страшным считаю я этого врага, находящегося уже вне пределов города, квириты, вы можете понять из того, что я огорчен даже тем, что он покинул Рим с небольшим числом спутников. О, если б он увел с собой все свои войска! Тонгилия, видите ли, которым он прельстился, когда тот еще носил претексту, он с собой увел, а также Публиция и Минуция; за ними осталось по харчевням немало долгов, но это никак не могло вызвать волнений в государстве. Но каких людей он оставил здесь! Какими долгами обременены они! Сколь они влиятельны, сколь знатны!

(III, 5) Поэтому, сравнивая его войско с нашими легионами, находящимися в Галлии, с войсками, набранными Квинтом Метеллом в Пиценской и Галльской областях, и с теми военными силами, которые мы снаряжаем изо дня в день, я отношусь к этому войску с полным презрением; ведь оно собрано из стариков, которым уже терять нечего, из деревенщины, склонной к мотовству, из поселян, любителей тратить деньги, из людей, которые предпочли не являться в суд, а вступить в его войско. Если я им покажу, не говорю уже — наше войско в боевом строю, нет, хотя бы эдикт претора, они рухнут наземь. Что же касается этих вот людей, которые, я вижу, снуют по форуму, стоят перед курией и даже приходят в сенат, которые умащены благовониями, щеголяют в пурпурной одежде, то я предпочел бы, чтобы Катилина увел их с собой как своих солдат; коль скоро они остаются здесь, нам — помните это — следует страшиться не столько его войска,

сколько этих людей, покинувших его войско. При этом их надо бояться еще потому, что они, хотя и понимают, что я знаю их помыслы, все же ничуть этим не обеспокоены. (6) Знаю я, кому при дележе досталась Апулия, кто получил Этрурию, кто Пиценскую, кто Галльскую область, кто потребовал для себя права остаться в засаде в Риме с целью резни и поджогов. Они понимают, что все планы, составленные позапрошлой ночью, мне сообщены; вчера я раскрыл их в сенате. Сам Катилина испугался и спасся бегством. А они чего ждут? Как бы им не ошибиться в надежде на то, что моя былая мягкость останется неизменной.

(IV) Той цели, какую я себе поставил, я уже достиг; вы все видите, что заговор против государства устроен открыто; ведь едва ли кто-нибудь из вас предполагает, что люди, подобные Катилине, не разделяют его взглядов. Теперь уже мягкость неуместна; суровости требуют сами обстоятельства. Но одну уступку я готов сделать даже теперь: пусть они удалятся, пусть уезжают; не допускать же им, чтобы несчастный Катилина чах от тоски по ним. Путь я им укажу: он выехал по Аврелиевой дороге; если они захотят поторопиться, к вечеру догонят его. (7) О, какое счастье будет для государства, если только оно извергнет эти подонки Рима! Мне кажется, клянусь Геркулесом, что государство, избавившись даже от одного только Катилины, свободно вздохнуло и вернуло себе силы. Можно ли представить или вообразить себе какое-либо зло или преступление, какого бы не придумал он? Найдется ли во всей Италии отравитель, гладиатор, убийца, братоубийца, подделыватель завещаний, злостный обманщик, кутила, мот, прелюбодей, беспутная женщина, развратитель юношества, испорченный или пропащий человек, которые бы не сознались, что их связывали с Катилиной тесные дружеские отношения? Какое убийство совершено за последние годы без его участия, какое нечестивое прелюбодеяние — не при его посредстве? (8) Далее, — кто когда-либо обладал такой способностью завлекать юношей, какой обладает он? Ведь к одним он сам испытывал постыдное влечение, для других служил орудием позорнейшей похоти, третьим сулил удовлетворение их страстей, четвертым — смерть их родителей, причем он не только подстрекал их, но даже помогал им. А теперь? С какой быстротой собрал он огромные толпы пропащих людей не только из города Рима, но и из деревень! Не было человека, не говорю уже — в Риме, даже в любом закоулке во всей Италии, который, запутавшись в долгах, не был бы вовлечен им в этот небывалый союз злодейства.

(V, 9) А чтобы вы могли ознакомиться с его различными наклонностями, столь непохожими одна на другую, я скажу, что в школе гладиаторов не найдется ни одного человека с преступными стремлениями, который бы не объявил себя близким другом Катилины; в театре нет ни одного низкого и распутного актера, который бы, по его словам, не был чуть ли не его товарищем. Постоянно предаваясь распутству и совершая злодеяния, он привык переносить холод, голод и жажду и не спать по ночам, и именно за эти качества весь этот сброд превозносил его как храбреца, между тем он тратил силы своего тела и духа на разврат и преступления. (10) Если спутники Катилины последуют за ним, если удалятся из Рима преступные шайки людей, которым нечего терять, то какая это будет для нас радость, какое счастье для государства, как прославится мое консульство! Ибо безмерны преступные страсти этих людей; нет, это уже не люди, и дерзость их нестерпима! Они не помышляют ни о чем другом, кроме резни, поджогов и грабежей. Свое родовое имущество они промотали и свои имения заложили давно, но распутство, каким они отличались в дни своего богатства, у них остается неизменным. Если бы они, пьянствуя и играя в кости, не искали ничего другого, кроме пирушек и общества распутниц, то, будучи, конечно, людьми пропащими, они все же были бы еще терпимы; но можно ли мириться с тем, что бездельники злоумышляют против храбрейших мужей, безумцы — против умнейших, пьяные — против трезвых, неисправимые лентяи — против бдительных? Возлежа на пирушках, они, обняв бесстыдных женщин, упившись вином, объевшись, украсившись венками, умастившись благовониями, ослабев от разврата, грозят истребить честных людей и поджечь города. (11) Я убежден, что им не уйти от их

судьбы и что кара, уже давно заслуженная ими за их бесчестность, подлость, преступления и разврат, над ними уже нависла или, во всяком случае, уже близка. Если мое консульство, не будучи в состоянии их исправить, их уничтожит, оно укрепит государство не на какой-нибудь краткий срок, а на многие века. Ведь нет народа, которого бы мы страшились, нет царя, который бы мог объявить войну римскому народу; за рубежом, на суше и на море, все умиротворено мужеством одного человека; остается междоусобная война, внутри государства строятся козни, изнутри нам грозит опасность, внутри находится враг. С развращенностью, с безрассудством, с преступностью должны мы вести борьбу, и полководцем в этой войне обязуюсь быть я, квириты! Вражду этих пропащих людей я принимаю на себя; что поддастся исправлению, буду лечить, чем только смогу; а что надо будет отсечь, того я не оставлю на погибель государству. Итак, пусть они либо удалятся из Рима, либо сидят смирно, либо — если они останутся в Риме, но от своих намерений не откажутся — пусть ожидают того, чего заслуживают.

(VI, 12) Но все еще находятся люди, квириты, которые все-таки говорят, что Катилина мной изгнан. Если бы я мог добиться этого одним своим словом, я изгнал бы именно тех, кто это болтает. Катилина, этот робкий или, лучше, скромнейший человек, не мог, видимо, вынести голоса консула: как только ему велели удалиться в изгнание, он повиновался. Вчера, после того как меня чуть не убили в моем собственном доме, я созвал сенат в храме Юпитера Статора и доложил отцам-сенаторам о положении государства. Туда пришел Катилина. Кто из сенаторов заговорил с ним, кто приветствовал его, кто, наконец, своим взглядом не осудил его, как негодного гражданина, более того — как опаснейшего врага? Мало того, первые люди в этом сословии даже пересели с тех скамей, к которым он подошел, и оставили их незанятыми. (13) Тогда я, рьяный консул, одним словом своим посылающий граждан в изгнание, спросил Катилину, участвовал ли он в ночном сборище в доме у Марка Леки или не участвовал. Когда он, при всей своей наглости, сначала промолчал, сознавая свою преступность, я разоблачил другие его поступки. Что делал он в ту ночь, что назначил он на прошлую ночь, как был разработан план всего мятежа, — все я изложил. Он медлил, был смущен. Тогда я спросил, почему он не решается отправиться туда, куда уже давно собирается, коль скоро туда, как мне известно, уже послано оружие, секиры, ликторские связки, трубы, военные знаки, тот знаменитый серебряный орел, для хранения которого он даже устроил божницу в своем доме. (14) Значит, это я заставил удалиться в изгнание того, кто, как я видел, уже вступил на путь войны? Следовательно, этот центурион Манлий, ставший лагерем под Фезулами, конечно, от своего имени объявил войну римскому народу, и этот лагерь ныне не ждет Катилины в качестве полководца, а он, изгнанник, направляется в Массилию, как говорят, а не в этот лагерь.

(VII) О, сколь жалко положение того, кто, не говорю уже — управляет государством, но даже спасает его! Если теперь Луций Катилина, которого я, своей бдительностью, своими трудами, подвергаясь опасностям, окружил и лишил возможности действовать, внезапно испугается, изменит свои намерения, покинет своих сторонников, откажется от своего замысла начать войну и, сойдя с этого пути преступной войны, обратится в бегство и направится в изгнание, то не будут говорить, что я отнял у него оружие, приготовленное им для дерзостного преступления, привел его в замешательство и устрашил своей бдительностью, что я отнял у него надежды и пресек его попытки, а скажут, что он, не будучи ни осужден, ни виновен, был изгнан консулом, применившим силу и угрозы; и если он поступит так, еще найдутся люди, склонные считать его не бесчестным, но несчастным человеком, а меня не бдительнейшим консулом, но жесточайшим тираном! (15) Я готов, квириты, выдержать эту бурю незаслуженной и несправедливой ненависти, лишь бы только избавить вас от опасности этой ужасной и преступной войны. Пожалуй, пусть говорят, что он был мной выслан, лишь бы он удалился в изгнание. Но не уйдет он в изгнание, поверьте мне. Ради того только, чтобы утихла ненависть ко мне, я никогда не стану, квириты, просить бессмертных богов о том, чтобы до вас дошла весть, что

Катилина взялся за оружие и ведет на вас вражеское войско; но через три дня вы об этом услышите. Гораздо больше боюсь я другого: меня когда-нибудь могут упрекнуть в том, что я выпустил его из Рима, а не изгнал. Но если теперь находятся люди, утверждающие, что он изгнан, — хотя он уехал добровольно, — то что стали бы говорить они, будь он казнен? (16) Впрочем, те, которые твердят, что Катилина держит путь в Массилию, не столько на это сетуют, сколько этого опасаются. Ни один из них не жалостлив в такой степени, чтобы пожелать ему отправиться в Массилию, а не к Манлию. А сам он, клянусь Геркулесом, даже если бы он заранее не обдумал того, что будет делать, все же предпочел бы быть казнен как разбойник, а не жить как изгнанник. Но теперь, коль скоро с ним до сего времени не случалось ничего, что не совпало бы с его желанием и замыслами, — кроме того, что он уехал из Рима, оставив меня живым, — пожелаем лучше, чтобы он отправился в изгнание, вместо того, чтобы нам на это сетовать.

(VIII, 17) Но почему мы столько времени толкуем об одном враге и притом о таком, который уже открыто признает себя врагом и которого я не боюсь, так как нас отделяет от него городская стена, — чего я всегда хотел, — а о тех людях, которые скрывают свою вражду, остаются в Риме и находятся среди нас, не говорим ничего? Именно их, если только это возможно, я стараюсь не столько покарать, сколько излечить ради них самих, примирить с государством и не вижу причины, почему бы это не было возможно, если только они согласятся меня выслушать. Итак, я изложу вам, квириты, какого рода люди составляют войска Катилины; затем, если смогу, попытаюсь каждого из них излечить советами и уговорами.

(18) Одни из них — это люди, при своих больших долгах, все же обладающие еще более значительными владениями, привязанность к которым никак не дает им возможности выпутаться из этого положения. По внешнему виду, они — люди почтенные (ведь они богаты), но их стремления и притязания совершенно бесстыдны. И вы, имея в избытке земли, дома, серебряную утварь, рабов, разное имущество, не решаетесь расстаться с частью своей собственности и вернуть себе всеобщее доверие? Чего вы ждете? Войны? А дальше? Не думаете ли вы, что, когда все рухнет, именно ваши владения останутся священными и неприкосновенными? Или вы ждете введения новых долговых записей? Заблуждаются люди, ожидающие их от Катилины. Нет, мной будут выставлены новые записи, но только насчет продажи с аукциона; ведь люди, обладающие собственностью, не могут привести свои дела в порядок никаким другим способом. Если бы они захотели это сделать более своевременно, вместо того, чтобы покрывать проценты доходами со своих имений, — что крайне неразумно, — они и сами были бы богаче, а как граждане полезнее для государства. Но именно этих людей, по моему мнению, менее всего следует страшиться, так как их либо возможно переубедить, либо они, если и останутся верны себе, мне кажется, скорее будут посылать государству проклятия, чем возьмутся за оружие против него.

(IX, 19) Другие, хотя они и обременены долгами, все же рассчитывают достигнуть власти, хотят стать во главе государства и думают, что почетных должностей, на которые им нечего рассчитывать при спокойствии в государстве, они смогут добиться, вызвав в нем смуту. Им следует дать такое же наставление, какое, очевидно, следует дать и всем другим: пусть откажутся от надежды, что они добьются того, чего пытаются добиться. Прежде всего, я сам бдителен, твердо стою на своем посту и на страже государства. Затем, великим мужеством воодушевлены все честные мужи, велико согласие между ними, [огромна их численность,] велики, кроме того, и наши военные силы. Наконец, и бессмертные боги придут на помощь нашему непобедимому народу, прославленной державе и прекрасному городу в их борьбе против столь страшного преступления. Но даже если вообразить себе, что эти люди уже достигли того, к чему они стремятся в своем неистовом бешенстве, то неужели они надеются на пепле Рима и на крови граждан — а ведь именно этого пожелали они своим преступным и нечестивым умом — сделаться консулами и диктаторами, вернее, даже царями? Разве они не понимают, что, даже если

они и достигнут того, чего желают, им все-таки неминуемо придется уступить все это какому-нибудь беглому рабу или гладиатору?

(20) Третьи — люди уже преклонного возраста, но испытанные и сильные; из их среды вышел Манлий, которого сменяет теперь Катилина. Это люди из колоний, учрежденных Суллой. Я знаю, что колонии эти, по большей части, заселены честнейшими гражданами и храбрейшими мужами, но все же это те колоны, которые, нежданно-негаданно получив имущество, жили чересчур пышно и не по средствам. Они возводят такие постройки, словно обладают несметными богатствами; их радует устройство образцовых имений, множество челяди, великолепные пирушки, и поэтому они запутались в таких значительных долгах, что им, если бы они захотели с ними разделаться, пришлось бы вызвать из царства мертвых самого Суллу. Они даже подали кое-кому из сельских жителей, бедным и неимущим людям, надежду на такие же грабежи, какие происходили в прошлом. И тех и других людей я отношу к одному и тому же разряду грабителей и расхитителей имущества, но советую им перестать безумствовать и помышлять о проскрипциях и диктатурах. Ведь от тех времен в сердцах наших граждан сохранилась такая жгучая боль, что всего этого, мне думается, теперь не вытерпят, не говорю уже — люди, нет, даже скот.

(X, 21) Четвертые — это множество людей крайне разнообразного, смешанного и пестрого состава. Они уже давно испытывают затруднения и никогда уже не смогут встать на ноги; отчасти по лености, отчасти вследствие дурного ведения ими своих дел, отчасти также и из-за своей расточительности они по уши в старых долгах; они измучены обязательствами о явке в суд, судебными делами, описью имущества; очень многие из них, — и из города Рима и из сел — по слухам, направляются в тот лагерь. Вот они-то, по моему мнению, не столько спешат в бой, сколько медлят с уплатой долгов[23]. Пусть эти люди, раз они не могут устоять на ногах, погибнут возможно скорее, но так, чтобы этого не почувствовало, уже не говорю — государство, нет — даже их ближайшие соседи. Ибо я не понимаю одного: если они не могут жить честно, то почему они хотят погибнуть с позором, вернее, почему они считают гибель вместе с многими другими людьми менее мучительной, чем гибель в одиночестве?

(22) Пятые — это братоубийцы, головорезы, наконец, всякие преступники; их я не пытаюсь отвлечь от Катилины, да их и невозможно оторвать от него. Пусть же погибнут они, занимаясь разбоем, так как их столько, что тюрьма вместить их не может.

Перейду к последнему роду людей — последнему не только по счету, но и по их характеру и образу жизни; это — самые близкие Катилине люди, его избранники, более того, его любимцы и наперсники; вы видите их, тщательно причесанных, вылощенных, либо безбородых, либо с холеными бородками, в туниках с рукавами и до пят, закутанных в целые паруса, вместо тог. Все их рвение и способность бодрствовать по ночам обнаруживаются ими только на пирушках до рассвета. (23) В этой своре находятся все игроки, все развратники, все грязные и бесстыдные люди. Эти изящные и изнеженные мальчики обучены не только любить и удовлетворять любовные страсти, плясать и петь, но и кинжалы в ход пускать и подсыпать яды. Если они не покинут Рим, если они не погибнут, то — знайте это — даже в случае гибели самого Катилины в нашем государстве останется этот рассадник Катилин. И на что рассчитывают эти жалкие люди? Неужели они думают повезти с собой в лагерь своих бабенок? Но как смогут они без них обойтись, особенно в эти ночи? И как они перенесут пребывание на Апеннине с его стужей и снегами? Или они, быть может, думают, что им потому будет легче переносить зимнюю стужу, что они научились плясать нагими во время пирушек?

(XI, 24) О, как должна страшить нас эта война, когда у Катилины будет эта преторская когорта из блудников и блудниц! Выстройте же теперь в боевом порядке, квириты, против столь славных сил Катилины свои гарнизоны и войска и, прежде всего, против этого истрепанного и израненного гладиатора выставьте своих консулов и императоров; затем, против этой шайки отверженного и жалкого отребья двиньте цвет и опору всей Италии.

Право, даже города в наших колониях и муниципиях могут помериться силами с Катилиной, укрывающимся на лесистых холмах. Мне, конечно, нет надобности сопоставлять ваши остальные богатые средства снабжения, ваше снаряжение и гарнизоны с бессильным и необеспеченным войском этого пресловутого разбойника. (25) Но если мы, даже не говоря обо всем том, чем располагаем мы и чего Катилина лишен, — я имею в виду сенат, римских всадников, город Рим, эрарий, государственные доходы, всю Италию, все провинции, чужеземные народы — если мы, не говоря обо всем этом, захотим сравнить наше дело с его делом (ведь они вступают в борьбу, одно с другим), то мы сможем понять, как низко пали наши противники. Ведь на нашей стороне сражается чувство чести, на той — наглость; здесь — стыдливость, там — разврат; здесь — верность, там — обман; здесь — доблесть, там — преступление; здесь — непоколебимость, там — неистовство; здесь — честное имя, там — позор; здесь — сдержанность, там — распущенность; словом, справедливость, умеренность, храбрость, благоразумие, все доблести борются с несправедливостью, развращенностью, леностью, безрассудством, всяческими пороками; наконец, изобилие сражается с нищетой, порядочность — с подлостью, разум — с безумием, наконец, добрые надежды — с полной безнадежностью. Неужели при таком столкновении, вернее, в такой битве сами бессмертные боги не даруют этим прославленным доблестям победы над столькими и столь тяжкими пороками?

(XII, 26) При этих обстоятельствах, квириты, сами защищайте свои дома, неся ночные караулы и охрану, как и до сей поры. Я, со своей стороны, позаботился и принял все меры, чтобы обеспечить город надежной охраной, не вызывая чувства тревоги у вас и не объявляя чрезвычайного положения. Всем колонам и вашим землякам из муниципиев, извещенным мной об этом поспешном ночном отъезде Катилины, будет легко защитить свои города и земли. Гладиаторы, на которых он рассчитывал как на свой надежнейший отряд, — хотя они и похрабрее, чем часть наших патрициев, — все же будут в нашей власти. Квинт Метелл, которого я, предвидя эти события, заранее послал в Галльскую и Пиценскую области, либо разобьет Катилину, либо воспрепятствует передвижению его сил и его действиям. Об остальных мерах, которые понадобится принять, ускорить, осуществить, я доложу сенату, который я, как видите, созываю.

(27) Что же касается людей, которые застряли в Риме или, вернее, были оставлены Катилиной на погибель Риму и всем вам в городе, то я, хотя это и враги, все же, коль скоро они родились гражданами, хочу настоятельно предостеречь их. Я при своей мягкости, которая до сего времени кое-кому могла показаться слабостью, ждал только, чтобы вырвалось наружу то, что оставалось скрытым. Но отныне я уже не могу забыть, что здесь моя отчизна, что я — консул этих вот людей, что мой долг — либо вместе с ними жить, либо за них умереть. У городских ворот нет сторожей, на дороге нет засад. Если кто-нибудь захочет уехать, я могу на это закрыть глаза. Но тот, кто в Риме хотя бы чуть-чуть шевельнется, тот, за кем я замечу, не говорю уже — какое-либо действие, но даже стремление или попытку действовать во вред отчизне, поймет, что в этом городе есть бдительные консулы, есть достойные должностные лица, есть стойкий сенат, что в нем есть оружие, есть тюрьма, которая, по воле наших предков, карает за нечестивые преступления, когда они раскрыты.

(XIII, 28) И все эти меры будут проведены так, чтобы величайшие угрозы были устранены при ничтожнейших потрясениях, огромные опасности — без объявления чрезвычайного положения, чтобы междоусобная и внутренняя война, жесточайшая и величайшая из всех, какие помнят люди, была закончена мной одним, единственным полководцем и императором, носящим тогу. Я буду так руководить этим, квириты, чтобы — если только это окажется возможным — даже бесчестный человек не понес кары за свое преступление в стенах этого города. Но если какой-либо открытый дерзостный поступок, если опасность, грозящая нашей отчизне, заставят меня по необходимости отказаться от моей душевной мягкости, то я непременно добьюсь того, на что при такой

трудной войне, среди стольких козней, едва ли можно надеяться: ни один честный человек не погибнет, и кара, которой подвергнутся немногие, принесет спасение всем вам. (29) Обещаю это вам, квириты, полагаясь не на свою проницательность и не на человеческую мудрость, а на многочисленные и притом несомненные знамения бессмертных богов. Ведь ими руководясь, я и возымел эту надежду и принял это решение. Уже не издали, как это некогда бывало, и не от внешнего врага, находящегося далеко от нас, защищают они свои храмы и дома Рима; нет, они защищают их, находясь здесь, изъявлением своей воли и своей помощью. Им должны вы молиться, их почитать и умолять о том, чтобы этот город, по их воле ставший самым прекрасным, самым счастливым и самым могущественным, они после побед, одержанных нами на суше и на море над силами всех наших врагов, защитили от нечестивого злодеяния преступнейших граждан.

Марк Туллий Цицерон. Третья речь против Луция Сергия Катилины. Пер. В.О. Горенштейна.

(I, 1) Государство, ваша жизнь, имущество и достояние, ваши жены и дети, квириты, и этот оплот прославленной державы — богатейший и прекрасный город сегодня, по великому благоволению бессмертных богов, моими трудами и разумными решениями, а также ценой опасностей, которым я подвергался, у вас на глазах, как видите, спасены от огня и меча, можно сказать, вырваны из пасти рока, сохранены и возвращены вам. (2) И если дни нашего избавления нам не менее приятны и радостны, чем день нашего рождения, так как спасение приносит несомненную радость, а рождение обрекает нас на неизвестное будущее, так как мы рождаемся, не сознавая этого, а избавляясь от опасности, испытываем радость, то, коль скоро мы с благоговением превознесли того, кто этот город основал, и причислили его к бессмертным богам, вы и потомки ваши, конечно, должны оказать почет тому, кто этот же город, уже основанный и разросшийся, спас. Ибо факелы, грозившие пожаром всему Риму, его храмам, святилищам, домам и городским стенам, которые окружают его со всех сторон, мы потушили, удары мечей, обнаженных против государства, отразили, а их клинки, направленные вам в грудь, оттолкнули.

(3) Так как в сенате все это мной уже разъяснено, раскрыто и установлено, то я изложу это вам вкратце, дабы вы, находившиеся до сего времени в неведении и ожидании, могли ныне узнать, сколь важно и сколь очевидно все происшедшее и каким путем я напал на след и все обнаружил.

Итак, как только Катилина немного дней назад бежал из Рима, оставив в городе своих соучастников в преступлении, рьяных полководцев в этой нечестивой войне, я непрестанно бодрствовал и принимал меры предосторожности, чтобы вы могли уцелеть, несмотря на столь страшные и столь глубоко затаенные козни. (II) Когда я пытался изгнать Катилину из Рима (ведь я уже не боюсь, что это слово вызовет ненависть против меня; скорее меня могут осудить за то, что он ушел живым), итак, когда я хотел удалить его из нашего города, я думал, что вместе с ним уйдет также и остальная шайка заговорщиков или же что оставшиеся будут без него бессильны и слабы. (4) Но как только я увидел, что именно те люди, которые, по моим сведениям, были воспламенены преступным безумием, остались в Риме среди нас, я стал день и ночь наблюдать за ними, чтобы выследить их и раскрыть их действия и замыслы и чтобы — коль скоро вы могли, ввиду невероятной тяжести их преступления, отнестись к моим словам недоверчиво — захватить преступников с поличным; ведь только когда вы воочию увидите самое злодейство, вы примете меры в защиту своей жизни. И вот, как только я узнал, что Публий Лентул, желая вызвать войну в заальпийских странах и взбунтовать галлов, подстрекает послов аллоброгов, что их отправляют в Галлию к их согражданам, дав им письма и поручения, по тому же пути, который ведет к Катилине, а их спутником будет Тит Вольтурций, с которым также посылают письма к Катилине, я решил, что мне

представился случай выполнить труднейшую задачу, которую я всегда просил у бессмертных богов, — раскрыть все преступление так, чтобы оно стало явным не только для меня, но также для сената и для вас.

(5) Поэтому я вчера призвал к себе преторов Луция Флакка и Гая Помптина, мужей храбрейших и преданнейших государству. Я изложил им все обстоятельства и объяснил им, что нам следует делать. Они как честные граждане, одушевленные великой любовью к государству, без колебаний и промедления взялись за дело и, когда стало вечереть, тайком подошли к Мульвиеву мосту и расположились в ближайших усадьбах по обеим сторонам Тибра и моста. Туда же и они сами, не вызвав ни у кого подозрения, привели многих храбрых людей, да и я послал из Реатинской префектуры вооруженный мечами отряд отборных молодых людей, к помощи которых я всегда прибегаю при защите государства. (6) Тем временем, к концу третьей стражи, когда послы аллоброгов вместе с Вольтурцием и со своей многочисленной свитой уже вступили на Мульвиев мост, на них было совершено нападение; обе стороны обнажили мечи. Одни только преторы знали, в чем дело; прочие были в неведении. (III) Затем подоспели Помптин и Флакк и прекратили схватку. Все письма, какие только оказались у свиты, с неповрежденными печатями были переданы преторам; самих послов задержали и на рассвете привели ко мне. Я тотчас же велел позвать самого бесчестного зачинщика всех этих преступлений — Кимвра Габиния, еще ничего не подозревавшего; затем был вызван также Луций Статилий, а после него — Цетег. Позже всех пришел Лентул, мне думается, потому, что он, занятый составлением писем, вопреки своему обыкновению, не спал всю прошлую ночь.

(7) Хотя виднейшие и прославленные мужи из числа наших сограждан, при первом же известии о случившемся собравшиеся в большом числе у меня в доме рано утром, советовали мне вскрыть письма до того, как я доложу о них сенату, чтобы — в случае, если в них не будет найдено ничего существенного, — не оказалось, что я необдуманно вызвал такую сильную тревогу среди граждан, я ответил, что не считаю возможным представить государственному совету улики насчет опасности, угрожающей государству, иначе, как только в нетронутом виде. И в самом деле, квириты, даже если бы то, о чем мне сообщили, не было раскрыто, все же, по моему мнению, при такой большой угрозе существованию государства, мне не следовало бы опасаться, что бдительность с моей стороны покажется чрезмерной. Как вы видели, я быстро созвал сенат в полном составе. (8) Кроме того, по совету аллоброгов, я тут же послал претора Гая Сульпиция, храброго мужа, забрать из дома Цетега оружие, если оно там окажется; он изъял много кинжалов и мечей.

(IV) Я велел ввести Вольтурция без галлов. По решению сената я заверил его в неприкосновенности и предложил ему дать без всякого страха показания обо всем, что знает. С трудом победив свой сильный страх, он сказал, что получил от Публия Лентула письма и поручения к Катилине: Катилина должен прибегнуть к помощи рабов и возможно скорее двинуться с войском на Рим; последнее — с тем, чтобы, после того как они подожгут город со всех сторон, как это было заранее указано каждому, и перебьют бесчисленное множество граждан, он оказался на месте и мог перехватывать беглецов и соединиться с вожаками, оставшимися в городе. (9) Галлы, когда их ввели, сказали, что Публий Лентул, Цетег и Статилий дали им клятвенное обещание и письма к их племени, причем сами они и Луций Кассий велели галлам послать конницу в Италию возможно скорее; пехоты у них самих хватит. Лентул, по словам галлов, утверждал, что на основании предсказаний Сивиллы и ответов гаруспиков он — тот третий Корнелий, которому должны достаться царская власть и империй в этом городе: до него ими обладали Цинна и Сулла. При этом он сказал, что нынешний год — роковой и принесет гибель нашему городу и державе, так как это десятый год после оправдания дев-весталок, а после пожара Капитолия — двадцатый. (10) Наконец, они сообщили о разногласиях между Цетегом и прочими заговорщиками: Лентул и другие считали нужным устроить резню и поджечь город в Сатурналии, Цетегу же этот срок казался слишком долгим.

(V) Буду краток, квириты: я велел подать дощечки с письмами, которые, как говорили галлы, были им вручены каждым из заговорщиков. Сначала я показал Цетегу печать; он ее признал за свою. Я разрезал нить и прочитал письмо: он собственноручно писал сенату аллоброгов и народу, что сделает то, в чем он ранее заверил их послов; он просит, чтобы и они выполнили обязательства, данные ему их послами. Тогда Цетег, который незадолго до того все-таки пытался дать какие-то объяснения насчет мечей и кинжалов, найденных у него в доме, и говорил, что всегда был любителем хороших клинков, после прочтения писем смутился и, мучимый совестью, вдруг замолчал. Статилий, когда его ввели, признал свою печать и свою руку. Было прочитано его письмо почти такого же содержания, как и письмо Цетега; он сознался. Затем я показал письмо Лентулу и спросил его, узнает ли он печать; он подтвердил это кивком головы. "Это, — говорю я, — несомненно, всем хорошо знакомая печать, изображение твоего деда, прославленного мужа, горячо любившего отечество и своих сограждан; уже одно оно, хотя и немое, должно было бы удержать тебя от такого преступления". (11) Было прочитано его письмо к сенату аллоброгов, такого же содержания. Я дал ему возможность сказать по этому поводу, что он найдет нужным. Сперва он отказался; но через некоторое время, когда все показания были изложены и прочитаны, он встал и спросил галлов, какие же дела могли быть у него с ними и зачем они приходили к нему на дом. Об этом же он спросил и Вольтурция. Когда же они коротко и твердо ответили, кто их к нему приводил и сколько раз, и спросили его, не говорил ли он им о предсказаниях Сивиллы, то он внезапно, обезумев в преступном неистовстве, доказал нам, как могущественна совесть; ибо, хотя он и мог это отрицать, он внезапно, вопреки всеобщему ожиданию, сознался. Таким образом, ему изменили не только его способности и находчивость в речах, в чем он всегда был силен; нет, его ужасное преступление было столь явно и очевидно, что ему изменило даже его бесстыдство, которым он превосходил всех, даже его бесчестность. (12) Вольтурций же вдруг велел принести и вскрыть письмо, которое, по его словам, Лентул дал ему к Катилине. Тут уже Лентул окончательно растерялся, но все-таки признал и печать и свою руку. Письмо было безымянное, но гласило: "Кто я, узнаешь от человека, которого я к тебе посылаю; будь мужем и обдумай, как далеко ты зашел; решай, что тебе теперь делать; обеспечь себе всеобщую поддержку, даже со стороны людей самого низкого положения". Затем ввели Габиния; вначале он отвечал нагло, но под конец не стал уже ничего отрицать из того, в чем его обвиняли галлы. (13) Что касается меня лично, квириты, то, сколь ни убедительны были все улики и доказательства совершенного преступления — письма, печати, почерк, наконец, признание каждого из заговорщиков, мне показались еще более убедительными их бледность, выражение их глаз и лиц, их молчание. Ведь они так остолбенели, так упорно смотрели в землю, такие взгляды время от времени украдкой бросали друг на друга, что казалось, будто не другие показывали против них, а они сами — против себя.

(VI) Когда показания были изложены и прочитаны, квириты, я спросил сенат, какие меры считает он нужным принять в защиту безопасности государства. Первоприсутствующие сенаторы высказались в высшей степени сурово и решительно, и сенат без всяких колебаний примкнул к ним. Так как постановление сената еще не составлено, я по памяти изложу вам, квириты, что сенат решил. (14) Прежде всего в самых лестных выражениях воздается благодарность мне за то, что моей доблестью, мудростью и предусмотрительностью государство избавлено от величайших опасностей. Затем преторам Луцию Флакку и Гаю Помптину за то, что они своей храбростью и преданностью оказали мне помощь, высказывается заслуженная и справедливая хвала. Кроме того, храбрый муж, мой коллега, удостоился похвалы за то, что он порвал с участниками этого заговора всякие личные и официальные отношения. Кроме того, было решено, чтобы Публий Лентул, сложив с себя обязанности претора, был взят под стражу, а также чтобы Гай Цетег, Луций Статилий и Публий Габиний, которые все находились налицо, были взяты под стражу; то же было решено насчет Луция Кассия, выпросившего

для себя поручение поджечь город; насчет Марка Цепария, которому, согласно показаниям, была назначена Апулия с тем, чтобы он подстрекал пастухов к мятежу; насчет Публия Фурия, принадлежавшего к числу тех колонов, которых Луций Сулла вывел в Фезулы; насчет Квинта Анния Хилона, который вместе с этим Фурием все время склонял аллоброгов к участию в заговоре; насчет вольноотпущенника Публия Умбрена, который, как было установлено, первый привел галлов к Габинию. При этом сенат проявил величайшее мягкосердечие, квириты, и, несмотря на столь значительный заговор и такое множество внутренних врагов все же признавал, что, коль скоро государство спасено, то кара, которая постигнет девятерых преступнейших человек, остальных сможет излечить от безумия. (15) Кроме того, бессмертным богам за их исключительную милость было назначено молебствие от моего имени, причем, со времени основания Рима, из людей, носивших тогу, этого впервые удостоился я; молебствие было назначено в следующих выражениях: "*Так как я избавил Рим от поджогов*, *от резни — граждан*, *Италию — от войны*…" Если сравнить это молебствие с другими, то видно, в чем их различие: те были назначены за оказанные государству услуги и одно лишь это — за его спасение. Затем было совершено и доведено до конца то, что надо было сделать прежде всего. Публий Лентул, хотя он на основании неопровержимых показаний, своего собственного признания и решения сената утратил права не только претора, но и гражданина, все же от своей должности отказался сам; таким образом, религиозный запрет, который, правда, не помешал Гаю Марию, прославленному мужу, убить претора Гая Главцию, чье имя в постановлении сената даже не было названо, — этот запрет не будет нам препятствовать покарать Публия Лентула, отныне частное лицо.

(VII, 16) Но теперь, квириты, коль скоро нечестивые зачинщики преступнейшей и опаснейшей войны схвачены и находятся в ваших руках, вы можете быть уверены, что, с устранением этих опасностей, угрожавших Риму, все военные силы Катилины уничтожены, и все его надежды и средства погибли. Право, изгоняя его из Рима, я предвидел, квириты, что после удаления Катилины мне не придется страшиться ни сонливого Публия Лентула, ни тучного Луция Кассия, ни бешено безрассудного Гая Цетега. Из всех этих людей стоило бояться одного только Катилины, но и его — лишь пока он находился в стенах Рима. Он знал все, умел подойти к любому человеку; он мог, он осмеливался привлекать к себе людей, выведывать их мысли, подстрекать их; он обладал способностью задумать преступное деяние, и этой способности верно служили и его язык и его руки. Для выполнения определенных задач он располагал определенными людьми, отобранными и назначенными им, причем он, дав им какое-нибудь поручение, не считал его уже выполненным; решительно во все он входил сам, за все брался сам; был бдителен и рьян; холод, жажда и голод были ему нипочем. (17) Если бы этого человека, столь деятельного, столь отважного, столь предприимчивого, столь хитрого, столь осторожного при совершении им злодейств, столь неутомимого в преступлениях, я не заставил отказаться от козней в стенах Рима и вступить на путь разбойничьей войны (говорю то, что думаю, квириты!), мне не легко было бы отвратить страшную беду, нависшую над вашими головами. Уж он, конечно, не назначил бы нашего истребления на день Сатурналий, не объявил бы государству за столько времени вперед о роковом дне его уничтожения и, наконец, не допустил бы, чтобы были захвачены его печать и письма, эти неопровержимые свидетельства его преступления. Теперь же в его отсутствие все дело повели так, что кражу в частном доме, пожалуй, никогда не удавалось раскрыть с такой очевидностью, с какой был обнаружен и раскрыт этот страшный заговор, угрожавший государству. И если бы Катилина оставался в государстве и по сей день, то, хотя я, пока он был здесь, оказывал ему сопротивление и боролся со всеми его замыслами, все же (выражусь очень мягко) нам пришлось бы сразиться с ним, причем мы никогда — если бы этот враг все еще находился в Риме — не избавили бы государства от таких больших опасностей, сохранив при этом мир, спокойствие и тишину.

(VIII, 18) Впрочем, все это, квириты, было сделано мной так, что кажется свершившимся по решению, по воле и промыслу бессмертных богов. Мы потому можем прийти к такому заключению, что человеческому разуму едва ли могло быть доступно управление такими важными событиями; кроме того, боги в то время своим непосредственным присутствием оказали нам такое содействие и помощь, что мы, можно сказать, могли видеть их воочию. Если не говорить о том, что в ночное время на западе были видны вспышки света и зарево на небе; если удары молнии и землетрясения оставить без внимания; если не упоминать о других, столь многочисленных знамениях, наблюдавшихся в мое консульство, когда бессмертные боги, казалось, предвещали нынешние события, то, конечно, нельзя ни пропустить, ни оставить без внимания, квириты, того, о чем я сейчас буду говорить. (19) Вы, конечно, помните, что в консульство Котты и Торквата в Капитолии много предметов было поражено молнией, причем изображения богов сброшены с их оснований, статуи живших в старину людей низвергнуты, а медные доски с записью законов расплавлены. Это коснулось даже основателя нашего города, Ромула, чья позолоченная статуя, где он изображен в виде грудного ребенка, тянущегося к сосцам волчицы, как вы помните, стояла в Капитолии. Гаруспики, собравшиеся в те времена из всей Этрурии, предсказали, что надвигаются резня, пожары, уничтожение законов, гражданская и междоусобная война, падение Рима и всей нашей державы, если только бессмертные боги, которых надо умилостивить всем, чем только возможно, волей своей не отклонят этих судеб. (20) Поэтому тогда, на основании их ответов, были устроены игры в течение десяти дней и не было упущено ничего такого, что могло бы умилостивить богов. Кроме того, гаруспики велели изваять изображение Юпитера б**о**льших размеров, установить его на более высоком подножии и, не в пример прошлому, обратить его лицом к востоку; они, по их словам, надеялись, что если эта статуя, которую вы видите, будет смотреть на восходящее солнце, на форум и на курию, то замыслы, тайно составленные во вред благополучию Рима и нашей державы, будут настолько разоблачены, что станут вполне ясны сенату и римскому народу. На сооружение этой статуи консулы в ту пору сдали подряд, но работы производились так медленно, что ни в консульство моих предшественников, ни в мое статуя так и не была воздвигнута.

(IX, 21) Кто может быть столь враждебен истине, квириты, столь безрассуден, столь безумен, чтобы отрицать, что все находящееся перед нашими глазами, а особенно этот вот город управляется волей и властью бессмертных богов? И в самом деле, тогда нам был дан ответ, что подготовляются — и притом нашими же гражданами — резня, поджоги и уничтожение государства, но кое-кому из вас все это в ту пору казалось слишком тяжким злодеянием и поэтому чем-то невероятным; теперь же вы воочию увидели, что нечестивые граждане не только задумали все это, но и приступили к выполнению. А разве не явным доказательством воли Юпитера Всеблагого Величайшего служит то, что, когда сегодня рано утром, по моему приказанию, заговорщиков и доносчиков вели через форум в храм Согласия, именно в это время воздвигали статую? Как только она была установлена и обращена лицом к вам и к сенату, все замыслы против всеобщего благополучия, как вы убедились, были разоблачены и раскрыты. (22) Тем большей ненависти и тем более мучительной казни достойны те люди, которые не только ваши жилища и дома, но храмы и святилища богов пытались предать губительному и нечестивому пламени.

Если я скажу, что это я погасил его, я припишу себе чересчур много и притязания мои будут нестерпимы. Это он, это Юпитер погасил пламя; это он хотел, чтобы Капитолий, эти храмы, весь город, все вы были спасены. Я же, под водительством бессмертных богов, поставил себе эту цель, принял это решение и добыл эти столь важные улики. Право, ни Лентул, ни другие внутренние враги не стали бы с таким безрассудством подстрекать аллоброгов и, конечно, никогда не доверили бы такого важного дела неизвестным им людям и притом варварам и не вручили бы им писем, если бы бессмертные боги не отняли

разума у них, полных столь преступной отваги. Как? Неужели можно допустить, что галлы, притом происходящие из не вполне покоренной общины (ведь это — единственное племя, которое может и вовсе не прочь начать войну против римского народа), пренебрегли надеждой на независимость и на огромные выгоды, которую им добровольно подали патриции, и предпочли ваше спасение своей пользе, если не предположить, что все это произошло по промыслу богов, тем более, что галлы могли нас победить, не сражаясь с нами, а лишь храня молчание?

(X, 23) Вот почему, коль скоро молебствие назначено перед ложами всех богов, отпразднуйте, квириты, эти дни вместе со своими женами и детьми; ибо много раз бессмертным богам оказывали вполне заслуженные ими и должные почести, но более заслуженных, конечно, им не было оказано никогда; ибо вы избавлены от самой мучительной и самой жалкой гибели, избавлены без резни, без кровопролития, без участия войска, без боев; вы, носящие тогу, с носящим тогу императором во главе, одержали победу. (24) И в самом деле, припомните, квириты, все раздоры между нашими гражданами — не только те, о которых вы слыхали, но также те, которые вы сами помните и видели. Луций Сулла Публия Сульпиция уничтожил; Гая Мария, стража этого города, и многих храбрых мужей — одних изгнал, других казнил. Консул Гней Октавий, применив оружие, изгнал из Рима своего коллегу; все это место было покрыто грудами тел и полито кровью граждан. Потом победили Цинна и Марий; и вот тогда убиты были знаменитейшие мужи, и этим погашены светила государства. За жестокость этой победы в дальнейшем отомстил Сулла; не стоит даже говорить, сколько граждан погибло при этом и как велики были бедствия государства. Марк Лепид вступил в борьбу с прославленным и храбрейшим мужем, Квинтом Катулом; не столько гибель самого Лепида, сколько гибель многих других людей причинила горе государству. (25) Но все-таки все эти раздоры имели своей целью не уничтожение государства, а изменение государственного строя; все те люди не хотели полного уничтожения государства, но хотели главенствовать в том государстве, которое существовало. И не предать этот город огню хотели они, а наслаждаться властью в нем. (И все же всем этим смутам, из которых ни одна не имела целью уничтожить государство, был положен конец не путем восстановления согласия, а ценой истребления граждан). Напротив, во время этой войны, величайшей и жесточайшей из всех войн, происходивших на памяти людей, во время беспримерной войны, какой даже варвары никогда не вели со своим народом, во время войны, когда Лентул, Катилина, Цетег и Кассий установили правилом считать врагом всякого, кто мог бы остаться невредимым, если невредимым сохранится Рим, я предпринял, квириты, все, чтобы спасены были все вы, и, хотя ваши враги и думали, что уцелеет лишь столько граждан, сколько их спасется от беспощадной резни, а Рим уцелеет лишь настолько, насколько его не удастся уничтожить огнем, я сохранил и город, и граждан целыми и невредимыми.

(XI, 26) За эти столь великие деяния, квириты, ни награды за мужество, ни знаков почета, ни памятника в честь моих заслуг не требую я от вас. Нет, пусть этот день будет для вас памятным навеки. Я хочу, чтобы в сердцах ваших были запечатлены и сохранились все мои триумфы, все мои почетные награды, памятники славы и знаки моих заслуг. Никакой немой, никакой безмолвный памятник не порадует меня и ничто из того, чего могут добиться даже люди, менее достойные. В памяти вашей, квириты, будут жить мои деяния, в речах ваших расти, в памятниках сл**о**ва приобретут долговечную славу. Я думаю, судьбой назначен один и тот же срок, который, надеюсь, продлится вечно, — и для благоденствия Рима и для памяти о моем консульстве, когда в нашем государстве одновременно оказалось двое граждан, один из которых провел границы нашей державы не по земле, а по небу, а другой спас оплот и средоточие этой державы.

(XII, 27) Совершив эти подвиги, я нахожусь, однако, в иных условиях и в ином положении по сравнению с полководцами, которые воевали с внешними врагами, так как мне придется жить среди людей, которых я победил и смирил, между тем как их враги

либо истреблены, либо покорены. Поэтому, квириты, от вас зависит, чтобы — в то время как другие получают заслуженную награду за свои подвиги — мои деяния рано или поздно не оказались пагубными для меня. Принять меры, чтобы злодейские и нечестивые замыслы преступнейших людей не могли повредить вам, было моим делом; принять меры, чтобы они не повредили мне, — дело ваше. Впрочем, квириты, мне повредить они уже не могут; ибо сильна охрана со стороны честных людей, навсегда обеспеченная мне; велик авторитет государства, который всегда будет молча защищать меня; велика сила совести — и те, которые ею пренебрегут, когда захотят посягнуть на меня, сами выступят против себя. (28) Я обладаю достаточным мужеством, квириты, чтобы не только не отступать ни перед чьей дерзкой отвагой, но, по собственному побуждению, всегда также и нападать на всех бесчестных людей. И если весь натиск внутренних врагов, отраженный мной от вас, обратится против меня одного, то вам, квириты, придется решать, в каком положении впредь окажутся те люди, которые, защищая ваше благополучие, навлекут на себя ненависть и подвергнутся всяческим опасностям. Что касается меня лично, то каких радостей в жизни мог бы я еще пожелать? Ведь не осталось никакой более высокой цели, которой стоило бы добиваться, после того как я стяжал от вас почет и славу за свою доблесть. (29) Я, конечно, и далее буду действовать так, квириты, чтобы все то, что я совершил во время своего консульства, я продолжал защищать и укреплять как частное лицо — с тем, чтобы ненависть, которую я, быть может, на себя навлек, спасая государство, обратилась против самих ненавистников, а моей славе способствовала. Словом, в своей государственной деятельности я всегда буду памятовать о том, что я совершил, и стараться, чтобы это представлялось совершенным мной благодаря моей доблести, а не по милости случая.

Вы же, квириты, так как уже наступила ночь, с чувством благоговения к Юпитеру, хранителю этого города и вашему, расходитесь по домам и, хотя опасность уже устранена, все же, как и в прошлую ночь, защитите их стражей и ночными дозорами. Чтобы вам не пришлось долго так поступать и чтобы вы могли наслаждаться ничем не нарушаемым миром, — об этом позабочусь я, квириты!

Марк Туллий Цицерон. Четвертая речь против Луция Сергия Катилины. Пер. В.О. Горенштейна.

(I, 1) Я вижу, отцы-сенаторы, что вы все обернулись в мою сторону и устремили на меня свои взоры. Вижу, что не только опасность, угрожающая вам и государству, но — даже если бы удалось ее устранить — также и опасность, которая угрожает мне лично, вас тревожит. Приятно мне среди бедствий и дорого в скорби видеть ваше доброе отношение ко мне. Но — во имя бессмертных богов! — отбросьте его и, забыв о моем благополучии, думайте о себе и о своих детях. Если именно мне в течение моего консульства суждено вынести все горькие беды, все страдания и муки, то я перенесу их не только мужественно, но и с радостью, лишь бы труды мои доставили вам и римскому народу славу и благоденствие.

(2) Я — тот консул, отцы-сенаторы, для которого и форум, средоточие всего правосудия, и поле, освященное консульскими авспициями, и Курия, высший оплот всех народов, и дом, убежище для каждого человека, и ложе, предназначенное для отдохновения, и, наконец, это вот почетное место всегда таили в себе смертельную опасность и козни. Обо многом я молчал, многое претерпел, во многом уступил и ценой своих тревог избавил вас от многого, внушавшего вам страх. Но теперь, коль скоро бессмертным богам угодно, чтобы я завершил свое консульство спасением вашим и римского народа от ужасов резни; ваших жен и детей, а также и дев-весталок — от жесточайших мучений; храмов и святилищ и этой прекрасной нашей общей отчизны — от губительного пламени; всей Италии — от опустошительной войны, то, какая бы участь меня ни ожидала, я готов один принять ее. И в самом деле, если Публий Лентул,

основываясь на предсказаниях, решил, что его имя, по велению судьбы, станет роковым для государства, то почему бы мне не радоваться тому, что мое консульство, можно сказать, по велению рока, оказалось спасительным для народа? (II, 3) Поэтому заботьтесь о себе, отцы-сенаторы; думайте о будущем нашей отчизны; берегите себя, своих жен, детей и достояние; имя и благополучие римского народа защищайте, но меня щадить и обо мне думать перестаньте. Ибо я прежде всего должен надеяться на то, что все боги, покровители этого города, вознаградят меня в меру моих заслуг; затем, если что-нибудь случится, я готов умереть спокойно; ведь смерть не может быть ни позорной для храброго мужа, ни преждевременной для консуляра, ни жалкой для мудрого человека. Но я не такой уж черствый человек, чтобы меня не трогало горе присутствующего здесь моего дорогого и горячо любящего брата и слезы всех этих вот людей, которые, как видите, меня окружают. Мысленно я все время переношусь в свой дом к убитой горем жене, к измученной страхом дочери и малютке-сыну, которого — я сказал бы — государство держит в своих объятиях как залог моей верности обязанностям консула. Переношусь мысленно также и к тому человеку, который, как я вижу, стоя вон там, ждет окончания нынешнего дня, к своему зятю. Все это волнует меня, но пусть мои родные останутся невредимы вместе с вами, а не погибнут вместе с нами всеми от одной и той же моровой язвы, грозящей государству уничтожением.

(4) Поэтому, отцы-сенаторы, напрягите все свои силы ради спасения государства; подумайте обо всех бурях, с которыми мы столкнемся, если вы не примете мер предосторожности. Не Тиберий Гракх за свое желание быть избранным в народные трибуны во второй раз, не Гай Гракх за свою попытку призвать сторонников земельных законов к восстанию, не Луций Сатурнин за убийство Гая Меммия привлечены к ответственности и отданы на ваш строгий суд. Схвачены те, кто остался в Риме, чтобы поджечь город, истребить всех вас, принять Катилину; у нас в руках их письма с печатями и собственноручными подписями; наконец, все они сознались; они подстрекали аллоброгов, рабов призывали к мятежу, Катилину призывали в Рим; коротко говоря, вот что они задумали; истребив всех, не оставить никого, кто бы мог хотя бы оплакивать римский народ и сокрушаться о гибели такой великой державы. (III, 5) Все это сообщили доносчики, в этом сознались виновные, вы сами уже признали это многими своими решениями; прежде всего — тем, что в самых лестных выражениях высказали мне благодарность и установили, что я своим мужеством и бдительностью раскрыл заговор преступников; далее тем, что вы заставили Публия Лентула отказаться от претуры; тем, что вы сочли нужным его и других, о которых вы вынесли решения, взять под стражу; но особенно тем, что вы назначили от моего имени молебствие, а этот почет ни одному должностному лицу, носящему тогу, до меня оказан не был; наконец, вы вчера щедро наградили послов аллоброгов и Тита Вольтурция. Все эти решения свидетельствуют о том, что люди, поименно взятые под стражу, без всякого сомнения, вами осуждены.

(6) Но я решил доложить вам, отцы-сенаторы, обо всем деле так, словно оно еще не начато, и просить вас вынести решение о происшедшем и назначить кару. Начну с того, чт**о** подобает сказать консулу. Да, я уже давно увидел, что в государстве нарастает какое-то страшное безумие, и понял что затевается и назревает какое-то зло, неведомое доселе, но я никогда не думал, что этот столь значительный, столь губительный заговор устроили граждане. Теперь во что бы то ни стало, к чему бы вы ни склонялись в своих мнениях и предложениях, вы должны вынести постановление еще до наступления ночи. Сколь тяжко деяние, переданное на ваше рассмотрение, вы видите. Если вы полагаете, что в нем замешаны лишь немногие люди, то вы глубоко заблуждаетесь. Много шире, чем думают, распространилось это зло; оно охватило не только Италию, оно перешло через Альпы и, расползаясь в потемках, уже поразило многие провинции. Уничтожить его отсрочками и оттяжками совершенно невозможно. Какой бы способ наказания вы ни избрали, вы должны быстро покарать преступников.

(IV, 7) Я вижу, что до сего времени внесено два предложения: одно — Децимом Силаном, который полагает, что людей, пытавшихся уничтожить наше государство, следует покарать смертью; другое — Гаем Цезарем, который отвергает смертную казнь, но предлагает любое из других тягчайших наказаний. И тот, и другой в соответствии со своим достоинством и с важностью дела проявляют величайшую суровость. Первый считает, что люди, сделавшие попытку всех нас лишить жизни, разрушить нашу державу, уничтожить имя римского народа, не должны больше ни мгновения наслаждаться жизнью и дышать этим воздухом, нашим общим достоянием; он напоминает нам, что бесчестных граждан в нашем государстве не раз подвергали каре этого рода. Второй полагает, что бессмертные боги определили, чтобы смерть была не казнью, а либо законом природы, либо отдохновением от трудов и несчастий. Поэтому мудрые люди всегда встречали ее спокойно, а храбрые часто даже с радостью. Но тюремное заключение и притом на вечные времена, несомненно, придумано как высшая кара за нечестивое преступление. Цезарь предлагает распределить преступников по муниципиям, но предложение это несправедливо, если муниципиям прикажут, и трудно выполнимо, если к ним обратятся с просьбой. Впрочем, если угодно, пусть будет принято такое решение. (8) Я поищу и, надеюсь, найду людей, которые сочтут несовместимым со своим достоинством отказаться от того, что вы постановите ради всеобщего благополучия. Далее Цезарь предлагает дополнительно назначить тяжкое наказание жителям муниципиев, если кто-нибудь из них окажет содействие побегу преступников. Он предусматривает строжайшее заключение, достойную кару за преступление, совершенное пропащими людьми; он устанавливает, что никто — ни по постановлению сената, ни по решению народа — не вправе облегчить кару, назначенную тем, кого он предлагает осудить, он даже отнимает у них надежду, которая только одна и утешает человека в его несчастьях. Кроме того, он предлагает продать их имущество в пользу казны; одну только жизнь сохраняет он нечестивцам; если бы он отнял у них также и ее, он сразу избавил бы их от многих страданий души и тела и от всех наказаний за злодейства. Поэтому люди древности, желая, чтобы бесчестные люди хотя бы чего-нибудь боялись при жизни, утверждали, что нечестивцам назначены в подземном царстве какие-то ужасные мучения, так как они, по-видимому, понимали, что без угрозы в виде таких наказаний смерть сама по себе не страшна.

(V, 9) Я теперь хорошо понимаю, отцы-сенаторы, какое из решений выгодно мне. Если вы последуете предложению Гая Цезаря, избравшего в своей государственной деятельности путь, считающийся защитой интересов народа, то мне, пожалуй, — при том, что это предложение вносит и защищает именно он, — в меньшей степени придется страшиться нападок сторонников народа. Если же вы последуете другому предложению, то у меня могут возникнуть значительно б**о**льшие затруднения. Но все же пусть благо государства будет выше соображений о моей личной безопасности. Ведь Цезарь, как этого требовали его личное достоинство и слава его предков, внес предложение, являющееся как бы залогом его неизменной преданности государству. Стало понятным все различие между ничтожностью крикунов на народных сходках и подлинной преданностью народу и заботой о его благе. (10) Я вижу, что кое-кто из тех, которые хотят считаться сторонниками народа, не явился сюда, видимо, чтобы не выносить смертного приговора римским гражданам, а между тем те же лица отдали третьего дня римских граждан под стражу и голосовали за молебствие от моего имени, а вчера щедро наградили доносчиков; но ведь если человек голосовал за содержание заговорщиков под стражей, за вынесение благодарности должностному лицу, производившему следствие, за награждение доносчиков, то уже едва ли можно сомневаться насчет его приговора по поводу всех событий разбираемого дела. Гай Цезарь, скажут мне, хорошо понимает, что Семпрониев закон касается римских граждан, но тот, кто является врагом государства, быть гражданином никак не может; наконец, сам автор Семпрониева закона понес — без повеления народа — кару за свое преступление против государства. Далее Цезарь полагает, что Лентул, несмотря на всю щедрость и расточительность, не может уже быть

назван сторонником народа, коль скоро он с такой жестокостью, с такой беспощадностью задумал истребить римский народ и уничтожить этот город. Поэтому Цезарь, при всем своем мягкосердечии и благожелательности, без всяких колебаний обрекает Публия Лентула на пожизненное заключение в мрачной тюрьме и закрепляет эту кару также и на будущее время с тем, чтобы никто не мог впредь хвалиться, что облегчил это мучительное наказание, и римскому народу на погибель впоследствии выставлять себя сторонником народа. Кроме того, Цезарь предлагает продать имущество заговорщиков в пользу казны, дабы все мучения их души и тела сопровождались также бедностью и нищетой.

(VI, 11) Итак, если вы примете предложение Цезаря, то вы дадите мне для выступления на народной сходке спутника, любимого народом и угодного ему. Если же вы предпочтете последовать предложению Силана, то римский народ едва ли станет упрекать меня и вас в жестокости, а я докажу, что сама эта жестокость была проявлением мягкосердечия. Впрочем, можно ли говорить о жестокости, отцы-сенаторы, когда речь идет о наказании за такое страшное преступление? Я лично сужу на основании того, что чувствую сам. Да будет мне дозволено вместе с вами наслаждаться благоденствием нашего государства в такой же мере, в какой я проявляю непримиримость в этом деле, руководствуясь отнюдь не чувством жестокости (право, кто более мягкий человек, чем я?), но, напротив, исключительной, так сказать, добротой и состраданием. Мне кажется, я вижу, как наш город, светоч всего мира и оплот всех народов, внезапно уничтожается огромным пожаром; я воображаю себе лежащие в погребенной отчизне груды жалких тел непогребенных граждан; перед моими глазами встает исступленное лицо Цетега, ликующего при виде того, как вас убивают. (12) А когда я представляю себе, что Лентул царствует, на что он, по его собственному признанию, надеялся, ссылаясь на волю судьбы, что Габиний в пурпурном одеянии находится при нем, что Катилина привел сюда свое войско, то я содрогаюсь при мысли о стенаниях матерей, о бегстве девушек и детей, о надругательстве над девами-весталками. И так как все эти несчастья потрясают меня и внушают мне чувство сострадания, то к людям, добивавшимся этого, я буду суров и непреклонен. И в самом деле, скажите мне: если отец, глава семьи, найдя своих детей убитыми рабом, жену зарезанной, а дом сожженным, не подвергнет своих рабов жесточайшей казни, то кем сочтем мы его — милосердным ли и сострадательным или же бесчувственным и жестоким? Мне лично кажется отвратительным и бессердечным тот, кто не облегчит своих страданий и мук, покарав преступника. Таково и наше положение по отношению к этим людям, которые хотели убить нас, наших жен и детей, пытались разрушить наши дома и это государство, наше общее обиталище, старались поселить на развалинах нашего города и на пепелище сожженной ими державы племя аллоброгов: если мы будем беспощадны к ним, то нас сочтут людьми сострадательными; если же мы захотим оказать им снисхождение, то молва осудит нас за величайшую жестокость к нашей отчизне и согражданам, которым грозила гибель. (13) Или, быть может, Луций Цезарь, храбрейший и глубоко преданный государству муж, третьего дня показался кому-либо чересчур жестоким, когда признал, что муж его сестры, достойнейшей женщины, должен быть казнен, и заявил это в его присутствии, и также, когда он назвал законным совершенное по приказанию консула убийство своего деда и смерть его юного сына, присланного отцом для переговоров и казненного в тюрьме? А между тем разве их поступки можно сравнить с виной этих людей? Разве у них было намерение уничтожить государство? Тогда в стране было стремление произвести раздачу земли и происходила, так сказать, борьба сторон. Но в то же время дед нашего Лентула, прославленный муж, с оружием в руках преследовал Гракха. Он тогда даже был тяжело ранен, защищая государственный строй. А вот внук его, желая разрушить устои государства, призывает галлов, подстрекает рабов, зовет Катилину, Цетегу поручает истребить нас, Габинию — перерезать других граждан, Кассию — сжечь город, Катилине — опустошить и разграбить всю Италию. Да, уж действительно вам следует опасаться, что ваше постановление о таком ужасном и нечестивом преступлении может кому-то показаться чересчур суровым!

Нет, гораздо больше нам следует опасаться, как бы нам, если мы смягчим наказание, не оказаться жестокими по отношению к отечеству, а вовсе не того, что мы, проявив суровость при выборе нами кары для них, окажемся слишком беспощадны к своим заклятым врагам.

(VII, 14) Но я не могу скрыть, отцы-сенаторы, того, что мне приходится слышать. До моего слуха доносятся голоса тех, кто, видимо, сомневается, достаточно ли у меня военной силы, чтобы привести в исполнение те решения, которые вам сегодня предстоит принять. Все предусмотрено, подготовлено и устроено, отцы-сенаторы, благодаря моей величайшей заботливости и бдительности и особенно благодаря твердой решительности римского народа, желающего сохранить в своих руках высший империй и спасти достояние всех граждан. Все они находятся здесь: это люди из всех сословий, всех слоев населения, наконец, люди любого возраста; ими полон форум, полны все храмы вокруг форума, полны все пути, ведущие к этому храму и к этому месту. Со времени основания Рима это — единственное дело, в котором все вполне единодушны, за исключением тех людей, которые, видя, что они обречены на гибель, предпочли погибать вместе со всеми гражданами, а не в одиночестве. (15) Их я охотно исключаю и отделяю от всех прочих людей и думаю, что их следует относить даже не к числу бесчестных граждан, а к числу заклятых врагов. Но другие! Бессмертные боги! — как много их, с какой преданностью, с каким мужеством единодушно выступают они в защиту всеобщего благополучия и достоинства! Упоминать ли мне здесь о римских всадниках? Ведь они, если и уступают вам в сословных правах, соперничают с вами в преданности государству. После их многолетних раздоров с сенаторским сословием, нынешний день и это дело возвратили их к союзу и согласию с вами; если это единение, закрепленное во время моего консульства мы сохраним в государстве навсегда, то впредь — заверяю вас — никакие внутренние гражданские распри ничем не будут угрожать государству. С таким же ревностным стремлением защищать государство, вижу я, сошлись сюда эрарные трибуны, храбрейшие мужи; также и все писцы, именно сегодня собравшиеся по особому случаю около эрария, вижу я, не стали дожидаться исхода жеребьевки и бросились на защиту всеобщего благополучия. (16) Здесь присутствуют все многочисленные свободнорожденные люди, даже беднейшие. В самом деле, найдется ли человек, которому бы эти вот храмы, вид Рима, права свободы, наконец, сам солнечный свет и почва нашего общего отечества не были дороги, более того — не казались сладостными и восхитительными? (VIII) Стоит обратить внимание, отцы-сенаторы, и на рвение, проявленное вольноотпущенниками, которые, благодаря своим заслугам приобщившись к судьбе нашего государства, считают его своей подлинной отчизной, между тем как некоторые люди, рожденные здесь и притом происходящие из знатнейших родов, сочли его не своей отчизной, а вражеским городом. Но зачем я говорю об этих сословиях и об этих людях, которых к защите отечестве побудили забота об их личном благополучии, польза государства и, наконец, свобода, самое ценное наше достояние? Раба не найдется, который — если только его положение как раба терпимо — не испытывал бы чувства ужаса перед преступностью граждан, не желал бы сохранения нынешнего положения и, насколько смеет и насколько может, не способствовал бы успеху дела всеобщего спасения. (17) Поэтому, если кого-нибудь из вас сильно беспокоят слухи о том, что какой-то сводник, сторонник Лентула бродит вокруг торговых рядов в надежде, что ему удастся путем подкупа вызвать волнения среди неимущих и неискушенных людей, то нужно сказать, что такая попытка действительно была сделана, но не нашлось ни одного бедняка, ни одного пропащего человека, который бы не желал сохранить в целости место, где он трудится, сидя на своей скамье, и изо дня в день зарабатывает себе на хлеб, сохранить свое жилище и свою постель, словом, свою спокойную жизнь. И действительно, огромное большинство тех, кто владеет лавками, вернее, все они (ибо это более правильно) горячо стоят за спокойствие. Ведь всякий источник существования, всякий труд и заработок поддерживаются спросом и процветают в условиях мира. Если доходы этих людей

уменьшаются, когда их лавки на запоре, то что, скажите мне, будет, если эти лавки сожгут?

(18) При этих обстоятельствах, отцы-сенаторы, римский народ вас без поддержки не оставляет; но вам следует принять меры, дабы римский народ не остался без вашей поддержки. (IX) У вас есть консул, уцелевший среди многочисленных опасностей и козней, грозивших ему, вернее, спасшийся от угрожавшей ему смерти не для того, чтобы самому остаться в живых, а чтобы спасти вас. Для спасения государства объединились все сословия своими помыслами, волей, высказываниями. Наша общая отчизна, которой угрожают факелы и оружие нечестивого заговора, с мольбой простирает к вам свои руки; вам препоручает она себя, вам — жизнь всех граждан, вам — крепость и Капитолий, вам — алтари Пенатов, вам — вон тот неугасимый огонь Весты, вам — храмы и святилища всех богов, вам — городские стены и дома. Наконец, вам сегодня предстоит вынести приговор, от которого будет зависеть ваша жизнь, существование ваших жен и детей, достояние всех граждан, целость ваших жилищ и домашних очагов. (19) У вас есть руководитель, помнящий о вас и забывающий о себе, — случай, который не всегда бывает. Перед вами все сословия, все люди, весь римский народ и все они вполне единодушны, что в пору гражданской смуты сегодня произошло впервые. Подумайте, какими трудами была основана наша держава, какой доблестью была укреплена свобода, сколь велика милость богов, благодаря которой были созданы и накоплены эти богатства, — и всего этого едва не уничтожила одна ночь. Чтобы граждане впредь не могли, не говорю уже — совершить подобную попытку, но даже помыслить о ней, вот о чем должны вы позаботиться сегодня. И я это сказал не с целью возбудить ваше рвение, — вы, пожалуй, в этом отношении даже превосходите меня — но для того, чтобы мой голос, который должен звучать как первый в государстве, соответствовал моему званию консула.

(X, 20) Теперь, прежде чем переходить к голосованию, скажу несколько слов о себе самом. Я вижу, что численность недругов, которых я приобрел, равна численности шайки заговорщиков, а она, как видите, очень велика; но недругов своих я считаю людьми презренными, слабыми и отверженными. Но даже если эта шайка при подстрекательстве со стороны какого-нибудь бешеного и преступного человека когда-либо окажется сильнее вашего авторитета и достоинства государства, то все же я, отцы-сенаторы, никогда не стану раскаиваться в своих решениях. И в самом деле, смерть, которой они, быть может, мне угрожают, ожидает нас всех, между тем таких высоких похвал, каких вы своими постановлениями удостоили меня при жизни, не достигал никто; ведь другим вы своим постановлением воздавали благодарность за подвиги, совершенные во славу государства, и только мне — за его спасение. (21) Да будет славен Сципион, благодаря мудрому руководству и доблести которого Ганнибал был вынужден покинуть Италию и возвратиться в Африку; пусть воздают высокую хвалу второму Африканскому, разрушившему два города, которые были злейшими врагами нашей державы, — Карфаген и Нуманцию; пусть превозносят Павла, за чьей колесницей шел один из некогда самых могущественных и самых знаменитых царей — Персей; вечная слава Марию, дважды избавившему Италию от врагов и от угрозы порабощения; выше всех пусть возносят Помпея, чьи подвиги и чья доблесть охватывают все страны и все пределы, какие посещает солнце. Среди похвал, воздаваемых этим людям, конечно, найдется место и для моей славы, если только завоевывать для нас провинции, где мы можем расселяться, б**о**льшая заслуга, чем позаботиться о том, чтобы у отсутствующих было куда возвратиться после побед. (22) Впрочем, в этом отношении победа над внешним врагом выгоднее победы над внутренним: чужеземные враги в случае своего поражения либо становятся рабами, либо, встретив милостивое отношение к себе, чувствуют себя обязанными нам; что же касается граждан, которые в своем безрассудстве однажды оказались врагами отчизны, то их — если им не дали погубить государство — невозможно ни принудить силой, ни смягчить милосердием. Поэтому я, как вижу, вступил с дурными гражданами в вечную войну. Но помощь ваша и всех честных людей и воспоминание об огромных

опасностях, которое всегда будет храниться в преданиях и в памяти не только нашего народа, спасенного мной, но и всех племен, могут — я в этом уверен — с легкостью отразить угрозу этой войны от меня и от моих родных. И, конечно, не найдется столь великой силы, которая могла бы разорвать и поколебать ваше единение с римскими всадниками и тесный союз между всеми честными людьми.

(XI, 23) Коль скоро это так, взамен империя, взамен войска, взамен провинции, от которой я отказался, взамен триумфа и других знаков славы, отвергнутых мной из желания быть на страже благополучия Рима и вашего, взамен отношений клиентелы и уз гостеприимства, которые я мог бы завязать в провинциях и которые я все же средствами, находящимися в моем распоряжении в Риме, оберегаю с таким же старанием, с каким их создаю, словом, взамен всего этого, в воздаяние за мое исключительное рвение, за мою всем вам ведомую бдительность, направленную на спасение государства, я ничего от вас не требую, кроме того, чтобы вы помнили об этом дне и обо всем моем консульстве; пока вы будете твердо хранить в своих сердцах память об этом, я буду считать себя за крепчайшей стеной; но если надежда меня обманет, а сила бесчестных людей восторжествует, то поручаю вам своего малолетнего сына; поистине, если вы будете помнить, что он — сын того, кто спас наше государство, подвергая опасности одного себя, то это не только охранит его от гибели, но и откроет ему путь к почестям. (24) Итак обдуманно и смело, как вы вели себя с самого начала, выносите постановление о самом существовании своем и римского народа, о своих женах и детях, об алтарях и домашних очагах, о святилищах и храмах, о домах и зданиях всего Рима, о нашей державе и свободе, о благополучии Италии, о государстве в целом. У вас есть консул, который без колебаний подчинится вашим постановлениям и, пока будет жив, сможет их защитить и сам за них постоять.

Аппиан. Гражданские войны. Книга II. Пер. С.И. Ковалева.

2. В то время Гай Катилина, известный своей громкой репутацией и знатным происхождением, отличался крайним легкомыслием. Говорили, что он когда-то убил своего сына из-за любви к Аврелии Орестилле, которая не соглашалась выйти замуж за человека, имевшего ребенка. Катилина был другом и ревностным сторонником Суллы, но теперь, вследствие мотовства, быстро катился к нищете, хотя пока еще и оставался в фаворе у разных влиятельных мужчин и женщин. Этот-то Катилина стал домогаться консульства, чтобы таким путем захватить тираническую власть. Хотя он очень надеялся быть избранным, однако его кандидатура потерпела неудачу из-за подозрительности по отношению к нему. Вместо него консулом был избран выдающийся оратор Цицерон, который отличался необычайным даром речи. Катилина, желая оскорбить лиц, избравших Цицерона, издевался над ним и, намекая на незнатность его происхождения, называл его "новым", как именуют людей, добившихся известности собственными заслугами, а не заслугами предков. А так как Цицерон не был природным римлянином, то Катилина называл его "инквилином", как зовут людей, снимающих квартиру в чужих домах. Сам Катилина с того времени совершенно отошел от государственной деятельности, так как, по его мнению, она не ведет быстро и верно к единодержавию, но полна раздоров и интриг. Получая большие суммы от многих женщин, которые надеялись во время восстания отделаться от своих мужей, Катилина вошел в соглашение с некоторыми из сенаторов и так называемых всадников, собирал простонародье, чужеземцев и рабов. Главарями всего этого народа были тогдашние преторы Корнелий Лентул и Цетег. По Италии Катилина рассылал своих людей к тем из сулланцев, которые растратили все те барыши, что они получили в результате насилий, бывших при Сулле, и теперь стремились к таким же насилиям. В этрусские Фезулы Катилина послал Гая Манлия, в Пицен в Апулию - других людей, которые тайком собирали для него войско.

3. Обо всем этом - о чем тогда еще ничего не знали - донесла Цицерону одна знатная женщина, по имени Фульвия. Влюбленный в нее Квинт Курий, изгнанный из сената за его многие неблаговидные поступки и удостоенный поэтому чести войти в союз с Катилиной, с большим легкомыслием рассказывал своей возлюбленной о заговоре и хвастался, что скоро он приобретет большую силу. Ходили уже слухи и о том, что творилось в Италии. Поэтому Цицерон расставил в различных пунктах города караулы и разослал во все подозрительные места многих лиц из числа знати наблюдать за всем происходящим. Катилина, хотя никто еще не осмеливался его арестовать, так как ничего не было точно известно, тем не менее был в страхе. Считая, что чем дальше он будет тянуть время, тем больше явится против него подозрений, он решил действовать быстро. Поэтому Катилина послал предварительно деньги в Фезулы и поручил заговорщикам убить Цицерона и поджечь Рим одновременно во многих пунктах в одну и ту же ночь, а сам отправился к Гаю Манлию. Он намеревался, собрав войско, напасть на город во время пожара. Со свойственным ему легкомыслием, имея перед собой фасции - как если бы он был проконсулом - Катилина отправился к Манлию набирать войско. Лентул же и остальные заговорщики составили следующий план. Как только они узнают, что Катилина находится в Фезулах, сам Лентул и Цетег на заре будут караулить у дверей Цицерона со спрятанными под одеждой кинжалами. Они надеялись, что им будет позволено войти в дом благодаря их служебному положению. Разговаривая и прохаживаясь, они протянут время и убьют Цицерона, отвлекши его от других посетителей. А народный трибун Луций Бестия тотчас созовет через глашатая народное собрание и обвинит Цицерона в том, что он трус, всегда затевает раздоры и будоражит город, когда нет никакой опасности. Сразу после речи Бестии, когда стемнеет, другие заговорщики в двенадцати местах подожгут город и станут грабить и убивать именитых людей.

4. Так было решено Лентулом, Цетегом, Статилием и Кассием, главарями заговора, и они только ждали удобного момента. В это время прибыли в Рим послы аллоброгов с жалобой на своих правителей... Этих послов склонили вступить в заговор Лентула с тем, чтобы поднять против римлян Галлию. Лентул послал вместе с ними к Катилине кротонца Волтурция с неподписанным письмом. Но аллоброги находились в нерешительности и рассказали обо всем Фабрицию Санге, своему патрону, - у каждого государства есть в Риме патрон. Цицерон узнав об этом от Санги, приказал схватить уезжавших аллоброгов вместе с Волтурцием и тотчас привести их в сенат. Они признались, что вошли в соглашение с группой Лентула, а затем, когда их уводили, рассказали, как Корнелий Лентул часто говорил, что трем Корнелиям суждено быть римскими самодержцами, двое из них - Цинна и Сулла - уже были ими.

5. После того как это было сказано, сенат отрешил Лентула от должности, а Цицерон, отведя каждого заговорщика в помещение преторов, тотчас вернулся обратно и приступил к проведению относительно заговорщиков голосования. Вокруг здания сената стоял шум, так как в точности еще ничего не было известно, и страх охватил соучастников заговора. Рабы и вольноотпущенники самого Лентула и Цетега, собрав много ремесленников, пробрались окольными путями и окружили помещение преторов, чтобы освободить своих господ. Цицерон, узнав об этом, выбежал из сената; поставив стражу в нужных местах, он возвратился обратно и стал торопить сенат принять решение. Первым начал говорить Силан, избранный консулом на предстоящий год, - у римлян будущий консул высказывает мнение первым потому, я думаю, что ему самому придется в будущем приводить в исполнение многие постановления и в силу этого он будет судить обо всем благоразумнее и осторожнее. Многие соглашались с Силаном, полагавшим, что этих людей следует подвергнуть высшей мере наказания. Но когда дошла очередь до Нерона, он сказал, что считал бы более правильным держать их под стражей до тех пор, пока не изгонят вооруженной силой Катилину и не расследуют детально все дело.

6. Тогда выступил Гай Цезарь, который не был свободен от подозрения в сообществе с заговорщиками, но с которым Цицерон не решился начать борьбу, так как Цезарь

пользовался большой популярностью у народа. Цезарь прибавил, что Цицерону нужно разместить заговорщиков в городах Италии - там, где он сам найдет удобным, - до тех пор, пока они не будут преданы суду. По мнению Цезаря, это нужно сделать после того, как Катилина будет побежден военной силой; таким образом, до суда и следствия не будет совершено ничего непоправимого в отношении весьма известных людей. Так как это мнение показалось правильным и было встречено с сочувствием, большинство сената готово было слишком поспешно переменить свою точку зрения. Тогда Катон, уже совершенно ясно говоря о тяготеющем над Цезарем подозрении, и Цицерон, опасаясь ввиду наступающей ночи, как бы соучастники заговорщиков, еще бродившие по форуму и боящиеся за самих себя и за них, не совершили бы каких-нибудь эксцессов, - убедили сенат вынести приговор без суда, как над лицами, пойманными на месте преступления. Цицерон, пока еще сенат не был распущен, немедленно приказал перевести арестованных из помещения, где они содержались, в тюрьму и умертвить их на его глазах, в то время как толпа ничего об этом не знала, а затем, проходя мимо находившихся на форуме, он объявил об их смерти. Бывшие на форуме в ужасе стали расходиться, радуясь тому, что их участие в заговоре осталось нераскрытым. Таким образом, город вздохнул свободно после сильного страха, охватившего его в этот день.

7. Катилина же, у которого собралось около 20.000 человек, вооружил уже четвертую часть их и направился в Галлию для дальнейшей подготовки к действиям. Но второй консул, Антоний, настиг его у подошвы Альп и легко победил человека, который необдуманно замыслил необычайное дело и еще более необдуманно хотел осуществить его без достаточной подготовки. Ни Катилина, ни другой кто из его наиболее известных товарищей не сочли достойным себя искать спасения в бегстве, но погибли, бросившись в самую гущу врагов. Так окончилось восстание Катилины, чуть-чуть не приведшее государство на край гибели. Цицерон, который раньше был всем известен благодаря только силе слова, теперь прославился и своими делами. Бесспорно, он казался спасителем гибнущего отечества. Велико было расположение к нему народа и разнообразны знаки величайшего к нему уважения. Когда Катон назвал его отцом отечества, народ приветствовал это криками; некоторые полагают, что такое благоговение, начавшись с Цицерона, перешло на лучших из теперешних императоров. Ибо, хотя они и царствуют, но титул отца отечества дается им не сразу вместе с другими титулами, но лишь с течением времени и с большим трудом, как высшее признание их подвигов.

Дион Кассий Кокцеян. Римская история. Книга XXXVII. Пер. С.Э. Таривердиевой и О.В. Любимовой.

29. Теперь я расскажу о Катилине, о том, каким образом и по каким причинами произошел его крах. Когда он вновь в это время домогался консульства и всеми возможными путями добивался избрания, сенат постановил, в основном по просьбе Цицерона, чтобы к наказаниям, установленным за подкуп, было добавлено изгнание на десять лет. (2) Катилина же счел, что это постановление вынесено против него, как и было на самом деле; поэтому, собрав маленький отряд, он попытался убить Цицерона и нескольких других выдающихся людей прямо в день выборов, чтобы немедленно быть избранным в консулы. Но он не смог осуществить свой замысел; (3) ибо Цицерон вовремя узнал об этом и рассказал сенату, выступив против Катилины с суровыми обвинениями. Но когда Цицерону все же не удалось убедить их проголосовать за меры, которых он просил, так как его объявлению не поверили и заподозрили, что он произнес ложные обвинения против этого человека из личной вражды, Цицерон испугался, что дополнительно спровоцировал Катилину. (4) Цицерон не осмелился прийти в собрание один, как делал обычно, но взял с собой друзей, готовых защитить его от любой угрозы; и отчасти ради собственной безопасности, а отчасти чтобы вызвать предубеждение против

своих врагов, надел под одежду панцирь и постарался, чтобы народ его увидел. (5) По этой причине, а также потому, что иным образом распространялись слухи о заговоре против него, народ вознегодовал, а сообщники Катилины, боясь Цицерона, бездействовали.

30. Таким образом были избраны новые консулы, и Катилина теперь направлял свой замысел не в тайне и не только против Цицерона и его сторонников, но и против всего государства. (2) Он собрал со всего Рима людей самого низкого происхождения, и тех, кто всегда жаждал революции, и как можно больше союзников, обещая им отмену долгов, раздачи земель и все остальное, чем проще всего было соблазнить их. (3) От самых выдающихся и могущественных из них, включая консула Антония, он потребовал принести чудовищную клятву. Ибо он принес в жертву мальчика и, произнеся клятвы над его внутреностями, съел их вместе со всеми. (4) Наиболее тесно с ним сотрудничали: в Риме — консул и Публий Лентул, которого после консульства исключили из сената и который был тогда претором, чтобы вновь достичь сенаторского звания; в Фезулах, где собирались члены его партии, — Гай Манлий, весьма сведущий в военном деле, служивший среди центурионов Суллы и к тому же величайший транжира. Конечно, он промотал все, что заработал в то время, на свои бесчестные развлечения, хотя сумма и была громадной, и сейчас вновь желал таких же подвигов.

31. Пока они занимались этими приготовлениями, до Цицерона дошла информация, во-первых, о том, что происходило в городе, — посредством нескольких писем, на которых не был указан автор, но которые были переданы Крассу и некоторым другим оптиматам; на основании их обнародования было принято постановление, что в городе мятеж и следует разыскать тех, кто виновен в этом. (2) Следом пришли вести из Этрурии, в связи с чем сенат поручил консулам защиту города и всех его интересов, как было в обычае; ибо в это постановление было добавлено распоряжение, чтобы консулы позаботились о том, чтобы государству не был причинен вред. (3) Когда это было сделано и во многих местах расставлены гарнизоны, в городе больше не было признаков революции, до такой степени, что Цицерона ложно обвинили в шантаже; но сообщения от этрусков подтвердили обвинения и привели к обвинению Катилины в насилии.

32. Катилина поначалу охотно принял его, словно его совесть была чиста, и притворился, что готов предстать перед судом, даже предложив сдаться Цицерону, чтобы последний, как он сказал, смог бы следить и видеть, что он никуда не сбежал. (2) Так как Цицерон отказался взять на себя надзор за ним, Катилина добровольно поселился в доме претора Метелла, чтобы быть как можно более свободным от подозрений в подготовке революции, пока не получит дополнительной силы от заговорщиков в городе. (3) Но он совершенно не продвинулся вперед, так как Антоний уклонился из-за страха, а Лентул совсем не был энергичным. Поэтому он передал им сообщение собраться ночью в определенном доме, где встретился с ними без ведома Метелла и упрекал их за робость и слабость. (4) Затем он в подробностях изложил, как много наказаний им грозит, если их обнаружат, и как много преимуществ они получат в случае успеха, и так воодушевил и возбудил их, что двое пообещали проникнуть в дом Цицерона на рассвете и убить его там.

33. Этот замысел также был раскрыт, так как у Цицерона, имевшего большое влияние и приобретшего множество последователей благодаря своим речам, либо умиротворением, либо запугиванием, было много людей, готовых сообщать ему о таких происшествиях; и сенат проголосовал за то, чтобы Катилина покинул город. (2) Катилина с радостью уехал, воспользовавшись этим предлогом, и отбыл в Фезулы, где стал открыто готовиться к войне. Приняв имя и одеяние консула, он стал организовывать людей, ранее собранных Манлием, тем временем увеличивая их число сначала за счет вольноотпущенников, а затем даже за счет рабов. (3) Римляне, соответственно, осудили его за насилие и отправили Антония на войну — не зная, естественно, о его участии в заговоре, — а сами надели траур. Цицерон тоже из-за этого кризиса оставался на месте. (4) Ибо хотя он и получил по жребию провинцию Македония, но из-за существовавшей

ситуации не выехал ни в эту страну — отказавшись в пользу коллеги из-за своего интереса в обвинениях, — ни в Ближнюю Галлию, которую получил вместо Македонии. Вместо этого он взял на себя обязанности по защите города, но послал в Галлию Метелла, чтобы помешать Катилине захватить ее.

34. Для римлян было большой удачей то, что он остался. Ибо Лентул готовился поджечь [город?] и совершить убийства с помощью своих приятелей-заговорщиков и аллоброгов, которых убедили присоединиться к нему во время их посольства…2 [Цицерон] арестовал тех, кого послали выполнить это (?), и привел их вместе с письмами в сенат, где, пообещав им иммунитет, разоблачил весь заговор. Вследствие этого Лентул был принужден сенатом отказаться от претуры и заключен под стражу вместе с другими арестованными, тогда как других заговорщиков еще разыскивали. (3) Эти меры равным образом понравились и народу, особенно потому, что пока Цицерон докладывал им о положении, на Капитолии непосредственно во время собрания устанавливали статую Юпитера, и согласно указаниям прорицателей, поставили ее так, чтобы она смотрела на восток и на форум. (4) Ибо эти предсказатели решили, что благодаря возведению статуи будет раскрыт какой-то заговор, и когда это событие совпало с обнаружением заговорщиков, народ начал превозносить божественную силу и еще больше разгневался на обвиняемых.

35. Тогда распространился слух, что Красс также был среди них, и один из арестованных даже сообщил эту информацию; тем не менее, лишь немногие поверили этому. Некоторые думали, что не имеют сейчас права подозревать его в таких действиях; (2) другие считали, что эту историю выдумали обвиняемые, чтобы получить от Красса какую-нибудь помощь, так как он обладал величайшим влиянием. И если кому-то это и казалось достоверным, то они, во всяком случае, не считали, что следует губить одного из самых выдающихся людей и волновать город еще больше. В результате это обвинение полностью провалилось. (3) Тогда множество рабов, а также вольноотпущенников, одни из страха, а другие из жалости к Лентулу и остальным, готовились освободить их при помощи насилия и спасти от смерти. Цицерон узнал об этом заранее и ночью занял Капитолий и Форум войсками. (4) На рассвете он получил некое божественное вдохновение надеяться на лучшее; ибо во время жертвоприношений, совершенных в его доме весталками от имени народа, огонь, вопреки обычаю, взметнулся очень высоко. Соответственно, Цицерон приказал преторам взять с народа клятву поступить на военную службу, если потребуются солдаты; тем временем, сам он созвал сенат и, возбуждая и запугивая его членов, убедил их осудить арестованных на смерть.

36. Тогда сенаторы разошлись во мнениях и были близки к решению отпустить их. Ибо до выступления Цезаря все проголосовали за казнь, но он высказал мнение, что всех их следует отдать под стражу в разные города, конфисковав их имущество, (2) с условием, чтобы вопрос об их прощении более никогда не обсуждался, а в случае побега кого-либо из них город, откуда был совершен побег считался бы вражеским. Затем все, кто высказывался позже, голосовали так же, так что и некоторые из высказавшихся ранее изменили свое мнение, пока очередь не дошла до Катона. (3) Но Катон проголосовал за смерть для них, и это послужило причиной того, что остальные проголосовали также. Таким образом, заговорщики были наказаны в соответствии с решением большинства, и в честь этого были проведены жертвоприношения и назначен праздник — чего ранее никогда не бывало по подобным случаям. Также разыскали и других, против которых имелась информация, а некоторые подвергались подозрению и привлекались к ответственности просто за намерение присоединиться к заговору. (4) Большинством расследований руководили консулы, но сенатора Авла Фульвия убил собственный отец; и последний был не единственным частным лицом, как некоторые считают, когда-либо действовавшим подобным образом. То есть, было и множество других, не только консулов, но и частных лиц, убивших своих сыновей. Так тогда разворачивались события.

37. Жреческие выборы по предложению Лабиена при поддержке Цезаря вновь были переданы плебсом народу, вопреки закону Суллы, но с помощью возрождения закона Домиция. Ибо Цезарь после смерти Метелла Пия желал получить его должность, хотя и был молод и еще не занимал должности претора. (2) Возлагая надежды на народ, Цезарь достиг своей цели, в особенности благодаря тому, что помогал Лабиену против Рабирия и не голосовал за казнь Лентула, и был выбран верховным понтификом, несмотря на то, что многие другие, и в частности Катул, соперничали с ним за эту честь. (3) Это случилось потому, что он показал полную готовность услужить и польстить каждому, даже обычным людям, и не бояться никаких слов или действий, чтобы добиться того, за что боролся. Он не возражал против того, чтобы временно заискивать ради того, чтобы впоследствии получить силу, и угождал, словно власть имущим, тем людям, которыми стремился управлять.

38. Таким образом, массы были благосклонны к Цезарю по вышеназванным причинам, но очень разгневаны на Цицерона за казнь граждан и разными способами выражали свою враждебность. Наконец, когда в последний день своей должности Цицерон пожелал представить отчет и оправдать действия, предпринятые им в консульство, — (2) ибо он несомненно получал большое удовольствие не только от похвалы других, ни и от самовосхваления, — народ заставил его молчать и не позволил произнести ни слова, выходящего за пределы клятвы; в этом им помог трибун Метелл Непот. Тем не менее, Цицерон сопротивляясь им изо всех сил, добавил в клятву утверждение, что спас город; и этим заслужил намного более сильную ненависть.

39. Катилина погиб в самом начале года, в консульство Юния Силана и Луция Лициния. Какое-то время, несмотря на наличие немалых сил, он следил за действиями Лентула и медлил, в надежде, что если Цицерон и его соратники будут убиты вовремя, он сможет легко осуществить оставшиеся планы. (2) Но убедившись, что Лентул умер и многие его сторонники по этой причине сдались, Катилина был вынужден рискнуть всем в битве, особенно потому, что Антоний и Метелл Целер, осаждавшие Фезулы, не позволяли ему никуда двигаться. Так как эти двое устроили лагеря отдельно, Катилина двинулся против Антония, несмотря на то, что он стоял по положению выше Метелла и имел больше сил. (3) Катилина поступил таким образом, надеясь, что Антоний позволит победить себя ввиду своего участия в заговоре. Последний, подозревая об этом, больше не питал добрых чувств к Катилине, так как тот был слаб; ибо многие люди строят дружбу и вражду с учетом влияния других людей и собственных выгод. (4) Более того, опасаясь, что Катилина, увидев их охотно сражающимися, может упрекнуть его и рассказать некоторые их секреты, Антоний притворился больным и поручил руководство битвой Марку Петрею.

40. Этот командир вступил в битву с восставшими и в весьма кровопролитном сражении убил Катилину и еще три тысячи человек, так как они очень храбро сражались; ибо ни один из них не сбежал, но все погибли, не сходя с мест. Даже победители скорбели об общей потере, поскольку они уничтожили, пусть и справедливо, такое множество таких храбрых людей, несмотря ни на что являвшихся гражданами и союзниками. (2) Антоний послал голову Катилины в город, чтобы народ мог убедиться в его смерти и больше не испытывал страха. Самого Антония провозгласили императором за победу, хотя количество убитых было меньше требуемого числа. Также были постановлено провести жертвоприношения, и народ сменил одежды, чтобы обозначить освобождение от всех опасностей.

41. Однако, союзники, участвовавшие в предприятии Катилины и выжившие, не оставались в покое, но из страха наказания продолжали подстрекать к восстанию. Против каждого их отряда были посланы преторы, которые быстро победили их, так как они все еще были довольно разрознены, и наказали их. (2) Другие лица, скрывавшиеся от наблюдения, были обвинены и осуждены на основании информации, предоставленной Луцием Веттием, всадником, участвовавшим в заговоре, но выдавшим участников после

того, как ему был обещан иммунитет. Так продолжалось до тех пор, пока Веттий, обвинив некоторых людей и записав их имена на таблички, не пожелал добавить еще нескольких. (3) Сенаторы заподозрили, что он замышляет какой-то вред, и отказались снова дать ему документ из страха, что он сотрет часть имен, но приказали ему устно назвать всех, кого он, по его словам, пропустил. Тогда со стыдом и страхом он назвал еще лишь нескольких. (4) Так как даже после этого в городе и среди союзников продолжались волнения, так как неизвестно было, кто назван, и одни напрасно беспокоились о себе, тогда как некоторые ошибочно подозревали других, сенат постановил, что имена должны быть опубликованы. В результате невиновные вновь обрели спокойствие, а обвиненные предстали перед судом; последние были осуждены, одни присутствовали при этом, а другие оставили свое дело на рассмотрение суда, не явившись туда.

42. Таковы были карьера Катилины и его падение; но его имя стало более известным, чем заслуживали его деяния, благодаря репутации Цицерона и речам, которые тот произнес против него.

5. Первый триумвират.

Аппиан. Гражданские войны. Книга II. Пер. С.И. Ковалева.

8. Цезаря, который был назначен претором в Испанию, некоторое время не пускали из Рима ростовщики, так как долги, в которые он попал из-за своего мотовства, во много раз превышали его состояние. Передавали, что, по его собственным словам, ему нужно было 25 миллионов сестерциев, чтобы расплатиться со всеми долгами. Кое-как успокоив приставших к нему заимодавцев, Цезарь уехал в Испанию. Там он не думал вступать в сношения с городами, решать судебные дела и т. п., считая это не приносящим ему пользы. Собрав войско, Цезарь нападал на еще не подвластных Риму иберов, пока не объявил всю Испанию подчиненной римлянам, причем послал в римское государственное казначейство много денег. За это сенат разрешил ему отпраздновать триумф. В то время как Цезарь в предместьях Рима занимался подготовкой пышного триумфа, в городе происходили выборы консулов, и домогавшимся этой должности необходимо было там присутствовать. Но тот, кто вступил в город, уже не мог принять участие в триумфе. Поэтому Цезарь, жадно стремясь к власти и не имея возможности заранее подготовить триумф, обратился к сенату с просьбой разрешить ему принять участие в домогательстве консульского звания заочно, через друзей. Цезарь знал, что это незаконно, однако так поступали и другие. Но так как Катон высказался против него и так как последний день предвыборной борьбы тратился на прения в сенате, Цезарь решил отказаться от триумфа, спешно прибыл в Рим и, выставив свою кандидатуру в консулы, ожидал исхода голосования.

9. В это время Помпей, который приобрел большую славу и влияние после похода против Митридата, потребовал, чтобы сенат утвердил те раздачи, которые он сделал царям, династам и городам. Из зависти к Помпею большинство сената высказывалось против этого, особенно Лукулл, который воевал с Митридатом еще до Помпея и, по его словам, оставил Помпею Митридата совершенно обессиленным и считал эту войну своей собственной заслугой. Лукулла поддерживал Красс. Помпей в негодовании вступил в союз с Цезарем, поклявшись, что будет содействовать ему в получении консульства. Цезарь же тотчас примирил с ним Красса. Эти три лица, обладая вместе всемогуществом, использовали свою силу для взаимной выгоды. Один историк, Варрон, описавший это их соглашение в книге, дал ей название "Треглавие". Сенат относился к Цезарю, Помпею и Крассу с недоверием и, чтобы противодействовать Цезарю, утвердил товарищем его по должности Луция Бибула.

10. Тотчас6 между триумвирами начались раздоры, и каждый из них стал готовиться к войне против другого. Но Цезарь, большой мастер притворяться, произносил в сенате речи о необходимости единодушия, направляя их по адресу Бибула: триумвиры-де своими раздорами обеспокоят всю республику. Убедив Бибула, что он действительно так думает, Цезарь добился того, что Бибул стал поступать неосторожно, ни к чему не готовился и ни о чем не догадывался. Цезарь же тем временем тайно вербовал себе большую дружину, вносил в сенат законы в пользу бедных, раздавал им земли, а лучшую землю, особенно вокруг Капуи, которая предоставлялась всем для заселения, предложил раздать людям, имеющим троих детей. Таким путем Цезарь создал себе огромное число приверженцев, ибо одних только отцов, имевших трех детей, оказалось 20.000. Так как многие сенаторы высказывались против предложений Цезаря, то он, притворившись разгневанным их несправедливостью, ушел из сената и целый год не созывал его, а говорил народу с ростры. Здесь он публично запрашивал мнения Помпея и Красса относительно своих законопроектов. Они одобряли их, народ же приходил на голосование со спрятанными под одеждой короткими мечами.

11. Сенат собирался в доме Бибула, так как никто его не созывал, и нельзя было это сделать только одному из консулов. Сенаторы не могли противопоставить ничего равного силе и подготовленности Цезаря; однако они придумали, чтобы Бибул противодействовал законопроектам Цезаря: таким путем он испытает поражение, но никто не сможет обвинить его в нерадении. Убежденный сенаторами, Бибул бросился на форум, в то время как Цезарь еще произносил речь перед народом. Начались споры и беспорядок, завязалась уже свалка. Люди, вооруженные кинжалами, ломали фасции и знаки консульского достоинства Бибула; некоторые из окружавших его трибунов были ранены. Бибул, не смущаясь этим, обнажил шею и призывал друзей Цезаря скорее приняться за дело: "Если я не могу убедить Цезаря поступать законно, кричал он, - то своей смертью я навлеку на него тяжкий грех и преступление". Друзья отвели его насильно в расположенный поблизости храм Юпитера Статора. Посланный на помощь Катон, как юноша, бросился в середину толпы и стал держать речь к народу. Но сторонники Цезаря подняли его на руки и вынесли с форума. Тогда Катон тайно вернулся другой дорогой, снова взбежал на трибуну и, так как говорить было бесполезно, - его никто уже не слушал, - грубо кричал на Цезаря, пока его снова не подняли на руки и не выбросили с форума. Тогда Цезарь провел свои законопроекты.

12. Он взял клятву с народа, что эти законы будут признавать на вечные времена, и потребовал, чтобы и сенат в этом поклялся. Но так как многие, в том числе и Катон, противодействовали закону, то Цезарь внес в народное собрание предложение, что тот, кто не принесет клятвы, подлежит смертной казни. Это предложение было принято. Народные трибуны и все остальные в испуге тотчас дали требуемую клятву: было бесполезно возражать, когда закон был принят народом. В это время один простолюдин, по имени Веттий, ворвавшись в середину толпы с обнаженным кинжалом, сказал, что он был послан Бибулом, Цицероном и Катоном убить Цезаря и Помпея и что кинжал дал ему ликтор Бибула, Постумий. Дело было весьма темное, но Цезарь воспользовался им, чтобы подстрекать толпу. Допрос Веттия отложили на следующий день, но ночью он был убит в тюрьме. О случившемся шли самые различные догадки и предположения, и Цезарь не преминул этим воспользоваться, говоря, что Веттия убили те, кто боялся его показаний. В конце концов он добился того, что народ дал ему право бороться против всех козней. Бибул, выпустив из рук всякую инициативу, подобно частному человеку не выходил из дома и не занимался государственными делами.

13. А Цезарь и сам еще не принимался за расследование дела Веттия, хотя он обладал всей полнотой государственной власти. Он проводил новые законы, тем самым привлекая к себе народ. Цезарь также утвердил все то, что сделал Помпей, как он ему и обещал. Так называемые всадники по своему положению занимали среднее место между сенатом и народом. Они пользовались большой силой и влиянием благодаря своему богатству и

откупу налогов и податей, уплачиваемых провинциями, и владели массой надежнейших в этом отношении рабов. Эти всадники давно уже просили сенат о снятии с них части откупной суммы. Сенат медлил, а Цезарь, который тогда не нуждался в сенате, но имел дело только с народом, простил им треть откупной суммы. Всадники, получив эту неожиданную милость - даже больше того, что они просили, - начали боготворить Цезаря. Таким образом у него, благодаря ловкому политическому ходу, прибавилась новая группа сторонников, более сильная, чем народ. К тому же Цезарь устраивал зрелища и травли зверей, далеко выходя за рамки своего состояния. На все это он занимал деньги, и его зрелища превосходили все прежде бывшее обстановкой, расходами и блестящими подарками. За это Цезарю дали в управление Цизальпийскую и Трансальпийскую Галлии на пять лет и предоставили под начальство четыре легиона войска.

14. Цезарь давно предвидел, что предстоящее ему отсутствие будет длительным, и зависть станет тем больше, что он пользовался большими льготами. Он выдал свою дочь за Помпея, хотя она и была обручена с Цепионом. Цезарь боялся, что Помпей станет завидовать ему, даже находясь с ним в дружбе. Наиболее энергичных из своих сторонников он провел в магистраты на будущий год. Консулом Цезарь объявил своего друга Авла Габиния, а сам женился на Кальпурнии, дочери Луция Пизона, который должен был занять место второго консула. По этому поводу Катон кричал, что власть достается посредством брачных союзов. Трибунами Цезарь выбрал Ватиния и Клодия, по прозвищу Прекрасный. Это Клодий когда-то во время женской праздничной церемонии навлек на себя некрасивое подозрение из-за Юлии, жены самого Цезаря. Но Цезарь не стал преследовать судом Клодия, пользовавшегося большой популярностью у толпы, хотя и удалил от себя жену. Однако Клодий все-таки был привлечен к суду другими лицами по обвинению в безбожии, так как дело происходило во время религиозной церемонии. Цицерон представлял интересы обвинителей. Цезарь, вызванный в свидетели, не выдал Клодия, но тогда же назначил его трибуном назло Цицерону, который распускал клевету на триумвиров, обвиняя их в единодержавии. Таким образом, Цезарь в силу необходимости стал выше личной обиды и оказал благодеяние одному врагу ради мщения другому. Кажется, и Клодий со своей стороны отблагодарил Цезаря, помогая ему получить в управление Галлию.

15. Такие дела совершил Цезарь во время своего консульства и, оставив одну власть ради другой, уехал. А Клодий обвинил Цицерона в нарушении законов, так как он казнил до суда группу Лентула и Цетега. Цицерон, выступая в том деле с величайшей смелостью, оказался весьма слабым в собственном судебном процессе. Одетый в бедную одежду, грязный, он приставал ко всякому, кого он встречал на узких улицах, и не стыдился надоедать тем, кто не был в курсе дела, так что вследствие непристойности его поведения сострадание к нему сменилось насмешками. В такую трусость из-за одного только собственного процесса впал тот, кто всю жизнь блестяще выступал в чужих судебных делах. Подобно этому, говорят, и афинянин Демосфен не принял собственного процесса и бежал до суда. Когда Клодий нахально положил конец приставаниям Цицерона в переулках, он отчаялся во всем и удалился в добровольное изгнание. Много друзей удалилось вместе с ним, а сенат рекомендовал его городам, царям и династам. Клодий же разрушил городской дом и виллы Цицерона. Гордясь этим, он сравнивал себя уже с Помпеем, имевшим величайшую силу в государстве.

16. Помпей готовился к борьбе с Клодием и подавал надежду на консульство Милону, который получил власть вместе с Клодием и был еще нахальнее его. Помпей натравил его на Клодия и предложил дать амнистию Цицерону, надеясь, что тот, помня все им испытанное, по возвращении не станет уже больше говорить о существующих государственных порядках, но выступит против Клодия. Цицерон, изгнанный с помощью Помпея, возвратился также с его помощью, проведя в изгнании около 16 месяцев. Дом его и виллы были восстановлены за государственный счет. Все торжественно его встречали у

городских ворот, причем, говорят, на встречу был затрачен целый день, подобно тому, как это случилось при возвращении Демосфена.
17. Цезарь, совершив много славных подвигов, о чем мною рассказано в истории галлов, пришел с большими богатствами в смежную с Италией Галлию, расположенную по реке Эридану. Он намеревался на короткое время дать войску отдых от непрерывных войн. Отсюда Цезарь посылал в Рим много денег различным лицам. В Галлию к нему приезжали поочередно магистраты и просто знатные лица, отправлявшиеся для управления в провинции или в походы, так что иногда вокруг него бывало до 120 фасций и больше 200 сенаторов. Одни приезжали, чтобы поблагодарить за прошлое, другие - чтобы получить деньги, третьи - чтобы устроить что-нибудь для себя в таком же роде. Поэтому Цезарь мог уже все делать, опираясь на большую армию, могущество денег и благодаря любезному вниманию ко всем. Также прибыли к нему и его сотоварищи по власти, Помпей и Красс. Посоветовавшись друг с другом, они решили, чтобы Помпей и Красс снова были избраны консулами, а Цезарю было продлено командование на второе пятилетие.
Так разошлись триумвиры. Противником Помпея по избранию в консулы выступил Домиций Аэнобарб. В назначенный для голосования день оба они еще с ночи пришли на собрание. Между их сторонниками началась распря, перешедшая в свалку. Кто-то ударил мечом факелоносца Домиция, и тогда все разбежались. Домиций сам с трудом спасся домой, а окровавленную одежду Помпея принесли домой другие. Такой опасности подверглись они оба.
18. Итак, консулами были избраны Красс и Помпей. Цезарю же, как было условлено, продлили командование на второе пятилетие. Провинции и войска в них были распределены по жребию между Помпеем и Крассом. Помпей получил Испанию и Африку. Послав туда для управления своих друзей, сам он оставался в Риме. Крассу досталась Сирия и соседние с ней области; он хотел начать войну с парфянами, войну, как он полагал, легкую, славную и выгодную. Но при его отъезде из Рима случились многие дурные предзнаменования, да и народные трибуны налагали свое veto на войну с парфянами, так как те не совершили ничего несправедливого по отношению к римлянам. Трибуны призвали общественное проклятие на голову того, кто им в этом не повинуется. Но Красс не придал этому значения и погиб вместе со своим одноименным сыном и самим войском: из стотысячной римской армии бежало из Сирии неполных десять тысяч. Но о поражении Красса будет рассказано в сочинении о Парфии. Римляне же, теснимые голодом, дали Помпею неограниченные полномочия по снабжению города съестными припасами и, как раньше, при ликвидации пиратов, дали ему двадцать легатов из числа сенаторов. Помпей, распределив их по провинциям, производил объезды и скоро доставил в Рим большое количество продовольствия. Благодаря этому он приобрел еще большую славу и силу.
19. В это время умерла дочь Цезаря, беременная от Помпея. Когда расстроился этот брак, всех охватил страх. Боялись, что Цезарь и Помпей, обладавшие большими военными силами, начнут враждовать друг с другом, и это в то время, когда государство было чрезвычайно дезорганизовано и с давних пор находилось в тяжелом состоянии…

Дион Кассий Кокцеян. Римская история. Книга XXXVII. Пер. С.Э. Таривердиевой и О.В. Любимовой.

52. Пока это происходило в городе, Цезарь получил наместничество в Лузитании после своей претуры; и хотя он мог без особого труда очистить землю от разбойников, которые, вероятно, всегда там существовали, а тогда вели себя тихо, — но не пожелал делать этого. Он желал славы, подражая Помпею и другим предшественникам, которые в разное время обладали великой властью и его стремления были вовсе не скромны; (2) на самом деле, он надеялся, что если за это время добьется чего-то, то немедленно получит

консульство и продемонстрирует огромные достижения. Особенно поощрял эту его надежду тот факт, что в Гадесе во время квестуры ему приснился сон о соитии с собственной матерью, и от толкователей он узнал, что это сулит ему великую власть. Затем, увидев там изображение Александра, посвященное в храме Геркулеса, он громко застонал, жалуясь, что до сих пор не совершил еще никаких великих дел. (3) Соответственно, хотя и имея возможность хранить мир, как я говорил, он двинулся к Герминийским горам и приказал жителям переселиться на равнину, чтобы, по его словам, они не могли использовать свою крепость как базу для мародерских набегов, но на самом деле потому что хорошо знал, что они никогда не станут выполнять его распоряжений, и в результате он получит повод для войны. (4) Именно так и случилось. После того, как они взялись за оружие, Цезарь победил их. Когда некоторые их соседи, опасаясь, что он двинется и против них, увели с его пути своих детей и жен и наиболее ценное имущество за Дурий, он сначала занял их города, пока они были заняты этим, а затем вступил в сражение с ними самими. (5) Они поставили перед собой стада, с намерением атаковать римлян, когда последние рассеются, чтобы захватить скот; но Цезарь, игнорируя животных, атаковал людей и победил их. 53. Тем временем он узнал, что жители Герминийских гор отступили и собираются напасть на него из засады, когда он будет возвращаться. Поэтому он сначала вернулся другой дорогой, но позже двинулся против них и, одержав победу, преследовал их до океана. (2) Когда, однако, они покинули материк и переехали на остров, он остался на месте, ибо у него было не очень много лодок, но связал вместе несколько плотов, при помощи которых послал часть своей армии и потерял некоторое количество людей. Ибо их командир причалил на волнорезе возле острова и высадил войска, считая, что они смогут дойти пешком, но он был смыт вернувшимся приливом и отброшен в море, оставив их в трудном положении. (3) Все они, кроме одного, храбро погибли, защищаясь; Публий Сцевий, единственный выживший, потеряв щит и получив множество ранений, прыгнул в воду и спасся вплавь. (4) Таков был результат этой попытки; позже Цезарь послал за лодками в Гадес, переправился на остров со всей армией и покорил тамошнее население без труда, так как они тяжко страдали от голода. Поплыв оттуда прямо в Бригантий, город в Каллекии, он встревожил людей, никогда раньше не видевших флота, волнами, которые вызвало его приближение, и подчинил их.

54. Совершив это, он решил, что достиг удовлетворительной стартовой позиции для консульства и поспешил на выборы даже прежде, чем прибыл преемник. Цезарь решил добиваться должности даже до празднования триумфа, так как невозможно было отпраздновать его заранее. (2) Но получив отказ в триумфе, так как Катон изо всех сил противился этому, он оставил это без внимания, надеясь совершить еще много более великих деяний и отпраздновать соответствующие триумфы, если будет избран консулом. Ибо кроме знамений, упоминавшихся ранее, которые всегда вселяли в него огромную уверенность, имелся тот факт, что его конь родился с разделенными копытами на передних ногах и гордо носил Цезаря, хотя не терпел других наездников. (3) Поэтому его ожидания были немалыми, так что он добровольно отказался от триумфа и вошел в город, чтобы добиваться должности. В городе он так умело снискал расположение Помпея, Красса и остальных, что хотя он все еще враждовали друг с другом и имели свои политические группы, и хотя каждый сопротивлялся тому, чего желал второй, Цезарь расположил их к себе и был единогласно ими всеми избран. (4) И все же о его величайшей прозорливости свидетельствует то, что он так хорошо рассчитал и подготовил ситуации, в которых оказывал услуги Помпею и Крассу, и размер этих услуг, чтобы привязать к себе обоих, в то время, когда они работали друг против друга.

55. Он даже этим не удовлетворился, но фактически помирил самих Помпея и Красса между собой, не потому что желал, чтобы они договорились, но потому, что считал их самыми могущественными. Цезарь хорошо понимал, что без помощи обоих, или, по меньшей мере, одного, он никогда не достигнет никакой высшей власти; а если он станет

другом только одного из них, то тем самым приобретет противника в лице другого и встретит б**о**льше неудач из-за второго, чем достигнет успехов с поддержкой первого. (2) Ибо, с одной стороны, ему казалось, что все действуют более усердно против своих врагов, чем помогают своим друзьям, не только потому, что гнев и ненависть стимулируют более горячие старания, чем любая дружба, но также и потому, что когда один работает для себя, а второй для другого, то и радость от успеха, и боль от неудачи будут разными. (3) С другой стороны, он думал, что стоять у людей на пути и препятствовать им в достижении выдающегося положения проще, чем вести их к высшей власти, вследствие того обстоятельства, что тот, кто мешает другому стать великим, угождает как окружающим, так и себе, а тот, кто превозносит другого, делает его обременительным для обеих сторон.

56. Эти соображения заставили Цезаря тогда искать их расположения, а позже помирить их друг с другом. Ибо он не верил, что без них сможет когда-либо добиться власти или избежать нанесения оскорбления одному из них; с другой стороны, он совершенно не опасался того, что они согласуют свои планы и таким образом станут сильнее него. Ибо он прекрасно понимал, что справится с другими с помощью их дружбы, а немного позже одолеет их с помощью одного против другого. Так и произошло. (2) Как только Помпей и Красс действительно приступили к этому, он заключили мир друг с другом по собственным причинам и приняли Цезаря партнером в свои планы. (3) Ибо Помпей со своей стороны не был столь силен, как надеялся, и видя, что Красс имеет власть, а влияние Цезаря возрастает, стал опасаться, что они окончательно победят его; и рассчитывал, что если разделит с ними нынешние преимущества, то с их помощью вернет обратно свою власть. (4) Красс считал, что должен превзойти всех благодаря как своей семье, так и своему богатству; и так как он был гораздо ниже Помпея и считал, что Цезарь собирается достичь больших высот, то желал стравить их друг с другом, чтобы ни один из них не добился высшей власти. Красс ожидал, что они будут равными соперниками и что в этой ситуации он получит выгоды от дружбы с обоими и получит почести прежде обоих. (5) Ибо не поддерживая безоговорочно ни дело народа, ни дело сената, он делал все, чтобы увеличить собственную власть. Соответственно, он оказывал обоим сторонам равные почести и избегал вражды с обеими, поддерживая по очереди любые меры, угодные каждой стороне, в той мере, чтобы снискать расположение за то, что приносит удовлетворение, и не принимать участия в более неприятных вопросах.

57. Таким образом и по таким причинам эти трое заключили союз и скрепили его клятвами и решали государственные дела между собой. Затем они дали друг другу и получили друг от друга все, к чему стремились и что считали нужным сделать с учетом обстоятельств.

Дополнительная литература:

1. Короленков А.В. Квинт Серторий: Политическая биография. СПб., 2003. 310 с.
2. Утченко С.Л. Цицерон и его время. М., 1986. 349 с.

Тема 8

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
49-45 гг. до н.э.

1. Вступление Цезаря в Рим. Испанская кампания июля-августа 49 г. до н.э.

Аппиан. Гражданские войны. Книга II. Пер. С.И. Ковалева и М.С. Альтмана.

25. Уже как бы установив все, для чего была необходима единоличная власть, Помпей назначал Сципиона вторым консулом на остальную часть года. Хотя после этого и другие лица назначались консулами, но Помпей внимательно наблюдал за ними и фактически держал власть в своих руках. Он был тогда в Риме все и вся, ибо благоволение сената было к нему особенно велико из ревности к Цезарю, который во время своего консульства его ни во что не ставил; Помпей же, по их мнению, быстро исцелил бы государство от его болезней без того, чтобы досаждать кому-либо во время отправления своей должности или вызывать недовольство.

Изгнанники из Рима, приезжая к Цезарю, убеждали его остерегаться Помпея, так как он и закон о подкупе установил, имея в виду его. Цезарь успокаивал их и хвалил Помпея, а народных трибунов уговорил провести ему разрешение домогаться второго консульства, находясь в отсутствии. Это и было проведено еще во время консульства Помпея и без всякого протеста с его стороны. Но Цезарь подозревал, что сенат будет ему противодействовать, и боялся по проискам своих врагов снова превратиться в частного человека. Он пускался на все хитрости, чтобы остаться у власти до тех пор, пока не будет назначен консулом, и требовал от сената некоторого продления срока своего командования в Галлии или в части ее. Так как Марцелл, бывший консулом после Помпея, препятствовал этому, то, как передают, Цезарь, ударив по рукоятке меча, сказал тому лицу, которое ему об этом донесло: "Вот он мне даст".

26. Цезарь основал в Верхней Италии город Новумкомум, даровав ему латинское право; тот из его жителей, кто в течение года занимал высшую должность, становился римским гражданином, - таково значение латинского права. Марцелл, с целью оскорбить Цезаря, приказал высечь розгами одного из новумкомцев, занимавшего у себя городскую магистратуру и потому считавшегося римским гражданином, чего нельзя было сделать с лицом, обладавшим правами римского гражданства. Марцелл по своей пылкости открыл свою мысль: удары служат признаком негражданства. Поэтому он приказал высечь этого человека и рубцы показать Цезарю. Дерзость Марцелла дошла до того, что он предлагал до окончания срока послать Цезарю преемников по наместничеству. Но Помпей воспрепятствовал этому под тем лицемерным предлогом, что из-за остающегося краткого срока не следует оскорблять такого блестящего мужа как Цезарь, принесшего столько пользы отечеству. Тем самым Помпей показал, что по истечении срока Цезаря должно лишить власти.

Затем были выбраны консулы, наиболее враждебные Цезарю, Эмилий Павел и Клавдий Марцелл, двоюродный брат первого Марцелла, а также в народные трибуны Курион, весьма враждебно настроенный к Цезарю. Он чрезвычайно заискивал перед народом и обладал прекрасными ораторскими способностями. Цезарь не смог соблазнить Клавдия деньгами, но Павла он подкупил за 1.500 талантов, чтобы тот не выступал ни за, ни против него; а от Куриона, зная, что он страдает от огромного количества долгов, Цезарь, дав ему еще большую сумму, добился прямого содействия. Павел на эти деньги построил римлянам так называемую Павлову базилику, очень красивое здание.

27. Курион же, чтобы не казалось, что он сразу переменил свое отношение к Цезарю, внес проект весьма сложной постройки и починки большого количества мостов и предложил поставить во главе этого дела себя самого на пять лет. Он знал, что ничего из этого не выйдет, так как надеялся, что друзья Помпея станут этому противодействовать и у него с Помпеем выйдет какое-нибудь столкновение. Все случилось так, как предполагал Курион. Сам он делал вид, что является врагом Цезаря. Клавдий предлагал послать Цезарю преемников в Галлию, ибо срок его истекал. Павел молчал. Курион, которого считали противником и Цезаря и Помпея, одобрял предложение Клавдия, но в дополнение к нему предложил, чтобы и Помпей, вместе с Цезарем, отказался от наместничества и войска. Ибо, говорил он, таким путем в государстве будет достигнуто прочное и безопасное положение. Многие возражали, что эта мера является несправедливой, так как срок полномочий Помпея еще не истек. Поэтому Курион формулировал свое предложение яснее и резче, говоря, что не следует посылать преемников Цезарю, если не дать их и Помпею. Так как они относятся с недоверием друг к другу, то в государстве не наступит спокойствия, пока оба они не превратятся в частных людей. Курион предлагал все это, зная, что Помпей не откажется от власти. С другой стороны, он видел, что народ уже несколько охладел к Помпею из-за процессов о подкупе. Так как предложение Куриона было весьма приемлемым, то народ хвалил его как единственного человека, который, действуя достойно города Рима, навлек враждебное отношение к себе обоих. Однажды толпа даже сопровождала Куриона, осыпая цветами, как великого борца в трудном состязании. Ибо ничто тогда не казалось страшнее, чем размолвка с Помпеем.

28. Последний же, лечившийся где-то в Италии, в послании в сенат хитро восхвалял подвиги Цезаря, но также перечислял и свои собственные, восходя к их началу. В частности Помпей указывал, что он не домогался ни третьего консульства, ни наместничества, связанного с ним, ни предоставления ему войска: будучи призван на исцеление государства, он считал это для себя честью. То, что он взял на себя против воли, писал Помпей, он добровольно передает всякому желающему, не дожидаясь установленного срока. При помощи ловкости, с которой было написано, послание бросало хороший свет на Помпея, а вместе с тем оно содержало вызов по отношению к Цезарю, не отказавшемуся от власти даже в установленный для нее срок. Лично прибыв в сенат, Помпей наговорил сенаторам много всяких вещей подобного рода, Подтверждая свое обещание отказаться от власти. Как друг и зять Цезаря он утверждал, что и тот с большим удовольствием откажется от власти: ведь у Цезаря была продолжительная и тяжелая война против очень воинственных народов. Многое приобретя для отечества, он охотно перейдет к почетным должностям, жертвоприношениям и отдыху. Все это Помпей говорил для того, чтобы Цезарю были немедленно посланы преемники, а сам он отделался бы одними обещаниями. Курион же, угадывая его хитрость, заявлял, что одних обещаний мало; надо, чтобы он тотчас же сложил власть. Точно также не следует лишать Цезаря войска, прежде чем Помпей не станет частным человеком. Ибо это не принесет никакой пользы Цезарю в его личной вражде, да и римлянам едва ли будет выгодно в случае насилия над государством со стороны одного из них, если такая власть останется в руках одного человека; уж лучше сохранить возможность выставить одного против другого. Ничего не скрывая, Курион злословил о Помпее, утверждая, что он стремится к тирании: если теперь, из страха перед Цезарем, он не сложит власти, то уже никогда не выпустит ее из своих рук. Курион требовал от сената, что если Цезарь и Помпей откажутся повиноваться, их нужно объявить врагами государства и собирать против них войска. Таким путем ему удалось окончательно скрыть, что он подкуплен Цезарем.

29. Помпей, гневаясь на Куриона и угрожая ему, в негодовании тайно уехал в предместья Рима. А сенат, хотя начал уже с подозрением относиться и к Помпею и к Цезарю, однако считал Помпея более демократичным и был недоволен Цезарем за его презрение к сенату во время консульства. Сенат, действительно, считал небезопасным лишить Помпея власти, пока от нее не откажется Цезарь, находившийся вне города и строивший широкие

планы. Как раз обратное утверждал Курион, доказывая сенаторам, что им нужно иметь под рукою Цезаря против Помпея или одновременно лишить власти их обоих. Не будучи в состоянии убедить сенат в этом, Курион распустил его, не добившись ни в чем решения - трибун имел на это право. Вот тогда-то Помпей особенно пожалел, что он поднял на прежнюю высоту трибунат, доведенный до крайней степени бессилия Суллой. Однако, расходясь, сенат постановил, чтобы Цезарь и Помпей послали по одному легиону для охраны Сирии, что было необходимо вследствие поражения Красса. Помпей из хитрости потребовал у Цезаря назад один легион, который он недавно ему предоставил после поражения двух легатов Цезаря - Титурия и Котты. Этот легион, наградив каждого солдата 250 драхмами, Цезарь отослал в Рим и вместе с ним послал другой легион от себя. Но так как в Сирии ничего опасного не оказалось, то легионы остались зимовать в Капуе.

30. Посланные за ними Помпеем к Цезарю люди клеветали на Цезаря и заверяли Помпея, что солдаты Цезаря, изнуренные трудной и продолжительной службой и тоскующие по дому, станут на сторону Помпея, лишь только перейдут Альпы. Они говорили это либо по своей неосведомленности, либо будучи подкуплены Цезарем. А у Цезаря каждый человек был силен в ревности к службе и в бранных трудах, - из-за привычки к войне, частью же из-за выгод, которые она дает победителям, а также и из-за всего другого, что они получили от Цезаря, ибо он был щедр на подачки, желая использовать их для выполнения своих планов. Кое-кто понимал эти намерения, но оставался спокойно у него. Помпей же, опираясь на все эти сведения, не собирал войска и вообще не делал никаких приготовлений, необходимых для предстоявшего ему дела. Сенат потребовал от каждого сенатора высказаться по данному вопросу. Клавдий лукаво разделял сенаторов и выпытывал у них по очереди их мнения: послать ли Цезарю преемников, а Помпея лишить власти. Большинство не одобряло последнего, но послать Цезарю преемников решило. Когда же Курион спросил, угодно ли сенату, чтобы оба, Цезарь и Помпей, сложили свою власть, 21 человек ответили отрицательно, но 370 человек для общей пользы и чтобы избежать раздора, начали склоняться к мнению Куриона. Тогда Клавдий распустил сенат, крича: "Побеждайте, чтобы иметь Цезаря господином".

31. Когда внезапно распространился ложный слух, будто Цезарь, перейдя Альпы, идет к Риму, поднялось большое смятение, и всех охватил страх. Клавдий предложил, чтобы войско, стоявшее в Капуе, выступило против Цезаря как врага. Когда Курион стал возражать против этого предложения, так как оно основано на ложных слухах, Клавдий сказал: "Если мне мешают общим постановлением устроить дело на пользу государства, то я буду устраивать его от своего имени как консул". Говоря это, он выбежал из сената и вместе с своим товарищем по должности отправился в предместья. Подавая меч Помпею, Клавдий сказал: "Мы приказываем тебе - я и вот он - выступить против Цезаря за отечество. Для этого мы даем тебе войско, которое находится теперь в Капуе или в другом месте Италии, или то, которое тебе будет угодно набрать". Помпей повиновался приказанию консулов, однако прибавил: "Если нет ничего лучшего". И здесь Помпей обманывал или хитрил ради соблюдения приличия. У Куриона за чертою города не было никакой власти, ибо народным трибунам запрещено выходить за стены Рима. В народном собрании Курион сожалел о происшедшем и требовал от консулов постановления, чтобы никто не повиновался Помпею, набирающему войско. Не будучи в состоянии ничего добиться, боясь за себя и отчаявшись в чем-нибудь помочь Цезарю - к тому же у него оканчивался срок трибуната, - Курион поспешно отправился к Цезарю.

32. Последний, переплыв океан, только что вернулся из Британии и из области рейнских галлов, перешел Альпы с 5.000 пехотинцев и 300 всадников. Он спустился в пограничную с Италией Равенну, последний пункт, на который распространялась его власть. Радушно приняв Куриона и выразив удовольствие по поводу всего сделанного им, Цезарь следил отсюда за развертывающимися событиями. Курион полагал, что нужно собрать все войско и идти на Рим, Цезарь же считал необходимым сделать попытку к примирению. Он приказал своим сторонникам договариваться за него и заявлял, что откажется от других

провинций и войск, кроме двух легионов и Иллирии вместе с Цизальпинской Галлией, пока не будет назначен консулом. Помпей, казалось, был удовлетворен этим. Но когда консулы стали противодействовать желанию Цезаря, последний написал письмо сенату, а Курион, проехав в три дня 2.000 стадий, передал письмо новым консулам, которые должны были вступить в сенат в первый день нового года. Жалоба Цезаря содержала торжественный перечень всего того, что он совершил с самого начала, а также его заявление, что он хотел бы отказаться от власти вместе с Помпеем; но так как тот еще остается у власти, то и он не сложит с себя полномочий и скоро явится мстителем за отечество и за себя самого. Все громко закричали, принимая это как объявление войны, и назначили преемником Цезаря Луция Домиция. Последний тотчас выступил с 3.000 человек, вновь набранных.

33. Антоний и Кассий, бывшие народными трибунами после Куриона одобрили это. Сенат же, еще больше склонный к вражде, полагал, что войско Помпея, противопоставленное войску Цезаря, является его стражем, а войско Цезаря, напротив, враждебно ему. Консулы Марцелл и Лентул приказали сторонникам Антония удалиться из сената, чтобы они не подверглись каким-нибудь оскорблениям, хотя они и были народными трибунами. Тогда Антоний с громким криком в гневе вскочил со своего кресла и стал призывать на сенаторов богов по поводу насилия над священной и неприкосновенной личностью трибунов. Не совершив ни убийства, ни каких-либо других гнусностей, они изгоняются только за то, что внесли предложение, которое, по их мнению, будет полезным. Сказав это, Антоний выбежал, словно одержимый богом, предвещая предстоящие смуты, войны, убийства, проскрипции, изгнания, конфискации и тому подобное. В возбуждении он призывал тяжелые проклятия на головы виновников всего этого. Вместе с ним из сената выбежали Курион и Кассий, ибо оказалось, что уже один отряд, посланный Помпеем, окружает сенат. Они немедленно отправились к Цезарю, тайно, ночью, в наемной повозке, переодетые рабами. Он показал беглецов в таком виде солдатам и, возбуждая их, говорил, что их, совершивших такие подвиги, сенат считает врагами, а вот этих мужей, замолвивших за них слово, постыдно изгоняют.

34. Итак, с обеих сторон война была начата и открыто объявлена. Сенат полагал, что войско из области галлов прибудет к Цезарю не так скоро и он не пойдет на предстоящее серьезное дело с малыми силами. Поэтому сенат предписал Помпею набрать 130.000 италийцев, главным образом из опытных в военном деле ветеранов, и чужеземцев из наиболее храбрых соседних племен. На ведение войны постановили выдать Помпею государственные средства и, если понадобится, то обратить на военные нужды и свои частные средства. А в города с величайшим гневом, рвением и быстротой посылали за новыми средствами. Цезарь же прежде всего послал за своими войсками. Он всегда предпочитал действовать силой неожиданности и смелости, чем силой подготовки. Поэтому в столь великой войне он решил прежде всего напасть с 5.000 человек и своевременно занять выгодное положение в Италии.

35. Центурионов с небольшим отрядом наиболее храбрых солдат, одетых в гражданское платье, он выслал вперед, чтобы они вошли в Аримин и внезапно захватили город. Это - первый город Италии на пути из Галлии. Сам Цезарь вечером под предлогом нездоровья удалился с пира, оставив друзей за ужином. Сев в колесницу, он поехал в Аримин в то время как всадники следовали за ним на некотором расстоянии. Быстро подъехав к реке Рубикону, которая служит границею Италии, Цезарь остановился, гладя на ее течение, и стал размышлять, взвешивая в уме каждое из тех бедствий, которые произойдут в будущем, если он с вооруженными силами перейдет эту реку. Наконец, решившись, Цезарь сказал присутствующим: "Если я воздержусь от этого перехода, друзья мои, это будет началом бедствий для меня; если же перейду - для всех людей". Сказав это, он, как вдохновленный свыше, стремительно перешел реку, прибавив известное изречение: "Пусть, жребий будет брошен".

Быстро подойдя к Аримину, Цезарь на заре захватил его и двинулся дальше, оставляя части своего войска в удобных местах. Все ближайшее население он привлек на свою сторону либо силой, либо гуманным отношением. Начались бегство и переселения из всех мест в испуге, с плачем. Никто ничего не знал в точности, все думали, что Цезарь идет с бесчисленным войском.

36. Узнав об этом, консулы не позволяли Помпею спокойно, как этого требовал его военный опыт, принять его план действий, но требовали от него напасть на Цезаря в Италии, для чего набирались войска, как если бы городу грозил немедленный захват. Но остальные сенаторы ввиду того, что, против ожидания, нападение Цезаря было чрезвычайно стремительным, испугались, чувствуя себя совершенно неготовыми к борьбе с ним. В ужасе они раскаивались в том, что не приняли предложений Цезаря. Теперь, когда страх изменил их воинственное настроение в сторону благоразумия, сенаторы начали думать, что предложения Цезаря были правильны.

А в Риме происходили многие чудеса, являлись небесные знамения. Говорили, что бог послал кровавый дождь; на статуях богов выступал пот; молния ударила во многие храмы, родил мул. Многие и другие несчастья предвещали окончательное уничтожение старого государственного строя и перемену его. Люди давали обеты, как во время страшных событий, и народ, помня несчастья эпохи Мария и Суллы, вопил, чтобы Цезарь и Помпей сложили с себя власть, как будто в этом одном заключалось средство предотвратить войну. Цицерон требовал, чтобы к Цезарю были посланы посредники.

37. Консулы во всем оказывали противодействие сенату. Фавоний, насмехаясь над фразой, брошенной когда-то Помпеем, приглашал его ударить ногой о землю и вывести из нее войска. Помпей же сказал: "Вы будете их иметь, если последуете за мной и не станете бояться оставить Рим и, если это потребуется, Италию. Не поместья и не жилища являются силою и славою для мужей, но мужи, где бы они ни были, имеют их вместе с собою. Сражаясь, они снова приобретут себе и жилища". Сказав это, он пригрозил упорствующим, если они, щадя свои поместья или имущество, оставят борьбу за отечество. Затем Помпей тотчас вышел из сената и выехал из города к капуанскому войску. Консулы последовали за ним. Других сенаторов долго удерживало сомнение, и они ночевали все вместе в здании сената. Однако на другой день большая часть их отправилась вслед за Помпеем.

38. Консул настигнул в Корфинии Луция Домиция, который был послан принять от него власть, имея с собою неполных 4.000 человек, и осадил его там. Жители Корфиния, захватив убегающего Домиция у городских ворот, привели его к Цезарю. Последний, чтобы показать пример другим, ласково принял войско Домиция, перешедшее на его сторону, самого же Домиция, невредимого и со всем его имуществом, отпустил на все четыре стороны. Цезарь надеялся, что тот благодаря оказанному ему благодеянию, быть может, останется у него, но не препятствовал ему идти и к Помпею.

Так как все это произошло очень стремительно, то Помпей поспешил из Капуи в Нуцерию, а из Нуцерии в Брундизий, чтобы, переплыв через Ионийское море в Эпир, там заняться приготовлениями к войне. Он поспешно отправляет послания по всем провинциям, пишет царям, городам, полководцам и династам, чтобы они оказали помощь в войне, кто чем может. Все это произошло одновременно. Собственное войско Помпея находилось в Испании и было готово двинуться туда, куда будет нужно. Часть тех легионов, которые были при Помпее, он приказал консулам заранее отвести из Брундизия в Эпир.

39. Они немедленно благополучно переправились в Диррахий. Некоторые называют этот город Эпидамном по следующему недоразумению. Царь тамошних варваров, Эпидамн, основал город у моря и по своему имени назвал его Эпидамном. Сын его дочери, Диррах, которого считают происходящим от Посейдона, основал для этого города гавань и назвал ее Диррахием. Этому Диррахy, который подвергся нападению со стороны братьев, помог за участок земли Геракл, придя из Эрифеи. Поэтому диррахийцы считали основателем

колонии Геракла как имеющего надел. Они не отказывались от Дирраха, но больше гордились происхождением от Геракла как бога. Говорят, что в этой битве Гераклом по ошибке был убит Ионий, сын Дирраха, и Геракл, предав погребению его тело, бросил его в море, чтобы Ионий стал эпонимом последнего. Со временем этой страной и городом овладели бриги, пришедшие из Фригии, и за ними иллирийское племя тавлантии, а за тавлантиями другой иллирийский народ, либурны, которые грабили окрестности на своих быстрых кораблях. Отсюда римляне называют либурнидами быстроходные корабли, с которыми они впервые познакомились у либурнов. Изгнанные из Диррахия либурны призвали на помощь керкирян, господствующих на море, и изгнали неприятеля. К диррахийцам керкиряне примешали своих поселенцев, отчего порт кажется греческим. Название же его, как несчастливое, керкиряне переменили и стали называть порт Эпидамном, по имени вышележащего города. И Фукидид его так называет. Однако прежнее имя одержало верх, и порт называют теперь по-прежнему Диррахием.

40. Часть войска с консулами переправилась в Диррахий, а Помпей, отведя остальную часть в Брундизий, ожидал там возвращения кораблей, перевозивших консулов. Со стен города он отражал подошедшего тем временем Цезаря и окружал город рвом, пока не вернулся флот. Тогда Помпей вечером отплыл, оставив на стенах наиболее храбрых из своих воинов. Они с наступлением ночи отплыли из Брундизия с попутным ветром. Таким образом Помпей со всем войском, оставив Италию, перешел в Эпир. А Цезарь находился в затруднении, куда направиться и откуда начать войну, видя, что к Помпею стремятся все отовсюду. Он боялся его испанского войска, большого и опытного, как бы оно не очутилось у него в тылу, когда он станет преследовать Помпея. Поэтому Цезарь решил, отправившись в Испанию, предварительно уничтожить тамошнее войско Помпея. Свои силы он разделил на пять частей: одну оставил в Брундизии, другую в Гидрунте, третью в Таренте, чтобы они охраняли Италию. Других Цезарь послал вместе с Квинтом Валерием занять хлебородный остров Сардинию, которую они и захватили. Азиний Поллион был послан в Сицилию, которой управлял тогда Катон. Когда последний спросил Поллиона, на каком основании он вторгся в чужую провинцию, по постановлению ли сената или решению народа, то тот ответил следующее: "Тот, кто правит Италией, послал меня для этого". И Катон, заявив, что, щадя подвластное ему население, не станет здесь с ним сражаться, переплыл на Керкиру, а оттуда отправился к Помпею.

41. Цезарь, спеша в Рим, всевозможными посулами и обещаниями старался привлечь на свою сторону город, который трепетал от ужаса при воспоминании о бедствиях, бывших при Сулле и Марии. По отношению же к своим врагам Цезарь обнаруживал великодушие, заявляя, что даже Луция Домиция, попавшего ему в руки, он отпустил на свободу со всем имуществом. Цезарь приказал взломать запоры государственного казначейства и грозил смертью Метеллу, единственному из народных трибунов, который этому препятствовал. Он начал расходовать неприкосновенные суммы, на которые, говорят, при галльском нашествии в старину наложено было публичное заклятие ни на что не тратить их, за исключением новой войны с галлами. Но Цезарь заявил, что он сам снял с города заклятие, сделав галлов безопасными. Над Римом он поставил Лепида Эмилия, а над Италией и италийскими войсками - народного трибуна Марка Антония. Вне Италии Цезарь назначил Куриона управлять Сицилией вместо Катона, Квинта - Сардинией, в Иллирию послал Гая Антония, а Цизальпийскую Галлию поручил Лицинию Крассу. Для Ионийского и Тирренского морей он приказал быстро сформировать две эскадры. Командующими над ними, еще пока они формировались, Цезарь назначил Гортензия и Долабеллу.

42. Укрепив таким образом Италию и сделав ее неприступной для Помпея, Цезарь отправился в Испанию. Там он вступил в борьбу с Петреем и Афранием, полководцами Помпея, и на первых порах терпел поражения. Но затем они стали воевать почти с равным успехом около города Илерты. Разбив лагерь на крутизнах, Цезарь получал продовольствие по мостам через реку Сикорис. Когда бурным течением реки мост был

внезапно разрушен, воины Петрея истребили большое количество людей Цезаря, отрезанных на другом берегу. И сам Цезарь с оставшимся войском сильно страдал от неудобной местности, голода, наступившей зимы и от неприятеля. Он почти находился в положении осаждаемого, пока не наступило лето, и Афраний и Петрей начали отступать во внутреннюю Испанию, чтобы там набрать новое войско. Цезарь же все время опережал противника, перерезал рвом проходы и помешал неприятелю идти дальше. Часть противника, посланную вперед для занятия лагеря, Цезарь окружил. Воины покрыли головы щитами, что служит признаком сдачи. Цезарь, повсюду добиваясь популярности у неприятеля, запретил переколоть сдавшихся воинов или взять их в плен, а отослал их невредимыми к войску Афрания. Поэтому между вражескими лагерями начались постоянные сношения и шли разговоры о мире среди солдатской массы.

43. Афраний и другие вожди уже решили уступить Цезарю Испанию с тем, чтобы он отпустил их невредимыми к Помпею. Но Петрей противился этому и, рыская по лагерю, убивал тех из солдат, кого он заставал в сношениях с воинами Цезаря. Даже кого-то из своих командиров, противившихся ему, он умертвил собственной рукою. Вот почему, негодуя на суровость Петрея, его люди все больше и больше обращались мыслями к гуманному Цезарю. Когда, вдобавок ко всему, Цезарь отрезал их еще и от воды, беспомощный Петрей вместе с Афранием вступил с ним в переговоры под наблюдением войска с той и другой стороны. Было решено, что они уступят Цезарю Испанию, а Цезарь отведет их невредимыми к реке Вару и оттуда отпустит к Помпею. Придя к этой реке, Цезарь собрал тех из воинов Петрея и Афрания, которые были из Рима и Италии, поместил их на такое место, откуда можно было слушать, и сказал им следующее: "Из вас, враги (пользуясь пока этим словом, я сделаю мою мысль яснее для вас), я не приказал никого убивать: ни тех, которые были посланы вперед для занятия лагеря и сдались мне, ни остальное ваше войско, когда я отрезал ему воду, и это несмотря на то, что до того Петрей убил тех из моих воинов, которые были захвачены за рекой Сикорис. Если вы чувствуете ко мне какую-нибудь благодарность, расскажите об этом всем солдатам Помпея". Сказав это, он отпустил их невредимыми и заявил, что Испанией будет управлять Кассий Квинт…

47. В эти же дни близ Иллирии Антоний потерпел поражение от Октавия, действовавшего на стороне Помпея против Долабеллы. Другое войско Цезаря, стоявшее в Плаценции, возмутилось и обвиняло своих командиров: "Мы мешкаем на походе, - кричали они, - и не получаем тех пяти мин, которые в качестве подарка Цезарь обещал нам еще в Брундизии". Когда Цезарь узнал об этом, он быстро отправился из Массилии в Плаценцию и, прибыв к еще бунтовавшим солдатам, сказал следующее: "Вы хорошо знаете сами, с какой быстротой я действую в каждом деле. Война затягивается не по нашей вине, а потому, что враги избегают нас. Вы же, которые получили в Галлии так много выгод под моим начальством и дали клятву служить мне в течение всей войны, а не только части ее, - вы бросаете нас в середине дела, восстаете против начальников и считаете возможным приказывать тем, от кого вам должно получать приказания. Выступая сам как свидетель, я торжественно заявляю о неизменной щедрости к вам; а теперь я поступлю с вами на основании отеческих законов и прикажу казнить по жребию десятую часть девятого легиона, так как он в особенности был зачинщиком мятежа". Поднялся вопль всего легиона, и командиры его, упав на колени, умоляли Цезаря о пощаде. Цезарь с трудом сдавался и, наконец, согласился подвергнуть жеребьевке только 120 человек, которые считались главными зачинщиками. Из них должно было казнить 12 человек. Но из этих двенадцати кто-то один отсутствовал, когда вспыхнул мятеж. Поэтому Цезарь приказал казнить показавшего на него центуриона.

48. Так окончилось восстание в Плаценции. Цезарь прибыл в Рим, и испуганный народ без постановления сената и предварительного назначения консула выбрал его диктатором. Но, как думают некоторые, Цезарь занимал эту должность только 11 дней, либо избегая власти, возбуждающей ненависть, либо не нуждаясь в ней. После этого он объявил

консулом на следующий год себя и Публия Исаврика. Полководцев в провинции он назначал и сменял по собственному произволу. В Испанию Цезарь послал Марка Лепида, в Сицилию Авла Альбина, в Сардинию - Секста Педуцея и в только что занятую Галлию Децима Брута. Голодающему населению он выдал хлеб. Так как народ просил его вернуть изгнанников, то он дал разрешение вернуться всем, кроме Милона. Но когда у Цезаря стали просить сложения долгов, ссылаясь на войны, мятежи и создавшиеся вследствие этого дешевые цены, разорительные для продавцов, он в этом отказал. Однако Цезарь назначил собственных оценщиков тех рыночных товаров, которыми вместо денег должники должны были расплачиваться с заимодавцами. Устроив эти дела, Цезарь около зимнего солнцеворота послал войско в Брундизий, а сам выехал в декабре месяце по римскому календарю, не дождавшись даже ради своей должности наступающего нового года. Народ провожал его при отъезде просьбами примириться с Помпеем, ибо не было тайной, что тот из них, кто одержит верх, повернет к монархии.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Юлий. Пер. М.Л. Гаспарова.

29. Цезаря это встревожило. Он был убежден – и это часто от него слышали, – что теперь, когда он стал первым человеком в государстве, его не так легко столкнуть с первого места на второе, как потом со второго на последнее. Поэтому он стал всеми силами сопротивляться, отчасти – с помощью вмешательства трибунов, отчасти – при содействии второго консула Сервия Сульпиция. В следующем году Гай Марцелл сменил в должности консула своего двоюродного брата Марка и возобновил его попытки; тогда Цезарь за огромные деньги нашел себе защитника в лице его коллеги Эмилия Павла и самого отчаянного из трибунов – Гая Куриона. (2) Но увидев, что против него действуют все настойчивей, и что даже консулы будущего года избраны враждебные ему, он обратился к сенату с письмом, прося не отнимать у него дар римского народа, – или же пусть другие полководцы тоже распустят свои войска. Как полагают, он надеялся, что при желании ему будет легче созвать своих ветеранов, чем Помпею – новых воинов. Противникам же он предложил согласиться на том, что он откажется от восьми легионов и Трансальпийской Галлии и сохранит до избрания в консулы только два легиона и Цизальпинскую провинцию или даже один легион и Иллирик. 30. Когда же ни сенат не пожелал вмешаться, ни противники – идти на какое бы то ни было соглашение о делах государственных, тогда он перешел в Ближнюю Галлию и, покончив с судебными собраниями, остановился в Равенне, угрожая войною, если сенат примет суровые меры против вступившихся за него трибунов.
(2) Это, конечно, был только предлог для гражданской войны; причины же ее, как полагают, были другие. Так, Гней Помпей неоднократно утверждал, что Цезарь оттого пошел на всеобщую смуту и переворот, что из своих частных средств он не мог ни окончить построек, которые начал, ни оправдать ожидания, которые возбуждало в народе его возвращение. (3) Другие говорят, будто он боялся, что ему придется дать ответ за все, что он совершил в свое первое консульство вопреки знаменьям, законам и запретам: ведь и Марк Катон не раз клятвенно заявлял, что привлечет его к суду тотчас, как он распустит войско, и в народе говорили, что вернись он только частным человеком, и ему, как Милону, придется защищать себя в суде, окруженном вооруженной охраной. (4) Это тем правдоподобнее, что и Азиний Поллион рассказывает, как Цезарь при Фарсале, глядя на перебитых и бегущих врагов, сказал дословно следующее: «Они сами этого хотели! меня, Гая Цезаря, после всего, что я сделал, они объявили бы виновным, не обратись я за помощью к войскам!» (5) Некоторые, наконец, полагают, что Цезаря поработила привычка к власти, и поэтому он, взвесив свои и вражеские силы, воспользовался случаем захватить верховное господство, о котором мечтал с ранних лет. Так думал, по-видимому,

и Цицерон, когда в третьей книге «Об обязанностях» писал, что у Цезаря всегда были на устах стихи Еврипида, которые он переводит так:

Коль преступить закон – то ради царства;
А в остальном его ты должен чтить.

31. И вот, когда приспело известие, что вмешательство трибунов не имело успеха, и что им самим пришлось покинуть Рим, Цезарь тотчас двинул вперед когорты; а чтобы не возбуждать подозрений, он и присутствовал для виду на народных зрелищах, и обсуждал план гладиаторской школы, которую собирался строить, и устроил, как обычно, многолюдный ужин. (2) Но когда закатилось солнце, он с немногими спутниками, в повозке, запряженной мулами с соседней мельницы, тайно тронулся в путь. Факелы погасли, он сбился с дороги, долго блуждал и только к рассвету, отыскав проводника, пешком, по узеньким тропинкам вышел, наконец, на верную дорогу. Он настиг когорты у реки Рубикона, границы его провинции. Здесь он помедлил и, раздумывая, на какой шаг он отваживается, сказал, обратившись к спутникам: «Еще не поздно вернуться; но стоит перейти этот мостик, и все будет решать оружие».
32. Он еще колебался, как вдруг ему явилось такое видение. Внезапно поблизости показался неведомый человек дивного роста и красоты: он сидел и играл на свирели. На эти звуки сбежались не только пастухи, но и многие воины со своих постов, среди них были и трубачи. И вот у одного из них этот человек вдруг вырвал трубу, бросился в реку и, оглушительно протрубив боевой сигнал, поплыл к противоположному берегу. «Вперед, – воскликнул тогда Цезарь, – вперед, куда зовут нас знаменья богов и несправедливость противников! Жребий брошен».
33. Так перевел он войска; и затем, выведя на общую сходку бежавших к нему изгнанников-трибунов, он со слезами, разрывая одежду на груди, стал умолять солдат о верности. Говорят даже, будто он пообещал каждому всадническое состояние, но это – недоразумение. Дело в том, что он, взывая к воинам, часто показывал на свой палец левой руки, заверяя, что готов отдать даже свой перстень, чтобы вознаградить защитников своей чести; а дальние ряды, которым легче было видеть, чем слышать говорящего, приняли мнимые знаки за слова, и отсюда пошла молва, будто он посулил им всаднические кольца и четыреста тысяч сестерциев.
34. Дальнейшие его действия, вкратце и по порядку, были таковы. Он вступил в Пицен, Умбрию, Этрурию; Луция Домиция, противозаконно назначенного ему преемником и занимавшего Корфиний, он заставил сдаться и отпустил; затем по берегу Верхнего моря он двинулся к Брундизию, куда бежали консулы и Помпей, спеша переправиться за море. (2) После безуспешных попыток любыми средствами воспрепятствовать их отплытию, он повернул в Рим. Обратившись здесь к сенаторам с речью о положении государства, он направился против сильнейших войск Помпея, находившихся в Испании под начальством трех легатов: Марка Петрея, Луция Афрания и Марка Варрона; перед отъездом он сказал друзьям, что сейчас он идет на войско без полководца, а потом вернется к полководцу без войска. И хотя его задерживали как осада Массилии, закрывшей ворота у него на пути, так и крайний недостаток продовольствия, вскоре он подчинил себе все.

2. Военные действия на Балканах в 48 г. до н.э.

Аппиан. Гражданские войны. Книга II. Пер. М.С. Альтмана.

49. Итак, Цезарь двигался со всей возможной скоростью. Помпей же во все это время приготовлял корабли, стягивал все больше и больше войск и средств и, захватив на

Ионийском море сорок кораблей Цезаря, караулил его переправу. С войском он производил упражнения, сам участвуя в беге, езде верхом, и везде был первым, несмотря даже на возраст. И этим Помпей легко снискал к себе такое расположение, что на его упражнения все сбегались, как на зрелище. У Цезаря к этому времени было 10 легионов пехоты и 10.000 галльской конницы, у Помпея - 5 легионов из Италии, с которыми он переплыл Ионийское море, и относящиеся к ним конные части - два парфянских легиона, остаток от войска, воевавшего под начальством Красса и некоторое число из отправившихся вместе с Габинием в Египет - всего 11 легионов италийцев и 7.000 конницы. Союзники у Помпея были из Ионии, Македонии, Пелопоннеса, Беотии, критские стрелки, фракийские пращники, пользующиеся метательными орудиями войны из припонтийских областей, некоторые галльские всадники и другие из восточной Галатии, коммагены, посланные Антиохом, киликийцы, каппадокийцы, некоторые из Малой Армении, памфилийцы и писидийцы. Всеми этими союзниками Помпеи не полагал пользоваться для сражения, но частью для гарнизонной службы, рытья окопов и всякого другого обслуживания италийского войска, чтобы из самих италийцев никто не был отвлечен от самой войны. Так обстояло у Помпея с сухопутным войском. Кораблей же военных с полным людским составом было 600, из них считавшихся наиболее выдающимися около 100 с римскими моряками; было также великое множество грузовых и обозных судов. Командиров было много, соответственно частям, а над ними всеми во главе стоял Марк Бибул.

50. Когда все было готово, Помпей, собрав в одно место, откуда было хорошо слышно, всех лиц из сенаторского сословия и так называемых всадников, а также все войско, сказал следующее: "Мужи, некогда и афиняне оставили свой город, сражаясь за свободу с нападавшими на них, полагая, что не дома составляют город, а мужи. И поступив так, они скоро вернули себе свой город обратно и сделали его еще более прославленным. И наши собственные предки, когда на них напали галлы, оставили город, и Камилл, двинувшись из Ардел, его вновь возвратил. Все, кто мыслит здраво, считают, где бы они ни оказались, отечеством самую свободу. Воодушевленные приплыли и мы сюда, не бросив отечества, но для того, чтобы отлично вооружиться для него и здесь защитить его от человека, издавна на него злоумышляющего и внезапно, с помощью подкупов, захватившего Италию. Вы провозгласили его врагом римского народа, а он посылает начальников во все наши страны и назначает их и в Риме и в Италии: с такой наглостью отнимает он верховную власть у народа. И если так поступает он во время войны, когда он еще под страхом, что ему, может быть, придется дать ответ - да поможет бог! - то каких следует от него ожидать жестокостей и насилий, когда он победит? Но к поступающему так со своим отечеством все же присоединяются некоторые лица, подкупленные теми средствами, которые он раздобыл для себя в вашей же Галлии, и предпочитают быть у этого человека в рабстве, чем в равных с нами правах. 51. Что касается меня, я не прекращал борьбы вместе с вами и за вас и самого себя отдаю в ваше распоряжение как воина и как вождя, и если есть у меня какая-нибудь опытность в военном деле и счастье человека, до сих пор еще никогда не побежденного, то я молю богов, чтобы они и в настоящее время способствовали мне, сражаясь за отечество, находящееся в опасности, быть столь же счастливым, каким я был ранее, увеличивая его могущество. Следует надеяться на богов и черпать храбрость из смысла самой войны, к которой нас побуждает прекрасное и справедливое стремление к сохранению отеческой формы правления. Кроме того, следует полагаться и на обилие снаряжения, имеющегося у нас и на суше и на море, продолжающего непрерывно расти и которое еще возрастет, когда мы примемся за дело. Ибо можно сказать, что все народы на востоке и у Евксинского моря, как эллинские, так и варварские, примыкают к нам. И цари, которые с римлянами и со мной состоят в дружбе, на свой счет доставят нам и войска, и стрелы, и провиант, и всякое другое снаряжение. Приступите же к делу соответственно достоинству отечества, вас самих и меня и, памятуя о беззаконии Цезаря, быстро выполняйте то, что приказывается".

52. Так говорил Помпей. Все войско, все сенаторы, окружавшие его, и великое множество знатных, все вместе приветствовали его и призывали повести их на все, на что он найдет нужным. Помпей же, полагая, что вследствие неблагоприятного для плавания времени года и отсутствия пристаней Цезарь предпримет плавание после зимы, а пока займется организацией своей консульской власти, приказал адмиралам охранять море, войско же распределил по зимним стоянкам, разместив его по всей Фессалии и Македонии.
Так беспечно рассуждал Помпей о предстоящем; Цезарь же, как мной уже было сказано, во время зимнего солнцеворота спешил в Брундизий, полагая, что неожиданностью он сильнее всего поразит врагов. И еще не имея в Брундизии ни съестных припасов, ни снаряжения, ни полностью всего своего войска, он, тем не менее, созвал всех имевшихся у него в наличности людей на собрание и сказал им следующее:
53. "О мужи, вы, которые мне помогаете в величайших делах, знайте, что ни бурность погоды, ни запоздание некоторых войсковых частей, ни недостаток соответствующего снаряжения не удерживают меня от движения вперед, ибо я полагаю, что быстрота в действиях мне будет полезнее всего этого и что мы первые, которые прежде других сюда прибыли, должны, полагаю я, оставить здесь на месте рабов, обоз и все снаряжение, чтобы имеющиеся в наличности корабли могли вместить нас самих, самим же, немедленно отправившись на судах, испытать, не удастся ли, укрывшись от врагов, противопоставить бурным непогодам доброе счастье, малочисленности - смелость, нашей бедности - изобилие у врагов, которым мы должны овладеть, как только выйдем на сушу, ибо мы знаем, что если мы их не победим, то у нас своего собственного ничего нет. Итак, мы пойдем за рабами, снаряжением и съестными припасами врагов, пока они находятся под кровлей зимних стоянок. Пойдем, пока Помпей полагает, что и я стою на зимней стоянке и предаюсь "помпам" и консульским жертвоприношениям. Вам, хотя вы сами это знаете, я скажу, что самое важное в военном деле - это неожиданность; честь нам доставит слава и первой целью для нас является стяжать славу в будущих сражениях и уготовить все для безопасности тех, кто за нами туда последует. Я же сам и в настоящее время предпочел бы скорее тратить время на плаванье, чем на разговоры, чтобы Помпей увидел меня тогда, когда, по его расчетам, я еще занимаюсь организацией власти в Риме. Хотя я знаю вашу покорность, все же я жду ответа".
54. Когда все войско с воодушевлением стало кричать, чтобы он их вел, Цезарь тут же, с трибуны, повел их - пять легионов пехоты и 600 отборных всадников - к морю. Так как буря приводила суда в беспорядок, он с ними стал в открытом море на якорях. Это было время зимнего солнцеворота, и ветер, к досаде и огорчению Цезаря, заставил его первый день года провести в Брундизии. Тем временем прибыли еще два легиона, и Цезарь отправил их сквозь бурю на грузовых судах. Военных кораблей у него было немного, и они охраняли Сардинию и Сицилию. Так как бури его отнесли к Керавнским горам, то он тотчас отправил суда в Брундизий за остальным войском, а сам отправился ночью к городу Орику по узкой и каменистой тропе, при этом из-за неудобства местности войско разделилось на множество частей, так что оно могло легко подвергнуться нападению, если бы это кто-нибудь заметил. К утру все это множество к нему с трудом стеклось, и гарнизонный начальник Орика, после того как находившиеся с ним внутри города заявили, что не будут сопротивляться идущему на них римскому консулу, передал ключи города Цезарю и остался при нем, удостоившись от него почестей. Лукреций же и Муниций охраняли на другой стороне Орика на военных кораблях хлеб, находящийся на судах. Последние, чтобы Цезарь ими не овладел, они потопили и убежали в Диррахий. Из Орика Цезарь поспешил в Аполлонию. Аполлонийцы его приняли, начальник же гарнизона Стаберий город покинул.
55. И Цезарь, собрав свое войско, напомнил им, что благодаря быстроте в действиях они счастливо преодолели и бурю и без кораблей овладели морем, а также взяли без боя Орик и Аполлонию и владеют теперь тем, что принадлежало врагам, и все это так, как он им и сказал: в то время, как Помпей об этом еще не знает. "Если, - сказал он, - мы еще захватим

и Диррахий, эту кладовую запасов Помпея, то нашим станет все то, что было ими заготовлено в течение целого лета". Так сказав, он быстро повел их по большой дороге в Диррахий, не отдыхая ни днем, ни ночью. Но Помпей, об этом предупрежденный, также в свою очередь двинулся из Македонии с великой поспешностью и, чтобы затруднить Цезарю продвижение, срубал по пути лес, разрушал мосты на реках и сжигал все встречавшееся по пути продовольствие, полагая, как оно и в действительности было, делом величайшей важности сохранить свои запасы. Каждый раз когда кто-нибудь из них обоих, Цезарь или Помпей, издали видел пыль, огонь или дым, то он думал, что это противник, и они как бы состязались в беге. И ни пище, ни сну они не уделяли времени. Такая была быстрота, напряжение и крики тех, кто их вел при свете факелов, что по мере того как враги все более друг к другу приближались, увеличивались страх и смятение. Некоторые от усталости сбрасывали с себя то, что несли, или, прячась в ущельях, отставали, готовые ради немедленного отдыха примириться и со страхом перед врагом.

56. Такие бедствия терпели обе стороны. Однако Помпей достиг Диррахия прежде Цезаря и расположился при городе лагерем, затем, послав флот в Орик, снова занял его и принялся охранять море более надежными караулами. Цезарь же, наметив границей между собой и Помпеем реку Алор, расположился лагерем по ту сторону, при этом некоторые части конницы с той и другой стороны, переходя реку, вступали друг с другом в бой. Все же войско в целом не вступало в бой, так как Помпей еще производил упражнения с новобранцами, а Цезарь ожидал тех, которых оставил в Брундизии. Он полагал, что если они на судах поплывут весной, то не останутся незамеченными триремами Помпея, которые часто выплывали на стражу; если же они отважатся плыть зимой, когда враги сторожат на островах, то они, может быть, пройдут незамеченными или одолеют врагов благодаря величине кораблей и ветру; поэтому-то он и послал поспешно за ними. Так как они не выезжали, он решил сам тайно отправиться к войску; ведь кому-нибудь другому, помимо него, их привести было бы нелегко. Скрыв свое намерение, он послал трех рабов к реке, отстоящей на расстоянии 12 стадий, чтобы они приготовили быстроходную лодку и наилучшего рулевого якобы для посланца Цезаря.

57. Цезарь же, под предлогом болезненного состояния удалившись с обеда, предложил друзьям продолжать его, а сам, одевшись в одежду частного человека и сев на повозку, тотчас отправился к судну как посланец Цезаря. Он и в дальнейшем отдавал все приказания через рабов, сам оставаясь закрытым и в течение ночи неузнанным. Когда наступила буря, рабы увещевали кормчего быть храбрым, указывая, что благодаря буре им скорее удастся проплыть незамеченными со стороны врагов, которые находятся поблизости. Кормчий плыл по реке, гребя изо всей силы. Когда лодка приплыла к устью и море с бурей и ветром задержало течение, рабы Цезаря погоняли кормчего, а когда кормчий, ничего не добившись, утомился и пришел в отчаяние, Цезарь, открывшись, крикнул ему: "Смелей направляйся навстречу буре. Ты везешь Цезаря и его счастье". Гребцы и кормчий были поражены, всеми овладело усердие, и судно благодаря усилиям кормчего выплыло из реки. Ветер и волны открытого моря подгоняли их к берегу, так что они стали опасаться, как бы с наступлением утра они при свете не были обнаружены врагами. Цезарь, негодуя на божество, как бы с недоброжелательством к нему относящееся, разрешил корабль направить обратно. Подталкиваемый быстрым ветром, корабль вновь вплыл в реку.

58. Что касается Цезаря, то одни удивлялись его смелости, другие упрекали, что он предпринял дело, подобающее солдату, но не военачальнику. Цезарь, уже не надеясь впредь сам сделать это незаметно, приказал вместо себя плыть Постумию и велел Габинию привести немедленно войско морским путем. Если же Габиний ослушался бы, то поручить это Антонию, если и этот откажется, то Калену. На тот же случай, если все трое не решатся, Цезарь написал письмо к самому войску, не пожелает ли кто из воинов последовать за Постумием на суда, и чтобы те, которые отправятся, пристали в то место,

куда их пригонит ветер. Кораблей не жалеть, ибо не в кораблях нуждается Цезарь, а в людях.
Таким образом, Цезарь больше доверялся удаче, чем расчету. Помпей же, спеша опередить противника, выступил, подготовившись к сражению. И случилось, что когда двое из воинов Помпея исследовали середину реки, чтобы знать, где она более всего проходима, в это время кто-то из войска Цезаря, подбежав, убил обоих. Помпей, считая это дурным предзнаменованием, снялся с лагеря. По мнению всех, это была ошибка со стороны Помпея, так как он упустил самое удобное время.
59. Когда Постумий прибыл в Брундизий, Габиний, не подчинившись приказу Цезаря, повел всех желающих через Иллирию, нигде не делая привала. Они почти все были уничтожены иллирийцами. Цезарь вынужден был это перетерпеть, так как был занят. Антоний же, посадив других на корабли, поплыл мимо Аполлонии под парусами при попутном ветре. Когда к полудню ветер ослабел, 20 кораблей Помпея, направленные на обследование моря, заметили врагов и стали их преследовать. Ими, так как на море было безветрие, овладел сильный страх, чтобы военные корабли не пробуравили их своими медными носами и не потопили. И корабли Помпея уже должным образом приготовились, уже стали направлять камни из пращей и стрелы. Но вдруг налетел ветер сильнее прежнего, и они, развернув немедленно большие паруса, встретили неожиданный ветер и поплыли уже без страха. Суда вражеские отстали, жестоко претерпевая от бури, ветра и высоких волн, и с трудом прорвались к каменистой и лишенной пристаней суше, захватив из кораблей Цезаря всего два, застрявших в болоте. Антоний со всеми остальными причалил в так называемый Нимфей.
60. Войско Цезаря было уже все в наличности, так же как и у Помпея. То и другое расположились лагерем друг против друга на множестве укреплений на холмах. Обе стороны предпринимали частые стычки вокруг каждого укрепления, проводили вокруг него рвы, осаждая взаимно друг друга, то подвергая противника, то сами попадая в затруднительное положение. В одном из таких сражений войско Цезаря, как оказалось, уступило войску Помпея. Один центурион, по имени Сцева, совершивший много блестящих дел и раненный в глаз стрелой, выступил вперед и сделал знак рукой, что желает что-то сказать. Когда наступило молчание, он крикнул известному своим мужеством центуриону Помпея: "Спаси человека, равного тебе, спаси друга, пришли мне людей, которые бы вывели меня за руки, так как я ранен". Когда к нему как к перебежчику подбежали два человека, он одного из них убил, другому пробил плечо. Так поступил он, когда уже перестал надеяться на свое спасение и на спасение укрепления; но тем самым он внушил всем другим стыд и воодушевление, и укрепление было спасено, несмотря на то, что сам начальник укрепления, Минуций, сильно пострадал и был, как говорят, сто двадцать раз уязвлен в щит, имел шесть ран на теле и лишился, как и Сцева, глаза. Цезарь почтил героев многими наградами, а сам, так как кто-то из Диррахия подготовлял предательскую сдачу города, отправился с немногими людьми, как было условлено, к воротам Диррахия и святилищу Артемиды. В эту же зиму зять Цезаря вел ему еще войска из Сирии. Гай Кальвизий, столкнувшись с ним в Македонии, был им побежден, и из целого легиона у него в этой битве осталось только 800 человек.
61. К Цезарю совершенно ничего не поступало со стороны моря, так как Помпей держал его в своей власти. Войско Цезаря голодало и делало хлеб из травы. Перебежчики, желая порадовать Помпея, принесли ему этот "хлеб", но Помпей не обрадовался, а сказал: "С какими зверями мы сражаемся". Цезарь по необходимости собрал все свое войско, чтобы этим вынудить и Помпея, вопреки его воле, к сражению. Но Помпей, заняв большинство укреплений, оставленных Цезарем, больше ничего не предпринимал. И Цезарь, в великой досаде, занялся делом трудным и рискованным - окружить со стороны моря весь лагерь Помпея сплошной стеной; предприятие, которое, как он полагал, ему должно принести великую славу по одному лишь смелому замыслу, даже если оно и не увенчается успехом. Длина стены были 1.200 стадий. Таким делом занялся Цезарь. Помпей же проводил рвы,

направленные против Цезаря, и возводил сооружения со своей стороны. Так они оба лишали смысла задуманное ими дело. В то время было между ними одно большое сражение, в котором Помпей блистательно обратил в бегство войско Цезаря и преследовал бегущих до самого лагеря, отняв у них много знамен. И даже "орла", самое главное знамя у римлян, тот, кто его нес, едва успел перебросить через вал к тем, что находились внутри.

62. Когда поражение Цезаря стало окончательным, Цезарь с другой стороны повел новую часть, но и этой овладел такой великий страх, что, когда вдали показался Помпей, они не смогли ни остановиться, будучи уже у самых ворот, ни войти в них в боевом порядке, ни подчиниться приказаниям, но каждый бежал, где кому случилось, без оглядки, не внемля никаким приказам, лишившись стыда и разума. И несмотря на то, что Цезарь всюду поспешал, усовещевая своих воинов и указывая, что Помпей находится еще далеко, они на виду у него самого одни бросали знамена и убегали, другие от стыда склоняли головы, ничего не предпринимая, до такой степени ими овладел страх. А один из воинов, повернув знамя, направил заостренный конец в императора, но телохранители Цезаря его убили. Те же воины, которые входили, не организовали даже стражи, все было оставлено, и самый вал никем не охранялся, так что если бы Помпей совершил на него нападение, он и его мог бы взять своими силами и этим делом завершить всю войну, но Лабиен - такова была божья воля - убедил Помпея направить войска на бегущих. Помпей сам колебался: или потому, что, видя вал неохраняемым, подозревал какую-то хитрость, или же потому, что пренебрегал этим делом, считая исход войны уже решенным. Поэтому Помпей, направив войска на бегущих вне лагеря, многих убил и взял в этот день в обоих сражениях 28 знамен, но упустил уже второй случай полного окончания войны. Передают, что Цезарь сказал: война могла бы быть в этот день закончена, если бы враги имели во главе человека, умеющего побеждать.

63. Помпей, правда, чрезмерно превознося свою победу, сообщил о ней всем царям и городам и надеялся, что войско Цезаря, побуждаемое голодом и напуганное поражением, немедленно перейдет на его сторону, а в особенности военачальники Цезаря, которым приходилось бояться за совершенные ими ошибки. Они же - бог привел их к раскаянию - устыдились за свои проступки, и когда Цезарь их с кротостью упрекал и даровал прощение, еще более вознегодовали на самих себя и - такова была неожиданная перемена - стали требовать, чтобы, согласно отечественному закону, десятая часть их была казнена. Когда Цезарь на это не согласился, они еще более устыдились и сознавали, что поступили незаконно по отношению к тому, кто этого совсем не заслужил, и стали требовать, чтоб он казнил хотя бы знаменосцев, так как, если бы те не повернули тыла прежде, они сами никогда не обратились бы в бегство. Когда Цезарь, и на это не соглашаясь, наказал лишь немногих, то всеми, благодаря его снисходительности, овладело такое воодушевление, что они потребовали, чтобы их тотчас повели на врагов. Они настаивали на этом весьма ревностно, призывая друг друга и обещая искупить свою вину блестящей победой. Цепью отряды обращались друг к другу по очереди, они клялись в присутствии Цезаря, что придут с поля битвы не иначе, как победителями.

64. Поэтому друзья Цезаря увещевали его использовать эту перемену в настроении и воодушевление войска. Но он сказал войску, что поведет его на врагов при более благоприятных условиях, и призывал их не забывать своей готовности, а друзьям он добавил, что прежде надо избавить войско от великого страха, порожденного поражением, а врагов лишить сознания, что их дела находятся в цветущем состоянии. Он признался, что раскаивается в том, что расположился лагерем у Диррахия, где у Помпея все припасы под рукой, и что необходимо было отвлечь его в какое-либо другое место, где враги были бы в равном с ними затруднительном положении. Так сказав, он немедленно направился в Аполлонию, а оттуда ночью стал скрытно отступать в Фессалию. Он в гневе взял и предал своим воинам на разграбление небольшой город Гомфы, который его не принял. Воины вследствие голода разом наполнили свои утробы всякой снедью и непристойно опьянели,

и наиболее из них забавными в пьяном состоянии оказались германцы, так что, казалось, явись Помпей в это время, он мог бы совершить нечто решающее, если бы только он из гордости совершенно не пренебрег их преследовать. Между тем Цезарь, в течение семи дней усиленно передвигаясь, расположился лагерем у Фарсала. Говорят, бедствия в Гомфах были необычны и что в лечебнице были обнаружены трупы знатных стариков без всяких ран, но с кубками, лежащими с ними рядом. Двадцать из них, как бы в опьянении, валялись на полу, а один восседал на стуле, без сомнения врач, который им всем дал яд.

65. После того как Цезарь снялся с лагеря, Помпей назначил заседание совета. Афраний высказал на нем мнение, что морские силы, которыми он далеко превосходит Цезаря, следует послать против Цезаря и, владея морем, тревожить его, блуждающего по разным путям и находящегося в затруднительном положении, сухопутные же силы поспешно повести самому Помпею в Италию, к нему благорасположенную и лишенную врагов, чтобы, овладев Италией, Галлией и Испанией, из родной и главенствующей земли вновь напасть на Цезаря. Но этими советами, которые были бы для него наилучшими, Помпей пренебрег и послушался тех, которые говорили, что войско Цезаря из-за голода перейдет на его сторону немедленно или что вообще немного останется делать после одержанной у Диррахия победы. Наоборот, было бы позором оставить бегущего Цезаря и, будучи победителем, бежать наравне с побежденным. Помпей присоединился к этому мнению, побуждаемый больше всего стыдом перед восточными народами, не спускавшими с него глаз, а также заботой о Луции Сципионе, как бы он чего не претерпел в Македонии, и в особенности тем, что хотел использовать в борьбе с Цезарем храбрость своего войска. Поэтому он продолжал поход и расположился лагерем у Фарсала против Цезаря. Друг от друга оба лагеря отстояли на 30 стадий.

66. Провиант Помпею доставлялся отовсюду, ибо у него были в такой степени заготовлены дороги, гавани и посты, что и с суши ему постоянно все доставлялось и при любом ветре через море. Цезарь, напротив, имел только то, что с трудом отыскивал и добывал, испытывая при этом сильные затруднения. Однако и при таких обстоятельствах ни один из его воинов его не покинул, а все с каким-то демоническим рвением стремились вступить в бой с врагами, полагая, что, закаленные уже в течение 10 лет, они в битве будут во многих отношениях превосходить новобранцев, между тем как в рытье рвов, сооружении стен и наборе припасов они, вследствие своей старости, более слабы, и вообще, терпя страдания, они предпочитали что-нибудь делать, чем погибнуть без всякого дела от голода. Сознавая все это и зная, что ему противостоят люди, закаленные и доведенные до отчаяния, а также блестящее счастье, обычно сопровождающее Цезаря, Помпей полагал, что было бы рискованно подвергнуть опасности все предприятие из-за исхода одного сражения; более подходящим и безопасным будет нуждой истощать врагов, сидевших на бедной территории, не владеющих морем и не имеющих кораблей даже для того, чтобы быстро убежать. Так, полагаясь на самый верный расчет, Помпей решил всячески затягивать войну, доводя войска Цезаря в результате голода до болезни.

67. Вокруг Помпея находилось множество сенаторов, равных ему по сану, наиболее знаменитые из так называемых всадников и много царей и династов; все они, одни по неопытности, другие вследствие того, что чрезмерно расценивали успехи, добытые при Диррахии, а некоторые и потому, что количественно превосходили силы врагов, - были и такие, которые, утомленные вообще войной, стремились не столько к достойному, сколько к скорейшему ее исходу, - все эти люди побуждали Помпея к битве, постоянно указывая на то, что Цезарь готовится к бою и ведет себя вызывающе. Помпей, исходя как раз из этого, указывал им, что Цезарь в своем безвыходном положении нуждался в бое, им же именно потому более уместно сохранять спокойствие, и что Цезарь спешит под давлением необходимости. Однако, докучаемый со стороны всего войска, чрезмерно возгордившегося успехом, одержанным у Диррахия, а также подстрекаемый насмешками, затрагивавшими его достоинство, что он будто бы нарочно медлит, будучи одержим властолюбием начальствовать над таким количеством сенаторов, называемый за это

"царем царей" и "Агамемноном", потому что и тот благодаря войне владел царской властью, - вот всем этим докучаемый, Помпей отказался от своих собственных расчетов и уступил, поврежденный в разуме божеством, и на сей раз, как и в других случаях в течение всей войны. Став вопреки своей природе вялым и медлительным во всех делах, он, против своего желания, склонился к сражению на горе самому себе и тем, которые его к этому бою склоняли.

68. В ту ночь Цезарь послал три легиона для набора съестных припасов. Одобряя Помпея за медлительность и полагая, что тот ни в коем случае не переменит своего решения, он послал в окрестности за фуражом. А узнав о приготовлениях Помпея, Цезарь обрадовался, догадавшись, что к этому Помпей был вынужден войском, и, быстро созвав всех своих, стал сам готовиться к битве. Принося в полночь жертву Марсу, он взывал и к своей прародительнице Венере (весь род Юлиев, полагал он, происходит от Энея и его сына Ила, слегка изменив его наименование) и дал обет в случае успеха построить в Риме в благодарность храм Венере-победительнице. Когда на небе сверкнул свет со стороны лагеря Цезаря и погас в месте расположения лагеря Помпея, те, которые находились при последнем, говорили, что им предстоит совершить нечто блестящее над врагом. Цезарь же толковал это знамение так: напав на Помпея, он затмит дела Помпея. У Помпея в эту ночь некоторые из убежавших жертвенных животных не были пойманы, а на алтаре расселся рой пчел, эмблема робости. Незадолго до рассвета на лагерь Помпея напало паническое состояние, и после того как Помпей обежал кругом весь лагерь и устранил панику, он впал в глубокий сон.

69. Когда приближенные его разбудили, он сказал, что только что видел во сне, как посвящали в Риме храм Венере-победительнице. И этому-то, не зная обета Цезаря, обрадовались, когда узнали, друзья Помпея и все его войско; они в этом, как и во всем прочем, необдуманно, восторженно и пренебрежительно усматривали предстоящее дело, как уже свершившееся. Многие из них уже и палатки стали увенчивать лаврами, символом победы, а рабы готовили для них великолепные обеды. Были и такие, которые спорили между собой о понтификате Цезаря. Помпей, опытный в делах военных, не любил этих споров; но он скрывал свое негодование и вместе с тем молчал от нерешительности и страха, как будто бы уже был не начальником, а подчиненным и делал все по необходимости, а не по собственному решению. На человека великого, во всяком предприятии до этого дня бывшего наиудачливейшим, напало такое уныние, или потому, что, верно наметив полезное, он в этом не сумел убедить других, а как бы на игральную кость поставил и жизнь стольких людей и свою собственную славу, славу человека до сих пор непобедимого, или же при приближении бедствия его устрашало какое-то пророческое чувство, его, которому в настоящий день предстояло внезапно лишиться столь великой власти. Сказав своим друзьям, что этот день, кто бы из двух ни победил, послужит для римлян навсегда началом великих бедствий, он приготовился к бою. Некоторые, полагая, что от страха у Помпея вырвалось его тайное намерение, считали, что если бы Помпей тогда одержал победу, он не отрекся бы от единовластия.

70. Войско находилось в таком состоянии: многие писатели дают об этом сомнительные сообщения, я же предпочитаю следовать за теми римскими писателями, которые дают наиболее достоверные сведения об италийцах, с которыми они больше всего считались; что касается союзных войск, то о них римские писатели сообщают сведения недостоверные и не учитывают их как силу чужеземную, присоединение которой мало имело значения. Цезарь имел до 22.000 человек, из них около тысячи конницы; у Помпея войска было больше в два раза, в том числе около 7.000 конницы. Таковы мнения тех, чьи сообщения наиболее правдоподобны, а именно, что в битве столкнулись друг с другом 70.000 италийцев. Другие авторы считают, что их было меньше 60.000, а другие, чрезмерно преувеличивая, насчитывают 400.000. Из этого количества одни авторы считают, что у Помпея было в полтора раза больше войска, чем у Цезаря, другие считают, что у Помпея было около двух третей всего количества - в такой степени колеблются

сведения относительно точного количества. Во всяком случае несомненно, что тот и другой вождь больше всего полагались на италийцев. Отряд союзников у Цезаря состоял из конницы из цизальпийских галлов... и из некоторого количества трансальпийских. Из эллинов служили у него в качестве легковооруженных долопы, акарнаны, этолийцы. Таковы были военные союзники Цезаря. На стороне Помпея были представлены в громадном количестве все восточные народы: одни на конях, другие - пешими, а из Эллады - лаконцы, предводительствуемые своими собственными царями, и остальная часть Пелопоннеса, а с ними и беотийцы. Принимали участие в битве и афиняне, причем глашатаями обеих сторон было возвещено, чтобы войско не чинило афинянам никаких обид как лицам, посвященным культу богинь Фесмофор и принимающим только ради славы участие в битве, долженствующей решить судьбу римской гегемонии.

71. Кроме эллинов, в числе союзников были почти все народы, обитающие по морскому берегу в восточном направлении: фракийцы, геллеспонтийцы, вифинцы, фригийцы, ионяне, лидийцы, памфилийцы, писидийцы, пафлагонцы, киликийцы, сирийцы, финикийцы, еврейское племя и с ними соседящие арабы, киприйцы, родосцы, критские пращники и другие островитяне. Были и цари и династы, приведшие свои войска: Дейотар, тетрарх восточных галатов, Ариарат, царь каппадокийцев, стратег Таксил, который привел армян, живших по сю сторону Евфрата, Мегабат, наместник царя Артапата, который привел армян, живших по ту сторону Евфрата. Принимали участие в военных тяготах и другие незначительные династы. Говорят, и из Египта было прислано Помпею 60 кораблей от царствовавших тогда в Египте Клеопатры и ее брата, бывшего тогда еще ребенком, но эти корабли, как, впрочем, и весь остальной морской флот, в битве участия не принимали и остались в бездействии у острова Коркиры. И то обстоятельство, что Помпей пренебрег флотом, следует считать величайшей необдуманностью, ибо при помощи морских сил, которыми он намного превосходил противника, он имел возможность повсюду лишать врага привозимых для него провиантов, вступив же в бой на суше, ему пришлось сражаться с людьми, которые от долгих военных трудов были в себе уверены и в битве становились словно звери. Но, видно, Помпея, который остерегался их у Диррахия, прельстило божественное наваждение, как нельзя более во время послужившее на пользу Цезаря. Ибо благодаря этому войско Помпея весьма легкомысленно зазналось и, одержав верх над мнением своего военачальника, вступило в бой, не имея опыта в военном деле. Но так распорядилось божество, чтобы установить ту власть, которая теперь охватывает все.

72. Каждый из обоих вождей, собрав войско, возбуждал его речью. Помпей при этом сказал следующее: "О, содружинники, вы сейчас скорее военачальники, чем воины. Ведь меня, желающего все больше и больше истощать Цезаря, вы призвали на этот бой. Поэтому и будьте распорядителями на этом состязании, обходитесь с врагами, как обычно обходятся гораздо более многочисленные с малочисленными, взирайте на них с презрением, как победители на побежденных, как молодые на стариков, как люди со свежими силами на сильно утомленных, сражайтесь как люди, у которых столь много сил и снаряжения и которые к тому еще сознают причины войны. Ибо мы сражаемся за свободу и отечество, опираясь на законы и добрую славу, имея стольких знатных мужей, сенаторов и всадников против всего одного человека, который желает присвоить себе верховную власть. Идите же, как вы о том и просили, с доброй надеждой, имея перед глазами то бегство врагов, которое произошло при Диррахии, то огромное количество знамен, которое мы, одержав победу, отняли в течение одного дня".

73. Так говорил Помпей. Цезарь своим воинам сказал следующее: "О, друзья, наиболее трудное мы уже одолели: вместо голода и нужды мы состязаемся теперь с людьми. Этот день решает все. Вспомните, что вы обещали мне при Диррахии и как вы на моих глазах клялись друг другу не возвращаться без победы. Это те самые люди, на которых мы идем от Геркулесовых столпов, которые убежали от нас из Италии, те самые, которые нас распустили без вознаграждения, триумфа и даров, нас, сражавшихся в течение десяти лет,

нас, совершивших столько войн и одержавших бесчисленное множество побед, нас, приобретших для отечества 400 племен иберов, галлов и британцев. Хотя я их призывал к справедливости, они меня не послушались. И щедрость моя на них не подействовала. Вы знаете, что я некоторых отпустил, не причинив им никакого вреда, надеясь, что ими все же будет оказана нам хотя бы некоторая справедливость. За все это в совокупности вы мне сегодня воздайте, за все о вас, если вы это сознаете, попечение, верность и щедрость в вознаграждении.

74. К тому же вам, войскам, во многих трудах испытанным, одержать верх над новобранцами тем более легко, что они склонны, как мальчишки, еще к недисциплинированности и непослушанию своему военачальнику, о котором я узнал, что он со страхом и вопреки своей воле выступает в бой, так как счастье его уже склонилось и он во всем стал вял и медлителен и не столько повелевает, сколько подчиняется. Все это я говорю только об италийцах; что же касается их союзников, то о них не думайте вовсе, не принимайте их в расчет и не сражайтесь с ними совершенно, ибо сирийцы, фригийцы и лидийцы рабы и всегда готовы к бегству и рабству. Им, я это твердо знаю, и вы это сами скоро увидите, даже сам Помпей не поручит сражаться в боевых рядах. Следите только за италийцами, не обращая внимания на то, что союзники, наподобие собак, будут бежать вокруг вас и поднимать шум. Но обратив врага в бегство, италийцев как своих единоплеменников щадите, а союзников истребляйте, чтобы навести ужас на тех. Но прежде всего нужно, чтобы я видел, что вы помните свое обещание победить или умереть; поэтому разрушьте, выступая в бой, возведенные вами укрепления, засыпьте ров, чтобы у нас ничего не оставалось, если мы не победим, чтобы враги видели, что вы не имеете своего лагеря, и сознавали, что у вас нет иного выхода, как занять их лагерь".

75. Так сказал Цезарь и при этом послал все же для охраны палаток две тысячи совершенно престарелых людей. Остальные, выйдя в глубоком молчании, разрушили укрепления и свалили их в ров. Помпей, увидя это - некоторые полагали, что это подготовка к бегству, - осознал всю смелость противника и со стоном сказал себе, что им приходится тягаться со зверьми и что верное средство против зверей - это голод. Но теперь уже было поздно, положение же было критическое. Поэтому он, оставив 4.000 италийцев для охраны лагеря, сам выстроил остальных между городом Фарсалом и рекой Энипеем, там, где и Цезарь расположился напротив него. И тот и другой вождь выстроили италийцев во фронт, разделив их на три части, отстоящие одна от другой на небольшом расстоянии, а конницу расположили на своих флангах, рассеяв повсюду между ними стрелков и пращников. Так выстроили они италийское войско, ибо каждый из вождей больше всего полагался на эти силы. Союзников они выстроили отдельно, ведя их как бы только для показа. Особенно у Помпея это союзное войско было многошумное и многоязычное. И из них македонцев, пелопоннесцев, беотийцев и афинян, молчаливость и дисциплину которых Помпей одобрял, он выстроил на фланге италийцев, а всех остальных, как Цезарь и предполагал, оставил вне боевого строя по племенам, чтобы они, когда битва пойдет врукопашную, окружили врагов и преследовали их, нанося им как можно больше вреда, и разграбили лагерь Цезаря, больше уже не защищенный рвом.

76. Предводителями у Помпея были; в центре фаланги - его шурин Сципион, на левом крыле - Домиций, на правом - Лентул; Афраний и Помпей охраняли лагерь. У Цезаря предводительствовали Сулла, Антоний и Домиций; сам он заблаговременно выстроился с десятым легионом, как это у него было в обычае. Увидев это, враги направили сюда лучших своих всадников, чтобы они, имея перевес в количестве, если смогут, окружили его. Поняв это, Цезарь устроил засаду из 3.000 наиболее смелых пехотинцев, которым приказал, когда они заметят, что враги бегут вокруг них, выскочить из засады и прямо метать свои копья в лоб всадникам, которые, будучи неопытными и молодыми, дорожа своей наружностью, не вынесут опасности, направленной им прямо в лицо. Так замышляли вожди друг против друга, и каждый из них обходил своих, делал необходимые

распоряжения, призывая к храбрости и назначая пароли: Цезарь "Афродита Победоносная", а Помпей - "Геракл Непобедимый".
77. Когда уже все было готово, противники еще долгое время оставались неподвижно в глубоком молчании, все еще только собираясь и медля, и глядели друг на друга, которая из двух сторон первая начнет битву. Большинство было преисполнено жалости, ибо никогда еще до сих пор италийское войско в таком количестве не сталкивалось друг с другом, подвергаясь одной опасности, и, будучи избранными храбрецами обоих лагерей, они жалели друг друга, в особенности потому, что видели, что италийцы идут против италийцев. При приближении бедствия честолюбие, воспламеняющее и ослепляющее всех, погасло и перешло в страх; размышление очистило их от тщеславия, взвешивало опасность и вину, по которой два мужа спорили друг с другом из-за первенства и подвергали опасности свое счастье; два мужа, которые при поражении не смогут быть даже последними, подвергают опасности такое количество благородных мужей. Им пришло на ум, что они были до сих пор друзьями и родственниками и много друг другу содействовали в славе и силе, а теперь несут они мечи один против другого и ввергают подчиненные им войска в подобное же беззаконие, ведя друг на друга единоплеменников и граждан, соплеменников и сородичей, иногда даже и братьев. И это имело место в этой битве, ибо много противоестественного случилось, когда неожиданно столько тысяч из одного народа пришли в столкновение друг с другом. Каждый из вождей при этой мысли преисполнился раскаянием, которое, однако, при настоящем положении дела было бессильно; и, сознавая, что этот день сделает одного из них или первым или последним на всей земле, они медлили приступить к такому рискованному шагу. Говорят, оба вождя даже прослезились.
78. Так, пока они еще медлили и взирали друг на друга, застиг их день. Все италийское войско продолжало стоять спокойно, в строгом молчании. Помпей же, видя, что союзники его в страхе от медлительности, из опасения, чтобы они не нарушили дисциплины еще до сражения, дал первый сигнал к битве. Тогда Цезарь дал сигнал со своей стороны. Тотчас трубы, которых было множество в таком огромном войске на той и на другой стороне, громкими звуками дали призыв, торопили и глашатаи и начальники, обегая войска. Воины торжественно, с изумлением и молчанием шли друг на друга, так как они были испытанные в таких боях бойцы. Когда они приблизились, началось метание стрел и камней; и как только конница несколько опередила пехоту, начались с той и другой стороны попытки перейти в атаку, причем части Помпея, имея преимущество, стали окружать десятый легион Цезаря. Цезарь тогда подал знак сидевшим в засаде, и те, выскочив, устремились на конницу, ударяя направленными вверх копьями прямо в лицо всадников, которые, не вынеся отчаянной атаки и ударов в рот и глаза, в беспорядке бежали. Войско Цезаря, только что боявшееся быть окруженным, теперь само окружило пехоту Помпея, лишенную прикрытия конницы.
79. Помпей, узнав об этом, запретил своим пехотинцам делать вылазки, выбегать вперед из фаланги и метать стрелы, но стоя в вытянутых шеренгах с готовым к нападению копьем, защищаться врукопашную против наступающих. Эту стратегию Помпея некоторые хвалят как наилучшую при окружении врагом, Цезарь же в своих письмах порицает, так как, по его мнению, удары, нанесенные с размаха, имеют большую силу, да и храбрость людей возрастает от бега, при неподвижности же у войска дух падает, и для нападающих оно служит как бы прицелом. Так оно случилось и на этот раз. Десятый легион с Цезарем окружил левое крыло войска Помпея, лишенное конницы, осыпал неподвижно стоящие части со всех сторон копьями, пока нападавшие не привели их в замешательство, и силой заставил обратиться в бегство. Это и было началом победы Цезаря. При этом множество было убитых и раненых, много было и разнообразных эпизодов. При этой схватке, однако, не было никакого крика от фаланги, никаких восклицаний ни убиваемых, ни раненых; только слышались вздохи и стоны падающих с достоинством на том месте, где они были выстроены. Союзные войска, которые вели себя

как зрители боевого состязания, были поражены выдержкой строя и от удивления не осмеливались окружить палатки Цезаря, хотя они охранялись людьми малочисленными и старыми, и только оставались на месте, полные удивления.
80. Когда левое крыло Помпея стало отступать - отступало оно шаг за шагом, не переставая сражаться, - союзные войска, ничего не предприняв, обратились в безоглядное бегство с криками: "Мы побеждены", и опрокидывали, словно вражеские, свои собственные палатки и заграждения, уничтожая их и похищая при своем бегстве все, что только они могли унести. Уже и другое крыло италийских войск Помпея, узнав о поражении левого крыла, стало медленно отступать, вначале в полном порядке и по мере возможности обороняясь, а затем под натиском врагов, окрыляемых удачей, оно тоже обратилось в бегство. Чтобы части войска Помпея вновь не соединились и чтобы таким образом было выиграно не одно лишь сражение, а вся война, Цезарь с большой хитростью разослал глашатаев по всем своим частям, во все стороны, чтобы победители-италийцы оставили в неприкосновенности своих единоплеменников и наступали только на союзников. Глашатаи, приблизившись к побежденным, убеждали их остановиться, ничего для себя на опасаясь. Один от другого узнавая это воззвание, они останавливались. И "стоять без страха" стало как бы паролем войска Помпея, тогда как в остальном оно ничем не отличалось от войска Цезаря, нося, как италийцы, ту же одежду и говоря на том же языке. Пробегая сквозь их ряды, войско Цезаря уничтожало союзников Помпея, которые не могли противостоять им, и наибольшая резня произошла здесь.
81. Помпей, увидев бегство своего войска, словно обезумел и медленно удалился в лагерь. Подойдя к своей палатке, он сел там безмолвный, наподобие Аякса Теламонида, о котором рассказывают, что он подобное же претерпел в Илионе, когда был окружен врагами и когда божество помрачило ему ум. Из остальных лишь очень немногие последовали за Помпеем в лагерь: воззвание Цезаря остановило их на месте без страха, войско же Цезаря, обежав войска Помпея, разъединило их по частям. К концу дня Цезарь, неутомимо повсюду обегая войско, увещевал еще понатужиться, пока не возьмут лагерь Помпея, причем объяснял, что если враги снова соберутся с силами, они окажутся победителями одного дня, если же лагерь врагов будет захвачен, этим делом приведена будет к благополучному концу вся война. С этой мольбой протягивал к войску Цезарь руки и сам первый открыл преследование. Физически многие из войска Цезаря были утомлены, но дух их поддерживали эти рассуждения и сам полководец тем, что шел с ними вместе на врага. Побуждала их к тому удача всего происшедшего и надежда, что, захватив лагерь Помпея, они заберут в нем много добычи, - в надежде и при удачах люди меньше всего чувствуют усталость. В таком состоянии они снова устремились вперед и напали на лагерь, совершенно пренебрегая противящимися этому. Помпей, узнав это, очнулся из странного своего молчания и воскликнул: "Неужели и против нашего укрепления?",- и, сказав это, переменил одежду, сел на лошадь и в сопровождении четырех друзей не останавливался в бегстве, пока в начале следующего дня не прибыл в Лариссу. Цезарь, согласно угрозе, высказанной, когда выстраивал свои войска в бой, остановился в укреплении Помпея и вкусил там пищу, приготовленную для Помпея, а все его войско - пищу врагов.
82. Убитых с обеих сторон италийцев (число убитых союзников не было установлено как из-за их многочисленности, так и из-за пренебрежения к ним) было в войске Цезаря тридцать центурионов и двести легионеров, а по другим источникам, тысяча двести, в войске Помпея - 10 сенаторов, среди них и Луций Домиций, посланный сенатом к Цезарю в Галлию в качестве его преемника, и около 40 так называемых всадников из знатных. Из остального войска - те писатели, которые склонны преувеличивать, называют цифру в 25.000, но Азиний Поллион, один из командиров Цезаря в этой битве, пишет, что трупов, принадлежавших сторонникам Помпея, было найдено 6.000.
Таков был конец знаменитой битвы при Фарсале. Первую и вторую боевые награды получил сам Цезарь, признанный всеми наиболее отличившимся, а с ним вместе и

десятый легион. Третья боевая награда была присуждена центуриону Крассинию, который, будучи спрошен Цезарем, вышедшим в бой, о предстоящем исходе его, громко воскликнул: "Мы победим, Цезарь, и живого или мертвого, но меня ты сегодня похвалишь". Все войско свидетельствовало, что все время Крассиний, словно одержимый, беспрерывно обегал ряды, совершая много блестящих дел. После поисков он был найден среди трупов. Цезарь возложил на него боевую награду, похоронив его в особой могиле вблизи братского погребения.

3. Цезарь в Египте. Кампания против Фарнака.

Аппиан. Гражданские войны. Книга II. Пер. М.С. Альтмана.

83. Помпей, с прежней скоростью спеша из Лариссы к морю, сел на маленькую лодку и, встретив проплывавший корабль, переправился в Митилену. Там он забрал свою жену Корнелию и на четырех кораблях, которые ему послали родосцы и тирийцы, отправился, оставив без внимания в тот момент Коркиру и Африку, где у него было другое многочисленное войско и невредимый флот, и устремился на восток, в Парфию, где собирался, опираясь на нее, восстановить утерянное. Намерение свое он долго скрывал, пока не рассказал о нем своим друзьям, будучи уже в Киликии. Они просили его остерегаться Парфии, против которой еще недавно строил свои планы Красс и которая еще воодушевлена его поражением, и просили не вести в страну необузданных варваров красавицу-жену, Корнелию, особенно как бывшую жену Красса. Когда он стал делать другие предложения относительно Египта и Юбы, то его друзья, отказавшись от последнего как от человека, ничем не прославившегося, согласились с ним в отношении Египта, который и был близок и представлял обширное государство, а также и потому, что он был богат и могуществен кораблями, хлебом и деньгами. Цари же его, хотя еще были детьми, по своим родителям являлись друзьями Помпея.
84. По всем этим соображениям Помпей отплыл в Египет. Как раз незадолго до этого Клеопатра, которая управляла Египтом вместе с братом, убежав из Египта, набирала войско в Сирии; брат Клеопатры, Птолемей, охранял Египет у горы Касия от вторжения Клеопатры. Каким-то злым гением ветер отнес судно Помпея как раз к этому месту. Увидев на суше большое количество войска, Помпей остановил свой корабль, предположив, как оно и в самом деле было, что там находится царь, и, послав к нему, напомнил о себе и о дружбе к нему отца Птолемея. Птолемею было тогда еще только около 13 лет; он находился под опекой Ахиллы, который командовал войсками, и евнуха Пофина, который ведал финансами. Относительно Помпея они устроили предварительное совещание, и тут же присутствовавший ритор Феодот из Самоса, учитель Птолемея, предложил преступное дело - заманить Помпея в засаду и убить его, чтобы этим угодить Цезарю. Когда это мнение было принято, Помпею, под предлогом, что здесь море мелкое и неудобное для больших кораблей, была послана невзрачная лодка, в которую село несколько царских гребцов. Был на этой лодке и некий Семпроний, римлянин, в то время служивший в войске Птолемея, прежде же служивший у самого Помпея. Этот Семпроний приветствовал Помпея от имени царя и пригласил его плыть к юному правителю как к другу. В то же время и все войско, как бы из почтения к Помпею, выстроилось вдоль берега, а в центре войска выделялся одетый в пурпур царь.
85. Помпею все это показалось подозрительным: и расположение в боевом порядке войска, и качество судна, за ним посланного, и то, что за ним не приплыли ни сам царь, ни его наиболее видные приближенные. При этих обстоятельствах Помпей на память привел стихи Софокла: "Кто направляется к тирану, превращается в его раба, хоть если бы пришел к нему свободным", и сел в лодку. Во время плаванья, когда все вокруг него молчали, подозрение Помпея еще более усилилось. Потому ли, что Помпей узнал в

Семпроний римлянина, вместе с ним сражавшегося, или потому что, видя все время его одного только стоящим, он предполагал, что он делал это согласно воинской дисциплине, по которой воин не смеет сесть в присутствии своего начальника, Помпей обратился к нему с вопросом: "Тебя ли я вижу, соратник?" Семпроний в ответ на это кивнул головой, и как только Помпей повернулся, нанес ему первый удар сам, а за ним и другие. Жена Помпея и его друзья, все это видевшие издалека, закричали и, простирая руки к богам мстителям за вероломство, поспешно отплыли, как от вражеской страны.

86. Приближенные Пофина, отрубив голову Помпея, сохранили ее для передачи Цезарю, чтобы получить от него за это великую благодарность; на самом деле Цезарь достойно наказал их за вероломство, все же остальное тело кто-то похоронил на побережье и насыпал на нем невзрачный холм, а кто-то написал следующую эпитафию: "Мелкий холмик покрывает здесь того, кто владел храмами". С течением времени вся могила целиком скрылась под песком, а бронзовые изображения, которые родственники Помпея впоследствии ему посвятили в ближайшем храме у Касия, оказались поврежденными и снесенными в недоступную часть святилища. Там их, уже в мое время, римский император Адриан, проезжая по Египту, искал и, найдя, снова привел в порядок могилу Помпея, так что ее можно было узнать, и исправил изображения самого Помпея. Таков был конец Помпея, завершившего великие войны и принесшего великую пользу римскому владычеству, за что он и был назван "Великим"; до того он никогда не был побежден, но с самой юности был непобедим и счастлив. И с 23 до 58 лет Помпей управлял Римом непрерывно, будучи по силе своей подобен монарху. Соперничая же с Цезарем, он считался демократическим правителем.

87. Луций Сципион, шурин Помпея, и другие наиболее знатные лица, спасшиеся в битве при Фарсале, спешно собрались все на Коркире у Катона, который был оставлен во главе еще одной армии и 300 кораблей. Они поступали более осмотрительно, чем Помпей. Наиболее знатные из них разделили между собой морские силы: Кассий отплыл в Понт к Фарнаку, чтобы поднять его против Цезаря, Сципион и Катон отплыли в Африку, надеясь на поддержку Вара и его войска и на Юбу, нумидийского царя, их союзника. Помпей, старший сын Помпея Великого, и с ним Лабиен и Скапула, отправились с частью армии в Испанию и, восстановив ее против Цезаря, набрали там новое войско из иберов, кельт-иберов и рабов и, таким образом, оказались в еще большей боевой готовности, чем раньше. Такие огромные силы были еще в резерве у Помпея, а он, ни во что их не ставя, убежал, как одержимый неким духом. Войска, которые находились в Африке, хотели, чтобы над ними начальствовал Катон, но он отказался, так как налицо имелись консулы, которые по сану своему стояли выше его: в Риме Катон был только претором. Начальником поэтому был сделан Луций Сципион. И здесь набиралось большое войско и занималось упражнениями. Эти-то две армии, в Африке и в Испании, наиболее достойные упоминания боевые силы, заготовлены были против Цезаря.

88. Сам Цезарь после победы два дня оставался в Фарсале, совершая жертвоприношения и приводя в порядок войско после битвы. Затем он отпустил на свободу своих союзников фессалийцев, а афинян, просивших у него милости, он простил и сказал: "Сколько раз вас, которые сами себя губите, еще спасет слава ваших предков!" На третий день, чтобы узнать, куда бежал Помпей, Цезарь направился на восток и, за неимением больших военных кораблей, переплыл Геллеспонт на маленьких челноках. Кассий, направлявшийся к Фарнаку, как раз показался с частью флота в то время, когда Цезарь находился в середине своей переправы. И, конечно, своими военными кораблями он одолел бы маленькие суда Цезаря, но от страха перед счастьем его, столь прославленным и внушающим ужас, Кассий, полагая, что Цезарь идет нарочно на него, протянул руки к нему (с кораблей к лодке!), попросил прощения и передал ему свой флот. Так велика была слава об успехах Цезаря. Ибо я не вижу никакой другой причины и не знаю никакого другого объяснения удачи Цезаря при столь неблагоприятных условиях, когда Кассий, будучи человеком весьма воинственным и владея 70 триремами, не решился вступить в

бой с Цезарем, встретившимся с ним совершенно неподготовленным. Кассий из одного только страха перед проплывающим мимо него Цезарем так позорно сдался, а впоследствии он убил Цезаря, когда тот в Риме был уже полным властелином. Очевидно, Кассием овладел в свое время особенный страх перед удачливостью Цезаря, возвышавшей последнего.

89. Так неожиданно спасшись. Цезарь переплыл Геллеспонт и простил ионийцев, эолийцев и все те племена, которые живут на большом полуострове, называемом Нижней Азией; прощение он передал через послов, которых они ему выслали с просьбой об этом. Узнав, что Помпей отправился в Египет, Цезарь отплыл к Родосу. Не дожидаясь там своего войска, которое прибывало частями, он со всеми наличными силами сел на триремы, взятые у Кассия и родосцев. Куда именно он направил плавание, он никому не открыл и, выведя корабли в море вечером, приказал кормчим всех следовавших за ним кораблей править ночью по свету, а днем по знамени с его собственного корабля. Кормчему же своего корабля он, далеко уже отплыв от земли, велел направиться к Александрии. По истечении трехдневного плавания он прибыл к Александрии. Царь Птолемей еще находился у Касия, и его опекуны приняли Цезаря радушно. Вначале Цезарь из-за малочисленности бывших с ним сил прикинулся беспечным, не преследующим никаких политических целей, дружески принимал всех, кто к нему обращался, и, обходя город, дивился его красоте и, стоя среди народа, прислушивался к философам. Благодаря такому образу действий он снискал благодарность и добрую славу со стороны александрийцев как человек, не вмешивающийся в их дела.

90. Когда же к нему приплыло войско, он за преступление по отношению к Помпею покарал смертью Пофина и Ахиллу, Феодота же, убежавшего, повесил впоследствии Кассий, отыскав его в Азии. Когда вследствие этого александрийцы заволновались и царское войско обратилось против Цезаря, произошли различные схватки вокруг царского дворца и на побережье рядом с ним. Однажды даже пришлось Цезарю, убегая оттуда, прыгнуть в море и проплыть от берега на большое расстояние под водой; александрийцы, захватив его плащ, повесили его как трофей. Однако наконец у него произошел у Нила бой с царем. В этом бою Цезарь одержал большую победу. Так прошло 9 месяцев, пока вместо Птолемея он не объявил Клеопатру царицей Египта. С Клеопатрой же Цезарь, обозревая страну, плавал по Нилу на 400 кораблях, предаваясь и другим наслаждениям. Но обо всем этом с большой точностью и подробностью рассказано в сочинении о Египте. Голову Помпея, преподнесенную ему, Цезарь не взял, но приказал похоронить и воздвигнуть в честь нее недалеко от города святилище, которое было названо святилищем Немесиды. Это святилище в мое время, в царствование императора Траяна, когда он в Египте уничтожал иудеев, было срыто Траяном из военных соображений.

91. Совершив все это в Александрии, Цезарь через Сирию устремился против Фарнака. Последний между тем успел совершить многое: он занял несколько римских селений и, столкнувшись в бою с претором Цезаря Домицием, одержал над ним блестящую победу, после которой, весьма возгордившись, обратил жителей города Амиса, на Понте, сочувствующего римлянам, в рабство и всех сыновей их оскопил. Когда Цезарь стал приближаться, Фарнак устрашился и раскаялся в своем поведении, и когда Цезарь был от него на расстоянии 200 стадиев, выслал к нему послов для заключения мира: послы поднесли Цезарю золотой венок и, по своей глупости, предложили ему обручиться с дочерью Фарнака. Цезарь, узнав об этом предложении, продвинулся со своим войском и шел сам впереди, беседуя с послами, пока не подошел к укреплению Фарнака. Тогда он воскликнул: "Неужели этот отцеубийца не получит своей кары немедленно?", - вскочил на коня и уже при первой атаке обратил Фарнака в бегство и многих из его войска перебил, хотя у самого Цезаря было только около тысячи всадников, выбежавших первыми с ним в атаку. Тогда он, как передают, сказал: "О, счастливый Помпей! Так, значит, за то тебя считали великим и прозвали Великим, что ты сражался с такими людьми при Митридате,

отце этого человека!" В Рим Цезарь об этом сражении послал следующее донесение: "Пришел, увидел, победил".
92. Фарнак после этого поражения убежал в Боспорское царство, полученное им от Помпея. Цезарь, не задерживаясь на мелочах, в то время как ему предстояли крупные войны, отправился в Азию. По пути он разбирал дела городов, чрезмерно обремененных откупщиками податей, но об этом мной уже рассказано в книге об Азии. В это же время, узнав, что в Риме произошло восстание и что Антоний, начальник его конницы, вынужден с войском охранять форум, Цезарь все бросил и поспешно направился к Риму. Когда он прибыл туда, гражданское волнение улеглось. Но вспыхуло новое волнение уже в самих войсках из-за того, что им не выдали вознаграждений, которые были им обязаны выдать за победу при Фарсале, и из-за того, что они до сих пор еще, вопреки закону, продолжают оставаться на военной службе. Войска требовали, чтобы их всех распустили по домам. Цезарь и в самом деле им однажды обещал какие-то неопределенные награды в Фарсале и другой раз - по окончании войны в Африке. В ответ на все эти требования Цезарь послал к солдатам некоторых из начальников с обещанием выдать каждому воину еще по 1.000 драхм. Но войско ответило, что оно не хочет больше обещаний, а чтобы деньги были выданы тотчас. Саллюстий Крисп, посланный к ним по поводу этого, чуть не был убит, его спасло только бегство. Цезарь, узнав это, послал другой легион солдат, которые по приказанию Антония охраняли город, и велел караулить его дом и ворота Рима, опасаясь грабежа. Сам же, несмотря на то, что все боялись и увещевали его остерегаться нападения со стороны войска, в то время как войска еще продолжали волноваться, весьма храбро направился к ним на Марсово поле без всякого о том предуведомления и показался на трибуне.
93. Солдаты с шумом, но без оружия, сбежались и, как всегда, увидев внезапно перед собою своего императора, приветствовали его. Когда он их спросил, чего они хотят, они в его присутствии не осмелились говорить о вознаграждении, но кричали, считая требование, чтоб их уволили, более умеренным, надеясь лишь, что, нуждаясь в войске для предстоящих войн, Цезарь с ними будет говорить и о вознаграждениях. Цезарь же, к изумлению всех, нисколько не колеблясь, сказал: "Я вас увольняю". Когда они были еще более этим поражены и когда настала глубокая тишина, Цезарь добавил: "И выдам все обещанное, когда буду справлять триумф с другими войсками". Когда они услышали такое неожиданное для себя и одновременно милостивое заявление, ими овладел стыд, к которому присоединились расчет и жадность; они понимали, что если они оставят своего императора в середине войны, триумф будут справлять вместо них другие части войск, а для них будет потеряна вся добыча с Африки, которая, как они полагали, должна быть велика; к тому же, будучи до сих пор ненавистны врагам, они станут теперь ненавистны также и Цезарю. Беспокоясь и не зная, что предпринять, солдаты совсем притихли, дожидаясь, что Цезарь им в чем-нибудь уступит и под давлением обстоятельств передумает. Цезарь со своей стороны тоже замолк, и когда приближенные стали увещевать его что-нибудь сказать еще и не говорить кратко и сурово, оставляя войско, с которым столь долго он вместе воевал, он в начале своего слова обратился к ним "граждане" вместо "солдаты"; это обращение служит знаком того, что солдаты уже уволены со службы и являются частными людьми.
94. Солдаты, не стерпев этого, крикнули, что они раскаиваются и просят его продолжать с ними войну. Когда же Цезарь отвернулся и сошел с трибуны, они с еще большей стремительностью и криками настаивали, чтобы он не уходил и наказал виновных из них. Он еще чуть-чуть задержался, не отвергая их просьбы и не возвращаясь на трибуну, показывая вид, что колеблется. Однако все же он взошел на трибуну и сказал, что наказывать из них он никого не хочет, но он огорчен, что и десятый легион, который он всегда предпочитал всем другим, принимал участие в мятеже. "Его одного, - сказал он, - я и увольняю из войска. Но и ему я отдам обещанное, когда вернусь из Африки. Когда война будет закончена, я всем дам землю, и не так, как Сулла, отнимая ее у частных

владельцев и поселяя ограбленных с ограбившими рядом, так что они находятся в вечной друг с другом вражде, но раздам вам землю общественную и мою собственную, а если нужно будет, и еще прикуплю". Рукоплескания и благодарность раздались от всех, и только десятый легион был в глубокой скорби, так как по отношению к нему одному Цезарь казался неумолимым. Солдаты этого легиона стали тогда просить метать между ними жребий и каждого десятого подвергнуть смерти. Цезарь при таком глубоком раскаянии не счел нужным их больше раздражать, примирился со всеми и тут же направил их на войну в Африку.

4. Африканская кампания Цезаря. Разгром помпеянских войск в Испании.

Аппиан. Гражданские войны. Книга II. Пер. С.И. Ковалева и М.С. Альтмана.

44. Таково было положение дел у Цезаря. В Африке у Помпея командовал Вар Аттий; Юба, царь мавританских номадов, был с ним в союзе. Курион в интересах Цезаря напал на них из Сицилии с двумя легионами, двенадцатью большими военными кораблями и многими грузовыми судами. Он пристал к Утике и в небольшом конном сражении около нее обратил в бегство нескольких всадников из номадов. Войску, стоящему еще под оружием, Курион позволил провозгласить себя императором. Это почетное имя дается полководцу воинами, которые тем самым как бы свидетельствуют, что он достоин быть их повелителем. В старину полководцы принимали эту почесть в награду за всякие великие дела, теперь же, как я узнаю, чтобы заслужить ее, необходимо уложить 10.000 человек.
Еще когда Курион плыл из Сицилии, африканцы предполагали, что он из честолюбия разобьет лагерь возле вала Сципиона, привлеченный славой его подвигов, и отравили там воду. Они не ошиблись в расчете. Курион устроил здесь стоянку, и войско тотчас заболело. У тех, кто пил воду, зрение становилось неясным, как в тумане, наступал глубокий обморок, а после него разнообразные извержения пищи и судороги во всем теле. Вследствие этого Курион начал переносить лагерь к самой Утике, ведя войско, ослабевшее от болезни, через большое и длинное болото. Когда же до них дошла весть о победе Цезаря в Испании, они снова ободрились и построились к битве у моря в небольшом укреплении. В происшедшем сильном сражении у Куриона пал один человек, у Вара же шестьсот; еще больше было ранено.
45. Когда подходил Юба, появился ложный слух, что он повернул назад около реки Баграда, отстоявшей недалеко оттуда, так как-де его царство опустошилось соседями. Рассказывали, что он оставил на реке полководца Сабурру с небольшим только отрядом. Доверяя этой ложной молве, Курион, жарким летом, около третьего часа дня, песчаной и безводной дорогой повел свои главные силы на Сабурру. Ибо если и оставалась кое-какая зимняя влага, она была высушена жаром солнца, а реку же занимал Сабурра и сам царь, который находился там же. Введенный в заблуждение, Курион поднялся на холмы с войском, измученным усталостью, зноем и жаждой. Когда враги увидели его в таком состоянии, они начали переходить реку в полной боевой готовности. А Курион с весьма неразумной смелостью начал спускаться с холмов, ведя совершенно ослабевшее войско. Когда его окружили всадники номадов, он на некоторое время отступил и стянул войско. Но теснимый врагом, Курион снова отступил на холмы. Азиний Поллион в начале несчастья бежал с немногими людьми к лагерю в Утике, чтобы Вар как-нибудь не напал на него при известии о поражении Куриона. Последний, храбро сражаясь, пал вместе со всем наличным войском, так что за Поллионом никто не вернулся в Утику. Таков оказался результат битвы на реке Багради. Отрезанная голова Куриона была доставлена Юбе.

46. Когда о несчастье стало известно в лагере у Утики, командующий флотом Фламма немедленно бежал с флотом, прежде чем успел принять к себе кого-нибудь из находящихся на берегу. Азиний, переправившись на легкой лодке к стоящим на море купцам, просил их подплыть к берегу и взять войско. Некоторые действительно подплыли ради этого ночью к берегу, но когда солдаты все вместе поднялись на корабли, те начали тонуть. Тогда купцы большую часть солдат, успевших выехать в море и имевших деньги, побросали в воду, прельстившись их деньгами. Вот что случилось с теми, которые взошли на корабли. С оставшимися же на берегу еще ночью произошло иное, хотя и нечто подобное. Днем они сдались Вару, а когда прибыл Юба, он поставил их около стены и приказал их переколоть как остатки своей победы. Юба сделал это без согласия Вара и ни о чем не подумав. Таким образом погибло два римских легиона, прибывших с Курионом в Африку, погибли все всадники, легковооруженные и обозная прислуга. А Юба вернулся домой, считая все это дело большой заслугой перед Помпеем…

95. Совершив переправу из Регия в Мессену, Цезарь прибыл в Лилибей. Узнав, что Катон с частью морских и сухопутных сил охраняет снаряжение для войны в Утике вместе с теми 300, которые издавна были назначены военными советниками при нем под именем сената, а верховный начальник Луций Сципион с лучшими частями войск воюет в Гадрумете, Цезарь поплыл против Сципиона. Сципион как раз в это время, оказалось, направился к Юбе, и Цезарь приготовился к бою у лагеря Сципиона, считая, что выгодно сражаться с врагом в отсутствии его полководца. Ему противостояли Лабиен и Петрей, помощники Сципиона, они одержали над Цезарем большую победу, обратив в бегство его войско и преследуя его с гордостью и презрением до тех пор, пока раненная в живот лошадь не сбросила Лабиена. Лабиена тотчас унесли его телохранители, стоявшие со щитами возле сражающегося. Петрей, полагая, что войско оказалось при испытании на высоте и что он сумеет одержать победу, когда захочет, не стал продолжать начатое преследование и сказал: "Не будем отнимать победу у нашего полководца Сципиона". Остальное было делом счастья Цезаря: когда враги, как казалось, могли победить, победители сами внезапно прекратили сражение. Передают, что во время бегства своего войска Цезарь приставал ко всем воинам, чтобы они повернулись, кого-то из несущих "орлов" - самые главные знамена у римлян - Цезарь повернул своей рукой и вновь направил вперед, пока Петрей не повернул обратно, а Цезарь охотно вновь отступил. Таков был результат первого сражения Цезаря в Африке.

96. Когда немного спустя после этого стали ожидать прибытия самого Сципиона с 8 легионами пехоты, 20.000 конницы, среди которых было большинство ливийцев, со множеством легковооруженных солдат и до 30 слонов, а со Сципионом еще прибыл Юба с другими 30.000 пехотинцев и 20.000 нумидийской конницы, множеством копийщиков и 60 слонами, войско Цезаря охватил ужас, и оно было в замешательстве как от того испытания, которому оно уже подверглось, так и от славы наступавших и многочисленности, и большого мужества особенно нумидийских всадников. Пугала и война против слонов, для них совершенно непривычная. В это самое время мавританский вождь Бокх захватил царскую резиденцию Юбы - Цирту, и Юба, извещенный об этом, поспешно со всем своим войском возвратился к себе, оставив Сципиону только 30 слонов. Вследствие этого войско Цезаря настолько приободрилось, что пятый легион даже попросил выстроить его против слонов и одержал над противником полную победу. И еще поныне этому легиону присвоен за это на знамени знак "слона".

97. Происшедшее сражение было значительным, упорным на всем своем протяжении, с переменным счастьем, но к вечеру одолел, хотя и с трудом, Цезарь, который для того, чтобы довести победу до конца, не прекратил победоносного сражения и при наступлении ночи и тотчас захватил лагерь Сципиона.

Враги по частям разбежались, кто куда мог, а сам Сципион с Афранием, бросив все, бежали морем с 12 невооруженными кораблями. Таким образом, и эта армия, состоявшая приблизительно из 80 тысяч человек, в течение долгого времени обученная, после первой

битвы внушавшая храбрость и надежду, при втором столкновении полностью была уничтожена. О Цезаре между тем распространилась слава, что у него особая судьба быть непобедимым; никто из побежденных Цезарем не приписывал этого одной только доблести Цезаря, но и свои собственные ошибки они также приписывали счастью Цезаря. Ибо и эта война так быстро была проиграна из-за нерасчетливости полководцев, выступавших против Цезаря, которые, с одной стороны, не изнуряли его, когда он бывал в затруднительных обстоятельствах в чужой стране, с другой стороны, не довели первую победу до конца.

98. Когда на третий день стало обо всем этом известно в Утике, а также и о том, что Цезарь направляется прямо туда, началось невольное общее бегство. Катон никого не удерживал, но всем из знатных, кто у него просил корабли, давал их. Сам он остался в совершенном спокойствии, и утикийцам, обещавшим ему, что будут за него ходатайствовать еще раньше, чем за себя, смеясь ответил, что он не нуждается в примирении с ним Цезаря. Он, Катон, убежден в том, что и Цезарь это прекрасно знает. Перечислив все свои склады и о каждом из них выдав документы утическим правителям, Катон к вечеру принял ванну и, сев за ужин, ел, как он привык с тех пор, как умер Помпей. Он ничего не изменил в своих привычках, не чаще и не реже, чем всегда, обращался к присутствующим, беседовал с ними относительно отплывших, расспрашивал насчет ветра - благоприятен ли он, о расстоянии, которое они уже отплыли, - опередят ли они прибытие Цезаря на Восток. И отправляясь ко сну, Катон также не изменил ничего из своих привычек, кроме того только, что сына своего обнял более сердечно. Не найдя у постели обычно там находящегося своего кинжала, он закричал, что его домашние предают его врагам, ибо чем другим, говорил он, сможет он воспользоваться, если враги придут ночью. Когда же его стали просить ничего против себя не замышлять и лечь спать без кинжала, он сказал весьма убедительно: "Разве, если я захочу, я не могу удушить себя одеждой или разбить голову о стену, или броситься вниз головой, или умереть, задержав дыхание?" Так говоря, убедил он своих близких выдать ему его кинжал. Когда он его получил, он попросил Платона и прочел его сочинение о душе.

99. Когда он окончил диалог Платона, то, полагая, что все, которые находились у его дверей, заснули, поразил себя кинжалом под сердце. Когда выпали его внутренности и послышался какой-то стон, вбежали те, которые находились у его дверей; еще целые внутренности Катона врачи опять вложили внутрь и сшили разорванные части. Он тотчас притворился ободренным, упрекал себя за слабость удара, выразил благодарность спасшим его и сказал, что хочет спать. Они взяли с собой его кинжал и закрыли двери для его спокойствия. Он же, представившись будто он спит, в молчании руками разорвал повязки и, раскрыв швы раны, как зверь разбередил свою рану и живот, расширяя раны ногтями и роясь в них пальцами и разбрасывая внутренности, пока не умер. Было ему тогда около 50 лет, и славу имел он человека самого непоколебимого в следовании тому, что он признавал правильным, а следовал он справедливому, должному и прекрасному не только в своем поведении, но и в помыслах, выявляя исключительное величие души. Так, Марцию, дочь Филиппа, с которой он сочетался, когда она была девицей, и которую он очень любил и от которой имел детей, он тем не менее отдал одному из своих друзей, Гортензию, жаждавшему иметь детей и не имевшему их, так как был женат на бесплодной. Когда жена Катона забеременела и от друга, он вновь взял ее к себе в дом, как бы дав ее ему взаймы. Таков был Катон. Утикийцы пышно его похоронили. Цезарь по поводу его смерти сказал, что Катон из зависти лишил его возможности красивой демонстрации, а когда Цицерон в честь умершего составил похвальное слово под заглавием "Катон", Цезарь, со своей стороны, написал обвинительное слово и назвал его "Анти-Катон".

100. Юба и Петрей, узнав о всем происшедшем и не имея никаких средств ни к бегству, ни к спасению, во время обеда убили мечами друг друга. Цезарь объявил царство Юбы подданным Риму и во главе его назначил Саллюстия Криспа. Утикийцам и сыну Катона

он даровал прощение. Также и дочь Помпея Великого, с двумя ее детьми захваченную в Утике, он отослал невредимыми к Помпею (сыну Помпея Великого). Всех, кого он захватил из совета трехсот, он истребил. Главнокомандующий Луций Сципион в бурное время столкнулся на море с неприятельскими кораблями. Он вел себя доблестно; когда же его захватили, то он умертвил себя и был брошен в море.

Дополнительная литература:

1. Дуров В.С. Юлий Цезарь: человек и писатель. Л., 1991. 208 с.
2. Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1984. 342 с.
3. Этьер Р. Юлий Цезарь. М., 2009. 299 с.

Тема 9

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЦЕЗАРЯ (44-31 гг. до н.э.)

1. Начало гражданской войны. Битва при Мутине. Заключение II триумвирата.

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга II. Пер. А.И. Немировского.

IV. 4. Первый толчок к гражданским волнениям дало завещание Цезаря. Антоний, второй его наследник, придя в ярость от того, что предпочтение было отдано Октавию, упорно противодействовал введению одаренного юноши в наследство. (2) Его, едва достигшего восемнадцати лет, он считал изнеженным слабым юнцом, которого легко обмануть, а себя, благодаря совместной службе с Цезарем, человеком высшего достоинства. Поэтому он пытался расстроить вступление Октавия в наследование расхищением имущества, преследовал его личными нападками и всеми средствами мешал введению в род Юлиев. (3) Наконец, он выступил против юноши открыто, с оружием, и уже набрал армию, которая в Цизальпинской Галлии окружила препятствовавшего ее операциям Децима Брута. (4) Октавий Цезарь привлек к себе симпатии молодостью, допущенной по отношению к нему несправедливостью и величием имени, которое он принял. Он призвал к оружию ветеранов и — во что трудно поверить, — будучи частным лицом, напал на консула. (5) Сняв осаду Мутины, он освободил Брута и захватил лагерь Антония. При этом он проявил личную храбрость: будучи ранен и истекая кровью, выхватил легионного орла из рук умирающего знаменосца и отнес на своих плечах в лагерь…

IV. 6. Хотя Антоний сам по себе был достаточным препятствием к миру и обузой для государства, Лепид как бы добавил в пламя жару. Как быть, если против тебя два консула и две армии? Октавиану пришлось примкнуть к сообществу кровавого заговора. Различны были как стремления, так и природные качества триумвиров. (2) Лепидом руководила алчность, возлагавшая надежды на расстройство порядка в государстве, Антонием — жажда мести тем, кто объявил его врагом отечества, Цезарем — неотмщенный отец и ненавистные его манам Кассий и Брут. (3) Ради этого своеобразного договора три вождя заключили мир. У Конфлуентов, между Перузией и Бононией, они пожали друг другу руки и приветствовали войско. Триумвират вступил в силу, и в государство, подавленное оружием, вернулись, следуя недоброму примеру, проскрипции, жертвы которых — сто сорок сенаторов — не уступали сулланским. (4) Бесславный, печальный конец ожидал

тех, кто искал опасения в бегстве по всему миру. И можно ли сетовать на эту жестокость, если Антоний включил в проскрипционный список своего дядю Луция Цезаря, а Лепид — брата Луция Павла. (5) Давно уже в Риме стало обычаем выставлять на рострах головы казненных. Однако граждане так и не смогли сдержать слез, когда увидели отрубленную голову Цицерона на его же собственных рострах, и, как прежде сбегались слушать, так теперь сбежались посмотреть. (6) Это преступление таблиц Антония и Лепида. Октавиан довольствовался убийцами отца: если б убийство Цезаря осталось неотомщенным, считалось бы справедливым убийство его самого.

2. Военные действия триумвиров против республиканцев.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Брут. Пер. С.П. Маркиша.

18. Итак, Цезарь умер, и Брут, выступив вперед, хотел произнести речь. Но как ни успокаивал он сенаторов, как ни старался удержать их на месте, все в ужасе, в величайшем смятении бежали, и у двери началась жестокая давка, хотя никто за ними не гнался: заговорщики твердо положили не убивать никого, кроме Цезаря, но всех призвать к освобождению. Правда, когда они обдумывали и обсуждали свой план, все высказывались за то, чтобы умертвить еще Антония, человека дерзкого и наглого, приверженца единовластия, ибо долгим общением с солдатами он приобрел большое влияние в войске, а главное – с неуемным и буйным нравом соединил теперь высокое достоинство консула, будучи товарищем Цезаря по должности. Но Брут решительно воспротивился этому намерению, во-первых, взывая к справедливости, а во-вторых, надеясь, что Антоний переменится. Он верил, что этот человек – с добрыми задатками, честолюбивый и жадный до славы – после убийства Цезаря будет увлечен их примером, их прекрасною целью и поможет отечеству вернуть утраченную свободу. Так Брут спас Антонию жизнь, но тот, охваченный страхом, переоделся в платье простолюдина и бежал.
Между тем Брут и его товарищи, с окровавленными руками, потрясая обнаженными мечами и кинжалами, двинулись вверх, на Капитолий, призывая сограждан к освобождению. Поначалу всюду звучали отчаянные крики, люди метались с места на место, увеличивая смятение, вызванное непредвиденным поворотом событий, но, убеждаясь, что ни дальнейшего кровопролития, ни грабежа брошенных без присмотра денег и товаров не происходит, все мало-помалу успокоились, и многие из сенаторов и незнатных граждан начали стекаться к Капитолию. Когда собралась большая толпа, Брут произнес подходящую к случаю речь, стараясь оправдаться перед народом и склонить его на свою сторону. Собравшиеся отвечали громкими похвалами и призывали всех сойти вниз, так что заговорщики, ободрившись, стали спускаться на форум. Во главе их шел Брут в блестящем окружении виднейших граждан; они торжественно свели его с Капитолия и поставили на ораторское возвышение. Это зрелище смутило пеструю и далеко не мирно настроенную толпу на форуме, она притихла и чинно ждала, что будет дальше. Когда Брут начал говорить, его не перебивали и слушали спокойно, но случившееся было по душе отнюдь не каждому, и это обнаружилось, едва только вперед выступил Цинна с обвинениями против убитого: площадь огласилась гневными воплями, Цинну осыпали бранью, так что в конце концов, заговорщикам пришлось снова удалиться на Капитолий. Брут опасался осады и, считая несправедливым, чтобы не участвовавшие в деле подвергали себя опасности наравне с ним и его товарищами, отослал лучших граждан, которые вместе с ним поднялись в крепость.
19. На другой день, однако, сенаторы сошлись на заседание в храм Земли и, выслушав Антония, Планка и Цицерона, – все трое говорили о единодушии и забвении прошлого, – постановили не только считать заговорщиков свободными от вины, но и просить консулов представить сенату мнение, какими наградами следует их почтить. После заседания Антоний немедленно отправил сына заложником на Капитолий, и когда Брут и его

сообщники спустились, пошли взаимные приветствия и объятия, а затем Антоний пригласил к обеду Кассия, Лепид – Брута, и так каждый получил приглашение от кого-либо из своих друзей или доброжелателей. С первыми лучами солнца снова собрался сенат. Засвидетельствовав вначале свою признательность Антонию, за то, что он пресек междоусобную войну в самом зародыше, и обратившись с похвалами к тем из заговорщиков, которые присутствовали в курии, сенаторы произвели распределение провинций. Бруту был назначен Крит, Кассию – Африка, Требонию – Азия, Кимвру – Вифиния, другому Бруту – Галлия, что лежит по Эридану.

20. После этого заговорили о завещании и похоронах Цезаря, и Антоний требовал огласить завещание во всеуслышание, а тело предать погребению открыто и с надлежащими почестями – дабы лишний раз не озлоблять народ; Кассий резко возражал Антонию, но Брут уступил, совершив, по общему суждению, второй грубый промах. Его уже и прежде обвиняли в том, что, пощадив Антония, он сохранил жизнь жестокому и до крайности опасному врагу, а теперь, когда он согласился, чтобы Цезаря хоронили так, как желал и настаивал Антоний, это сочли ошибкою и вовсе непоправимой. Прежде всего, Цезарь отказывал каждому из римлян по семидесяти пяти драхм и оставлял народу свои сады по ту сторону реки (ныне там воздвигнут храм Фортуны) – и, узнав об этом, граждане ощутили пламенную любовь к убитому и горячую тоску по нему. Далее, когда тело было вынесено на форум, Антоний, произнося в согласии с обычаем похвальную речь умершему, заметил, что толпа растрогана его словами, переменил тон и с горестными сетованиями схватил и развернул окровавленную тогу Цезаря, всю изодранную мечами. От порядка и стройности погребального шествия не осталось и следа. Одни неистово кричали, грозя убийцам смертью, другие – как в минувшее время, когда хоронили народного вожака Клодия, – тащили из лавок и мастерских столы и скамьи и уже складывали громадный костер. На эту груду обломков водрузили мертвое тело и подожгли – посреди многочисленных храмов, неприкосновенных убежищ и прочих священных мест. А когда пламя поднялось и загудело, многие стали выхватывать из костра полуобгоревшие головни и мчались к домам заговорщиков, чтобы предать их огню. Но Брут и его единомышленники, надежно приготовившись заранее, отразили опасность.

Жил в Риме некий Цинна, поэт, не имевший к заговору ни малейшего отношения, напротив – верный друг Цезаря. Ему приснилось, будто Цезарь зовет его на обед, он отказывается, а тот упорно настаивает и, в конце концов, берет его – изумленного и испуганного – за руку и силою ведет в какое-то обширное и темное место. После этого сна его лихорадило всю ночь до рассвета, но утром, когда начался обряд погребения, Цинна постыдился остаться дома и вышел. Толпа между тем уже бушевала, его увидели и, приняв не за того, кем он был на самом деле, но за другого Цинну, который недавно поносил Цезаря на форуме, растерзали в клочья.

21. Этот ужасный случай всего более – наряду с переменой в поведении Антония – напугал Брута и его друзей, и они покинули Рим. Первое время они оставались в Антии, рассчитывая вернуться, как только ярость народа уляжется и утихнет, а этого, полагали они, дождаться будет нетрудно, ибо порывы, владеющие толпою, неверны и мимолетны. Кроме того, они располагали поддержкой сената, который, правда, оставил убийц Цинны безнаказанными, но пытался выловить и заключить под стражу поджигателей, напавших в день похорон на их дома. Уже и простой люд начинал тяготиться Антонием, который сделался чуть ли не единоличным властителем, и тосковать по Бруту. Ожидали, что он сам будет руководить и распоряжаться играми, которые должен был устроить по долгу претора, но Брут узнал, что многие старые воины, прежде служившие под началом Цезаря и получившие от него землю в деревнях и близ городов, замышляют отомстить его убийце и небольшими отрядами стекаются в Рим, а потому не посмел приехать. Тем не менее игры были даны и отличались большою пышностью и великолепием, несмотря на отсутствие претора, который заранее скупил великое множество диких зверей и теперь

распорядился ни единого не продавать и не оставлять, но всех до последнего выпустить на арену. Сам он нарочно отправился в Неаполь, чтобы встретить большую труппу актеров, а друзьям писал, чтобы они уговорили выступить некоего Канутия, который тогда пользовался на театре громадным успехом, – уговорили, ибо принуждать силою никого из греков не годится. Писал он и Цицерону и просил его быть на играх непременно.

22. В таком-то вот положении находились дела, когда в Рим прибыл молодой Цезарь, и события немедленно изменили свой ход. Это был внучатый племянник Цезаря, по завещанию им усыновленный и назначенный наследником. Во время убийства он находился в Аполлонии, занимаясь науками и поджидая Цезаря, намеревавшегося в самом ближайшем будущем выступить походом на парфян. Узнав о случившемся, молодой человек немедленно приехал в Рим. Торопясь приобрести благосклонность народа, он, первым делом, принял имя Цезаря и, распределяя между гражданами деньги, которые им оставил его приемный отец, одним ударом пошатнул положение Антония, а щедрыми раздачами привлек и переманил на свою сторону многих старых солдат Цезаря. Когда же, из ненависти к Антонию, приверженцем молодого Цезаря сделался и Цицерон, Брут резко порицал его и писал, что Цицерон не властью господина тяготится, но лишь испытывает страх перед злым господином и, когда он и в речах и в письмах клянется, будто молодой Цезарь – достойный человек, он просто-напросто выбирает себе ярмо полегче. «Но предки наши не смирялись, – продолжает Брут, – и с добрыми господами!» Сам он еще твердо не решил, начинать ли войну или хранить спокойствие, но одно ему ясно уже теперь – никогда и ни за что он не будет рабом. И он не может не удивляться тому, что Цицерон, который так отчаянно боится ужасов междоусобной войны, позорного и бесславного мира не боится и в уплату за ниспровержение одного тиранна – Антония – требует для себя права поставить тиранном Цезаря.

23. Так писал Брут в первых своих письмах. Но видя, что государство разделилось на два враждебных стана – стан Цезаря и стан Антония, что войска, словно на продаже с торгов, изъявляют готовность присоединиться к тому, кто больше заплатит, он, в совершенном отчаянии, решил покинуть Италию и сухим путем, через Луканию, добрался до Элеи, что на берегу моря. Оттуда Порции предстояло вернуться в Рим. Она пыталась скрыть волнение и тоску, но, несмотря на благородную высоту нрава, все же выдала свои чувства, рассматривая картину какого-то художника, изображавшую сцену из греческой истории: Андромаха прощается с Гектором и, принимая сына из его рук, пристально глядит на супруга. Видя образ своих собственных страданий, Порция не могла сдержать слез и все плакала, много раз на дню подходя к картине. Когда же Ацилий, один из друзей Брута, прочитал на память обращенные к Гектору слова Андромахи:

Гектор, ты все мне теперь – и отец, и любезная матерь.
Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный.

– Брут улыбнулся и заметил: «А вот мне никак нельзя сказать Порции то же, что говорит Андромахе Гектор:

Тканьем, пряжей займись, приказывай женам домашним.

Лишь по природной слабости тела уступает она мужчинам в доблестных деяниях, но помыслами своими отстаивает отечество в первых рядах бойцов – точно так же, как мы». Об этом разговоре сообщает сын Порции Бибул.

24. Из Элеи Брут поплыл в Афины. Народ приветствовал его не только восторженными кликами на улицах, но и особыми постановлениями Собрания. Поселившись у одного из своих гостеприимцев, Брут ходил слушать академика Феомнеста и перипатетика Кратиппа и, занимаясь с ними философией, казалось, с головою был погружен в науку, но между тем, исподволь, вел приготовления к войне. Он отправил в Македонию Геростратa,

чтобы расположить в свою пользу начальников тамошних войск, и сплачивал вокруг себя молодых римлян, которые учились в Афинах. Среди них был и сын Цицерона. Брут расхваливал его на все лады и говорил, что и во сне и наяву восхищается редкостным благородством юноши и его ненавистью к тираннии. Наконец, он переходит к открытым действиям и, узнав, что от азиатского берега отошло несколько римских судов, груженных деньгами и находящихся под командою претора, отличного человека и доброго его знакомца, выходит к Кариcту ему навстречу. Брут убедил претора передать суда и груз в его распоряжение, а затем принимал его у себя. Пир отличался особою пышностью (Брут справлял день своего рождения), и когда, покончив с едою и перейдя к вину, гости пили за победу Брута и свободу римлян, хозяин, желая воодушевить собравшихся еще сильнее, потребовал себе чашу, но, приняв ее, без всякой видимой причины вдруг произнес следующий стих:

Грозная Мойра меня и сын Лет**о** погубили.

В дополнение к этому писатели сообщают, что накануне своей последней битвы Брут дал воинам пароль «Аполлон». Вот почему в стихе, который сорвался тогда у него с уст, видят знамение, предвозвестившее разгром при Филиппах.

25. После этого Антистий передает ему пятьсот тысяч драхм из тех денег, какие должен был отвезти в Италию, а все остатки Помпеева войска, еще скитавшиеся в фессалийских пределах, начинают радостно собираться под знамена Брута. У Цинны Брут забрал пятьсот конников, которых тот вел к Долабелле в Азию. Приплыв в Деметриаду, он завладел большим складом оружия, которое было запасено по приказу старшего Цезаря для парфянского похода, а теперь ждало отправки к Антонию.

Претор Гортензий уже уступил Бруту власть над Македонией, а все цари и правители окрестных земель уже обещали ему свою поддержку, когда пришла весть, что брат Антония, Гай, переправившись из Италии и высадившись, немедленно двинулся на соединение с войском Ватиния, занимавшим Эпидамн и Аполлонию. Чтобы упредить Гая и расстроить его планы, Брут внезапно выступил со своими людьми и, несмотря на сильнейший снегопад и бездорожье, шел с такою быстротой, что намного опередил подсобный отряд, который нес продовольствие. Но вблизи Эпидамна, от усталости и стужи, на него напал волчий голод. Главным образом недуг этот поражает скот и людей, измученных долгим пребыванием под снегом, – то ли потому, что при охлаждении и уплотнении тела вся теплота его уходит внутрь и до конца переваривает всю принятую человеком пищу, либо же, напротив, оттого, что едкие и тонкие испарения тающего снега пронизывают тело и губят его теплоту, выгоняя ее наружу. Ведь и испарина, сколько можно судить, вызывается теплотою, угашаемою встречей с холодом на поверхности тела. Более подробно этот вопрос рассматривается в другом сочинении.

26. Брут лишился чувств, и так как ни у кого из воинов не было с собою ничего съестного, его приближенные вынуждены были обратиться за помощью к неприятелю. Подойдя к городским воротам, они попросили у караульных хлеба. Но те, узнавши, что Брут заболел, явились сами и принесли ему еды и питья. В благодарность за услугу Брут, овладев городом, обошелся милостиво и дружелюбно не только с этими воинами, но – ради них – и со всеми прочими. Между тем Гай Антоний прибыл в Аполлонию и созывал туда всех воинов, размещенных неподалеку. Но воины уходили к Бруту, и убедившись, что Бруту сочувствуют жители города, Гай выступил в Буфрот. Еще в пути он потерял три когорты, которые были изрублены Брутом, а затем, пытаясь отбить у противника выгодные позиции близ Биллиды, завязал сражение с Цицероном и потерпел неудачу. (Молодой Цицерон был у Брута одним из начальников и много раз одерживал победы над врагом.) Вскоре после этого Гай, оказавшись среди болот, слишком рассредоточил боевые силы, и тут его настиг сам Брут; не позволяя своим нападать, он окружил противника отрядами конницы и распорядился щадить его – в надежде, что спустя совсем немного эти воины

будут под его командой. И верно – они сдались сами и выдали своего полководца, а войско Брута сделалось многочисленным и грозным. Пленному Гаю он оказывал долгое время полное уважение и даже не лишил его знаков власти, хотя многие, в том числе и Цицерон, писали ему из Рима, настоятельно советуя казнить этого человека. Когда же Гай вступил в тайные переговоры с военачальниками Брута и попытался вызвать мятеж, Брут велел посадить его на корабль и зорко сторожить. Воины, которые, поддавшись соблазну, стеклись в Аполлонию, звали туда Брута, но он отвечал, что это противно римским обычаям и что они сами должны прийти к полководцу и умолять его о милости и снисхождении к их проступкам. Они выполнили его условие, и Брут их простил.

27. Брут собирался переправиться в Азию, когда получил сообщение о случившихся в Риме переменах. Сенат поддержал молодого Цезаря в борьбе с Антонием, и Цезарь, изгнав своего врага из Италии, теперь уже сам внушал страх и тревогу, ибо вопреки законам домогался консульства и содержал громадное войско – без всякой нужды для государства. Видя, однако, что сенат недоволен и обращает взоры за рубеж, к Бруту, и даже особым постановлением утвердил за ним его провинции, Цезарь испугался. Он отправил к Антонию гонца с предложением дружбы, а потом окружил город своими солдатами и таким образом добился консульства, хотя был еще совершеннейший мальчишка и не достиг даже двадцати лет, как сказано в его же собственных «Воспоминаниях». Немедленно вслед за тем он возбуждает против Брута и его товарищей уголовное преследование за убийство без суда первого из высших должностных лиц в государстве. Обвинителем Брута он назначил Луция Корнификия, обвинителем Кассия – Марка Агриппу. Они были осуждены заочно, причем судьи подавали голоса, подчиняясь угрозам и принуждению. Рассказывают, что когда глашатай, в согласии с обычаем, выкликал с ораторского возвышения имя Брута, вызывая его на суд, народ громко застонал, а лучшие граждане молча понурили головы, Публий же Силиций у всех на глазах разразился слезами, за что имя его, спустя немного, было внесено в список обрекаемых на смерть. После этого трое – Цезарь, Антоний и Лепид – заключили союз, поделили между собою провинции и истребили, объявив вне закона, двести человек. В числе погибших был и Цицерон.

28. Когда весть об этом достигла Македонии, Брут оказался перед необходимостью написать Гортензию, чтобы он казнил Гая Антония – в отместку за смерть Брута Альбина и Цицерона: с первым Брута связывало родство, со вторым дружба. Вот почему впоследствии, после битвы при Филиппах, Антоний, захватив Гортензия в плен, приказал заколоть его на могиле своего брата. Брут о кончине Цицерона говорил, что сильнее, чем скорбь и сострадание, его сокрушает стыд при мысли о причинах этой смерти, и вину за все случившееся возлагал на друзей в Риме. Они сами, больше, чем тиранны, виновны в том, что влачат рабскую долю, восклицал Брут, если терпеливо смотрят на то, о чем и слышать-то непереносимо!

Перевезя свое – теперь уже внушительное и мощное – войско в Азию, Брут приказал снаряжать корабли в Вифинии и близ Кизика, а сам подвигался сушею, улаживая дела городов и ведя переговоры с властителями. Одновременно он послал гонца в Сирию, чтобы вернуть Кассия из египетского похода, ибо, как писал ему Брут, не державы для себя ищут они, но хотят освободить отечество и того лишь ради скитаются по свету, собирая военную силу, с помощью которой низложат тираннов. Всякий миг и час им следует держать в уме эту главную цель, а потому не удаляться от Италии, но спешить домой на помощь согражданам. Кассий согласился с этими доводами и повернул назад, а Брут выступил ему навстречу. Они встретились близ Смирны – впервые с тех пор, как расстались в Пирее и один направился в Сирию, а другой в Македонию, – и оба ощутили живейшую радость и твердую надежду на успех при виде войска, которое собрал каждый из них. И верно, ведь они покинули Италию наподобие самых жалких изгнанников, безоружными и нищими, не имея ни судна с гребцами, ни единого солдата, ни города, готового их принять, и вот, спустя не так уж много времени, они сходятся снова,

располагая и флотом, и конницей, и пехотою, и деньгами в таком количестве, что способны достойно соперничать со своими противниками в борьбе за верховную власть в Риме.

29. Кассий желал, чтобы они с Брутом пользовались равными почестями, но Брут опередил и превзошел его желание, и обыкновенно приходил к нему сам, принимая в расчет, что Кассий старше годами и менее вынослив телом. Кассий пользовался славою опытного воина, но человека раздражительного и резкого, который подчиненным не внушает ничего, кроме страха, и слишком охотно и зло потешается насчет друзей, Брута же за его нравственную высоту ценил народ, любили друзья, уважала знать, и даже враги не питали к нему ненависти, ибо он был на редкость мягок и великодушен, неподвластен ни гневу, ни наслаждению, ни алчности и с непреклонною твердостью держался своего мнения, отстаивая добро и справедливость. Всего более, однако, славе и влиянию Брута способствовала вера в чистоту его намерений. В самом деле, даже от Помпея Великого никто всерьез не ожидал, что в случае победы над Цезарем он откажется от власти и подчинится законам, напротив, все опасались, как бы он не удержал власть навсегда, назвав ее, – чтобы успокоить народ, – именем консульства или диктатуры, или какой-либо иной, более скромной и менее высокой должности. Что же касается Кассия, такого горячего и вспыльчивого, так часто отступавшего от справедливости ради собственной выгоды, и сомнений-то почти не было, что он воюет, терпит скитания и опасности, ища лишь могущества и господства для себя, а отнюдь не свободы для сограждан. Ведь и в более ранние времена люди вроде Цинны, Мария, Карбона обращали отечество в военную добычу или, если угодно, в награду победителю на состязаниях и разве что во всеуслышание не объявляли, что вооруженною рукой оспаривают друг у друга тираннию. Однако ж Брута, сколько нам известно, даже враги не обвиняли в подобной переменчивости и вероломстве, а Антоний в присутствии многих свидетелей говорил, что, по его мнению, один лишь Брут выступил против Цезаря, увлеченный кажущимся блеском и величием этого деяния, меж тем как все прочие заговорщики просто-напросто ненавидели диктатора и завидовали ему. Вот почему Брут, как явствует из его писем, не столько полагался на свою силу, сколько на нравственную высоту. Так, когда решающий миг уже близится, он пишет Аттику, что нет судьбы завиднее его: либо он выйдет из битвы победителем и освободит римский народ, либо погибнет и тем самым избавит себя от рабства. «Все остальное для нас ясно и твердо определено, – продолжает Брут, – неизвестно только одно – предстоит ли нам жить, сохраняя свою свободу, или же умереть вместе с нею». Марк Антоний, говорится в том же письме, терпит достойное наказание за свое безрассудство. Он мог бы числиться среди Брутов, Кассиев и Катонов, а стал прихвостнем Октавия, и если теперь не понесет поражения с ним вместе, то вскорости будет сражаться против него. Этими словами Брут словно бы возвестил будущее, и возвестил точно.

30. В Смирне Брут просил Кассия поделиться с ним деньгами, – которых тот собрал немало, – ибо все, что было у него самого, он израсходовал на постройку флота, достаточно многочисленного, чтобы сделать их безраздельными хозяевами Средиземного моря. Друзья не советовали Кассию давать деньги. «Несправедливо! – кричали они. – Ты берёг и хранил, ты взимал и взыскивал, навлекая на себя всеобщую ненависть, а плоды забирает Брут, чтобы угождать своим солдатам!» Тем не менее Кассий отдал Бруту третью часть своей казны.

После этого они снова расстались, и каждый принялся за свои дела. Кассий взял Родос и обошелся с жителями очень жестоко, – и это после того, как, вступая в город, отвечал тем, кто приветствовал его именем царя и владыки: «Не царь и не владыка, но убийца и каратель владыки и царя!» Брут требовал у ликийцев денег и воинов, но народный вожак Навкрат склонил города к мятежу, и ликийцы заняли несколько высот, чтобы помешать Бруту вторгнуться в их страну. Сперва Брут двинул против них свою конницу, которая напала на врага во время завтрака и перебила шестьсот человек, а потом, захватив

несколько крепостей и городков, отпустил всех пленных без выкупа, надеясь привлечь к себе народ добротою. Но ликийцы были строптивы, урон, который они несли, крайне их озлоблял, а снисходительность и человеколюбие Брута нимало не трогали, и в конце концов Брут загнал самых горячих и воинственных среди них в Ксанф и осадил город.
Осажденные пытались бежать, переплыв под водою реку, что протекала у стен Ксанфа, но запутывались в расставленных на глубине сетях, которые звоном колокольцев, привязанных к поплавкам, немедленно выдавали попадавшихся. Тогда ксанфийцы сделали ночью вылазку и подожгли часть осадных машин, но римляне быстро заметили противника и оттеснили его назад, а когда сильные порывы ветра стали перебрасывать языки пламени через крепостные зубцы и занялись близлежащие дома, Брут испугался за судьбу всего города и приказал своим помочь горожанам тушить пожар. 31. Но ликийцев внезапно охватило чудовищное, поистине неописуемое безумие, которое скорее всего следовало бы назвать жаждою смерти. Люди всех возрастов, свободные и рабы, вместе с женщинами, с детьми, взбирались на стены и оттуда копьями и стрелами осыпали неприятелей, спешивших им на помощь, а сами тащили камыш, дрова и вообще все, что легко воспламеняется и горит, и таким образом разнесли огонь повсюду, беспрерывно его поддерживая и всячески раздувая его ярость. Пламя опоясало Ксанф сплошным кольцом и ослепительно полыхало в ночной мгле, а Брут, глубоко потрясенный тем, что совершалось у него на глазах, проезжал верхом вдоль городских стен, страстно желая помочь, простирал руки к осажденным и упрашивал их пожалеть и спасти свой город. Но никто его не слушал, все стремились любым способом лишить себя жизни, – не только мужчины и женщины, но даже малые дети: с криками и воплями они прыгали в огонь, бросались вниз головой со стен, подставляли горло или обнаженную грудь под отцовский меч и молили разить без пощады. Когда город уже погиб, римляне заметили женщину, висевшую в петле, к шее удавленницы был привязан мертвый ребенок, и мертвой рукой она подносила горящий факел к своему жилищу. Столь страшным было это зрелище, что Брут не решился на него взглянуть, но, услышав рассказ очевидцев, заплакал и через глашатая посулил награду воинам, которые спасут жизнь хотя бы одному ликийцу. Сообщают, что набралось всего сто пятьдесят человек, не противившихся спасению и не уклонившихся от него. Так ксанфийцы, спустя долгое время, словно бы завершили назначенный судьбою круг и своею неукротимой отвагою пробудили воспоминание об участи их предков, которые в войну с персами подобным же образом сожгли и разрушили свой город и погибли от собственной руки.
32. Патары упорно отказывали римлянам в повиновении, и Брут не решался напасть на город, боясь такого же безумия, как в Ксанфе. После долгих размышлений он отпустил без выкупа несколько женщин из Патар, захваченных его солдатами. То были жены и дочери видных граждан, и своими рассказами о Бруте, о его необыкновенной честности и справедливости они убедили отцов и мужей смириться и сдать город римлянам. После этого и все прочие ликийцы покорились и доверились Бруту. Его честность и доброжелательность превзошли все их ожидания, ибо в то самое время, когда Кассий заставил родосцев выдать все золото и серебро, какое было у каждого в доме (из этих взносов составилась сумма около восьми тысяч талантов), да сверх того обязал город в целом уплатить еще пятьсот талантов, в это самое время Брут взыскал с ликийцев сто пятьдесят талантов и, не причинив им более никакого вреда или же убытка, ушел в Ионию.
33. Среди многих достопамятных поступков, которые совершил Брут, награждая и карая по заслугам, я расскажу лишь об одном, доставившем наибольшее удовлетворение и самому Бруту и благороднейшим из римлян. Когда Помпей Магн, разбитый Цезарем и лишившийся своей великой власти, бежал и приблизился к египетскому берегу у Пелусия, опекуны малолетнего царя держали совет с друзьями, и мнения разделились – одни считали нужным принять беглеца, другие советовали не впускать его в Египет. Но некий хиосец Феодот, нанятый к царю учителем красноречия и, за недостачею более достойных,

тоже приглашенный на совет, объявил, что и те и другие не правы и что в сложившихся обстоятельствах единственно целесообразное решение – принять Помпея, а затем его умертвить. И в заключение речи примолвил, что, дескать, мертвец не укусит. Все согласились с Феодотом, и Помпей Магн пал, явивши своею участью пример величайшей неожиданности, подстерегающей человека, и гибель его была плодом и следствием изощренного красноречия софиста, как похвалялся сам Феодот. Немного спустя в Египет прибыл Цезарь, и все эти злодеи понесли жестокую кару и расстались с жизнью, только Феодот получил от судьбы отсрочку, но, вдосталь вкусив позора, нищеты и бездомных скитаний, в конце концов, не укрылся от взора Брута, когда тот проходил через Азию. Злодея привели на суд и казнили, и смертью своей он приобрел больше известности, нежели жизнью.

34. Брут звал Кассия к себе в Сарды и выступил ему навстречу вместе с друзьями, а все войско, выстроенное в полном вооружении, провозгласило обоих императорами. Но, как всегда бывает в важных предприятиях, сопряженных с участием многих друзей и полководцев, у обоих накопились обвинения и жалобы, и первым делом, прямо с дороги, они заперлись вдвоем и, с глазу на глаз, принялись осыпать друг друга упреками, потом перешли к прямым нападкам и обличениям, а под конец даже полились слезы и зазвучали слова, чересчур страстные и прямолинейные, так что друзья за дверями дивились их ожесточению и силе гнева и опасались, как бы разговор этот не кончился бедою, однако ж войти, памятуя строгий запрет, не смели. Только Марк Фавоний, горячий поклонник Катона, в любви своей к философии высказывавший больше необузданного чувства, чем здравого размышления, все же попытался проникнуть внутрь. Слуги задержали его на пороге, но не так-то просто было остановить Фавония, рвущегося к цели, – в любых обстоятельствах он действовал одинаково стремительно и буйно. Свое достоинство римского сенатора он не ставил ни во что, и нередко киническою откровенностью речей заглушал их оскорбительный смысл, так что грубая его назойливость воспринималась как шутка. Вот и в тот раз, оттолкнув стражу, он силою ворвался в двери и деланным голосом произнес гомеровские стихи, вложенные поэтом в уста Нестору:

Но покоритесь, могучие! оба меня вы моложе

и так далее, Кассий рассмеялся, но Брут выгнал Фавония, обозвав его грязным псом и лжепсом. Все же вторжение Фавония положило спору конец, и они разошлись. Затем Кассий давал обед, на который Брут позвал своих друзей. Все уже легли за стол, когда появился Фавоний, только что после купания. Брут объявил во всеуслышание, что этого гостя никто не приглашал, и велел ему поместиться на верхнем ложе, но Фавоний оттолкнул служителей и улегся на среднем. И за вином царили веселые шутки, перемежавшиеся приятными рассказами и философской беседою.

35. На другой день Брут разбирал дело римлянина Луция Оцеллы, бывшего претора и доверенного своего помощника, которого сардийцы обвиняли в хищении казенных денег, и осудив его, лишил гражданской чести. Это чрезвычайно раздосадовало Кассия. Сам он незадолго до того, когда двоих его друзей изобличили в таком же точно преступлении, изругал их с глазу на глаз, но в открытом заседании оправдал и продолжал пользоваться их услугами. Он даже порицал Брута за чрезмерную приверженность законам и справедливости в такое время, которое требует гибкости и снисходительности. Но Брут просил его вспомнить иды марта, когда они убили Цезаря, – а ведь Цезарь сам не грабил всех подряд, он только давал возможность делать это другим. А стало быть, если и существует какое-либо основание, позволяющее не думать о справедливости, то уж лучше было бы терпеть бесчинства друзей Цезаря, чем смотреть сквозь пальцы на бесчинства собственных друзей. «Да, – пояснил Брут свою мысль, – ибо тогда нас корили бы только за трусость, а теперь, к довершению всех трудов наших и опасностей, мы прослывем врагами справедливости». Таковы были правила и убеждения Брута.

36. Когда они уже готовились переправиться из Азии в Европу, Бруту, как сообщают, явилось великое и удивительное знамение. Он и от природы был не сонлив, а упражнениями и непримиримою строгостью к себе сократил часы сна донельзя, так что днем вообще не ложился, а ночью – лишь после того, как не оставалось ни единого дела, которым он мог бы заняться, и ни единого человека, с которым он мог бы вести беседу. А в ту пору, когда война уже началась и исход всего начатого был в руках Брута, а мысли и заботы его были устремлены в будущее, он обыкновенно с вечера, сразу после обеда, дремал недолго, чтобы всю оставшуюся часть ночи посвятить неотложным делам. Если же он все завершал и приводил в порядок скорее обычного, то читал какую-нибудь книгу, вплоть до третьей стражи – пока не приходили с докладом центурионы и военные трибуны. Итак, он собирался переправлять войско в Европу. Была самая глухая часть ночи, в палатке Брута горел тусклый огонь; весь лагерь обнимала глубокая тишина. Брут был погружен в свои думы и размышления, как вдруг ему послышалось, будто кто-то вошел. Подняв глаза, он разглядел у входа страшный, чудовищный призрак исполинского роста. Видение стояло молча. Собравшись с силами, Брут спросил: «Кто ты – человек или бог, и зачем пришел?» Призрак отвечал: «Я твой злой гений, Брут, ты увидишь меня при Филиппах». – «Что ж, до свидания», – бесстрашно промолвил Брут.

37. Когда призрак исчез, Брут кликнул рабов. Они уверяли, что ничего не видели и не слышали никаких голосов. Всю ночь Брут не сомкнул глаз, а рано поутру отправился к Кассию и рассказал о своем видении. Кассий, который держался взглядов Эпикура и нередко беседовал об эпикурейской философии с Брутом, отвечал так: «По нашему учению, Брут, не все, что мы видим или же чувствуем, – истинно. Ощущение есть нечто расплывчатое и обманчивое, а мышление с необычайною легкостью сочетает и претворяет воспринятое чувствами в любые мыслимые образы предметов, даже не существующих в действительности. Ведь эти образы подобны отпечаткам на воске, и человеческая душа, которой свойственно не только воспринимать их, но и создавать самой, способна сама по себе, без малейших усилий, придавать им самые различные формы. Это видно хотя бы на примере сновидений, силою воображения создаваемых почти из ничего, однако же насыщенных всевозможными картинами и событиями. По своей природе душа находится в беспрерывном движении; движение ее и есть то, что мы называем представлениями и мыслями. Что же касается тебя, то, вдобавок ко всему, тело твое, измученное непосильными трудами, колеблет и смущает разум. Теперь о духах. Мы не верим в их существование, а если они существуют, то не могут иметь ни человеческого обличия, ни голоса, и власть их на нас не распространяется. Я бы, впрочем, хотел, чтобы все было иначе – тогда мы с тобою, возглавляя самое священное и самое прекрасное из всех людских начинаний, могли бы полагаться не только на пехоту, на конницу и на многочисленный флот, но и на помощь богов». Такими доводами пытался Кассий успокоить Брута.

Когда воины всходили на корабли, сверху слетели два орла и уселись на первые знамена. Они сопровождали войско до самых Филипп и кормились тем, что бросали им солдаты, но ровно за день до битвы улетели.

38. Б**о**льшая часть племен, землями которых следовало войско, уже покорилась Бруту, а если встречался город или властитель, раньше избегнувший его внимания, Брут и Кассий склоняли его на свою сторону теперь и так достигли морского берега против острова Фасоса. Там близ Симбола, в так называемых Теснинах, стоял лагерем Норбан. Страшась окружения, он вынужден был отойти и уступить позицию противнику, который едва не захватил Норбана вместе со всеми его людьми, – ибо Цезарь задерживался из-за болезни, – но Антоний подоспел на помощь с такой быстротой, что Брут просто не поверил своим глазам. Спустя десять дней появился и Цезарь и разбил лагерь напротив Брута, а напротив Кассия стал Антоний. Равнину, которая разделяла враждебные лагери, римляне называют «Филиппийские поля».

Никогда еще столь громадные войска римлян не сражались друг против друга. Числом солдат Брут намного уступал Цезарю, зато войско его отличалось поразительной красотою и великолепием вооружения. Почти у всех оружие было украшено золотом и серебром; на это Брут денег не жалел, хотя во всем остальном старался приучать начальников к воздержности и строгой бережливости. Он полагал, что богатство, которое воин держит в руках и носит на собственном теле, честолюбивым прибавляет в бою отваги, а корыстолюбивым – упорства, ибо в оружии своем они видят ценное имущество и зорко его берегут.

39. Цезарь произвел смотр войску и распорядился выдать каждому из солдат понемногу хлеба и по пяти драхм для жертвоприношения. Тогда Брут, в знак презрения к нужде или же скупости противника, сперва, в согласии с обычаем, устроил на открытом месте смотр и принес очистительные жертвы, а затем распределил по центуриям множество жертвенных животных, да еще сверх того каждый воин получил по пятидесяти драхм, так что в сравнении с неприятелем люди Брута обнаруживали куда больше преданности и рвения.

За всем тем во время смотра Кассию было дурное предзнаменование – ликтор протянул ему венок верхом вниз. Рассказывают, что еще до того, на каких-то играх, в торжественном шествии несли золотую статую Победы, принадлежавшую Кассию, но носильщик поскользнулся, и она упала на землю. Вдобавок, что ни день, над лагерем во множестве появлялись плотоядные птицы, а в одном месте внутри лагерных укреплений заметили рой пчел. Место это прорицатели огородили, чтобы с помощью искупительных обрядов унять суеверный страх, безраздельно завладевший воинами и мало-помалу начинавший смущать и самого Кассия, невзирая на его эпикурейские убеждения. Вот почему Кассий не был склонен немедленно решать исход войны битвою, но советовал отложить сражение и затянуть борьбу, поскольку денег у них достаточно, а численно они слабее врага. Но Брут и раньше стремился как можно скорее завершить дело битвой и либо вернуть отечеству свободу, либо избавить всех людей от бедствий, причиняемых бесконечными поборами, походами и военными распоряжениями, а теперь, видя, что его всадники берут верх во всех стычках и пробных схватках, утвердился в своих намерениях еще более. Кроме того, несколько отрядов перебежали на сторону противника, начались доносы и подозрения, что примеру их готовы последовать другие, и это обстоятельство заставило многих друзей Кассия принять на военном совете сторону Брута. Впрочем и среди друзей Брута нашелся один – Ателлий, – который поддержал Кассия и предлагал хотя бы переждать зиму. На вопрос Брута, что надеется он выгадать, дождавшись следующего года, Ателлий отвечал: «Да хоть проживу подольше, и на том спасибо!» Кассий был возмущен этим ответом, да и всех остальных до крайности раздосадовали слова Ателлия. Итак, решено было дать битву на другой день.

40. Брут был полон счастливых надежд, и после обеда, за которым не смолкали философские рассуждения, лег отдохнуть. Но Кассий, как сообщает Мессала, обедал в узком кругу самых близких друзей и был задумчив и молчалив, вопреки своему нраву и привычкам. Встав из-за стола, он крепко сжал Мессале руку и промолвил по-гречески (как всегда, когда хотел выказать особое дружелюбие): «Будь свидетелем, Мессала, я терплю ту же участь, что Помпей Магн, – меня принуждают в одной-единственной битве подставить под удар все будущее отечества. Не станем, однако ж, терять мужества и обратим взоры наши к Судьбе, ибо отказывать ей в доверии несправедливо, даже если решения наши окажутся неудачны!» И не прибавив больше ни слова, продолжает Мессала, Кассий обнял его; еще раньше он пригласил Мессалу назавтра к обеду – то был день его рождения.

На рассвете в лагерях Брута и Кассия был поднят сигнал битвы – пурпурный хитон, а сами полководцы встретились посредине, между лагерями, и Кассий сказал: «Я хочу, чтобы мы победили, Брут, и счастливо прожили вместе до последнего часа. Но ведь самые великие из человеческих начинаний – в то же время самые неопределенные по конечному своему

исходу, и если битва решится вопреки нашим ожиданиям, нам нелегко будет свидеться снова. Так скажи мне теперь, что думаешь ты о бегстве и о смерти?» и Брут отвечал: «Когда я был молод и неопытен, Кассий, у меня каким-то образом – уж и сам не знаю как – вырвалось однажды опрометчивое слово: я порицал Катона за то, что он покончил с собой. Мне представлялось и нечестивым, и недостойным мужа бежать от своей участи, не претерпеть бесстрашно все, что бы ни выпало тебе на долю, но скрыться, исчезнуть. Теперь я иного мнения. Если бог не судил нам удачи в нынешний день, я не хочу подвергать испытанию новые надежды и новые приготовления, но уйду с благодарностью судьбе за то, что в мартовские иды отдал свою жизнь отечеству и, опять-таки ради отечества, прожил еще одну жизнь, свободную и полную славы». Тогда Кассий улыбнулся, обнял Брута и промолвил: «Что же, с этими мыслями – вперед, на врага! Мы либо победим, либо не узнаем страха пред победителями».

Затем, в присутствии друзей, они уговорились насчет построения войска. Брут просил Кассия уступить начальствование над правым крылом ему, хотя, по общему суждению, и опыт, и годы давали Кассию больше прав на это место в строю. Тем не менее Кассий согласился и даже приказал стать на правое крыло самому лучшему и отважному из своих легионов во главе с Мессалою. И Брут, не теряя ни мгновения, бросил вперед свою пышно разубранную конницу и столь же стремительно начал строить в боевой порядок пехоту.

41. Тем временем Антоний вел от болота, у края которого находился его лагерь, рвы по направлению к равнине, чтобы отрезать Кассию путь к морю, а Цезарь, или, вернее, войска Цезаря, – ибо сам он был нездоров и в деле не участвовал, – спокойно выжидали, никак не предполагая, что неприятель завязывает сражение, но в полной уверенности, что это всего-навсего вылазка с целью помешать работам и распугать солдат-землекопов дротиками и грозным шумом. Не обращая внимания на тех, кто выстроился против их собственных позиций, они с изумлением прислушивались к громким, но невнятным крикам, доносившимся со стороны рвов.

Меж тем как сам Брут верхом на коне объезжал легионы, ободряя воинов, начальники, один за другим, получали написанные его рукою таблички с паролем. Но лишь немногие воины успели услышать пароль, который стали передавать по рядам, – большинство, не дождавшись команды, в едином порыве, с единым кличем ринулось на врага. Это беспорядочное движение сразу же искривило боевую линию и оторвало легионы друг от друга, и первым легион Мессалы, а за ним соседние соприкоснулись на ходу с левым флангом Цезаря. Едва вступив в схватку с передними рядами и сразив очень немногих, они обошли неприятеля и захватили лагерь. Как рассказывает сам Цезарь в своих «Воспоминаниях», одному из его друзей, Марку Арторию, во сне явилось видение, повелевшее, чтобы Цезарь поднялся с постели и покинул лагерь. Он подчинился – и едва успел выбраться за лагерные укрепления. Враги решили, что Цезарь мертв, ибо пустые его носилки были насквозь пробиты дотиками и метательными копьями. Победители учинили страшную резню и, кроме захваченных в самом лагере, уложили две тысячи лакедемонян, которые явились на помощь Цезарю в разгар битвы.

42. Те воины Брута, которые не участвовали в обходе неприятельского фланга, легко потеснили приведенного в замешательство врага и, изрубив в рукопашной три легиона, упоенные своим успехом, ворвались в лагерь на плечах беглецов. С ними был и сам Брут. Тут, однако, побежденные воспользовались благоприятным для них обстоятельством, которого не приняли в расчет победители: они нанесли ответный удар по лишенной прикрытия и уже вконец расстроенной боевой линии противника, правое крыло которой, увлекшись погонею, потеряло всякую связь с главными силами. Средина, правда, отбивалась с величайшим ожесточением, и ее сломить не удалось, но левое крыло, где царил беспорядок и где ничего не знали о ходе сражения, они обратили в бегство и гнали до самого лагеря, который и разорили, – без ведома обоих своих полководцев. В самом деле, Антоний, как сообщают, при первом же натиске неприятеля укрылся на болоте, а Цезарь, покинув лагерь, исчез без следа, и к Бруту даже являлись воины с донесением, что

убили Цезаря, потрясали окровавленными мечами и описывали наружность и годы. Наконец, после кровопролитного боя, средина отбросила врага, так что Брут одержал полную победу. Зато Кассий понес полное поражение, и вот что единственно сгубило обоих: Брут, полагая, что Кассий победил, не пришел ему на выручку, а Кассий думал, что Брут погиб, и не дождался его помощи. Мессала считает доказательством победы то, что они захватили у врага трех орлов и много иных знамен, тогда как враг не взял у них ничего.

Разрушив дотла лагерь Цезаря и возвращаясь назад, Брут удивился, не видя на прежнем месте ни шатра Кассия, возвышающегося, как обычно, над другими, ни остальных палаток (почти все они были сметены и опрокинуты, как только неприятель ворвался в лагерь). Несколько его приближенных, отличавшихся особою остротой глаза, говорили, что различают в лагере Кассия множество ярко сверкающих шлемов и серебряных щитов, которые движутся с места на место и ни по числу своему ни по внешнему виду не могут принадлежать страже, охраняющей лагерь. Впрочем, продолжали они, по ту сторону укреплений не видно и такой горы трупов, какая непременно осталась бы после разгрома стольких легионов. Эти слова первыми навели Брута на мысль, что стряслась беда. Он велел одному из отрядов нести стражу во вражеском лагере, а сам, прекратив погоню и собрав всех своих воедино, поспешил на подмогу Кассию.

43. Пора, однако, рассказать, что приключилось тем временем с Кассием. Его нисколько не обрадовал первый бросок людей Брута, которые пошли в наступление без пароля и без команды, и с большим неудовольствием следил он за дальнейшим ходом событий – за тем, как правое крыло одержало верх и тут же кинулось грабить лагерь, даже и не думая завершить окружение и сжать неприятеля в кольце. Но сам он вместо того, чтобы действовать с расчетом и решительностью, только медлил без всякого толка, и правое крыло врага зашло ему в тыл, и немедля конница Кассия дружно побежала к морю, а затем дрогнула и пехота. Пытаясь остановить воинов, вернуть им мужество, Кассий вырвал знамя у одного из бегущих знаменосцев и вонзил древко перед собою в землю, хотя даже его личная охрана не изъявляла более ни малейшего желания оставаться рядом со своим командующим. Так, волей-неволей, он с немногими сопровождающими отступил и поднялся на холм, с которого открывался широкий вид на равнину. Впрочем, сам он был слаб глазами и даже не мог разглядеть свой лагерь, который разоряли враги, но его спутники заметили приближающийся к ним большой отряд конницы. Это были всадники, посланные Брутом; Кассий, однако, принял их за вражескую погоню. Все же он выслал на разведку одного из тех, кто был подле него на холме, некоего Титиния. Всадники заметили Титиния и, узнавши друга Кассия и верного ему человека, разразились радостными криками; приятели его спрыгнули с коней и горячо его обнимали, а остальные скакали вокруг и, ликуя, бряцали оружием, и этот необузданный восторг стал причиною непоправимого бедствия. Кассий решил, что под холмом, и в самом деле, враги и что Титиний попался к ним в руки. Он воскликнул: «Вот до чего довела нас постыдная жажда жизни – на наших глазах неприятель захватывает дорогого нам человека!» – и с этими словами удалился в какую-то пустую палатку, уведя за собою одного из своих отпущенников, по имени Пиндар, которого еще со времени разгрома Красса постоянно держал при себе на случай подобного стечения обстоятельств. От парфян он благополучно спасся, но теперь, накинув одежду на голову, он подставил обнаженную шею под меч отпущенника. И голову Кассия нашли затем отдельно от туловища, а самого Пиндара после убийства никто не видел, и потому некоторые даже подозревали, что он умертвил Кассия но собственному почину. Прошло совсем немного – и всадники стали видны вполне отчетливо, а тут и Титиний с венком, которым его на радостях украсили, явился, чтобы обо всем доложить Кассию. Когда же он услыхал стоны и рыдания убитых горем друзей и узнал о роковой ошибке командующего и о его гибели, он обнажил меч и, отчаянно проклиная свою медлительность, закололся.

44. При первом же известии о поражении Брут поспешил к месту боя, но о смерти Кассия ему донесли уже вблизи лагеря. Брут долго плакал над телом, называл Кассия последним из римлян, словно желая сказать, что людей такой отваги и такой высоты духа Риму уже не видать, а затем велел прибрать и обрядить труп и отправить его на Фасос, чтобы не смущать лагерь погребальными обрядами. Собрав воинов Кассия, он постарался успокоить их и утешить. Видя, что они лишились всего самого необходимого, он обещал каждому по две тысячи драхм – в возмещение понесенного ущерба. Слова его вернули солдатам мужество, а щедрость повергла их в изумление. Они проводили Брута, на все лады восхваляя его и крича, что из четырех императоров один только он остался непобежденным в этой битве. И верно, течение событий показало, что Брут не без основания надеялся выйти из битвы победителем. С меньшим, чем у неприятеля, числом легионов он опрокинул и разбил все стоявшие против него силы, а если бы, к тому же в ходе боя смог воспользоваться всем своим войском, если бы б**о**льшая его часть не обошла вражеские позиции с фланга и не бросилась грабить, – вряд ли можно сомневаться, что противник был бы разгромлен наголову.

45. У Брута пали восемь тысяч (вместе с вооруженными рабами, которых Брут называл «бригами»). Однако противник, как утверждает Мессала, потерял более чем вдвое и потому был опечален и подавлен гораздо сильнее, но – лишь до тех пор, пока, уже под вечер, к Антонию не явился слуга Кассия, по имени Деметрий, и не принес ему снятые прямо с трупа одежды и окровавленный меч. Это настолько воодушевило вражеских начальников, что с первыми лучами солнца они вооружили своих и повели их в битву. Между тем в обоих лагерях Брута царили волнения и тревога, ибо собственный его лагерь был битком набит пленными и требовал сильной охраны, лагерь же Кассия не так-то уж легко и спокойно встретил смену полководца, а, вдобавок, потерпевшие поражение страдали от зависти и даже ненависти к своим более удачливым товарищам. Итак, Брут решил привести войско в боевую готовность, но от сражения уклоняться. Между пленными было множество рабов, и, обнаружив, что они замешались в гущу воинов, Брут счел это подозрительным и приказал их казнить, из числа же свободных некоторых отпустил на волю, объявив, что скорее у его противников были они пленниками и рабами, тогда как у него вновь обрели свободу и гражданское полноправие. Видя, однако, что и его друзья и начальники отрядов полны непримиримого ожесточения, он спрятал этих людей, а затем помог им бежать.

Среди прочих в плен попали мим Волумний и шут Саккулион; Брута они нисколько не занимали, но друзья привели к нему обоих с жалобами, что даже теперь не прекращают они своих дерзких речей и наглых насмешек. Занятый иными заботами, Брут ничего не ответил, и тогда Мессала Корвин предложил высечь их плетьми на глазах у всего войска и нагими отослать к вражеским полководцам, чтобы те знали, какого рода приятели и собутыльники нужны им в походе. Иные из присутствовавших рассмеялись, однако Публий Каска, тот, что в мартовские иды первым ударил Цезаря кинжалом, заметил: «Худо мы поступаем, принося жертву тени Кассия забавами и весельем. Но мы сейчас увидим, Брут, – продолжал он, – какую память хранишь ты об умершем полководце, – ты либо накажешь тех, кто готов поносить его и осмеивать, либо сохранишь им жизнь». На это Брут, в крайнем раздражении, отвечал: «Вы же сами знаете, как надо поступить, так зачем еще спрашиваться у меня?» Эти слова Каска счел за согласие и смертный приговор несчастным, которых без всякого промедления отвели в сторону и убили.

46. Затем Брут выплатил каждому обещанные деньги и, выразив некоторое неудовольствие своим воинам за то, что они бросились на врага, не дождавшись ни пароля, ни приказа, не соблюдая строя и порядка, посулил отдать им на разграбление два города – Фессалонику и Лакедемон, – если только они выкажут отвагу в бою. В жизни Брута это единственный поступок, которому нет извинения. Правда Антоний и Цезарь, чтобы наградить солдат, чинили насилия, куда более страшные, и, очищая для своих победоносных соратников земли и города, на которые те не имели ни малейших прав,

чуть ли не всю Италию согнали с давно насиженных мест, но для них единственною целью войны были власть и господство, а Бруту, чья нравственная высота пользовалась такою громкою славой, даже простой люд не разрешил бы ни побеждать, ни спасать свою жизнь иначе, чем в согласии с добром и справедливостью, и особенно – после смерти Кассия, который, как говорили, иной раз и Брута толкал на чересчур крутые и резкие меры. Однако же, подобно тому как на судне, где обломилось кормовое весло, начинают прилаживать и приколачивать всякие доски и бревна, лишь бы как-нибудь помочь беде, так же точно и Брут, оставшись один во главе такого громадного войска, в таком ненадежном, шатком положении, и не имея рядом с собой полководца, равного ему самому, был вынужден опираться на тех, что его окружали, а стало быть, – во многих случаях и действовать, и говорить, сообразуясь с их мнением. Мнение же это состояло в том, что необходимо любой ценой поднять боевой дух воинов Кассия, ибо справиться с ними было просто невозможно: безначалие сделало их разнузданными наглецами в лагере, а поражение – трусами пред лицом неприятеля.

47. Впрочем, и у Цезаря с Антонием положение было ничуть не лучше. Продовольствия оставалось в обрез, и, так как лагерь их был разбит в низине, они ждали мучительной зимы. Они сгрудились у самого края болота, а сразу после битвы пошли осенние дожди, так что палатки наполнялись грязью и водой, и месиво это мгновенно застывало от холода. В довершение всего приходит весть о несчастии, постигшем их силы на море: корабли Брута напали на большой отряд, который плыл к Цезарю из Италии, и пустили его ко дну, так что лишь очень немногие избегли гибели, да и те умирали с голода и ели паруса и канаты. Получив это сообщение, Антоний и Цезарь заторопились с битвою, чтобы решить исход борьбы прежде, чем Брут узнает о своей удаче. И сухопутное и морское сражения произошли одновременно, но вышло так – скорее по какой-то несчастливой случайности, чем по злому умыслу флотских начальников, – что даже двадцать дней спустя после победы Брут еще ничего об ней не слыхал. А иначе, располагая достаточными запасами продовольствия, разбивши лагерь на завидной позиции, неприступной ни для тягот зимы, ни для вражеского нападения, он не скрестил бы оружия с неприятелем еще раз, ибо надежная победа на море после успеха, который одержал на суше он сам, исполнила бы его и новым мужеством и новыми надеждами. Но власть, по-видимому, не могла долее оставаться в руках многих, требовался единый правитель, и божество, желая устранить того единственного, кто еще стоял поперек дороги будущему правителю, не дало добрым вестям дойти до Брута. А между тем они едва не коснулись его слуха, ибо всего за день до битвы поздним вечером из вражеского стана явился перебежчик, некий Клодий, и сообщил, что Цезарь, получив донесение о гибели своего флота, жаждет сразиться с неприятелем как можно скорее. Но словам этого человека не дали никакой веры и даже не допустили его к Бруту в твердом убеждении, что он либо пересказывает нелепые слухи, либо просто лжет, чтобы угодить новым товарищам по оружию.

48. Говорят, что в эту ночь Бруту снова явился призрак. С виду он был такой же точно, как в первый раз, но не проронил ни слова и молча удалился. Правда, философ Публий Волумний, проделавший под командою Брута весь поход от начала до конца, об этом знамении не упоминает, зато пишет, что первый орел был весь облеплен пчелами и что на руке у одного из начальников вдруг, неизвестно от чего, выступило розовое миро и, сколько его ни вытирали, выступало снова, а что уже перед самою битвой в промежутке между обоими лагерями сшиблись и стали драться два орла и вся равнина, затаив дыхание, следила за боем, пока, наконец, та птица, что была ближе к войску Брута, не поддалась и не улетела прочь. Часто вспоминают еще об эфиопе, который, когда отворили лагерные ворота, попался навстречу знаменосцу, и воины, сочтя это дурной приметой, изрубили его мечами.

49. Брут вывел войско на поле и выстроил его в боевом порядке против неприятеля, но долгое время не начинал битву: проверяя построение, он получил несколько доносов и

сам заподозрил иные из отрядов в измене. Кроме того он видел, что конница отнюдь не горит желанием сражаться, но все время озирается, выжидая действий пехоты. И тут, внезапно, один конник, прекрасный воин, чья отвага была отмечена высокими наградами, выехал из рядов неподалеку от Брута и ускакал к неприятелю. Звали его Камулат. Брут был до крайности раздосадован этим неожиданным предательством и, уступая чувству гнева, но вместе с тем и страшась, как бы пример Камулата не оказался заразителен, тут же двинулся на врага, хотя солнце уже склонялось к западу – шел девятый час дня. Тот фланг, что находился под прямым начальством Брута, взял верх над неприятелем и обратил в бегство левое его крыло. Конница своевременно поддержала пехоту и вместе с нею теснила и гнала расстроенные ряды противника. Но другой фланг начальники, чтобы предотвратить окружение, растягивали все больше и больше, а так как численное превосходство было на стороне Цезаря и Антония, боевая линия истончилась в средине и потеряла силу, так что натиска врага выдержать не смогла и побежала, а те, кто совершил этот прорыв, немедленно ударили Бруту в тыл. В этот грозный час Брут свершил все возможное и как полководец и как воин, но победы не удержал, ибо даже то, что было явной удачей в первой битве, теперь обернулось ему во вред. В самом деле, тогда вся разбитая часть вражеского войска была тотчас истреблена, а войско Кассия, хотя и понесло поражение, мертвыми потеряло совсем немного. Но разгром превратил этих спасшихся от смерти в неисправимых трусов, и теперь они заразили робостью и смятением чуть ли не каждого из бойцов.

В этот же час сын Катона Марк, сражаясь среди самых храбрых и знатных молодых воинов и чувствуя, что неприятель одолевает, тем не менее не побежал, не отступил, но, громко выкликая свое имя и имя своего отца, разил врага до тех пор, пока и сам не рухнул на груду вражеских трупов. И по всему полю боя падали мертвыми лучшие, самые доблестные, бесстрашно отдавая свою жизнь за Брута.

50. Среди близких его друзей был некий Луцилий, человек благородный и достойный. Он заметил, что отряд варварской конницы, не обращая внимания ни на кого из беглецов, упорно гонится на Брутом, и решил любою ценой их остановить. И вот, немного поотстав от прочих, Луцилий кричит преследователям, что Брут – это он, и всадники поверили с тем большею легкостью, что пленник просил доставить его к Антонию: Цезаря, дескать, он боится, Антонию же готов довериться. В восторге от этой счастливой находки, восхваляя свою поразительную удачу, они повезли Луцилия в лагерь, выслав вперед гонцов. Антоний до того обрадовался, что несмотря на поздний час – уже ложились сумерки – поспешил навстречу всадникам, а все остальные, кто узнавал, что Брута схватили и везут живым, сбегались вместе, и одни жалели об его злой судьбе, другие твердили, что он опорочил былую свою славу, сделавшись из недостойной привязанности к жизни добычею варваров. Конники были уже близко, и Антоний, не зная, как ему принять Брута, остановился, а Луцилий, когда его вывели вперед, без малейших признаков страха объявил: «Марка Брута, Антоний, ни один враг не поймал и, верно, никогда не поймает – судьба да не одержит такой победы над доблестью! Если же его все-таки сыщут – живым или мертвым, – он в любом случае окажется достоин себя и своей славы. Я обманул твоих воинов – и потому я здесь, и без возражений приму любую самую жестокую кару за свой обман». Все были поражены и растеряны, но Антоний, обернувшись к тем, кто привез Луцилия, сказал так: «Вас, друзья, эта ошибка, конечно немало огорчает, вы считаете себя оскорбленными не на шутку. Но будьте совершенно уверены, вам досталась добыча еще лучше той, какую вы искали. Ведь искали вы врага, а привели нам друга. Что бы я стал делать с Брутом, если бы он живым попал в мои руки, – клянусь богом, не знаю, но такие вот люди пусть всегда будут мне друзьями, а не врагами!» Он обнял Луцилия и поручил его заботам одного из своих приближенных, а впоследствии мог твердо рассчитывать на его верность во всех случаях жизни, до самого конца.

51. Брут переправился через речушку с крутыми и лесистыми берегами и, так как уже стемнело, счел ненужным забираться далеко в чащу, но вместе с немногими друзьями и начальниками расположился в какой-то лощине у подножья высокой скалы. Опустившись наземь, он поднял глаза к усыпанному звездами небу и произнес два стиха, из которых один Волумний привел:

Зевс, кару примет пусть виновник этих бед!

а другой, как он пишет, забыл. Помолчав немного, Брут принялся оплакивать друзей, которые пали, защищая его в бою. Он не пропустил никого, каждого назвал по имени, но особенно горько сокрушался о Флавии и Лабеоне. (Лабеон был у него легатом, а Флавий – начальником рабочего отряда.) Один из его спутников, который и сам хотел пить, и видел, что Брута тоже томит жажда, взял шлем и бегом спустился к реке. В этот миг в противоположной стороне раздался какой-то шум, и Волумний со щитоносцем Дарданом пошел взглянуть, что случилось. Вскорости они были обратно и первым делом спросили, не осталось ли воды. Ласково улыбнувшись Волумнию, Брут отвечал: «Всё выпили, а вам сейчас принесут еще». Снова послали того же, кто ходил в первый раз, но он встретился с неприятелем, был ранен и едва-едва ускользнул.

Брут предполагал, что потери убитыми не столь уже велики, и Статилий вызвался пробиться через неприятельские караулы, – ибо другого пути не было, – осмотреть лагерь и, если расчеты Брута верны и лагерь цел, дать сигнал факелом и возвратиться назад. Горящий факел вдали они увидели и поняли, что Статилий благополучно достиг цели, но время шло, а он все не возвращался, и Брут сказал: «Если Статилий жив, он непременно будет с нами». Случилось, однако ж, так, что на обратном пути он наткнулся на врагов и в стычке погиб.

52. Была уже глубокая ночь, и Брут, не поднимаясь с места, наклонился к своему рабу Клиту и что-то ему шепнул. Ничего не сказав в ответ, Клит заплакал, и тогда Брут подозвал щитоносца Дардана и говорил с ним с глазу на глаз. Наконец, он обратился по-гречески к самому Волумнию, напомнил ему далекие годы учения и просил вместе с ним взяться за рукоять меча, чтобы усилить удар. Волумний наотрез отказался, и остальные последовали его примеру. Тут кто-то промолвил, что медлить дольше нельзя и надо бежать, и Брут, поднявшись, отозвался: «Вот именно, бежать, и как можно скорее. Но только с помощью рук, а не ног». Храня вид безмятежный и даже радостный, он простился со всеми по очереди и сказал, что для него было огромною удачей убедиться в искренности каждого из друзей. Судьбу, продолжал Брут, он может упрекать только за жестокость к его отечеству, потому что сам он счастливее своих победителей, – не только был счастливее вчера или позавчера, но и сегодня счастливее: он оставляет по себе славу высокой нравственной доблести, какой победителям ни оружием, ни богатством не стяжать, ибо никогда не умрет мнение, что людям порочным и несправедливым, которые погубили справедливых и честных, править государством не подобает.

Затем он горячо призвал всех позаботиться о своем спасении, и сам отошел в сторону. Двое или трое двинулись за ним следом, и среди них Стратон, с которым Брут познакомился и подружился еще во время совместных занятий красноречием. Брут попросил его стать рядом, упер рукоять меча в землю и, придерживая оружие обеими руками, бросился на обнаженный клинок и испустил дух. Некоторые, правда, утверждают, будто Стратон сдался на неотступные просьбы Брута и, отвернувши лицо, подставил ему меч, а тот с такою силой упал грудью на острие, что оно вышло между лопаток, и Брут мгновенно скончался.

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга II. Пер. А.И. Немировского.

IV. 7. Могло показаться, что Брут и Кассий изгнали Цезаря с царского трона, как Тарквиния, но этим клятвопреступлением они погубили свободу, которую более всего хотели восстановить. (2) Совершив убийство и опасаясь, не без основания, ветеранов Цезаря, они сразу же покинули курию и стали искать защиты на Капитолии. У ветеранов не было недостатка в рвении отомстить за Цезаря, но отсутствовал вождь. (3) Когда же стало ясно, какая опасность угрожает государству, идея мести была отвергнута, но одобрения убийцы не получили. (4) По совету Цицерона была объявлена амнистия, однако, чтобы не оскорблять народного горя, заговорщикам дали провинции, намеченные им убитым ими же Цезарем, — Сирию и Македонию. Месть за Цезаря скорее отсрочили, чем отменили. (5) Итак, государственная власть была распределена между триумвирами скорее как было возможно, чем как следовало. Оставив Лепида охранять столицу, Цезарь с Антонием выступили против Брута и Кассия. (6) Те же, собрав огромные силы, заняли арену, оказавшуюся в свое время роковой для Гнея Помпея. Знамения с полной очевидностью предвещали неминуемое поражение. (7) Рой пчел сел на значки, и птицы, обычно питающиеся трупами, облетели лагерь, как бы считая его своим. (8) И эфиоп, встретившийся идущим на битву, был достаточно ясным гибельным знамением. Самому Бруту, когда он, по обыкновению, бодрствовал ночью с зажженным светильником, явился темный призрак, который на вопрос, кто он, ответил: "Твой злой гений" — и скрылся из глаз. (9) В лагере Цезаря птицы и жертвенные животные так же ясно дали лучшие предсказания. Не менее важным оказалось то, что лекарь Цезаря был предупрежден вещим сном, чтобы Цезарь покинул лагерь, которому угрожает захват. Он внял этому сну. (10) И вот началась битва. Некоторое время сражались с равным пылом, хотя у одних полководцы присутствовали, а у других нет: кому помешала болезнь, кому страх и медлительность. Неумолимая Фортуна, как показал исход битвы, находилась то на стороне мстителей, то на стороне тех, кому мстили. Начало битвы было неопределенным, и обе стороны находились в одинаково критическом положении: (11) здесь был взят лагерь Цезаря, там — лагерь Кассия. Насколько же военное счастье действеннее доблести! И как верно то, что вырвалось из уст умирающего: "Доблесть существует только на словах, не на деле". Победу в этом сражении принесла ошибка. (12) Кассий во время отступления своего фланга увидел всадников, удаляющихся после захвата лагеря Цезаря, и, решив, что они бегут, отошел за холм. (13) Пыль, крики, надвигающаяся ночь помешали ему понять случившееся, к тому же запоздал посланный к нему лазутчик. Сочтя дело своей партии проигранным, он подставил голову одному из стоявших рядом и попросил ее отрубить. (14) Брут, лишившись Кассия, потерял и силу духа. Чтобы не отречься от того, в чем поклялся (было решено, что они не переживут поражения), он также приказал одному из своих спутников пронзить себя мечом. (15) Удивительно, почему эти мудрейшие и храбрейшие мужи не убили себя сами. Разве что они следовали принципам своей философской школы, которые запрещали храбрейшим и благочестивейшим мужам, решившимся на самоубийство, налагать на себя руки: предписывалось воспользоваться чужим преступлением.

3. Борьба Антония с Октавианом и примирение триумвиров. Мизенский мир и возобновление войны Октавиана с Секстом Помпеем.

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга II. Пер. А.И. Немировского.

IV. 8. По устранении убийц Цезаря еще оставалась семья Помпея. Один из его сыновей пал в Испании, другой спасся бегством. Собрав остатки разбитой армии, вооружив эргастулы, он захватил Сицилию и Сардинию и уже с помощью флота занял центральные

воды. (2) Какой контраст между ним и отцом! Отец истребил киликийцев, сын занимался пиратством. Он опустошил Путеолы, Формии, Вольтурн, одним словом, всю Камланию, Понтийские болота, Энарию и даже устье реки Тибра. Столкнувшись с кораблями Цезаря, поджег и потопил их. Не только сам Помпей, но и Мена и Менекрат, гнусные рабы, которых он поставил во главе флота, носились по всему берегу в поисках добычи. (3) За свои военные успехи он посвятил Пелору сто быков с позолоченными рогами, а в дар Нептуну бросил живого, украшенного золотом коня, чтобы владыка морей позволил ему властвовать над своим морем. Наконец опасность стала настолько велика, что был заключен мирный договор с врагом, если можно назвать врагом сына Помпея. (4) Какова же была радость, хотя и недолгая, когда в Байях было принято решение о возвращении и восстановлении Помпея в имущественных правах. Помпей устроил пир на борту корабля и, сетуя на свой жребий, не без приветливости произнес, когда возлегли за столом: "Вот мои кили!", намекая на то, что отец жил в Килях, знаменитом районе столицы, а его собственный дом и пенаты нависают над морем. (5) Однако из-за неуступчивости Антония, который скупил и промотал имущество Помпея как военную добычу, вступление Секста в права владения не состоялось. Он начал нарушать мирный договор. Дело дошло до оружия, и против юноши направили флот со всеми силами империи. Его подготовка была великолепна сама по себе. (6) Срыв участок берега, начиная с Геркуланской дороги, превратили Лукринское озеро в гавань и к нему присоединили Авернское озеро, удалив между ними землю; рассчитывали, что маневрируя на этом тихом пространстве, флот получит навык ведения морского боя. (7) Вынужденный вести эту грандиозную войну, юноша был разбит в Сицилийском проливе. И он унес бы с собой к подземным богам доброе имя полководца, если бы ничего не предпринял впоследствии. [8] Но свойство великого дарования — не терять надежды! Он же, когда все было потеряно, отплыл в Азию и — что горестнее всего для храброго человека — попал там в плен, на суд врагов, чтобы умереть от руки палача. (9) Со времени Ксеркса не было столь печального бегства. Тот, кто прежде командовал флотом в 350 кораблей, бежал на шести или семи судах с погашенными на флагмане огнями, бросив в море перстни, дрожа и оглядываясь и все же не опасаясь, что будет настигнут.

IV. 9. Хотя в лице Кассия и Брута Цезарь уничтожил враждебную партию, а в лице Помпея истребил даже ее имя, он не мог добиться прочного мира, пока оставался Антоний, этот камень преткновения и обуза для безопасности государства. (2) Для гибели ему было достаточно одних пороков. Дойдя до крайности в своей страсти к честолюбию и роскоши, он освободил от распространяемого им ужаса сперва врагов, потом сограждан и, наконец, свой век. (3) Парфяне после разгрома Красса воспряли духом и с радостью узнали о гражданских беспорядках среди римского народа. При первой возможности они выступили без колебания. (4) Подстрекателем был Лабиен, посланный Кассием и Брутом, с преступной яростью призвавшими на помощь врагов! И те под предводительством Пакора, юноши царской крови, рассеяли гарнизоны Антония. Легат Сакса, не желая попасть в их руки, пронзил себя мечом. (5) В конце концов с потерей Сирии зло распространилось бы шире, поскольку враги совершили завоевания под видом оказания помощи. Вентидий, другой легат Антония, благодаря невероятному счастью разгромил полчища Лабиена, самого Пакора и всю парфянскую конницу между Оронтом и изгибом Евфрата. (6) Было их более двадцати тысяч. Не обошлось без хитрости полководца, изобразившего панику и заставившего врага подойти ближе к лагерю, чтобы лишить его возможности использовать стрелы. Пакор пал, храбро сражаясь. После того, как его голову пронесли по восставшим городам, Сирия была возвращена Риму без войны. Убийство Пакора уравновесило поражение Красса.

IV. 10. После того, как парфяне и римляне испытали друг друга в бою, а печальная судьба Красса и Пакора показала силы обеих сторон, была возобновлена дружба на условиях взаимного уважения и Антоний заключил договор с царем. (2) О безграничная людская гордыня! Из желания прочитать под своими статуями имена Аракса и Евфрата, без

повода, без плана и даже без формального объявления войны (как будто сохранение тайны также относится к искусству полководца) он, оставив Сирию, совершил нападение на парфян. (3) Этот народ, опытный в военных делах, изобразил притворную панику и бегство в свои равнины. Антоний сразу же стал преследовать их как победитель. Но уже к вечеру на них, уставших от долгого пути, неожиданно обрушилась, как вихрь, небольшая часть вражеского войска и два легиона были засыпаны пущенными отовсюду стрелами. (4) Ни одно из поражений нельзя было бы сравнить с тем, которое угрожало на следующий день, если бы не вмешалось сочувствие богов. Некто, уцелевший от разгрома Красса, подскакал к лагерю в парфянском наряде и, обратившись с приветствием на латинском языке, что само по себе придавало веры, сообщил об угрозе: (5) "Уже приближается царь со своими силами. Вы должны отступить и достигнуть гор. Но, возможно, даже и там вы не уйдете от врага". В результате за отступающими последовала меньшая часть врагов. Но все-таки враги были. (6) Остальное войско было бы уничтожено, если бы воины, когда на них градом посыпались стрелы, случайно, но словно по наущению, не упали навзничь и, накрывшись щитами, не произвели впечатление убитых. И парфяне опустили луки. (7) Но когда римляне снова поднялись на ноги, это показалось варварам настолько удивительным, что один из них подал голос: "Идите добром, римляне. Молва заслуженно называет вас победителями народов, если вы избежали оружия парфян". Потерь от трудностей перехода было не меньше, чем от врагов. (8) Прежде всего потому, что в этой местности было опасно пить воду. Кое-кому была очень вредна соленая вода. И даже пресная приносила вред ослабленным и пьющим с жадностью. (9) Не в меньшей мере способствовали эпидемии жара Армении и снега Каппадокии, а также внезапный переход от одного климата к другому. (10) Так что от шестнадцати легионов осталась едва одна треть. Всю серебряную посуду разбили топорами; прославленный полководец не раз просил у своего телохранителя смерти, и в конце концов ему пришлось бежать в Сирию. Там он в результате какого-то невероятного безрассудства сделался еще более неукротимым, словно его спасение было победой.

Дион Кассий Кокцеян. Римская история. Книга XLVIII. Пер. В.В. Рязанова.

1. Так погибли Брут и Кассий, убитые теми же мечами, которыми они убили Цезаря. Также и другие участники заговора против него были все, кроме очень немногих, уничтожены — одни перед этим, другие в это же время, и некоторые впоследствии. Правосудие и Божественная Воля, казалось, сделали так, что убили и самих себя люди, ранее убившие своего благодетеля, того, кто достиг такой высоты одновременно благодаря собственной доблести и доброй судьбе. (2) Что касается Цезаря и Антония, с другой стороны, то они в это время получили преимущество над Лепидом, потому что он не разделил с ними победу; однако вскоре им суждено было обратиться против друг друга. Ибо трудно для трех людей, или даже двух, равных в звании и в военных успехах, взявших под контроль такие обширные интересы, быть единого мнения. (3) Следовательно, хотя они какое-то время извлекали пользу из совместных действий с целью свержения своих противников, теперь они начали использовать все приобретенное для борьбы друг с другом. Таким образом, они немедленно перераспределили империю, так, чтобы Испания и Нумидия отошли к Цезарю, Галлия и Африка к Антонию; далее они согласились, что, в случае, если Лепид выкажет свое недовольство этим, они должны будут уступить ему Африку. 2. Только эти провинции они распределили между собой, так как Секст по прежнему занимал Сардинию и Сицилию, а другие области вне Италии были все еще в хаосе. Относительно самой Италии я, конечно, ничего не могу сказать, поскольку она всегда исключалось из таких распределений; ибо они никогда даже не говорили, что боролись, чтобы получить ее, но как будто защищали ее. (2) Так что они оставили Италию и провинции, удерживаемые Секстом, в общей собственности, а Антоний взял на себя задачу ослабить тех, кто боролся против них и собрать деньги,

необходимые для выплат, обещанных солдатам; Цезарь же должен был лишить власти Лепида в случае, если он сделает любой враждебный ход, вести войну против Секста (3) и распределить между ветеранами, достигшими возрастного предела, обещанную им землю; этих они сразу же уволили со службы. Кроме того, он послал с Антонием два своих легиона, а Антоний обещал вернуть ему в обмен столько же легионеров из числа находившихся в то время в Италии. (4) Когда эти соглашения были достигнуты, подписаны и запечатаны, Антоний и Цезарь обменялись копиями документов, чтобы в случае какого-либо нарушения оно могло быть доказано записями. Вслед за этим Антоний отправился в Азию, а Цезарь в Италию.

3. На обратном пути Цезарь был так надломлен болезнью, что люди в Риме даже ожидали его смерти. Они считали, однако, что он так долго мешкал не столько из-за болезни, сколько из-за того, что замышлял какое-то очередное зло, и готовились испытать всевозможные бедствия. (2) Все же они не только присудили победителям в честь их победы множество почестей, которые были бы даны, конечно, и их противникам, одержи те победу (в таких случаях каждый всегда отвергает проигравшего и удостаивает победителя), но постановили также, хотя и против своего желания, устроить в течение почти целого года благодарственные празднования в честь Цезаря, прямо приказавшего им сделать это в одобрение мести, настигшей убийц. (3) Пока Цезарь медлил, ходило множество слухов, вызывавших самые разнообразные чувства. Например, некоторые распространяли сообщение, что он умер, и это вызвало радость многих людей; другие говорили, что он замышляет некое зло, и наполнили многих людей опасением. (4) Поэтому некоторые продолжали прятать свою собственность и защищать себя, а другие решили, что только бегством они могли бы сделать возможным свое спасение. Другие, которых было большинство, не способные даже придумать план из-за чрезмерного страха, готовились встретить гибель. (5) Число храбрых людей было незначительно и чрезвычайно мало; поскольку в свете прежних огромных насилий над жизнью и собственностью они ожидали, что может случиться что-нибудь подобное или еще худшее, ибо теперь они были окончательно побеждены. (6) Поэтому Цезарь, опасавшийся, что они могут начать восстание, тем более, что там был Лепид, отправил письмо к сенату, убеждая его членов быть в хорошем настроении, и далее обещая действовать в умеренном и гуманном духе, по примеру своего отца.

4. Вот что тогда происходило. На следующий год консулами считались Публий Сервилий и Луций Антоний, но в действительности ими были Антоний и Фульвия. Она, теща Цезаря и жена Антония, нисколько не считалась с Лепидом из-за его пассивности и управляла делами самостоятельно, так что ни сенат, ни народное собрание не могли провести никакого решения вопреки ее воле. (2) Во всяком случае, когда Луций потребовал, чтобы ему позволили праздновать триумф над народами, живущими в Альпах, на том основании, что он победил их, Фульвия какое-то время выступала против него, и никто не противился ей, но когда Луций добился ее покровительства и она дала разрешение, все голосовали за триумф единодушно; (3) поэтому, хотя номинально именно Антоний […] и праздновал триумф над народами, которых, по его словам, победил (в действительности, он не сделал ничего заслуживающего триумфа и даже вообще не имел командования в тех областях), все же это был фактически триумф Фульвии […]. Во всяком случае, она получила большее могущество, чем он, (4) ведь дать разрешение на проведение триумфа значит больше, чем отпраздновать триумф, полученный из чужих рук. Хотя Луций получил триумфальные одежды, колесницу и выполнил другие обряды, принятые в таких случаях, казалось, что именно Фульвия устраивала зрелище, используя его только как помощника. (5) Это происходило в первый день года, и Луций хвастался, что он, подобно Марию, провел триумф в первый день того месяца, в котором начал исполнять консульские обязанности. (6) Мало того, он ликовал даже больше, чем Марий, заявляя, что добровольно сложил триумфальные одеяния и собрал сенат в гражданской одежде, тогда как Марий сделал это неохотно. И он добавлял, что Марию достался один-

единственный венок, тогда как сам он получил множество от народа, от каждой трибы, — честь, которой не удостаивался ни один из прежних победителей, — в его случае вследствие влияния Фульвии и денег, которые он тайно раздавал различным людям.

5. В этом году Цезарь прибыл в Рим; предприняв обычные шаги, чтобы отпраздновать свою победу, он обратился к управлению и ведению государственных дел. Лепид не прибегал к революционным мерам, отчасти потому, что боялся Цезаря, и отчасти потому, что у него недоставало решимости; а Луций и Фульвия сначала сохраняли спокойствие, ибо рассчитывали на родство с Цезарем и партнерство в осуществлении власти. (2) Но через некоторое время они поссорились: Луций и Фульвия — из-за того, что при распределении земли они не получили долю Антония, Цезарь — из-за того, что не получил от них войска. Поэтому брак, закрепляющий их родство, был расторгнут, и они перешли к открытой войне. (3) Поскольку Цезарь не мог выносить трудный характер своей тещи и предпочитал иметь разногласия скорее с ней, чем с Антонием, он отослал назад ее дочь, заявив, что она все еще девственница, — подтвердив это присягой, — не заботясь о том, подумают ли люди, что он планировал это заранее, готовясь к будущим событиям, или что она столь долгое время оставалась в его доме девственницей по иным причинам. (4) После этого между ними больше не существовало никакой дружбы, но Луций вместе с Фульвией попытался взять в свои руки контроль над делами, притворяясь, что делает это от имени Антония, и ни в чем не уступал Цезарю (чтобы подтвердить преданность брату он взял имя Pietas); (5) в то время как Цезарь, со своей стороны, не предъявлял никаких открытых обвинений против Антония, опасаясь сделать того своим врагом, пока он управляет азиатскими провинциями, но обвинял тех двоих и предпринимал меры, чтобы сорвать их решения, на том основании, что они действовали во всех отношениях вопреки желанию Антония и стремились к собственному господству.

6. Обе стороны возлагали самые большие надежды на право распределения земли, и, следовательно, этим и было вызвано начало их ссоры. Цезарь желал действовать самостоятельно при распределении земель между всеми, кто участвовал в кампании под командованием его и Антония, согласно договору, заключенному между ними после победы, чтобы завоевать их поддержку, (2) в то время как Луций и Фульвия потребовали право самим распределить между своими солдатами выделенные им земли и колонизировать города, чтобы обеспечить себе влияние на эти колонии. Обеим сторонам казалось самым простым дать войскам, которые сражались за них, имущество невооруженных. Но, вопреки их ожиданиям, поднялось большое волнение, и дело начало двигаться к войне. (3) Поскольку сначала Цезарь продолжал отнимать у владельцев и раздавать ветеранам земли всей Италии (кроме тех, которыми владели старые солдаты, получившие их как подарок при отставке или купившие землю у правительства), вместе с рабами и всем имуществом; люди, лишавшиеся своей собственности, были страшно разгневаны на него. (4) Вслед за этим Фульвия и консул изменили свои планы, надеясь получить б**о**льшую власть, защищая угнетенных, и, следовательно, пренебрегли теми, кто должен был получить имущество, и обратили свое внимание к другому классу, более многочисленному и воодушевленному справедливым негодованием из-за ограбления, которому он подвергался. (5) Затем они стали поддерживать дело этих людей индивидуально, помогая им и объединяя их, так что люди, которые ранее боялись Цезаря, теперь стали храбрыми, найдя вождей, и больше не уступали ничего из своей собственности, так как предполагали, что Марк также одобрял политику консула. 7. Луций и Фульвия, соответственно, завоевывали симпатии этого класса и в то же самое время не сталкивались со сторонниками Цезаря. Ибо вместо того, чтобы притворяться, будто бы солдаты не нуждаются в распределении, они пытались доказать, что имущества тех, кто боролся против них, достаточно для солдат, (2) особенно указывая на большое количество земли и предметов роскоши, из которых, как они объявляли, то, что еще не распродано, следует непосредственно распределить между людьми, а стоимость уже распроданного — выплатить им. Если даже это не удовлетворяло их, они пытались

обеспечить их привязанность, возлагая надежды на Азию. (3) Таким образом очень быстро получилось, что Цезарь, насильственно забиравший собственность тех, кто чем-либо обладал, и из-за этого причинявший неприятности и опасности всем, наносил вред обеим партиям; тогда как Луций и Фульвия ни у кого ничего не отнимали и показывали тем, кто должен был получить подарки, что обещания, данные им, могут быть выполнены без конфликта, с помощью ресурсов, имеющихся в наличии, и тем самым покорили оба класса. (4) Из-за всего этого, а также из-за голода, который мучительно угнетал их в это время, поскольку море у Сицилии контролировалось Секстом, а Ионийский Залив — Гнем Домицием Агенобарбом, Цезарь оказался в тяжелом положении. (5) Ибо Домиций был одним из убийц Цезаря, и, спасшись после сражения при Филиппах, собрал маленький флот и стал на какое-то время хозяином Залива, нанося очень большой вред делу противников.

8. Все это стало очень беспокоить Цезаря, так же, как и то, что в спорах между ветеранами и сенаторами и классом землевладельцев в целом — а эти споры росли в огромном количестве, так как борьба шла за огромную награду, — он не мог примкнуть к ни к одной стороне без опасности. (2) Для него невозможно было, конечно, угодить обеим, поскольку одна сторона желала разжечь бунт, другая — сохранить порядок, одна сторона стремилась захватить чужую собственность, другая — удержать свою. И каждый раз, отдавая предпочтение интересам той или иной партии — в зависимости от того, что находил необходимым, — он навлекал на себя ненависть другой; и встречал не столько благодарность за дарованные милости, сколько ненависть за отказ сделать уступки. (3) Ибо один класс принимал как должное все, что ему давали, и не расценивал это как благодеяние, в то время как другой был возмущен тем, что у них отнимали их собственность. И в результате он продолжал оскорблять или одну группу, или другую и подвергался упрекам то за что, что он друг народа, то за то, что он друг армии. (4) Таким образом, он не добился никакого успеха и узнал по собственному опыту, что оружием не превратить враждебное отношение в дружеское, с помощью оружия можно лишь истребить непокорных, но нельзя вынудить их любить того, кого они не желают любить. (5) Вслед за этим он неохотно уступил и не только стал воздерживаться от лишения сенаторов их собственности (раньше он считал возможным отбирать у них имущество, спрашивая: «Из какого еще источника мы должны тогда выплатить ветеранам их награду?» — как будто они поручили ему вести войну или давать огромные обещания солдатам), но также и не захватывал и иной частной собственности, такой как приданое или участки земли, которые были меньше обычного надела, обещанного каждому ветерану.

9. Когда он начал так действовать, сенат и прочие, кто теперь не лишался имущества, стали благожелательны к нему, но ветераны были возмущены, чувствуя, что Цезарь щадит имущество и честь других за счет их собственного имущества и чести, так как они получат меньше. (2) Они убили многих центурионов и прочих, защищавших Цезаря и пытавшихся предотвратить беспорядки, и чуть не убили самого Цезаря, ища любой предлог для удовлетворения своего гнева. (3) И они не прекращали свои волнения до тех пор, пока их собственным родственникам, а также отцам и сыновьям погибших в сражении, не была возвращена вся та земля, которой они владели. В результате солдаты вновь стали более дружественными к Цезарю, в то время как по той же причине народные массы были снова возмущены. (4) Они неоднократно вступали в столкновения и между ними продолжалась непрерывная борьба, так что с обеих сторон было много раненых и убитых. Одна партия была сильнее благодаря имеющемуся у нее оружию и военному опыту, другая — благодаря огромной численности и применяемой тактике обстрела противников с крыш в уличных боях. (5) В результате многие здания сгорели, и арендная плата для проживающих в городе была снижена до максимума в две тысячи сестерциев, в то время как для живущих в остальной части Италии, она была уменьшена на четверть в

течение одного года. Ибо подобная борьба происходила во всех городах, везде, где эти две партии сталкивались друг с другом.

10. Так как эти события продолжались, а солдаты, посланные Цезарем в Испанию, восстали в Плаценции и не успокоились, пока не получили денежных подарков от жителей города, и так как, кроме того, Кален и Вентидий, владевшие Трансальпийской Галлией, не давали им перейти Альпы, (2) Цезарь стал бояться, что его постигнет бедствие, и решил примириться с Фульвией и консулом. И когда ему не удалось этого сделать самостоятельно, он обратился за помощью к ветеранам и через них попытался достичь примирения. (3) Луций и Фульвия обрадовались этому, и, так как они привлекли к себе тех, кто потерял землю, Луций объезжал их по всем направлениям, организуя их и отдаляя от Цезаря, в то время как Фульвия с сенаторами и всадниками из ее сторонников, с которыми она обычно совещалась, заняла Пренесте, даже посылая распоряжения в разные места. (4) И стоит ли удивляться этому, когда она, будто в насмешку, сама появлялась с мечом, раздавала пароль солдатам, и в многих случаях произносила речь перед войском, всем этим еще больше оскорбляя Цезаря? 11. Он, однако, не имел никакой возможности победить противников, уступая им не только в численности войск, но также и в авторитете среди граждан; поскольку он причинял бедствия многим, тогда как они наполняли каждого надеждой. Поэтому он часто через друзей предлагал Луцию и Фульвии примирение, и когда они не ответили ему ничего, он отправил к ним посланников из ветеранов. (2) Он хотел таким способом, если возможно, получить желаемое примирение, чтобы преодолеть существующие трудности и извлечь пользу, сравняв их силы в будущем; но в случае, если посольство потерпит неудачу, он полагал, что, во всяком случае, возложит ответственность за ссору на противников. (3) Так и случилось. Поэтому, когда он не добился ничего даже через солдат, он отправил сенаторов, показывая им договор, который Антоний заключил с ним, и просил их суда для преодоления «разногласий». (4) Но это тоже не было выполнено, так как его противники сначала выдвинули много встречных требований, которые Цезарь, как они были уверены, не сможет выполнить, и затем заявили, что все время действовали согласно приказу Марка Антония; вслед за этим Цезарь еще раз обратился к ветеранам.

12. После этого ветераны в большом количестве собрались в Риме, объясняя это желанием обратиться к народу и сенату. Но, не затрудняя себя этим бессмысленным делом, они собрались на Капитолии, и, приказав зачитать договор, заключенный Антонием и Цезарем, утвердили эти соглашения и потребовали назначить себя судьями в разногласиях между ними. (2) После того, как это решение было записано на табличках и запечатано, они отправили таблички девам-весталкам на хранение и приказали Цезарю (который присутствовал) и другой партии (через посольство) явиться для суда в Габии в назначенный день. (3) Цезарь выказал готовность подчиниться суду, и Луций с Фульвией обещали быть там, но не явились, либо потому, что боялись, либо потому, что считали это ниже своего достоинства; во всяком случае, они, чтобы высмеять ветеранов, называли их среди других названий senatus caligatus, из-за военных ботинок, которые они носили. Так что ветераны осудили Луция и Фульвию как виновных в раздоре и поддержали сторону Цезаря; (4) и затем, после дальнейшего обсуждения, они вновь вступили в войну и энергично начали приготовления к ней. В частности, они собрали деньги из всех источников, даже из храмов; они забирали все священные дары, которые могли быть обращены в деньги, как в самом Риме, так и в остальной части Италии, которая была под их контролем. (5) Деньги и солдаты прибыли к ним также из Ближней Галлии, которая была включена к этому времени в территорию Италии, чтобы никто не держал солдат к югу от Альп под предлогом управления провинцией.

13. Как Цезарь делал свои приготовления, так и Луций с Фульвией собирали запасы и войска. Тем временем обе стороны отправляли посольства и посылали солдат и офицеров во всех направлениях, и каждой удалось захватить некоторые области, хотя в других они встретили сопротивление. Большинство этих операций, особенно те, что не имели особого

значения и не являлись незабываемыми достижениями, я буду пропускать, но отмечу кратко места, наиболее достойные упоминания.

(2) Цезарь совершил набег на Нурсию, в Сабине, и покорил сабинов, и разбил гарнизон, расположенный перед городом, но был отражен от города Тизиеном Галлом. Поэтому он перебрался в Умбрию и начал осаду Сентина, но не сумел захватить его. (3) Луций тем временем сначала под разными предлогами посылал солдат своим друзьям в Риме, а затем внезапно сам пошел против Города, разбил отряд конницы, который вышел ему навстречу, отбросил пехоту назад за стены, (4) и после этого захватил Город, ибо солдаты, прибывшие туда ранее, атаковали защитников изнутри, и ни Лепид, которому была поручена охрана Рима, не оказал никакого сопротивления из-за его свойственной ему пассивности, ни Сервилий, консул, который был слишком беспечен. Узнав это, Цезарь оставил Квинта Сальвидиена Руфа продолжать осаду Сентина и направился в Рим. (5) Когда Луцию стало об этом известно, он отступил до прибытия Цезаря, проведя через народное собрание решение, позволяющее ему оставить город, чтобы начать войну; речь перед народом он произнес в военной одежде, чего до сих пор еще никто не делал. Таким образом Цезарь вошел в столицу без боя, преследовал Луция, но не сумел захватить его, затем вернулся в Рим и установил более надежную стражу. (6) Тем временем, как только Цезарь покинул Сентин, а Гай Фурний, защищавший город, совершил вылазку и преследовал его на большое расстояние, Руф неожиданно напал на город, захватил его, разграбил и сжег. Жители Нурсии заключили соглашение, не пострадав; однако, когда, похоронив павших в сражении с Цезарем, они написали на могилах, что те погибли, сражаясь за свободу, то были наказаны огромным штрафом, так что им пришлось отказаться от своего города и всей своей земли.

14. Тем временем Луций, как я уже говорил, отступил из Рима и отправился в Галлию; найдя дорогу закрытой, он отклонился к Перузии, этрусскому городу. Там он был перехвачен сначала полководцами Цезаря, а позже и самим Цезарем, и осажден. (2) Осада оказалась длительным предприятием, ибо это место было от природы хорошо укреплено и в изобилии снабжено припасами; а конница, посланная Луцием прежде, чем он был полностью окружен, очень беспокоила осаждающих, в то время как многие другие быстро прибыли на его защиту из различных частей Италии. (3) Много вылазок было сделано после прибытия этого подкрепления и много сражений произошло у стен, но сторонники Луция, хотя и добивались успеха, были вынуждены сдаться из-за голода. Полководец и некоторые другие получили прощение, но большинство сенаторов и всадников были обречены на смерть. (4) Рассказывают, что их не просто убивали, но приносили в жертву у алтаря старшего Цезаря — три сотни всадников и много сенаторов, среди них Тиберий Каннуций, который ранее во время своего трибуната созывал народное собрание для Цезаря Октавиана. (5) Жители Перузии и прочие захваченные там в большинстве своем погибли, а сам город был полностью уничтожен огнем, кроме храма Вулкана и статуи Юноны. (6) Эта статуя, каким-то чудом сохранившаяся, была привезена в Рим в соответствии с видением, явившимся Цезарю во сне, и он дал право заселять город любому, кто желал жить там, хотя они и не получили ничего из его территории за пределами первой мили.

15. После захвата Перузии в консульство Гнея Кальвина (вторичное) и Азиния Поллиона другие районы Италии также перешли к Цезарю, некоторые насильственным образом, а некоторые по собственной воле. По этой причине Фульвия с детьми бежала к мужу, (2) и многие из известных людей последовали или за ней к Антонию или к Сексту на Сицилию. Юлия, мать Антониев, сначала отправилась туда и была принята Секстом с необычайной добротой; позже он послал ее к ее сыну Марку с предложениями дружбы между ним и Секстом и в сопровождении послов. (3) Среди тех, кто в то время покинул Италию и нашел убежище у Антония, был Тиберий Клавдий Нерон. Он отвечал за гарнизон в Кампании и, когда партия Цезаря получила преимущество, бежал со своей женой Ливией Друзиллой и сыном Тиберием Клавдием Нероном. (4) Это было еще одной

из самых странных прихотей судьбы; та Ливия, что когда-то бежала от Цезаря, позже станет его женой, а Тиберий, который тогда обратился в бегство со своими родителями, унаследовал от Цезаря титул императора.

16. Это, однако, произошло позже. В описываемое время граждане Рима вновь надели мирные одежды, которые ранее сняли без какого-либо декрета, под давлением народа; они устроили празднества, приняли в городе Цезаря в триумфальных одеждах и удостоили его лаврового венка, дав ему также право носить их постоянно. (2) И после того, как Италия была подчинена, а Ионийский Залив очищен (Домиций, отчаявшийся в возможности удержать его без поддержки, отплыл к Антонию), Цезарь продолжил приготовления к экспедиции против Секста. Однако, узнав о силе этого противника и о том, что тот вел переговоры с Антонием с помощью его матери и послов, он испугался, что будет вынужден воевать на два фронта. (3) Поэтому, предпочтя Секста как более заслуживающего доверия, или, возможно, как более сильного, чем Антоний, он послал к нему его мать Муцию и женился на родственнице тестя Секста Луция Скрибония Либона в надежде, что с помощью этой услуги и этого родства он мог бы сделать его другом.

17. Нужно пояснить, что Секст, выехав из Испании в соответствии с договором с Лепидом, немного позже был назначен командующим флотом; и хотя и был лишен должности Цезарем, однако удержал флот и осмелел настолько, чтобы приплыть в Италию. Но когда сторонники Цезаря захватили контроль над страной, (2) и он узнал, что был осужден ими как один из убийц отца Цезаря, то покинул материк и плавал среди островов, снабжая себе продовольствием без обращения к преступлениям. Поскольку он не принимал участия в убийстве, то ожидал, что сам Цезарь восстановит его в правах. (3) Когда, однако, имя Секста было выбито на табличках и стало известно, что проскрипционный эдикт относится также и к нему, он отчаялся в восстановлении в правах и приготовился к войне. Он продолжил строить триремы, принимать дезертиров, добиваться поддержки пиратов и принимать под защиту изгнанников. (4) Этими средствами он скоро достиг могущества и стал властелином моря у Италии, совершал набеги на ее гавани, угонял суда и участвовал в грабежах. Поскольку дела Секста шли хорошо и его деятельность снабжала его солдатами и деньгами, он приплыл в Сицилию и без труда захватил Милы и Тиндариду, хотя и был отражен от Мессаны Помпеем Вифиником, губернатором Сицилии. (5) Однако он не покинул остров, но наводнил страну отрядами, прервал импорт продовольствия и склонил на свою сторону тех, кто хотел оказать помощь сицилийцам, вселяя во многих опасения подобной судьбы и устраивая засады для других и вредя им. Он также привлек к себе квестора, завладев его фондами, и наконец получил контроль над Мессаной и также Вифиником, заключив соглашение, по которому последний должен был обладать равной с ним властью. (6) Вифинику он тогда не причинил вреда, но у граждан изъял оружие и деньги. Его следующим шагом было покорение Сиракуз и некоторых других городов, где он набрал еще больше солдат и очень сильный флот. Кроме того, Квинт Корнифиций прислал ему значительное войско из Африки.

18. Пока Секст становился все сильнее, Цезарь какое-то время ничего не предпринимал в отношении него, и потому что пренебрегал им, и потому что был занят текущими делами. Но когда много людей в городе стало умирать от голода и Секст сделал попытку высадиться также в Италии, Цезарь наконец начал снаряжать флот и послал Сальвидиена Руфа с армией вперед к Регию. (2) Руф сумел вытеснить Секста из Италии, а когда Секст был отброшен на Сицилию, начал строить лодки из кожи, подобные тем, что используются на океане. Он делал внутренний каркас из легких прутьев и покрывал его бычьей кожей, на манер круглого щита. (3) Когда над ним начали смеяться и он решил, что пересекать пролив на этих лодках будет опасно, то отказался от них и рискнул переправляться с флотом, который уже был готов и только что прибыл; Но это оказалось невозможным, так как многочисленность и превосходящий размер его судов были бессильны перед опытом и отвагой противника. (4) Цезарь сам был свидетелем сражения,

ибо эти события происходили, когда он отправлялся в Македонию, и крайне огорчился, особенно потому что впервые был побежден в столкновении. По этой причине он не рисковал снова переправляться с главными силами, хотя главная часть его флота была сохранена, (5) но предпринял много попыток сделать это тайно, чувствуя, что, если бы он мог бы ступить на остров, то его пехота была бы значительно сильнее. Однако, через некоторое время, убедившись, что у него ничего не получается из-за бдительной охраны, установленной со всех сторон, он приказал, чтобы другие следили за Сицилией, а сам отправился на встречу с Антонием в Брундизии, ибо тот в сопровождении своего главного флота пересек Ионийский Залив.

19. После этого Секст занял весь остров и предал смерти Вифиника, которого обвинил в подготовке заговора. Он также произвел триумфальное действо и устроил морское сражение пленников в проливе неподалеку от Регия, — чтобы его противники могли это видеть, — приказав маленьким деревянным лодкам сражаться с кожаными, в насмешку над Руфом. (2) После этого он построил еще больше судов и господствовал над окружающим морем; он также приобрел дополнительную славу и гордость, называя себя сыном Нептуна, так как его отец некогда управлял всем морем. Так он поживал, пока существовала сила Кассия и Брута; (3) но когда они погибли, Луций Стай и другие нашли у него убежище. Секст сперва был рад привлечь его на свою сторону, поскольку он привел с собой войска, которыми командовал; но позже, видя, что это активный и мужественный человек, казнил его по обвинению в предательстве. (4) Таким образом укрепленный флотом Стая и также множеством рабов, которые продолжали прибывать из Италии, он получил огромную силу; ибо так много рабов бежало в то время, что девы-весталки приносили жертвы, чтобы их бегство прекратилось.

20. По этим причинам и потому что, Секст принимал изгнанников, укреплял дружбу с Антонием и разграбил большую часть Италии, Цезарь желал договориться с ним; но когда ему это не удалось, он приказал Марку Випсанию Агриппе готовить войну против Секста, а сам отправился в Галлию. (2) Однако, когда Секст узнал об этом, то дождался, пока Агриппа не оказался занят в Аполлоновых играх; поскольку он был претором в то время и не только возвеличивал себя различными способами на основании своей близкой дружбы с Цезарем, но, в частности, устроил двухдневное празднование Цирковых игр и гордился проведением игры под названием «Троя», в которой участвовали знатные юноши. И в то время, как он был таким образом занят, Секст переправился в Италию и находился там, совершая опустошительные набеги, пока не прибыл Агриппа; тогда он оставил гарнизоны в нескольких местах и отплыл обратно. (3) Что касается Цезаря, то, как я сказал, он ранее пытался получить во владение Галлию через различных агентов, но это было невозможно из-за Калена и других сторонников Антония. Но когда он узнал, что Кален заболел и умер, то без труда занял ее и захватил его армию. (4) Тем временем, видя, что Лепид раздражен потерей своей провинции, Цезарь отдал ему Африку, желая, чтобы тот получил область как подарок от него одного, а не от Антония также, и стал бы таким образом лучше расположенным к нему.

21. Римляне, как я отмечал, имели две провинции в этой части Африки. Перед созданием триумвирата наместниками были Тит Секстий в Нумидии и Корнифиций с Децимом Лелием в другой; первый был дружественным Антонию, а другие два — Цезарю. (2) Какое-то время Секстий ждал, боясь, что другие, имевшие большие силы, вторгнутся в его область, и готовился противостоять им там. Но когда они задержались, он начал презирать их; и был еще более воодушевлен, когда корова, как рассказывают, заговорила человеческим голосом и предложила ему отложить другие дела, (3) и затем он видел сон, в котором, бык, захороненный в городе Тукка, казалось, приказал выкопать его голову и нести ее на шесте, намекая, что таким образом Секстий сможет победить. Тогда, отбросив колебания, особенно после того, как нашел быка в том самом месте, где ему было указано во сне, он взял на себя инициативу, вторгнувшись в Африку. (4) Сначала он занял Гадрумет и некоторые другие места, захватив их врасплох при внезапном

нападении; но позже, утратив бдительность вследствие этого успеха, был разгромлен квестором Корнифиция, потерял большую часть своей армии и отошел в Нумидию. И так как он был разбит тогда, когда при нем не было головы быка, он приписал свое поражение этому факту и сделал приготовления, чтобы вновь выступить в поход. (5) Противники опередили его, вторгшись в его провинцию, и в то время как другие осаждали Цирту, квестор Корнифиция с конницей пошел против него, одолел его в нескольких конных сражениях и победил квестора Секстия. После этого Секстий получил свежее подкрепление, снова рискнул пойти на сражение, в свою очередь победил квестора, и запер Лелия, вторгшегося в страну, в пределах его укреплений. (6) Он обманул Корнифиция, который намеревался прийти на защиту коллеги, дав ему понять, что Лелий схвачен, и приведя его таким образом в уныние, победил его; и убил в сражении не только Корнифиция, но также и Лелия, сделавшего вылазку, чтобы ударить врагу в тыл.

22. После этих успехов Секстий занял Африку и управлял обеими провинциями в безопасности, пока Цезарь, согласно договору, заключенному им с Антонием и Лепидом, не принял командование над этими областями и не поручил Гаю Фуфицию Фангону управлять ими; и после этого Секстий добровольно уступил провинции. (2) Однако, когда после сражения с Брутом и Кассием Цезарь и Антоний перераспределили мир, Цезарь получил Нумидию за его долю Ливии, а Антоний Африку, — ибо Лепид, как я отмечал, управлял ими только номинально, и часто даже не назывался в документах, — (3) когда, говорю я, это произошло, Фульвия приказала Секстию возобновить его правление Африкой. Он в это время все еще оставался в Ливии под предлогом зимнего сезона, но на самом деле очень хорошо зная, что предстоит новая революция. Не убедив Фангона удалиться из страны, он связался с местными племенами, которые терпеть не могли Фангона, ибо тот служил в наемных войсках — многие из них, как я говорил уже в моем рассказе, были избраны в сенат, — и правил аборигенами ужасно. (4) При таком повороте событий Фангон отправился в Нумидию, где плохо обошелся с жителями Цирты, потому что они презирали его ввиду существующих обстоятельств. Он также лишил царства некоего Арабиона, князька соседних варваров, которые сначала помогали Лелию, но позже примкнули к Секстию; это он сделал потому что Арабион отказался заключить с ним союз. (5) Когда князек сбежал к Секстию, Фангон потребовал его выдачи, после отказа рассердился, захватил Африку и разорил часть страны; но когда Секстий против него начал войну, Фангон был побежден в небольших, но многочисленных стычках и снова бежал в Нумидию. (6) Секстий двинулся за ним и надеялся относительно скоро его победить, особенно при помощи конницы Арабиона, но начал подозревать Арабиона и предательски убил его, после чего уже ничего не смог совершить, так как конница, разгневанная смертью Арабиона, оставила Секстия и в большинстве своем перешла на сторону Фангона. 23. На некоторое время Секстий и Фангон заключили союз, согласившись, что причина для войны между ними устранена; позже, однако, Фангон дождался, пока Секстий не почувствовал себя в безопасности из-за перемирия и затем вторгся в Африку. (2) Вслед за этим они вступили в сражение друг с другом, и сначала у обоих один фланг победил, а второй был разбит; поскольку у Фангона была сильнее его нумидийская конница, а у Секстия — гражданская пехота, они разграбили лагеря друг друга не зная, какая судьба постигла их товарищей. (3) Затем, когда они отступили и поняли, что случилось, они вновь вступили в бой, нумидийцы были разбиты, а Фангон бежал в горы; но ночью мимо проходило множество беглецов, и, думая, что это конница врага, он совершил самоубийство. (4) Таким образом, Секстий без помех получил власть над всеми другими районами и подчинил голодом Заму, которая оборонялась в течение долгого времени. После этого он снова управлял обеими областями до прибытия Лепида. (5) Против него он не предпринимал никаких мер, — либо потому что думал, что это решение одобрено Антонием, либо потому что был далеко не так силен, как Лепид; вместо этого, он сохранял спокойствие, действуя, как будто его благосклонность к Лепиду сама собой разумелась. Таким образом, Лепид получил во владение обе области.

24. Но довольно об этом. В это же время, после сражения при Филиппах, Марк Антоний прибыл на территорию Азии, где налагал штрафы на города и продавал должности; многие районы он посетил лично, в другие послал агентов. (2) Тем временем он влюбился в Клеопатру, которую встретил в Киликии, и после этого уже не думал о чести, но стал рабом египетской женщины и посвятил все свое время страсти к ней. Это заставило его сделать много возмутительных вещей, и прежде всего вырвать ее братьев из храма Артемиды в Эфесе и предать их смерти. (3) И, наконец, он оставил Планка в провинции Азия, Саксу в Сирии, а сам отбыл в Египет. Этот поступок был причиной многих беспорядков: жители острова Арадос не приняли во внимание агентов, посланных к ним, чтобы собрать деньги, и даже зашли так далеко, что убили некоторых из них, и парфяне, которые и ранее были активны, (4) теперь нападали на римлян больше чем когда-либо. Их вождями были Лабиен и Пакор. Последний был сыном царя Орода, а первый — сын Тита Лабиена. Вот как Лабиен оказался у парфян и стал действовать заодно с Пакором. (5) Он был союзником Брута и Кассия, пославших его до сражения к Ороду, чтобы добиться подкрепления, был задержан им на долгое время, в то время как царь ожидал поворота событий, не решаясь присоединить свои войска к их силам, но опасаясь и отказаться. (6) Позже, когда новости о поражении достигли его, и, казалось, победители были намерены не пощадить никого из тех, кто им сопротивлялся, Лабиен остался среди варваров, предпочтя жить среди них, чем погибнуть дома. Теперь, как только Лабиен узнал о деморализации Антония, о его страсти и о его отъезде в Египет, он убедил парфянского царя напасть на римлян. (7) Ибо он заявил, что их армии или полностью уничтожены или ослаблены, а остальные войска мятежны и скоро опять возьмутся за оружие; поэтому он советовал царю подчинить Сирию и соседние районы, ведь Цезарь был занят в Италии борьбой с Секстом, а Антоний потворствовал своей страсти в Египте. (8) Он обещал принять командование в войне и уверил Орода, что если следовать этим путем, то он отделит от Рима многие провинции, поскольку они сами уже отложились от римлян из-за постоянно испытываемых притеснений.

25. Такими доводами он убедил Орода поручить ему ведение войны и получил в свое распоряжение большие силы и Пакора, сына царя. С ними он вторгся в Финикию, и двинулся против Апамеи, был отражен от ее стен, но без сопротивления привлек гарнизоны страны на свою сторону. (2) Эти гарнизоны состояли из отрядов, служивших у Брута и Кассия; Антоний включил их в свои войска и в то время назначил их на гарнизонную службу в Сирию, потому что они знали страну. Лабиен легко привлек всех этих людей, так как они были хорошо знакомы с ним, за исключением Саксы, их тогдашнего командира, который был братом полководца Саксы, а также квестором и поэтому, единственный из всех, отказался перейти на другую сторону; (3) а полководца Саксу он победил в генеральном сражении благодаря превосходству в количестве и качестве своей конницы, и когда тот позже сбежал ночью от своих солдат, то преследовал его. Причина бегства Саксы была в том, что он боялся, что его союзники перейдут на сторону Лабиена, пытавшегося переманить их посредством памфлетов, которые он постоянно подбрасывал в лагерь Саксы. (4) Теперь, когда Лабиен настиг беглецов, он убил большинство из них, а затем, когда Сакса спасся в Антиохию, он захватил Апамею, которая больше не сопротивлялась, так как жители считали Саксу мертвым; впоследствии он заключил договор и с Антиохией, когда Сакса ее покинул, и наконец, после преследования беглеца в Киликии, захватил самого Саксу и предал его смерти. 26. После смерти Саксы Пакор объявил себя властителем Сирии и покорил все города, кроме Тира; но тот город уже был занят спасшимися римлянами и симпатизировавшими им местными жителями, и ни убеждение не могло справиться с ними, ни сила, так как Пакор не имел флота. (2) Поэтому они продолжали сопротивляться нападавшим, но Пакор удерживал всю остальную часть Сирии. Затем он вторгся в Палестину и сверг Гиркана, который в это время правил там, получив назначение от римлян, и утвердил в его землях его брата Аристобула из-за вражды, существующей между ними. (3) Тем временем Лабиен занял

Киликию и обеспечил покорность всех городов на материке кроме Стратоникеи, тогда как Планк, опасаясь его, бежал на острова; большинство мест он подчинял без борьбы, но за Миласу и Алабанду ему пришлось сражаться. (4) Хотя эти города и приняли гарнизоны от него, но во время праздника истребили их и восстали; за это Лабиен наказал людей Алабанды, когда захватил этот город, и снес до основания город Миласу после того, как он был оставлен. Что касается Стратоникеи, то он осаждал ее долгое время, но никак не мог захватить.

(5) Теперь вследствие этих успехов Лабиен продолжил налагать штрафы и грабить храмы и называл себя императором и Парфянским, в последнем случае действуя вопреки римской традиции, так как он брал имя от тех, кого вел против римлян, как будто парфянам, а не своим соотечественникам он наносил поражение. 27. Что касается Антония, то, хотя он был информирован обо всех этих событиях, как, без сомнения, и о происходящем в Италии, все же он в обоих случаях не сумел вовремя принять защитные меры, ибо был настолько опьянен страстью, что не думал ни о союзниках, ни о врагах. (2) Это правда, что Антоний искренне посвящал себя исполнению своих обязанностей, пока находился в подчиненном положении и стремился к высшим почестям, но теперь, войдя во власть, он больше не уделял внимания делам, а следовал роскошному и непринужденному образу жизни Клеопатры и египтян до тех пор, пока не был полностью деморализован. (3) И когда, наконец, он был вынужден лично вмешаться в ход боевых действий, то приплыл к Тиру, чтобы оказать ему помощь, но видя, что остальная часть Сирии уже была занята до его прибытия, предоставил жителей их судьбе под тем предлогом, что он должен был готовиться к войне против Секста; а свою медлительность в отношении последнего оправдывал, ссылаясь на парфян. (4) И таким образом, как он оправдывался, он не оказал никакой помощи союзникам в Азии — из-за Секста, а Италии — из-за своих азиатских союзников, но проплыл вдоль всей Азии и переправился в Грецию. (5) Там, после встречи с матерью и женой, он объявил Цезаря своим врагом и заключил союз с Секстом. После этого он приплыл в Италию, захватил Сипонт, и приступил к осаде Брундизия который отказался прийти с ним к соглашению.

28. Пока он был занят этим, Цезарь, уже прибывший из Галлии, собрал свои силы и послал Публия Сервилия Рулла к Брундизию, а Агриппу — против Сипонта. Агриппа взял город штурмом, но Сервилий был внезапно атакован Антонием, убившим и взявшим в плен многих из его людей. (2) Эти два лидера, таким образом, начали открытую войну и посылали сообщения различным городам и ветеранам, повсюду, откуда они надеялись получить помощь; и вся Италия была вновь ввержена в хаос, особенно Рим; и некоторые уже выбирали одну сторону или другую, а другие колебались. В то время как сами лидеры и те, кто помогал им в войне, находились в состоянии неопределенности, умерла Фульвия, остававшаяся в Сикионе. (3) И хотя Антоний считался виновным в ее смерти из-за своей страсти к Клеопатре и ее экстравагантности, однако, когда эти новости были объявлены, обе стороны сложили оружие и пришли к соглашению, либо потому что Фульвия действительно была причиной их вражды до настоящего времени, либо потому что они использовали ее смерть как предлог, ввиду страха друг перед другом, поскольку их силы, так же как и амбиции, были равны. (4) В соответствии с этой договоренностью Цезарь стал хозяином Сардинии, Далмации, Испании и Галлии, а Антоний получил все области, принадлежавшие римлянам за Ионийским морем в Европе и Азии; что касается областей в Африке, то ими владел Лепид, а Сицилией Секст.

29. Так они вновь разделили империю и затем решили предпринять совместную войну против Секста, хотя Антоний через послов клялся, что будет выступать вместе с Секстом против Цезаря. (2) И в основном по этой причине Цезарь объявил общую амнистию тем, кто бежал к Антонию после войны с Луцием, братом Антония, — и среди них Домицию и некоторым другим из убийц Цезаря, — а также всем тем, кто был внесен в проскрипционные списки или сотрудничал с Брутом и Кассием, а позже встал на сторону Антония. (3) Поистине, так велика порочность, царящая в борьбе партий и войне; ибо

власть предержащие не принимали во внимание справедливость, но их вражда и дружба определялись их личными интересами в данный момент, так что они расценивали одних и тех же людей, то как врагов, то как друзей, в зависимости от ситуации.

30. Достигнув этого соглашения в лагерях в Брундизии, они устроили друг для друга приемы, Цезарь в военном и римском стиле, а Антоний — в азиатском и египетском . (2) И теперь, когда они примирились, солдаты, бывшие в то время с Цезарем, окружили Антония и потребовали деньги, которые Цезарь и Антоний обещали им перед сражением при Филиппах; ведь он был послан в Азию, чтобы собрать как можно больше денег. (3) И когда он не смог им ничего дать, они, конечно, нанесли бы ему какой-то вред, если бы Цезарь не остановил их, вдохновив новыми надеждами. После этого они отправили ветеранов в колонии, чтобы защитить себя от дальнейших мятежей, и затем принялись за войну, (4) поскольку Секст высадился в Италии в соответствии с соглашением, которое он заключил с Антонием, намереваясь вместе с Антонием вести войну против Цезаря. Но узнав об их договоре, он возвратился на Сицилию, и приказал Мене, своему вольноотпущеннику, к которому он был чрезвычайно привязан, отправиться вдоль побережья с частью флота и уничтожать имущество его противников. (5) Мена разорил многие районы Этрурии и захватил Марка Тития, сына Тития, который был одним из объявленных вне закона и находился тогда на стороне Секста; этот сын собрал много судов в целях собственного могущества и базировался в Нарбоннской провинции. (6) Этот Титий нисколько не пострадал благодаря своему отцу, а также благодаря тому, что его солдаты носили имя Секста на щитах: его жизнь было сохранена, однако он не отблагодарил своего спасителя по справедливости, но напротив, победил его в сражении и наконец убил его, так, что этот его поступок помнили среди наиболее известных примеров такой неблагодарности. (7) Совершив все это, Мена приплыл в Сардинию и сражался с Марком Лурием, наместником острова; сначала он был разбит, но позже, когда Лурий преследовал его без опаски, он выждал его нападения и развернул свои силы против Лурия, одержав над ним неожиданную победу. (8) Вслед за этим Лурий покинул остров, а Мена занял его; все города сдались ему, кроме Каралиса, который он брал осадой, так как многие беглецы после сражения нашли там убежище. Он выпустил без выкупа нескольких пленников, в том числе Гелена, вольноотпущенника Цезаря, пользовавшегося большим расположением своего господина, — таким образом обеспечивая себе благожелательность Цезаря и готовя себе убежище под рукой Цезаря, на случай, если когда-либо будет в этом нуждаться.

31. Вот чем занимался в то время Мена; что касается людей в Риме, то они больше не хранили спокойствие, поскольку Сардиния была в руках врага, побережье разграблялось и поставки зерна были прерваны, тогда как голод, множество различных налогов, а также дополнительные сборы, например, с владельцев рабов, очень их раздражали. (2) Насколько они были довольны соглашением Антония и Цезаря, — ибо думали, что согласие между этими людьми означает мир и для них, — настолько или даже больше они были рассержены войной, которую эти два человека продолжали против Секста. (3) Совсем недавно они впустили этих двух правителей в город на лошадях, как будто в триумфе, предоставили им триумфальное платье — такое же, как у тех, кто праздновал триумфы, — разрешили им наблюдать за представлениями, сидя на государственных скамьях и предложили Антонию жениться на овдовевшей сестре Цезаря, Октавии, хотя она и была беременна, (4) теперь же они значительно изменили свое поведение. Сначала, встречаясь на сходках или собираясь на представлениях, они торопили Антония и Цезаря заключить мир и при этом подымали громкий ропот; и так как эти лидеры не слушали их, они все более отдалялись от них и поддерживали Секста. (5) Они не только постоянно роптали, чтобы способствовать его интересам, но даже во время игр в Цирке удостоили громкими аплодисментами статую Нептуна, которую несли в процессии, таким образом выражая свое великое восхищение Секстом. И когда в некоторые дни ее не было в процессии, они набрали камней, выгнали магистратов с Форума, сбросили статуи Цезаря

и Антония, и наконец, когда даже этим способом им ничего не удалось добиться, яростно бросились на властителей, как будто собираясь убить их. (6) Цезарь разорвал на себе одежды и принялся умолять их, хотя его сопровождающие были ранены, Антоний же пытался применить к ним насилие. И когда по этой причине народ разъярился и появились опасения, что они совершат впоследствии и другие акты насилия, эти двое были против своего желания вынуждены послать к Сексту мирные предложения.

32. Тем временем Цезарь и Антоний сместили преторов и консулов, хотя оставалось недолго до завершения года, и назначили других, нисколько не заботясь о том, что им придется исполнять служебные обязанности всего несколько дней. (2) Одним из тех, кто в это время стал консулом, был Луций Корнелий Бальб, гадитанец, который настолько превзошел людей своего поколения в богатстве и щедрости, что после смерти оставил в наследство по сто сестерциев каждому римскому гражданину. (3) Они не только сделали это, но и, когда в последний день года умер эдил, выбрали другого на несколько остающихся часов. Именно в это же самое время в Риме был построен водопровод — Aqua Iulia, как он назывался, (4) и консулы провели праздник, который обещали устроить после завершения войны против убийц Цезаря. Обязанности, возлагаемые на коллегию септемвиров, были выполнены понтификами, так как не присутствовало ни одного ее члена. Так же поступали и в многих других случаях впоследствии.

33. Помимо названных событий, случившихся в том году, Цезарь устроил общественные похороны Сферу, который был его слугой в детстве и затем получил свободу. Также он предал смерти Сальвидиена Руфа, которого подозревал в злоумышлениях. (2) Это был человек самого темного происхождения, и однажды, в то время, как он пас стадо, из его головы вырвалось пламя; но он был выдвинут Цезарем на должность консула, хотя не был даже членом сената, а его брат, умерший раньше него, был похоронен за Тибром, после того, как специально для этой цели построили мост. (3) Но ничто в жизни человека не постоянно, и он был, наконец, обвинен в сенате лично Цезарем и убит как враг Цезаря и всего народа. В связи с его казнью были принесены благодарственные жертвы и, кроме того, забота о городе была поручена триумвирам с общепринятым определением «…чтобы государство не потерпело никакого вреда». (4) В предшествующем году люди, принадлежащие к сословию всадников, убивали диких животных в Цирке по случаю Ludi Apollinares. И вопреки правилу был вставлен дополнительный день для того, чтобы первый день наступающего года не совпал с рыночным, который проводили каждые девять дней — это совпадение всегда строго предотвращалось с ранних времен Рима. Естественно, позже пришлось изъять день, чтобы календарь двигался согласно системе, изобретенной прежним Цезарем. (5) Владения Аттала и Дейотара, умерших в Галатии, были переданы некоему Кастору. Также Публий Фальцидий, бывший в то время трибуном, провел закон о порядке наследования, названный Lex Falcidia, который применяется в полную силу даже сегодня; согласно ему, если наследник почему-либо чувствует себя обремененным, он может получить четвертую часть завещанной ему собственности, отказавшись от остального.

34. Такими были события этих двух лет; в следующем году, когда Луций Марций и Гай Сабин были консулами, сенат ратифицировал все действия триумвиров со времени, когда они сформировали свою олигархию; (2) они учредили некоторые новые налоги, потому что расходы оказались гораздо б**о**льшими, чем бюджет, созданный во времена прежнего Цезаря. Ибо, хотя они тратили огромные суммы на собственные нужды и особенно на солдат, но стыдились только одного — того, что эти расходы противоречили прецеденту. (3) Например, когда Цезарь теперь впервые сбрил бороду, он лично устроил великолепное представление помимо праздника, организованного для всех граждан за общественный счет. Впоследствии он не носил бороды, подобно остальным; ибо он уже начинал очаровываться Ливией и развелся с Скрибонией в тот самый день, когда она родила ему дочь. (4) Поскольку расходы становились гораздо большими, чем прежде, а доходы, в любом случае недостаточные, собирались в это время в даже меньших

количествах из-за борьбы партий, триумвиры установили некоторые новые налоги; а также ввели в сенат очень много новых людей, не только из числа союзников, но и солдат, и сыновей вольноотпущенников, и даже рабов. (5) Во всяком случае, некий Максим, тогда собирающийся стать квестором, был узнан своим хозяином и стянут с трибуны; и хотя должность, на которую он осмелился претендовать, гарантировала ему неприкосновенность, все же другого раба, который был обнаружен на должности претора, сбросили вниз со скалы Капитолия, сначала освободив, чтобы наказание могло иметь надлежащее достоинство.

35. Экспедиция, которую Антоний готовил против парфян, послужила им некоторым оправданием для увеличения числа новых сенаторов. По этой же причине они распределили на много лет вперед различные магистратуры, включая консульство на восемь полных лет, чтобы таким образом отблагодарить тех, кто сотрудничал с ними, и привлечь других. (2) И они выбирали не двух ежегодных консулов, как требовала традиция, но теперь впервые выбрали нескольких в самый день выборов. И раньше, конечно, некоторые получали магистратуру, хотя их предшественники не умерли и не были смещены из-за лишения гражданских прав или по иной причине, но все эти люди становились должностными лицами в соответствии с решением магистратов, избранных на полный год; теперь же никого не избирали на весь год, но для различных частей года был назначен разный состав должностных лиц. (3) И люди, первыми занимавшие должность консула, давали имя всему году; других в период их службы называли консулами жители города и остальной части Италии, как это происходит и сегодня, но остальные граждане империи знали немногих из них или даже никого и поэтому назвали их «меньшие консулы».

36. Таковы были действия Цезаря и Антония дома. С Секстом они сначала договорились через посредников о том, как и на каких условиях может быть достигнуто примирение, и затем сами встретились с ним около Мизена. Эти двое расположились на суше, а Секст недалеко от них на окруженной водой насыпи, которая была построена в море с целью обеспечения его безопасности. (2) Здесь же был весь флот Секста и вся пехота тех двоих; мало того, силы одной стороны были собраны на берегу, а другой стороны — на кораблях в полном вооружении, и поэтому всем было совершенно очевидно, что они заключают мир из страха перед военной силой друг друга и по необходимости: два триумвира — из-за народа, а Секст — из-за своих сторонников. (3) Договор был заключен на тех условиях, что рабы, бежавшие к Сексту, должны получить свободу и все изгнанные должны быть восстановлены в правах, кроме убийц Цезаря. Конечно, они просто лицемерили, исключив из договора последних, так как в действительности некоторые из них уже были восстановлены в правах, и сам Секст считался одним из них. (4) Но, во всяком случае, было записано, что всем остальным, кроме убийц Цезаря, будет позволено возвратиться в безопасности и возмещена четверть их конфискованной собственности; что некоторые из них немедленно получат трибунские, преторские и жреческие должности; что сам Секст будет выбран консулом и принят в коллегию авгуров, (5) получит семьдесят миллионов сестерциев из состояния его отца, и будет управлять Сицилией, Сардинией и Ахайей в течение пяти лет; что он не должен принимать беглецов или увеличивать количество судов или держать гарнизоны в Италии, (6) но должен посвятить свои усилия обеспечению безопасности полуострова со стороны моря и посылать установленное количество зерна людям в городе. Они ограничили его власть этим периодом времени, потому что желали, чтобы казалось, что они также осуществляют временную, а не постоянную власть.

37. После составления и подписания этого договора они отправили его на хранение весталкам, а затем обменялись дарами и обняли друг друга. В тот же самый момент великий оглушительный крик поднялся на материке и на судах. (2) Большинство присутствовавших солдат и гражданских лиц закричали одновременно, будучи ужасно утомлены войной и с нетерпением ожидая мира, так, что даже горы содрогнулись; и вслед

за этим среди них поднялась большая тревога, и многие умерли от страха, а другие были затоптаны или задохнулись. (3) Те, кто были в маленьких лодках, не ждали, чтобы достигнуть земли на них, но выпрыгивали в море, а те, кто были на берегу — кидались в воду. Они заключали друг друга в объятья, плавая, и обнимались, погружаясь в воду, что представляло необычайное зрелище. (4) Некоторые знали, что их родственники и друзья живы, и встретившись с ними, дали волю необузданной радости. Другие, считавшие дорогих им людей погибшими, теперь неожиданно увидели их и долгое время не знали, что делать, оставались безмолвными, не веря своим глазам и молясь, чтобы это оказалось правдой; и не могли поверить, пока не назвали их по имени и не услышали в ответ их голоса; (5) тогда, поистине, они радовались не меньше, чем если бы их друзья воскресли из мертвых, и, уступая приливу радости, не могли удержаться от слез. Те же, кто не знал о гибели своих близких и считал, что они живы и здоровы, ходили и искали их, спрашивая каждого встречного. (6) Пока им не удавалось узнать ничего определенного, они были подобны сумасшедшим и погружены в отчаяние, надеясь найти родственников и опасаясь, что они мертвы, не в силах ни оставить надежду, ни побороть горе. (7) Но узнав наконец правду, они рвали на себе волосы и раздирали одежды, призывая утраченных по имени, как будто голоса могли их достигнуть, как будто их друзья только умерли и находились у них перед глазами. (8) И даже если кто-нибудь сам не имел такой причины для радости или печали, на них, по крайней мере, воздействовали переживания остальных; ибо они или радовались с теми, кто был доволен, или огорчались с теми, кто был опечален, и даже будучи свободны от собственных переживаний, они все же не могли остаться безразличными из-за товарищества с остальными. (9) Так что они не были пресыщены радостью и не стыдились печали, ибо все вокруг испытывали то же самое, и потратили полный день и большую часть ночи на это проявление чувств.

38. После этого лидеры, так же как и остальные, принимали и угощали друг друга, сначала Секст на своем судне, а затем Цезарь и Антоний на берегу; ибо Секст настолько превзошел их в военной силе, что не высадился на сушу для встречи с ними, пока они не побывали на борту его судна. (2) И хотя такая договоренность давала Сексту возможность убить их обоих, когда они были в маленькой лодке с несколькими сторонниками, как Мена ему и советовал, он не пожелал так поступить. Разговаривая с Антонием, завладевшим домом его отца в Carinae (название района в Риме), (3) он весьма удачно пошутил, говоря, что принимает их в Carinae; ведь то же название носят кили судов. Однако он не действовал против них так, будто вспоминал о прошлом с горечью, но на следующий день не только пировал в свою очередь у триумвиров, но и обручил свою дочь с Марком Марцеллом, племянником Цезаря.

39. Эта война тогда была приостановлена; а война с Лабиеном и парфянами подошла к концу следующим образом. Сам Антоний возвратился из Италии в Грецию и надолго там задержался, удовлетворяя свои страсти и разоряя города, чтобы они перешли к Сексту в самом плачевном состоянии. (2) В это время он жил в многих отношениях вопреки традициям своей страны, называя себя, например, Новым Дионисом и настаивая, чтобы его так называли другие; и когда афиняне ввиду этого обручили с ним Афину, он объявил, что вступает в этот брак и потребовал от них в качестве приданого четыре миллиона сестерциев. Занимаясь этими делами, он послал Публия Вентидия вперед, в Азию. (3) Этот офицер, не дожидаясь Антония, напал на Лабиена и ужаснул его внезапностью своего появления и своими легионами, ибо Лабиен был без парфян и имел с собой только местных солдат. Вентидий обнаружил, что Лабиен даже не рискует вступать в сражение, вытеснил его из страны и преследовал во главе легких отрядов до самой Сирии. (4) Вентидий настиг его около гор Тавр и помешал ему идти дальше, но в течение нескольких дней они стояли там, не двигаясь, поскольку Лабиен ожидал парфян, а Вентидий свои тяжеловооруженные отряды. 40. Подкрепление, однако, прибыло одновременно к обеим сторонам; и, хотя Вентидий, опасаясь варварской конницы, остался в своем лагере на высоком холме, (2) парфяне, из-за своей численности и из-за того, что однажды уже

побеждали, исполнились презрения к своим противникам и бросились на холм на рассвете, не дожидаясь даже соединения с Лабиеном; и когда никто не вышел им навстречу, двинулись прямо вверх. (3) Когда они были на подъеме, римляне помчались вниз и легко сбросили их вниз. Многие из парфян были убиты в рукопашном бою, но еще больше людей покалечило друг друга при отступлении, так как некоторые уже обратились в бегство, а другие все еще наступали; и оставшиеся в живых сбежали, не к Лабиену, но в Киликию. (4) Вентидий преследовал их до лагеря, но остановился, увидев там Лабиена. Последний выстроил свои силы как будто для того, чтобы предложить ему сражение, но понимая, что его солдаты удручены из-за бегства варваров, он не рискнул вступить в сражение, а ночью попытался выйти из окружения. (5) Однако Вентидий заранее узнал об этом плане от дезертиров и, расставив засады, убил многих пробиравшихся из окружения и захватил остальных, оставленных Лабиеном. Последний, сменив свои одежды, временно оказался в безопасности и некоторое время скрывался в Киликии, (6) но был впоследствии захвачен Деметрием, вольноотпущенником старшего Цезаря, которого в то время Антоний назначил управлять Кипром; Деметрий, узнав что Лабиен бежал, приказал искать его и схватил.

41. После того, как Вентидий вернул Киликию, он принял на себя управление провинцией, но послал Помпедия Силона с конницей вперед к Аману. (2) Эта гора находится на границе между Киликией и Сирией и имеет проход, настолько узкий, что некогда его перегородили стеной и воротами, и от этого место и получило свое название. (3) Силон, однако, не смог захватить его и чуть не потерпел поражение от Фарнапата, офицера Пакора, командующего гарнизоном в проходе. (4) Его спасло то, что во время сражения подошел Вентидий и напал на варваров, не ожидавших его и более малочисленных. Римляне убили Фарнапата и многих других. Таким образом, они без сражения завладели Сирией (так как парфяне бежали отовсюду), за исключением арадийцев, а так же без всяких трудностей заняли Палестину, изгнав из страны царя Антигона. (5) Помимо этого, Вентидий взыскал большие суммы денег с каждой провинции в отдельности, а также с Антигона, Антиоха и Малха Набатейского, потому что они помогали Пакору. Сам Вентидий не получил от сената никакой награды за свои свершения, так как не имел собственных полномочий, а действовал как подчиненный другого; но Антоний удостоил его хвалебными речами и благодарностями. (6) Что касается арадийцев, то они боялись, что должны будут заплатить штраф за свою смелость против Антония, и не желали прийти с ним к соглашению, но были захвачены другими после многих трудов.

Приблизительно в это время произошло восстание среди иллирийцев, но его подавил Поллион после нескольких сражений. 42.. В Испании восстали церретаны, но и они были покорены Кальвином после некоторых успехов и поражения — последнее потерпел его подчиненный, попавший в засаду варваров и брошенный своими солдатами. (2) Кальвин не предпринимал никаких действий против врага, пока не наказал этих дезертиров; собрав их вместе, как будто для другой цели, он окружил их остальными войсками, и затем предал смерти каждого десятого в двух центуриях и наказал многих центурионов, включая того, который был так называемым примипилом. (3) Совершив это и приобретя репутацию, подобную той, что была у Марка Красса, за приведение армии в порядок, он отправился против своих противников и без особых трудностей победил их. (4) И он получил триумф, несмотря на то, что Испания была назначена Цезарю; ведь властители могли предоставлять почести подчиненным по своему желанию. Золото, которое обычно дают города для триумфа, Кальвин собрал с испанских городов и потратил только часть на празднования, но большую долю на строительство Регии. (5) Она была сожжена, и теперь он восстановил и освятил ее, великолепно украсив различными предметами и статуями, часть из которых он выпросил у Цезаря, обещая вернуть. И когда Цезарь потребовал возврата, Кальвин не вернул их, отшутившись. Притворяясь, у него не хватает

помощников, он сказал: «Пошли людей и возьми их». И Цезарь, боясь кощунства, позволил оставить их в качестве даров.

43. Вот что произошло в то время. Но в консульство Аппия Клавдия и Гая Норбана, которые впервые имели по два квестора в качестве помощников, народные массы восстали против сборщиков налогов, жестоко их угнетавших, и вступили в схватки с самими сборщиками, их помощниками и солдатами, помогавшими им собирать деньги; (2) и шестьдесят семь преторов один за другим были назначены и занимали должность. Один человек был выбран квестором, будучи еще мальчиком, и достиг совершеннолетия лишь на следующий день; другой, включенный в сенат, желал сражаться на арене как гладиатор. (3) Мало того, что ему это не позволили, но также был издан закон, запрещавший сенатору сражаться в качестве гладиатора, а рабу быть ликтором; запрещено было и сожжение тел в пределах двух миль от города.

(4) Также в это время случилось много зловещих предзнаменований, например, извержение оливкового масла на берегу Тибра и многое другое. Среди прочего, в результате некоего ритуала, проводимого понтификами, сгорела хижина Ромула; статуя Доблести, стоявшая перед воротами, упала лицом вниз, а некоторые люди, вдохновленные Матерью Богов, объявляли, что богиня гневается на них. (5) По этой причине обратились к Сивиллиным книгам, которые сообщили то же и предписали отнести статую к морю и очистить в его водах. Когда же богиню перенесли на большое расстояние в глубоководный залив и надолго там оставили, вернув назад лишь спустя длительное время, (6) это обстоятельство также вызвало у римлян немалые опасения, и они не успокоились, пока вокруг ее храма и на Форуме не выросло четыре пальмовых дерева.

Помимо этих событий, происходивших тогда, Цезарь женился на Ливии. 44. Она была дочерью Ливия Друза, названного в проскрипционном эдикте и покончившего с собой после поражения в Македонии, и женой Нерона, которого она, как уже говорилось, сопровождала в бегстве. Говорят, что она была на шестом месяце беременности во время свадьбы. (2) Во всяком случае, когда Цезарь сомневался и спрашивал понтификов о возможности брака во время беременности, они ответили, что если бы имелось сомнение, то брак пришлось бы отложить, но если беременность была точно установлена, то для заключения брака нет никаких препятствий. Возможно, они действительно нашли это среди постановлений предков, но, конечно, они сказали бы то же самое, даже если бы ничего не нашли. (3) Ее муж сам выдавал жену замуж, как это делает отец; и на свадебном пиру произошел следующий случай. Один из мальчиков-шутов, которых женщины держат рядом с собой для развлечения, как правило обнаженными, видя Ливию, возлежащую на одном ложе рядом с Цезарем, и Нерона на другом с мужчиной, подошел к ней и сказал, показывая на Нерона: «Что ты здесь делаешь, госпожа? Твой супруг возлежит вон там». (4) Но довольно об этом. Позже, когда эта женщина уже жила с Цезарем, она родила Клавдия Друза Нерона. Цезарь подтвердил это и отослал ребенка его отцу, что отмечено в его воспоминаниях: «Цезарь возвратил отцу маленького Нерона, которого родила Ливия, его жена». (5) Нерон умер вскоре после этого и оставил Цезаря опекуном и этого мальчика, и Тиберия. В народе много сплетничали об этом и, среди прочего, говорили: «У счастливчиков дети рождаются через три месяца»; и это высказывание стало пословицей.

45. Пока в городе происходили эти события, в Испанию приплыл Богуд из Мавритании, действуя либо по приказу Антония, либо на свой страх и риск, и причинил много ущерба, также и сам неся большие потери; (2) тем временем жители его собственных владений в окрестности Тингиса поднялись против него, так что он покинул Испанию, но не сумел отвоевать свою собственную страну. Ибо сторонники Цезаря в Испании и Бокх прибыли на помощь восставшим, и он не смог с ними справиться. (3) Богуд отбыл, чтобы присоединиться к Антонию, в то время как Бокх немедленно овладел его царством, которое было впоследствии закреплено за ним Цезарем; а люди Тингиса получили гражданство.

(4) В это время, или даже ранее, была начата война между Секстом и Цезарем; ибо, так как они заключили соглашение не по собственной доброй воле или выбору, но по принуждению, они недолго соблюдали его, но сразу нарушили перемирие. (5) Конечно, они непременно начали бы войну даже в том случае, если бы не нашли предлога, однако называли следующие поводы для недовольства. Мена, все еще находившийся тогда в Сардинии, как будто он был претором, навлек на себя подозрения Секста, так как выпустил Гелена и находился в контакте с Цезарем; кроме того, в некоторой мере он был оклеветан людьми его собственного сословия, завидовавшими его власти. (6) Поэтому Секст вызвал его под предлогом того, что он должен дать отчет о зерне и деньгах из порученной ему провинции. Но вместо того, чтобы повиноваться, Мена захватил и убил людей, посланных к нему с этим поручением, и, заключив соглашение с Цезарем, отдал ему остров, флот вместе с армией и подчинился сам. (7) Цезарь, со своей стороны, был рад видеть его, поскольку Мена заявлял, что Секст предоставляет кров беглецам вопреки соглашению, строит триремы и держит гарнизоны в Италии; и мало того, что Цезарь защищал Мену от гнева Секста, но даже пошел дальше и оказал ему большие почести, подарил золотые кольца, и зачислил его в сословие всадников. (8) История золотых колец следующая. Из древних римлян никому, кроме сенаторов и всадников, не позволялось носить золотые кольца: не только тем, кто когда-то был рабом, но даже тем, кто был свободным; (9) именно по этой причине их дают тем вольноотпущенникам, которых выбирает правитель (даже если эти люди уже носят золото другими способами), как почетный знак, указывающий, что они превосходят статус вольноотпущенника и имеют право стать всадниками.

46. Но довольно об этом. Секст обвинял Цезаря не только в предоставлении покровительства Мене, но и по другим причинам: Ахайя была разорена, согласованные сроки не выполнялись ни в отношении него, ни в отношении восстановленных изгнанников, и поэтому он послал в Италию Менекрата, другого своего вольноотпущенника, с приказом разорить Вольтурн и другие части Кампании. (2) Когда Цезарь узнал это, то забрал у дев-весталок документы, содержащие соглашение, и вызвал Антония и Лепида. Лепид не ответил на вызов, а что касается Антония, то, хотя он и прибыл в Брундизий (поскольку все еще находился в Греции), (3) но прежде, чем мог встретиться с Цезарем, который был в Этрурии, встревожился из-за того, что волк забежал в его штаб и загрыз некоторых солдат, и поэтому отплыл назад в Грецию, оправдываясь безотлагательностью парфянских дел. (4) Цезарь, хотя и был твердо убежден в том, что Антоний специально оставил его один на один с трудностями войны, однако не выказал открыто никакого гнева. Но Секст, со своей стороны, стал повсюду рассказывать о том, что Антоний не одобряет поведение Цезаря, и еще более рьяно принялся за свои дела. В итоге, он напал на Италию, высадился в различных местах, причинил много ущерба, но и сам сильно пострадал. (5) Тем временем у Кум произошло морское сражение между Менекратом и Кальвизием Сабином, в котором Цезарь потерял много кораблей, так как сражался против опытных моряков; но Менекрат из ревности напал на Мену и погиб, таким образом сделав потери Секста столь же большими. (6) По этой причине Секст не притязал на победу, а Цезарь утешился в своем поражении. 47. Тогда Цезарь находился в Регии, и сторонники Секста, опасавшиеся, что он переправится в Сицилию, а также несколько приунывшие из-за смерти Менекрата, отплыли от Кум. (2) Сабин без труда преследовал их до Скиллея, италийского мыса, но когда он проплывал мимо мыса, сильный ветер настиг его, разбивая суда о мыс, топя другие в море, и рассеивая все остальные. (3) Когда Секст узнал об этом бедствии, он послал свой флот против них, поручив командование Аполлофану. Этот командующий обнаружил Цезаря, так как тот плавал вдоль берега, намереваясь переплыть на Сицилию вместе с Сабином, и напал на него. Цезарь собрал свои суда и поставил их на якорь, выстроил тяжеловооруженных солдат на палубах и сначала доблестно отбивался от противника, (4) ибо суда стояли носами к противнику и не подставлялись для нападения, но, будучи более тяжелыми и

высокими, наносили больший ущерб тем, которые приближались к ним, а его тяжеловооруженные солдаты, вступив в непосредственное столкновение с врагом, намного превосходили противников. (5) Тогда Аполлофан, табаня, стал передавать раненых и уставших на другие суда, предназначенные для этой цели, и брал на борт свежих людей; он также совершал постоянные нападения и использовал горящие снаряды, так что Цезарь был наконец разбит, бежал к земле и встал на якорь. (6) Но даже тогда враг продолжал его теснить, и сторонники Цезаря неожиданно отбросили якоря и отплыли, чтобы противостоять врагу. Только это, а также наступление ночи, прекратившее боевые действия, помешало Аполлофану сжечь часть судов Цезаря и взять на абордаж остальные.

48. На следующий день после этих событий внезапная буря налетела на Цезаря и Сабина, стоявших на якоре вместе, и в сравнении с ней их предыдущие неудачи показались пустяками. Флот Сабина пострадал меньше, (2) так как Мена, старый морской волк, предвидел шторм и немедленно направил свои суда в открытое море и там поставил их на якорь — на расстоянии друг от друга и на ослабленных линях, так, чтобы лини не натягивались и не рвались, и приказал грести прямо против ветра; таким образом ни один канат не был натянут, и корабль оставался на одном месте, с помощью весел преодолевая то расстояние, на которое его отбрасывал ветер. (3) Но другие командующие, накануне участвовавшие в тяжелом сражении и пока еще пока еще недостаточно знакомые с мореплаванием, были выброшены на берег и потеряли много судов. Ночь, которая прежде оказала им самую большую помощь, была теперь главной причиной бедствия, поскольку всю ночь ветер дул долго и яростно, срывал суда с якорей и разбивал их о камни. (4) Это был их конец; моряки и легионеры бесславно погибали, так как ничего не могли разглядеть в темноте и расслышать из-за шума и эха, тем более, что ветер уносил другие звуки. (5) Из-за этого бедствия Цезарь окончательно отчаялся в высадке на Сицилии и удовлетворился тем, что охранял побережье материка; но Секст еще более возликовал, поверил в то, что является сыном Нептуна, и носил лазоревые одежды, и живыми бросал в пролив не только лошадей, но также, как говорят некоторые, и людей. (6) Сам он грабил Италию, а Аполлофана послал в Африку. Аполлофана преследовал Мена, который настиг его и нанес небольшой ущерб. И когда жители островов у побережья Сицилии продолжили переходить на сторону Секста, Цезарь помешал липарцам, переселив их с острова в Кампанию и принудив их жить в Неаполе, пока война будет продолжиться. 49. Тем временем он продолжал строить суда почти по всей Италии и собирать рабов для использования в качестве гребцов, сначала забирая их у друзей, которые, как предполагалось, давали охотно, а затем у остальных: у сенаторов, всадников и зажиточных плебеев. Он также создавал тяжеловооруженные отряды и собирал деньги со всех граждан, с союзников и покоренных племен, и в Италии и за ее пределами.

(2) Этот год и следующий он провел, занимаясь строительством судов и сбором и обучением гребцов. Он лично контролировал и управлял всем этим делом, как и другими вопросами в Италии и в Галлии, где началось небольшое восстание, но оборудование флота поручил Агриппе. (3) Цезарь послал за войском Агриппы, сражавшимся с повстанцами в Галлии, где тот стал вторым из римлян, переправившимся через Рейн для ведения войны, и, наградив Агриппу триумфом, поручил ему закончить создание флота и обучение людей. (4) Агриппа, ставший консулом вместе с Луцием Галлом, не праздновал триумф, считая позорным для себя торжествовать, когда Цезарь переживал неудачи, но с большим энтузиазмом принялся за работу. По всему побережью Италии строились суда. Но так как не была найдена бухта, где можно было бы безопасно бросить якорь, ибо большая часть побережья Италии даже в то время была лишена гаваней, он задумал и выполнил великолепное предприятие, которое далее я опишу подробно, так как оно связано с современным положением дел…

54. В то же самое время Антоний возвратился в Италию из Сирии. Он объяснял это тем, что из-за неудач Цезаря намеревался взять на себя часть бремени войны с Секстом. Однако он не остался со своим коллегой; (2) приехав скорее для того, чтобы разузнать о

его действиях, чем для того, чтобы что-то совершить, он дал ему несколько кораблей и обещал прислать другие, взамен чего получил тяжеловооруженные отряды и отбыл, заявляя, что собирается начать кампанию против парфян. (3) Перед его отъездом Антоний и Цезарь предъявили друг другу взаимные обиды, сначала через друзей, а затем лично; и так как пока им было недосуг воевать друг с другом, они примирились, в основном с помощью Октавии. (4) И чтобы быть еще теснее связанными родственными узами, Цезарь обручил свою дочь с Антиллом, сыном Антония, а Антоний обручил свою дочь от Октавии с Домицием, хотя он был одним из убийц Цезаря и одним из проскрибированных. (5) Эти соглашения были лишь притворством с обеих сторон, поскольку стороны не собирались выполнять их, а лишь играли роль в соответствии с требованиями момента. Антоний уже с Коркиры отослал Октавию в Италию, чтобы, как он заявил, она не разделяла с ним опасности войны против парфян. (6) Тем не менее, они тогда заключили эти соглашения, одновременно лишив Секста полагавшегося ему консульства и исключив его из жреческой коллегии, и продлили собственную власть еще на пять лет, так как первый срок истек. После этого Антоний поспешил в Сирию, а Цезарь начал войну. (7) Почти все шло так, как он желал, но Мена, ненадежный и всегда поддерживавший более сильную сторону, а кроме того, раздраженный тем, что не получил никакого командования, а был подчинен Сабину, вновь перебежал к Сексту.

4. Битва при мысе Акций. Завершающие сражения гражданских войн.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Антоний. Пер. С.П. Маркиша.

60. Когда Цезарь счел свои приготовления достаточными, было постановлено начать войну против Клеопатры и лишить Антония полномочий, которые он уступил и передал женщине. К этому Цезарь прибавил, что Антоний отравлен ядовитыми зельями и уже не владеет ни чувствами, ни рассудком, и что войну поведут евнух Мардион, Потин, рабыня Клеопатры Ирада, убирающая волосы своей госпоже, и Хармион – вот кто вершит важнейшими делами правления.

Войне, как сообщают, предшествовали следующие знамения. Выведенная Антонием колония Пизавр на берегу Адриатического моря была проглочена пучиной во время землетрясения. В Альбе с мраморной статуи Антония струился пот, и несколько дней подряд статуя не просыхала, как ее ни вытирали. Когда Антоний находился в Патрах, молния сожгла тамошний храм Геракла, а из «Битвы с гигантами» в Афинах порыв ветра вырвал изображение Диониса и забросил в театр. Между тем Антоний, как уже говорилось выше, происхождение свое возводил к Гераклу, а укладом жизни подражал Дионису и даже именовался «новым Дионисом». Та же буря, обрушившись на Афины, из многих гигантских статуй опрокинула только две – Эвмена и Аттала, которые, по надписям на цоколях, были известны под названием «Антониевых». Флагманское судно Клеопатры звалось «Антониада», и на нем случилось вот какого рода зловещее происшествие: ласточки свили под кормою гнездо, но прилетели другие ласточки, выгнали первых и убили птенцов.

61. Когда противники двинулись друг против друга, под начальством Антония находилось не менее пятисот боевых кораблей, – в том числе много судов с восемью и десятью рядами весел, украшенных пышно и богато, – сто тысяч пехоты и двенадцать тысяч конницы. На его стороне выступали подвластные цари Бокх Африканский, Тархондем – властитель Верхней Киликии, Архелай Каппадокийский, Филадельф Пафлагонский, Митридат Коммагенский и царь Фракии Садал. Это лишь те, что явились сами, а войска прислали Полемон, царь Понта, Малх, царь Аравии, и царь Иудейский Ирод, а также

Аминт, царь Ликаонии и Галатии. Пришел вспомогательный отряд и от царя Мидийского. У Цезаря было двести пятьдесят судов, пехотинцев восемьдесят тысяч, а конницы примерно столько же, сколько у противника. Антоний правил землями от Евфрата и Армении до Ионийского моря и Иллирии, Цезарь – от Иллирии до Западного океана и от Океана до Тирренского и Сицилийского морей. Частью Африки, лежащею против Италии, Галлии и Испании, вплоть до Геракловых столпов, владел Цезарь, от Кирены до Эфиопии – Антоний.

62. Но Антоний уже до такой степени превратился в бабьего прихвостня, что, вопреки большому преимуществу на суше, желал решить войну победою на море – в угоду Клеопатре! А ведь он видел, что на судах не хватает людей и что начальники триер по всей и без того «многострадальной» Греции ловят путников на дорогах, погонщиков ослов, жнецов, безусых мальчишек, но даже и так не могут восполнить недостачу, и суда большею частью полупусты и потому тяжелы, неповоротливы на плаву! Напротив, Цезарь сосредоточил в Таренте и Брундизии флот, отличавшийся не хвастливою высотою или громадными размерами кораблей, но удобоуправляемостью, быстротой и безупречной оснащенностью каждого судна, и отправил к Антонию гонцов с требованием не терять времени даром, а немедленно выходить с боевыми силами в море. Он, Цезарь, готов предоставить вражескому флоту надлежащие якорные стоянки и гавани, а сам отступит от берега на день пути верхом, пока Антоний не закончит высадку и не разобьет лагерь. В ответ на этот хвастливый вызов Антоний, столь же хвастливо, предлагал Цезарю поединок, хотя был старше годами, а в случае отказа – сражение у Фарсала, там же, где некогда встретились войска Цезаря и Помпея. Опередив Антония, который стоял с флотом у Актия, – как раз против нынешнего Никополя, – Цезарь первым пересекает Ионийское море и захватывает местность в Эпире, называемую Торина, что означает «мешалка». Антоний был в тревоге – его сухопутные силы запаздывали, – но Клеопатра, смеясь, говорила: «Ничего страшного! Пусть себе сидит на мешалке!»

63. Рано поутру враги двинулись вперед, и Антоний, опасаясь, как бы они не захватили его корабли, на которых не было воинов, вооружил для вида гребцов и расставил их на палубе, весла с обеих сторон распорядился поднять и закрепить и разместил суда, носом к противнику, в горле залива – так, словно бы они полностью снабжены гребцами и готовы к обороне. Цезарь вдался в обман и отступил. Затем с помощью искусно возведенных запруд Антоний лишил неприятеля воды, которой повсюду в тех краях немного, да и та, что есть, – нехороша на вкус. С Домицием, вопреки советам Клеопатры, Антоний обошелся великодушно и благородно. Когда тот, уже в жару, в лихорадке, бежал к Цезарю, Антоний, хотя и был раздосадован, отослал ему все его вещи, отпустил его друзей и рабов. Но Домиций вскоре умер, видимо, страдая от того, что его предательство и измена не остались в тайне. К Цезарю переметнулись также двое из царей – Дейотар и Аминт.

Убедившись, что флот ни в чем не имеет удачи и никуда не поспевает своевременно, Антоний, волей-неволей, снова обратил главные свои надежды на сухопутные силы. Их начальник, Канидий, пред лицом опасности тоже переменил свое прежнее мнение: теперь он советовал отправить Клеопатру обратно и, отступив во Фракию или в Македонию, дать сухопутное сражение, которое и определит исход всего дела. Царь гетов Диком, убеждал Антония Канидий, обещает сильную подмогу, и нет никакого позора в том, чтобы уступить море Цезарю, который приобрел навык в морских боях, отвоевывая у Помпея Сицилию, – гораздо хуже будет, если Антоний, не знающий себе равных в искусстве борьбы на суше, не воспользуется мощью и боевой готовностью столь многочисленной пехоты, но распределит всю эту силу по кораблям и, тем самым, растратит ее впустую. Однако ж верх взяла Клеопатра, настоявшая, чтобы войну решила битва на море. Она уже высматривала себе дорогу для бегства и думала не о том, где принесет больше всего пользы, способствуя победе, но откуда легче всего сможет ускользнуть в случае поражения.

Лагерь был соединен с якорной стоянкой длинными стенами, под защитою которых Антоний часто ходил, не страшась никакой опасности. Какой-то раб открыл Цезарю, что Антония можно захватить, когда он спускается к берегу этой дорогой, и Цезарь послал людей, чтобы его подкараулить. И дело чуть было не завершилось успехом, да только караульщики выскочили из засады раньше срока, и в руки им попался воин, который шел впереди Антония, сам же он, хотя и с трудом, но бежал.

64. Приняв решение дать морской бой, Антоний распорядился все египетские суда, кроме шестидесяти, сжечь, а лучшие и самые большие из своих – от триер до кораблей с десятью рядами весел – снабдил гребцами и разместил на палубах двадцать тысяч тяжелой пехоты и две тысячи лучников. Говорят, что один начальник когорты, весь иссеченный в бесчисленных сражениях под командою Антония, увидевши его, заплакал и промолвил: «Ах, император, ты больше не веришь этим шрамам и этому мечу и все упования свои возлагаешь на коварные бревна и доски! Пусть на море бьются египтяне и финикийцы, а нам дай землю, на которой мы привыкли стоять твердо, обеими ногами, и либо умирать, либо побеждать врага!» На это Антоний ничего не ответил и, только взглядом и движением руки призвав старого воина мужаться, прошел мимо. Он уже и сам не верил в успех, и когда кормчие хотели оставить паруса на берегу, приказал погрузить их на борт и взять с собой – под тем предлогом, что ни один из неприятелей не должен ускользнуть от погони.

65. В тот день и еще три дня сильный ветер и бурные волны не давали начать сражение, но на пятый день наступило затишье, море сделалось ровным, как зеркало, и противники наконец сошлись. Антоний и Попликола вели правое крыло, Целий – левое, серединою командовали Марк Октавий и Марк Инстей, Цезарь левое крыло поручил Агриппе, а себе оставил правое. Начальники сухопутных сил, со стороны Антония – Канидий, со стороны Цезаря – Тавр, выстроили своих подчиненных вдоль берега и ожидали исхода борьбы. Что касается самих императоров, то Антоний, объезжая на лодке свои корабли, призывал воинов сражаться уверенно, словно на суше, полагаясь на большую тяжесть судов, а кормчим наказывал, принимая удары вражеских таранов, удерживать суда на месте, так словно бы они стоят на якорях, и остерегаться сильного течения в горле залива. Цезарь еще до рассвета вышел из палатки и обходною дорогой направился к судам, и тут, как рассказывают, навстречу ему попался какой-то человек, который гнал осла. На вопрос, как его зовут, погонщик, узнавши Цезаря, отвечал: «Меня зовут Эвтих-Счастливец, а моего осла – Никон-Победитель». Вот почему впоследствии, воздвигая на этом месте трофей, украшенный носами вражеских судов, Цезарь поставил рядом бронзовое изображение осла с погонщиком.

Оглядев с борта триеры весь боевой порядок, Цезарь прибыл на правое крыло и изумился, увидев, как неподвижно стоит неприятель в узком проливе, – казалось, будто корабли бросили якоря. Довольно долго он был уверен, что так оно и есть, и потому удерживал своих примерно в восьми стадиях от противника. В шестом часу поднялся ветер с моря, и люди Антония, наскучив ожиданием и надеясь на высоту и громадные размеры своих судов, по их мнению – неодолимых, привели в движение левое крыло. Заметив это, Цезарь обрадовался и приказал правому крылу дать задний ход, чтобы еще дальше выманить врага из залива, а потом окружить его и своими отлично снаряженными судами ударить по кораблям, которые делала неуклюжими и неповоротливыми чрезмерная тяжесть и недостача в гребцах.

66. Наконец завязался ближний бой, но ни ударов тараном, ни пробоин не было, потому что грузные корабли Антония не могли набрать разгон, от которого главным образом и зависит сила тарана, а суда Цезаря не только избегали лобовых столкновений, страшась непробиваемой медной обшивки носа, но не решались бить и в борта, ибо таран разламывался в куски, натыкаясь на толстые, четырехгранные балки кузова, связанные железными скобами. Борьба походила на сухопутный бой или, говоря точнее, на бой у крепостных стен. Три, а не то и четыре судна разом налетали на один неприятельский

корабль, и в дело шли осадные навесы, метательные копья, рогатины и огнеметы, а с кораблей Антония даже стреляли из катапульт, установленных в деревянных башнях. Когда Агриппа принялся растягивать свое крыло с расчетом зайти врагу в тыл, Попликола был вынужден повторить его движение и оторвался от средины, где тут же возникло замешательство, которым воспользовался для нападения Аррунтий. Битва сделалась всеобщей, однако исход ее еще далеко не определился, как вдруг, у всех на виду, шестьдесят кораблей Клеопатры подняли паруса к отплытию и обратились в бегство, прокладывая себе путь сквозь гущу сражающихся, а так как они были размещены позади больших судов, то теперь, прорываясь через их строй, сеяли смятение. А враги только дивились, видя, как они, с попутным ветром, уходят к Пелопоннесу.

Вот когда Антоний яснее всего обнаружил, что не владеет ни разумом полководца, ни разумом мужа, и вообще не владеет собственным разумом, но – если вспомнить чью-то шутку, что душа влюбленного живет в чужом теле, – словно бы сросся с этою женщиной и должен следовать за нею везде и повсюду. Стоило ему заметить, что корабль Клеопатры уплывает, как он забыл обо всем на свете, предал и бросил на произвол судьбы людей, которые за него сражались и умирали, и, перейдя на пентеру, в сопровождении лишь сирийца Алекса и Сцеллия, погнался за тою, что уже погибла сама и вместе с собой готовилась сгубить и его.

67. Узнавши Антония, Клеопатра приказала поднять сигнал на своем корабле. Пентера подошла к нему вплотную, и Антония приняли на борт, но Клеопатру он не видел, и сам не показался ей на глаза. В полном одиночестве он сел на носу и молчал, охватив голову руками. Тут появились либурны Цезаря. Антоний велел повернуть судно носом к врагу и отогнал преследователей, только лаконец Эврикл неукротимо рвался вперед, потрясая копьем и стараясь попасть в Антония с палубы своего суденышка. Тогда Антоний выпрямился на носу во весь рост и спросил: «Кто это там так упорно гонится за Антонием?» – «Я, сын Лахара Эврикл, которому счастье Цезаря доставило случай отомстить за смерть отца!» – последовал ответ. Этот Лахар был обвинен в морском разбое и, по приговору Антония, обезглавлен. Впрочем, корабль Антония Эврикл оставил в покое и, напавши на другое флагманское судно (всего их было два), таранил его, лишил управления и, зайдя с борта, взял в плен вместе с еще одним судном, на котором везли драгоценную столовую посуду.

Когда Эврикл отстал, Антоний снова застыл в прежней позе и так провел на носу три дня один, то ли гневаясь на Клеопатру, то ли стыдясь ее. На четвертый день причалили у Тенара, и здесь женщины из свиты царицы сперва свели их для разговора, а потом убедили разделить стол и постель.

Туда же, к Тенару, уже собирались в немалом числе грузовые суда, начали прибывать и друзья, спасшиеся после поражения: они сообщали, что флот погиб, но сухопутные силы, по их мнению, еще держались. Антоний отправил к Канидию гонца с приказом, не теряя времени, отступать через Македонию в Азию, а сам, собираясь переправиться в Африку, выбрал один корабль с большим грузом денег и драгоценной, серебряной и золотой утвари из царских кладовых и передал друзьям, чтобы они разделили всё между собою и не думали больше ни о чем, кроме собственного спасения. Друзья не соглашались и плакали, но он ласково и мягко уговорил их подчиниться и они уехали, увозя письмо Антония, в котором он наказывал Феофилу, своему, управляющему в Коринфе, предоставить им безопасное убежище до той поры, пока они не вымолят прощение у Цезаря. Этот Феофил приходился отцом Гиппарху, который занимал самое высокое положение среди приближенных Антония и, однако, первым из вольноотпущенников перебежал на сторону Цезаря; впоследствии он жил в Коринфе.

68. Но расстанемся на время с Антонием. Флот при Актии долго сопротивлялся и, несмотря на тяжелые повреждения, которые наносили судам высокие встречные валы, прекратил борьбу лишь в десятом часу. Убитых насчитали не более пяти тысяч, зато в плен взято было триста судов, как рассказывает сам Цезарь. Немногие видели бегство

Антония собственными глазами, а те, кто об этом узнавал, сперва не желали верить – им представлялось невероятным, чтобы он мог бросить девятнадцать нетронутых легионов и двенадцать тысяч конницы, он, столько раз испытавший на себе и милость и немилость судьбы и в бесчисленных битвах и походах узнавший капризную переменчивость военного счастья. Воины тосковали по Антонию и всё надеялись, что он внезапно появится, и выказали при этом столько верности и мужества, что даже после того, как бегство их полководца не вызывало уже ни малейших сомнений, целых семь дней не покидали своего лагеря, отвергая все предложения, какие ни делал им Цезарь. Но в конце концов однажды ночью скрылся и Канидий, и, оставшись совсем одни, преданные своими начальниками, они перешли на сторону победителя.

После этого Цезарь поплыл в Афины, примирился с греками и разделил остатки сделанных для войны хлебных запасов между городами, которые терпели жесточайшую нужду – ограбленные, лишившиеся всех своих денег, скота и рабов. Мой прадед Никарх рассказывал, что всех граждан Херонеи заставили на собственных плечах перенести к морю близ Антикиры сколько-то пшеницы, да еще подгоняли их при этом плетьми, а когда они вернулись, им отмерили еще столько же и уже готовы были взвалить им на плечи, когда пришла весть о поражении Антония, и это спасло город: управители Антония и солдаты тут же бежали, и хлеб граждане поделили между собою.

69. Высадившись в Африке, Антоний отправил Клеопатру из Паретония в Египет, а сам бродил с места на место в подавленности и глубоком уединении, которое с ним разделяли лишь двое друзей – греческий оратор Аристократ и римлянин Луцилий. (Об этом последнем мы уже рассказывали в другом месте: при Филиппах, чтобы помочь Бруту бежать, он выдал себя за него и отдался в руки преследователей, а потом был помилован Антонием и, в благодарность, оставался непоколебимо верен ему вплоть до последнего мига). Когда же полководец, которому он поручил свои силы в Африке, сам склонил это войско к измене, Антоний хотел покончить с собой, но друзья помешали ему и увезли в Александрию, где он встретился с Клеопатрою, занятой большим и отчаянно смелым начинанием. В этом месте, где перешеек, отделяющий Красное море от Египетского и считающийся границею между Азией и Африкой, всего сильнее стиснут обоими морями и уже всего – не более трехсот стадиев, – в этом самом месте царица задумала перетащить суда волоком, нагрузить их сокровищами и войсками и выйти в Аравийский залив, чтобы, спасшись от рабства и войны, искать нового отечества в дальних краях. Но первые же суда сожгли на суше, во время перевозки, петрейские арабы, а вдобавок Антоний выражал надежду, что сухопутные силы при Актии еще держатся, и Клеопатра отказалась от своего замысла и выставила сильные сторожевые отряды на главных подходах к Египту.

Антоний между тем покинул город, расстался с друзьями и устроил себе жилище среди волн, протянувши от Фароса в море длинную дамбу. Там он проводил свои дни, беглецом от людей, говоря, что избрал за образец жизнь Тимона, ибо судьбы их сходны: ведь и ему, Антонию, друзья отплатили несправедливостью и неблагодарностью, и ни единому человеку он больше не верит, но ко всем испытывает отвращение и ненависть…

71. С сообщением о потере войска, стоявшего при Актии, к Антонию прибыл сам Канидий. Одновременно Антоний узнал, что Ирод, царь Иудейский с несколькими легионами и когортами перешел к Цезарю, что примеру этому следуют и остальные властители и что кроме Египта за ним уже ничего не остается. Но ни одна из этих вестей нимало его не опечалила, напротив – словно радуясь, отрекся он от всякой надежды, чтобы вместе положить конец и заботам, бросил свое морское пристанище, которое называл Тимоновым храмом, и, принятый Клеопатрою в царском дворце, принялся увеселять город нескончаемыми пирами, попойками и денежными раздачами. Сына Клеопатры и Цезаря он записал в эфебы, а своего сына от Фульвии, Антулла одел в мужскую тогу без каймы, и по этому случаю вся Александрия много дней подряд пьянствовала, гуляла, веселилась. Вместе с Клеопатрой они распустили прежний «Союз неподражаемых» и составили новый, ничуть не уступавший первому в роскоши и

расточительности, и назвали его «Союзом смертников». В него записывались друзья, решившиеся умереть вместе с ними, а пока жизнь их обернулась чередою радостных празднеств, которые они задавали по очереди. Тем временем Клеопатра собирала всевозможные смертоносные зелья и, желая узнать, насколько безболезненно каждое из них, испытывала на преступниках, содержавшихся под стражею в ожидании казни. Убедившись, что сильные яды приносят смерть в муках, а более слабые не обладают желательною быстротою действия, она принялась за опыты над животными, которых стравливали или же напускали одно на другое в ее присутствии. Этим она тоже занимались изо дня в день и, наконец, пришла к выводу, что, пожалуй, лишь укус аспида вызывает схожее с дремотою забытье и оцепенение, без стонов и судорог: на лице выступает легкий пот, чувства притупляются, и человек мало-помалу слабеет, с недовольством отклоняя всякую попытку расшевелить его и поднять, словно бы спящий глубоким сном.

72. Вместе с тем они отправили к Цезарю в Азию послов. Клеопатра просила передать власть над Египтом ее детям, а Антоний – разрешить ему провести остаток своих дней если не в Египте, то хотя бы в Афинах, частным лицом. По недостатку в друзьях и по недоверию к ним – ведь кто только не перебежал на сторону врага! – послом был отправлен Эвфроний, учитель детей царицы. В самом деле, когда Алекс из Лаодикии, который познакомился с Антонием в Риме через Тимагена и пользовался у него таким влиянием, как ни один из греков, а впоследствии был сильнейшим орудием в руках Клеопатры и с успехом подавлял в душе Антония все остатки его добрых чувств к Октавии, – когда, повторяю, этот Алекс поехал по поручению Антония к царю Ироду, чтобы удержать его от измены, он там и остался и затем, полагаясь на Ирода, дерзнул еще явиться на глаза Цезарю. Но заступничество Ирода не помогло – его тут же схватили, в оковах отвезли в Лаодикию и там, исполняя приказ Цезаря, казнили. Так еще при жизни Антония поплатился Алекс за свое вероломство.

73. Просьбу Антония Цезарь отверг, а Клеопатре отвечал, что ей будет оказано полное снисхождение при одном условии – если она умертвит или изгонит Антония. Этот ответ повез в Александрию один из вольноотпущенников Цезаря, Фирс, человек весьма смышленый и сумевший самым убедительным образом говорить от имени молодого императора с надменною и непомерно гордившейся своей красотою женщиной. Клеопатра проявляла к нему особое уважение и беседовала с ним дольше и охотнее, нежели с остальными; это внушило Антонию подозрения, и он высек Фирса плетьми, а затем отпустил назад, к Цезарю, написав, что несчастья сделали его вспыльчивым и раздражительным, а Фирс держал себя слишком заносчиво и высокомерно. «Впрочем, – прибавлял он, – если ты сочтешь это оскорблением, то у тебя мой отпущенник Гиппарх – высеки его как следует, и мы будем квиты». Желая рассеять его подозрения, Клеопатра после этого случая ухаживала за ним с удвоенным усердием. Собственный день рождения она справила скромно и сообразно обстоятельствам, но в день рождения Антония задала празднество такое блестящее и пышное, что многие из приглашенных, явившись на пир бедняками, ушли богатыми.

Между тем Агриппа посылал Цезарю письмо за письмом, сообщая, что положение дел в Риме требует его присутствия. 74. Поход был отложен. Но когда зима миновала, Цезарь снова двинулся на Египет через Сирию, а его полководцы – через Африку. После взятия Пелусия распространился слух, что Селевк впустил неприятеля в город не без согласия Клеопатры. Но Клеопатра выдала Антонию на казнь жену и детей изменника, а сама приказала перенести все наиболее ценное из царской сокровищницы – золото, серебро, смарагды, жемчуг, черное дерево, слоновую кость, корицу – к себе в усыпальницу; это было высокое и великолепное здание, которое она уже давно воздвигла близ храма Исиды. Там же навалили груду пакли и смолистой лучины, так что Цезарь, испугавшись, как бы эта женщина в порыве отчаяния не сожгла и не уничтожила такое громадное

богатство, все время, пока подвигался с войском к Александрии, посылал ей гонцов с дружелюбными и обнадеживающими письмами.
Когда враги расположились наконец подле самого Конского ристалища, Антоний дал Цезарю бой, сражался с большим успехом и, обратив неприятельскую конницу в бегство, гнал ее до самого лагеря. Гордый победою, он возвратился во дворец, поцеловал, не снимая доспехов, Клеопатру и представил ей воина, отличившегося больше всех. Царица наградила его золотым панцирем и шлемом. А награжденный, захватив свою награду, в ту же ночь перебежал к Цезарю.
75. Снова Антоний послал Цезарю вызов на поединок. Тот отвечал, что Антонию открыто много дорог к смерти, и Антоний понял, что нет для него прекраснее кончины, нежели гибель в сражении, и решил напасть на противника и на суше и на море разом. Передают, что за обедом он велел рабам наливать ему полнее и накладывать куски получше, потому что, дескать, неизвестно, будут ли они потчевать его завтра или станут прислуживать новым господам, между тем как он ляжет трупом и обратится в ничто. Видя, что друзья его плачут, он сказал, что не поведет их за собою в эту битву, от которой ждет не спасения и победы, но славной смерти.
Около полуночи, как рассказывают, среди унылой тишины, в которую погрузили Александрию страх и напряженное ожидание грядущего, внезапно раздались стройные, согласные звуки всевозможных инструментов, ликующие крики толпы и громкий топот буйных, сатировских прыжков, словно двигалось шумное шествие в честь Диониса. Толпа, казалось, прошла чрез середину города к воротам, обращенным в сторону неприятеля, и здесь шум, достигнув наибольшей силы, смолк. Люди, пытавшиеся толковать удивительное знамение, высказывали догадку, что это покидал Антония тот бог, которому он в течение всей жизни подражал и старался уподобиться с особенным рвением.
76. С первыми лучами солнца Антоний расположил войско на холмах перед городом и стал наблюдать, как выходят навстречу врагу его корабли. В ожидании, что моряки проявят и доблесть, и упорство, он спокойно смотрел вниз. Но едва только сблизились они с неприятелем, как, подняв весла, приветствовали суда Цезаря и, получив ответное приветствие, смешались с ними, так что из двух флотов возник один, который поплыл прямо на город. Пока Антоний глядел на это зрелище, успела переметнуться и конница; а когда потерпела поражение пехота, Антоний возвратился в город, крича, что Клеопатра предала его в руки тех, с кем он воевал ради нее.
Полная ужаса пред его гневом и отчаянием, царица укрылась в своей усыпальнице и велела опустить подъемные двери с надежными засовами и замками. К Антонию она отправила своих людей, которые должны были известить его, что Клеопатра мертва. Антоний поверил и, обращаясь к самому себе, воскликнул: «Что же ты еще медлишь, Антоний? Ведь судьба отняла у тебя последний и единственный повод дорожить жизнью и цепляться за нее!» Он вошел в спальню, расстегнул и сбросил панцирь и продолжал так: «Ах, Клеопатра, не разлука с тобою меня сокрушает, ибо скоро я буду в том же месте, где ты, но как мог я, великий полководец, позволить женщине превзойти меня решимостью?!». У него был верный раб по имени Эрот, которого Антоний уже давно уговорил убить его, если придет нужда. Теперь он потребовал, чтобы Эрот исполнил свое слово. Раб взмахнул мечом, словно готовясь поразить хозяина, но, когда тот отвернул лицо, нанес смертельный удар себе и упал к ногам Антония. «Спасибо, Эрот, – промолвил Антоний, – за то, что учишь меня, как быть, раз уже сам не можешь исполнить, что требуется». С этими словами он вонзил меч себе в живот и опустился на кровать. Но рана оказалась недостаточно глубока, и потому, когда он лег, кровь остановилась. Антоний очнулся и принялся молить окружающих прикончить его, но все выбежали из спальни, и он кричал и корчился в муках, пока от Клеопатры не явился писец Диомед, которому царица велела доставить Антония к ней в усыпальницу.

77. Услыхав, что она жива, Антоний с жаром приказал слугам немедленно поднять его с ложа, и те на руках отнесли хозяина к дверям усыпальницы. Дверей, однако, Клеопатра не открыла, но, появившись в окне, спустила на землю веревки, которыми обмотали раненого, и царица еще с двумя женщинами – никого, кроме них она с собою внутрь не взяла – собственными руками втянула его наверх. Эти женщины – единственные свидетельницы происходившего – говорили, что невозможно представить себе зрелище жалостнее и горестнее. Залитого кровью, упорно борющегося со смертью, поднимали его на веревках, а он простирал руки к царице, беспомощно вися в воздухе, ибо нелегкое то было дело для женщин, и Клеопатра, с исказившимся от напряжения лицом, едва перехватывала снасть, вцепляясь в нее что было сил, под ободряющие крики тех, кто стоял внизу и разделял с нею ее мучительную тревогу.
Наконец Антоний очутился наверху, и, уложив его на постель и склонившись над ним, Клеопатра растерзала на себе одежду, била себя в грудь и раздирала ее ногтями, лицом отирала кровь с его раны и звала его своим господином, супругом и императором. Проникшись состраданием к его бедам, она почти что забыла о своих собственных. Утишив ее жалобы, Антоний попросил вина – то ли потому, что действительно хотел пить, то ли надеясь, что это ускорит его конец. Напившись, он увещал ее подумать о своем спасении и благополучии, если только при этом окажется возможным избежать позора, и среди друзей Цезаря советовал больше всего доверять Прокулею. А его, продолжал он, пусть не оплакивает из-за последних тяжких превратностей, пусть лучше полагает его счастливым из-за всего прекрасного, что выпало на его долю – ведь он был самым знаменитым человеком на свете, обладал величайшим в мире могуществом и даже проиграл свое дело не без славы, чтобы погибнуть смертью римлянина, побежденного римлянином.
78. Едва только Антоний испустил дух, как явился присланный Цезарем Прокулей. Случилось так, что когда раненого Антония понесли к Клеопатре, один из его телохранителей, Деркетей, подобрал меч Антония, тайком выскользнул из дому и побежал к Цезарю, чтобы первым сообщить о кончине Антония и показать окровавленное оружие. Услыхав эту весть, Цезарь ушел в глубину палатки и заплакал, горюя о человеке, который был его свойственником, соправителем и товарищем во многих делах и битвах. Потом, достав письма, он кликнул друзей и принялся им читать, чтобы они убедились, как дружелюбно и справедливо писал он и с какою грубостью, с каким высокомерием всегда отвечал Антоний. Затем он отправляет Прокулея с наказом употребить все средства к тому, чтобы взять Клеопатру живой: Цезарь и опасался за судьбу сокровищ, и считал, что, проведя Клеопатру в триумфальном шествии, намного увеличит блеск и славу своего триумфа. Встретиться с Прокулеем лицом к лицу Клеопатра не пожелала, однако между ними произошел разговор, во время которого Прокулей стоял снаружи у дверей, хотя и крепко запертых, но пропускавших голоса. Клеопатра просила оставить ее царство детям, а Прокулей убеждал ее не падать духом и во всем полагаться на Цезаря.
79. Внимательно осмотрев место кругом усыпальницы, Прокулей доложил Цезарю, и туда был отряжен Галл, чтобы продолжать переговоры. Он подошел к дверям, вступил в беседу и умышленно ее затягивал, а тем временем Прокулей, приставив лестницу, забрался внутрь через окно, в которое женщины до того втянули Антония. Не теряя ни мгновения, он вместе с двумя слугами помчался к дверям, где стояла Клеопатра, поглощенная разговором с Галлом. Одна из женщин, замкнувшихся с царицею в усыпальнице, воскликнула: «Клеопатра, несчастная, ты попалась! Клеопатра обернулась, увидела Прокулея и, выхватив пиратский кинжал, висевший у пояса, хотела убить себя. Но римлянин успел подбежать, стиснул ее обеими руками и сказал: „Клеопатра, ты несправедлива и к самой себе, и к Цезарю, лишая его случая во всем блеске выказать свою доброту и навлекая на милосерднейшего из полководцев ложное обвинение в вероломстве и жестокой непреклонности“. С этими словами он отобрал у египтянки оружие и резко отряхнул на ней платье, чтобы узнать, не спрятан ли где яд. Цезарь прислал еще своего

вольноотпущенника Эпафродита, поручив ему зорко и неотступно караулить Клеопатру, чтобы она не лишила себя жизни, в остальном же обходиться с нею самым любезным образом и исполнять все ее желания…

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга II. Пер. А.И. Немировского.

IV. 11. Ярость Антония, не нашедшая удовлетворения в честолюбии, иссякла в роскоши и похоти. После парфян он возненавидел оружие и предался покою. Плененный любовью к Клеопатре, он отдыхал на ее царской груди, словно после свершенных подвигов. (2) А египтянка в качестве платы за наслаждение требовала от опьяненного полководца Римскую империю. И Антоний обещал ей это, словно римлянин поддался бы ему легче, чем парфянин. (3) Отныне он начал стремиться к господству открыто, хотя и не для себя. Забыв родину, свое имя, тогу, фасцы, он вскоре полностью выродился в чудовище по духу, одежде и образу жизни. В руке — золотой скипетр, на боку — акинак, сам в пурпурном наряде, украшенном драгоценными камнями. Не хватало лишь диадемы, чтобы он наслаждался с царицей как царь. (4) При первом известии о происшедшем Цезарь переправился из Брундизия, чтобы принять меры против надвигавшейся войны и, став лагерем в Эпире, окружил своим готовым к нападению флотом мыс Авдий, остров Левку, горы Левкаты и горы Амбракийското залива. (5) У нас было более четырехсот кораблей, у врага — менее двухсот, но большей величины. Они имели от семи до девяти рядов гребцов и, увеличенные башнями и палубами, походили на плавающие крепости или города. Чтобы привести их в движение, стонало море и напрягался ветер. Но именно тяжесть и стала причиной их гибели. (6) Корабли Цезаря имели от двух до шести ярусов, не более. Лучше приспособленные ко всему: к нападению, к отходу, к любым необходимым движениям, они нападали на отдельные корабли и разрушали их метательными орудиями и рострами одновременно, а также предназначенными для метания факелами. (7) Никогда не была так видна мощь вражеских сил, как после победы над ними, ибо по всему морю разметало обломки огромного флота. Доспехи арабов, сабеев и множества других племен Азии, покрытые пурпуром и золотом, то и дело выбрасывало бурное от ветра море. (8) Царица, став зачинщицей бегства, повернула в открытое море свой позолоченный корабль с пурпурным парусом. Антоний — за ней. Но Цезарь следовал по пятам. (9) Не помогли приготовления к бегству в океан, как и укрепление гарнизонами обеих оконечностей Египта Паретония и Пелузия. Вскоре оба наложили на себя рукй. Первым пронзил себя мечом Антоний. Царица бросилась в ноги Цезарю, пытаясь прельстить взор полководца. Напрасно! Целомудрие для принцепса было выше красоты. (10) Клеопатра заботилась не о сохранении жизни, которую он ей обещал, а о части царства. Отчаявшись получить его от Цезаря и видя, что он сохраняет ее для триумфа, Клеопатра удалилась без должной охраны в мавзолей — так называют царскую гробницу. (11) Здесь она, надев лучшую одежду, легла на облитое благовониями ложе рядом со своим Антонием и, поднеся к венам змей, погрузилась в смерть, как в сон.

Дополнительная литература:

1. Парфенов В.Н. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. 278 с.
2. Циркин Ю.Б. Гражданские войны в Риме. Побежденные. СПб., 2006. 314 с.
3. Шифман И.Ш. Цезарь Август. Л., 1990. 199 с.

Тема 10

ПРАВЛЕНИЕ СОЛДАТСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

1. Солдатские императоры от Максимина Фракийца до Деция.

Геродиан. История императорской власти после Марка. Пер. Ю.К. Поплинского, М.В. Скржинской, Н.В. Шебалина.

VI. 8. (1) Был тогда в войске некто по имени Максимин, родом из живущих в глубине страны фракийцев, полуварваров, из какой-то деревни, где, как говорят, раньше, будучи еще ребенком, пас стада; по достижении же юношеского возраста благодаря высокому росту и силе был зачислен в конницу; затем мало-помалу, направляемый судьбой, прошел через все воинские звания, и в конце концов ему было доверено командование лагерями и управление провинциями. (2) Этого Максимина за опытность в военном деле, о которой упомянуто выше, Александр поставил над всем молодым пополнением войска с тем, чтобы он обучал его ратному ремеслу и приготовлял к участию в военных действиях. Исполняя со всей тщательностью все ему порученное, тот приобрел в полной мере расположение воинов, так как не только обучал их тому, что следовало делать, но и сам во всех делах показывал им пример, так что они были не просто учениками, но брали его за образец и подражали его мужеству. (3) Кроме того, он привязал их к себе подарками и разными отличиями. Вследствие этого юноши, большая часть которых была из паннонцев, любили Максимина за мужество, над Александром же насмехались за то, что им управляет мать и все дела устраиваются по воле и замыслам женщины, сам же он малодушен и лишен мужества в ратных делах. Они припоминали друг другу поражения, бывшие на Востоке из-за его медлительности, а также то, что он идя против германцев, не проявил ни мужества, ни отваги. (4) Поэтому, и всегда-то склонные к переворотам, они считали существующую власть вследствие ее длительности тяжкой и невыгодной для себя, так как уже были исчерпаны все щедроты, будущее же и предстоящее внушало им твердую уверенность на получение новых выгод, а неожиданное приобретение таковых всегда лестно и вожделенно. Они замыслили свергнуть Александра и провозгласить Августом и императором Максимина, своего соратника и сотоварища, казавшегося в силу своей опытности и мужества человеком, наиболее пригодным для ведения войны. (5) И вот, собравшись вооруженными на равнину как будто для обычных упражнений, они возложили на вышедшего и ставшего перед ними Максимина – был ли он в неведении относительно происходящего или тайно сам подготовил это заранее, неизвестно, – царскую порфиру и провозглашают его императором. (6) Сначала он отказывался и сбрасывал с себя порфиру, но когда его обступили с кинжалами и грозили убить, он, предпочтя будущую опасность настоящей, принял почесть, так как, говорил он, прежде оракулы и сны часто предсказывали ему столь великую судьбу. Сказав воинам, что он против своей воли и вопреки желанию, только повинуясь их просьбе, принимает эту долю, (7) он требует, чтобы они делом подтвердили свое решение, взяв оружие, поспешили бы, упреждая молву, напасть на Александра, пока он еще ничего не знает, с тем, чтобы, ошеломив неожиданностью сопровождающих его воинов и телохранителей, или убедить их перейти на свою сторону, или очень легко принудить к тому их, ничего не ожидающих и неподготовленных. (8) Приобретя их благосклонность и преданность, он удвоил их довольствие, обещал великие раздачи и дары, отменил все наказания и взыскания и отправился с ними в путь; место же, где расположился лагерем Александр со своими приближенными, было не очень удалено.

9. (1) Когда об этом было сообщено Александру, он пришел в величайшее замешательство и, пораженный невероятностью известия, выбежав из императорской палатки, словно

одержимый, проливая слезы и трепеща, стал обвинять Максимина в неверности и неблагодарности, перечисляя все благодеяния, с его стороны ему оказанные; (2) обвинял молодежь, дерзнувшую поступить столь опрометчиво и клятвопреступно; обещал дать все, чего они потребуют, и, если они чем-либо недовольны, исправить. Бывшие при нем воины в тот день проводили его с приветствиями, обещая всеми силами защищать его. (3) По прошествии же ночи, на рассвете, когда некоторые сообщили, что Максимин приближается и вдалеке видна клубящаяся пыль и слышен шум и крики многочисленного войска, Александр, вновь выйдя на равнину и созвав воинов, стал умолять, чтобы они сражались и спасли его, которого они сами вскормили и в четырнадцатилетнее царствование которого жили вполне удовлетворенные; призывая всех к состраданию и сочувствию, он приказал вооружаться и, выйдя, строиться. (4) Воины сначала обещали, потом же мало-помалу разошлись и не хотели браться за оружие. Некоторые из них требовали выдачи им для расправы командующего войском и друзей Александра, выдвигая как основание то, что они, якобы, явились причиной смуты. Другие бранили мать, как сребролюбицу и скопидомку, так как Александр вызвал к себе ненависть скаредностью и тем, что неохотно прибегал к раздачам. (5) Выкрикивая подобного рода обвинения, они оставались некоторое время на месте; когда же войско Максимина было уже в пределах видимости и молодежь криками призывала воинов оставить скаредную бабу и трусливого мальчишку, раба своей матери, и присоединиться к сильному и разумному мужу, соратнику, который всю жизнь провел среди оружия и в ратных делах, воины, убежденные этим, покидают Александра, присоединяются к Максимину и все провозглашают его императором. (6) Александр же, трепеща и теряя присутствие духа, с трудом возвращается в свою палатку; обняв мать и, как говорят, горько жалуясь и обвиняя ее, что из-за нее он это претерпевает, покорно стал ожидать убийцу. В это время Максимин, провозглашенный Августом всем войском, посылает трибуна и нескольких центурионов убить Александра и его мать, и тех из его окружения, кто окажет сопротивление. (7) Они, придя на место и ворвавшись в палатку, убивают его самого и мать его, и тех, кто слыл его другом и приближенным. Немногим из них удалось ненадолго бежать или скрыться; всех их впоследствии Максимин схватил и предал смерти. (8) Такой конец постиг Александра и его мать после четырнадцатилетнего по отношению к подданным безупречного и не знавшего кровопролитий царствования; склонный к человеколюбию и благодеяниям, он был чужд убийств, жестокости и опрометчивых поступков. Во всяком случае, царствование Александра полностью заслужило бы добрую славу, если бы ему не ставили в упрек сребролюбие и скаредность матери.

VII. 1. (1) Как жил и закончил свои дни Александр, пробыв императором четырнадцать лет, мы показали выше. Максимин же, переняв власть, произвел большие перемены; пользуясь своими возможностями очень круто и наводя большой страх, он пытался весьма мягкое и кроткое царствование превратить во всех отношениях в жестокую тиранию, зная о всеобщей неприязни к себе из-за того, что он первым был столь высоко взнесен судьбой, происходя из самых низов. (2) В силу своей природы он был как по нраву, так и по происхождению варваром: унаследовав от предков и соплеменников кровожадность, он стремился укрепить свою власть с помощью жестокости, боясь как-нибудь внушить презрение сенату и подданным, если они посмотрят не на его нынешнее положение, а на дешевые пеленки его младенчества. О нем все болтали и злословили, что он был пастухом во фракийских горах и, обладая большим ростом и физической силой, стал обыкновенным воином на родине и счастливая судьба привела его к власти над римлянами. (3) Итак, он немедленно отстранил всех, кто сопровождал Александра в качестве советников, избранных сенатом; некоторых из них он отослал в Рим, а от некоторых отделался под предлогом назначения управлять провинциями: он желал быть в войске единственным и не иметь соратников более знатного, чем он, рода для того, чтобы иметь возможность поступать тиранически и, находясь как бы на акрополе, не иметь рядом с собой никого,

кого можно было бы стыдиться. (4) Всю прислугу, которая в течение стольких лет жила при Александре, он удалил от императорского двора. Большинство из них он даже убил, подозревая в дурных замыслах: ведь он знал, что они горюют об убийстве Александра. Еще больше возбудил его жестокость и гнев против всех некий тайный заговор, который, по слухам, был составлен против него и в котором единодушно действовали многие центурионы и все сенаторы. (5) Некто по имени Магн был патрицием и консуляром. О нем донесли, что он собирает против Максимина отряд и убеждает некоторых воинов передать ему власть. А действовать, как говорили, будут так. (6) Им было известно, что, построив мост через реку, Максимин собирался переправиться к германцам; ведь как только он получил власть, он тотчас же принялся за военные дела, и поскольку казалось, что он избран из-за высокого роста, силы и военного опыта, то он старался оправдать делами свою репутацию и ожидания воинов; так же он пытался доказать справедливость осуждения медлительности и робости Александра в военных делах. Он не переставал упражнять и обучать воинов, сам нося оружие и воодушевляя войско. (7) Итак, построив тогда мост, он собирался переправиться к германцам. Говорили, что Магн убедил немногих воинов, однако превосходных, более всего таких, которым была доверена охрана моста и забота об его исправности, после переправы Максимина, разрушив мост, передать Максимина варварам, потому что у него не будет возможности возвратиться. Река, очень широкая и глубокая, оказалась для него непреодолимой из-за отсутствия кораблей у вражеских берегов и из-за разрушения моста. (8) Такая молва возникла о заговоре – она могла быть истинной или пущенной Максимином, точно же сказать нелегко, потому что она осталась непроверенной. Не дав никому возможности ни разобрать дело в суде, ни оправдаться, он всех, кого подозревал, внезапно схватил и казнил без пощады. (9) Произошло также возмущение осроенских лучников, которые очень скорбели о смерти Александра; случайно встретив некоего проконсула из друзей Александра (Квартин было его имя, его Максимин отослал из войска), они схватили его, ничего не подозревавшего, против его воли и поставили своим полководцем, украсили порфирой, стали носить перед ним факел (почести, оказавшиеся пагубными для него) и привели к власти, хотя он этого и не желал. (10) И вот ночью, став жертвой злого умысла, он был внезапно убит во время сна в палатке одним из спутников, считавшимся его другом; тот прежде командовал осроенцами (Македон было его имя), однако был инициатором насильственного захвата Квартина и возмущения среди осроенцев; не имея никакой причины для вражды и ненависти, он сам убил того, кого схватил и убедил, и полагая, что он сильно угодит Максимина, доставил ему отрубленную голову Квартина. (11) А тот обрадовался самому деянию, избавившись, как он полагал, от врага […] Македона же, хотя тот надеялся на многое и думал, что получит исключительную награду, убил – и как предводителя происшедшего возмущения, и как убийцу того, кого против воли сам уговорил, и как человека, оказавшегося неверным по отношению к другу. (12) Такого рода причины еще больше разожгли злобу и жестокость в душе Максимина, и прежде склонной к этому. И на вид он был очень страшен, и ростом чрезвычайно велик, так что нелегко было сравняться с ним кому-либо из тренированных эллинов или воинственнейших варваров.

2. (1) Совершив описанное выше, он, взяв все войско и бесстрашно перейдя мост, начал сражаться с германцами. Он привел с собой великое множество людей и почти всю римскую силу, огромное число мавританских копьеметателей, осроенских и армянских лучников, из которых одни были его подвластными, другие – друзьями и союзниками, и тех из парфян, кто либо был подкуплен деньгами и перебежал к нему, либо был захвачен в плен и находился в порабощении у римлян. (2) Эта масса войска еще раньше была набрана Александром, увеличена же Максимином и вымуштрована им военными упражнениями. Копьеметатели и лучники слывут особенно подходящими для сражения с германцами, так как они, не раздумывая, нападают на не ожидающих этого и легко отступают. (3) Оказавшись на неприятельской земле, Максимин прошел большую

территорию, причем никто ему не оказывал сопротивления, но, наоборот, варвары отступили. Он опустошил всю страну, особенно в пору полного созревания хлебов, и, поджигая деревни, отдавал их войску на разграбление. Огонь весьма легко распространяется по городам, какие есть у варваров, и по всем жилищам. (4) Ведь у них мало камня и обоженного кирпича, но зато леса густые, поэтому ввиду изобилия дерева они, скрепляя и сколачивая его, строят жилища. Максимин далеко продвинулся, совершая то, о чем мы говорили выше, уводя добычу и отдавая войску стада, которые ему попадались на пути. (5) Германцы отступили с равнин и с тех мест, где не было деревьев, прятались же они в лесах и держались около болот, чтобы там вступать в сражение и совершать набеги, потому что чаща растений задерживала в себе стрелы и дротики врагов, а глубина болот становилась для римлян опасной из-за незнания местности; им же самим, знавшим по опыту местность и погружавшимся лишь до колена в труднодоступных и коварных местах, легко было проходить. (6) Они ведь были натренированы в плавании, так как для омовения используют только реки. Вот около этих-то мест происходило больше всего столкновений. Здесь сам император весьма отважно начал битву. Когда около какого-то большого болота, к которому в бегстве отступили германцы, римляне не решались преследовать их, Максимин, первым бросившись в болото вместе с конем, хотя конь и погрузился в воду выше живота, стал убивать стоявших против него варваров, (7) так что остальное войско, постыдившись предать государя, сражавшегося за них, воспрянуло духом и вступило в болото; с обеих сторон пало большое число людей: из римлян.., из варваров – почти все тогда участвовавшие; особенно отличился сам император – настолько, что болото наполнилось телами, и из-за стоячей воды, смешавшейся с кровью, сражение пешего войска имело вид морского боя. (8) Об этом сражении и о своем подвиге он объявил сенату и народу не только письменно, но и, велев изобразить битву на больших картинах, поместил их перед зданием сената, чтобы римляне могли не только слышать о том, что произошло, но и видеть. Это изображение сенат впоследствии уничтожил вместе с остальными оказанными ему почестями. Произошли и другие столкновения, в которых он повсюду стяжал себе славу, отличившись собственными деяниями и своими военными подвигами. (9) Захватив в плен многих из германцев и угнав добычу, он, когда уже наступала зима, возвратился в область паннонцев и, находясь в Сирмии, слывшем крупнейшим тамошним городом, готовился к выступлению весной. Ведь он угрожал и (и собирался это исполнить) истребить и подчинить варварские племена германцев вплоть до океана.

3. (1) Таков он был в военных делах. И до славы поднялись бы его деяния, если бы он не стал для близких и подданных еще более невыносимым и страшным. Что за польза была от того, что варвары истреблялись, если становилось все больше убийств в самом Риме и среди подвластных племен? И к чему забирать добычу у врагов, грабя и отнимая имущество у своих? (2) Доносчики встречали всяческое попустительство, больше того – их подстрекали поднимать давнишние судебные дела, среди которых попадались не поддававшиеся расследованию и проверке. Всякий, только вызванный в суд доносчиком, уходил сейчас же побежденным, лишившись всего имущества. (3) Ежедневно можно было видеть вчерашних очень богатых людей просящими милостыню на следующий день. Столь великим было сребролюбие тирании под предлогом непрерывных расходов на оплату воинов. Максимин легко обращал свой слух к клевете, не щадя ни возраста, ни достоинства человека. Очень многих из тех, кому было доверено управление провинциями и военными лагерями, после того как они имели консульское звание или славу, заслуженную трофеями, он повелевал схватить на основании мелочного и низкого наговора, (4) приказывая посадить на повозки их одних, без прислуги, и везти ночью и днем, будь то с востока, с запада или с юга, к паннонцам, где он находился. Помучив и оскорбив, он наказывал их изгнанием или смертью. Пока это делалось по отношению к отдельным людям и несчастье затрагивало частное имущество, это было довольно безразлично населению городов и провинциям. (5) Ведь неудачи людей, которые слывут

преуспевающими и богатыми, не только не остаются без внимания у черни, но иногда радуют некоторых дурных и ничтожных из зависти к более могущественным и преуспевающим. Когда же Максимин довел до бедности большую часть славных домов – мелкие и незначительные он не считал достойными своих замыслов, – он перешел к общественному имуществу, и если были какие-либо государственные деньги, собиравшиеся для благодеяний и раздач простому народу или отложенные на театральные зрелища и всенародные празднества, он присваивал их себе; посвящения в храмы, статуи богов, почетные дары героям и какое было убранство общественных мест или украшения города, либо материалы, могущие быть превращенными в монету, – все переплавлялось. (6) Именно это огорчило народ и вызывало народную скорбь – вид осадного положения вдали от битв и без оружия, вследствие чего некоторые из простых людей простирали руки и охраняли храмы, готовые скорее пасть убитыми перед алтарями, чем видеть ограбление Отчизны. Поэтому по городам и в провинциях настроение народных масс было чрезвычайно угнетенным. Не были довольны происходящим также и воины, потому что родственники и близкие упрекали их в том, что Максимин так поступает из-за них.

4. (1) Причины же эти, отнюдь не необоснованные, возбуждали массы к ненависти и мятежу. Все молились и взывали к обижаемым богам, начать же никто не решался до тех пор, пока при завершении третьего года правления из-за малого и ничтожного повода – так ниспровергается тирания – первыми взялись за оружие и решительно подняли мятеж ливийцы по следующей причине. (2) Некто весьма круто управлял Карфагенской страной и вместе со всевозможными жестокостями завел штрафы и денежные поборы, желая быть на хорошем счету у Максимина. Последний ведь отличал тех, кто, по его сведениям, подходил к его образу мыслей. Тогдашние управители казны, если они в редких случаях и оказывались честными, то все же, имея перед глазами опасность и зная о его сребролюбии, невольно подражали остальным. (3) Итак, наместник Ливии по отношению ко всем прочим применял насилие и с неких молодых людей из знатных и богатых ливийцев, обложив их со всех сторон штрафами, попытался немедленно взыскать деньги и лишить их отцовского и родового имущества. Огорченные этим, молодые люди пообещали ему отдать деньги, попросив отсрочки на три дня. Составив заговор и склонив на свою сторону всех, о которых знали, что те либо претерпели нечто ужасное, либо опасаются претерпеть, они приказывают работавшим на полях рабам ночью сойтись в город и прихватить дубинки и топоры. (4) Повинуясь приказу господ, те до рассвета сошлись в город, пряча под одеждой оружие, принесенное для наспех затеянной войны. Собралась большая масса людей; ведь в Ливии, многолюдной по своей природе, было много народа, обрабатывавшего землю. (5) С наступлением рассвета вышедшие вперед молодые люди велят группе рабов следовать за ними, как бы составляя часть остальной толпы, приказав в том случае обнажить принесенное оружие и стойко сопротивляться, если кто-нибудь либо из воинов, либо из народа подойдет к ним, чтобы покарать за задуманное дело. (6) Сами же они, положив за пазуху кинжалы, подходят к наместнику, будто бы собираясь говорить об отдаче денег, и, внезапно, напав на него, ничего не подозревавшего, наносят удары и убивают. Когда же окружившие его воины обнажили мечи, желая отомстить за убийство, пришедшие с полей, бросившись с дубинками и топорами, стали сражаться за господ и легко обратили противника в бегство.

5. (1) После такой удачи дела молодые люди сразу же, оказавшись в отчаянном положении, поняли, что для них есть единственное спасение: если они к своему дерзкому поступку добавят еще более крупные дела и если они возьмут к себе в сообщники наместника провинции, а все население склонят к восстанию. Это, как они знали, давно было желанным вследствие ненависти к Максимину, но задерживалось из-за страха. (2) И вот вместе со всей толпой в полдень подходят они к дому проконсула. Гордиан было его имя; он получил по жребию это проконсульство, был стариком около восьмидесяти лет, управлял прежде многими провинциями и был испытан в крупнейших делах. Поэтому они полагали, что он с радостью примет власть как высочайшее завершение своих

предшествовавших деяний, а сенат и римский народ охотно признают мужа хорошего происхождения, занимавшего начальственные посты и как бы вполне последовательно дошедшего до такого положения. (3) Случилось, что в тот день, когда произошли эти события, Гордиан, отдыхая, находился дома, сменив напряжение на покой и дела на бездействие. Молодые люди, вооруженные мечами, вместе со всей толпой одолев силой охрану, стоявшую у ворот, врываются и находят его отдыхающим на кровати; обступив Гордиана, они набрасывают на него пурпурный плащ и обращаются к нему с почетом, как к Августу. (4) Он же, ошеломленный необычайностью происходящего, полагая, что это ловушка, злостно подстроенная против него, бросившись с кровати на землю, умолял пощадить старика, ничем их не обидевшего, и сохранять верность и преданность государю. В то время как они наступали на него с мечами, а он из-за страха и неведения не знал ни того, что совершилось, ни причины поворота судьбы, один из молодых людей, который выделялся среди них и происхождением, и силой красноречия, заставив остальных умолкнуть и велев успокоиться, держа правую руку на рукоятке меча, сказал Гордиану следующее: (5) «Так как существуют две опасности, одна – в настоящем, а другая – в будущем, причем первая совершенно очевидна, а вторая в руках неясной судьбы, то тебе следует выбрать, спастись ли сегодня вместе с нами и довериться надежде на лучшее, во что мы все уверовали, либо сейчас умереть от нашей руки. Если ты выберешь первое, то есть много оснований для хороших надежд: и ненависть у всех к Максимину, и жажда избавиться от жестокой тирании, и слава совершенных тобой ранее деяний, и твоя очень выдающаяся известность, и постоянный почет у сената и римского народа. (6) Если ты будешь противоречить и не согласишься с нами, тебе сегодня неминуемо предстоит конец. Мы погибнем и сами, если нужно, сначала погубив тебя. Мы решились на дело, требующее отчаянных поступков: ведь пал прислужник тирании и получил возмездие за жестокость, убитый нами. При таких обстоятельствах, если ты будешь содействовать нам и станешь участником опасного предприятия, ты и сам воспользуешься почестями императорской власти, и предстоящее нам дело будет одобрено и не вызовет кары». (7) В то время как молодой человек произносил примерно такую речь, остальная толпа, не сдерживая себя, – а сбежались уже все горожане, так как распространилась молва о происходящем, – провозглашает Гордиана Августом. Отказываясь и ссылаясь на старость, он, вообще-то честолюбивый, не без удовольствия уступил, предпочтя будущую опасность настоящей и считая, что в крайней старости не особенно страшно, если и придется умереть, удостоившись императорских почестей. (8) Вся провинция Ливия немедленно взволновалась, и все знаки почета Максимина они уничтожали, а изображениями и статуями Гордиана стали украшать города; прибавив к его основному имени прозвание Африканский, они назвали его по себе, ведь так южные ливийцы называются на языке римлян.

6. (1) Гордиан же, пробыв несколько дней в Тистре, где все это произошло, нося уже имя и одеяние императора, уехал из Тистра и поспешил в Карфаген, город, как он знал, очень крупный и многолюдный, для того, чтобы там делать все, как в Риме. Ведь этот город и по обилию денег, и по числу жителей, и по величине уступает лишь одному Риму, оспаривая второе место у города Александра в Египте. (2) За ним следовала вся императорская свита из воинов, которые были там, и из городских юношей высокого роста и в убранстве, какое имеют в Риме идущие впереди телохранители; ликторские пучки были обвиты лавровыми ветвями, что является признаком отличия императорских пучков от обычных, впереди несли факел, так что город карфагенян на короткое время получил облик и положение Рима, словно являясь его отображением. (3) Гордиан рассылает многочисленные послания тем, которые слыли первыми лицами в Риме, отправляет письма наиболее видным членам сената, большинство из которых было его друзьями и родственниками. Он составил также официальное послание римскому народу и сенату, в котором сообщал о единодушной поддержке его ливийцами, решительно обвинял Максимина в жестокости, вызывавшей, как он знал, ненависть, (4) сам же обещал всяческую мягкость, изгнание всех доносчиков,

пересмотр дел несправедливо осужденных, возвращение изгнанников в родные края; воинам он пообещал прибавку денег, какую никто раньше не давал, а народу посулил раздачи. В первую очередь он решил убить находившегося в Риме префекта претория; Виталиан было его имя. Гордиан знал, что тот действовал крайне свирепо и жестоко, был весьма любим Максимином и всецело предан ему. (5) Предполагая, что Виталиан будет стойко противиться происходящему и что из страха перед ним Гордиану никто не поможет, последний посылает квестора провинции, человека молодого, по природе храброго, физически сильного, цветущего возраста и готового на риск ради него; он предоставил в его распоряжение некоторое число центурионов и воинов, им он вручил запечатанное письмо на складных дощечках, на которых у государей рассылаются секретные и тайные послания. (6) Он велит им, до рассвета войдя в Рим, подойти к Виталиану во время исполнения им судебных обязанностей, когда тот уйдет в комнату, где в одиночестве расследует и разбирает дела, считающиеся секретными и тайными, касающиеся безопасности государя, объявить, что они несут секретно письмо Максимину и что они посланы Гордианом ради безопасности государя, (7) прикинуться, будто они хотят поговорить с ним наедине, и рассказать о поручении, затем, в то время как он займется проверкой печатей, притворившись, будто они о чем-то расспрашивают, убить его кинжалами, спрятанными за пазухой. Все это удалось, как он велел. Была еще ночь – Виталиан выходил обычно до рассвета, – когда они в присутствии небольшого числа людей подошли к нему, отделившемуся от остальных. (8) Ведь одни еще не вышли, а другие, после приветствования (патрона) до наступления дня, уже ушли. Так как было тихо и мало народа перед комнатой, то, сообщив ему о поручении, они без затруднения были впущены; после передачи послания, когда он бросил взгляд на печати, они, выхватив кинжалы и нанеся удары, убивают его и с обнаженным оружием выскакивают. (9) Присутствовавшие ушли, ошеломленные, полагая, что это приказ Максимина; ведь он часто поступал так даже с теми, которые, казалось, были им особенно любимы. Выйдя на середину Священной дороги, убийцы предъявляют письмо Гордиана к народу, консулам же и остальным вручают послания. Ими распускается слух, что убит и Максимин.

7. (1) Как только это известие распространилось, тотчас же весь народ стал бегать в разные стороны, как бы охваченный неистовством. Ведь всякая чернь безрассудно склонна к новшествам, а римский народ, в массе огромный и разнообразный по составу людей, часто и легко меняет свое настроение. (2) Сбрасывались статуи, изображения и все знаки почитания Максимина, и ненависть, прежде скрытая из-за боязни, несдерживаемая и освобожденная от страха, проявлялась беспрепятственно. Сенат, собравшись, прежде чем были получены точные сведения о Максимине, доверившись будущему на основании настоящего положения, провозглашает Гордиана с сыном Августами, а все, что связано с почитанием Максимина, уничтожает. (3) Клеветники и те, кто выступал чьим-либо обвинителем, или бежали, или были убиты обиженными; управителей и судей, претворявших в жизнь его жестокость, чернь вытаскивала на улицы и сбрасывала в клоаки. Произошло также немало убийств людей, не сделавших ничего несправедливого; неожиданно врываясь в дома и понося как клеветников, грабили и убивали заимодавцев, своих противников в судебных делах и тех, кто по какой-либо незначительной причине вызывал ненависть. (4) Под прикрытием свободы и безнаказанности в мирное время происходили дела, обычные для гражданской войны, так что проконсула города (Сабин было его имя), бывшего не раз консулом, когда он хотел помешать происходящему, ударили дубиной по черепу, и он скончался. Таково было состояние народа, а сенат, раз уж исчезла опасность страха перед Максимином, стал делать все, чтобы провинции отпали от него. (5) Повсюду ко всем наместникам были разосланы посольства, для чего были избраны мужи из самого сената и видные люди из всаднического сословия, а также ко всем были разосланы послания, объявлявшие мнение римлян и сената, увещевавшие наместников помочь их общей родине и сенату, а жителей провинций – повиноваться римлянам, которым издавна принадлежала государственная власть и для которых те с

давних пор – друзья и подвластные. (6) Большинство приняло посольства и легко отвратило провинции от Максимина, чья тирания была ненавистна, убив тех, кто на местах занимал должности и был на стороне Максимина, они присоединялись к римлянам. Немногие же либо умертвили прибывших послов, либо под стражей отослали к Максимину, каковых он хватал и жестоко наказывал.

8. (1) Таковы были дела в городе Риме и таково настроение. Когда Максимину сообщили о совершившемся, он стал мрачен и сильно озабочен, но притворился, что относится к этому с презрением. В первый и во второй день он спокойно находился у себя, советуясь с друзьями о том, что следует делать. (2) Все войско, которое было с ним, и все люди, находившиеся в той стороне, узнали об этих известиях, и души у всех были взволнованы смелым поворотом в столь больших делах, но никто никому ничего не говорил, и всякий притворялся, что ничего не знает; таков был страх, что ничто не скроется от Максимина и что следят не только за тем, что передается словом или звуком, но даже знаками глаз. (3) Между тем Максимин по прошествии третьего дня собрал все войско на равнине перед городом и, взойдя на трибуну (он принес с собой листок с речью, которую сочинил ему кто-то из друзей), произнес, читая, следующее: (4) «Я знаю, что если скажу вам недостоверное и неправдоподобное, то оно, как я полагаю, будет достойно не удивления, но шуток и насмешек. На вас и на ваше мужество поднимают оружие не германцы, которых мы часто побеждали, и не савроматы, каждый раз умолявшие о мире; персы, которые прежде опустошали Месопотамию, теперь успокоились, довольствуясь тем, что они имеют, так как их сдерживает ваша слава и военное мужество, известное им по моим действиям, которые они испытали, когда я командовал войсками на берегах. (5) Но ведь (разве не смешно сказать) обезумели карфагеняне и, уговорив или принудив к роли императора жалкого старика, в крайней старости лишившегося рассудка, забавляются императорской властью, как на праздничных шествиях. На какое войско полагаются они, у которых достаточно одних ликторов для обслуживания наместника? Какое носят оружие те, у кого нет ничего, кроме дротиков для борьбы со зверями? Хоры, насмешки и стихи – это их военные упражнения. (6) Пусть никого из вас не приводит в смущение то, что возвестили относительно Рима. Виталиан ведь был убит, захваченный коварством и обманом, а легкомыслие и изменчивость римского народа так же, как его смелость, которой хватает только для крика, вам прекрасно известны; если только они увидят двух или трех тяжеловооруженных, то, толкая и топча друг друга, каждый убегает, думая о своей собственной опасности, и забывает об общей. (7) Если же вам кто-нибудь сообщил содержание послания сената, не удивляйтесь, что наша воздержанность кажется им жестокостью, а больше ценится то, что в разнузданном образе жизни сродни им, и они называют ужасными мужественные и достойные почтения дела; распущенность и вакхическое исступление доставляют им удовольствие, как если бы это было что-либо спокойное. Поэтому они недоброжелательно относятся к моей власти, энергичной и благопристойной, обрадовались же имени Гордиана, обесславленную жизнь которого вы прекрасно знаете. (8) Против них и людей такого рода у нас война, если кто-нибудь хочет так это назвать. Я ведь полагаю, что большинство или почти все, если только мы ступим в Италию, протягивая с мольбой оливковые ветви и детей, будут распростерты у наших ног (а остальные убегут из-за трусости и слабости), так что у меня будет возможность отдать вам все их достояние, а у вас, взяв его, безбоязненно воспользоваться им». (9) Произнеся примерно такое и наговорив много бранного по отношению к Риму и сенату, выразив свой гнев грозными жестами руки и свирепой мимикой лица, будто враги находились тут же, он объявляет о выступлении на Италию. Раздав воинам чрезвычайно много денег, спустя один день он отправился в путь, ведя большое число войска и людей, подвластных Риму. (10) За ним следовало немалое число германцев, которых он покорил оружием или уговорами побудил к дружбе и союзу, а также осадные машины и военные орудия, и все, что он вез с собой, идя на варваров. Поход он совершал неторопливо из-за подходивших отовсюду повозок и провианта. (11) Так как поход на Италию был внезапным, то он

собрал все необходимое для войска не заранее, как делал обычно, но из случайных и вынужденных ресурсов. Он решил послать вперед фаланги паннонцев; ведь им он более всего доверял, так как именно они первыми назвали его императором и по своей воле обещали идти на риск ради него. Итак, он приказал им опередить остальное войско и первыми занять области в Италии.

9.(1) Таким образом они держали путь с Максимином, но в Карфагене дела шли не так, как они надеялись. Был некто из числа сенаторов по имени Капеллиан, он управлял подвластными римлянам мавританцами, которых называют нумидийцами. Чтобы сдерживать грабительские набеги варваров, окружавших народ мавританцев, провинция была ограждена лагерями. (2) Он имел под своим началом значительную военную силу. К этому Капеллиану Гордиан был издавна враждебно настроен из-за какого-то судебного спора. И теперь, получив звание императора, он послал к Капеллиану преемника и приказал удалиться из провинции. (3) А тот, присягнувший Максимину, который доверил ему наместничество, возмутился этим, собрал все войско, убедил сохранить верность и присягу Максимину и затем подступил к Карфагену, ведя огромную силу из крепких мужей в расцвете лет, снабженных всевозможным оружием, военным опытом, практикой битв с варварами и готовых к сражениям. (4) Когда Гордиану сообщили, что войско подходит к городу, сам он был в крайнем ужасе, а встревоженные карфагеняне, полагая, что твердая надежда на победу заключается в большом количестве народа, а не в правильном построении войска, выходят все сразу, чтобы противостоять Капеллиану. Старик Гордиан, как говорят некоторые, при наступлении Капеллиана на Карфаген впал в отчаяние и, зная мощь Максимина, а также не видя в Ливии никакой равной и способной сражаться с ним силы, сам повесился в петле. (5) Скрывая его кончину, карфагеняне избрали его сына для руководства массами. Во время столкновения численное превосходство было на стороне карфагенян, но они не имели боевого порядка, не были обучены военным делам (потому что выросли во время продолжительного мира и постоянно предавались празднествам и наслаждениям) и были лишены оружия и военных орудий. (6) Каждый прихватил из дома либо маленький меч, либо топор, либо дротики, употребляемые на псовой охоте; нарезав оказавшиеся под рукой шкуры и распилив бревна на куски случайных форм, каждый, как мог, изготовлял прикрытия для тела. Нумидийцы же – меткие копьеметатели и настолько великолепные наездники, что управляют бегом коней без узды, с помощью одной лишь палки. (7) Они с большой легкостью повернули массу карфагенян, которые, не выдержав их напора, побросав все, обратились в бегство. Тесня и топча друг друга, те в большей степени были погублены своими, нежели врагами. Здесь погиб и сын Гордиана, и все сопровождавшие его; из-за массы трупов они не смогли ни подобрать мертвых для погребения, ни найти тело молодого Гордиана. (8) Беглецы, которым удалось войти в Карфаген и скрыться там, рассеялись по всему городу, огромному и многолюдному; спаслись немногие из многих; остальная же масса, теснясь около ворот, причем каждый спешил проникнуть в них, погибла от ударов копьеметателей и ран, наносимых тяжеловооруженными. (9) По городу раздавалось много воплей женщин и детей, на глазах которых погибли те, кто был им наиболее дорог. Иные говорят, что, когда Гордиану, оставшемуся дома из-за старости, стало известно, что Капеллиан вступает в Карфаген, Гордиан, отчаявшись во всем, вошел в комнату, будто бы для того, чтобы уснуть, продел шею в петлю из пояса, который он носил, и окончил жизнь. (10) Так завершил свой жизненный путь Гордиан, прожив сначала счастливо и умерев в образе император. А Капеллиан, войдя в Карфаген, убил всех видных граждан, спасшихся из сражения, и не удержался ни от ограбления храмов, ни от расхищения частных и общественных денег. (11) Вступая в другие города, которые уничтожили знаки почитания Максимина, Капеллиан убивал видных граждан, а простых изгонял, позволял воинам сжигать и грабить поля и деревни под видом наложения наказания за то, в чем они провинились перед Максимином; втайне же он думал о приобретении для себя

благосклонности воинов, чтобы, располагая надежной силой, он сам мог добиться власти, если дела Максимина пошатнутся.
10. (1) В таком состоянии было положение в Ливии. Когда в Риме стало известно о кончине старца, народ пришел в сильное смятение и недоумение, а в особенности же сенат, так как погиб Гордиан, на которого они надеялись. Ведь они знали, что Максимин не пощадит никого; он и по природе относился к ним враждебно и с ненавистью, теперь же по основательным причинам, естественно, гневался на них, так как они прямо заявили себя врагами. (2) Было решено сойтись и обдумать, что следует делать; решили рискнуть сразу предпринять войну и поставить во главе избранных голосованием императоров, между которыми они хотели разделить власть, чтобы господство, находясь в руках не одного человека, не могло обратиться в тиранию. Они сошлись не в обычном месте заседания, а в храме Юпитера Капитолийского, которого римляне почитают на акрополе. (3) Заперевшись одни в священной ограде, как бы в присутствии Юпитера, свидетеля и участника – наблюдателя происходящего, выделив из числа сенаторов подобающего возраста и положения тех, кого они утверждали путем голосования на основании большинства голосов (другие тоже получили голоса, и мнения разделились), они сделали императорами Максима и Бальбина. (4) Из них Максим занимал много командных должностей в лагерях, став префектом Рима, правил твердо и в представлении простого народа отличался умом, находчивостью и воздержанным образом жизни, Бальбин же был из патрициев, дважды занимал должность консула и безупречно управлял провинциями, а по характеру был довольно прост. (5) После того, как они были избраны голосованием, их назвали Августами, а сенат в своем постановлении наделил их императорскими почестями. Пока это происходило на Капитолии, народ либо по наущению друзей и близких Гордиана, либо узнав по слухам о происходящем, подступил к воротам, преградив толпой весь путь на Капитолий; несли камни и бревна, протестуя против постановления сената, и особенно отвергали Максима. (6) Ведь он круто управлял городом и применял много решительных мер к негодным и легкомысленным людям из черни. Напуганные, они выражали ему неудовольствие, кричали и грозили убить их обоих. Требовали, чтобы император был избран из рода Гордиана и чтобы титул императорской власти оставался у этого дома и имени. (7) Бальбин и Максим силой пытались прорваться на Капитолий в окружении вооруженных мечами юношей из всаднического сословия и бывших воинов, которые находились в Риме; им, однако, препятствовали массой камней и бревен, пока они, по чьему-то наущению, не перехитрили народ. Был маленький ребенок, дитя дочери Гордиана, носивший то же имя, что и дед. (8) Послав нескольких из бывших с ними людей, они велят доставить ребенка. Те, найдя его дома играющим, подняв на плечи, идут сквозь толпу, показывая его черни, говоря, что он внук Гордиана, и называя его его именем, несут ребенка на Капитолий, а народ стал славословить его и забрасывать листьями. (9) Когда же сенат объявил ребенка Цезарем, так как он по возрасту не мог управлять делами, народ перестал гневаться и позволил государям вступить в императорский дворец.
11. (1) В то же самое время случилось гибельное бедствие в Риме, началом и поводом для которого послужил дерзкий поступок двух мужей из сената. Все сошлись в сенат, чтобы рассмотреть создавшееся положение. (2) Узнав об этом, воины, которых Максим оставил в лагере (они были уже накануне освобождения от воинской службы и по возрасту оставлены дома), подошли к входу в сенат, желая узнать о происходящем; невооруженные и одетые в простые плащи, они стояли вместе с остальным народом. (3) Другие оставались перед дверями, но двое или трое, которым не терпелось услышать обсуждение, вступили в здание сената, так что даже зашли за поставленный там алтарь Победы. Сенатор, недавно бывший консулом, по имени Галликан, родом карфагенянин, и другой, бывший претор по имени Меценат, мечами, принесенными за пазухой, наносят удары в грудь воинам, ничего не ожидавшим и даже державшим руки под плащами. (4) Из-за происшедшей стычки и смятения оказалось, что все, кто открыто, кто тайно, были

вооружены мечами, принеся их будто бы ради собственной защиты против неожиданного злого умысла врагов. В то время воины, сраженные и от внезапности не сумевшие защититься, полегли перед алтарем. (5) Видя это, остальные воины, потрясенные тем, что случилось с их товарищами, испугавшись массы народа, и сами, не имея оружия, обратились в бегство. Галликан же, выбежав из сената в гущу народа, показывая меч и окровавленную руку, побуждал преследовать и убивать врагов сената и римлян, друзей и союзников Максимина. (6) Легко поддавшись уговорам, народ стал славословить Галликана; воинов же, каких можно было настичь, забрасывали камнями. Другие воины, успевшие убежать раньше (причем несколько из них было ранено), прибежав в лагерь и заперев ворота, взялись за оружие и стали охранять стену лагеря. Галликан же, сразу решившийся на столь большое дело, навлек на город гражданскую войну и большое бедствие. (7) Он убедил толпу ворваться в общественные склады оружия, которое было приготовлено скорее для торжественных шествий, чем для сражения, и прикрыть свое тело, чем каждый сумеет; отперев гладиаторские казармы, он вывел гладиаторов, вооруженных их собственным оружием. Сколько было в частных домах и мастерских копий, мечей и секир, – все расхватывалось. (8) Воспламенившись, народ превращал в оружие любой подвернувшийся предмет из пригодного для сражения материала. Собравшись таким образом, они направились к лагерю и сразу же бросились к воротам и стенам, словно готовые к осаде. Воины же с большой опытностью, вооруженные… и зубцы стен, и щиты отгоняли их, пуская в них стрелы и отстраняя от стены длинными копьями. (9) С наступлением вечера, когда утомленный народ и израненные гладиаторы захотели уйти, воины, увидев, что те повернули, подставляют спины и уходят беспечно, так как полагают, что немногочисленные воины не решатся преследовать такую массу, внезапно открыв ворота, выбежали вслед за народом, убили гладиаторов, и в толчее погибло много народа. Воины преследовали их настолько, чтобы недалеко отойти от лагеря, и, возвратившись обратно, остались за стенами.

12. (1) После этого гнев народа и сената усилился. Избирались военачальники, со всей Италии собирались отборные воины и вся молодежь, и вооружились они на скорую руку сделанным и случайно подвернувшимся оружием. Большую часть их Максим повел с собой, чтобы воевать с Максимином; прочие остались охранять город и защищать его. (2) Все время совершались нападения на стену лагеря, но у них ничего не получалось, так как воины бились, находясь наверху, и они, поражаемые и получая ранения, уходили с уроном. Оставшийся дома Бальбин в изданном постановлении умолял народ пойти на примирение, а воинам обещал амнистию и давал прощение за все провинности. (3) Он, однако, не убедил ни тех, ни других; зло все время увеличивалось, потому что народная масса была возмущена тем, что к ней с презрением относятся немногочисленные воины, а воины негодовали на то, что терпят такое от римлян, словно от варваров. Наконец, так как штурмовавшие стену не могли ничего сделать, военачальники решили отрезать все источники воды, по которым она втекала в лагерь, и заставить воинов сдаться из-за недостатка питья и нужды в воде. (4) Взявшись за это, они стали отводить всю воду лагеря в другие русла, отрезая и загораживая стоки воды в лагерь. Воины же, видя опасность и оказавшись в отчаянном положении, отперли ворота и выступили; после жестокого сражения и бегства народа воины в своем преследовании проникли далеко за город. (5) Потерпев поражение в рукопашном бою, массы народа взбирались на дома и, швыряя черепицу, камни и разные черепки, губили воинов, а те не решались идти на них из-за незнания устройства домов; затем, так как дома и мастерские были заперты, они поднесли огонь к дверям и ко всем деревянным выступам, каких было много в городе. (6) Пламя очень легко распространилось по большей части города из-за скученности жилищ и большого количества сплошного дерева и превратило в бедных многих богатых, утративших великолепное и большое имущество, ценное богатыми доходами и разнообразной роскошью. (7) Вместе с этим сгорело множество людей, не сумевших убежать, так как пламя успело охватить все выходы. Были разграблены целые состояния

богатых людей еще и потому, что к воинам ради грабежа примешались злодеи и негодяи из простого народа. Огонь погубил такую часть города, что с этой частью не мог бы сравниться в целом ни один из крупнейших городов. (8) Такое происходило в Риме; Максимин же, окончив путь, остановился у границ Италии и, принеся жертвы на пограничных алтарях, собирался совершить вторжение в Италию; он приказал всему войску быть под оружием и выступать в строгом порядке. Мы описали восстание Ливии, гражданскую войну в Риме, то, что произошло у Максимина, и его прибытие в Италию; последующее будет рассказано ниже.

VIII. 1. (1) То, что было совершено Максимином после кончины Гордиана, а именно – его прибытие в Италию, отпадение Ливии и распря между воинами и народом в Риме, описано в предыдущей книге. Остановившись у границ, Максимин выслал вперед лазутчиков, чтобы они разведали, нет ли каких-нибудь тайных засад в горных ущельях или в лесных чащах. (2) Сам же он, сведя войско в долину, выстроил отряды тяжеловооруженных четырехугольниками, вытянутыми более в длину, чем в глубину, чтобы охватить большую часть долины, а весь вьючный скот и повозки поместил в середине; сам он вместе с телохранителями следовал в арьергарде. (3) С обеих сторон скакали подразделения конных латников, мавританские копейщики и лучники с Востока. Он вел в качестве союзников и великое множество германских всадников: их он чаще всего выдвигал вперед, чтобы они принимали на себя первые удары врагов вследствие того, что они были горячи и смелы в начале сражения, а как только приходилось подвергать себя опасности, они стоили мало, как и подобает варварам. (4) Пройдя всю равнину стройно и в полном порядке, войско остановилось перед первым италийским городом, который местные жители зовут Гема. Он построен в самой высокой части равнины у предгорья Альп. Здесь встреченные Максимином разведчики и лазутчики донесли, что город пуст, а жители все до одного бежали, поджегши двери храмов и домов; все, что находилось в городе и на полях, одно – увезли с собой, другое – сожгли, и не осталось провианта ни для вьючных животных, ни для людей. (5) Максимин обрадовался поспешному бегству италийцев, надеясь, что так же, не дожидаясь его прихода, будет поступать все население; войско же, в самом начале похода испытывая голод, было огорчено. Переночевав, одни в городе, в домах без дверей и совершенно пустых, другие – на равнине, они с восходом солнца поспешили к Альпам. Природа воздвигла эти длинные горы, словно стену Италии, высотой выше облаков и необычайно вытянутые в длину, так что они, охватив всю Италию, простираются в правой ее части до Тирренского моря, а в левой – до Ионийского залива. (6) Они покрыты сплошными густыми лесами, и проходы в них узки из-за обрывов, уходящих на большую глубину, или из-за неровностей скал. Тропы сделаны человеческой рукой, с великим трудом они проложены древними италийцами. С большим страхом двигалось войско, опасаясь, что вершины уже заняты, а проходы, чтобы помешать их прохождению, завалены. Их опасения и страхи были вполне естественны, если принять во внимание природу этих мест.

2. (1) Когда же они беспрепятственно перешли горы, никого по пути не встретив, то, спускаясь на равнину, уже приободрились и запели пэан. Максимин возымел надежду, что все удастся ему очень легко, так как италийцам не придали смелости даже труднопроходимые местности, где они могли либо скрываться и спасаться, либо устраивать ловушки при помощи засад, либо сражаться сверху, с более высоких позиций.

(2) Когда они оказались на равнине, лазутчики донесли, что самый большой город Италии Аквилея запер ворота, что посланные вперед отряды паннонцев мужественно штурмуют город, но, несмотря на частые атаки, ничего не достигают, выбиваются из сил и отступают, осыпаемые камнями, копьями и множеством стрел. Рассердившись на паннонских военачальников за то, что они столь нерадиво сражаются, Максимин поспешил сам вместе с войском, рассчитывая очень легко взять город. (3) Аквилея и прежде, как очень большой город, имела множество собственных жителей; находясь у моря, представляя собой как бы гавань Италии и будучи расположена напротив всех

иллирийских племен, она предоставляла для торговли тем, кто к ней приплывал, все привозимое с материка по суше и по рекам, а привозимое с моря, необходимое жителям материка, то, чем их страны в зимнее время не изобиловали, отправляла во внутренние области; обрабатывая землю, более всего пригодную для получения вина, они доставляли тем, кто не занимается виноградарством, этот напиток в изобилии; (4) поэтому в городе было множество не только граждан, но также чужестранцев и торговцев. А в это время население города еще больше увеличилось, так как сюда с полей стеклась вся масса народа, покинувшая городки и деревни и доверившаяся мощи города и оборонительной стене, которая, будучи весьма древней, в большей своей части была уже прежде разрушена, так как по установлении власти римлян города уже более не нуждались ни в стенах, ни в вооружении; вместо войны они получили прочный мир и соучастие в римском гражданстве. (5) Теперь, однако, приспела необходимость восстановить стену, вновь отстроить развалины, восстановить башни и укрепления. Итак, со всей поспешностью огородив город стеной и заперев ворота, они, всем народом расположившись на стенах, ночью и днем отбивались от наступавших. Командовали ими и ведали всем два человека, оба бывшие консулы, выбранные сенатом, одного из них звали Криспин, другого Менофил. (6) С величайшей предусмотрительностью они запаслись громадным количеством продовольствия с таким расчетом, чтобы был достаток, если даже осада затянется. И колодезная вода была у них в изобилии, ведь в городе много вырытых колодцев; у стен протекает река, давая в одно и то же время и защиту в качестве рва, и снабжение водой.

3. (1) Так город был подготовлен к осаде. Когда Максимину доложили, что город хорошо охраняется и заперт, он решил послать под видом посольства людей, которые снизу повели бы переговоры; может быть, они убедят тех открыть ворота. Был в войске трибун, которому Аквилея была родным городом, а дети, жена и все домашние заперлись в городе. (2) Его и послал Максимин вместе с другими центурионами, надеясь, что он как согражданин легко их убедит. Придя, послы передали, что Максимин, их общий государь, велит им сложить оружие с миром, встретить его как друга, а не врага, заняться лучше заключением соглашения и жертвоприношениями, а не убийствами и не допустить полного разрушения до основания их родного города, тогда как есть возможность и им самим спастись, и родной город спасти, потому что великодушный государь дарует им амнистию и прощение их заблуждений – не они ведь в этом виноваты, а другие. (3) Подобные слова послы, стоя внизу, выкрикивали так, чтобы было слышно; большинство народа, находившегося на стене и башнях, кроме тех, кто охранял другие участки, спокойно выслушивало эти речи. (4) Криспин же, опасаясь, как бы народ, поверив обещаниям и предпочтя борьбе мир, не отворил ворота, быстро обходя стену, уговаривал и упрашивал их держаться мужественно и достойно сопротивляться, не нарушать верность сенату и римскому народу, но прослыть спасителями и передовыми бойцами всей Италии, не верить обещаниям клятвопреступного и коварного тирана и не отдавать себя, прельстившись ласковыми речами, на явную гибель, тогда как есть возможность довериться изменчивой судьбе войны; (5) ведь часто даже находившиеся в численном меньшинстве одерживали верх над более многочисленными и, хотя и казались слабейшими, одолевали тех, кто казался более мужественным; не следует страшиться многочисленности вражеского войска. «Ведь сражающиеся за другого и за благоденствие, предназначенное другому, если только таковое осуществится, проявляют умеренное рвение к бою, зная, что сами они будут участвовать в опасностях, а самые значительные и главные плоды победы пожнет другой; (6) у тех же, кто сражается за родину, более сильны надежды от богов на победу, так как они желают не чужое захватить, но свое собственное спасти. Рвением к битвам они обладают не по приказу другого, а из-за собственной нужды, так как плод победы целиком остается у них». (7) Говоря подобные слова и каждому в отдельности, и всем вместе, Криспин, по природе человек вообще благородный и опытный в речах на языке римлян, мягко управлявший аквилейцами,

убедил их стоять на своем, а послам велел уйти ни с чем. Поговаривали, что он упорствовал в решении продолжать войну потому, что в городе было много людей, опытных в искусстве гадания по жертвоприношениям и по печени животных, и они объявляли о том, что знамения благоприятны; а италийцы больше всего верят именно такому гаданию. (8) И были даны прорицания, что местный бог обещает победу; его называют Белен и чрезвычайно почитают, желая видеть в нем Аполлона. Некоторые воины Максимина говорили, что его образ часто появлялся в воздухе, сражаясь за город. (9) Привиделось ли это кому-нибудь на самом деле или только желавшим, чтобы столь великое войско не навлекло на себя позора, не справившись с гораздо меньшим числом невоенных людей, и чтобы казалось, что они побеждены богами, а не людьми, – не могу сказать; неожиданность исхода заставляет поверить во всякое…

4. (1) Когда послы, ничего не добившись, вернулись к Максимину, он, распаляясь еще большим гневом и яростью, стал действовать энергичнее. Дойдя до очень большой реки, протекающей в шестнадцати милях от города, он обнаружил, что течение у нее, при огромной глубине и ширине, стремительное; ибо теплое время года, растопляя снега, смерзавшиеся в течение всей зимы на нависающих горах, создавало громадный вздувшийся поток. Поэтому для войска переход через реку был невозможен: ведь мост, большое и прекраснейшее сооружение, построенное древними государями из четырехфутовых каменных глыб, опиравшееся на постепенно увеличивавшиеся арки, аквилейцы разобрали и уничтожили. И так как не было ни судов, ни моста, войско стояло в молчании. (3) Некоторые германцы, незнакомые с сильным и бурным течением италийских рек, думая, что на равнинах реки текут медленно, как и у них на родине (потому они легко замерзают, что движение у них не быстрое), прыгнули в воду вместе с конями, приученными переплывать реки, и погибли, унесенные течением. (4) Построив за два или три дня палаточный лагерь, Максимин окружил его рвом, чтобы никто не мог на него напасть, а сам оставался на своем берегу с целью обдумать, каким образом навести мост через реку. Ввиду недостатка в лесе и судах, соединив которые следовало навести мост через реку, некоторые мастера подсказали, что на опустошенных полях есть много пустых сосудов для переноски вина, изготовленных из круглых колод, которыми ранее пользовались местные жители для собственного употребления, чтобы пересылать вино заказчикам без вреда для него; эти сосуды, выдолбленные наподобие судна, если их связать вместе, всплывут наверх, подобно челнам, и при этом не будут унесены благодаря связывающим их канатам; сверху на них будут набросаны ветки и насыпан умеренный земляной настил большим количеством рабочих рук и спешно. (5) Когда насыпь устоялась, войско, перейдя реку, пошло к городу. Они находили покинутые людьми дома предместий, вырубали виноградные лозы и все деревья, а кое-что и поджигали; так они осквернили красоту, которой прежде отличались эти местности. Ведь благодаря ровным рядам деревьев, соединенных со всех сторон связанными одна с другой по-праздничному виноградными лозами, можно было бы подумать, что страна украшена венком. Изрубив все это под корень, войско спешило к стенам. (6) Однако, устав, оно не решилось сразу идти на штурм; находясь вне выстрела и распределяясь по отрядам и подразделениям вокруг всей стены, как каждым в отдельности было приказано, они, отдохнув один день, приступили затем к осаде. Они начали подвозить различные осадные машины и, всеми силами штурмуя стены, не пренебрегали ни одним способом осады. (7) Хотя происходили многочисленные и почти ежедневные атаки и все войско как будто сетями опутывало город, аквилейцы, изо всех сил и храбро дерясь, сопротивлялись, обороняя стены, заперев храмы и дома, и всем народом, вместе с детьми и женами, бились сверху, с укреплений и башен, и не было возраста, который оказался бы бесполезным для участия в битве за родину. (8) Предместья и все, что было вне городских ворот, было разрушено войском Максимина, а деревом построек воспользовались для сооружения осадных машин. Они старались разрушить хоть какую-нибудь часть стены, чтобы, ворвавшись в город, войско могло разграбить все и, разрушив город, оставить страну пастбищем для овец и пустыней;

ведь у Максимина не будет пристойного и славного пути на Рим, если первый же сопротивлявшийся италийский город не будет уничтожен. (9) Поэтому обещаниями раздач и просьбами сам Максимин и сын его, которого он сделал Цезарем, разъезжая на конях, убеждали войско, усердно призывая проявлять рвение и подбадривая его. Аквилейцы же бросались сверху камнями и, смешивая с серой и асфальтом смолу и оливковое масло и налив эту смесь в полые сосуды с широкими ручками и зажигая ее, при приближении воинов рассеивали ее, выливая вниз все разом наподобие дождя. (10) Летящая смола вместе с вышеупомянутыми веществами, попадая на обнаженные участки тела, разливалась по всему остальному, так что воины сбрасывали с себя горящие панцири и прочее вооружение, в котором железо накалялось, а части, изготовленные из кож и дерева, горели и стягивались. Можно было увидеть воинов, обнаживших себя, а брошенное оружие, снятое не благодаря мужеству в бою, а хитрости военного искусства, являло вид отнятых у врагов доспехов. Из-за этого огромное множество врагов лишилось зрения и получило повреждения лица, рук и других обнаженных частей тела. Но и на подводившиеся к стене осадные машины аквилейцы сбрасывали факелы, также пропитанные смолой и камедью и снабженные на конце наконечниками копий; подожженные, несясь вниз, они вонзались в машины, крепко в них засев, и легко их сжигали.

5. (1) Итак, в первые дни военное счастье оставалось в состоянии неясности и равновесия; по прошествии же некоторого времени войско Максимина утратило решительность и, терпя неудачу в своих надеждах, впало в уныние; ведь тех, кто, как они полагали, не выдержит никакого штурма, они нашли не только сопротивляющимися, но и активно противоборствующими. (2) Аквилейцы же воодушевились и преисполнились всяческого рвения; приобретая в непрерывном сражении одновременно боевой опыт и отвагу, они начали презирать воинов и Максимина настолько, что даже смеялись над ними и поносили самого Максимина, когда он ездил вокруг стен, против него и его сына они извергали издевательские и позорные ругательства; приходя от этого в раздражение, он еще больше наливался злобой. (3) Не имея возможности направить ее против врага, он наказывал очень многих начальников своих воинов за то, что они недостаточно мужественно и нерадиво ведут штурм стен. Отсюда и появились ненависть к нему и озлобление со стороны своих, а со стороны врагов – еще большее презрение. У аквилейцев всего оказалось в изобилии; было у них и большое количество продовольствия, так как в город заранее в большом количестве было завезено все, что нужно было для еды и питья людям и скоту; войско же во всем испытывало нужду, так как фруктовые деревья были вырублены, а земля опустошена им самим. (4) Помещаясь в наспех сооруженных палатках, а большинство – под открытым небом, воины выносили дождь и жару и погибали от голода, так как не было подвоза продовольствия ни для них самих, ни для скота. Ведь римляне, соорудив стены и ворота, перегородили пути в Италию. (5) Сенат послал консуляров с отборными и лучшими во всей Италии мужами, чтобы они охраняли все морские берега и гавани и чтобы никому не дозволялось выплывать; поэтому о том, что делалось в Риме, Максимин не слышал и не знал; все проезжие дороги и тропы охранялись, так что никто не мог по ним пройти. Получилось так, что войско, которое, как казалось, осаждает город, само оказалось в осаде; ведь оно ни Аквилею не могло взять, ни, удалившись оттуда, пойти на Рим из-за отсутствия судов и повозок – все было уже занято и отрезано. (6) Ползли основанные на подозрениях и преувеличивавшие истину слухи, будто весь римский народ взялся за оружие, вся Италия действует единодушно, все иллирийские и варварские провинции, а также провинции Востока и Юга собирают войско, Максимина же все одинаково ненавидят и умом и сердцем. Воины находились в отчаянном положении и во всем терпели нужду, чуть ли даже не в воде. (7) Питье бралось только из протекающей рядом реки, его и пили, осквернённое кровью и трупами; ведь аквилейцы, не имея возможности похоронить умерших в городе, сбрасывали их в реку, да и в войске убитых или погибших от болезни

бросали в реку, так как не имелось того, что нужно для погребений. (8) И вот войско испытывало всяческую нужду и было в унынии. В то время как Максимин отдыхал в палатке – а в этот день была передышка от военных действий и большинство воинов удалилось в палатки и на посты, назначенные для охраны, – воины, лагерь которых находился у самого города Рима под так называемой Альбанской горой, где они оставили своих детей и жен, решили убить Максимина, чтобы избавиться, наконец, от длительной и бесконечной осады города и больше не опустошать Италию ради всеми осужденного и ненавистного тирана. (9) Собравшись с духом, они в полдень приближаются к его палатке, где к ним примкнули и охранявшие его телохранители, срывают со значков изображения Максимина и его, вышедшего из палатки вместе с сыном, чтобы поговорить с ними, не позволив этого, убивают. Умерщвляют они также командующего войском и всех близких друзей Максимина; бросив трупы на поругание и надругательство всякому желающему, они оставили их в пищу собакам и птицам. Головы Максимина и его сына послали в Рим. Таков был конец Максимина и его сына, наказанных за дурное правление.

6. (1) Когда все войско узнало о случившемся, всех охватило оцепенение, и отнюдь не все были довольны тем, что было сделано, больше же всех – паннонцы и фракийские варвары, которые вручили ему власть. Однако, раз дело было уже сделано, они хоть и против воли, но терпели; приходилось притворно радоваться вместе с другими тому, что произошло. (2) Сложив оружие, они в мирном порядке подошли к стенам Аквилеи, объявляя об убийстве Максимина; они просили отворить ворота и принять как друзей вчерашних врагов. Военачальники аквилейцев, однако, не позволили открыть ворота, но, выставив изображения Максима, Бальбина и Цезаря Гордиана, украшенные венками и лаврами, сами их славословили и потребовали, чтобы воины признали, провозгласили и славословили императоров, провозглашенных римским народом и сенатом. (3) О тех Гордианах говорили, что они удалились на небо и к богу. На стенах города устроили рынок, выставляя на продажу в изобилии все необходимое – разнообразную пищу и питье, одежду и обувь, – словом все, что только мог предоставить на потребу людям благоденствующий и процветающий город. (4) Тут войско изумилось еще больше, когда поняло, что у тех было бы все необходимое, если бы даже они еще долго выдерживали осаду, – а сами они из-за отсутствия всякого продовольствия скорее погибли бы, чем захватили город, обеспеченный всем. Войско оставалось вокруг городских стен, получая все необходимое, кто сколько хотел, – со стен; те и другие переговаривались между собой. Картина была мирная и дружеская, но оставалась видимость осады, так как стены были заперты и войско располагалось вокруг них. (5) Таково было положение под Аквилеей. Всадники же, везшие голову Максимина от Аквилеи, совершили путь со всей возможной быстротой; при их приближении к другим городам ворота открывались и жители встречали их с лавровыми ветвями. Переплыв озера и болота между Альтином и Равенной, они встретились с императором Максимом, пребывавшим в Равенне, где он собирал отборных людей из Рима и лучших воинов из Италии. (6) Пришла к нему на помощь и немалая сила германцев, присланная ими из расположения, какое они к нему издавна питали – с тех пор как он был у них заботливым правителем. Итак, пока он подготавливал силу для войны с войском Максимина, к нему прибывают всадники, неся голову Максимина и его сына, с вестью о победе и счастье и о том, что войско мыслит заодно с римлянами и почитает императоров, которых избрал сенат. (7) При столь неожиданном известии на алтарях стали совершать жертвоприношения и все славословили без труда одержанную победу. Получив благоприятные предзнаменования, Максим отсылает всадников в Рим, чтобы возвестить о случившемся народу и доставить голову. Когда те прибыли и влетели в город, показывая насаженную на пику голову врага, чтобы она была видна всем, – тут уж невозможно передать радость этого дня. (8) Не было такого возраста, который не спешил бы к алтарям и святилищам, и никто не оставался дома, но все носились, как исступленные, поздравляя друг друга, и сбегались на ипподром, будто устраивая народное собрание в этом месте. И сам Бальбин совершал

гекатомбы, и все должностные лица, и сенат; во все провинции были разосланы вестники и глашатаи с лавровыми ветвями.
7. (1) Так обстояли дела в Риме. Максим же, выйдя из Равенны, явился к Аквилее, перейдя топи, которые, наполняясь водами реки Эридана и окрестных болот, семью устьями вливаются в море, поэтому местные жители и называют их на своем языке «Семью морями». (2) Аквилейцы, тотчас же открыв ворота, приняли его, а италийские города начали присылать посольства из виднейших своих мужей, которые в белых одеждах и с лавровыми ветвями несли изображения своих отеческих богов и все золотые венки из посвящений, какие у них были; они славословили Максима и осыпали путь листьями. Войско, осаждавшее Аквилею, вышло навстречу в мирной одежде и с лавровыми ветвями в руках, но не все целиком по искреннему расположению, а с притворной преданностью и почтением, вынужденные к тому нынешним поворотом судьбы императорской власти. (3) Ведь большинство из них негодовало и втайне скорбело о гибели выбранного ими государя и о том, что у власти – избранники сената. Оказавшись в Аквилее, Максим в первый и второй день занимался жертвоприношениями, а на третий день, созвав все войско на равнину, где для него было устроено возвышение, сказал следующее: (4) «Вы узнали на опыте, сколь полезно было вам раскаяться и присоединиться к римлянам, вместо войны вкушая мир с помощью богов, которыми вы поклялись; и ныне вы храните военную присягу, которая является священным таинством Римской державы. Вам и впредь следует постоянно наслаждаться всем этим, храня верность римлянам, сенату и нам, императорам, которых избрали народ и сенат, решив, что мы как бы последовательно дошли до такого положения ввиду благородного происхождения и длинного ряда многочисленных подвигов. (5) Власть не есть личная собственность одного человека, но издавна является общим достоянием римского народа – в том городе и пребывает судьба императорской власти; нам вместе с вами вручено управление и распоряжение государственными делами. Все это вместе с порядком и подобающим благоустроением, с уважением и почтением по отношению к правителям принесет вам счастливую и совершенно свободную от лишений жизнь, а всем другим людям, живущим в провинциях и городах, – мир и повиновение властям. Вы будете жить и по своему вкусу среди своих, вместо того, чтобы терпеть бедствия на чужбине. (6) А о том, чтобы и варварские племена оставались спокойными, будем заботиться мы. При двух государях с большим удобством будут устраиваться дела в Риме, и если что-нибудь потребует отправления в чужие страны, то один всегда легко сможет оказаться там, куда зовут настоятельные дела. Пусть никто из вас не думает, что у нас остается какое-нибудь воспоминание о том, что у нас или у римлян, или у других народов, которые восстали из-за обид, было сделано – ведь вы действовали по приказанию; но да будет все предано забвению, да будет договор о прочной дружбе и вечная уверенность в благорасположении и добром порядке». (7) Произнеся примерно такие слова, Максим объявил о щедрых денежных раздачах и, проведя в Аквилее несколько дней, предпринимает обратный путь в Рим. Прочее войско он отослал в провинции и в их лагеря, а сам возвратился в Рим с телохранителями, которые охраняют императорский дворец, и с теми, кто служил под начальством Бальбина. (8) С ними возвратились и прибывшие в качестве союзников германцы; он полагался на их верность, так как этим народом он справедливо управлял еще прежде, когда не был императором. При въезде в Рим его встретил Бальбин, взявший с собой Цезаря Гордиана; сенат же и народ принимали его, славословя как триумфатора.
8. (1) Остальное время правили они городом, соблюдая всяческую благопристойность и порядок, повсюду славословимые – и частным образом, и всенародно. Народ был доволен ими, гордясь государями благородными и достойными императорской власти; воины, однако, возмущались в душе и были недовольны славословиями народа; они тяготились самим их благородством и негодовали на то, что имеют государей из сената. (2) Их огорчали и германцы, сопровождавшие Максима и стоявшие в Риме; воины ожидали, что найдут в них противников, если решатся на какой-нибудь дерзкий шаг, и подозревали, что

те подстерегают случай обезоружить их с помощью какой-нибудь хитрости, а сами, раз они тут же находятся, стать на их место. Они вспоминали пример Севера, который обезоружил убийц Пертинакса. (3) Когда происходили Капитолийские состязания и все были заняты празднествами и зрелищами, они внезапно обнаружили свой образ мыслей, который до тех пор скрывали, и, не сдерживая своего гнева, под влиянием неразумного порыва все как один бросились во дворец и ворвались к старикам-государям. (4) Случилось так, что у тех не было большого согласия, но каждый тянул власть к себе, как это обычно бывает под влиянием жажды единовластия и непримиримости к соучастнику во власти. Бальбин желал первенствовать ввиду знатного происхождения и дважды занимавшейся им должности консула, Максим же – ввиду того, что он был префектом города и слыл опытным в делах; тот и другой были благородного происхождения, патриции, имели значительное число предков – и это поддерживало их стремление к единовластию. (5) Это и явилось для них главной причиной гибели. Когда Максим узнал, что так называемые преторианцы идут их погубить, он пожелал послать за находившимися в Риме германскими союзниками, которые будут достаточно сильными, чтобы оказать сопротивление злоумышленникам. Бальбин же, думая, что это злой умысел против него и обман (ведь он знал преданность германцев Максиму), воспротивился этому, говоря, что германцы явятся не для защиты и не для сопротивления преторианцам, а чтобы доставить Максиму единовластие. (6) И вот, пока они спорят об этом, воины все вместе вбегают – стража, охранявшая дворцовые входы, отступила перед ними, – хватают стариков, срывают бывшую на них простую одежду, какую носят дома, нагих выволакивают из императорского дворца со всяческой бранью и издевательством, бьют их и смеются над государями из сената, рвут им, словно упиваясь этим, бороду и брови, подвергают всяким телесным мукам; потом их уводили в лагерь через весь город. Они не пожелали убить их сразу, во дворце, а хотели надругаться над живыми, чтобы заставить их дольше испытывать страдания. (7) Узнав об этом, германцы берутся за оружие и спешат на помощь императорам; при вести об их приближении, преторианцы добивают совершенно изувеченных государей. Бросив тела на проезжей дороге, подняв Цезаря Гордиана, провозглашают его императором (так как в то время не нашли другого), крича народу, что они убили тех, кого народ с самого начала не пожелал видеть у власти, и что они избрали Гордиана, внука того Гордиана, которого заставили взять власть римляне. Вместе с ним они входят в лагерь и, заперев ворота, успокаиваются. Германцы, увидя убитыми и лежащими во прахе тех, ради кого они спешили, не желая начинать напрасную войну за мертвых мужей, возвратились в свои казармы. (8) Таков был недостойный и беззаконный конец почтенных и достопамятных, благородных и заслуженно пришедших к власти старцев. Гордиан же приблизительно в тринадцатилетнем возрасте был провозглашен императором и принял власть над римлянами.

Зосим. Новая история. Книга I. Пер. Н.Н. Болгова.

11. После этого стать избранным на трон было суждено Александру, также принадлежавшему к фамилии Северов **[222-235 гг.]**. (2) Так как он был молод и добронравен, все римляне строили большие надежды относительно его правления. Александр назначил префектами претория Флавиана и Хреста, людей не только опытных в битвах, но и хорошо разбиравшихся в гражданском управлении. Однако, мать императора Маммея выдвинула как бы в противовес им Ульпиана - превосходного законоведа, который мог справиться с самыми серьезными делами и был искусен в толковании будущего. Она предназначала его в опекуны над Александром и фактически - в соправители. Поэтому у воинов стало назревать недовольство, и они начали тайно умышлять избавиться от Ульпиана. (3) Маммея, однако, раскрыла заговор и расстроила его, казнив злоумышленников. После этого она предоставила Ульпиану исключительные полномочия в префектуре претория до такой степени, что это стало выглядеть

подозрительно в глазах солдат, хотя я не могу гадать о причине такого отличия, судя по его политике. Вспыхнул мятеж, в ходе которого Ульпиан был убит, и даже сам император не смог помочь ему спастись.

12. С этого времени солдаты постепенно начали утрачивать свое уважение к Александру и, казалось, не хотели повиноваться порядку до такой степени, что опасаясь наказания за свою праздность и безделье, они прибегли к новому мятежу. Объединившись, они выдвинули в качестве императора [некоего] Антонина, (2) но тот был неспособен вынести бремя власти и бежал в неизвестном направлении. Следом за ним императором был провозглашен Ураний, человек рабского происхождения, который немедленно был выдан Александру в своем пурпуре. Ненависть солдат к императору росла, и это не могло не оказать на него физического и морального влияния. В результате Александр был поражен болезненной страстью к деньгам, которые он копил в сокровищнице под присмотром своей матери.

13. В этой трагической ситуации войска в Паннонии и Мёзии, которые еще ранее отпали от Александра, теперь все более и более возбуждались к мятежу. Совершив переворот, они провозгласили императором Максимина **[март 235 г.]**, который был в то время командиром кавалерийской турмы в Паннонии. Собрав все свои силы, Максимин двинулся в Италию, соблазняя воинов вероятностью легкой победы над неподготовленным к сражению императором. (2) Однако, Александр, находившийся в рейнских провинциях, узнал о мятеже и поспешил возвратиться в Рим, где намеревался принести извинения солдатам, и даже Максимину, если они откажутся от своих намерений. Но император так и не смог повлиять на бунтовщиков и в отчаянии предал себя смерти, а когда Маммея и префекты вышли из дворца, пытаясь подавить беспорядки, они также были убиты. (3) Таким образом Максимин установил твердую власть над империей, хотя никто не хотел смены умеренного правления на жестокую тиранию. На сторону нового императора встали многие незнатные семьи и просто темные личности, поэтому он, взяв власть над империей, естественным образом потворствовал тем порокам, которые делались явными вследствие чрезмерной власти. Постепенно он стал невыносимым для всех. Максимин не только оскорблял достоинство государственных служащих, но также крайне жестоко относился и к остальным людям. Он потворствовал доносчикам, которые должны были его информировать специально против недовольных, обвиняя их в том, что они - должники императорской казны. В конце концов, из-за алчности Максимин принялся за убийства людей без разбора, узурпировав общественное и разграбив частное имущество.

14. Провинции всей империи также тяготились чрезмерной жестокостью Максимина и разорялись его вопиющей жадностью. Поэтому африканцы провозгласили Гордиана и одноименного с ним его сына императорами **[238 г.]** и отправили послов в Рим. Одним из этих послов был Валериан, муж ранга консуляра, позднее - император. Сенат утвердил действия африканцев и начал подготавливать освобождение государства от тирании. Для этого солдат побуждали к восстанию, а народу напоминали о беззакониях, которые причинил Максимин каждому человеку в отдельности и государству в целом. (2) Единодушно было решено, что будет избрано двенадцать сенаторов, сведущих в военном деле, а из них были выбраны два императора - Бальбин и Максим. После этого, перейдя к активным действиям, последние заняли дороги, ведущие в Рим, и выступили с целью поддержать африканское восстание.

15. Когда Максимин узнал об этих событиях, он послал на Рим мавританские и галльские отряды. Его противники заняли Аквилею, и когда они заперли перед ним проход в Италию, Максимин осадил город. Однако, когда вспомогательные части Максимина с трудом удалось склонить к выбору в пользу общественного блага и примкнуть к действиям по его свержению. Максимин, оказавшись в такой страшной опасности, не терял самообладания настолько, что послал к солдатам своего сына в качестве просителя, думая, что его юность должна пробудить их сострадание. (2) Но этим

их ярость только увеличилась, и они варварски убили сына, а сразу за ним и отца. Один из солдат даже отрезал голову Максимина и доставил ее в Рим как неоспоримое доказательство их победы. Таким образом, освободившись от страха, римляне ожидали прибытия императоров из Африки.

16. Последние, однако, пропали без вести во время переезда по морю в сильный шторм, и поэтому сенат вручил всю империю Гордиану, сыну одного из названных Гордианов. Во время его правления римляне утратили свое прежнее уныние, так как император развлекал граждан играми и состязаниями. (2) Однако, все они как будто бы пробудились от глубокого сна, когда против императора был замышлен заговор. Максим и Бальбин возбуждали некоторых солдат к бунту, но заговор был раскрыт, а зачинщики и многие из их сообщников были преданы смерти.

17. Немного времени спустя от императора отпали карфагеняне, поддержавшие в качестве правителя Сабиниана **[240 г.]**. Но когда Гордиан двинулся против них с африканской армией, они возобновили свою лояльность и выдали узурпатора, тем самым получив прощение и, избавив себя от опасности **[241 г.]**. (2) Затем Гордиан женился на дочери Тимесикла, мужа, известного своей ученостью, которого он назначил префектом претория. Такая опека в общественных делах должна была стать видимой компенсацией его собственных юношеских недостатков.

18. Когда таким образом была достигнута безопасность империи, стали ждать персидского нападения на восточные провинции. Причиной этих ожиданий был Сапор - царь, следовавший после Артаксеркса, который отобрал власть у парфян для персов, подобно тому, как после времени Александра, сына Филиппа, и его ближайших преемников в Македонской державе, когда Антиох правил в восточных сатрапиях, парфянин Арсак, разгневанный казнью своего брата Тиридата, открыл войну против владений Антиоха и дал парфянам победить македонян и установить свое правление. (2) Поэтому император выступил против персов первым **[242 г.]**. Хотя римская армия на первый взгляд казалась сильнее, смерть префекта претория Тимесикла значительно снизила уверенность императора в безопасности своей персоны. Преемником Тимесикла был назначен Филипп. Тем самым расположение солдат к императору было ослаблено. (3) Филипп происходил из Аравии - суровой страны. Он беззастенчиво принялся укреплять свое положение. Уже вступая в должность, он начал домогаться высшей власти. Филипп подавил настроения солдат, которые склонялись к мятежу, а когда он обнаружил обильные запасы военного провианта (император тогда находился с армией у Карр и Нисибина), то снарядил привезшие эту провизию корабли, чтобы отправить ее дальше. Из-за этого армия, угнетенная голодом и жаждавшая еды, могла восстать.

19. План Филиппа предполагал следующее: под предлогом нехватки продовольствия солдаты должны были окружить Гордиана и убить его **[25 февраля 244 г.]**, объявив при этом, что Гордиан несет всю ответственность за потери в войске. После того, как это случилось, в соответствии с уговором, мятежники вручили пурпур Филиппу, поклялись в дружбе Сапору, и тем самым закончили войну, находясь вне Рима. Филипп наградил солдат щедрыми подарками и отправил вестников вперед сообщить, что Гордиан скончался от какой-то болезни **[июль 244 г.]**. (2) Когда Филипп достиг Рима, ему удалось завоевать расположение сенаторов с помощью своих весьма умеренных речей. Но, несмотря на эту умеренность, император раздал большинство должностей своим ближайшим родственникам. Так, своего брата Приска он сделал командующим сирийскими легионами, а войска в Мёзии и Македонии поручил своему зятю Севериану.

20. Обеспечив безопасность империи, Филипп выступил против карпов **[245 г.]**, которые грабили земли по Данубию. Когда войска сошлись, варвары не смогли противостоять атакам императора и побежали к нескольким крепостям, которые ими осаждались. Но после того, как их разрозненные силы перегруппировались, варвары собрались с духом и пошли в атаку на римлян. (2) В свою очередь, атака мавров, сражавшихся за римлян, была не менее мощной, и карпы запросили мира. Филипп с

легкостью пошел на уступки, после чего оставил места сражений. Государство серьезно пошатнулось во времена Филиппа из-за того, что восточные провинции, угнетенные налоговыми поборами и невыносимым губернатором Приском, восстали и провозгласили императором Иотапиана. Мёзийские и паннонские легионы выдвинули Марина.

21. Филипп был огорчен этими событиями и запросил у сената помощи против мятежников или же, если они недовольны его правлением, просил сместить его. Многие сенаторы высказались за Деция, известного своим происхождением, репутацией и доблестью, отметив, что все они измучены своей ненужностью государству. Ни одно восстание не нанесло такого вреда, как отсутствие согласия в сенате и падение его авторитета. (2) Как и предполагал Деций, фактически, все другие кандидатуры были исключены, а Иотапиан и Марин были подавлены минимальными силами. Однако, Филипп, знавший о ненависти войск к своим командирам в мятежных провинциях, всё еще пребывал в страхе, так как именно он поставил Деция командиром над легионами в Мёзии и Паннонии. Деций уже терял надежду навести порядок, и это грозило немалыми опасностями и ему, и Филиппу. Поэтому он использовал «фессалийский» способ убеждения и обрушился на Паннонию, чтобы покарать сторонников Марина. (3) Оценив ситуацию, Деций примерно наказал этих преступников. Воины в Паннонии решили, что в их интересах будет избавить себя от опасностей, и через некоторое время возвысили полководца более способного, чем Филипп, а также превосходящего его в искусстве политики и в военном опыте.

22. По этим причинам Деций был облачен в пурпур **[август 249 г.]** и начал свое правление с усердием. Злоба же его и ненависть были вынужденными. Когда Филипп узнал о том, что Деций был публично провозглашен императором, то собрал свои силы и двинулся на подавление мятежа. Хотя сторонники Деция признавали, что противник далеко превосходит их числом, они не теряли веры в успех, надеясь на боевое искусство и чутье дециевых полководцев. (2) И когда войска сошлись на поле боя **[сентябрь 249 г.]**, то выяснилось, что одно превосходило численностью, другое - командованием. В сражении множество филипповых воинов, включая его самого и его сына, носившего титул цезаря, были убиты. Так Деций добился власти над всей империей.

23. Воспользовавшись преимуществами полного беспорядка, который образовался из-за небрежности Филиппа, скифы переправились через реку Танаис и начали опустошать страны вокруг Фракии. Деций отразил их нападение, и не только победил во всех сражениях, но и захватил их добычу и попытался отсечь их отступление, намереваясь уничтожить их так, чтобы они никогда снова не смогли бы напасть. (2) Император послал на берег Танаиса Галла с соответствующими силами, а сам атаковал противника с отдохнувшей армией. Всё шло в соответствии с планом, пока Галл не решил восстать и не отправил послов к варварам, побуждая их вступить в союз с ним и поддержать заговор против Деция. Варвары охотно согласились и вместе с Галлом, сохранившим свою гвардию на берегу Танаиса, разделили свое войско на три части, которые заняли передовую линию после похода. (3) Когда Деций расстроил большую часть этой передовой линии, вторая армия пала под его мощью. Третью часть, уже появлявшуюся на марше, он также разгромил. Следуя сигналу Галла об атаке, варвары двинулись вперед, полностью загнали римлян в болото и изгнали беспечных в неведомые местности. Все они были затянуты в трясину, а варвары со всех сторон напали на оставшихся римлян. Деций и всё его войско погибли до последнего человека. Таков был конец прекрасного императора **[август 251 г.]**.

2. Кризис империи при Валериане и Галлиене.

Зосим. Новая история. Книга I. Пер. Н.Н. Болгова.

24. Когда Галл таким образом достиг высшей власти и провозгласил своего сына Волузиана соправителем, он всем объявил, что Деций с войском погиб из-за собственного вероломства. Успех варваров значительно возрос, (2) так как Галл не только позволил им возвратиться домой с их добычей, но и обещал выплачивать им определенную сумму в деньгах ежегодно. Он также разрешил им забрать их пленных, которые были самыми знатными из всех, захваченных при взятии Филиппополя во Фракии.

25. После такого урегулирования Галл вернулся в Рим, очень гордый миром, который он заключил с варварами. И хотя вначале он был настроен доброжелательно к правлению Деция и усыновил одного из оставшихся в живых его сыновей, (2) со временем он стал бояться, что смутьяны могли снова воззвать к Дециевой добродетели и передать власть сыну последнего. Поэтому Галл стал подготовлять его убийство, без малейшей заботы об отцовском долге или о соблюдении приличий.

26. Однако, Галл был так слаб во время своего правления, что скифы впервые ввергли в хаос все пограничные с ними провинции, а затем совершенно разорили всё вплоть до берега. Не было ни одной провинции в Римской империи, которая была бы оставлена неразоренной, и варвары брали все ближайшие неукрепленные города и даже некоторые из тех, которые считались хорошо укрепленными. Таким образом, с этой войной тяготы надавили на империю со всех сторон. Бедствия терзали города и села и разрушали всё, что было ещё сохранившимся. Ни одни беды доселе не причиняли таких страданий человеческой жизни, как эти.

27. С того времени у власти находились люди, совершенно неспособные защитить государство, и их интересы были ограничены лишь городом Римом. Готы, бораны, ругунды и карпы немедленно разграбили города Европы, захватив всё ценное, что в них еще оставалось. (2) Через некоторое время персы напали на Азию, опустошили Месопотамию и вошли в Сирию до самой Антиохии - столицы всего Востока. Там они убили множество жителей, а оставшихся в живых увели в плен. После разрушения всех частных и общественных зданий в городе, персы возвратились домой с несметной добычей, не встретив нигде ни малейшего сопротивления. Они могли легко захватить власть над всей Азией, но были слишком довольны своими богатыми трофеями и успешным возвращением.

28. Тем временем скифы, которые господствовали во всей Европе вполне беспрепятственно, переправились в Азию **[253 г.]** и разорили всё от Каппадокии до Пессинунта и Эфеса. Эмилиан, командовавший паннонскими легионами, счел за лучшее сберечь свои войска, которые не хотели рисковать сопротивляться удачливым варварам, но напомнил им об их римской чести. (2) Затем он произвел неожиданное нападение на варваров в своей округе и истребил большинство из них. После этого Эмилиан переправился на вражескую территорию, разрушил все преграды и, против всех ожиданий, освободил римских граждан от их мучителей. За это он был избран императором **[июль 253 г.]**. После этого были собраны все войска в Паннонии, которые были ободрены победой императора над варварами, и двинулись на Италию. Эмилиан страстно желал сойтись в борьбе с Галлом, к которой тот был еще не готов, (3) и не ожидал новых событий на Востоке. Так как Галл узнал о приближении Эмилиана, он попытался переломить ситуацию, отправив Валериана за галльскими и германскими легионами в Италию, но Эмилиан двигался в Италию со всей возможной быстротой. Когда войска подошли близко друг к другу, воины Галла, послушные ему, когда он был в силе, увидели, что он обречен. За трусость Галл и его сын были убиты **[август 253 г.]**, его воины перешли к Эмилиану. Таким образом, положение Эмилиана, казалось, усиливалось.

29. Тем временем, туда спешил Валериан со всеми своими трансальпинскими силами, уверенный в том, что разобьет Эмилиана, так как имел больше воинов. Однако, эти воины видели, что полководец поступает скорее в интересах рядовых, нежели командиров, и, посчитав его непригодным для того, чтобы быть императором, убили его **[октябрь 253 г.]**.

(2) Так Валериан достиг полной власти. Он был популяром и хотел стать сильным правителем, но набеги скифов и маркоманнов, опустошавших пограничные области Римской империи, подвергли большой опасности Фессалонику. Снять осаду с города удалось лишь с огромным трудом, посредством героического сопротивления горожан. Вся Греция пребывала в хаосе, (3) но вместе с афинянами восстанавливала стены их города, которые были заброшены с тех пор, как их разрушил Сулла. Пелопоннесцы же строили стену через Истм. Вся Греция принимала меры к обеспечению общеэллинской безопасности.

30. Когда Валериан отразил опасность, которая угрожала империи со всех сторон, он избрал своего сына Галлиена коллегой. Посреди всеобщего беспорядка император поспешил на Восток, выступив против персов. Войска в Европе он поручил сыну, наказав ему отбросить варваров, которые теперь оказались под огнем со всех сторон. (2) Галлиен, видя, что германцы - самые опасные из варваров - наиболее яростны по отношению к галльским провинциям близ Рейна, лично возглавил кампанию на этом направлении **[254 г.]** и приказал своим полководцам вступить в бой с варварскими силами, разграбившими Италию, Иллирик и Грецию. Он установил охрану Рейна так хорошо, что смог предотвратить теперь любое внешнее вторжение, противостоя всем, кто пытался это сделать. (3) Однако, с тех пор, как его внутренние войска были посланы против громадных орд, император столкнулся с большими трудностями, хотя он мог уменьшить опасность тем, что мог вступить в союз с одним из германских вождей. И ему действительно удалось предотвратить непрерывные набеги прочих варваров и отразить их атаки. Таково было положение на Рейне.

31. В то же самое время бораны, готы, карпы и уругунды, которые жили на Данубии, не только не оставили ни одной части Италии или Иллирика неразграбленной, но и непрерывно продолжали опустошать их безо всякого сопротивления. Бораны даже попытались переправиться в Азию и легко устроили это с помощью боспорян, которые скорее из страха, чем из расположения дали им свои корабли и показали путь при переправе. (2) Пока боспоряне имели наследственную монархию (царей, получавших власть по наследству от отца к сыну), они удерживали скифов вне Азии, вследствие своей дружбы с римлянами, торговых сношений и ежегодно посылаемых им императорами даров. (3) Однако, когда их царский род пресекся, некие недостойные и низкие люди встали во главе государства. Боясь за свою жизнь, они предоставили скифам проход в Азию через Боспор, и даже переправили их на своих собственных судах, которые взяли обратно и возвратились домой.

32. Когда скифы стали опустошать всё, что было на их пути, жители понтийского побережья удалились вглубь страны в более укрепленные места, а варвары прежде всего напали на Питиунт, окруженный огромной стеной и имевший гавань с отличным причалом. Когда Сукцессиан, стоявший во главе местного гарнизона, выступил с размещенными там силами и прогнал варваров, то скифы, теперь опасаясь, чтобы гарнизоны других укреплений, узнав об этом и соединившись с питиунтским отрядом, не уничтожили их окончательно, захватили многие суда, какие смогли, и с величайшей опасностью удалились домой, потеряв многих из своих людей, погибших в сражении под Питиунтом. (2) Так жители побережья Евксинского Понта были спасены искусными действиями Сукцессиана и даже не могли подумать, что скифы смогут переправиться через Боспор после такого поражения. Но когда Валериан отозвал Сукцессиана, назначил его префектом претория и вместе с ним занялся восстановлением Антиохии, скифы снова взяли у боспорян суда и переправились в Азию **[между 255 и 258 гг.]**. (3) На этот раз варвары удержали суда у себя, не позволив боспорянам вернуться на них домой, как в прошлый раз, и пристали к берегу близ Фасиса, который пользуется славой как город храма Артемиды Фасийской и дворца Ээта. После безуспешной попытки захватить святилище, они двинулись прямо на Питиунт.

33. Без малейшего затруднения взяв эту крепость и вырезав находившийся в ней гарнизон, варвары двинулись дальше. Раздобыв большое количество судов и воспользовавшись для плавания пленниками, способными грести, они при тихой погоде, простоявшей почти всё лето, подступили с моря к Трапезунту, большому и многолюдному городу, имевшему, кроме местного гарнизона, десять тысяч других солдат. (2) Даже напав на город, варвары и не мечтали захватить его, так как его укрепления состояли из двух стен. Видя, однако, что солдаты были охвачены ленью и пьянством, и что в конце концов они даже не выходили на стены, боясь пропустить лишний случай иметь удовольствия или пиры, скифы навалили напротив стены бревна, заранее заготовленные для подъема. Таким образом, через некоторое время, в течение ночи, они поднялись наверх и взяли город. Их стремительная и неожиданная атака ввергла солдат в панику, и хотя кое-кому удалось бежать через различные ворота города, большинство было убито врагами. (3) Так город был захвачен, варвары нашли в нем огромное количество денег и несметное число рабов. Почти все сельские жители в округе сошлись в город, потому что там имелись укрепления. После разрушения храмов, жилищ и вообще всего, что служило к украшению или увеличению города, опустошив и всю его область, варвары возвратились домой с огромным количеством кораблей.

34. Когда соседние скифы увидели привезенные боранами богатства, они возымели желание последовать их примеру, и потому построили флот с помощью военнопленных и торговцев, живших среди них. Однако, они посчитали, что не смогут плыть тем же путем, что и бораны, так как то был длинный и трудный путь по уже опустошенным местностям. (2) Поэтому эти варвары дождались зимы, а затем, оставив Понт Евксинский слева, двинулись на Истр, Томы и Анхиал направо (с их пехотой лучше всего было следовать вдоль берега). Они подошли к Филетинскому озеру, которое лежит слева от Византия, близ Понта. Найдя, что тамошние рыбаки прячутся, а их лодки находятся по дороге к озеру, варвары заключили с ними договор - доставить еще суда, на которых будет можно перевезти пехоту и переправиться через пролив между Византием и Халкидоном. (3) Несмотря на то, что вся линия берега от города Халкидона до храма у устья Понта Евксинского была занята гарнизоном, значительно превосходящим по силам вторгшихся варваров, некоторые из солдат удалились оттуда под предлогом общего соединения с полководцем, посланным императором. Другие войска были ослаблены императорским террором, от которого они безудержно бежали, как только прослышали о приближении скифов. Вследствие этого варвары немедленно пересекли пролив и захватили Халкидон без сопротивления, получив во владение множество денег, оружия и другого добра в изобилии.

35. После этого они направились к Никомедии, большому и богатому городу. Хотя известия об их приближении были на слуху, и жители смогли спастись бегством, варвары, уже сумевшие захватить огромное количество денег, немало удивились необъятным размерам добычи, которую они нашли. Поэтому все они оказали почет и знаки внимания Хрисогону, который долго убеждал их пойти к Никомедии. (2) После опустошения Никеи, Хиоса, Апамеи и Прусы, которые они прошли на том же пути, варвары дошли до Кизика, но река Риндак была так разлита дождями, что переправа была невозможной, и они отступили, сжегши по пути Никомедию и Никею. Затем, погрузив свое добро на повозки и корабли, варвары стали думать о возвращении домой. Таков был конец их второго вторжения в Азию.

36. Валериан узнал об этих событиях в Вифинии, но не смог отважиться поручить ее защиту кому-либо из своих полководцев, так как никому из них он не доверял. Поэтому император самолично отправил на защиту Византия Феликса, перемещенного из Антиохии, так же, как ранее - из Каппадокии, и возвратил его обратно только после того, как тот нанес ущерб городам, через которые он проезжал.

В то время, как Сапор захватывал одну за другой все области Востока, Валериановы войска не добились перевеса [над персами]. (2) В своей слабости Валериан

отчаялся и, не видя никакого другого средства разрешения этого кризиса, попытался купить мир. Сапор, однако, отпустил римских послов ни с чем и потребовал, чтобы император сам прибыл на переговоры, оставив все прочие дела. После этого Валериан, опрометчиво согласившись с этим требованием, выехал, необдуманно взяв с собой лишь немногих сопровождающих, на встречу с Сапором, чтобы обсудить условия мира. Император был внезапно схвачен врагом **[259 г.]**. Валериан был унижен, ввергнут в положение раба и умер в руках персов, принеся великий позор римской чести на все последующие времена.

37. Таково было положение дел на Востоке; царили бессилие и хаос. Тем временем скифы, объединившись, слились из разных племен и народов как бы в одно тело. Затем одна часть из их сил опустошила Иллирик и разграбила все тамошние города, а другая вторглась в Италию и дошла до самого Рима. (2) С тех пор как Галлиен упорно продолжал стоять по ту сторону Альп, увязнув в германских войнах, Рим оказался в чрезвычайной опасности. Сенат мобилизовал солдат в столице, а кроме того пришлось призвать сильнейших граждан. Таким образом было сформировано войско, превосходившее варваров по численности и так ужаснувшее врагов, что они отошли от Рима, но при отступлении разорили фактически всю Италию. (3) Впоследствии, когда Иллирик был в большой опасности из-за скифского вторжения, и вся сотрясаемая врагами Римская империя была на пути к гибели, невиданная чума обрушилась на ее города. Все эти бедствия произошли по вине варваров, которые, по мнению выживших счастливчиков, казались меньшим злом по сравнению с нанесшей удар эпидемией. Поэтому города, которые уже сдались варварам, совершенно обезлюдели.

38. Галлиен был потрясен этими событиями и возвратился в Рим, чтобы перенести в Италию войну против скифов. Тогда Мемор Мавр, Авреол, Антонин и многие другие злоумышляли против него, но почти все они были преданы в руки закона. Спасся лишь Авреол, затаивший свой гнев против императора. (2) После этого Постум, командовавший войсками в Галлии, охваченной мятежом, был вовлечен в эти события и, взяв солдат, которые его поддерживали, двинулся в Агриппину, крупнейший город на Рейне. Там он осадил Галлиенова сына Салонина и объявил, что будет осаждать город до тех пор, пока тот не сдастся. Принужденные этой осадой, воины сдались Постуму вместе с Сильваном, опекуном, назначенным для Салонина его отцом. Их обоих Постум казнил. Таким образом, он достиг власти над Галлией **[259 г.?]**.

39. После нашествия скифов произошло опустошение в Греции, и варвары даже захватили после осады Афины **[267 г.]**. Галлиен искал битвы с теми, кто уже захватил Фракию, и направил Одената из Пальмиры на помощь Востоку, где положение было совершенно отчаянным. Оденат соединил все возможные силы из своих собственных людей и легионов, остававшихся на Востоке **[262 г.]**, после чего решительно атаковал Сапора, отвоевав города, уже захваченные персами. Нисибин, который был взят Сапором и стоял за персов, он разгромил и сровнял с землей. (2) После этого, преследуя персов не только до самого Ктесифона, но и вдвое дальше, Оденат запер персов в их собственной столице так, что они были рады спасти своих детей, жен и самих себя в то время, пока он восстанавливал порядок в землях, уже разграбленных, где только мог. Пока Оденат находился в Эмесе, празднуя свой день рождения, он был убит **[266/267 г.]** в результате заговора. Его наследницей стала Зенобия, которая, хотя и была его женой, обладала храбростью мужчины и, с помощью друзей своего мужа, сравнялась с ним в славе своим точным и взвешенным правлением.

40. Таковы были дела на Востоке. Теперь главной новостью, принесенной Галлиену, воевавшему в то время против скифов, стала весть, что Авреол **[268 г.]**, начальствовавший над всей кавалерией, поспешил в Медиолан, в надежде опередить Постума во вторжении в Италию. Тем самым Авреол восстал и начал добиваться высшей власти. Поставленный в тупик этим обстоятельством Галлиен немедленно двинулся на Италию, поручив ведение скифской войны Маркиану, вполне опытному воину. (2)

Последний удачно повел боевые действия, но Галлиен пал жертвой заговора на пути в Италию. Префект претория Гераклиан схватил Клавдия, который был главой императорской канцелярии и входил в личное доверие императора**,** по обвинению в заговоре с целью убийства Галлиена. Непосредственный исполнитель был найден среди командиров войск далматинской конницы, которым Маркиан и поручил операцию. (3) Этот человек встал близ Галлиена на обеде и объявил: какие-то разведчики принесли сообщение о том, что Авреол со своей армией уже приближается. Эти новости ввергли Галлиена в такой ужас, что он отвратился от своего войска, сел на коня и, приказав воинам следовать за собой, бросился прочь, даже не дожидаясь своих телохранителей. Увидев его таким беззащитным, некий центурион убил его.

3. Укрепление Империи при Клавдии II и Аврелиане.

Зосим. Новая история. Книга I. Пер. Н.Н. Болгова.

41. Когда войска были умиротворены своими командирами, Клавдий вступил в сан императора **[сентябрь-октябрь 268 г.]**. На этом посту он прежде всего должен был произвести назначения ко всеобщему согласию. Авреол, который так долго хранил себя вне пределов досягаемости Галлиена, немедленно отправил послов к Клавдию и сам уступил ему власть, но был убит императорской гвардией, разгневанной его изменой.

42. Тем временем часть скифов, весьма довольная предыдущими набегами своих сородичей, вместе с герулами, певками и готами собралась на реке Тира, которая впадает в Понт Евксинский. Там они построили шесть тысяч кораблей, на которые они погрузили 320 тысяч человек. После этого они поплыли вниз по Понту и напали на укрепленный город Томы, но были отброшены от него. Поход продолжился по суше до Маркианополя в Мёзии, но и там нападение варваров потерпело неудачу. Поэтому дальше они поплыли морским путем под хорошим ветром. (2) Когда варвары достигли пролива Пропонтиды, скорость течения оказалась слишком сильной для столь многочисленных судов. Бросая их друг на друга, волна смешала их строй и сбила суда повсюду в полный беспорядок. Кормчие бросали свои рулевые весла, и из-за этого некоторые суда затонули вместе с командами. Другие были брошены моряками и сели на мель. Варвары понесли большие потери как в людях, так и в кораблях.

43. Варвары медленно двинулись от пролива Пропонтиды и поплыли на Кизик, откуда они были еще раз отброшены. Проплыв через Геллеспонт, они пристали к горе Афон, где отремонтировали свои суда. После этого враги осадили Кассандрию и Фессалонику и, подведя осадные машины на самый верх, против уровня стен, уже почти захватили эти города, но тут пришли известия о приближении императора. Из-за этого варвары двинулись внутрь страны и попытались опустошить всю местность вокруг Добера и Пелагонии. (2) Там они потеряли три тысячи человек при столкновении с далматинской конницей. Даже после таких поражений они вступили в сражение с императорской армией. В битве, несмотря на большие потери с обеих сторон, варвары разбили римлян. Тем не менее, римляне пришли в себя, сумели устроить засады для варваров на отдельных дорогах и с помощью этого перебили до пяти тысяч их них. Остатки скифов отплыли из Фессалии и Греции, разорив эти страны и, хотя они были уже не в состоянии нападать на города, которые опередили их, укрепив свои стены и другие средства обороны, варвары захватывали всё, что они еще находили в сельской округе городов.

44. Таким образом, скифы были рассеяны и потеряли большую часть своих людей **[270 г.]**. Теперь Зенобия стала проявлять такое честолюбие, что отправила Забду в Египет, потому, что египтянин Тимаген, который должен был подчинить Египет власти Пальмиры, поднял войско в 70 тысяч пальмирян, сирийцев и варваров на

противостоявших им 50 тысяч египтян [лояльных Пальмире]. В жестокой битве пальмиряне [под командованием Забды] одержали решительную победу и, после того, как они оставили в Египте гарнизон в 5 тысяч воинов, покинули страну. (2) Когда Проб, который должен был по распоряжению императора очистить море от пиратов, узнал, что Египет попал под власть пальмирян, он атаковал этот гарнизон своими силами при помощи всех египтян, враждебных Пальмире. Враг был изгнан из страны. Когда пальмиряне поднялись на новый поход, Проб собрал войско из египтян и африканцев. Там были не только победоносные воины, но и изгнанные пальмирянами из Египта. Проб занял гору близ Вавилона, чтобы преградить путь вражескому бегству в Сирию, но Тимаген, который был хорошо знаком с местностью, добился соединения с двумя тысячами пальмирян. Напав на врага, он разбил египтян. Проб сдался в плен, но вскоре покончил самоубийством.

45. Отныне Египет был в руках пальмирян. Скифы же, которые уцелели в битве с Клавдием при Наиссе, направились в Македонию, толкая перед собой свои повозки для защиты. Испытывавшие нехватку продовольствия и угнетенные голодом, как сами скифы, так и их противники находились в ужасном положении на грани гибели. К тому же римская конница нападала на скифов по дороге, многих убивая. Она направлялась к Гему, (2) где варвары были полностью окружены ею и пехотой. Враги дали последний бой, и император понял, что римляне терпят поражение в этой жестокой битве. Хотя многие римляне уже были убиты, появление конницы уменьшило степень понесенного поражения.

46. В то время, как скифы двигались вслед за римлянами, а варвары, которые крейсировали вокруг Крита и Родоса, ушли, не добившись никаких успехов, достойных упоминания, их всех охватила чума. Некоторые умерли во Фракии, другие - в Македонии, (2) а все уцелевшие были приняты в римские легионы или получили земли, став поселянами. Чума затронула также и римлян, и сразила многих из их солдат. Среди умерших был и сам Клавдий **[270 г.]**, муж выдающейся доблести. Печаль охватила его подданных.

47. После этого Квинтилл, брат Клавдия, был провозглашен императором, но прожил он [после этого] лишь пять месяцев и не совершил ничего, достойного упоминания. Затем на трон взошел Аврелиан **[конец 270 г.]**.

Некоторые писатели сообщают, что Квинтилл был уведомлен некоторыми из своих друзей, что как только стало известно о занятии трона Аврелианом, ему нужно было уйти прочь самому и охотно поддержать более способного человека. Как уже говорилось, он так и сделал, попросив врача перерезать ему вены так, что он истек кровью до смерти.

48. Аврелиан, который теперь был у власти, оставил Рим и двинулся по Аквилейской дороге в Паннонию, где, как ему было известно, скифы должны были совершить вторжение. Он послал лазутчиков, чтобы убедить людей укрыть продовольствие, скот и всё ценное от врагов в городах, чтобы таким образом ликвидировать нехватку продовольствия, которая уже начинал их беспокоить. (2) Когда варвары перешли реку, в Паннонии произошла нерешительная битва, и ночь, упавшая снаружи на обе стороны, сделала явной [римскую] победу. Однажды другой ночью варвары переправились обратно за реку, и на рассвете прислали послов для мирных переговоров.

49. Затем император узнал, что аламанны и их соседи намереваются вторгнуться в Италию. Естественно, он в большей степени был обеспокоен Римом и его соседством, чем всем остальным. Поэтому, оставив необходимые силы в Паннонии, Аврелиан двинулся к Италии. По пути, на границе близ Данубия, он вступил в бой с варварами и убил много тысяч врагов. (2) Тем не менее, его продолжал заботить Рим. Некоторые сенаторы, замешанные в тайном заговоре против императора, были привлечены к суду и наказаны. А Рим, который до того не имел стен, был укреплен. (Полностью стена была завершена

Пробом, преемником Аврелиана). В то же время Септимий, Урбан и Домициан были также по подозрению в заговоре немедленно арестованы и наказаны.

50. Так были потушены два очага кризиса - италийский и паннонский. После этого император решил пойти походом против Пальмиры, которая контролировала весь Египет и Восток вплоть до Анкиры в Галатии. Таким же образом Пальмира намеревалась подчинить Вифинию до Халкидона. Вифинцы еще не слышали о возвышении Аврелиана и сбросили пальмирскую власть **[272 г.]**. (2) С прибытием императорского войска Анкира, Тиана и все города между ними и Антиохией перешли на сторону римлян. Позднее Аврелиан убедился в том, что Зенобия собрала большое войско и хорошо подготовилась к войне. С того времени он тоже был готов к битве и двинулся ей навстречу, чтобы дать ей бой, словно оказывая почетное одолжение, рассчитывая на легкую победу и славу. (3) Однако, видя, что пальмирская конница чувствует себя очень уверенно в своей броне, сильно вооружена и значительно превосходит его в искусстве верховой езды, император поставил свою пехоту где-то в стороне, близ реки Оронт. Конница римлян была расположена так, чтобы она не напала на свежую пальмирскую кавалерию немедленно, но взяла бы ее под наблюдение. Тем самым Аврелиан рассчитывал заманить врага в ловушку так, чтобы пальмиряне не смогли спастись бегством. По его плану, когда враги увидят, что их преследователи приближаются, они бросят своих коней, изнуренные жарой и тяжестью своего оружия. (4) Именно так это и случилось. Императорская конница подчинилась приказу. Когда пальмиряне увидели врага, то они уступили ему поле боя. Конница была так утомлена, что всадники едва могли двигаться. Они остановили своих коней, а римляне развернулись и, подняв оружие, растоптали их и изрубили их коней. Резня была огромной. Многие пали от меча, многие затоптаны своими или вражескими конями.

51. Вслед за тем оставшиеся в живых пальмиряне бежали в Антиохию. Полководец Зенобии Забда, опасаясь, что жители могут повернуть свои силы против него, если узнают о поражении, нашел человека средних лет, похожего внешне на императора, и одел его так, как Аврелиан выглядел в бою. После этого Забда провел его по центру города, как если бы это был взятый в плен живой император. (2) Антиохийцы поддались на уловку, и ночь прошла спокойно. Забда с остатками своего войска и Зенобией провел отдых за городом, а затем они отошли в Эмесу. Когда прошел один день, император хотел поднять пехоту и атаковать отступающего врага с двух сторон, но, узнав о бегстве Зенобии, он занял Антиохию, где был тепло принят гражданами. (3) Найдя, что многие жители города пребывали в страхе перед наказанием за поддержку Зенобии, Аврелиан издал всеобщие указы, призывая к возвращению изгнанников, определив их действия скорее как вынужденные, нежели как добровольные.

52. Когда изгнанники увидели это, они стали собираться назад к вящей славе доброты императора. После улаживания дел в Антиохии, император выехал в Эмесу, но обнаружил, что часть пальмирян заняла высоты, господствующие над пригородом Дафны, рассчитывая на то, что их крутизна и недоступность поможет им перекрыть путь врага. Аврелиан приказал своим воинам сделать остановку при восхождении, распорядившись сомкнуть щиты и держаться вместе, чтобы в плотном строю отразить удары оружия и камни, которые могли быть сброшены на них сверху. (2) Подъем был осуществлен под умелым руководством, и когда римские воины встали против врага на равных, они сразу же обратили его в бегство. Некоторые при этом срывались, падали со скал и разбивались на части, а другие были убиты их преследователями, которые поражали их и спускаясь сверху, и поднимаясь снизу. После этой победы римляне тайно переправились через реку ... [Они] праздновали несомненные успехи императора, (3) с тех пор, как Апамея, Ларисса и Аретуза торжественно встретили его. Аврелиан нашел пальмирское войско собранным на равнине перед Эмесой в количестве 70 тысяч пальмирян и их союзников. Римляне начали бой нападением далматинской конницы, мёзийцев и паннонцев, а также галльских легионов из Норика и Реции. (4) Кроме того, римлян поддержали имперские легионарии,

мавретанские всадники, азийские войска из Тианы, Месопотамии, Сирии, Финикии и Палестины. Это были одни из храбрейших легионов империи. Палестинцы имели булавы и дубинки - лучшее из их оружия.

53. Когда войска сошлись, римская конница решила где-либо пропустить врага, чтобы обезопасить римские силы от внезапного окружения пальмирскими всадниками, которые численно намного превосходили римлян. Однако, пальмирская конница так сильно начала сражение, что в том месте, где для них был римлянами открыт проход, они даже сломали свой собственный строй. Римский план сражения против их ожидания был нарушен. Множество римлян оказалось внутри массы врагов, (2) и большинство из них было убито. После этого вся тяжесть сражения легла на римскую пехоту. Видя, что пальмирский строй был нарушен в момент прорыва конницы, римляне охватили всех сражавшихся кругом и ударили на пальмирян, которые стали в беспорядке рассеиваться. Произошло страшное избиение, так как пальмиряне сражались обычным оружием, которое использовали палестинцы - дубинками и булавами - против железных и бронзовых доспехов. Возможностью и главной причиной победы римлян оказалось смятение врагов при поразившем их нападении палестинцев с таким же оружием - булавами. (3) Пальмиряне бежали безудержно, давя всё на своем пути и поражаемые врагом в таком количестве, что равнина была усеяна телами людей и лошадей. Те, кто смог бежать, двинулись к Эмесе.

54. Конечно, Зенобия была крайне расстроена этим поражением. Она созвала совет для того, чтобы решить, что делать дальше. По общему мнению пальмиряне решили, что царица должна оставить Эмесу, так как даже ее жители отпали от нее и стали на сторону римлян. Зенобии советовали вернуться в Пальмиру, ведь все были уверены в безопасности такого сильного города, где можно было перевести дух и спокойно проанализировать свое положение во время большого отдыха. Еще ранее, чем это было сказано, это уже было сделано, и пальмиряне укрепились в своей решительности. (2) Когда Аврелиан узнал о бегстве Зенобии, он занял Эмесу и был радушно принят ее гражданами. Он даже нашел сокровища, которые были там брошены Зенобией. Затем император немедленно двинулся на Пальмиру, которую еще до его прибытия римляне окружили и осадили, отрезав массу продовольствия от нуждавшихся в нем людей. Пальмиряне глумились над римлянами, полагая, что их город неприступен, а один человек даже оскорбил самого императора. После этого некий перс, стоявший возле императора, спросил: «Каким образом Вам будет угодно увидеть смерть этого наглеца?» (3) Когда император приказал ему сделать это любым способом, перс, поставив несколько человек перед собой для прикрытия, начал охоту за человеком, который был виден над краем стены и осыпал всех римлян оскорблениями. Вскоре наглец замертво упал со стены вниз прямо перед императором и войском.

55. Осаждающие, однако, подали надежду осажденным тем, что они должны были отойти от стен из-за нехватки продовольствия. Кроме того, осажденные поняли, что римляне упорно будут продолжать осаду лишь до тех пор, пока среди них будут способные легко переносить недостаток пищи. Поэтому пальмиряне решили бежать к Евфрату и там искать помощи у персов против римлян. (2) Поэтому они посадили Зенобию на верблюда ... Верблюдицы были истощены голодом, но даже быстрее, чем на лошадях, они вынесли царицу из города. Аврелиан был разгневан бегством Зенобии и, не жалея сил, попытался найти ее, немедленно отправив всадников в погоню. (3) Они поймали царицу тогда, когда она была уже близ переправы через Евфрат, и доставили ее к Аврелиану. Император был очень доволен этим неожиданным зрелищем, но, вместе с тем, был разгневан, потому что был от природы честолюбив и понимал, что победа над женщиной не принесет ему славы в глазах будущих поколений.

56. Тем временем пальмиряне, запершиеся в своем городе, резко разделились между собой. Одни из них хотели избежать риска сражения в полную силу с римской армией. Другие проявляли смирение и покорность за стеной и просили прощения за свои

прежние деяния. Когда император получил их раскаяние и ободрил их за это, они осыпали его принесенными из города дарами и жертвоприношениями. (2) Аврелиан оказал почтение этим жертвоприношениям и принял дары, после чего отправил дарителей обратно живыми и невредимыми.

После того, как император таким образом получил власть над Пальмирой и всеми ее сокровищами, обозом и принесенными подношениями, он возвратился в Эмесу. Зенобия со всеми ее сподвижниками предстала перед судом. Оправдываясь, в ходе своей защиты она многих запутала, утверждая, что ее люди были сбиты с толку ею, потому, что она была женщиной. Среди ее сообщников был Лонгин, (3) в отношении которого, когда он был обвинен в преступлении и осужден, император лично и немедленно вынес распоряжение о казни. Известие о своей участи Лонгин выдержал так доблестно, что император даже ободрил тех, кто был сражен его приговором. Другие также понесли кару за вину Зенобии…

59. Тем временем, однако, я должен возвратиться назад к тому месту, где я остановился, и рассказать о событиях, без которых, как мне кажется, нарушился бы порядок моей Истории, или она осталась бы неполной.

Аврелиан двинулся по направлению к Европе, взяв с собой Зенобию, ее сына и всех, кто принимал участие в их мятеже. Однако, как уже было сказано, Зенобия умерла как от болезней, так и из-за отказа от еды. Остальные же пленники, спасшие ее сына, утонули при переправе из Халкидона в Византий.

60. Когда Аврелиан продолжил свой путь в Европу, пришли известия о том, что кто-то из римлян забыл в Пальмире покарать Апсея, который также нес ответственность за прежние события. Аврелиан был испытан на прочность также и Марцеллином, которого он назначил префектом Месопотамии и правителем Востока. Пальмиряне вознамерились заставить его облачиться в пурпур. (2) Марцеллин оттягивал свое решение, якобы размышляя, и когда пальмиряне стали досаждать ему своими просьбами снова и снова, он дал им двусмысленные ответы, а сам раскрыл их намерения Аврелиану. Тем временем пальмиряне облачили в пурпур Антиоха и поставили его править в Пальмире.

61. Узнав об этом, Аврелиан незамедлительно двинулся на Восток без особых приготовлений и удивил антиохийцев своей внезапностью, застигнув их во время конных скачек. Оттуда император направился к Пальмире, которую он взял и разрушил без сопротивления. Антиохию Аврелиан сохранил, считая, что не стоит ее карать из-за ее маловажности **[274 г.]**. После того, как александрийцы, враждовавшие между собой в период мятежа, быстро встали на его сторону, он с триумфом вступил в Рим, где встретил восторженный прием от народа и сената. (2) В это время Аврелиан построил роскошный храм Солнца, который украсил приношениями и жертвами из Пальмиры, и в котором поставил статуи Гелиоса и Бела. После этих успехов Тетрик и другие мятежники были легко побеждены и наказаны так, как они того заслуживали. (3) Теперь император официально выпустил новую монету после устроения государства, чтобы ликвидировать «порчу монеты» и беспорядок в финансовых делах. Римский народ был также почтен раздачами хлеба. Затем, после того, как всё это было улажено, император покинул Рим.

62. Когда он находился в Перинфе, который ныне называется Гераклеей, против него был составлен заговор **[конец 275 г.]**. Некто по имени Эрос занимал должность секретаря исходящих дел в суде. Из-за нескольких своих проступков он находился под угрозой наказания со стороны императора. (2) Опасаясь, что император может своими угрозами сделать [для государства] доброе дело, он приблизил к себе несколько очень смелых преторианцев и показал им письма, которые были похожи на императорские, но которые он сочинил сам. Обманом и проволочками Эрос хотел выиграть время. Эти письма он использовал, чтобы убедить солдат, что они могут быть репрессированы, и поэтому император должен быть уничтожен. (3) Таким образом, когда солдаты показали Эросу, что Город остался без оставивших его преторианцев, они бросились к императору с обнаженными мечами и поразили его насмерть. Император был похоронен в

подобающем месте с великим почетом, оказанным ему войском. Однако, признавая его достижения, на церемонии похорон были отмечены и опасности, которым он подверг государство.

4. Империя от Тацита до Диоклетиана.

Зосим. Новая история. Книга I. Пер. Н.Н. Болгова.

63. Тацит уже установил твердую власть во дворце в Риме и стал полноправным императором, когда скифы переправились через Меотийское озеро и опустошили Азию от Евксинского Понта до Киликии. Тацит напал на них и самолично разбил некоторых из них в сражении, а с другими заключил соглашение через Флориана, который возвысился до звания префекта претория. Флориан был назначен на эту должность для Европы. Вскоре, однако, император пал жертвой заговора и был убит по следующим причинам. (2) Он поручил управление Сирией своему родственнику Максимину, который пользовался своей властью так грубо, что сам породил к себе зависть и страх. Эти чувства, в свою очередь, послужили причиной ненависти, которая вылилась в заговор, в котором приняли участие убийцы Аврелиана. Они напали на Максимина и убили его. Заодно был убит и сам Тацит **[июнь 276 г.]** за то, что нарушил прежнюю систему военного управления для Европы.

64. Теперь положение в государстве ухудшилось вплоть до состояния гражданской войны, потому что Восток избрал императором Проба, а Рим - Флориана. Первый управлял всей Сирией, Финикией, Палестиной и Египтом, а второй - странами от Киликии до Италии, а также провинциями по ту сторону Альп, всей Африкой и Мавретанией. (2) Когда обе стороны подготовились к войне, Флориан прибыл в Тарс, где он решил разбить свой лагерь. Победа над скифами и Боспором оказалась неполной. Хотя враги уже были окружены, по указанной причине император был вынужден пощадить их и оставил места боев неудовлетворенным. Проб продолжал ранее начатую им войну против огромных сил внешнего врага. В Тарсе летом поднимается жара, а так как большая часть войска Флориана состояла из европейцев, не переносивших такую погоду, его солдаты стали жертвами ужасной болезни. (3) Когда Проб обнаружил это, он понял, что настало время нападать. Воины Флориана также и сами истощили свои силы в вылазках за город, где многие из них были перестреляны. Проб объявил об этом перед частью своего войска. После этого несколько воинов Проба пришли в лагерь Флориана и арестовали его в то время, (4) когда его собственные люди кричали, что Проб не мог отдать такого приказа. Флориан был вновь облачен в пурпур **[сентябрь 276 г.]** и отправил людей удостовериться в серьезности намерений Проба, но в этот момент был убит своими же воинами.

65. Власть в империи, таким образом, перешла к Пробу. Он двинулся в наступление. Прелюдией к его благодетельному правлению стало достохвальное решение покарать убийц Аврелиана и Тацита. Император не хотел делать это открыто из страха вызвать беспорядки. Вместо этого он точно установил круг обвиняемых и пригласил убийц на пир. (2) Когда они прибыли, надеясь воссесть за императорский стол, Проб вышел в тайную галерею, откуда мог видеть всё, что происходило, и подал сигнал к действию ожидавшим солдатам. Те свалили с ног ничего не подозревавших «гостей» и всех их убили, кроме одного, которого схватили и сожгли живьём, потому что он был опаснее всех них.

66. Некий Сатурнин Мавр очень тщательно скрывал от всех, что он - друг императора, и по этой причине ему было поручено управление Сирией. В этом качестве он изменил доверию императора и поднял мятеж. Узнав об этом, Проб решился нанести удар по нему, но его опередили восточные легионы, которые свергли вместе с Сатурнином и его тиранию. (2) Другой мятеж, который случился в Британии, произошел из-за «помощи» Викторина Мавра, который посоветовал Пробу назначить туда

правителем человека, который и разжег этот бунт. Призвав Викторина, император отчитал его за этот совет и послал его самого исправлять свою же ошибку. Мавр немедленно отправился в Британию, где сумел свергнуть узурпатора с помощью военной хитрости.

67. После подавления этого мятежа, как я уже рассказывал, Проб одержал важные победы над варварами в двух войнах **[277-278 гг.]**. В одной из них он лично принял участие, а в другой действовал через своего легата. Этот легат привлек к себе на помощь германские общины на Рейне, которые были тогда свирепейшими из варваров, лично отправившись туда. Когда война затянулась, и голод охватил всю страну, ко всем бедам добавился тяжелый ливень, который лил на поля с градом и побил множество хлебов. (2) Все были так поражены этим явлением, что люди впервые не могли отважиться коснуться зерна, чтобы удовлетворить свой голод, но когда нужда пересилила страх, они в конце концов стали печь хлеб и поедать его. Одновременно добрая удача императора, со своей стороны, также прогнала голод и легко дала преимущество римлянам в этой войне. (3) Таким же образом Проб привел и другие войны к успешному завершению без больших затруднений. Он неистово сражался в битвах, идя в бой первым против германского племени лонгионов. Разгромив их, он взял в плен их вождя Семнона и его сына, но после приема просителей, умолявших вернуть пленников в обмен на всё их имущество, он освободил всех, кого он захватил, исключая Семнона и его сына, согласившись на условия варваров.

68. Вторая великая битва Проба была против франков, которых он полностью покорил без помощи своих полководцев. После этого он сражался с бургундами и вандалами, но, видя, что его силы численно превосходят, решил отделить часть врагов и привлечь их на свою сторону. Фортуна благоприятствовала планам императора. (2) Когда войска вышли на противоположную сторону реки, римляне вызвали варваров с этого берега на бой, возбуждая их насмешками до тех пор, пока большинство из них еще не переправились. Когда войска встали друг против друга, некоторые из варваров были убиты, другие были взяты в плен римлянами. (3) И множество смертей вело дело к миру, неся римлянам надежду, что варвары сдадутся со всем имуществом. Но, хотя им было гарантировано выполнение их условий, из германцев не сдался никто. Император пришел в ярость и примерно покарал врагов, напав на них при их отступлении. Многие были убиты, в том числе и их вождь Игилл. Другие были взяты в плен. Все пленные были отправлены через пролив в Британию, где они оказались очень полезны для императора при подавлении последующих мятежей.

69. Таковы были войны на Рейне. Не должно также забывать и о действиях исавров, в то время оставленных без присмотра. Исавр Лидий склонил к разбою нравы своего народа и, окружив себя бандой подобных себе людей, грабил всю Памфилию и Лидию. Когда были отправлены войска на поимку этих разбойников, Лидий, который не имел достаточно сил, чтобы сопротивляться римскому войску, взял власть над Кремной, городом в Ликии, который словно завис на скале и был прикрыт с другой стороны глубоким ущельем. В нем он обнаружил много людей, сделавших это место своим убежищем. (2) Поскольку римляне намеревались лишь осадить этот город, осажденные своими усилиями стремились выбраться наверх [из ущелья]. Лидий снес дома, распахал землю и посеял хлеб для снабжения продовольствием осажденных в городе. Поскольку, однако, людей было намного больше, чем продовольствия, Лидий вывел тех из них, кто был наиболее молод и привлекателен, а также стариков, непригодных для обороны города. Римляне, предвидя замысел разбойника, приложили усилия для их возвращения назад в город. После этого Лидий загнал их, вызвав панику, в ущелья вокруг города. (3) Далее Лидий прорыл подкоп, хитроумно задуманный, который вел из города как раз вдалеке от римского лагеря. Ход был использован для того, чтобы выводить людей, похищать скот и добывать другую пищу. Такой способ использовался для снабжения осаждающих до тех пор, пока враг не обнаружил его с помощью женщин-изменниц. (4) Однако, Лидий всё ещё не сдавался. Вместо этого он постепенно снижал для своих людей

нормы выдачи вина и хлеба. Однако, запасы постепенно таяли, но он уменьшал неизбежность смерти всех горожан, благодаря помощи нескольких тайных сообществ, которые он считал полезными для обороны, а также некоторых женщин, которым он приказал заботиться обо всей общине.

70. Со временем Лидий решил избавиться от всех лишних людей, которые оказались там совершенно бесполезными. Один из приближенных к Лидию знал, как сделать орудия, с помощью которых он мог бы стрелять так точно, что в случае необходимости по приказу Лидия открыть огонь по врагу, цель была бы поражена без промаха. (2) Однако, когда этому воину было приказано стрелять, случайно или намеренно, произошел промах. Лидий приказал высечь стрелка и жестоко избить, словно желал ему смерти. Рассерженный наказанием и испуганный угрозами, солдат тайно покинул город при первом же удобном случае, (3) и, встретив нескольких римских воинов, он рассказал им о его наказании. Он показал им проёмы в стене, которые Лидий использовал для обозрения римского лагеря, и пообещал выстрелить в него, когда вождь выглянет оттуда как обычно. (4) Римский полководец принял это предложение. Осадные машины с солдатами впереди были расположены так, что скрывали людей. Затаившийся стрелок, как только Лидий появился без прикрытия стен, смертельно ранил последнего.(5) Когда это произошло, Лидий успел казнить нескольких своих воинов и перед тем, как он умер в великих муках, он немного перевел дух, взяв со своих солдат клятву в том, что они никогда не сдадутся. Однако, когда осада стала невыносимой для горожан, они были вынуждены сдаться. Таков был конец этого мятежа.

71. Птолемаида в Фиваиде взбунтовалась против императора и начала недолгую войну против народа коптов. С помощью своих полководцев со временем Проб одолел их вместе с их союзниками блеммиями. Когда бастарны, скифское племя, покорилось императору, он поселил их во Фракии, где они стали жить по римским обычаям. (2) Франки обратились к императору с просьбой о поселении, и им были выделены земли для проживания, но позднее некоторые из них восстали и разорили всю Грецию своим многочисленным флотом. Они высадились на Сицилии, где напали на Сиракузы и истребили там многих жителей. После этого они переплыли через море в Африку и были отбиты от Карфагена местным гарнизоном. Они были усмирены настолько, что оказались в состоянии лишь живыми вернуться домой. (3) Также в правление Проба почти 80 гладиаторов тайно намеревались убить его телохранителей и бежать из города. Грабя всё, что попадалось на пути, они соединялись со многими другими разбойниками. Это случалось неоднократно, и ряды мятежников росли, но император отправил силы, которые смогли уничтожить их. (4) Во время правления Проба, совершавшего великие деяния и правившего разумно и справедливо, на Западе вспыхнул мятеж: силы, размещенные в Реции и Норике, облекли в пурпур Кара. (5) Так как Проб имел силы для сопротивления, он попытался организовать противостояние Кару, однако, вскоре Проб остался беззащитен перед своими врагами и был разбит. Его правление продолжалось шесть лет и пять месяцев.

72. Во время своего правления Карин, сын Кара, не совершил никаких деяний, достойных памяти. В целом его правление не может быть названо хорошим, так как он подорвал свой авторитет чрезмерной мягкотелостью и жизнью не по правилам. Жертвами этого стали невинно убиенные младенцы. Никто из государственных служащих в его время не совершал ошибок. Однако, методы, которыми управлял Карин, не соответствовали его чрезмерным желаниям. Он как будто специально подбирал людей, чтобы, опершись на них, установить жестокую тиранию. Эти желания были следствием его молодости, влиявшей на все дела, но императора это совершенно не заботило...

73. В то время, когда правил Карин, сын Кара, власть и все дела в государстве никого не волновали. Тогда же на востоке произошел мятеж Нумериана. После принятия последним командования над легионами в этих провинциях Нумериан был поддержан всеми без труда из-за недовольства легкомысленным правлением и жестокостями Карина.

Новый император получил инсигнии власти от Сабина Юлиана, который исполнял обязанности префекта претория. Тем самым Карин был свергнут...

(2) Не дожидаясь распространения мятежа, Карин подготовил войска в Италии для похода против восставших легионов. Воины были распределены по соединениям, но им выплатили деньги лишь за войну против персов. Это была главная причина того, что они способствовали походу в Италию Диоклетиана, незадолго до того уже провозглашенного императором в Никомедии. (3) Тогда Карин выслал свои силы навстречу двигавшимся войскам Сабина Юлиана. В результате происшедшей битвы воины врага обратились в бегство…

Дополнительная литература:

1. Сергеев И.П. Римская империя в III в. н.э. Харьков, 1999. 223 с.
2. Циркин Ю.Б. Галлиен и сенат // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 1 (23). С. 53-70.
3. Циркин Ю.Б. Император Тацит // Studia historica. IX. М., 2009. С. 124-137.
4. Циркин Ю.Б. Альтернативная тенденция в развитии Римского государства в период «военной анархии» // Восток, Европа, Америка в древности: сб. науч. тр. XVI Сергеевских чтений / С.Ю. Сапрыкин (гл. ред.). М., 2010. С. 262-269.